

ВОСЬМОЙ

IX БАРТЕНЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ

ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ГОДЪ

РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ

ИЗДАВАЕМЫЙ

1870

ПРИ

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКѢ.

8 II 9.
04846
ПРОВЕДЕНО
1950

1. Письма И. И. Шуронцова (1757—1777) к матери, съ предисловіемъ Оболенскаго.
2. Рескриптъ Елизаветы императрицы къ графу Чернышеву.
3. Письма Екатерины II к Сиверсу 1765—1770.
4. Записочки Павла Петровича Баратынскаго къ Баратынскому. 1794—1800.
5. Письма императрицы Марии II къ почетному опекуну Московскаго Воспитательнаго Дома И. Баранову 1800—1818.
6. Изъ Записокъ адмирала Чичагова. Дѣла. 1812—1818.
7. Изъ Записокъ В. А. Жуковскаго: писемъ къ Карамзину, Дмитріеву, Козухову и письма Жуковскаго къ Дмитріеву.
8. Возраженіе генералу Рыжову, С. Кожухова.
9. А. Н. Каховской, некрологъ; Ильяна.
10. Изъ Воспоминаній о прошломъ В. Н. Репниной.
11. Еще черта для характеристики ратора Николая. М. В. Юзефовича.

Пётр Иванович Бартенеv

Липецк 2020

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЛИПЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ П.П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО»

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ПРАВА И ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
КАФЕДРА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

IX БАРТЕНЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ,
посвященной 75-летию юбилею Победы в Великой Отечественной войне

г. Липецк, 9 октября 2020 г.

Пётр Иванович Бартенеv (1829–1912)

Липецк – 2020

УДК 930.1 (109)
ББК 63.3 (2) я 43
Б 582

Печатается по решению кафедры отечественной
и всеобщей истории
института истории, права и общественных наук
ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
Протокол № 2 от 30 октября 2020 года

Информация о материалах сборника представлена в систему РИНЦ
по договору №2214-10/2014к от 9.10.2014 года

ISBN 978-5-907335-19-6

IX Бартеневские чтения: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Липецк, 9 октября 2020 года. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2020 – 451 с.

УДК 930.1 (109)
ББК 63.3 (2) я 43
Б 582

Сборник включает материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, на которой рассматривались проблемы отечественной и мировой истории, краеведения.

Для специалистов и всех, кто интересуется историей.

Редакционная коллегия:

к.и.н. Л.П. Грот, д.и.н. А.Н. Долгих, д.и.н. Л.И. Земцов,
д.и.н. В.Н. Томилин, д.и.н. В.В. Фомин

Ответственные редакторы:

д.и.н. А.Н. Долгих, д.и.н. В.Н. Томилин

ISBN 978-5-907335-19-6

© ФГБОУ ВПО «Липецкий государственный
педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Леонов М.В. Базы данных студентов ИМУ: П.И. Бартенов и его современники.....	6
Грот Л.П. Русь и южнобалтийские славяне в эпоху князя Владимира Красное Солнышко (V в.).....	11
Фомин В.В. Ультранорманизм отечественной археологии 1990-х гг.....	24
Фомин В.В. «Научный норманизм» российских археологов начала XXI в.....	44
Олейниченко А.В. О славянской Руси в Крыму.....	68
Костина И.А. Сказание о призвании варягов в исследованиях ученых XX в.	86
Ляпин Д.А. Люди, впадающие в спячку, и меховой фактор в истории средневековой России.....	89
Милосердов В.В. Кто такой крестьянин, каков порядок его отношений с властью....	92
Шевельков А.И. О взаимоотношениях власти и крестьянства в трудах В.В. Милосердова (К 90-летию академика РАН Владимира Васильевича Милосердова).....	100
Пашкова Л.В. Оценка Московско-Литовского соглашения 1372 г. в историографии.....	111
Рощупкин А.Ю. Характерные черты сторожевой службы елецких служилых людей во второй четверти XVII в.....	114
Романов Д.В. Русскоязычная историография о личности и деятельности Феофана Прокоповича.....	123
Мельникова А.Р. Участие однодворцев Задонского уезда в земельном споре А.Д. Бехтеева и Н.Р. Воейковой 1792 г.....	130
Долгих А.Н. Об использовании термина «легитимизм» в отношении Российской истории первой половины XIX в.	132
Ситникова Г.В. «Хвала, наш вихорь-атаман»: М.И. Платов глазами современников.....	145
Марков Р.С. «А дела пойдут, как должно, если вы найдете в России 50 мужей умных, добросовестных...»: Н.М. Карамзин о губернаторах.....	152
Долгих А.Н. О некоторых аспектах идеологии и практики решения крестьянского вопроса в движении декабристов.....	155
Суковицына Е.А. Взгляды А.С. Шишкова на самодержавную власть в России.....	171
Кшуманёв И.Ю. Противостояние России и Великобритании в Иране в первой трети XIX в.....	175
Козлов С.А., Марасанова В.М. «Вся награда трудов в общем благе»: хозяйственно-просветительская деятельность Дмитрия и Константина Полторацких.....	182
Канищев В.В. Деятельность властей и поведение общества в условиях эпидемий в России в XIX – начала XX вв.....	210
Буганов А.В. Отечественная история глазами русских крестьян.....	217
Лаухина Г.В. Положение крестьянских вдов и солдаток в губерниях Черноземного центра в 60–70-е гг. XIX в.	223
Аксенова Г.В. Труды В.Т. Георгиевского по истории древнерусского церковного искусства (к 160-летию со дня рождения).....	228
Вандалковская М.Г. Историческая наука и социология и их роль в развитии научного знания (конец XIX – начало XX в.).....	239
Алленов А.Н. Земельные приобретения архимандрита Антонина в Святой Земле....	244
Алленов А.Н., Житин Р.М. Деятельность Палестинского комитета по приобретению земельных участков в Святой Земле.....	249
Алленов А.Н., Житин Р.М. Русская духовная миссия и русское консульство в Иерусалиме в 1859–1864 гг. Этика взаимоотношений.....	254
Алленов А.Н. Деятельность архимандрита Антонина по созданию русской инфраструктуры на Святой Земле.....	260

Семеева С.А. Будни приговоренных к смертной казни революционеров.....	266
Сабетова М.В., Р.М. Житин Р.М. Индивидуальный книжный переплет XVIII – начала XX вв. в библиотеках тамбовских владельцев.....	272
Топильский А.Г., Житин Р.М. Стратегии эффективного природопользования в структуре производственной деятельности тамбовских помещиков в конце XIX в....	278
Житин Р.М., Шевченко И.А. Промышленные работники в структуре найма рабочей силы в тамбовских имениях в конце XIX в.....	282
Шевченко И.А., Черных Е.В. К вопросу о реакции населения на введение «сухого закона» в 1914–1925 г.....	286
Шевченко И.А., Черных Е.В. А.И. Фаресов и его путевые очерки (о «сухом законе» 1914 г.).....	292
Житин Р.М., Топильский А.Г., Шевченко И.А. Экологические и санитарные проблемы развития промышленных производств Тамбовской губернии в начале XX в....	297
Сомов В.А. «Глубокое впечатление осталось на всю жизнь...»: воспоминания о В.И. Ленине как исторический источник.....	301
Патрина Л.Н., Житин Р.М., Топильский А.Г. Национализация книг тамбовских имений в 1918–1920 гг.....	307
Патрина Л.Н., Житин Р.М. Значение частновладельческих книжных собраний в организации в организации деятельности общедоступных библиотек Тамбовской губернии в 1917–1920 гг.	313
Пахомов С.А. Советская дипломатия и «дальневосточный треугольник» 1937 г.....	318
Белоусова Л.А. Антиалкогольная кампания в конгрессистских провинциях Индии в 1937–1939 гг.....	320
Писчикова Н.П., Ю.В. Савосина Ю.В. Участники Парада Победы – педагоги РГПИ.....	322
Аргунов О.Н. К вопросу о государственной помощи колхозам Курской области в период засухи и голода 1946–1947 гг.....	327
Назарова В.В. Идеологическая работа в Тамбовском государственном педагогическом институте в 1945–1953 гг. как проявление отношений Коммунистической партии и интеллигенции.....	332
Проскурина Е.В. Отношение современного общества к личности И.В. Сталина.....	337
Уваров Г.В. Коминформбюро и его роль в эскалации советского-югославского конфликта в 1947–1949 гг.....	342
Родюков К.Н. Развитие инфраструктуры г. Липецка в послевоенные годы: 1946–1957.....	350
Трубицин А.Г. Исторические источники по изучению региональной аграрной политики в Липецкой области в 1954–1964 гг.....	355
Темникова Е.Е. Целинная кампания Н.С. Хрущева: итоги изучения в современной историографии.....	360
Томилин В.Н. Аграрная реформа 1958 г. в СССР: первые итоги.....	364
Рудакова В.А. Кашмирская дилемма на фоне холодной войны.....	376
Черешнева Л.А. «Коммунистический» штат керала в федеративной палитре Республики Индия.....	384
Земцов А.Л. Семейный бюджет жителей Липецкой области в годы перестройки (1985–1991).....	390
Голодов А.Г. Язык дипломатии и вербальное противостояние России и Запада.....	393
Буховец О.Г. Иммиграция как очередная фаза кризиса Евросоюза.....	400
Буховец О.Г. «Эра Макрона» или мираж Макрона?.....	414
Канищев Вл.В., Плужников А.Н. Власть и общество Черноземного центра России в начале XXI в.: первые итоги реализации нацпроекта «Демография».....	429

Житин Р.М. Особенности социально-экономического и демографического развития поселений Липецкой области в 2004–2019 гг.....	434
Житин Р.М. Стратегии социально-экономического развития субъектов РФ как элемент управления муниципальными образованиями (на материалах Липецкой области).....	438
Зубкова В.Л. Шатиловский лагерь.....	442
Список сокращений	446
Список авторов сборника	448

БАЗЫ ДАННЫХ СТУДЕНТОВ ИМУ: П.И. БАРТЕНЕВ И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ

Одной из актуальных проблем истории Московского университета была и остается задача воссоздания полных списков студентов старейшего вуза страны. Профессиональные историки этой задачей не занимались вплоть до конца 90-х – начала 2000-х гг., когда В.П. Пушков и его коллеги свели в единый корпус сведения о выпускниках Императорского Московского университета (ИМУ) с 1881 по 1916 год. В результате исследований этого коллектива появилось ряд публикаций, одна из которых была посвящена елецкому интеллектуальному феномену (1) и привлекла внимание автора настоящей статьи – ельчанина, выпускника с.ш. № 1 – правопреемницы Мужской гимназии, о которой шла речь в упомянутой работе. Технология баз данных не является новым инструментом в историко-архивных исследованиях, но интерес к этому подходу в последние годы вырос, что связано с увеличивающейся доступностью данных большого объема и возрастающей популярностью просопографических баз данных. Напомним, что «просопографическое исследование... имеет целью изучение отдельно взятой группы лиц в контексте социальной и политической истории» (2). Таким образом, задача поиска и структурирования данных по современникам П.И. Бартенева – типичная задача создания просопографической базы данных. Это лишь один из примеров, подтверждающих актуальность обозначенной выше проблемы.

Вот поэтому уже более 10 лет на факультете вычислительной математики и кибернетики МГУ выполняется проект по созданию годичных баз данных студентов ИМУ (3). Проект по автоматизации историко-архивных исследований является хорошим полигоном для обучения студентов, так как факультет, кроме всего прочего, должен готовить специалистов, способных облегчить труд исследователей различных областей, в том числе и историко-архивной сферы. Информацию для таких БД нужно было собирать из различных источников. Это, во-первых, ставшие антикварной редкостью «Алфавитные списки студентов ИМУ...», а также некоторые «Отчеты о состоянии и действиях Императорского Московского университета...». Основной корпус материалов по студентам ИМУ хранится в фонде 418 Центрального архива города Москвы (ЦГАМ). К сожалению, лишь малая часть этих материалов оцифрована, и поиск по нужной персоналии часто представляет значительные трудности (4). Целью настоящей работы является, в первую очередь, демонстрация возможностей разрабо-

танных нами годовых БД для выяснения однокурсников, а также данных по другим студентам, которых можно назвать современниками П.И. Бартенева. Эти БД фактически являются ключами для поиска их дел в ЦГАМ. В этом их отличие от корпуса данных, собранных коллективом В.П. Пушкова. Сложность поиска документов, связанных с учебой конкретного студента, весьма зависит от времени обучения. Если речь идет о диапазоне с 1881 по 1917 гг., то это не слишком сложно, особенно когда известен год поступления: описи упорядочены именно по году поступления и содержат алфавитный указатель фамилий. Но для середины XIX в. ситуация другая. Документы о поступлении П.И. Бартенева удалось найти в деле под названием «О принятии учеников Рязанской гимназии» (5): на листе 47 – его метрическое свидетельство, на листе 56 – оригинал аттестата об окончании Рязанской гимназии. Для большинства его однокурсников сохранились дела о принятии в студенты, в названии которых указана соответствующая фамилия. Таковы дела о приеме П. Безсонова, И. Сипягина, С. Зеновича, и др. В ходе выполнения проекта мы составили ряд таблиц для поиска дел в фонде 418 ЦГАМ, одна из которых пригодилась и при поиске дел о поступлении, учебе и ее завершении студентов – современников П.И. Бартенева, учившихся с 1845 по 1852 гг.

Таблица 1. Соответствие номеров описей годам поступления студентов в описях дел Совета ИМУ (описи 14–22)

Год поступления	Номер описи	Год поступления	Номер описи
1845	14	1849	18
1846	15	1850	19
1847	16	1851	20
1848	17	1852	21

Для подготовки БД по студентам середины XIX в., а значит, первичными источниками определения однокурсников П.И. Бартенева для нас послужили «Отчеты о состоянии и действиях Императорского Московского университета...» за 1847–1851 гг. (6). На основе этих документов были созданы соответствующие годовые базы данных и получены данные таблиц, одна из которых приведена ниже (см. табл. 2). Разумеется, одних баз данных недостаточно для реконструкции истории Московского университета середины XIX в. Тексты уже упомянутых «Отчетов...» были сфотографированы и стали важными элементами цифрового архива, разработка которого была поддержана директором Музея истории МГУ А.С. Орловым. Базы данных стали центральными элементами этого архива, который пополняется электронными фотоко-

пиями архивных документов, справочников и отчетов. Приведем цитату из отчета за 1848 г., характеризующую П.Н. Бартенева и его однокурсников: «В продолжение академического года поданы были лучшие упражнения: а) по классу русской словесности у ординарного профессора Шевырева: студентами 1-го курса I-го отделения философского факультета 125 упражнений. Лучшие из них принадлежат студентам Петру Бартеневу, Петру Безсонову и Александру Прейсу, которые соединенными силами трудились над составлением словаря древних слов по памятникам словесности XI-го и XII столетий. Сверх того, студент Петр Васильчиков представил замечательное по трудолюбию сочинение: о Данииле Галицком, Иван Филаретов: Историю замечательных духовных лиц по Лаврентьевскому списку Несторовой летописи, Петр Бартенов: о происхождении грамматических форм и их влиянии на развитие идей, пер. из Гумбольдта» (7).

Таблица 2. Однокурсники П.И. Бартенева по философскому (затем историко-филологическому) факультету, которые были его однокурсниками на протяжении всего срока обучения (1847–1851 гг.)

Фамилия, имя	Происхождение	Место предыдущего обучения
Архангельский Василий	Из дворян	2- ая Московская гимназия
Бартенов Петр	Из дворян	Рязанская гимназия
Безсонов Петр	Из дух. зван.	Московская семинария
Васильчиков Петр	Из дворян	1- ая Московская гимназия
Возницин Николай	Сын уч. уезд. уч.	Владимирская гимназия
Глебов Иван	Из дух. зван.	Харьковский ун-т
Залесский Борис	Из дух. зван.	Смоленская гимназия
Зедергольм Карл	Сын пастора	пансион Энеса
Зенович Станислав	Из дворян	дом родителей
Казанович Алексей	Из дворян	Моск. Дв. Инст.
Кашкадамов Иван	Из восп. М.В.Д.	Моск. Восп. Дом
Костинский Иван	Из дворян	дом родителей
Маракуев Иван	Из поч. гражд.	Ярославская гимназия
Маркевич Дионисий	Из дворян	дом родителей
Микуцкий Станислав	Из дворян	дом родителей
Мыкыртычьянц Степан	Из об.-оф. дет.	дом родителей
Новиков Николай	Из купцов	1-ая Московская гимназия
Павлов Василий	Из мещан	1- ая Московская гимназия
Попов Николай	Из об.-оф. дет.	1- ая Московская гимназия

Фамилия, имя	Происхождение	Место предыдущего обучения
Прейс Александр	Из дворян	1- ая Московская гимназия
Сабинин Дмитрий	Из дух. зван.	дом родителей
Собчаков Владимир	Из дворян	Рязанская гимназия
Терновский Григорий	Из дворян	дом родителей
Филаретов Иван	Из дух. зван.	Тверская семинария
Шереметевский Александр	Из восп. М.В.Д.	Моск. Восп. Дом

Некоторые сокращения в табл. 1, которые, в основном, сохранены такими, какими они приведены в указанных первоисточниках (8), требуют пояснений. В столбце «Происхождение» сокращение «Сын уч. уезд. уч.» означает «сын учителя уездного училища», сокращение «Из восп. М.В.Д» – из воспитанников Московского воспитательного дома, сокращение «из об.-оф. дет.» – из обер-офицерских детей, «из дух. зван.» – из духовного звания, «из поч. гражд.» – из почетных граждан. В столбце «Предыдущее обучение» сокращение «Моск. Дв. Инст.» – Московский дворянский институт, «Моск. Восп. Дом.» – Московский воспитательный дом.

Если сравнить списки однокурсников Бартенева по всем 4 годам обучения, то бросается в глаза низкая «текучесть» этого курса. Наибольшее изменение произошло между 1 и 2 годами. К курсу добавились Фауссек Франц (из иностранцев, учившийся в Венском университете, Шопов Иван (из болгар, окончивший гимназию в Афинах), Сипягин Иван (из обер-офицерских детей, окончивший Тверскую гимназию), Соколов Василий (из обер-офицерских детей, учившийся ранее в Харьковском университете) и Соколов Павел (из духовного звания, окончивший Московскую семинарию), исчезли Крылов Ростислав (из духовного звания, окончивший Вифанскую семинарию), Терновский Иван (из духовного звания, окончивший 1-ю Московскую гимназию), Ровинский Константин (из дворян, окончивший Смоленскую гимназию), Мейендорф Александр (из лифляндских дворян, получивший домашнее образование), Шереметьевский Иван (из воспитанников Московского Воспитательного Дома). Только один год, на 2 курсе, с Бартеневым учился Горностаев Николай (из духовного звания, окончивший Рязанскую гимназию), а также упомянутые Шопов, оба Соколовы. На 3 курсе появился Голицинский Владимир (из воспитанников Московского Воспитательного дома) и Дерюжинский Федор (из дворян, окончивший 1-ю Московскую гимназию). На 1 курсе было 27 человек, на 4-м – 30. В 1851 г. окончили универ-

ситет с присуждением звания кандидата – 17 человек, удостоены звания действительного студента – 11 (9).

Уже с первого курса П.И. Бартнев обратил на себя внимание профессоров (10). Отметим еще несколько имен, оставивших след в русской культуре и принадлежавших людям, учившимся на философском (историко-филологическом факультете) в одно время с Бартневым. Афанасьев Александр Николаевич (1826–1871) – фольклорист, историк литературы и этнограф, журналист, библиограф. Окончил Воронежскую гимназию, учился в ИМУ с 1844 по 1848. Гильфердинг Александр Федорович (1831–1872) – славяновед, фольклорист (собиратель и исследователь былин), член-корреспондент Петербургской Академии наук. Учился в ИМУ с 1848 по 1852. Иловский Дмитрий Иванович (1832–1920) историк, публицист, автор пятитомной «Истории России», уроженец Раненбурга (Чаплыгина). Окончил, как и П.И. Бартнев, Рязанскую гимназию. Учился в ИМУ с 1850 по 1854 гг. Этот список, разумеется, не полон. Добавим здесь еще лишь одного весьма интересного однокурсника П.И. Бартнева – Зедергольма Карла Альбертовича (1830–1878), более известного под именем иеромонаха Климента (в миру Константин Карлович Зедергольм, при рождении Карл Густав Адольф Зедергольм, нем. Karl Gustaf Adolf Sederholm) – иеромонах Русской православной церкви, насельник Оптиной пустыни.

Одним из направлений дальнейшей обработки отчетов университета должна стать база данных профессоров и преподавателей, включающая данные по курсам, которые они читали. Сейчас мы ограничимся лишь перечислением профессоров, лекции которых наверняка слушал П.И. Бартнев. Это декан 1-го отделения философского факультета Степан Петрович Шевырев (1806–1864), Тимофей Николаевич Грановский (1813–1855), Федор Иванович Буслаев (1818–1897), Михаил Петрович Погодин (1800–1875), Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879). Известно также, что П.И. Бартнев посещал лекции по зоологии Карла Францевича Рулье (1814–1858) на естественном отделении университета.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пушкин В.П., Пушкин Л.В., Завьялов С.М. Елецкий интеллектуальный феномен (Воспитанники Елецкой гимназии – выпускники Московского университета. 1881–1916 гг.) // Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина: история и современность. Елец, 2004. С. 52-65. (Впервые опублик. в изд.: Философия хозяйства. 2004. № 4. С. 9-20).
2. Проскурякова М.Е. Просопографические базы данных как инструмент работы с массовыми источниками в современной историографии // ПИЖ. 2016. № 3. С. 191. URL: <https://rucont.ru/efd/553901>.

3. Леонов М.В., Баула В.Г., Козырев В.В. Конфедеративная база данных по студентам Московского университета до 1917 года // ВМУ. Сер. 15. Вычислительная математика и кибернетика. 2014. № 4. С. 34-36.
4. Леонов М.В. Опыт автоматизации поиска персональных данных студентов Московского университета за 1813–1917 гг. по документам ЦГА Москвы // Отечественные архивы. 2020. № 4. С. 37-43.
5. ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 16, Д. 414. Л. 47, 56.
6. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1846–1847 академический и 1847 гражданский годы. [М., б.г.]; Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1847–1848 академический и 1848 гражданский годы. [М., б.г.]; Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1849–1850 академический и 1850 гражданский годы. [М., б.г.]; Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1850–1851 академический и 1851 гражданский годы. [М., б.г.].
7. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1847–1848 академический и 1848 гражданский годы. С. 36.
8. См. литературу к № 6.
9. Краткий отчет о состоянии Императорского Московского университета за 1852 гражданский год. [М., б.г.]
10. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1847–1848 академический и 1848 гражданский годы. С. 36.

Л.П. Грот

РУСЬ И ЮЖНОБАЛТИЙСКИЕ СЛАВЯНЕ В ЭПОХУ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА КРАСНОЕ СОЛНЫШКО (V в.)

В моей статье «О князе Владимире Красное Солнышко», опубликованной в Ученых записках НовГУ им. Ярослава Мудрого, на основе анализа русских и западноевропейских источников показано, что герой русских былин князь Владимир Всеславич Красное Солнышко и князь Владимир Святославич Святой – две разные исторические личности, принадлежавшие к разным эпохам. Время правления князя Владимира Всеславича соответствовало времени владычества гуннского правителя Атилы, т.е. первой половине V в., и его прозвание Красное Солнышко было не проявлением ласкового отношения к нему народа, а маркировало его конфессиональную характеристику – поклонение Солнцу как проявлению божества, составлявшего основу системы дохристианских верований. Князь Владимир Святославович вошел в историю как проводник христианства, т.е. как Креститель Руси, за что и получил прозвание Святой (1). Таким образом, обращение к реальной истории изучения личности князя Владимира Красное Солнышко возвращает русской истории около 500 лет, потерянных в ходе распространения в России западноевропейских утопий, объединившихся в системе взглядов, известных как норманизм. Дальнейшее изучение эпохи

князя Владимира Красное Солнышко поможет восполнить многие другие пробелы в истории древнерусской государственности, а также в истории межэтнических контактов Древней Руси с ее соседями. Как справедливо писал С.Н. Азбелев, время правления данного князя Владимира – исторический этап чрезвычайной значимости, поскольку он был правителем Руси в период, когда она подверглась нашествиям гуннов, а территория, подвластная эпископу князю Владимиру, согласно известным источникам, включала земли от моря до моря, простираясь далеко на восток, и превосходила, как видно, размеры позднейшего Киевского государства X в. (2).

В работе над сюжетом о князе Владимире Красное Солнышко я использовала, среди прочих материалов, такой источник, как памятник германского раннесредневекового эпоса, известный под названием Тидрексага, который уникален тем, что в нем наряду с вождем гуннов Атиллой и правителем готов Тидреком – прообразом короля готов Теодориха, фигурировали русский витязь Илья и русский король Владимир. Тидрексага сохранила ценнейшие сведения об отношениях русского короля Владимира, отождествляемого в вышеупомянутой статье с князем Владимиром Всеславичем, вошедшим в былины с прозвищем Красное Солнышко, и других представителей его княжеского рода с правителями славянских вильцев или вельтов-велетов, владения которых включали и земли на южнобалтийском побережье. История этих отношений показывает, что оживленные контакты связывали Южную Балтию и Русь с древнейших времен и носили самый разнообразный характер, включая и междинастийный обмен задолго до призвания Рюрика. Рассмотрение этого важнейшего для русской истории вопроса – вопроса об истории взаимоотношений Руси и южнобалтийских славян в V в. – и станет предметом данной статьи.

Помимо перевода на русский язык фрагментов Тидрексаги, известного как приложение к работе А.Н. Веселовского «Русские и вильтины в саге о Тидрике Бернском (Веронском)», я пользовалась и шведским переводом саги, изданном в первой половине XIX в. (3). Тидрексага – уникальный источник, где фигурируют вождь гуннов Аттила, правитель готов Тидрек – прообраз короля готов Теодориха, правитель Руси Гертнит и его сыновья король Владимир и король Осантрикс. В числе своих героев Тидрексага называет и короля по имени Вилькин. Этот король, согласно саге, славился мужеством и воинственностью. Когда-то он подчинил своей власти страну, которая стала называться по его имени Вилькинией (Wilkinaland), поскольку тогда, разъясняется в саге, был такой обычай, чтобы страна и народ получали название от имени правителя. Согласно этому обычаю, по имени короля Вилькина страна стала назы-

ваться Вилькинией, а народ – вилькинами. А сейчас (т.е. в XIII в.) эти земли, сообщается в саге, называются Свитьод и Гауталанд, а также Сконе, Зееланд и Винланд. Таким образом, говоря современным языком, король Вилькин правил в нынешней южной Швеции, на датской Зеландии и на южнобалтийском побережье.

В саге повествуется о том, что как-то задумал король Вилькин совершить поход на Русь (Rydzeland). В то время на Руси правил король по имени Гертнит. Кроме Руси, под его властью находились такие страны как Pullernaland/Pullinaland, Greken, Ungaria и др. Стольным городом Руси являлся Nogard (Новгород). Тидрексага описывает Гертнита могущественным и богатым правителем. В его стране было много городов и крепостей. И это соблазняло соседних правителей приходить на Русь с грабительскими походами. Так поступали Аттила и Тидрек, так поступил и соседний король Вилькин. Он напал на Русь (Rydzeland) с большими силами. Его войска жгли и грабили все на своем пути, захватили множество крепостей и наконец, приблизились к Новгороду. Король Гертнит встретил врагов с большим войском. Долго продолжалось сражение, много русов погибло, но победа осталась за Вилькином. Гертнит принес Вилькину клятву верности, стал его данником и был оставлен правителем Руси. Через какое-то время Вилькин заболел и на смертном одре завещал свой престол старшему сыну Нордиану. Прослышав об этом, Гертнит посчитал себя свободным от клятвы Вилькину, собрал всех, кто мог носить оружие, набрал большое войско и отправился в страну Вилькина. Там ему удалось разбить войско Нордиана. Люди Нордиана бросили его, и тому не оставалось ничего другого, как подчиниться Гертниту и сделаться его данником. Нордиан получил в управление Зеландию и Свитьод. Таким образом, правитель Руси Гертнит стал верховной властью над землями на южнобалтийском побережье, а также над землями будущих Дании (Зеландия) и Швеции (Сконе, Свитьод и Гауталанд). Прошло время, и король Гертнит состарился. У него было три сына: старший сын Осантрикс, младший Владимир и сын Илиас от наложницы. Чувствуя приближение смерти, король Гертнит разделил свои владения между сыновьями. Осантрикс получил титул короля и земли вилькинов, Владимир также получил титул короля и Русь вместе с Pullernaland/Pullinaland, а Илиас получил важный пост в Греции и титул ярла. У Нордиана, правившего на Зеландии, было четверо сыновей: Аврод, Эггерт, Аспиан и Видвилс. После смерти Нордиана потребовал Осантрикс клятвы верности от его сыновей и сделал Аспиана конунгом в Зеландии (4). Таким образом, согласно Тидрексаге, в V в. южнобалтийское побережье и Скандинавский полуостров находились под властью правителей Руси – сначала при Гертните,

затем при братьях Владимире Красное Солнышко и Осантриксе. В Тидрексаге представлена весьма пестрая картина событий, разворачивавшихся в V в. и охватывавших земли Руси, южнобалтийские земли и часть Скандинавского полуострова. Поскольку рукопись саги появилась в Норвегии в середине XIII в. и в ней упоминались такие топонимы как Свитьод, Гауталанд, Сконе, то она в свое время привлекла внимание шведских деятелей, и в середине XV в. был сделан перевод саги на шведский язык. Финский историк А. Латвакангас полагает, что к шведскому переводу привлекалась не только норвежская рукопись, но и версии, имевшие хождение в Германии (5).

В указанную эпоху в Швеции начинал набирать силу готицизм – североευропейское идейно-политическое движение, направленное против антиготской пропаганды итальянских гуманистов. Странники готицизма стремились возродить и показать великое историческое прошлое древнего народа готов, прямыми потомками которого считали себя народы Германии и скандинавских стран. Особая роль здесь выпала на долю Швеции, поскольку часть Швеции носила название Геталанд, и по созвучию шведскую Геталанд провозгласили прародиной готов (6). Готицизм с самого начала развивался при активной поддержке правителей североευропейских стран. Так, идеи готицизма интересовали шведских правителей периода Кальмарской унии (уния между Данией, Швецией и Норвегией, существовавшая с перерывами с 1389 г. по 1520-е гг.), поскольку в них усматривалась возможность для культурно-идеологического обоснования стремления шведской знати разорвать Кальмарскую унию – унию Дании, Швеции и Норвегии под верховенством датских королей – и восстановить суверенитет шведской короны. Отыскание и подбор аргументов, которые доказывали бы первенство и особое положение Швеции в реконструируемой древней истории готов, становилось насущной политической задачей. В силу этого небезосновательно предположение о том, что именно по инициативе шведского короля Карла Кнутссона (1408/1409–1470) были созданы такие произведения как «Прозаическая хроника» (*Prosaiska krönikan*), характеризующаяся как первая попытка написания шведской истории, и «Малая рифмованная хроника» (*Lilla rimkrönikan*), которая являлась стихотворным переложением «Прозаической хроники». В этих хрониках использовались фрагменты из Тидрексаги, но переработанные в духе шведского готицизма. Король Вилькин предстает в них одним из героических предков шведских королей, покорившим полмира, включая Россию и Прибалтику. В шведской версии Тидрексаги к списку древнешведских королей был приписан и правитель Руси Гертнит. Латвакангас с иронией отметил, что шведских интерпретаторов Тидрексаги не смутил тот момент,

что династия шведских королей, получалось, восходила к русскому правителю – завоевателю Вилькинии или Вилькиналанд, т.е. древней Швеции, по мысли создателей хроник (7).

Мысль о том, что король Вилькин из Тидрексаги – предок шведских королей, а вилькины – это шведы, коренные жители Вилькинии, надолго закрепились в исторической мысли Швеции. В 1715 г. текст Тидрексаги под названием «Вилькинасага» (Wilkinasaga) был опубликован Ю. Перингшельдом, младшим современником и единомышленником О. Рудбека по части создания фантазийной шведской истории. Перингшельд был очень важной фигурой в мире шведской культуры и науки, занимал значимый пост главы Королевского ведомства древностей (Riksantikvarieämbetet). Поэтому благодаря его публикации Тидрексаги произвольно приписанные к истории Швеции события из нее получили статус признанного исторического материала по шведской истории. Но сейчас известно, что Вилькиналанд в Тидрексаге – это страна велетов/вильцев (лютичей) – славянского народа, населявшего в средневековье обширный ареал от восточноевропейских земель до Одера и Эльбы. Крупнейший русский исследователь теории народного эпоса А.Н. Веселовский посвятил Тидрексаге работу «Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском», где достаточно подробно рассматривает и образы правителей Руси, и образы правителей страны велетов/вилькинов. Веселовский считал, что страна вилькинов – это и вендские земли между Эльбой и Одером, и земли по южнобалтийскому побережью, уходившие внутрь по течению Западной Двины. Вильтин, писал он, это – эпоним славянских вильцев, вельтов-велетов. Веселовский напомнил, что уже Птолемей упоминал народ вельтов на восток от Вислы за вендами, заселявшими ближайшую часть побережья вендского залива. Спустя несколько столетий (с 798 по 1157 г.), указывал он, мы встречаем велетов/вильтинов (велетабов-вильцев) западнее, на том же балтийском побережье между реками Варной, Одером и Гавелем. Есть указания, обращал внимание Веселовский, на пережитки «птолемеевских» велетов в Смоланде: в прусских грамотах XIII в. попадает мужское имя Velot. Франкский историк Эйнгард, впервые упоминающий позднейших велетабов-вильцев в числе славянских и айстских народов на южном берегу Балтийского моря, называет их славянами, имена их князей – славянские: Драговит, Любый, Милогость, Цьлодраг. Но Веселовский отмечал и распространение имени велетов в Белоруссии, Малороссии, России вплоть до Сибири. Велетам соответствовали здесь парные формы *волтъ и *велтъ в значении исполин. В малорусском языке слову волот соответствовали велеть, велетень. Веселовский приводит интерес-

ные народные предания, в которых действуют волоты, а также представляет топонимы, в которых отразилось слово волот/велет (8).

Приведенные данные из исследования Веселовского позволяют развить затронутую им тему о древних связях южнобалтийских славян и русских земель. Слово волот/велет, действительно, широко представлено в топонимике России и Белоруссии, что говорит о глубокой древности этого названия. В России такие топонимы чаще всего встречаются в северной и центральной частях страны. Так, реку Волотию, впадающую в Ильмень-озеро, выделил в одном из летописных вариантов Ф. Гиляров. Кроме этого, есть две реки Велетми, впадающие в Оку. В Верхнем Поднепровье есть р. Велетовка и р. Волотынь (Волотыня); р. Воложба (правый приток Сяси) в Бокситогорском и Тихвинском районах; р. Волошня близ Волоколамска Московской обл.; р. Волоть близ Тулы, озеро Волотовское под Костромой и т.д.

Помимо гидронимов, названия от слов *волот/велет* давались историческим местам и населенным пунктам. Известно Волотово поле близ Волхова, где, по преданию, захоронены новгородские богатыри и правители, в том числе и легендарный Гостомысл, дед Рюрика. К этому добавляется и Волотово городище, которое упоминается в «Росписи рекам поморским, морским берегам от устья реки Тенуя» по книге Большого Чертежа: «..от Таз реки морским берегом 20 верст, пала в море речка Денга да речка Воема, .. а промеж тех речек Волотово городище» (9). Есть Волотово городище в Западной Сибири за р. Таз (кн. Большого чертежа), на которое указывал и Веселовский. Из населенных пунктов можно назвать с. Волотово в Новгородской области, где в 1352 г. была воздвигнута церковь Успения Богородицы. На Верхней Волге есть д. Волотово Буйского района в Костромской области. Можно также указать на д. Волоть на речке Волоть близ Тулы; с. Волотово в Лебедянском районе Липецкой области; с. Волотово в Чернянском районе Белгородской области; с. Волотово в Лежневском районе Ивановской области и многие другие. Местные названия с основой «волот» или «велет» известны в Белоруссии, в Белорусском Подвинье. В бассейне р. Оболи есть д. Волотовка. Урочища Волотовки зафиксированы в низовьях Лужесянки у д. Каховка, южнее Западной Двины, к западу от Лукомского озера. В верховьях Лучесы отмечено название хутора Волотово. Восточнее Лучесы у д. Жерносеки имеется урочище под названием Волотовки. В окрестностях Витебска XVII–XVIII вв. упоминались слобода Волотовка за Двиною и урочище Волотовки.

Особая атмосфера окружает топонимы с названием Волотова гора. На севере Ивановской области есть Волотова гора, которая имеет правильную курганную фор-

му и признана как памятник истории и культуры IX–XII вв. Сохранилось предание, что под курганом зарыт великан или богатырь Волот. Известны случаи наречения Волотовыми могилами скоплений новгородских сопок. Во Владимирской области есть Волотовы горы близ Муромы и Волотовы могилы за Клязьминским городком. Известны Волотова могила у Переславля Залесского и Волотова могила в устье р. Красивая Меча при впадении в Дон. Считается, что по названию этого кургана названо и вышеупомянутое село Волотово близ г. Лебедянь в Липецкой области. Это село – одно из древнейших селений в регионе. В писцовых и межевых книгах первое упоминание о нем встречается 1627–1628 гг., как слобода Волотова Могила (10). Вообще говоря, такое специфическое проявление топонима с волотами/велетами как могилы обращает на себя внимание. Известны погребальные насыпи с терминами *волотовка*. Они исследовались З.М. Сергеевой, которая отмечала, что наибольшая концентрация таких названий отмечается в Витебском районе. Термин «волотовка» и топонимы от него были неоднократно встречены в Полоцком Подвинье, единично указаны в восточных районах Латвии, обильно зафиксированы к югу от Западной Двины, включая северные районы Минской области. Кроме того, они единично отмечены к северу от региона в бывших Луцком и Невельском уездах и в некоторых районах Смоленской области (11). Примеров топонимов от слова волот/велет много больше, но для данной статьи их приведено вполне достаточно для того, чтобы продемонстрировать их особую значимость для русской традиции.

В некоторых преданиях волоты назывались народом. Согласно «Словарю древнерусского языка», волот это – великан. В словаре В. Даля *волот*, *велеть* в южных говорах – это гигант, великан; богатырь, человек необычайного роста, а иногда и силы; в Сибири сохранились предания о том, что целый народ волотов заживо ушел в землю. О Волотовых горах в Буйском уезде Костромской области был записан следующий рассказ: "Близ имения Г.Н. Глаголева «Ивановское» есть Волотовы горы... они, по преданию, накопаны были жившими здесь великанами по имени Волоты. Они были так велики, что, занимаясь кузнечным делом, передавали друг другу топоры на другой берег реки" (12). На Русском Севере сохранились предания о том, что в старину имя Волота использовалось и как племенное название, и как имя легендарных предков, в честь которых отправлялись культы и жертвоприношения: «Волоты. Некоторые летописцы объявляют, что в древние времена около Вологды и Кубенского озера... прежде просвещения крещением обитали народы, сим именем называвшиеся по тому, что почитали за богов Волотов, великанов... коим и жертвы приносили» (13).

В белорусском фольклоре сохранились предания о героических богатырях осилках-волотах, которые приурочивались в Себежском уезде к деревьям Заборищи и Иваниха на р. Варуха, где будто бы жили героические исполины. В Смоленской губернии была записана легенда, в которой волоты выступали родоначальниками местного населения. В часовне д. Сидорок Рославльского уезда Смоленской губернии, на пограничье белорусской и великорусской этнической территории, хранилось до XIX в. как священная реликвия гигантское поленовое топориче. По убеждению местных крестьян, оно было от топора исполина-волота Сидора, с именем которого связывались легендарные героические предания и который почитался родоначальником крестьян д. Сидорок. Ряд фактов почитания белорусскими крестьянами в конце XIX в. ископаемых каменных топоров, которые, по мнению крестьян, были сброшены с неба, привел Д.Н. Анучин в статье «Из поездки к истокам Волги и Днепра» (14). Имя Волот/Велет в форме Валит/Валет известно и как личное имя исторических или полупоэтических лиц. В «Преданиях русской начальной летописи» Ф. Гилярова находим такую запись: «И посла (Рюрик) воеводу своего именем Валета и половеца Корелу и дань на них возложи. Умре Рюрик в войне в Кореле». Гиляров приводит и второй вариант этого известия: «Ходил князь великий с племянником своим Олгом воевати лопи и корелу. Воевода же у Рюрика Валит. И половеца и дань на них возложиша... лета 6387-го умре Рюрик в Кореле в войне; тамо и положен бысть в городе Кореле...» (15). Об этом Валите сохранились также предания в связи с его победой над «немцами» (т.е. норвежцами) у поселения Варенга в Мурманской земле. В честь победы Валит воздвиг огромный камень и около него «оклад в 12 стен», названный Вавилоном. Аналогичный оклад был сделан в Коле. К концу XVI в. эти сооружения в Коле были разрушены, а в Варенге еще оставались. Легендарный камень здесь продолжал называться Валитовым (16).

Приведенные материалы о распространенности слова *волот/велет* и имени Волот/Велет показывают, что за ними – дань памяти объекту священного поклонения. И имя Волот/Велет должно было быть связано с образом божества или мифического обожествленного первопредка, следы культа которого сохранились на Русском Севере до исторически верифицируемого периода. Устойчивость культа, а также широкие границы его распространения, фиксируемые топонимикой (от Русского Севера и Новгородчины до Верхнего Поднепровья на юге, охватывая Полоцкое Подвинье и северные районы Минской области на западе, а также заходя в Сибирь и т.д.), говорят о его значительной роли в жизни наших предков. Это божество известно и под другим

именем, что для сакрально-мифологической традиции является обычным явлением: древние божества, как правило, являются во многих обличьях и имеют много имен. Другое иносказательное прозвание интересующего нас божества – Волос/Велес, являющееся одним из самых древних божеств русского пантеона. Теоним Волоса/Велеса прочно связан как раз с ареалом, очерченным вышеприведенной топонимикой со словом велет/волот, но содержащим слово «волос»: Волосово, Волосовка, Власово и пр. Вариантами являются топонимы от Волох (по убеждению Иванова и Топорова, имя легендарного Волха/Волхва, перекликается с именем Волоса: волохатый или волосатый): р. Волхов с притоками Волховец и Велия; д. Волохов Яр в Чугуевском районе Харьковской обл.; д. Волохово в Серпуховском районе Московской обл.; д. Волохово в Луховском районе Московской обл.; д. Волохово в Калужской обл. и др. (17).

В ряде статей мною была исследована древность корней культа божества Волоса. В них было прослежено преемство культа Волоса с неолитическими медвежьими культурами на территории Новгородского края, оставившими свой след в захоронении медвежьих лап. Культ медвежьей лапы под названием «скотьего бога» сохранялся у подмосковных крестьян еще в начале XX в. А «скотьим богом», согласно ПВЛ, князь Святослав величал Волоса («...да имъемъ клятву от бога, в его же вьруемъ – в Перуна и в Волоса, скотья бога...»). Кроме того, при исследовании древнерусской традиции поклонению божеству в образе Солнца мне удалось выявить, что божество, известное под иносказательным прозванием Волос, в древнерусском пантеоне было связано с солнцем. А поклонение Солнцебожеству составляло ядро древнерусских дохристианских верований (18).

Древние религиозные культы вызвали к жизни и этнообразующие процессы, в ходе которых теоним превращается и в этноним. Так, мы видим, что в представленных выше материалах восточноевропейские волоты/велеты выступали и как этническое образование. Переход теонимов в этнонимы – достаточно известный феномен в истории. Например, женский теоним *Дана* известен как праматерь нескольких кельтских народов на Британских островах: валлийцы или уэльсцы, а также ирландцы назывались в мифах народом богини Дану. С именем богини Даны, на мой взгляд, перекликается и имя Дана – легендарного правителя народа данов, давшего им свое имя, согласно Саксону Грамматику.

В этой связи вполне логично предположить, что часть восточноевропейского населения, объединившись в какой-то период времени под именем своего древнего бо-

жества Волота/Велета, мигрировала на запад, вдоль побережья Балтийского моря. Это расселение и зафиксировал Птолемей, упомянув народ вельтов на побережье вендского залива. Велеты/вильтины (они же вильцы), которых немецкие источники называли вендами, в 560–600 гг. поселились во Фризии и возвели там крепость, названную по их имени Вильтабург (Wiltaburg), а местность вокруг крепости – Вильтения (Wiltenia). На галльском языке город назывался Утрехт (19). Помимо Вильтабурга во Фризии был город Славенбург и другие славянские города. А.Ф. Гильфердинг, со ссылкой на Шафарика, помимо Вильтенбурга и Славенбурга, называет во фризских землях такие славянские города, как Вильта, Видениц (т.е. Воденец), Свята (Sueta), Камень. Велеты/вильцы имели поселения не только в Голландии, но и в Баварии. Там они построили еще один Вильтенбург (Вильцбург) к югу от истоков реки Раданицы (Rednitz), между Нюрнбергом и Донаувертом (20). А с VIII в. велеты/вильцы (с X в. – лютичи) уже выступают как крупная этнополитическая общность, занимавшая большую территорию между ободритскими землями и Польским Поморьем и дальше других политий на южнобалтийском побережье, вплоть до второй половины XI в., сохранявшая свою политическую независимость и сопротивлявшаяся христианизации (21).

О расселении велетов/вильцев имеется интересный материал у Томаса Шора в книге «Происхождение англосаксонского народа». Стремясь выделить всех предков англичан, Шор большое внимание уделял славянским народам. По его убеждению, самыми древними обитателями в Германии к востоку от Эльбы являлись славяне, ибо не дошло каких-либо преданий о более ранних жителях в этой области, а все древнейшие топонимы – сплошь славянские. Шор напомнил, что эти народы были известны римским авторам под именем венедов или вендов. Венды интересовали Шора как один из народов, участвовавших в создании английской нации. С миграциями венедов/вендов на Британские острова, по его предположению, были связаны такие поселения, оставшиеся еще от римского периода, как Виндогладия (Vindogladia) и Виндилля (Vindilia) в Дорсете, Виндомис (Vindomis) в Хэмпшире. Названия всех этих населенных пунктов, полагал Шор, были даны вендскими поселенцами по имени своего народа. При этом он подчеркивал, что вендские переселения на Британские острова происходили в римское время, т.е. в период, предшествовавший англосаксонскому периоду в английской истории. В числе вендов Шор выделял и вильтинов/вильцев как один из народов, также участвовавших в формировании английской нации. Вильтины/вильцы (Wilti) дали свое имя области Уилтшир (Wiltshire), а некоторые более

ранние поселения, связанные с вильтинами, именовались Уилсэтен/Вилсэтен (Wilsaeten). Уилтшир был заселен во второй половине VI в., и по мнению Шора, вильтины могли переселиться туда как из поселений вильцев во Фризии, так и непосредственно из Приэльбской области или из Балтии, как исконные вильтины/Wilsaetas (22). История заселения вендами будущей Англии, которая, согласно Шору, восходит уже к римскому времени, перекликается и с темой данной статьи. Если велеты/вильтины уже с римского времени были участниками широких миграционных процессов и возводили города по всей Западной Европе, вплоть до Атлантического побережья, то рассказ о них в Тидрексаге, относящийся к V в., как о сильном народе с могущественными правителями, вполне историчен. И тогда Тидрексаге можно доверять и как историческому источнику, рассказывающему об отношениях правителей вильтинов с правителями Руси, тем более что имя Руси прослеживается на путях миграций велетов/вильтинов вплоть до Британских островов (23).

Как было показано, отношения между правителями велетов/вильтинов и правителями Руси были полны военными столкновениями, перемежавшимися замирениями под властью победившей стороны. И это было обычным для средневековых обществ. Но для данной статьи особенно важно подчеркнуть тот факт, что, согласно Тидрексаге, правители велетов/вильтинов и правители русов правили на Скандинавском полуострове еще в V в., т.е. до появления там германоязычных народов (свеев, гетов, данов). Следовательно, Скандинавский полуостров осваивался древними русами и велетами/вильтинами, создавшими ту субстратную среду, в лоне которой расселялись позднее носители северогерманских языков, мигрировавшие с европейского континента на Скандинавский полуостров. Происходило это, согласно имеющимся на сегодня историческим источникам, в период V–VII вв. Нидерландский историк XVI в. И. Горопиус Беканус считал, что например, свеи Швеции являются частью переселившихся в Скандинавию свеев (24). Эту же точку зрения высказывал А.Г. Кузьмин (25).

Прологом к истории скандинавских стран служит рассказ о том, что бог Óдин, обосновавшись на одном из северных островов будущей Дании, посылает женское божество Гефьен разведать для него новые земли. Гефьен приживает с «великаном» (великан одно из образных прозваний для велетов/вильтинов) на севере четверых сыновей, с помощью которых обманом отрезает «ломоть» земли у короля Гюльфи (согласно мифу, правил где-то на месте нынешней Упсалы), превращает отрезанную землю в остров Зеландию и начинает там свою жизнь уже как «законная» владелица.

А на территории будущей Швеции, в отличие от Зеландии, согласно сагам, была и королевская власть. В сагах упоминается некий король Гюльфи, который, согласно преданию, заинтересовался учением Óдина, пригласил его к себе, дав ему возможность проповедовать, и принял его учение (26). За мифологизированными образами угадывается вполне исторически достоверная жизнь. Миграциям носителей северогерманских языков на Скандинавский полуостров предшествовало распространение там древнегерманской мифологии, своего рода нового сакрального учения. Подобные процессы могут занимать столетия, а вслед за проповедниками учения в новые земли устремляются и обычные мигранты. Поэтому VI–VII вв. представляются вполне правдоподобным периодом для расселения предков будущих шведов на Скандинавском полуострове, уже освоенном велетами/вильтинами.

Браки с представительницами коренного населения всегда были испытанным традиционным средством для пришельцев укореняться во вновь освоенных странах, поскольку согласно матрилиатеральной традиции, муж дочери правителя или ее потомство получали право на земли ее отца после его смерти. В скандинавской мифологии («Младшая Эдда», «Сага об Инглингах») в поэтических образах передается рассказ о том, как утверждались будущие скандинавские династии. Легендарные основатели этих династий – божества Óдина, Ньерд, Фрейр-Ингви – «пришлые» легендарные родоначальники, от которых ведут свое происхождение последующие королевские роды Дании, Норвегии, Швеции. Божество Ньерд женится на дочери местного «великана», т.е. волота/вильтина по имени Скади. Сын от этой Скади Фрейр-Ингви и становится легендарным родоначальником шведской династии Инглингов. Таким образом, династия шведских королей по материнской линии, согласно скандинавским источникам, восходит к южнобалтийским велетам/вильтинам, а верховную власть над Вилькинией осуществляли правители русов, которые в Тидрексаге носили имена Гертнита, Владимира, Осантрикса и др. Возникает вопрос: если Русь в V в. осуществляла верховную власть над Вилькинией (нынешняя южная Швеция, Зеландия и южнобалтийское побережье), то имя Руси имело во всем этом ареале большую известность и должно было усваиваться носителями других языков в районе Прибалтики и Южной Швеции непосредственно из языка Руси, а не из скандинавских языков. Иначе говоря, финское Ruotsi должно было образоваться от имени Русь, а не наоборот. Однако, чтобы освоить эту мысль, необходимо освободить русскую историю от влияния западноевропейских исторических мифов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Грот Л.П. О князе Владимире Красное Солнышко // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. № 3 (28), 2020. С. 1-9.
2. Азбелев С.Н. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб., 2007. С. 40.
3. Sagan om Didrik af Bern, utgiven av Gunnar Olof Hylten-Cavallius. Stockholm, 1830–1854.
4. Ibid. S.19-24.
5. Latvakangas A. Riksgrundarna. Varjagproblemet i Sverige från runinskrifter till enhetlig historisk tolkning. Turku, 1995. S. 89.
6. Грот Л.П. Путь норманизма: от фантазии к утопии // Варяго-русский вопрос в историографии. М., 2010. С. 103-139.
7. Latvakangas A. Op. cit. S. 88-89.
8. Веселовский А.Н. «Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском» // ИОРЯС. СПб., 1906. Т. II. № 3. С. 6-20.
9. Печенга. Опыт краеведческой энциклопедии /автор-сост. В.А. Мацак. Мурманск, 2005. С. 101.
10. Русь и чужд в древнерусской истории (ч. 2) // [Электр.ресурс]. ULR: <http://pereformat.ru/2015/06/chud-2/> (дата обр.: 18.06.2015).
11. Сергеева З.М. Народные названия курганов на северо-востоке Белоруссии // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 67-72.
12. Смирнов В.С. Клады, паны, разбойники // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 26. Кострома, 1921. С. 1-45.
13. Географический словарь Российского государства. Ч. I. М., 1801. С. 1023.
14. Бараг Л.Г. «Asilki» белорусских сказок и преданий (К вопросу о формировании восточнославянского эпоса) // Русский фольклор. VIII. Народная поэзия славян. М.; Л., 1962. С. 31-36.
15. Гиляров Ф. Предания русской начальной летописи (по 969 год). Приложения. М., 1878. С. 128-129.
16. Кузьмин А.Г. Начало Руси. М., 2003. С. 227-228.
17. Грот Л.П. Имена летописных князей и корни древнерусского института княжеской власти // Варяги и Русь. М., 2015. С. 281-288; Иванов В.В., Топоров В.Н., Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974. С. 67-62, 168-175.
18. Грот Л.П. Между громовержцем и скотским богом [Электр. ресурс]. ULR: <http://pereformat.ru/grot/> (дата обр.: 20.05.2013); Ее же. О князе Владимире... С. 1-9.
19. Holder A. Alt-celtischer Sprachschatz. III b. Leipzig, 1922. S. 319-320.
20. Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян. СПб., 2013. С.116-119.
21. Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 54-56.
22. Shore Th.W. Rugians, Wends and tribal Slavonic settlers // Origin of the Anglo-Saxon race – a Study of the settlement of England and the tribal origin of the old English people. London, 1906. P. 84-102.
23. Грот Л.П. Имена летописных князей... С. 310-321.
24. Nordström J. De yverbornes ö. Sextonhundredtalsstudier. Stockholm, 1934. S. 112-114.
25. Кузьмин А.Г. Два вида русов в юго-восточной Прибалтике // Сборник Русского Исторического общества. Т. 8. М., 2003. С. 195-196.
26. Davidson Ellis. Nordens gudar och myter. Stockholm, 1993. S. 23, 44.

УЛЬТРАНОРМАНИЗМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ 1990-х гг.

В 1997 г. археолог А.А. Хлевов провозгласил победу «взвешенного и объективного норманизма, неопровержимо аргументированного» письменными и археологическими источниками. Два года спустя историк-скандинавист А.С. Кан резюмировал, что «гласность второй половины 80-х годов открыла путь академической свободе, а вместе с нею и научному, т.е. умеренному, норманизму. ... Так почти трехвековой спор нашел свое научное разрешение, избавившись от идеологических заданий и шор». Вместе с тем Хлевов уточнил в 1994 г., что «норманский вопрос наукой решен в той форме, в какой он был поставлен в историографии XIX в.» (1). Но в XIX в. торжествовал, если привести оценку норманиста В.А. Мошина, данную в 1931 г., ««ультранорманизм» шлецеровского типа» (или «утрированный ультранорманизм») (2). Получается, что торжествует он и сейчас. Причем торжествует, в первую очередь, благодаря археологам, которые еще в советское время монополизировали право на истину в варяжском вопросе.

Как заявил в 1962–1966 гг. авторитетный специалист в области русских древностей А.В. Арциховский, в том числе с трибуны международной конференции, данный вопрос все «больше становится предметом ведения археологии. ... Археологические материалы по этой теме уже многочисленны, и, что, самое главное, число их из года в год возрастает. Через несколько десятков лет мы будем иметь решения ряда связанных с варяжским вопросом загадок, которые сейчас представляются неразрешимыми». При этом он, считая варягов скандинавами и сводя суть варяжского вопроса лишь к установлению их роли в нашей истории (маленькой или большой, вот и вся разгадка «ряда загадок»), фактически вывел письменные источники, которые (вопреки Хлезову) ни словом, ни намеком абсолютно ничего не говорят о принадлежности варягов к норманнам, из познавательного процесса, дав им весьма низкую оценку: для IX–X вв. «они малочисленны, случайны и противоречивы» (3).

Этот ничем не обоснованный тезис, прямо указывающий на непонимание археологами ни специфики письменных источников, ни специфики работы с ними, постоянно дающей специалистам важную информацию, тут же с энтузиазмом подхватили и стали энергично повторять коллеги Арциховского: Г.Ф. Корзухина (1965), Л.С. Клейн, Г.С. Лебедев, А.Н. Кирпичников, В.А. Булкин, И.В. Дубов, В.А. Назаренко (1970, 1978–1980), внушая науке и обществу, что «археологические данные чрезвы-

чайно важны» и являются, при сугубой скупости письменных памятников, «решающими», что «именно археологические источники создали основу для нового, объективного и разностороннего подхода к варяжской проблеме» (4). Вслед за ними в том же ключе стали рассуждать, дополнительно навязывая тот же тезис собратьям по научному цеху, и ведущие историки тех лет: И.П. Шаскольский (1965–1981), В.В. Мавродин (1971) (5).

Уверовав в то, что они есть «самая наипервейшая скрипка» в трактовке сложнейшего и, надобно отметить, *чисто исторического вопроса*, археологи начинают формировать общеисторический фон IX–X вв., и прежде всего эпохи призвания варягов. В 1978–1980 гг. А.Н. Кирпичников, Г.С. Лебедев, В.А. Булкин, И.В. Дубов, В.А. Назаренко заявили, что к 860-м гг. «Ладога развилась настолько, что, если верить наиболее надежной версии Сказания о призвании варягов, кратковременно становится столицей Верхней, или Внешней Руси. Впервые в низовьях Волхова появляется немногочисленная группа постоянных скандинавских поселенцев – двор конунга, его стража. В урочище Плакун близ Ладоги сохранилось обособленное кладбище норманских пришельцев, существовавшее в 850–925 гг.». При этом они не исключали, «что норманны, вероятно, находившиеся в то время в составе ладожского гарнизона, призваны были выступать против своих же соплеменников, если последние являлись с пиратскими целями. Так на земле Ладоги столкнулись ставшие противоположными интересы пришлых скандинавских находников и местных русских варяжских дружинников».

В целом ими подытоживалось, что, во-первых, «на примере Ладоги обнаруживается поразительное совпадение данных летописи и археологии, совпадение, подтверждающее, в частности, и реальную основу Сказания о призвании варягов», во-вторых, «скандинавы – частые гости на Руси, но они не удивительны в многоязычной толпе городских рынков и окружения киевского князя и его вассалов», в-третьих, в первой половине XI в. в Ладоге «создается русско-варяжское наместничество, ярлство». Подытоживание не могло обойтись без постановки задач. И в качестве первоочередной перспективы изучения русско-скандинавских связей археологи ставили задачу дальнейшей систематизации «норманских древностей» (а раз они «норманские», то и оставлены, значит, норманнами) Восточной Европы. Исследователям таковых в Гнездове под Смоленском они предлагали разрешить более скромную задачу – «определение тех районов Северной Европы, которые стали исходными для варяжских комплексов гнездовского комплекса». Хотя тут же, видимо, чтобы их не обременять, дали

на нее ответ: «Сейчас как будто не вызывают сомнений связи Гнездова с торговыми поселениями Средней Швеции» (6).

Не ослабевая своего натиска на варяжскую твердыню, выдержавшую столько осад, Кирпичников, Лебедев, Дубов в 1981 г. доложили в скромной по объему статье, посвященной некоторым итогам археологических исследований Северной Руси, что она пала. Опираясь на вещественные находки, в том числе ими объявленными скандинавскими, соавторы оповестили научное сообщество, что «в ладожских материалах нашла свое решение варяжская проблема» (сведя его к ранее оглашенному в несколько отредактированном виде): в Ладоге в середине IX в., «по-видимому, на какое-то время утверждается норманский конунг со своим двором и дружиной», выполняя «социальный заказ» – «обеспечивая безопасность города и охраняя его судоходство, в том числе и от своих же норманских соплеменников, неоднократно угрожавших Ладоге». Не ограничиваясь победной реляцией (причем даже не осознавая, в силу своего археологоцентризма, что решить историческую задачу только на археологическом материале невозможно), Кирпичников, Лебедев, Дубов вместе с тем не забывали расписывать и другую часть того же общеисторического фона: «Вплоть до середины XI в. норманны на Руси выступают в качестве наемных воинов в составе великокняжеских войск, либо заезжих купцов, либо мастеров-ремесленников в древнерусских городах» (7).

В 1981–1984 гг. Д.А. Мачинский вел речь о том, что норманны имели опорным пунктом в Восточной Европе Ладогу, что они прокладывали торговые пути по «Волго-Балту» на мусульманский восток, что в 30-х гг. IX в. группа скандинавов обосновалась в Среднем Поднепровье, что в Ладоге, игравшей сначала ведущую, а затем значительную роль в истории формирования русской государственности, находился первый центр того этносоциального организма, который обозначен в ПВЛ в качестве Руси, возглавляемой Рюриком, что призванные с ним норманны были «организующей суперэтнической силой» и сыграли роль «катализатора начавшихся процессов, роль дрожжей, брошенных в тесто, которому приспело время стать многослойным пирогом – государством» (8).

Подобных утверждений в русле, если повторить слова А.Н. Кирпичникова, Г.С. Лебедева, В.А. Булкина, И.В. Дубова и В.А. Назаренко, «нового, объективного и разностороннего подхода к варяжской проблеме» в период позднего «советского анти-норманизма» (точнее сказать, советского норманизма, освященного марксизмом (9)), который сейчас нещадно клеймят «научные» норманисты (по Е.В. Пчелову, не раз-

глядевшему его сути, но разглядевшему в русской истории и тем самым основательно ее замусорив, не имеющих к ней отношения героев скандинавских саг, зачастую сказочных, и отыскавшему нашему «сироте» Рюрику скандинавских и отца, и деда, и даже прадеда – Хальвдана, Харальда Боезуба и Хрерика Метателя Колец, он есть «воинствующий», «примитивный», «ультрапатриотический» (10)), было предостаточно. Закономерным итогом чего стало рождение научного фантома под названием «Скандославия», коим «советский антинорманист» Д.С. Лихачев в 1989 г. во вступительном слове на Византийском конгрессе, проходившем в Москве, предложил, в пику евразийцам, идеи которых тогда активно пропагандировал Л.Н. Гумилев, так называть Русь, ибо «для Русской земли (особенно в первые века ее исторического бытия) гораздо больше походит определение Скандославии, чем Евразии, так как от Азии она, как ни странно, получила чрезвычайно мало».

Кто именно подвел Лихачева к открытию «Скандославии» (следовательно, к закрытию Руси), указал в 1999 г. Г.С. Лебедев: «...В культурно-исторической атрибуции Древней Руси утвердилась введенная академиком Д.С. Лихачевым характеристика “Скандовизантия”» (еще одно название Руси, прозвучавшее в 1992 г. из уст авторитетнейшего на то время в науке и обществе ученого), что «свидетельствует об успешном, в общем, решении ряда исследовательских задач, поставленных в середине 1960-х – начале 1970-х гг. В то же время исходные из них остались нерешенными: ни полная публикация, ни статистическая обработка артефактов и комплексов археологического фонда» (11) (в этой связи надлежит напомнить, что О.И. Сенковский в 1834 г., в эпоху расцвета ультранорманизма, доказывал, что «эпоха варягов есть настоящий период Славянской Скандинавии» (12)).

Ныне тезис А.В. Арциховского, абсолютизовавшего данные археологии и тем самым обеспечившего археологам-норманистам первенствующую роль в трактовке варяжского вопроса, все также звучит из их же уст. В 1996 г. С.И. Кочкуркина указывала, что «археологические материалы зарубежных и отечественных исследователей наиболее ценны». В 2000 г. (было повторено в 2012 г.) Е.А. Шинаков убеждал, в том числе в докторской диссертации, что в отличие от письменных источников, фонд которых, в основном, исчерпан, археологические, фонд которых, напротив, возрастает, «абсолютно объективны и непредвзяты, свободны от сознательных искажений, их набор «случаен», что, однако, предполагает возможность многозначных трактовок на уровне исторических обобщений данных археологии». В 2009 г. В.В. Мурашева говорила: «Историки, опирающиеся в своих исследованиях на письменные источники,

вынуждены пользоваться косвенными свидетельствами, выстраивая систему доказательств, сопоставляя различные документы, привлекая данные других наук, прежде всего, филологии. Историки ограничены, прежде всего, тем, что корпус письменных памятников давно известен и обнаружение новых источников, касающихся эпохи образования Древнерусского государства, маловероятно. Между тем, источниковая база археологии в процессе регулярных полевых исследований, постоянно увеличивается». При этом, уверяла она, «если отвлечься от свидетельств письменных источников и идеологической нагрузки и рассмотреть лишь мир вещественных источников, то получим картину, лишенную тенденциозности» (13).

В 2012 г., в Год истории и 1150-летия зарождения российской государственности, директор Института археологии РАН, академик Н.А. Макаров повторял давно «прописные истины»: письменные источники немногочисленны и трудны для интерпретации, археологические древности «оказываются важнейшим средством», обеспечивающим контакт с прошлым, выступающим «в качестве основы для реконструкции исторического действия» и формирующим «сегодня в нашем сознании образ ранней Руси, основанный на подлинных материальных свидетельствах» (причем «материальные памятники и тексты с одинаковой яркостью свидетельствуют, например... о присутствии скандинавов в составе древнерусской дружинной знати X столетия»). Тогда же Е.В. Торопова сказала, хотя эту аксиому никто и не оспаривал, что «современное состояние источниковой базы требует признания приоритетного значения за данными археологии». На следующий год С.П. Щавелев образно расписывал, что с помощью археологии – этой «живой воды» точной информации – «формируется целостный и яркий, динамичный и проблемный образ давно минувших веков» и что «демифологизации истории успешнее всего способствует археология» (14) (надо заметить, что шведский археолог И. Янссон, несмотря на свой норманизм, высказывает более трезвый взгляд на возможности письменных и археологических данных: «Письменные источники не дают достаточно четких указаний на то, какие этнические группы существовали и формировались здесь (на Руси. – В.Ф.) в эпоху викингов, насколько крупные массы населения были вовлечены в миграционные процессы и какое количество людей сменило свой язык и этническую принадлежность. Еще более смутные ответы на эти вопросы способна представить археология» (15)).

Самоуверенность занимающихся варяго-русскими древностями археологов, давно превратившаяся в *idée fixe*, в самолюбование, в представление исключительности перед историками, параллельно породила и другие мысли, также свидетельствующие

щие о слабом понимании ими характера исторической науки и природы формирования исторических знаний. Как подчеркивал в 2006 г. А.Е. Мусин, «одним из ценностных отличий археологии от истории является феномен причастности, проникновения в смысл свершившихся событий, запечатлевших себя в культурном слое древних городищ и селищ, историческом ландшафте, оплывших от времени курганах», что «археолог находится ближе к происходившим некогда событиям, чем историк: чтобы их изучить, археолог обязан постоять на этом месте, обследовать, раскопать, приблизиться. Отсюда и формирование уникальной микрокультуры археологических экспедиций со своими традициями, этикетом, поэзией. Разбирая по слоям то, что когда-то много веков назад собирали другие, археолог как бы знакомится, сближается и сдруживается с этими людьми».

В отношении же советского прошлого он говорил, что тогда археологи вели «бои за историю» – «за право скандинавов жить и участвовать в русской истории» (хотя, судя по «Скандославии»-«Скандовизантии» Д.С. Лихачева, их в те времена прекрасно там устроили, чему в жертву была принесена русская история), но при этом «археология так и не стала лидером в семье исторических наук», в том числе и по причине внутренней оппозиции «исследователей правящему режиму», что «в отличие от историка, привыкшего работать с письменными памятниками и способного избирательно подходить к различным видам источников, археолог сталкивается в своей практике с комплексом археологических находок, естественным образом сформированным ходом истории. Волей-неволей он обязан рассматривать этот археологический комплекс в его цельности, то есть не может вычеркнуть из полевого дневника те факты и артефакты, которые цензура или самоцензура могли счесть "идеологически вредными", в данном случае свидетельства о роли варягов в истории Киевской Руси. Таким образом, археология была потенциально опасна для режима, провозгласившего своей идеологией антинорманизм» (сам же археолог Мусин «право скандинавов жить и участвовать в русской истории» выразил тем, что они «не только способствовали сложению государства на Руси, изначально они слагали ее Церковь». В 1846 г. М.П. Погодин, в котором сторонники норманства варягов В.А. Мошин и Е.А. Рыздзевская видели «наиболее выразительного представителя ультранорманизма»/крайнего норманиста, в третьем томе своих «Исследований», имеющих уточняющий подзаголовок «Норманский период», утверждал, что «христианством обязаны» мы скандинавам, которые «были у нас первыми христианами и первыми ревнителями христианской веры») (16).

Сегодня уверять, что разрешение весьма запутанного в источниках и особенно в историографии сложнейшей проблемы далекого, но принципиально важного для нас прошлого, поставленной еще ПВЛ: «Откуда пошла Русская земля», посредством одной лишь только археологической науки, конечно, наивно (здесь нужен комплексный подход, охватывающий все источники, но при несомненном приоритете исторических данных, потому как они, и в первую очередь наши летописи, ничего не дают для норманской теории. Ибо «Нестор, – говорил даже А.Л. Шлецер в 1768 г., соглашаясь с М.В. Ломоносовым, – четко различает русских от шведов», хотя швед О. Далин «и почти все его соотечественники» утверждают, что варяги «были шведами... только никто не приводит доказательств». Слова, что «Нестор ясно отличает русских от шведов», он произнес и в своем знаменитом «Несторе», первый том которого вышел в 1802 г. (17)).

К тому же отечественная археология с момента своего зарождения и становления была заражена крайней тенденциозностью в интерпретации собственных древностей, ибо покорно следовала, в силу изначального норманизма, за скандинавской археологией и потому основательно мифологизировала ключевой вопрос русской истории и русского самосознания. «Наша археологическая наука, – констатировал в 1872 г. Д.И. Иловайский, – положась на выводы историков-норманистов, шла доселе тем же ложным путем при объяснении многих древностей. Если некоторые предметы, открытые в русской почве, походят на предметы, найденные в Дании или Швеции, то для наших памятников объяснение уже готово: это норманское влияние». Правоту вывода выдающегося антинорманиста подтверждает заключение изнутри знающих археологию норманистов И.И. Толстого и Н.П. Кондакова, к которому они пришли в 1897 г.: «Но скандинавская археология организовалась ранее других – правда, весьма односторонне и ложно, и ранее опубликовала запас древностей своих собственных и чужих, у себя найденных; поэтому именем «скандинавского» стиля названы были многие вещи в русских древностях, ничего не имевшего общего с варяжским» (18), т.е. с норманским.

И это «родимое пятно» отечественной археологии предопределило совершенно тенденциозный «образ ранней Руси», нарисованный очень многими работами археологов в 1990-х гг. (причем не только посредством собственного материала, но и рассуждениями, относящимся к сферам лингвистики, летописеведения и востоковедения, специалистами в которых они не являются):

- в середине VIII в. в Приладожье появились скандинавы, вероятно, уже к концу этого столетия проникнув на нижний Волхов (П.Е. Сорокин), в Ладоге с самого начала «активную роль играли выходцы из Скандинавии. В этих условиях в среде разно-этнического и, прежде всего, славяно-скандинавского населения и возникает обычай возведения сопок. В его основе лежит перенесенная из Скандинавии идея сакральных социально-престижных курганов» (В.Я. Конецкий), Ладога являлась резиденцией норманского хакана «Rhos» («народа рос») Бертинских анналов (Д.А. Мачинский), видимо, отсюда в 839 г. прибыли в Константинополь «шведы, послы кагана Росов» (В.С. Нефедов) (19);

- затем Ладога стала первой столицей государства «знатного скандинава Рюрика с братьями», приглашенными из Скандинавии (Дании?) «на договорной основе» старейшинами славянских и финских племен, но вскоре Рюрик узурпировал власть, что «в 862 г. Ладога, как записано в "Повести временных лет" (но в ней ничего подобного и близко нет. – В.Ф.), становится столичной резиденцией, престольным городом скандинавского пришельца Рюрика, возглавившего новоорганизованное русское единоедержавное государство» и ставшего «основателем правящей династии» (А.Н. Кирпичников) (20), дружине Рюрика и его преемников приписывают курганный могильник в урочище Плакун на правом берегу р. Волхова, против Старой Ладоги: «Раскопанные здесь... полтора десятка невысоких курганов содержали захоронения по обряду сожжения в ладье, типичному для скандинавских викингов», что курганные погребения Южного Приладожья содержат многочисленные находки скандинавского оружия и украшений (Г.С. Лебедев) (21);

- по своему этническому составу Рюриково городище, куда перешел из Ладоги Рюрик, «в IX–X вв. является славяно-скандинавским поселением, причем какое-то количество выходцев "из-за моря" проживало здесь постоянно в качестве торговцев, воинов и ремесленников», и они, «чтобы устоять против новых волн пришельцев, были с неизбежностью обречены искать союза с местной славянской верхушкой», что на городище в конце VIII – начале IX в. происходит, в условиях симбиоза славянской верхушки со скандинавами формирование раннегосударственного организма, опиравшегося на экономический потенциал земледельческих поселков Поозерья и Поволховья и ориентированного на международную торговлю, что «главной активной силой в торговле с Арабским Востоком и Византией были скандинавы. Появление их в центральном Приильменье, безусловно, влияло на ход социальных процессов в данном районе», а наличие внешней силы в их лице «облегчало трансформацию тради-

ционных норм в жизни и способствовало формированию публичной власти» (В.Я. Конецкий) (22);

- судя по скандинавским находкам, на Рюриковом городище, которое могло возникнуть ранее середины IX в. и в материальной культуре которого «все более ярко проявляется скандинавский компонент», пребывали выходцы из Скандинавии – мужчины и женщины, дислоцировался «разношерстный контингент варягов – воины, ремесленники, торговцы», важнейшей задачей которого «являлись не только обеспечение безопасности пути, но и административный контроль обширных территорий Приильменя», а в начальный период своей истории городище «явилося центром раннегосударственного образования, начавшегося складываться на просторах будущей Северной Европы» (Е.Н. Носов), «на протяжении ста с лишним лет, с середины VIII до начала X вв. в Ладоге, Новгороде и других центрах Северной Руси скандинавские дружинники, купцы, мастера-ремесленники оседали в городах словен, постепенно смешиваясь со славянами и "чудью"» (Г.С. Лебедев) (23);

- главной активной силой на Балтийско-Волжском пути, начавшемся функционировать во второй половине VIII в., «выступали выходцы из Скандинавии» (В.Я. Конецкий), в IX–XI в. на этом пути «появляются и отдельные скандинавские группы, которые... играли важнейшую социальнообразующую роль, во многом доминируя в государствообразовании в Древней Руси», на основе традиций славян, финно-угров и скандинавов «была создана своеобразная культура Северной Руси, занимавшая существенное место в системе культурных традиций в целом Древней Руси» (И.В. Дубов) (24); в Тимерево «подавляющее большинство» – 10 – из 30 курганов с камерными захоронениями и в срубках X в. – скандинавские, что говорит о присутствии здесь «определенного числа норманнов: торговцев и дружинников» (И.В. Дубов, В.Н. Седых); в конце IX в. в Поволжье «возникло государство, образовалась целая сеть городских поселений, стали регулярными торговые связи со странами Европы и Азии, ислам стал государственной религией», причем «катализатором этих социальных изменений в болгарском обществе стали военные и торговые походы викингов» (И. Измайлов) (25);

- «скандинавы составляли не менее четверти гнездовского населения» (В.В. Мурашева), камерное погребение «по обряду труположения совершали преимущественно иноземцы – варяги, бывшие проездом или постоянно жившие в Гнездове» (Е.А. Шмидт), облик похороненных в 30–50-х гг. X в. в квадратных курганах в Новоселках (в 5 км к северо-востоку от Гнездова) «мужчин рисуется достаточно четко: это были скандина-

вы, зачастую довольно состоятельные. Женская часть коллектива состояла как из скандинавок, так и из представительниц местного балтского населения» (В.С. Нефедов), обряд погребения в камерах сложился в скандинавских странах под воздействием христианства (А.А. Александров) (26), первоначально Ладога, куда был призван варяг Рюрик, представляла собой «неукрепленное поселение типа скандинавских "виков"», что Гнездовское поселение «по структуре наиболее близкое северным "викам" – Бирке, Хайтабу и др.», а «киевский Подол по своей планировке, ориентации улиц, застройке деревянными избами, близок не только днепровским, но, прежде всего, севернорусским портовым поселениям и североευропейским "викам"» (Г.С. Лебедев) (27);

- в основе Сказания о призвании варягов лежит устный «ряд» (договор), согласно которому скандинав Рюрик был приглашен в качестве князя местной знатью для защиты от внешней угрозы и обеспечения ее интересов (В.Я. Петрухин), летописец при его создании использовал «ряд», написанный на старошведском языке и заключенный «с Рюриком в связи с его призванием славянскими и финскими старейшинами» (А.Н. Кирпичников), фраза Сказания «суть людье новгородьци от рода варяжьска» говорит о произошедшей консолидации славянской верхушки со скандинавами (В.Я. Конецкий) (28), взятие Киева Олегом в 882 г. – это реальная практика викингов, которые стремились выманить защитников города из укрепления, прикидываясь купцами (В.Я. Петрухин), в экстремальной ситуации начала восстания древлян княгиня Ольга действовала «как типичная скандинавка, а своеобразная форма мести через детали погребального обряда есть в исландской саге» (А.А. Александров), сбор однодеревков, описанный Константином Багрянородным, аналогичен сбору морского ополчения в средневековой Швеции – ледунгу (В.Я. Петрухин), «ряд фактов позволяет говорить о билингвизме славяно-скандинавской дружинной элиты, и, по свидетельству Константина Багрянородного, этот билингвизм актуален для середины X в.» (Г.С. Лебедев) (29), обнаружен «широкий спектр связей древнерусских больших курганов с большими курганами Северной Европы как в типологическом, так и в генетическом аспектах», а «имена Рюрик (Хререкр), Олег (Хельги), Игорь (Ингвар) относятся к княжеским и в скандинавской и в древнерусской традициях: это позволяет предполагать не просто "этнокультурные", но и ранние генеалогические связи княжеских родов, практиковавших погребение под большим курганом» (В.Я. Петрухин) (30);

- очевидна скандинавская этимология слова *варяг*, выступающего в ПВЛ «как единственное собирательное обозначение скандинавских народов» и возникшего на

Руси в скандинавской среде (заключение князем Игорем договора со скандинавскими наемниками в 944 г. «могло вызвать к жизни их название *warangr от *vár* – «верность, обет, клятва»). В русской же традиции оно закрепилось «как обозначение скандинавов, отличных от руси – княжеской дружины, призванной по ряду: это различие руси и варягов прослеживается уже в описании призвания в «Повести временных лет» и перерастает в дальнейшем в противопоставление тех и других», летописец «различал и противопоставлял "русь" и "варягов" как разновременные волны скандинавских мигрантов, занявших различное положение в древнерусском обществе и государстве» (В.Я. Петрухин) (31);

- «слишком убедительно выглядит происхождение самого имени *русь* из скандинавских языков при посредстве прибалтийско-финских», а финноязычное название Швеции *Ruotsi/Rootsi* «закономерно дает в древнерусском языке слово *русь*», что оно восходит «к др.-сканд. словам с основой **rōþs-*, *rōþsmenn*, *rōþsmarpr*, *rōþskarl* со значением "гребец, участник похода на гребных судах"», что шведы называли себя в IX в., а это «нас не может удивлять» (да еще как удивляет!), «гребцами», т.е. «походным, а не племенным именем», ибо шли на востоке, согласно скандинавской терминологии, «"в русь", гребной поход», что «собственно и само имя *русь* в IX – первой половине X в. означает княжескую дружину, идущую в поход на гребных судах», что это название княжеских дружин затем распространилось на все подвластные древнерусскому государству территории, «дав наименование "Русской земле" и "всем людям Русской земли" – восточнославянской в своей основе древнерусской народности» (В.Я. Петрухин) (32);

- помимо реконструированной датчанином В. Томсеном «архаической исходной формы *rota(z)*» (от которой якобы цепочка «*ruotsi-русь*»), «следует учитывать достоверную, отмеченную в памятниках не позже XI в., форму *ruth*», присутствующую в рунических надписях только среднешведской области Упланд. Ибо «лингвистически *rup* (с зубным *p*, близким современному английскому *th*) естественно и закономерно переходит как в финское *ruotsi*, так и в славянское *русь*. Древнесеверная форма может быть исходной для обеих одновременно: в одном случае, с этнической спецификацией (у финнов – для обозначения шведов), в другом – с социальной (княжеская дружина, прибывшая к славянам с варяжским князем, эти викинги назывались *русь* и Рюрик взял с собой "всю свою русь")». И хотя парусное мореплавание на Балтике начинается не ранее VII в., гребцы, «образующие команду – *ruth*, были важным компонентом древнесеверной социальной организации в I–VII вв., а с появлением паруса она стала

основой военной организации морских дружин викингов», и «член такого экипажа – *русин* (форма уже собственно восточнославянская) в княжеском войске Рюрика-Ярослава, может быть опознан в известном персонаже статьи 1 Краткой редакции "Русской Правды"» (Г.С. Лебедев) (33);

- обряд кремации знатного руса в ладье, описанный Ибн Фадланом, «как и название русь в IX – нач. X в., характерен для скандинавов», «обряд погребения в камере, описанный Ибн Русте, практически неизвестен на Руси в IX в., зато характерен для главного центра Швеции в эпоху викингов – Бирки, расположенной как раз на острове» (В.Я. Петрухин), Ибн Фадлан сообщает «об участии скандинавских женщин вместе с мужьями в дальних торговых поездках» (В.Б. Перхавко), обряд ритуального повешения болгар, отраженный тем же автором, несомненно, «ведет свое происхождение от скандинавской традиции» (И. Измайлов), в XIX столетии Х.М. Френ, А.А. Куник, В.Р. Розен, Ф. Вестберг установили факт, «основательно "забытый" в середине XX в.», что «при описании "русов" и "славян" восточные авторы имеют в виду разные не только в социальном, но и в этническом плане общности» (Е.А. Шинаков) (34).

Как утверждал в 1994 г. В.П. Даркевич, экспансия викингов «сыграла важную роль в истории Киевской Руси», и эти «пассионарии» обладали «повышенной активностью, боеспособностью и выносливостью», в больших курганах Гнездова, «составлявших аристократическое кладбище в центральной части некрополя», «военные вожди захоронены по скандинавскому обряду, которому соответствуют и сопровождающий инвентарь: предметы вооружения, украшения, амулеты и пр.»; судя по договорам Олега и Игоря «и материалам дружинных могильников, значительную часть правящего слоя составляли скандинавы. Они занимали важные государственные должности», а грабительские походы на Царьград и прикаспийские области совершали разноэтничные по своему составу дружины «при преобладающей роли викингов, что определялось и происхождением правящей династии» (35).

В 1996–1997 гг. В.В. Мурашева вела речь о «великом переселении» (колонизации), о «большой иммиграционной волне из Скандинавии в Восточную Европу, в основном, с территории Средней Швеции» (теорию норманской/шведской колонизации Руси выдвинул в 1914 г. шведский археолог Т.Ю. Арне, в 1930–1950-х гг. ее обновил датский лингвист А. Стендер-Петерсен), и именно «норманны сыграли большую роль в ранней русской политической истории. Не приходится сомневаться в том, что основателями правящей династии были выходцы из Скандинавии», а основу дружины первых русских князей составляли норманны. Говоря об изобилии скандинавских

древностей на территории Восточной Европы, она утверждала, что «находки скандинавского происхождения – индикаторы присутствия варягов» (как множилось их число, превращаясь в «большую иммиграционную волну», видно на примере ее заключения 1998 г.: ременный наконечник из Старой Рязани в слое XI в., орнамент которого «связан по своему происхождению с предметами в стиле Борре», «можно считать одним из немногих археологических свидетельств присутствия скандинавов на Руси в XI в.»), что «овальные фибулы являются верным признаком национального костюма скандинавских женщин», что в порче оружия «очень четко прослеживается скандинавское влияние», что распространение каролингских мечей на Руси «все-таки» связано с норманским присутствием. Напомнив, что Арне именовал «Древнюю Русь частью Великой Швеции», в полном единомыслии с ним заключала: «Невольно задуматься: а не была ли и впрямь Древняя Русь частью Великой Швеции?» (36).

«Норманны-воители», «первые норманские династы», буквально пел им в 1996–1999 гг. в стиле древних скальдов хвалебную песню А.Н. Кирпичников, «оказались людьми незаурядными, создали для Руси «едва ли не впервые особо благоприятные условия», принесли восточным славянам «не только обновленный механизм правления, но и лучшее оружие, совершенные корабли, особые украшения; способствовали евразийской торговле». Им, выступив в роли толчка извне, «без особых трудностей и в короткий срок, иными словами, на подготовленной почве, удалось организовать новую систему властвования и наладить механизм его работы», и «в Ладоге началось успешное строительство нового русского государства» («на примере Ладоги мы видим, – слышался еще не угасший восторг по поводу «братской европейской семьи», буквально жаждущей нас принять в свой круг, – как более 1000 лет тому назад усилиями ее жителей и посещавших эти места пришельцев создавалась интегрированная Европа без охраняемых границ и национальных предрассудков, во многом с интернациональной техникой и культурой, общими путями передвижения и единой валютой»), при этом «инициатива консолидации государства была выдвинута Северной Русью под руководством первых Рюриковичей – дальновидных собирателей земель восточных славян. Новым руководителем государства удалось осуществить основополагающие задачи: расширить территорию, развить торговлю, начать строительство и укрепление городов объединить север и юг страны», организовать евразийскую торговлю.

Говоря, что сейчас «мы спокойно можем обсуждать славяно-норманское... взаимодействие» и отставившая тождество летописного Рюрика с Рориком Фрис-

ландским, предположил (а «невероятного в этом предположении нет», заверяя он в присущем для норманистов стиле), что ладожане могли заимствовать планировку своего города в Дании и что «заманчиво связать ладожские надельные – парцеллы – с деятельностью викинга Рюрика или его продолжателя Олега Вещего (а уже в 2002 г. твердо представил научному сообществу «невероятное» в качестве «очевидного»: в Ладоге «обозначились даже подтверждения датского происхождения Рюрика и его дружины», а именно «парцеллы жилого и хозяйственного назначения такие же, как в датском городе Рибе, норманский курган в урочище "Плакун", по устройству напоминающий погребения Ютландии»). И потому «норманский период» в русской истории это не 879–911 гг., как считал в советское время Б.А. Рыбаков, а 862–911 годы. В связи с чем, подводил Кирпичников черту, «бояться так называемого норманизма не надо, потому что в этом заключалась интеграция с западным, балтийским миром, и в этом была мудрость славян: они позвали "иностранца" в интересах развития государства, торговли и строительства новой армии» (37).

Призыв Кирпичникова не бояться норманизма прозвучал лишь для «красного словца», потому как для альтернативы ни он, ни его коллеги фактически не оставили места. А что, собственно, ими было предложено от имени науки, в 1995–2000 гг., не жалея красок, изобразил историк Р.Г. Скрынников, доселе не занимавшийся варяго-русским вопросом совершенно, но, вдохновленный именно выводами археологов, вместо Руси представил в статьях, монографиях и учебном пособии 1999 г. для абитуриентов «гуманитарных вузов и учащихся старших классов» «Восточно-Европейскую Нормандию».

Рисуя ее историю, он утверждал, что норманны, основав в VIII в. колонии в Ладоге, и, стремясь затем в Хазарию и в Византию, прокладывают торговые речные пути, что первые попытки образовать княжества в Восточной Европе они предприняли в IX в., что уже во второй половине IX – начале X в. на ее территории «утвердились десятки конунгов» («викингов-предводителей», «норманских вождей»), давших начало недолговечным «норманским каганатам». Говоря о постоянных и массовых наплывах скандинавов на Русь (важнейшей особенностью ее истории «X в. было то, что киевским князьям приходилось действовать в условиях непрерывно возобновлявшихся вторжений из Скандинавии»), в связи с чем в русских землях находилось «множество норманских отрядов», а Новгород являлся «основной базой норманнов в Восточной Европе», он уверял (хотя таких фактов наука не знает), что «на обширном пространстве от Ладоги до днепровских порогов множество мест и пунктов носили скандинав-

ские названия». Игорь, по его словам, был первым конунгом, который обосновался в Киеве и положил «начало местному норманскому владетельному роду».

Норманны, борясь с Хазарией, основали будущее Тмутараканское княжество, возглавляемое «конунгом» («царем») Хельгом, заключившим с Игорем союз против Византии (а Гнездово есть «едва ли не самый крупный в Восточной Европе скандинавский некрополь», опорный пункт норманнов, «преодолевавших сопротивление Хазарии»). После поражения в 941 г. «союз конунгов» (который включал и других «вождей» норманнов) распался. Хельг, руководитель похода, идет на Каспий, где и погибает (в походе 941 г. славянское ополчение, по словам ученого, вообще отсутствовало, т.е. в нем участвовали только скандинавы). Вместе с тем Скрынников повествует о «норманском» Киевском княжестве, о «норманском Полоцком княжестве на Западной Двине», о «норманских княжествах в Причерноморье», о «ранних норманских княжествах на Востоке» (в Прикаспии), о неудачной попытке конунга Хельга «основать норманское герцогство в устье Куры», об обширных опорных пунктах, создаваемых скандинавами на близком расстоянии от границ Византии, что походы на Византию 860, 911, 941, 944 гг. представляли собой «совместные предприятия викингов» и что русско-византийские договоры «заключало норманское войско».

Те же норманны разгромили – и «лишь очень крупными» силами», набранными в Скандинавии, – Хазарский каганат (а перед этим разорив г. Булгар). Благодаря им произошел перелом в балканской кампании «старшего из конунгов» Святослава, при этом в ходе ее призванное «скандинавское войско по крайней мере в 1,5-2 раза превосходило по численности десятитысячную киевскую дружину». И если «гибель войска Святослава на Балканах поколебала господство норманнов в Поднепровье», то Владимир окончательно «разорвал пуповину, прочно связывавшую Киевское княжество со Скандинавией» (однако скандинавы и далее пытались навязывать свою волю Руси. Так, инициатором похода на Византию в 1043 г. «был конунг Харальд из Норвегии», причем Ярослав Мудрый «уклонился от личного участия» в этом скандинавском предприятии).

Русские и славянские названия днепровских порогов Скрынников представлял в качестве свидетельства того, «что в середине X в. киевское общество было двуязычным. Для руссов основным языком оставался скандинавский язык». Окончательному превращению «норманского княжества в Поднепровье» «в славянское Древнерусское государство» способствовало принятие христианства, совершенное «норманским конунгом» Владимиром Святославичем, которому удалось при этом избежать «кон-

фликта с норманской языческой знатью, поддержкой которой дорожил». Но вместе с тем «верхи киевского общества не забыли скандинавский язык и традиции, в которых воспитывались их предки» (в действиях «конунга» Владимира историк нашел следы «скандинавского семейного права», а Русскую Правду связал со скандинавским севером). Со временем норманская дружина киевского князя, поклонявшаяся Перуну и Велесу, «забыла собственный язык, саги превратились в славянские былины», а название «Русь» получила местность в Нижнем Поднепровье, которую норманны освоили в первой половине X в. и в пределах которой к началу следующего столетия они были ассимилированы славянами: «Норманны бесследно исчезли, но земля, ассимилировавшая русов, стала называться "Русью"» (восточным славянам историк отвел в их же собственной истории незначительную и вместе с тем незавидную роль: они либо данниками норманнов, либо товаром, потому как их, не оказывавших большого сопротивления, захватывали и продавали в рабство. Те же, кто избежал такой участи, «строили суда для викингов, снабжали их припасами», а славянская знать и племенные ополчения участвовали в походах норманнов) (38).

Скрынников хотя и заявлял, что «руссы не могли дать завоеванным ими славянам готовой государственности» («решающее влияние на эволюцию русского общества оказал синтез военной организации норманнов, общественных институтов славян и византийское право») (39), но русская история предстала у него точно такой, какой ее рисовали ультранорманисты первой половины XIX в. И что так точно и едко высмеял в 1877 г. чешско-русский славист И.И. Первольф, хотя и был приверженцем норманнской теории: «Русь, Русская Правда, боярин или боярин, вервь, град, ряд, полк, весь, навь, смерд, вено и проч., все это оказывается поклонниками Одина и Тора, да и этот последний житель Валгалы едва ли не переселился на берега Днепра, переменив только фамилию в Перуна. Все делали на Руси скандинавские норманны: они воевали, грабили, издавали законы, а те несчастные словене, кривичи, северяне, вятичи, поляне, древляне только и делали, что платили дань, умыкали себе жен, играли на гусях, плясали и с пением ходили за плугом, если не жили совсем по-скотски. Так это было в блаженные времена Шлецера, Карамзина, Круга, Погодина». Если могущество Руси связано со скандинавскими князьями и их скандинавскими дружинами, заметил в 1888 г. также норманист Ф.И. Успенский, «то они похожи на чародеев, о которых рассказывается в сказках» (40).

Но эти сказки о скандинавских чародеях в русской истории со страниц научных изданий увлеченно рассказывали – от имени «взвешенного»/«объективного» и «науч-

ного»/«умеренного» норманизма – в 1990-х гг. археологи и вторящие им историки. Именно эти сказки антинорманист Ю.И. Венелин в 1836 г. емко охарактеризовал в качестве «скандинавомании», норманист В.А. Мошин в 1931 г. – «ультранорманизмом», похороненном, как он посчитал тогда, в 1860–1870-х гг., «беспристрастным исследователем» С.А. Геденовым (41). Однако он сегодня не только воскрешен «живой водой» археологии, но неимоверно усилен якобы археологическими доказательствами, которые либо не имеют к скандинавам отношения, либо были распространены среди очень широкого круга народов, по причине чего их прямая привязка к норманнам совершенно несостоятельная (например, камерные погребения, сожжения в ладье, обряд преднамеренной порчи оружия, каролингские мечи, овальные фибулы).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хлевов А.А. *Норманская проблема в свете археологических источников. Автореф... дис... канд. ист. наук.* СПб., 1994. С. 3, 20; его же. *Норманская проблема в отечественной исторической науке.* СПб., 1997. С. 91; Кан А.С. *Швеция и Россия в прошлом и настоящем.* М., 1999. С. 50.
2. Мошин В.А. *Варяго-русский вопрос // Варяго-русский вопрос в историографии / Сб. статей и монографий / Сост. и ред. В.В.Фомин.* М., 2010. С. 24, 26-27, 33-35, 40, 44, 70.
3. Artsikhovsku A. *Archaeological data on the varangian question // VI International congress of prehistoric and protohistoric sciences. Reports and communications by archaeologists of the USSR.* Moscow, 1962. P. 9; Арциховский А.В. *Археологические данные по варяжскому вопросу // Культура Древней Руси.* М., 1966. С. 36, 41.
4. Корзухина Г.Ф. *Этнический состав населения древнейшей Ладogi // Тезисы докладов Второй научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии.* М., 1965. С. 12; Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А. *Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России. IX–XX вв.* Л., 1970. С. 226; Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В., Назаренко В.А. *Русско-скандинавские связи в эпоху образования Древнерусского государства (IX–XI вв.) // Scando-Slavica.* Т. 24. Copenhagen, 1978. S. 63-64, 66, 83-86; их же. *Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // КСИА. Вып. 160.* М., 1980. С. 24-26, 35-36.
5. Шаскольский И.П. *Норманская теория в современной буржуазной науке.* М., Л., 1965. С. 107; его же. *О роли норманнов в Древней Руси в IX–X вв. // Les paus du Nord et Buzance (Skandinavie et Buzance). Actes du colloque nordique et international de buzantinologie temi à Upsal 20-22 avril 1979.* Uppsala, 1981. S. 205; Мавродин В.В. *Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности.* М., 1971. С. 129.
6. Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В., Назаренко В.А. *Русско-скандинавские связи в эпоху образования Древнерусского государства... S. 69-70, 76, 79-80, 84, 86; их же. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства... С. 27-28, 31-33, 35-36.*
7. Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Дубов И.В. *Северная Русь (некоторые итоги археологических исследований) // КСИА. Вып. 164.* М., 1981. С. 7.
8. Мачинский Д.А. *Миграция славян в I тысячелетии н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодальных славянских народностей.* М., 1981. С. 45, 48, 50; его же. *О времени и обстоятельствах первого появления славян на Северо-Западе Восточной Европы по данным письменных источников // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья.* Л., 1982. С. 13, 15-16, 18-24; его же. *О месте Северной*

- Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности // *Археологическое исследование Новгородской земли*. Л., 1984. С. 9-10, 13-25.
9. Фомин В.В. «Советский антинорманизм» и его норманистская сущность // *Известия ВГПУ*. 2017. № 4 (277). С. 126-133; его же. «Советский антинорманизм» на примере трудов И.П. Шаскольского // *Гуманитарные исследования Центральной России*. № 4 (5). 2017. С. 54-65; его же. Норманистская сущность «советского антинорманизма». Ч. 1 // *Исторический формат*. 2018. № 3-4. С. 98-164; Ч. 2 // *То же*. 2019. № 1. С. 60-97.
10. Пчелов Е.В. Легендарная и начальная генеалогия Рюриковичей // *Летопись Историкородословного общества в Москве*. Вып. 2 (46). М., 1994. С. 27; его же. Предки Рорика Ютландского // *Россия в IX–XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения*. М., 1999. С. 367; его же. Рюриковичи: история династии. М., 2001. С. 19.
11. Лихачев Д.С. Россия никогда не была Востоком // *Литературная газета*. 5 февраля 1992. № 6 (5383). С. 14; его же. Нельзя уйти от самих себя... Историческое самосознание и культура России // *Новый мир*. 1994. № 6. С. 113; Лебедев Г.С. Varangica проблемного семинара Л.С. Клейна // *Stratum plus*. 1999. № 5. С. 106.
12. Сенковский О.И. Скандинавские саги // *Библиотека для чтения*. Т. I. Отд. II. СПб., 1834. С. 18.
13. Шинаков Е.А. Генезис древнерусской государственности (опыт сравнительно-исторического анализа). Автореф... дис... докт. ист. наук. Брянск, 2000. С. 5-6, 18; его же. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // *Ранние формы социальной организации*. СПб., 2000. С.307; то же // *ДГВЕ*. 2010 г. М., 2012. С. 40; Мурашова В.В. «Путь из ободрит в греки...» (археологический комментарий по «варяжскому вопросу») // *РИ*. 2009. № 4. С. 175; *Археология Карелии* / Отв. ред. М.Г. Косменко, С.И. Кочуркина. Петрозаводск, 1996. С. 311.
14. Макаров Н.А. Кладовая ранней Руси. Археологические древности как источник знаний об эпохе // *Родина*. 2012. № 9. С. 17-22; его же. Предисловие // *Русь в IX–X веках: археологическая панорама* / Отв. ред. Н.А. Макаров. М., Вологда, 2012. С. 7; Торопова Е.В. Очень старая Старая Русса // *Родина*. 2012. № 9. С. 48; Щавелев С.П. Дань Мнемозине. Рецензии и отзывы на издания и рукописи 1990–2000-х годов по историографии отечественной истории и археологии. Кн. 1. Курск, 2013. С. 118, 123.
15. Янссон И. К вопросу о полиэтничных общностях эпохи викингов // *ДГВЕ*. 1999 г. М., 2001. С. 122.
16. Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Норманский период. Т. 3. М., 1846. С. 302, 359-360; Мошин В.А. Указ. соч. С. 33; Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. // *ДГ*. 1978 г. М., 1978. С. 129; Мусин А.Е. Дорога к Руси: страны и народы на путях «из варяг в греки» // *Чело*. 2006. № 3 (37). С. 46-48, 54-55.
17. Шлецер А.Л. Опыт изучения русских летописей // *Скандинавомания и ее небылицы о русской истории* / Сб. статей и монографий / Сост. и ред. В.В. Фомин. М., 2015. С. 279-281; его же. *Нестор*. Ч. I. СПб., 1809. С. 316-317, 330, 421.
18. Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. М., 1876. С. 271; Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 5. СПб., 1897. С. 12.
19. Сорокин П.Е. К вопросу о сообщении Новгорода с Балтийским регионом в средневековье // *Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 26-28 января 1993 г.)*. Вып. 7. Новгород, 1993. С. 110-111; Конецкий В.Я. Центр и периферия Приильменья в IX–X веках: особенности социально-политического развития // *Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 26-28 января 1994 г.)*. Вып. 8. Новгород, 1994. С. 54; Мачинский Д.А. Русско-шведский пра-Петербург // *Шведы на берегах Невы*. Стокгольм, 1998. С. 9-11; Нефедов В.С. Гнездовский археологический комплекс и путь из варяг в греки // *Гнездово: история и современность*. Смоленск, 1998. С. 36.

20. Кирпичников А.Н. Ладога VIII–X вв. и ее международные связи // Славяно-русские древности. Вып. 2. Древняя Русь: новые исследования. СПб., 1995. С. 36; его же. «Сказание о призвании варягов». Анализ и возможности источника // Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1997. С. 13-14; его же. Сказание о призвании варягов. Легенды и действительность // Викинги и славяне. Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. СПб., 1998. С. 43, 46; его же. Великий Волжский путь, его историческое и международное значение // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого волжского пути». Казань, 28-29 августа 2000 г. Казань, 2001. С. 18, 20, 24; Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Старая Ладога – древняя столица Руси. СПб., 1996. С. 84.
21. Лебедев Г.С., Жвиташвили Ю.Б. Дракон «Нево» на Пути из Варяг в Греки: Археолого-навигационные исследования древних водных коммуникаций между Балтикой и Средиземноморьем. Изд. 2-е. СПб., 2000. С. 14, 116.
22. Конецкий В.Я. К изучению социальных структур славянского населения Приильменья в конце I тыс. н.э. // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Тезисы научно-практической конференции. Новгород, 24-26 января 1992 г. Новгород, 1992. С. 131-132; его же. Новгород и Приильменье в IX–X вв. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. 16-18 ноября 1993 г. Новгород, 1993. С. 5; его же. Центр и периферия Приильменья... С. 59; его же. Социальная организация населения Приильменья и формирование коренной территории Новгородской земли в конце I тыс. н.э. // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 24-26 января 1995 г.). Вып. 9. Великий Новгород, 1995. С. 37-38.
23. Гайдуков П.Г., Носов Е.Н., Янссон И. Скандинавская равноплечная фибула типа Вальста из района истока Волхова // Новгород и Новгородская земля. Вып. 7. С. 119; Носов Е.Н. У истоков Новгорода // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 2. М., 1997. С. 272-273, 276-280; Лебедев Г.С., Жвиташвили Ю.Б. Указ. соч. С. 43.
24. Конецкий В.Я. Центр и периферия Приильменья... С. 58; Дубов И.В. Великий Волжский путь в истории Древней Руси // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань, 8-10 сентября 1998 г. Казань, 1999. С. 92.
25. Дубов И.В., Седых В.Н. Тимерево в свете новейших исследований // Славяно-русские древности. Вып. 2. С. 102, 110; Измайлов И. «Русы» в Среднем Поволжье (этапы болгаро-скандинавских этно-социальных контактов и их влияние на становление городов и государств) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. С. 94, 100.
26. Мурашева В.В. Была ли Древняя Русь частью Великой Швеции? // Родина. 1997. № 10. С. 10; Нефедов В.С. Указ. соч. С. 38; Александров А.А. Псковские сопки (историографические, исторические и топонимические комментарии к археологической карте) // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 4. М., 1998. С. 148; Шмидт Е.А. Гнездово – протогород конца IX–X вв. н.э. // Гнездово: история и современность. С. 24.
27. Лебедев Г.С. Путь из варяг в греки как объект археолого-навигационного исследования // *Slavia antiqua*. Т. XXXVIII. 1997. С. 159, 163-164; его же. Путь из Варяг в Греки как фактор урбанизации Древней Руси, Скандинавии и Византии // Славянский средневековый город. Т. 2. С. 206.
28. Петрухин В.Я. Варяги и хазары в истории Руси // ЭО. 1993. № 3. С. 71; его же. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск, М., 1995. С. 116-128; его же. «От тех варяг прозвася...» // Родина. 1997. № 10. С. 16; его же. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000. С. 104-121; Конецкий В.Я. К изучению социальных структур... С. 132; его же. Центр и периферия Приильменья... С. 59; Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Указ. соч. С. 84-87; Кирпичников А.Н. «Сказание о призвании варягов». С. 10-11; его же. Сказание о призвании варягов. С. 33, 39-40.

29. Александров А.А. Указ. соч. С. 149; Петрухин В.Я. Путь из варяг в греки: становление Древнерусского государства и его международные связи // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 4. С. 128, 130; его же. Начало этнокультурной... С. 55; Лебедев Г.С., Жвиташвили Ю.Б. Указ. соч. С. 81.
30. Петрухин В.Я. Варяги и хазары... С. 74-76; его же. Начало этнокультурной... С. 99; его же. Походы Руси на Царьград: к проблеме достоверности летописи // Восточная Европа в древности и средневековье. Международная договорная практика Древней Руси. IX Чтения памяти В.Т. Пашуто. Москва 16-18 апреля 1997 г. Материалы к конференции. М., 1997. С. 68; его же. Большие курганы Руси и Северной Европы. К проблеме этнокультурных связей в раннесредневековый период // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998. С. 361-369; его же. К дохристианским истокам древнерусского княжеского культа // Политрон. Сб. ст. к 70-летию В.Г. Топорова. М., 1998. С. 883-889; его же. Путь из варяг в греки. С. 131.
31. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI веках: к истории названия «варяг» // Славяноведение. 1994. № 2. С. 56-68; Петрухин В.Я. Начало этнокультурной... С. 108-109, 242-243; его же. Путь из варяг в греки. С. 130; Петрухин В.Я., Равевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. С. 249-252, 259.
32. Петрухин В.Я. Варяги и хазары... С. 69; его же. Начало этнокультурной... С. 55, 84, 98, 109, 242-243; его же. Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории Древнерусского государства // ДГВЕ. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 117, 119, 121; его же. Скандинавия и Русь на путях мировой цивилизации // Путь из варяг в греки и из грек... М., 1996. С. 9, 12; его же. «Из варяг в греки»: начало исторического пути России // Славянский альманах. М., 1997. С. 64-65; его же. «От тех варяг прозвася...» С. 14, 16; его же. Большие курганы Руси... С. 366; его же. Путь из варяг в греки. С. 130; его же. Древняя Русь. С. 79-80, 84, 86, 99-100, 106-107, 116, 120. См. критику взглядов Петрухина: Фомин В.В. «Взвешенный и объективный норманизм» о скандинавских «гребцах» как создателях Русского государства // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX–XXI вв. Материалы VI Международной научной конференции. Липецк, 4 октября 2019 г. Липецк, 2019. С. 16-26.
33. Лебедев Г.С., Жвиташвили Ю.Б. Указ. соч. С. 77-79, 82-83.
34. Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории... С. 205-207; его же. [Рец.] Franklin S. and Shepard J. The Emergence of Rus 750–1200. L.-N.Y., 1996. 450 P., с картами и таблицами // Славяноведение. 1998. № 2. С. 119-120; Перхавко В.Б. Зарождение купечества на Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. X Чтения к 80-летию чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 1998. С. 89; Измайлов И. Указ. соч. С. 98-100; Шинаков Е.А. Генезис древнерусской... С. 18; его же. Племена Восточной Европы накануне... С. 305.
35. Даркевич В.П. Происхождение и развитие городов древней Руси (X–XIII вв.) // ВИ. 1994. № 10. С. 50-51.
36. Мурашева В.В. Предметный мир эпохи // Путь из варяг в греки и из грек... С. 33; ее же. Была ли Древняя Русь частью Великой Швеции? С. 8-11; ее же. Скандинавские наборные ремешки с территории Древней Руси // Историческая археология: традиции и перспективы. С. 163.
37. Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Указ. соч. С. 87, 89, 91-93; Кирпичников А.Н. «Сказание о призвании варягов». С. 8-9, 13-14, 16-17; его же. Сказание о призвании варягов. С. 32, 36-37, 43, 47, 50-53; его же. О начальном этапе международной торговли в Восточной Европе в период раннего средневековья (по монетным находкам в Старой Ладого) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. С. 113; его же. 1250-летие Старой Ладого // Культура, образование, история Ленинградской области. СПб., 2002. С. 42, 44.
38. Скрынников Р.Г. Войны Древней Руси // ВИ. 1995. № 11-12. С. 25-27, 29-37; его же. Древняя Русь. Летописные мифы и действительность // То же. 1997. № 8. С. 3-4, 6-11; его же.

История Российская. IX–XVII вв. М., 1997. С. 8, 12, 51, 54-55, 63-64, 67; его же. Русь IX–XVII века. СПб., 1999. С. 15-18, 20-50, 52, 54-55, 59, 60-62, 65, 71-72, 75-76; его же. Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX–XVII вв. СПб., 2000. С. 5, 9-19, 20-23, 25, 27, 30, 32. См. критику взглядов Скрынникова: Фомин В.В. Скандинавомания или небылицы о шведской Руси // Сб. РИО. Т. 5 (153). М., 2002. С. 234-238, 249-250; его же. Кривые зеркала норманизма // То же. Т. 8 (156). М., 2003. С. 86-90.

39. Скрынников Р.Г. Русь IX–XVII века. С. 55; его же. Крест и корона. С. 27.

40. Первольф И.И. Варяги-Русь и балтийские славяне // ЖМНП. Ч. 192. СПб., 1877. С. 39; Успенский Ф.И. Русь и Византия в X веке. Одесса, 1888. С. 14.

41. Венелин Ю.И. Скандинавомания и ее поклонники, или столетние изыскания о варягах. Историко-критическое рассуждение. М., 1842; Мошин В.А. Указ. соч. С. 15, 44.

В.В. Фомин

«НАУЧНЫЙ НОРМАНИЗМ» РОССИЙСКИХ АРХЕОЛОГОВ НАЧАЛА XXI в.

Наша археологическая наука, находясь с момента своего рождения в плену шведской археологии, способна смотреть на древности Руси только ее глазами. И воспринимать, в силу того же взгляда, в целом, своего изначального норманизма, летописных варягов и русь, сыгравших важную роль в становлении и развитии русской государственности, только в качестве шведов (а также в расширительном смысле, когда «шведских» артефактов не хватает, – то уже скандинавов вообще). Особенно мощно эта идея стала звучать, усиливаемая нужными для норманистов толкованиями письменных источников, данными лингвистики (являющимися результатом грубого насилия над ней как наукой) после перевоплощения «советского антинорманизма», как в СССР именовали норманизм, густо сдобренный марксистской фразеологией, в сегодня торжествующий «взвешенный и объективный норманизм» (археолог А.А. Хлевов) или в «научный, т.е. умеренный, норманизм» (историк А.С. Кан). И который с горячим энтузиазмом утверждали и в 1990-х гг., и в начале текущего столетия весьма авторитетные в науке археологи, большинство из которых были активными «советскими антинорманистами».

В 2002 г. Д.А. Мачинский, представляя собственную статью о начальной истории Ладоги в качестве итога «тщательного, объективного и, главное, незаинтересованного... исследования» (а такого рода заверения – характерный стиль норманистов), резюмировал, идя в русле теории лингвиста А. Стендер-Петерсена (исходившего, по его уже заклинанию от 1953 г., из «чисто-объективной интерпретации ряда фактов из истории русско-варяжских отношений», качество которой тут же пояснил словами, что причисляет себя, как датчанина, «к племени варягов»), основанной на

теории шведского археолога Т.Ю. Арне норманской (шведской) колонизации Руси, выдвинутой в 1914 г.: «Есть серьезные основания полагать, что глава Волховско-Ильменской Руси уже за поколение до Рюрика претендовал на титул более высокий, чем князь или конунг», а именно «хакан».

И этот титул «говорит об ориентации "народа рос" (упомянутого под 839 г. в Бертинских анналах. – *В.Ф.*) на контролируемые каганом хазар волжско-донские торговые пути, ведущие в страны Арабского халифата, а также о зарождении смутных "имперских амбиций" у русов уже в первой трети IX в., поскольку этот титул со времен Тюрского каганата VI–VII вв. был иерархически сопоставим с титулом "император"», что глава этносоциума русь/рос, сплавленного из скандинавов и славян (с возможным включением балтов и финнов), «сидел» в Ладоге/Альдейге, первой столице «некоего протогосударства», «и настаивал на том, чтобы на "международной арене" его именовали не конунгом и не князем, а тюркским титулом "хакан"» (как заметил по этому поводу в 2012 г. А.В. Назаренко, «крайне трудно понять, что могло предводителя руси, размещавшейся где-нибудь в районе Ладоги или в Поволховье, прибегнуть к такой новации в титулатуре, которая в первой трети IX в., да и в позднейшее время, явно ничего не могла говорить окружавшим его славяно-финским данникам»).

В 850-х гг. чувствуется, рассуждал далее Мачинский, «вторжение в Поволховье новой волны скандинавов, разрушивших сложившуюся ситуацию и, видимо, уничтожившую мужскую часть правящей династии – отголоски этих событий имеются и в скандинавских сагах о конунгах Альдейги», и в рассказе Повести временных лет (ПВЛ) «о нападении заморских варягов», что часть северных русов в 860 г. совершила неудачный поход на Константинополь (но этот поход на столицу самого мощного тогда государства был весьма успешен для русов, об этносе которых аутентичные источники молчат совершенно: «город едва... не был поднят на копье», – отмечает его очевидец патриарх Фотий, причем свое спасение византийцы приписали заступничеству самой Богородице, а затем вспоминали о нем на протяжении почти пяти веков) и осела затем в Киеве, что в середине 860-х – начале 870-х гг. некая местная «русь» Ладоги пригласила знатного скандинавского вождя Рюрика и его заморскую «всю русь», что он, сядя в этом центре, «лишь продолжал существовавшую задолго до него традицию, отраженную в скандинавских сагах», что «свидетельства письменных источников о событиях в Поволховье находят убедительные подтверждения в данных археологии», что в урочище Плакун «в последней трети IX в. возникает чисто скандинавский могильник с захоронениями в ладьях, существовавший здесь в течение пер-

вой половины X в», что в самом богатом его погребении в деревянной камере с остатками сожженной ладьи над гробовищем покоится, видимо, вождь скандинавской дружины, возможно, сам Рюрик, что последующее перенесение столицы к истокам Волхова, а после в Киев привело к «полной славянизации "руси", давшей свое имя и государству» (1).

В 2002 г. А.Н. Кирпичников (объявляя, что планировка Ладоги, идентичная планировке датского Рибе, подтверждает «датское происхождение Рюрика и его дружины») заключил в отношении открытого там производственного комплекса, который «характеризуется набором ярких, высококачественных вещей скандинавского характера», имеющих датские, шведские и норвежские аналогии: это обстоятельство, несомненно, связано с посещением Ладоги «скандинавами и особенно приходом сюда основателя новой династии конунга Рюрика с дружиной и деятельностью его продолжателя Олега Вещего», что «вместе с купцами-воинами на Русь попадали и ювелиры» и что «северные пришельцы, как установлено, селились в Ладоге для постоянного проживания с семьями» (2) (абсолютно иначе оценивал в 1962 г. скандинавские находки английский специалист по эпохе викингов П. Сойер: сами по себе, они «свободны от пристрастности, они не говорят ни за, ни против скандинавов», что «тенденциозность создают те, кто работает с этим материалом», и что такие вещи в русских захоронениях «еще не доказывают того, что люди, погребенные в этих могилах, были скандинавами или имели скандинавских предков. Предметы такого рода могут переходить из рук в руки, нередко оказываясь очень далеко от народа, который их изготовил или пользовался им первым. Это может показаться ясным как день, но порой об этом забывают. Некоторые ученые воспринимают обнаружение скандинавских предметов, особенно в России, как доказательство тесных связей со Скандинавией» (3)).

В 2005 г. И.И. Еремеев, указывая, что в IX–XI вв. в глубине Восточной Европы осело «значительное количество привозных скандинавских украшений, оружия и бытового инвентаря» (а с ними и франкские мечи, например), резюмировал: «...Есть основания предполагать, что их появление на востоке было чаще всего связано с ремесленной или торговой деятельностью выходцев из Скандинавии». Дальше он также продолжал сыпать только предположениями: что, хотя человеческих останков при обследовании карьера близ оз. Зеликовье (в районе Торопца) «и не было замечено, можно с большей долей уверенности предположить, что сделанные на этом месте находки связаны с погребением знатной женщины скандинавского происхождения»,

что «вполне вероятно пребывание» скандинавов в Городке на Ловати, Витебске, Усвяте (т.к. заметное число находок североевропейского облика представлено в этих крупных административных центрах X–XI вв.) «в качестве представителей княжеской администрации и дружинников, что присутствие норманнов в это время в Полоцко-Витебском Подвинье отражено письменными источниками» (но о том нет ни слова ни в одном из них). И вместе с тем, ведя речь о возможной «древней миграции немногочисленного скандинавского населения в некоторые сельские регионы Верхнего Подвинья и Верхнего Поднепровья» («видимо, перед глазами аборигенов в какой-то период предстали сами носительницы скандинавских фибул»), что, как завершал Еремеев разговор на оптимистической ноте, «поселения этих людей, возможно, еще будут найдены» (4) (и нет сомнения, что при такой скандинавской одержимости их найдут непременно).

В 2005 г. в посмертно вышедшей монографии Г.С. Лебедева «Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси» звучало: в «Ладоге наиболее отчетливо прослежено взаимодействие» славян «со скандинавами, что ярко проявляется в погребальной обрядности сопок», а Старая Русса входит, судя по двум сопкам у д. Мафино на р. Порусье, «в ареал этого культурно-исторического процесса "славяно-варяжского синтеза", лежащего в основе становления Древнерусского государства» (5). В 2005–2012 гг. Е.Н. Носов утверждал, что по убедительным данным археологии скандинавы «на Руси были купцами и ремесленниками, воинами и князьями, чиновниками и посланниками, наемниками и грабителями», что в ряде центров (включая Рюриково городище, которое могло возникнуть в начале IX в.) они «жили постоянно, семьями и составляли довольно значительную и влиятельную группу общества», что на последнем поселении, являвшемся «резиденцией первых князей», «был сосредоточен значительный воинский контингент, очевидно, включавший немало варягов, важнейшей задачей которого являлось не только обеспечение безопасности торгового пути, но и административный контроль обширных территорий Приильменья».

При этом подчеркивая, что изделия скандинавского происхождения появились на Рюриковом городище во второй половине IX в., а возможно, и ранее, что по их числу оно «является самым богатым поселением в Восточной Европе», что в этом центре пребывали скандинавские «торговцы, ремесленники, частично жившие постоянно семьями» (и вместе с «земляками»-воинами, составлявшими, видимо, основу княжеской дружины, они «представляли значительную часть населения»), что – а эти слова звучали не без элемента гордости – «его археологические материалы попали в

европейские каталоги скандинавских древностей» (по поводу же якобы комплекса скандинавских находок, относящихся к мужскому костюму, следует привести описание древлянских послов: «лучшие мужи, числом 20», когда их, пришедших в 945 г. сватать княгиню Ольгу за своего князя Мала, позвали к ней «на честь велику»: «И понесоша я в лодьи. Они же сядяху в перегъбех в великих сустугах гордящася», т.е. указаны большие нагрудные застежки – сустуги. Как поясняет Т.А. Пушкина, это есть первое упоминание о фибулах. Затем послы были сброшены «в яму и с лодьею» и закопаны, что отражает собой бытовавший обряд ингумации. Но, согласно логике археологов-норманистов, погребения представителей восточнославянского племени древлян есть, ибо фибулы имеются, скандинавские).

Вместе с тем Носов уверял (а так он говорил и будучи «советским антинорманистом» в 1990 г. в монографии, посвященной итогам раскопок Рюрикова городища), что «такие культовые предметы», как «кресаловидные подвески, амулеты с руническими надписями, фигурка валькирии» и др. не могли попасть сюда «как объекты торговли, а свидетельствуют о пребывании на поселении выходцев из Скандинавии», и прежде всего, дружинников (по его мнению, серебряная фигурка, изображает валькирию. Но эти женские божества – «выбирающие убитых» – были облачены в броню и носили щиты и копья, или к ним относят фигурки с питьевым рогом. По своему же внешнему виду городищенская находка не имеет к ним отношения, при этом много знача для иноплеменника, ибо есть драгметалл. К тому же история знает множество примеров, когда культовые предметы – христианские, мусульманские, иудейские, иные ли, сделанные из золота, серебра, усыпанные драгоценными камнями, спокойно забирались иноверцами в качестве трофеев и в своем первоначальном виде сохранялись веками, продавались, обменивались и даже адаптировались к чуждым традициям. А знаменитый собор святой Софии в Константинополе после взятия его турками был приспособлен, как и другие византийские храмы, под мечеть, хотя мечети строятся, в отличие от церквей, с иной ориентацией по сторонам света. «На Русь, – отмечает В.Б. Перхавко, – нередко попадали предметы религиозного культа из европейских стран латинского обряда и их хранили в сокровищницах крупнейших соборов (например, в Новгородской Софии), а в католических храмах Венгрии, Италии, Польши можно встретить древнерусские православные кресты с кириллическими надписями»).

Сопоставляя археологический материал Новгорода и Рюрикова городища (в 2 км к югу от Новгородского детинца), Носов констатировал, что в первом по сравнению со вторым присутствие «улавливается не столь отчетливо»; но оно там, что характе-

ризует собой и качество его выводов по городищу, не улавливается вовсе: в 2010 г. Е.А. Рыбина и Н.В. Хвоцинская указали, что «в новгородской коллекции вещей удалось выделить 20 предметов, по своему происхождению связанных со Скандинавией» и составляющих «лишь тысячную долю процента» коллекции, иначе говоря, совершенно ничего, микропыль, и что в Новгороде «норманны, видимо, селились и останавливались не повсеместно, а в определенных кварталах и дворах». Все свои рассуждения о норманнах на Руси Носов в 2009 г. свел к открытию русской (новгородской) «Нормандии»: тогда Институт истории материальной культуры РАН, во главе которого он стоял, провел совместно с Центром Мишеля де Баура в рамках проекта франко-русского сотрудничества – «Две Нормандии: междисциплинарное сравнительное исследование культурного присутствия скандинавов в Нормандии (Франция) и на Руси (Новгородская земля) и его историческое значение» – международную научную конференцию, посвященную в том числе «1150-летию первого упоминания Новгорода в русских летописях» (6).

В 2006 г. А.Е. Мусин утверждал, что «в урочище с романтическим названием Плакун» (уж не влюбленные ли там часом встречались?) находится, пожалуй, единственный некрополь на территории Руси, «который однозначно и определенно можно связать с этническими скандинавами, причем именно с теми варягами, которые были приглашены на Русь вместе с Рюриком и его братьями Синеусом и Трувором в 862 году», что В.И. Равдоникас еще перед войной указал в этом могильнике на характерную для викингов черту погребального обряда – сожжение в ладье, что в 1968 г. там же было обнаружено погребение пожилого викинга в камере, вероятно, Рюрика – конунга варяжской дружины, что, «несмотря на все более весомые и зримые свидетельства участия скандинавов в деятельности социальной верхушки на Руси в формировании древнерусской культуры, эти данные все же не укладывались в прокрустово ложе "норманской теории" с ее завоеванием и колонизацией» (т.е. только такой норманизм не приветствуют нынешние норманисты).

Для Мусина, как норманиста, нет абсолютно ничего неясного в истории Руси: что письменные источники упоминают (но такого в них не найти!) об участии норманнов в процессе формирования государства (а также и в изначальном сложении русской церкви), но при этом они стали не причиной, «а катализатором социально-политических процессов в Древней Руси» и «главными агентами трансевразийских торговых путей», что варяги это есть собирательное название скандинавских племен, что скандинавы в виде «руси» (от финского ruotsi, которое образовано, по В. Томсену

и В.А. Бриму, от древнесеверного *rotaz* – гребцы или *rus/drots* – морская дружина, объединяющая воинов-гребцов) предстали перед славянами, обретя затем черты великокняжеской дружины, «постепенно трансформировавшейся в верхушечный слой древнерусского общества, его военно-торговую и дружинно-административную элиту, населявшую города Древней Руси и защищенную княжеской "Правдой Росской"», впоследствии передав «свое имя и самоназвание древнерусской народности», что *Austrvegr* скандинавских саг отражает существование Волховско-Днепровского пути «из варяг в греки», что не позднее середины 830-х гг. вдоль всего этого пути сложился «каганат росов», в становлении которого активную роль сыграли варяги-свеи (и к этому государству «их далекие потомки уже нанимались на службу»), что под влиянием скандинавов на том же пути, особенно в 900–1000 гг., сложилась удивительная синкретическая культура «ювелирных украшений и погребальной обрядности», а продвижение скандинавов на восток и на юг вовлекло в этот процесс восточных славян.

Мусину абсолютно ясно, что для завершения строительства собственного государства восточным славянам нужна была надсоциальная и надэтническая власть, «способная осуществлять функции социального контроля и справедливого суда», и такой властью сумела стать приглашенная династия Рюриковичей, что в жизни Новгорода скандинавы выполняли, по сравнению с первоначальной резиденцией «державы Рюриковичей» – Рюриковым городищем, для которого характерна «насыщенность» скандинавскими вещами, «совсем другую роль – служилых наемников», что эта держава «постепенно замещала каганат русов в южной Руси», что Гнездово («в скандинавских сагах, предположительно, *Syrgnes* – Свиной мыс», очевидно, по речушке Свинец, впадающей в Днепр) наиболее близко в социальном и топографическом отношении главнейшим балтийским викам – Бирке и Хедебю, что Шестовицкий дружинный могильник «с многочисленными скандинавскими вещами и христианскими древностями» свидетельствует об участии варягов-скандинавов в русской истории, что русские названия днепровских порогов заимствованы из скандинавского языка, что в Юго-Восточном Приладожье возникла уникальная курганная культура IX–XI вв. общества с центром в Алаборге (Олонец), представители которого, возможно, именовались «колбьягами» (7) и т.д.

В 2007 г. на конференции, проводимой Эрмитажем (материал опубликован двумя годами позже), В.С. Кулешов, по примеру своих коллег чувствуя себя в лингвистике как в родной для археолога стихии, убеждал, выражая категоричное несогласие с

мнениями профессиональных лингвистов А.В. Назаренко, О.Н. Трубачева и особенно К.А. Максимовича (с его «в целом, малопривлекательной» этимологией слова *русь*), указывающих на полнейшее отсутствие у скандинавской этимологии оснований, что она, напротив, удовлетворяет всем фонетическим критериям и историческим реалиям и не имеет «себе равных по лингвистической доказательности и объяснительной силе» (и вслед за археологом Г.С. Лебедевым говорил, «что как будто бы нет препятствий для непосредственного выведения вост.-слав. **русь** из др.-сканд. *gōr*»).

Торжествуя «победу» над языковедом Максимовичем, Кулешов заявлял, что тот не смог опровергнуть скандинавскую версию, «так как данные *исторических* источников, выражаясь провокационно, бесполезны в решении *лингвистических* вопросов. Они нужны только для прояснения исторического фона, на котором автор будет разворачивать свою лингвистическую аргументацию... которая должна основываться исключительно на фонетических законах, правилах установления фонетических соответствий и нормах фонемного пересчета. Историческая и историко-культурная аргументация играет роль для подкрепления лингвистически обоснованных этимологий, но не может иметь самостоятельного значения для их критики», тогда как лингвистика, по мнению археолога, может спокойно решать исторические вопросы, ибо «установленной» скандинавской природе имени «Русь» в избытке, оказывается, имеется «историческая и историко-культурная аргументация» (но в таком случае она бы не вызывала возражения ни у шведского Ю. Мягисте, ни у немецкого лингвистов Г. Шрамма, являющихся, как и их названные русские коллеги, норманистами. В 2002 г. последний, охарактеризовав идею происхождения имени Русь от *Ruotsi* как «ахиллесова пята», так как не доказана возможность перехода *ts* в *s*, был весьма категоричен в своем выводе: «Сегодня я еще более решительно, чем в 1982 г. заявляю, уберите вопрос о происхождении слова *Ruotsi* из игры!») (8).

Все, сказанное Кулешовым о «фонетических законах, правилах установления фонетических соответствий и нормах фонемного пересчета», тут же горячо поддержал его наставник Д.А. Мачинский, еще в советское время ощутивший себя и лингвистом. Потому как есть единственная – лингвистически и исторически бесспорная – этимология слова (социоэтнонима) *русь*, т.е. его происхождение (и не позже IV–VI вв., до широкого распространения паруса) «от *rōþ/rup*, *rōþer*, *rōþsmaen* либо через посредство приб.-фин. **rōtsi* ‘шведы’, **Rōtsi* ‘Швеция’», либо, как впервые предложил Лебедев, «непосредственно от *rup* – несомненно». По заключению Мачинского, «в VII–VIII вв. эта *rōþ/rup/русь*, сохранив свое название, в основном, пересела на парус-

ные ладьи для походов за море, однако навыки гребных походов по морю сохранились до IX в. и чрезвычайно пригодились "свеонской" (по происхождению) части руси при торгово-военных, частично гребных экспедициях по рекам Восточной Европы».

Вместе с тем он продублировал, развивая мысли, высказанные им в 1980–2002 гг.: что во второй половине VIII в. отчетливо фиксируются археологией присутствие в Альдейгье-Ладоге скандинавской «руси» и продвинувшихся с юга славян и балтославян, в меньшей степени, финноязычного населения, что «при формировании русского государства огромную роль играло освоение этносоциумом "русь" речных, морских и сухопутных путей Европы и Юго-Западной Азии», что под главенством этой руси «были объединены все славянские, балтославянские и финноязычные племена Европейской Скифии», что «дорюриково севернорусское политическое единство», возглавляемое русью, глава которого «уже в 830-х гг. смел именовать себя на международной арене "имперским" титулом "хакан"», есть «первое протогосударственное образование» с центром в Ладоге.

Добавив к этому утверждению (или в чем-то уточняя) тезис о том, что в результате набега в 851–852 гг. норвежско-датских викингов на Ладогу там прервалась династия по мужской линии, но «остатки местной руси, тесно связанной со "всей русью" в прибрежной Швеции, оказались необходимы для переговоров и призвания Рюрика», что в первой половине IX в. русь, «судя по сообщению Ибн Хордадбега о русах и данных археологии», состояла «из потомков скандинавов, а также из славян и балтославян; с 850–870-х гг. в составе этой *руси* вновь усиливается скандинавский этнокомпонент», что существовали разнообразные контакты «росов» с Византийской империей «еще до посольства 837–839 гг. и отчасти объясняет осведомленность их о незащищенности столицы при набеге 860 г.», что северная военно-торговая русь после 860 г. (Аскольд и Дир?) создает «новый опорный пункт на пути в Византию – Киев», который с конца IX в. становится опорным пунктом руси на юге Руси... Около 912–920-х гг. Киев уже является главной столицей всего русского протогосударства».

Что, продолжал далее Мачинский, по описанию Константина VII Багрянородного крещения росов, «архонт» «уверенно возглавляет народное собрание и совет старейшин около 868–874 гг., что вполне соответствует обычаям свеонов, как они описаны в "Житии святого Ансгария"», что Итиль был разгромлен не Святославом, а «несомненно... поволжскими русами (вероятно, со вспомогательными отрядами скандинавов и, возможно, северных славян)», что в этносоциуме *русь* «до гибели вой-

ска Святослава в 971–972 гг., видимо, преобладали потомки скандинавов по мужской линии», что славянское имя потомка выходцев из Скандинавии Святослав является «переводом на славянский скандинавского имени его деда Рюрика», потому как умная и дальновидная княгиня Ольга уловила интенсивный и неостановимый процесс славянизации росов (в этих словах слышался голос А.М. Членова 1970 г.: славянское имя Святослав, выбранное его матерью, прозорливой Ольгой, оказывается «с двойным дном», составные части которого калькировали собой скандинавские имена Олег-Хельг – «освященный», «посвященный» и Рюрик-Хререкр – «могучий славой», «славный». А до такого антропонимического конструкта-монстра – Хельг-Хререкр=Святослав – не дотянуло воображение даже А.Л. Шлецера. Как заметили в 1971 г., но без объяснения этого факта, порожденного «советским антинорманизмом», В.В. Мавродин и И.Я. Фроянов, Членов не устоял «перед искусом украсить цветами фантазии политическую историю Руси X века»).

Стремясь удревнить время появления скандинавов в Восточной Европе, Мачинский уверял, что «путь меховой торговли» (Приладожье–Верхнее Поволжье–Прикамье) еще до готов «контролировали свионы центральной Швеции с их великолепным гребным флотом», что росомоны IV в. (у Иордана) являлись прибрежной группировкой свионов (свеев), что нахождение на нижнем Волховье скандинавов, контролировавших в середине VII – рубеже VII–VIII вв. шведско-камский путь, «подтверждается скандинавской эпической традицией». Так, согласно ей, «конунг данов и свеев из "божественного" рода Скьелдунгов Ивар Широкие Объятия... идет морским походом на конунга Гардарики Радбарда», укрывшего дочь Ивара Ауд (или Унна). Но Ивар гибнет, а от брака Радбарда и Ауд рождается сын Рандвер, родоначальник шведских упсальских конунгов, и т.п. Ссылаясь на шведа О. Далина, автора трехтомной «Истории шведского государства», вышедшей в 1746–1762 гг. (в которой он, иронизировал А.Л. Шлецер, «сочинил непрерывную хронологию в древней шведской истории, с 150 г. по Р.Х. до 829»), Мачинский резюмировал, что он зафиксировал некую эпическую традицию, по которой «сам Радбард был сыном Скиры, сына конунга Ингвара из "божественной" династии Инглингов», что, видимо, в его руках «был некий позднее утраченный источник, содержащий фрагмент скандинавского эпоса об особой линии Инглингов».

Археолог, отмечая, что «ранние сообщения летописей – это те же "саги о древних временах", только, в отличие от скандинавских, крайне сокращенные», выговаривал «опытным исследователям» за то, что они «отказываются использовать данные,

содержащиеся в письменных источниках, фиксирующих скандинавскую эпическую традицию, будь то "саги о древних временах", или даже "Сага об Инглингах"» (в 1834 г. О.И. Сенковский, с помощью саг увидев в Руси «Славянскую Скандинавию», убеждал, что только они и содержат «настоящую историю»: «...Если бы у нас было двадцать таких саг», как Эймундова сага, то «мы имели бы гораздо точнейшее понятие о деяниях, духе и обществе того времени, чем обладая десятью летописями, подобными Нестеровой», и критиковал Н.М. Карамзина за «слепое доверие к летописи»). Сам Мачинский, используя «данные, содержащиеся в письменных источниках, фиксирующих скандинавскую эпическую традицию», сразу же увидел тот факт, «что только в Альдейгье-Ладоге и ее окрестностях к 830-м гг. уже 70-80 лет присутствовали выходцы из Скандинавии (преимущественно из Швеции и Готланда)» (9).

(В 1768 г. А.Л. Шлецер указал на «двойное заблуждение» Далина, обрекшее его на ложные выводы: «Сначала он предположил, что варяги были шведами, а затем, исходя из этого, посчитал, что Русь в ту эпоху, да и потом еще долгое время находилась под господством Швеции. Вот так логика!». Позже, в 1802 г., его размашистые рассуждения о шведской истории, поглотившие русскую историю, немецкий ученый емко охарактеризовал как «Далиновы бредни». В 1816 г. и Н.М. Карамзин говорил «о всех нелепостях ученого Далина», «весьма склонного к баснословию» и обратившего «сказки древних о гетах и скифах в шведские летописи!». В данном случае не мешает заметить, что, как констатировал в 1992 г. А.Н. Котляров, речь-«диссертация» Г.Ф. Миллера «О происхождении народа и имени российского», признанная в 1749–1750 гг. академиками М.В. Ломоносовым, И.Э. Фишером, Ф.Г. Штрубе де Пирмонтом не научной, и «История шведского государства» Далина «обнаруживают полное сходство в местах, касающихся событий "до Рюрика"») (10).

Следует напомнить, что еще Шлецер, во главу угла ставя ПВЛ, называл саги «бреднями исландских старух». В целом, в отношении «исландских *рассказчиков*, кои говорят нам о королях финландских, пермских и полоцких, о царях голмгардских и острогардских, с которыми датские и шведские владетели вели кровавые войны и заключали договоры о бракосочетаниях, еще до Р.Х. и в последующие стол.» он подчеркнул: «И заслуживали ли сии глупости того, чтобы *Байер, Миллер, Щерб...* внесли их в русскую историю и рассказывали об них с такой важностию, как будто об истинных происшествиях. Все это есть не иное, что как глупые выдумки», которые необходимо выбросить «из всей русской *древнейшей* истории», уточнив при этом: «Не подумайте однако же, чтобы сии сказочники хотели обманывать с намерением: все пре-

зрение падает только на тех, кто им верит». А в наши дни скандинавист Т.Н. Джаксон заключала, в том числе и в 2007 г., т.е. в год, в который Мачинский возводил саги в абсолют и ставил их выше русских летописей, что «в силу кажущейся объективности саг их известия нередко принимаются за вполне достоверные и привлекаются в исторических исследованиях без должного источниковедческого изучения», что их «отличает синтез правды и вымысла, и вероятность обнаружения в них абсолютно достоверных известий практически равна нулю», что они, основанные на генеалогическом принципе, «практически не содержат абсолютно хронологических вех», в связи с чем последние трактуются весьма произвольно (11).

В 1968 г. английский скандинавист Г. Джонс констатировал, что «даже когда речь заходит об Иваре Широкие Объятия, жившего в VII в., мы блуждаем в царстве фантазий», что «авторы "Саги о Скьельдунгах" и "Круга земного" увенчали легендарного Ивара лаврами победителя примерно так же, как Гальфрид Монмутский (автор XII в. – В.Ф.) приписал бриттскому Артуру завоевание Ирландии, Исландии, Готланда, Фарерских островов, Норвегии и Дании: подобные рассказы поражают воображение читателя, а кто и как сумеет их опровергнуть?», что мир древних и псевдоисторических конунгов, смутно маячащих «на заре истории», – «скорее мир легенд и сказок, нежели реальной истории, и ко всему, что сообщается о них в письменных памятниках XII–XIII вв., следует относиться с большим подозрением». В 1986 г. американский ученый Т.С. Нунан, отнеся того же Ивара, в лучшем случае, к «полуисторическим личностям», подчеркнул, что «было бы наивно и легковерно принимать» «легендарные рассказы» об Ингваре и Иваре «за чистую правду», что «обширная восточная империя Ивара выглядит явно легендарной» (12).

В 2008–2012 гг. А.Н. Кирпичников, видя в скандинаве Рюрике «первоучредителя новой Руси», начавшего «создавать новую государственную машину» (но «это не значит, что норманны создали Русское государство»), подчеркивал, что именно в Ладоге он задумал «создание в масштабах Восточной Европы единой независимой державы» (до которой «дозрели славянские племена») «на принципах справедливого объединения племен и народов, а не дробления и обособления земель» («Здесь родился замысел Русской Державы, Русской Империи»), что его «справедливо рассматривают как основоположника государственного здания, строительство которого продолжил его преемник князь Олег», объединивший в 882 г. Северную и Южную Русь, и что Русское государство «поэтапно создавалось с 862 по 882 год». Вместе с тем он постулировал, демонстрируя посредством какого мутного материала норманисты

«воссоздают» прошлое Руси, что «приоритетное положение Ладоги-Альдейгьёборг как места политического властвования конунгов и даже целых их династий подтверждают скандинавские саги, восходящие к IX–X векам. При всей фантастичности их содержания, какие-то неподтвержденные, а возможно, в какой-то мере реальные события, отражаются в сообщениях о местных владетелях и их семьях. В этом городе останавливались знатные норманны, чинили и строили корабли, защищались от нападений... устраивали свадьбы, собирали вече-тинг. Принадлежностью древней династии ярлов был легендарный заговоренный меч Тюрфинг, который "будет убивать человека всякий раз, как его извлекут из ножен" (Сага о Хервер)», что вплоть до конца XI в. скандинавы «стремились владеть Ладогой как крупным владельческим центром с богатым рынком и сильной крепостью» (13).

В 2009 г. Л.С. Клейн утверждал, что «норманны сыграли значительную роль в истории нашей страны» и что «норманская династия объединила разрозненные до того восточнославянские племена под управлением одной семьи Рюриковичей». А чтобы в том у читателя не было сомнения, он, обратившись к мечу из Фощеватой под Миргородом (первая половина XI в.), на клинке которого читается славянская надпись «людо[?]а коваль», заключил: «Она говорит о местном производстве мечей, причем либо славянский мастер учитывал вкусы потребителя, либо мастером был славянизированный норманн (имя для славянина необычное – Людота или Людоша, фамильярное от Людвиг?)» (14) (как констатировал в 1978 г. Б.А. Колчин, тем самым демонстрируя, чьими взглядами на русскую историю руководствовался Клейн, «начиная с Т. Арне, все исследователи... считали этот меч единственным бесспорно скандинавским мечом, найденным на Руси, а он оказался бесспорно русским». Т.С. Нунан подчеркивал в 2001 г., что данный меч «обоснованно считается изделием русской мастерской, производившей мечи в начале XI в.» (15)).

В том же духе Клейн, желая «открыть» на территории Руси, по причине их отсутствия, скандинавские топонимы, уверял, что «город Суздаль и назван по-нормански – его название означает "Южная Долина"» («даль у скандинавов долина») (16) (Т.Н. Джаксон с середины 1980-х гг. отмечает, что в сагах и географических сочинениях XIII–XIV вв. Суздаль упоминается 6 раз, причем форма используемого топонима позволяет заключить, «что речь идет не о городе Суздале, а о Суздальском княжестве», что «не существовало единого написания для передачи местного имени Суздаль: это и Syðridalaríki (Syðrdalaríki в трех других списках), это и Súrdalar... это и Surtisdalar, и Syrgisdalar, и Súrsdalr», и что «перед нами попытка передать местное зву-

чение с использованием скандинавских корней. Так, если первый топоним образован от *suðri* – сравнительной степени прилагательного *suðr* – южный... то второй, третий и шестой – от прилагательного *sútt* – кислый, четвертый – от названия пещеры в Исландии (*Hellinn Surts*), пятый – от глагола *syrgia* – скорбеть. Второй корень во всех 6 случаях – один и тот же: *dalr* – долина (за исключением шестого топонима, – во множественном числе)»).

Как в целом подытоживает автор, «анализ древнерусского топонимического материала, прежде всего городских топонимов, содержащихся в памятниках древнескандинавской письменности, опровергает тезис о наличии в нем собственно скандинавских наименований», что название русских городов в древнескандинавских памятниках является транскрипцией местных названий: я усматриваю «за каждым скандинавским обозначением местный прототип, усвоенный древними скандинавами и затем переосмысленный ими в соответствии с действующими при межэтнических языковых контактах механизмом народной этимологии», когда звучание чуждого топонима воспроизводится в ином языке «с параллельным его осмыслением и, следовательно, с искажениями, с заменой исходных корней на другие, близкие к ним по звучанию, но порой весьма далекие по смыслу» (17). По логике Клейна, по привычке произвольно обращавшегося и с лингвистическим материалом, Китай-город в Москве построили/основали в 1535–1538 гг. китайцы).

Параллельно с тем Клейн увлеченно повествовал в духе ультра норманистов первой половины XIX в., что «норманны сумели насадить некоторые свои обычаи в государственном управлении, праве и культуре. Введенное князьями полюдь было копией норвежской "вейцлы" и шведского "ерда". Некоторые законы Русской правды были аналогичны скандинавским – суд 12 граждан, закон о езде на чужом коне, размер штрафа в 3 денежных единицы (в датском праве 3 марки, в русском – 3 гривны) и т.д. ... У всех варварских обществ пиры занимают важное место в быту родовой знати, но своей избирательностью "почестен мир" русских былин очень близок к скандинавскому пированию, входившему в кодекс чести конунга и связывавшему его с дружиной. Со скандинавами пришли и их предания. Смерть "вещего Олега" от собственного коня соответствует смерти Орварра-Одда от коня Факки в исландской саге и в некоторых английских сказаниях» (18).

(Датские законы, акцентировал внимание Г. Эверс в 1808 и 1814 гг., «выданы впервые только в 1240 году, во время Вальдемара II, следовательно 223 годами позже Правды (Ярослава. – *В.Ф.*), посему и не могли служить ей основанием». Как отмечал

в 1839 г. норманист А.Ф. Федотов, под воздействием критики Эверса некоторые положения норманизма «решительно теряют доказательную свою силу»: например, «кто примет теперь в число доказательств» «сходство Правды Ярослава с законами скандинавскими» (19). Норвежский славист К. Сельнес в 1963 г. констатировал, что Русская Правда даже в младшей редакции «по духу и содержанию является более древней, чем скандинавские законы XII–XIII вв.», что она, будучи «типично русской» по языку и стилю, создана на «собственно русской почве» и что скандинавское право и древнерусское право «не совпадают в большинстве основных пунктов» (20). Сюжет же о «смерти от коня» распространен во всей европейской средневековой литературе» (21)).

В.В. Мурашева в 2009 и 2012 гг. подчеркивала, что «наблюдается постоянный приток норманского элемента» на Русь, что «скандинавы входили в состав древнерусской элиты (причем на ранних этапах образования Древнерусского государства составляли в ней значительную, если не преобладающую часть)». При этом продолжала проводить идею, что фибулы не могли быть предметом импорта и свидетельствуют «о присутствии женщин-скандинавок на территории Руси» (в 1982 г. В.В. Седов указал, что находки скандинавских вещей, например, скорлупообразных фибул, «не являются этноопределяющими. Их присутствие в трупосожжениях ростово-суздальских курганов отнюдь не означает, что погребенные с такими украшениями были норманнами», так как они попали в Восточную Европу в результате оживленной торговли), что распространение на Руси мечей «каролингского» типа «исследователи связывают с выходцами из Скандинавии», что скандинавские древности имеют широкое распространение в русских землях, считая, что принцип планировки Подола, на котором возникла городская жизнь Киева (застройка вдоль речной береговой линии, наличие усадеб площадью 300-320 кв. м) «оказывается аналогичен структуре расселения в городах средневековой Швеции, таких, например, как Сигтуна» (22) (однако последняя появилась, как вообще все шведские города, намного позже возникновения Киева. Сегодня шведские ученые отмечают, что по-настоящему строительство городов на их родине началось лишь только в конце XIII в. (23)).

В 2011 г. В.Я. Петрухин, подытоживая сказанное им в 1976–2010 гг., убеждал, что «данные исторической ономастики давно прояснили происхождение слова "русь"», воспринятого славянами от финнов Восточной Прибалтики «как обозначение выходцев из Швеции», что «имя русь в славянской форме было принято самими выходцами из Скандинавии в Восточной Европе, как и имя норманны в Западной», а

языческая ассимиляция скандинавов и там, и там «привела к закреплению этнически нейтральных терминов для обозначения земель, оказавшихся под властью пришельцев... – Русская земля и Нормандия», что «Волго-Окское междуречье выходцы из Балтики, из Швеции и с Аландских островов колонизировали одновременно со славянами – словенами и кривичами», что, по его характеристике, «начальная»/«изначальная» русь (или «русские норманны»), формировавшая высший слой русского общества (составляли дружины первых русских князей), стремилась утвердиться на речных путях, «которые вели к центрам византийской и ближневосточной цивилизации», что варяжская легенда «передает договор – ряд, заключенный в Новгороде варяжской дружиной и князьями с племенами словен, кривичей и мери, регулирующий отношения между властью и данниками».

Столь же утвердительно он говорил, что в договоре с Византией имена послов «от рода русского» «сохраняют аутентичную скандинавскую форму», что имя HLGW Кембриджского документа «точно передает скандинавскую форму имени *Хельги*, рус. *Олег*», что термин «варяг» возник на Руси «в древнерусской скандинавоязычной среде – среди собственно руси», став, видимо, с 941 г., когда Игорь впервые призвал варягов – контингент скандинавских наемников – на помощь после неудачного похода на Византию в 941 г., «обозначать на Руси скандинавов вообще, в отличие от собственно руси», княжеской дружины, «имеющей скандинавское происхождение», что в процессе окняжения племенных территорий имя Русь распространилось на подвластные князю земли, где воспринималось, «прежде всего, в качестве политонима, чему способствовала исходная социальная окраска слова *русь* как обозначения княжеской дружины», которая ассимилировалась в славянской среде, что русские информаторы арабских авторов (Ибн Русте) описывали обряд ингумации в могиле, «распространенный в Скандинавии: там, в некрополе Бирки, камерные гробницы известны с IX в. Соответственно, информация об "острове русов", окруженном озером, могла относиться к острову Бьерко (Бирка) на озере Меларен», что «этническая принадлежность погребенных в ладье общепризнана – этот обряд, несомненно, скандинавский» (но такие погребения, указывал учитель Петрухина Д.А. Авдусин, встречаются за пределами Скандинавии «и у других народов, в том числе и у русских славян»), что «варяжская» русь в Волжской Болгарии сохраняла «скандинавские традиции в быту (кремацию в ладье и т.п.)», что «на точное соответствие описания, сделанного Ибн Фадланом, норманскому ритуалу указывают почти все исследователи эпохи викингов».

И Петрухин старательно подыскивает этому ритуалу параллели из скандинавской и германской традиций, которые вообще-то характерны, как блестяще продемонстрировала на широком материале в 1968 г. Н.Н. Велецкая при анализе известий этого арабского автора, славянам (включая эротические элементы) и другим народам, а когда их не находит, то подгоняет под скандинавские. Так, «ангел смерти», которую в 1995 г. сопоставлял с весьма архаичным героем русских сказок – Бабой-Ягой, теперь представил в качестве валькирии, образ которых был «был популярен в Скандинавии и на Руси», а «столбу» на кургане в описании Ибн Фадлана, «видимо, соответствуют рунические надгробные камни, на которых значилось имя умершего и тех, кто поставил памятник» (в источнике же: на месте кремации участники погребения соорудили «нечто вроде круглого холма и водрузили в середине его большое бревно хаданга, написали на нем имя [этого] мужа и царя русов и удалились»), хотя тут же признает, что трудно найти соответствие представлению русов о загробном мире как саде, изложенному арабским писателем, в скандинавской мифологии (но, отмечала Велецкая, «представление о прекрасных садах, в которых сидят предки, свойственно славянским воззрениям на рай») и что «скандинавские матроны оставались после смерти мужа хозяйками, имевшими долю в наследстве».

Петрухин также убеждал, что «наличие скандинавских овальных фибул считается надежным признаком скандинавского погребения», что «открытие все большего числа скандинавских женских могил на Руси... свидетельствует о том, что норманны брали с собой свои семьи... и чувствовали себя на Руси в безопасности», что «скандинавские комплексы принадлежат к самым богатым и пышным некрополям древнерусских городов (Киев, Чернигов) и погостов (Гнездово под Смоленском, Шестовица под Черниговом, Тимерево в Верхнем Поволжье и др)». Вместе с тем он заметил в адрес В.В. Мурашевой, в 2008 г. предположившей по ременной гарнитуре супружеского клада, в которой содержатся вещи скандинавского и салтовского стиля, что на поселении сосуществовали «гребцы-викинги, хазарские всадники и славянское население»: такая гипотеза «представляется излишне прямолинейной в отношении истории накопления клада» (24) (но подобная прямолинейность характерна не только для нее, но и для всех ее коллег, в том числе самого Петрухина).

Свою тенденциозную манеру работу с материальными древностями отечественные археологи продолжали «оттачивать» на письменных источниках. В 2001 г. В.Я. Петрухин, рассматривая сочинение Ибн Русте (930-е гг.), уверял, что ученые давно отыскивали достаточно обоснованные и важные «параллели практически ко всем реали-

ям, описанным в тексте, в скандинавском быте эпохи викингов – в правовых обычаях, традициях жертвоприношения (через повешение), обряде погребения в камере и т.п.», и что, может быть, информация восточных авторов «об острове (полуострове) русов относится все же к Скандинавии». А двумя годами позже представил рассказ Ибн Фадлана о похоронах руса в качестве рассказа о погребении норманна-викинга – «русского вождя», следовавшего завету Одина. Объясняя читателю, что тому же завету «следовали и русские языческие князья X века», как ему следовали «правители Швеции». И вместе с тем он выдал обычай умывания русов, зафиксированный этим арабским путешественником, за скандинавский, ибо способ умывания «снизу», из таза, «несвойственен народам Восточной Европы, в том числе славянам – они использовали рукомойник; этот обычай присущ народам Европы Северной» (такой умозаключение было сделано под несомненным влиянием Г.С. Лебедева 1978 г., который, заостря внимание на «неопрятности» руси, отраженной тем же автором, заключил, что «способ омовения, когда несколько человек пользуются одной лоханью, чужд славянской бытовой культуре, и, несомненно германского происхождения») (25).

В 2002 г. В.Б. Перхавко без колебаний констатировал, что Ибн Фадлан «подробно описал пышные похороны знатного руса скандинавского происхождения» (зыбкость этих слов и им подобным видна хотя бы по тому уже, что и тогда, и годом позже В.В. Эрлихман говорил, как тут не вспомнить мнение датского языковеда В.Томсена, что «любая теория происхождения руси может находить себе кажущуюся опору в сочинениях восточных писателей», иное: этот автор «в 922 г. встретил на Волге "русов", которые по всем признакам были славяне», «явными славянами»). В тот же 2002 г. В.Н. Седых отмечал, приписывая письменным памятникам того, чего в них нет, что «увеличение торговой и политической активности скандинавов в IX–X вв. засвидетельствовано письменными источниками – русские летописи, сообщения восточных авторов (Ахмед Ибн-Фадлан, ал-Балхи и др.) и скандинавские саги, а также археологическими и нумизматическими данными» (26). В 2004 г. Л.С. Клейн был непреклонен в мнении, что, «если прежде под русами арабских источников многие еще понимали славян Киевской Руси, то сейчас всем уже совершенно ясно, что речь идет о норманнах». Годом ранее В.Я. Петрухин в книгу «Мифы древней Скандинавии» вставил очень важные для понимания истории Руси сюжеты из нашей древнейшей летописи – ПВЛ: о призвании Рюрика, Синеуса и Трувора, о Олеге Вещем и Игоре, которые в таком контексте воспринимаются именно скандинавскими, на что, собственно, и был направлен замысел автора, к тому же выводу ведут его пояснения:

имена русских князей суть скандинавские, русь – это скандинавы, клянущиеся славянским Перуном, а носящий чисто славянское имя князь и выдающийся полководец Святослав «заслужил Вальхаллу» (27).

Подобных работ наших археологов к 2012 г., официально объявленному годом празднования 1150-летия зарождения российской государственности, было опубликовано очень много. И их суть предельно четко выразил в том же 2012 г. С.П. Щавелев (повторив эти слова на следующий год): «горсточка» викингов во главе с Рюриком, будучи «приглашенными на договорных условиях», «основала целое государство, даже в начале своего развития равное по площади среднему европейскому королевству» («Так что варяги основали Русь потому, что местный социум был готов принять их помощь. ... Аборигены не могли дальше развивать торговые связи и военные операции... без технического, информационного опыта варягов, их бесстрашного менталитета», что викинги «выступали носителями более сложной культуры и обладали соответствующим менталитетом – первооткрывателей, авантюристов, лидеров», что они среди славян и их соседей «в итоге составили как бы офицерский корпус, возглавлявший военное ополчение аборигенов», военно-политическую элиту созданного ими государства, что «последним викингом» на востоке был Святослав, что на Русь «качественно необходимую присадку образцов военного дела, дальней торговли и сложных ремесел привнесли скандинавы») (28) (в 2000 и 2013 гг. Щавелев вел речь о «крайностях норманизма», не пояснив, правда, что он имеет в виду. Но вряд ли это те «крайности», о которых в 1992 г. говорил академик В.Л. Янин: «По воззрениям крайних норманистов, основы государственности, правопорядка и культуры были впервые заложены на Руси приглашенным из Скандинавии князем Рюриком» (29)).

В данном случае следует привести, с одной стороны, слова Л.П. Грот, сказанные в 2019 г.: «...Скандинавы в скором времени бежали оттуда (из Америки. – В.Ф.), не в силах обосноваться и наладить отношения с аборигенами. Отчего же здесь не проявился их менталитет, в котором Щавелев видит менталитет первооткрывателей, авантюристов, лидеров, благодаря которому они якобы и основали государство Русь?» С другой стороны, слова английского историка Г. Джонса, произнесенные в 1968 г.: норманнам нельзя поставить в заслугу основание Русского государства, «что шведам часто и незаслуженно приписывают» (30).

Даже датчанин А. Стендер-Петерсен, наводнивший Русь огромными массами шведов (где они якобы образовали «*das schvedische Ruotsi – oder Rus'-volk*») и считавший весь высший слой Руси шведским, отмечал в 1953 г., что «в самом процессе

создания русского государства скандинавы сыграли не роль основателей или завоевателей, а роль более скромную, роль одного из многих исторических факторов». Семью годами позже он прямо оспорил точку зрения, что Русь была завоевана предприимчивыми и инициативными норманнами и что «их вожди, прежде всего Рюрик, создали государство из ничего». Причем этот ученый заострял внимание на том, что «вопрос русско-варяжских отношений часто используется для лженаучных обобщений. Можно привести заявления мнимых исследователей (скандинавских. – В.Ф.), гласящие, что древние скандинавы, так сказать от природы были одарены особой способностью создавать государственно-политические и административные организации, в то время как славяне, в частности русские, напротив, по врожденной им особой психике были лишены этой способности» (31). Как показывает краткий обзор археологической литературы, такой уровень обобщений свойственен сейчас российским археологам, занимающимся варяго-русским вопросом и в родной истории приписывающим скандинавам того, к чему они совсем не причастны, и что затем эхом повторяют историки и лингвисты, порождая новые «лженаучные обобщения», типа «Скандославии»/«Скандовизантии» Д.С. Лихачева и «Восточно-Европейской Нормандии» Р.Г. Скрынникова.

(Еще в 1962 г. англичанин П. Соьер предостерегал специалистов от абсолютизации в изучении эпохи викингов только какого-то одного вида источников: они, независимо от узости своей непосредственной задачи, «обязаны использовать весь спектр свидетельств, важно глубокое понимание общего характера всего имеющегося материала в целом». В противном случае их результат не может «претендовать на объективность». После чего он предостерег именно историков от безоглядного доверия выводам археологов. Во-первых, они «не всегда осознают, насколько велика может быть погрешность датировки в археологии». Во-вторых, «пытаясь увязать исторические и археологические данные, очень легко соблазниться самыми удобными гипотезами и отнестись к ним так, как будто они исключают все прочие возможности, поэтому историки, пользующиеся вещественными материалами, должны особенно остерегаться подобных обманчивых доводов». Пояснив затем: «Все эти трудности, ожидавшие каждого, кто обращается к археологическим данным, были подчеркнуты не для того, чтобы доказать бесполезность археологии, а чтобы стала понятнее, какой реальной ценностью она обладает. Вне всякого сомнения, археология вносит важный вклад в изучение эпохи викингов, но, если не признавать довлеющих над ней ограничений, она может принести больше вреда, чем пользы». И свои очень дельные размышления

завершал, как его сегодня характеризуют, «классик зарубежной скандинавистики», словами: важно всегда помнить, что археология «оперирует гипотезами. ... Историк эпохи викингов должен остерегаться принятия на веру бездоказательных, а иногда и безосновательных домыслов и использования их таким образом, как будто они являются непреложным фактом, не вызывающим сомнения». Остается напомнить, что в 1874 г. В.О. Ключевский прямо говорил о «фантазиях археологов», которые сегодня С.П. Щавелев преподносит как «творческое воображение» (32). И это «творческое воображение», перефразируя изречение А.В. Арциховского, «историков, вооруженных лопатой», да еще к тому же всемерно поощряемое норманизмом, не знает границ).

Современные шведские авторы, констатировал в 1965 и 1974 гг. И.П. Шаскольский, стремятся показать, что главным содержанием истории Швеции IX–XI вв. «были не события внутренней жизни страны, а походы в Восточную Европу и основание шведами Древнерусского государства», что в этом некоторые из них «видят самое яркое событие шведской истории "эпохи викингов"» – «самое большое достижение Скандинавии». В том же ключе вели речь и «советские антинорманисты»-археологи. В 1986 г. А.Н. Кирпичников, И.В. Дубов и Г.С. Лебедев подчеркивали, что несколько больших походов киевских князей на Византию в 860-х – 1040-х гг. (а также свободный воинский промысел «русов» в Закаспии), которые обеспечивали «практически каждому из поколений "свейских" викингов воинскую добычу "на Востоке, в Гардах"», «по существу, составили основное военно-историческое содержание шведской "эпохи викингов", как походы в Англию – для датчан и норвежцев»(33).

В атмосфере таких разговоров о «золотых веках» скандинавской истории А.А. Горский в 2004 г. правомерно указал, что «вопрос о роли норманнов в формировании Руси несет в себе некоторый риск как раз не для русского, а для шведского исторического сознания: ведь если "отнять" активную деятельность на Руси, "шведский вклад" в движение викингов окажется близким к нулю – в Западной Европе действовали почти исключительно датчане и норвежцы». На что год спустя автор настоящих строк заметил: «Но это проблема все же шведской, а не российской исторической науки» (34).

Проблема же нашей науки – это установление, ликвидируя многочисленные норманистские завалы и загромождения на пути к ней, истины в варяжском вопросе, неизбежно ведущей к пониманию того, что «самое яркое событие шведской истории

"эпохи викингов"» есть самое ложное событие шведской истории, в насаждении и культивировании которого в науке важную роль играют наши археологи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Stender-Petersen A. *Varangica*. Aarhus, 1953. P. 242; Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X в. М., 1980. С. 48-65; Мачинский Д.А. Была ли Ладога столицей Руси? // Культура, образование, история Ленинградской области. СПб., 2002. С. 60-66; Назаренко А.В. Русь IX века: обзор письменных источников // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда, 2012. С. 32.
2. Кирпичников А.Н. Производственный комплекс IX в. из раскопок Старой Ладоги // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 245-246; его же. 1250-летие Старой Ладоги // Культура, образование, история Ленинградской области. СПб., 2002. С. 42, 44.
3. Сойер П. Эпоха викингов. СПб., 2002. С. 21, 95.
4. Еремеев И.И. Волок «с верха Днепра до Ловати» и варяги // Археологические вести. СПб., 2005. № 12. С. 98-120.
5. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 521-522.
6. Летопись по Лаврентьевскому списку. Изд. 3-е. СПб., 1897. С. 54-55; Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (Новые материалы и исследования). СПб., 2005. С. 28-32; Носов Е.Н. Тридцать лет раскопок Городища: итоги и перспективы // У истоков русской государственности. Материалы международной конференции. 4-7 октября 2005 г. Великий Новгород. СПб., 2007. С. 28-30; его же. Городище // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 138; его же. Откуда пошел «Новый город»? // Родина. 2009. № 9. С. 10; его же. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье // Русь в IX–X веках. С. 101-109, 114-119; его же. У истоков Руси и Новгорода // Родина. 2012. № 9. С. 42-43; Перхавко В.Б. Этнические, политические и конфессиональные особенности «империи Рюриковичей» // Ad fontem / У источника: Сборник статей в честь С.М. Каштанова. М., 2005. С. 212; Рыбина Е.А., Хвощинская Н.В. Еще раз о скандинавских находках из раскопок Новгорода // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб., 2010. С. 68, 76; Пушкина Т.А. Фибула // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. М., 2014. С. 844.
7. Мусин А.Е. Дорога к Руси: страны и народы на путях «из варяг в греки» // Чело. 2006. № 3 (37). С. 45-55.
8. Schramm G. *Altrusslands Anfang. Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert*. Freiburg, 2002. S. 98-104, 107; Кулешов В.С. К оценке достоверности этимологий слова русь // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLIX. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14-18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. СПб., 2009. С. 441-459. См. также: Фомин В.В. Начальная история Руси. М., 2008. С. 133-151. Здесь и далее жирный шрифт и курсив принадлежат авторам.
9. Шлецер А.Л. *Нестор*. Ч. I. СПб., 1809. С. 315; Сенковский О.И. Скандинавские саги // Библиотека для чтения. Т. I. Отд. II. СПб., 1834. С. 17-18, 22-23, 26-27, 30-41, 58, 75; его же. Эймундова сага // То же. Т. II. Отд. III. СПб., 1834. С. 47-49, 53, 64; Членов А.М. К вопросу об имени Святослава // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. Проблемы антропоники. М., 1970. С. 324-329; Мавродин В.В., Фроянов И.Я. Древняя Русь в трудах советских историков между XXIII и XXIV съездами КПСС // Вестник ЛГУ. Серия: История. Язык. Литература. 1971. Вып. 3. № 14. С. 70-71; Мачинский Д.А. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения русского государства в сер. VIII – сер. XI в. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLIX. С. 464-467, 472, 483-525, 530-531, примеч. 13 на с. 501, примеч. 20 на с. 510.

10. Шлецер А.Л. Опыт изучения русских летописей // Скандинавомания и ее небылицы о русской истории / Сб. статей и монографий / Сост. и ред. В.В. Фомин. М., 2015. С. 279, 333; его же. Нестор. Ч. I. С. 346, 359-366, 473, примеч. * на с. рме, примеч. * на с. 369; Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. М., 1989. Примеч. 96, 106; Котляров А.Н. К происхождению и сущности «крайнего» норманизма (теория шведского историка середины XVIII в. О. Далина) // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 20. Томск, 1992. С. 13.
11. Шлецер А.Л. Опыт изучения русских летописей. С. 255-259, 264-265, 271, 277, 299, 311-312, примеч. 31 на с. 341; его же. Нестор. Ч. I. 4-7, иі-кв, лв-лг, лз, мд-ни, ча-чв, рii-рøi, ркд-рлв, 17-21, 49, 52-55, 62, 65, 84, 107, 149, 184, 273, 276-285, 394-395, 399, 420, 425-426, примеч. * на с. 426; т. II. СПб., 1816. С. 22-31, 257-258, 422; т. III. СПб., 1819. С. 222-223; Джексон Т.Н. Древняя Русь в скандинавских письменных источниках IX–XIV вв. Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1995. С. 13-14; ее же. О языческой Вульгарии Снорри Стурлусона // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань, 8-10 сентября 1998 г. Казань, 1999. С. 28-29; ее же. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.) (тексты, перевод, комментарий). М., 1993. С. 19, 74; ее же. Скандинавские источники по истории Новгорода // Великий Новгород. С. 436; Глазырина Г.В., Джексон Т.Н. Сага // Древняя Русь в средневековом мире. С. 711.
12. Джонс Г. Викинги. Потомки Одина и Тора. М., 2003. С. 44-46, 75, 78, 242-243; Нунан Т.С. Зачем викинги в первый раз прибыли в Россию // Американская русистика: веги историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси. Антология. Самара, 2001. С. 28-29, 32.
13. Кирпичников А.Н. Ладожская жемчужина в балтийском мире // Родина. 2008. № 9. С. 39; его же. Из Старой Ладogi в Новгород // То же. 2009. № 9. С. 13-14; его же. Обстоятельства зарождения // То же. 2011. № 4. С. 74; его же. Государственной России – 1150! // То же. 2012. № 9. С. 24; его же. К 1150-летию создания Русского государства // Российская государственность: от истоков до современности / Сб. статей Международной научной конференции, приуроченной к 1150-летию российской государственности (Самара, 13-15 сентября 2012 г.). Самара, 2012. С. 16-18.
14. Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009. С. 8, 226, 231.
15. Колчин Б.А. Оружейное дело древней Руси // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 195; Нунан Т.С. Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сб. статей памяти проф. И.В. Дубова. СПб., 2004. С. 283.
16. Клейн Л.С. Спор о варягах. С. 218, 226.
17. Джексон Т.Н. Суздаль в древнескандинавской письменности // ДГ. 1984 г. М., 1985. С. 227-229; ее же. Древнерусские города в исландских королевских сагах // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 1а. Киев, 18-25 сентября 1985 г. М., 1987. С. 71-72; ее же. Наименование Древней Руси и Новгорода в древнескандинавской письменности: о возникновении топонимов Gardar и Holmgardar // СС. Вып. XXX. Таллин, 1986. С. 93; ее же. Древнескандинавская топонимия Древней Руси и город // Цивилизация Западной Европы. Средневековый город и культурное взаимодействие. Л., 1992. С. 53; ее же. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). С. 255; ее же. Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI – середина XIII в.) (тексты, перевод, комментарий). М., 2000. С. 287; ее же. AUSTR Í GÖRÐUM: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001. С. 141-155, 157.
18. Клейн Л.С. Спор о варягах. С. 76, 226.
19. Ewers J.P.G. Vom Ursprunge des russischen Staats. Riga, Leipzig, 1808. S. 148; Эверс Г. Предварительные критические исследования для российской истории. Кн. 1-2. М., 1826. С. 92; Федотов А.Ф. О значении слова Русь в наших летописях // Русский исторический сбор-

- ник, издаваемый обществом истории и древностей российских. Т. 1. Кн. 2. М., 1837. С. 42, примеч. *.
20. Цит. по: Ковалевский С.Д. Еще один удар по сторонникам норманской теории // ВИ. 1964. № 1. С. 198.
21. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1999. С. 489.
22. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 184, 189; Мурашева В.В. «Путь из ободрит в греки...» (археологический комментарий по «варяжскому вопросу») // РИ. 2009. № 4. С. 174-179; ее же. Славяне, варяги и иные «языщи» на речных путях Восточной Европы // Меч и златник: К 1150-летию зарождения Древнерусского государства: Каталог выставки. М., 2012. С. 36, 39.
23. Andersson H. Sjuttiosex medeltidsstäder – aspekter på stadsarkeologi och medeltida urbaniseringsprocess i Sverige och Finland. Stockholm, 1990. S. 25, 29, 41-42, 44, 46, 50-51; Lindkvist T., Sjöberg M. Det svenska samhället. 800–1720. Lund, 2006. S. 62-63.
24. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. Восточные источники / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. М., 2009. С. 76; Авдусин Д.А. Варяжский вопрос по археологическим данным // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук. Вып. 30. М., Л., 1949. С. 5-6; его же. Раскопки в Гнездове // То же. Вып. 38. М., Л., 1951. С. 80; его же. Скандинавские погребения в Гнездове // Вестник МГУ. 1974. № 1. С. 76; Велецкая Н.Н. О некоторых ритуальных явлениях языческой погребальной обрядности (к анализу сообщения Ибн-Фадлана о похоронах «русса») // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М., 1968. С. 199; Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск, М., 1995. С. 211-214; его же. «Русь и вси языщи». Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М., 2011. С. 9, 57, 68-99, 102, 104, 112-118, 119-120, 235, примеч. 7 на с. 62, примеч. * на с. 73, примеч. 13 на с. 83.
25. Лебедев Г.С. Этнографические сведения арабских авторов о славянах и руси // Из истории феодальной России. Л., 1978. С. 23; Петрухин В.Я. «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // ДГВЕ. 1999 г. М., 2001. С. 133; его же. О «Русском каганате», начальном летописании, поисках и недоразумениях в новейшей историографии // Славяноведение. 2001. № 4. С. 79; его же. Мифы древней Скандинавии. М., 2003. С. 279, 291-292.
26. Томсен В. Начало Русского государства. М., 1891. С. 35; Перхавко В.Б. С весами и мечом // Родина. 2002. № 11-12. С. 137; Эрлихман В.В. Русы потерянные и обретенные // Там же. С. 182; его же. Русь и варяги в Восточной Европе (IX–XII века) // Сб. РИО. Т. 8 (156). С. 172; Седых В.Н. Северная Русь в эпоху Рюрика по данным археологии и нумизматики // Ладога и истоки российской государственности и культуры. Международная научно-практическая конференция. 30 июня – 2 июля 2003 г. СПб., 2003. С. 87.
27. Петрухин В.Я. Мифы древней Скандинавии. С. 400-411; Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004. С. 172-173.
28. Щавелев С.П. 1150: юбилей российской государственности. От «призвания варягов» (862) до основания житийно-летописного города Курска (1032:980). Курск, 2012. С. 15, 19-24, примеч. 7 на с. 18; его же. Дань Мнемозине. Рецензии и отзывы на издания и рукописи 1990–2000-х годов по историографии отечественной истории и археологии. В 2 кн. Кн. 1. Курск, 2013. С. С. 89-90, 93-99, примеч. 41 на с. 92.
29. Янин В.Л. Древнее славянство и археология Новгорода // ВИ. 1992. № 10. С. 47; Щавелев С.П. Дань Мнемозине. Кн. 1. С. 70.
30. Джонс Г. Указ. соч. С. 266; Грот Л.П. Как скандинавы Америку открывали, или почему их «гребцы» не создали американо-индейской Русь? // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX–XXI вв. Материалы VI Международной научной конференции. Липецк, 4 октября 2019 г. Липецк, 2019. С. 14.

31. Stender-Petersen A. Varangica. P. 241-248; idem. Der älteste russische Staat // Historische Zeitschrift. Bd. 191. H. 1. München, 1960. S. 4.
32. Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 257; Сойер П. Указ. соч. С. 6, 16-18, 94-100; Щавелев С.П. Дань Мнемозине. Кн. 1. С. 103.
33. Шаскольский И.П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М., Л., 1965. С. 27, примеч. 67 на с. 27; Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы: Пер. с нем. / Общ. ред. Е.А. Мельниковой. М., 1986. С. 287; История Швеции. М., 1974. С. 64.
34. Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 36, примеч. 1; Фомин В.В. Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 474.

А.В. Олейниченко

О СЛАВЯНСКОЙ РУСИ В КРЫМУ

Вокруг так называемой Причерноморской Руси, и в частности, русов в Крыму, давно ведутся жаркие споры. Это связано с тем, что свидетельства о Причерноморской Руси появляются вместе с самыми ранними свидетельствами о Руси и относятся к эпохе формирования древнерусского государства, уходя во времена до призвания Рюрика в 862 г. Это камень преткновения не только для норманистов и хазарофилов, но и многих других специалистов, считающих русь неславянской в эпоху формирования древнерусского государства.

Что касается норманизма, то он сам по себе имеет крайне слабые основания в письменных источниках. Кроме Бертинских анналов, филологической эквилибристики с названиями днепровских порогов и преподнесения некоторых имен, встречающихся в летописях, как скандинавских, у норманизма, по сути, ничего нет. Остальное является натяжками и насилием над источниками. Имея скудный запас аргументов из письменных источников и крайне сомнительные их толкования, норманистам крайне невыгодны еще и упоминания о Причерноморской Руси, так как они делают их позиции еще более слабыми. Под давлением источников даже «икона» норманизма А. Шлецер был вынужден в свое время пойти на уступки и признать существование двух Русий (1). Одна русь – в Киеве, которую он отождествлял со скандинавами, создала древнерусское государство, другая русь была в Крыму и Северном Причерноморье. Ярый норманист А.А. Куник также был вынужден считаться с русами в Причерноморье (2). Однако с тех пор норманистами предпринимались попытки как-то нивелировать свидетельства источников об этой руси – либо выдать за недоразумения все эти свидетельства, либо свести только к упоминаниям после варяжского призвания, когда можно это представлять как дальнейшую колонизацию норманнов после призвания

Рюрика. Так, М.П. Погодин видел в Причерноморской Руси все те же ватаги скандинавских викингов, пробравшихся и осевших на берегах Черного моря (3). В том же ключе рассуждал и Н.П. Ламбин: «Может быть, сам Свенгелд,... снарядив корабли, смелым, внезапным набегом овладел Тмутараканью? Это вполне в духе Норманнов, которые совершали и не такие подвиги. Удержаться же в захваченном пункте и сделать его притоном для многочисленной, крепко и правильно организованной шайки пиратов было уже не трудно» (4). Е.Е. Голубинский писал о слиянии норманн с родственниками готами в Крыму и видел в Тмутараканском княжестве разбойничье гнездо норманн (5). В XX в. это же направление развивали Г.В. Вернадский и В.А. Мошин (6).

С другой стороны, концепция Причерноморской Руси была привлекательна для тех исследователей, которые отстаивали так называемое «южное», независимое от норманн, направление возникновения Руси. Начало исследований о Причерноморской Руси было положено в 1794 г. работой А.И. Мусина-Пушкина о Тмутараканском княжестве. Уже в ней высказана идея о том, что Тмутараканское княжество перешло во владение киевских князей при Игоре или Святославе (7). В соединении с идеями о происхождении руси от роксолан и сарматов, которые появились еще в XVII в., возникли концепции о «южном» происхождении русов и русской государственности. При этом у разных исследователей концепции отличались пониманием этнической принадлежности этой руси. Так, Г. Эверс считал, что росы-роксоланы (турки, по его терминологии) были частью Хазарского каганата, и, соответственно, и Тмутараканское княжество, и династия Рюрика, и древнерусская государственность имеют хазарское происхождение (8). Продолжение это направление исследований получило после открытия салтово-маяцкой археологической культуры, носителей которой отождествляют то с сармато-аланами, то с болгарами, то видят в ней общую хазарскую культуру. Некоторые из исследователей увидели в них черноморских или приазовских русов (Д.Т. Березовец, Д.Л. Талис, Е.С. Галкина).

Другая часть исследователей рассматривала Приазовье и восточное Причерноморье как прародину славян. Так Д.И. Иловайский рассматривал славян как племя, выкристаллизовавшееся из большого массива скифских племен. «Семья Славяно-Литовская выделилась из огромного Скифского мира под именем народов Сарматских», к которым относятся и роксоланы. Из этой семьи постепенно вычленяется и народ русский». И, таким образом, «Русь, основавшая Русское государство, была не только племя туземное, но и Славянское» (9). В.А. Пархоменко считал, что юго-

восточная ветвь восточных славян, входившая в состав Хазарского каганата, расселялась когда-то вплоть до Приазовских степей и составляла основу Причерноморской Руси (10). Лингвист О.Н. Трубачев со ссылкой на лингвистический материал, касающийся топонимов и гидронимов северо-восточного Причерноморья, также поддерживал идею южного варианта развития русской государственности (11). Фактически и норманисты, и их оппоненты бросаются в крайности. Первые пытаются отрицать все свидетельства о русах в Причерноморье до призвания Рюрика, а остальное свести к норманским завоеваниям уже скандинавской, по их мнению, династии киевских князей, вторые – объявить Приазовье и северо-восточное Причерноморье чуть ли не прародиной славянства или истоком русской государственности. На этом фоне довольно сдержанной выглядела только позиция С.А. Геденова, который не строил никаких теорий о каких-то никому неизвестных «русских каганатах» в северном Причерноморье, а лишь указывал на присутствие там руси еще в дорюриковий период как один из аргументов против норманизма (12).

Корпус свидетельств о Причерноморской Руси складывается как из русских, так и иностранных источников. Практически все они были введены в оборот еще в XIX в., и, в основном, они состоят из свидетельств письменных источников и данных топонимики. О причерноморских владениях Руси мы знаем, прежде всего, из летописей, где говорится о Тмутараканском княжестве, которое впервые упоминается в связи с разделом владений древнерусского государства между сыновьями Владимира Святославовича в 988 г. Многие исследователи предполагают, что Тмутаракань перешла во владение русских князей после разгрома Хазарии Святославом в 965 г. Но есть указания летописных источников и на более раннее присутствие руси в северном Причерноморье. В договоре Олега 911 г. содержится статья, регулирующая «береговое» право, по которому судно и его имущество становилось собственностью тех, кто владел береговой территорией, возле которой произошло кораблекрушение. Статья же договора подразумевала возврат имущества судна как греческого, так и русского, в случае кораблекрушения. Такого же плана статья содержалась и в договоре Игоря от 944 г. Также в договоре Игоря содержится пункт, запрещающий разорение и захват земель Корсуня (Херсонеса) и предусматривающий защиту Корсуня в случае нападения черных болгар со стороны русского князя. Оговаривать последний пункт имело смысл только в том случае, если киевский князь располагал какими-то силами в Крыму или в непосредственной близости от него, чтобы иметь возможность оперативно вмешаться в ситуацию. Со своей стороны, Византия гарантировала предоставление

воинов Игорю в Крыму в случае необходимости. Сохранились интересные пассажи и в Никоновской летописи: «Роди же нарицаемии Руси, иже и Кумани, живяху в Ексинопонте и начаша пленовати страну Римляньскую...» (13).

В византийских источниках есть многочисленные отождествления восточных славян и руси не только со скифами, но и с таврами и тавроскифами. «Скифами» византийские писатели называли народы, проживавшие к северу от Черного моря, в том числе и русь. Но название «тавроскифы» подразумевает, что русь воспринималась как часть постоянного населения Крыма, либо территорий, непосредственно примыкавших к нему. Упорное отождествление с тавроскифами никак нельзя представить как просто отождествление с северными варварскими народами. Так, Лев Диакон называет многократно русов таврами (9 раз) и тавроскифами (21 раз) (14). (Например, «патрикий Калокир, посланный к тавроскифам по его царскому приказу, прибыл в Скифию, завязал дружбу с катархонтом тавров, совратил его дарами и очаровал льстивыми речами...») (15). Вслед за Львом Диаконом тавроскифами русов называли и Пселл, и Анна Комнина (16). Генесий рассказывая об убийстве временщиком Вардой любимца императрицы Феодоры Феоктиста в 854 г., сообщает, что сам император послал к месту действия скифов из Таврики, служивших в этерии (гвардии). По этому поводу В.Г. Васильевский замечал, что под скифами из Таврики Генесий, безусловно, имеет в виду русов (17). Схожим образом их называют Кедрин и Зонара: «скифы около Тавра».

Но Лев Диакон не только называет русов тавроскифами, но и в нескольких местах указывает на то, что Святослав со своими воинами мог уйти не только к себе в Киев, но и к Боспору Киммерийскому. «А с катархонтом войска росов, Сфендославом, он решил вести переговоры. И вот [Иоанн] отрядил к нему послов с требованием, чтобы он получив обещанную императором Никифором за набег на мисян награду, удалился в свои области и к Киммерийскому Боспору...». И в другом месте: «...император наградил гребцов и воинов деньгами и послал их на Истр для охраны речного пути, – чтобы скифы не могли уплыть на родину и на Киммерийский Боспор в том случае, если они будут обращены в бегство». Также Лев Диакон пишет о письме Иоанна Цимисхия к Святославу, в котором напоминает о поражении его отца, князя Игоря, который спасся после неудачного морского сражения в 943 г., направившись с Боспору Киммерийскому: «Полагаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Ингоря, который, презрев клятвенный договор, приплыл к столице нашей с огромным войском на 10 тысячах судов, а к Киммерийскому Боспору прибыл едва лишь с десят-

ком лодок, сам став вестником своей беды» (18). Из приведенных цитат понятно, что и Игорь, и Святослав могли не просто отступить и уйти к себе домой по Днепру, но и найти укрытие возле Боспора Киммерийского.

На связь русов с Крымом указывает и «Житие Георгия Амастридского», написанное во второй иконоборческий период, то есть, между 813 и 838 гг. В житии русы сближаются с таврами за счет перенесения на русов древней таврической ксенотонии. «Храмы ниспровергаются, святыни оскверняются: на месте их [нечестивые] алтари, беззаконные возлияния и жертвы, то древнее таврическое избиение иностранцев у них сохраняющее силу» (19). Константин Философ, побывавший в Крыму в 861 г., обнаружил там евангелие и псалтырь, написанные русскими буквами («Нашел же здесь Евангелие и Псалтырь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и, сравнив ее со своим языком, различил буквы гласные и согласные, и, творя молитву Богу, вскоре начал читать и излагать (их), и многие удивлялись ему, хваля Бога») (20). Византийских авторов дополняют восточные источники. Арабский ученый ал-Масуди (X в.) указывает на то, что русы живут на берегу Черного моря: «В верховьях хазарской реки есть устье, соединяющееся с рукавом моря Найтас (Черное море. – *А.О.*), которое есть Русское море; никто кроме них (русов) не плавает по нему, и они живут на одном из его берегов. Они образуют великий народ, не покоряющийся ни царю, ни закону; между ними находятся купцы, имеющие сношения с областью Булгар» (21). Ал-Хараки (Жил в Средней Азии, умер в 1132 или 1138/9 г.): «Что касается моря Понт Земной, то его называют морем Трапезунда, по принадлежности к нему гавани, и тянется оно от Лазики позади Константинополя по земле русов и славян, длина его – размером 1300 миль, ширина – 300 миль» (22). Ал-Идриси (XII в.) в описании маршрута от Дуная до Матрахи (Тмутаракань) пишет, что «от Бутара до устья реки Русийа двадцать миль. От устья реки Русийа до [города] Матраха двадцать миль» (23). Это приблизительно соответствует Керченскому проливу. И на карте ал-Идриси эта «русская река» впадает в Черное море где-то между гг. Матраха и Русийа.

Кроме того, в Крыму и Северном Причерноморье были зафиксированы древние топонимы с корнем «рос-». Как указывает Д.Л. Талис «на западном побережье Крыма, содержащие этот корень, встречаются на каталонских и итальянских портоланах, начиная с XIII в., и сохраняются на различных географических картах вплоть до XVI в. В литературе упоминается, что в южной части Тарханкутского полуострова находился *Rossofar* (варианты: *Rosofar*, *Roxofar*), а местность еще южнее носила название

Rossoca. С этими названиями следует, очевидно, связать топоним тех же портоланов, относящийся к ближайшей к Западному Крыму области, – Rossa, ныне это Тендрская коса, Ахиллов дром античных авторов. На востоке Крыма или в Приазовье хрисовул Мануила I Комнина от 1169 г. и печать Феофано Музалониссы указывают топоним Росия. С ним, вероятно, следует сопоставить топонимы с корнем «рос-» в Приазовье – Rosso или fiume Rosso вблизи устья Дона и casale dei Rossi к югу от Азова. Вблизи устья Дона Идриси помещает поселение Русия» (24). Этот перечень еще можно дополнить ссылкой на топоним Malorossa у Равенского географа. Развалины Фулл возле Судака до недавнего времени назывались «русскими». Пришедший туда Константин Философ нашел там людей, приносивших жертвы старому дубовому дереву (25).

Как видно, свидетельств о Причерноморской Руси довольно много, и отмахнуться от них довольно трудно. Тем не менее предпринимались попытки как-то опровергнуть свидетельства письменных источников. Так П.О. Карышковский показал, что до этого делались не совсем правильные переводы соответствующих мест из Льва Диакона, и что тот «не дает никакого повода утверждать, будто воины Игоря были там до похода против Византии или будто они выступили в этот поход с берегов Керченского пролива» (26). Действительно, исправленный текст не подразумевает, что Боспор Киммерийский есть родина Игоря и Святослава. Тем не менее, как видно из процитированных выше отрывков, Лев Диакон, действительно, называл русов тавроскифами и указывал на то, что к Боспору Киммерийскому отплывал Игорь и мог уйти Святослав. Это не родина, не столица, не центр княжения, но очевидно, что для них это было какое-то безопасное место, где они могли получить поддержку и укрытие.

П.О. Карышковский также пытается представить свидетельства античных источников о тавроскифах как преимущественно не относящиеся к Крыму. Делает он это за счет того, что сознательно опускает свидетельства Страбона и неявно пытается противопоставить тавров и тавроскифов. Но тавроскифы или скифотавры в устах многих античных и средневековых писателей, в том числе и Льва Диакона, – это всего лишь сокращение от выражения «скифское племя тавров», каковое мы и встречаем у Страбона. Страбон указывал, что тавры жили возле мыса Тамирака и у Симболон Лимен (Балаклавской бухты). Также он пишет: «После Симболон Лимен, вплоть до города Феодосии тянется таврическое побережье длиной около 1000 стадий». И затем, рассказывая о правителях Боспора, он пишет: «Прежде они владели только небольшой частью страны около устья Меотиды и Пантикапея до Феодосии, а большая часть до перешейка и Каркинитского залива занимало скифское племя тавров» (27).

Плиний также, видимо, помещал скифотавров в горах Тавриды. В перипле Арриана и в позднем перипле V в. н.э. упоминается «гавань скифотавров» на юго-восточном побережье Крыма, когда в Крыму давно уже не было ни скифов, ни тавров (28). В греческих списках житий святых епископов херсонских (X в.) встречается и Тавроскифская епархия и земля тавров. В славянском переводе можно прочесть: «еже есть Херсонитский градъ тавроскифьския станы» (29). Из этих свидетельств никак не следует вывод о том, что у византийских авторов было устойчивое мнение о тавроскифах как обитающих вне Крымского полуострова.

Были и другие позднеантичные свидетельства, которые размещали тавроскифов в близлежащих к Крыму областях. Так, Птолемей помещал тавроскифов на Ахиллесовом беге. Более поздние писатели размещали тавроскифов где-то в непосредственной близости от Ольвии. Составитель компилятивной хрестоматии по Страбону (976–996 гг.) относит их к территории между устьем Днепра и Каркинитским заливом. На этом основании Продолжатель Феофана под 941 г. называет росов дромитами (30). Прокопий Кесарийский «указывая, что Херсон и Боспор лежат «на берегу за Меотийским озером, за таврами и тавроскифами», то есть, относит тавроскифов к Приазовью (31). В «Похвальном слове апостолу Андрею» Никита Пафлагон указывает, что страна тавроскифов лежит где-то возле Боспора Киммерийского: «Он, Андрей, достигает города Боспора, который лежит по ту сторону Эвксинского Понта, близ страны тавроскифов, и недалеко отстоит от Меотидского озера...» (32). Все эти свидетельства, относящиеся к разным эпохам, под тавроскифами понимали разное в этническом плане население, но свидетельства, относящиеся к IX-X вв., уже, в основном, подразумевали славянскую русь. Тавроскифов хотя и размещали южнее устья Днепра, в районе Ахиллесова бега и в Приазовье, вблизи Боспора Киммерийского, но это не отменяло представления об их жительстве в Крыму.

П.О. Карышковский пытается представить Льва Диакона как жертву собственной учености, человека, который скомпилировал сведения о руси на основании доступных ему трудов античных и византийских ученых и агиографической литературы. Но само представление Льва Диакона, как человека, запутавшегося в источниках и оторванного от окружавшей его реальности, выглядит странно. Он жил в самой столице, живо интересовался происходившими событиями, впитывал слухи и рассказы очевидцев событий. Чего стоит только его описание Святослава. Собрать сведения о Руси в Константинополе не представляло большого труда. Собственно, то, что пытается П.О. Карышковский представить как ученое недоразумение, на самом деле, есть

как раз следствие хорошей осведомленности Льва Диакона. Из текста Льва Диакона как раз следует то, что он нигде не заявляет о том, что Крым, Приазовье или устье Днепра являются родиной или территорией государственного образования русов, хотя и называет их тавроскифами. Славянская русь совершает походы из Поднепровья и при этом имеет какое-то отношение к Крыму и Боспору Киммерийскому. Собственно, для времен Святослава тут нет ничего удивительного. Так уже в 965 г. он разгромил Хазарский каганат, совершил поход на ясов и касогов и захватил хазарскую крепость Саркел (Белую Вежу). Основываясь на этом, многие исследователи относят к этому походу и захват Тмутаракани. Понятно, что Святослав мог уплыть и к Боспору Киммерийскому, где у него уже могли быть свои владения. Но вполне возможно, что и ранее, уже во времена Олега и Игоря славянская русь контролировала или имела влияние на какие-то территории в восточном Крыму и на Тамани. Этому должно было способствовать то обстоятельство, что на протяжении IX–X вв. Хазарский каганат слабел и, в конечном итоге, это закончилось его разгромом в 965 г. Уже Константин Багрянородный фактически не рассматривал хазар как политический противовес Руси, в отличие, скажем, от печенегов. Из летописи мы знаем, что Олег еще в 884 г. северян, а в 885 г. радимичей заставил платить дань ему, а не хазарам. Падало влияние хазар и в Крыму, и в северо-восточном Причерноморье. Во всяком случае, их роль там не ясна. Среди археологов утвердилось устойчивое обозначение периода VIII–IX вв. как «хазарского» (33). Но, собственно, никаких археологических следов этнических хазар почему-то не было обнаружено. Найденные в Крыму следы салтовомаяцкой культуры обычно связывают с аланами и болгарами, а не с хазарами, и далее вопрос об археологических подтверждениях присутствия этнических хазар в Крыму стыдливо обходится молчанием. Г.Е. Афанасьев – один из немногих, пытавшихся выделить археологические памятники и находки, относящиеся именно к хазарам. Он смог выделить подкурганые погребения с прямоугольными ровиками, которые концентрируются в период существования Хазарского каганата в Волго-Донском междуречье и на Северном Кавказе (34). Но их нет в Крыму, как нет и других археологических следов хазарского присутствия.

Хазарский каганат в IX–X вв. представлял из себя экономически слабое и довольно рыхлое образование. Б.А. Рыбаков справедливо указывал на то, что у восточных авторов нет упоминаний о подчинении руси или славян хазарам. Территория Хазарии в X в., судя по «второму», довольно реалистичному описанию царя Иосифа (35), была незначительной (ок. 360 X 420 км). «Размеры каганата очень скромны и

очень точно описаны в достоверной части "ответа"(царя Иосифа – А.О.). Хазария представляла собой почти правильный четырехугольник, вытянутый с юго-востока на северо-запад, стороны которого составляли: Итиль-Волга от Сталинграда до устья, Хазарское море от устья Волги до устья Кумы, Кумо-Манычская впадина и Дон от Саркела до Переволоки» (36). Эта территория примерно совпадает и с территорией распространения подкурганых погребений с прямоугольными ровиками. Ни о каком подчинении им Крыма, печенегов, черных болгар и даже салтово-маяцких городищ на Северском Донце не может быть и речи. Эта же картина, по всей вероятности, характерна и для IX в. В самом его начале происходит нападение русского князя Бравлина на Сурож. При этом он «пленил от Корсуни и до Корча (Боспора – А.О.)» земли в Крыму (37). Ни о каком вмешательстве хазар в крымские дела даже не упоминается. До 838 г. происходит нападение русов на Амастриду, которых современники ассоциируют с Тавридой. При императоре Феофиле (829–842) в Константинополе почти в один период времени принимали как хазарских, так и русских послов, что свидетельствовало о росте влияния и независимости складывающегося русского государства в Поднепровье. Осенью же 838 г., после унижающего разгрома Феофила от сарацин в Малой Азии, в Константинополь прибывает русское посольство, которое потом вместе с византийским посольством отправилось в Ингельгейм ко двору Людовика Благочестивого искать поддержки в борьбе с сарацинами. По всей вероятности, Феофил хотел заручиться также поддержкой Руси, и, скорее всего, переговоры были вполне успешны. Во всяком случае, мы видим, что в 854 г. русы служили в этерии, гвардии императора Михаила III. Таким образом, как минимум, уже со второй трети IX в. ничто не говорит о значимой роли Хазарского каганата.

Однако многие исследователи еще в XIX в. под влиянием источников о руси в Крыму и Приазовье увидели в этих свидетельствах проявление другой «Руси», политический центр которой располагался в Северном Причерноморье. С этой Причерноморской Русью связывали и посольство 838–839 гг., и нападение на Амастриду, и нападение на Константинополь 18 июня 860 г. При этом обычно ссылаются на то, что в Бертинских анналах правитель Руси называется хакан, что византийские источники не знают имени Аскольда, и что после нападения на Константинополь туда прибыло русское посольство, и русы приняли христианство, о чем не известно русским летописям, и, как известно, Киевская Русь оставалась еще долго языческой. Однако все эти аргументы слишком слабы для принятия гипотезы о том, что в IX в. существовали

политические центры в Причерноморье, которые назывались «Русью» (и к тому же они еще и этнически отличались).

Как мы указывали выше, есть прямые указания на то, что князь Владимир Святой носил титул «хакан», и наверняка такой же титул носили и его предшественники. То, что Аскольда нет в византийских хрониках, не означает, что летописец просто приписал поход Аскольду. Для создателей начального летописного свода Аскольд и Дир не были какими-то легендарными фигурами. События жизни Аскольда были хорошо известны киевским летописцам, причем даже с фиксацией лет. Об этом нам свидетельствуют чудом сохранившиеся записи в Никоновской летописи. Летописцы знали о каком-то столкновении с болгарами, когда погиб сын Аскольда, знали о походе Аскольда и Дира на полочан, знали о походе на печенегов, причем сразу после похода на Константинополь (38). Аскольд и Дир вели активную внешнюю политику, расширяя границы своего государства, что подтверждает и патриарх Фотий: «так называемый народ Рос – те, кто, поработив живших окрест них и оттого чрезмерно возгордившись, подняли руки на саму Ромейскую державу!» (39). Фиксируются и другие подробности, относящиеся к периоду правления в Киеве Аскольда и Дира, но все они постепенно исчезают из летописных сводов, где остаются только записи, относящиеся к династии Рюриковичей. Поэтому вряд ли можно так просто списать рассказ о походе на Константинополь на произвольные сопоставления киевских летописцев. При этом русские летописи не содержат никаких данных о некоей другой «Руси» и трансформацию власти из неких центров Причерноморья в Киев, хотя они знают и о подробностях княжения Аскольда и Дира, и о дани хазарам части восточнославянских племен, и о преданиях о расселении славян с Дуная.

Что касается крещения Руси во времена патриарха Фотия, то здесь не исключено определенное преувеличение или искажение, так как, действительно, никакого крещения Руси в тот период не произошло. Первое свидетельство о принятии христианства росами мы встречаем у современника и участника событий патриарха Фотия в его «Окружном послании» (867 г.). В нем, действительно, говорится, что «они (росы. – *А.О.*) переменили языческую и безбожную веру». Но нигде не сообщается о крещении главы государства и политической верхушки, и сама христианизация представлена как незавершенный процесс: «...приняли они у себя епископа и пастыря и с великим усердием и старанием встречают христианские обряды...перемениются у них старые верования и принимают они веру христианскую...» (40). Насколько успешным был этот процесс, трудно судить. Но, в том же послании он указывает на жителей

Армении, «закосневших в нечестии яковитов», как перешедших в Православие (41). А, как известно, никаких особых успехов у патриарха там не было, и до сих пор Армянская церковь является отделенной от Православной. На преувеличения наталкивает и характер послания, и контекст, в котором упоминается русь. В 863 г. произошел первый разрыв между Римом и Константинополем из-за догматических разногласий. Оно возникло на фоне столкновения в западнославянских землях за сферы влияния (Миссия Кирилла и Мефодия до их поездки в Рим приходится на 862-868 гг.) Интересы Константинополя и Рима столкнулись также в Болгарии. В 864 г. болгары приняли христианство, но практически сразу перешли в унию к Римской церкви. И «Окружное послание» явилось следствием всех этих событий. Фотий касается как раз уклонения болгар от истинной веры. Разъясняя догматические положения Православной церкви, Фотий стремится показать, что исторжение ереси и исповедования истинной веры может вернуть болгар на путь истинный. И вот здесь как раз патриарху и потребовался яркий пример, который был бы у всех на слуху. Нападение на Константинополь было тем резонансным событием, о котором слышали и в восточных провинциях, и патриархи, и в Риме.

Стараниями самого константинопольского патриарха и его окружения была создана легенда о чудесном избавлении Константинополя от нашествия росов. Фотий в своих гомилиях пытается представить дело как некое чудесное событие, как Божий промысел. Русы неожиданно появились и также неожиданно ушли. У Симеон Логофета и продолжателя Амартола это превращается в бурю, которая будто бы поднялась и потопила русские корабли, откуда эта версия перекочевала и в некоторые списки русских летописей. Но источники, независимые от патриарха, не подтверждают эту версию. Так продолжатель Феофана пишет: «Потом набег росов ..., которые опустошили ромейские земли, сам Понт Евксинский предали огню и оцепили город .... Впрочем, насытившись гневом Божьим, они вернулись домой» (42). О том, что росы ушли неотмщенными пишет и папа Николай I в своем письме от 28 сентября 865 г. (43). Иоанн Диякон в своей «Венецианской хронике» также рассказывает о нападении на Константинополь в 860 г., но ничего не сообщает о поражении нападавших («и так с триумфом возвратились восвояси») (44). И как нельзя кстати для патриарха было прибытие русского посольства и возможно успешные переговоры о принятии епископов и проповеди христианства, так как теперь это нашумевшее событие можно было еще раз представить как промысел Божий и победу Православной церкви. И даже если успехи в этом были довольно скромные, и приняла христианство всего лишь ка-

кая-то маленькая община или территория, патриарх мог говорить в послании о том, что «всех оставляющий позади в свирепости и кровопролитии» народ теперь меняет свою веру на «чистую и неподдельную религию христиан» (45). Интересно и то, что очень осведомленный писатель первой половины X в. Константин Багрянородный, который крестил княгиню Ольгу, безусловно, знал о том, что Киевская Русь еще, в целом, языческая страна, тем не менее продолжал утверждать о крещении русов после нападения на Константинополь в 860 г. При этом он не делал никаких этнических различий. По всей видимости, для него крещение русов в IX в. лишь начальная стадия процесса христианизации, который продолжался и при нем, и крещение княгини Ольги стало продолжением этого процесса. С другой стороны, это не отменяет и возможно более ранней христианизации каких-то общин русов в Тавриде или Приазовье.

Таким образом, все вышеизложенное не дает оснований ни рассматривать свидетельства источников о русах в Причерноморье как некое недоразумение, ни переносить известия летописей о ранней истории Днепровской Руси на некие политические центры в Крыму или Приазовье. С одной стороны, в течение IX в. складывается древнерусское государство с центром в среднем Поднепровье, и к середине IX в. это уже достаточно мощное объединение, способное атаковать Византийскую империю. С другой стороны, источники констатируют присутствие руси в Крыму и его близлежащих территориях.

Однако, кроме переосмысления письменных источников, предпринимались попытки опровергнуть присутствие русов в Крыму и Приазовье или представить их как этнически неславянское население с помощью данных археологии. Так археолог Д.Л. Талис пытался обосновать, что русы в Крыму – это этнически неславянское население и являются носителями салтово-маяцкой культуры. Салтово-маяцкая культура существовала в VIII – начале X в. в Подонье и Приазовье. Элементы ее встречаются и на Тамани, и в Крыму. На севере эта культура заходила на территорию Харьковской области. В междуречье Северского Донца и Оскола сосредоточена основная масса памятников северного варианта этой культуры. Там же археологами был открыт и ряд каменных городищ этой культуры со своеобразной техникой строительства стен. Впервые носителей салтово-маяцкой культуры с русью отождествил Д.Т. Березовец. Основной упор в своей аргументации он делает на арабские и персидские источники, которые, по его мнению, различали русов и славян. Сами по себе эти свидетельства являются довольно специфическим источником сведений о древней Руси. Несмотря на то, что ряд свидетельств были действительно уникальны и являются ценным мате-

риалом по истории Руси, в большинстве случаев они все равно крайне обрывочны и поверхностны, чтобы строить на них теории о том, что восточные авторы различали русь и славян (46). Во-первых, в определенном контексте, когда под славянами имелись в виду западные или южные славяне, такое различие было вполне уместным. Во-вторых, в течение IX–X вв. только складывается объединение восточных славян, и далеко не сразу восточнославянские племена усвоили название «русь». Даже в летописях встречаются случаи упоминания руси в узком смысле этого слова, как территория только среднего Поднепровья. В-третьих, восточные авторы не всегда ставили перед собой задачу этнической идентификации руси, а чаще всего не могли этого сделать из-за своей неосведомленности в этом вопросе и просто перечисляли народы, встречающиеся в их источниках.

Места в источниках, на которые ссылается Березовец, не содержат нигде прямых сравнений. Восточные авторы не пишут, что русы – другой народ, чем славяне. Более того, у единственного автора Ибн Хордадбега, который это делает, как раз указывается, что русы – это вид славян (47). Березовец вынужденно признает этот факт, но никаких опровержений привести не может, кроме невнятных ссылок на В.Г. Васильевского и Б.Н. Заходера (48). Труд Ибн Хордадбега был написан во второй половине IX в., хотя, возможно, он уже существовал в 846 г. Сомневаться в осведомленности Ибн Хордадбега не приходится, тем более что он подкрепляет свое утверждение тем, что русские купцы пользуются в халифате славянскими переводчиками. Славяне восточных авторов у Березовца почему-то оказываются именно восточными славянами, и даже конкретно, – днепровскими славянами. Обосновывает он это тем, что будто бы восточные авторы были лучше осведомлены о Восточной Европе (49). Такое сужение этнонима «славяне» позволяет ему локализовать русов в районе Дона. Но, во-первых, ниоткуда не следует вывод о том, что арабо-персидские источники знают, в основном, только восточных славян. О балканских славянах арабы узнали также довольно рано. Так, ал-Фаргани (ум. в 830 г.) указывает, что седьмой климат «проходит по земле Бурджан (Болгар – А.О.) и Славонии и достигает западного моря (Средиземного – А.О.)». Ал-Хоррами (писал в 40-е годы IX в.) указывал, что страна славян – с запада от Византии, а страна бурджан – с севера (50). То же утверждает и Ибн Хордадбег. Более того, он знает о том, что земли славян тянутся далеко на север вплоть до «моря, которое позади славян, и на нем – город Туле» (51). Ибн Йахья побывал у балканских славян во второй половине IX в. Сочинение его не сохранилось, но известно по извлечениям у Ибн Русте (начало X в.) и в Худуд ал-Алам (конец X в.) (52). Ибн Йакуб

побывал в землях западных славян во времена Оттона I (ум. в 973 г.) и оставил яркое свидетельство о нападении как раз балтийской руси с о. Рюген на западных славян (53).

Что касается «классической школы» арабских географов X в. (ал-Балхи, ал-Истархи, Ибн Хаукал) и примыкающий по содержанию к ним Худуд ал-Алам, то из их текстов никак нельзя сделать вывод, что под славянами имеются в виду только восточные славяне Поднепровья. Так, Ал-Истахри (ок. 930–933 г.) пишет: «Земля славян обширна, длиной около 2 месяцев [пути]... Русы – народ в стороне болгар, между ними и славянами». Здесь вообще имеются в виду все славяне западнее русов. Протяженность их земли 2 месяца пути – это где-то около 1800–2400 км. Это же повторяет и Ибн Хаукал. Он также добавляет, что «в государство Византия входят пределы славян». У географов этой школы русы живут в верховьях Волги, так как оттуда приплывают их купцы. И ал-Истахри, и Ибн Хаукал указывают на это («Итиль – это имя реки, которая течет нему (городу Итиль – А.О.) от русов и болгар»; «Река Итиль течет из страны русов». Это никак не вяжется с теориями Березовца о «Руси» на Северском Донце. К этой же школе географов восходит и рассказ о трех видах руси. «Русов три вида. Один вид их – ближайший к Булгару, и царь их располагается в городе, называемом Куйаба, а он – больше, чем Булгар. А вид их самый отдаленный называется Салавийа (Славия в переводе Гаркави – А.О.). А вид их третий называется Арсанийа, и царь их располагается в Арса» (54). По представлениям Березовца, все три вида руси с их центрами располагаются между Северским Донцом и Волгой (55). Но Русь в X в. со столицей в Киеве уже была огромным государством и хорошо известна как на Западе, так и на Востоке. Худуд-ал-Алам (ок. 982 г.): «Страна русов. На восток от нее – гора печенегов, на юг – река Рута, на запад – славяне, на север – ненаселенный север». Судя по тому, что земля русов достигает ненаселенного севера, – это огромная территория, а не земли Подонья с лесостепным вариантом салто-маяцкой культуры в районе Северского Донца. Ибн Хаукал знает о походе русов во главе со Святославом на болгар, буртасов и Хазарию и, безусловно, имеет в виду именно славянскую русь (56).

Название второй группы русов Славия явно связано с этнонимом славяне, что, само по себе, опровергает все теории о различии русов и славян. Город Куйаба, по практически единодушному мнению исследователей, конечно же, город Киев. В X в., когда писали ал-Истахри и Ибн Хаукал, – это крупнейший город Руси. Он больше Булгара и находится приблизительно в 20 переходах от него, что соответствует исти-

не. В самом начале X в. городища салтово-маяцкой культуры Северского Донца постепенно приходят в упадок и гибнут. Обычно их существование датируют VIII–IX вв. Более того, те же арабские авторы указывают, что язык и одежда русов и хазар различные (ал Истахри, Ибн Хаукал). Отождествление русов с тюрками исследователями воспринимается только как ученое мудрствование, которое встречается, в основном, только в поздних источниках. С таким же успехом восточные авторы отождествляли и славян с тюрками. А.П. Новосельцев указывал, что «смешение славян с тюрками наблюдается лишь у поздних компиляторов XII–XVII вв.» (57). Кроме того, по сообщениям еще Ибн Хордадбега и Ибн Факиха, русские купцы в IX в., идя морскими и речными путями к Каспийскому морю, платили дань византийским царям, и возникает законный вопрос, как это они так шли с Северского Донца через Волгу и Хазарию в Каспийское море, что должны были платить дань Византии?

Как видим, аргументация Березовца выглядит крайне сомнительной в плане отождествления носителей салтово-маяцкой культуры с русью. Одним из немногих, кто поддержал Березовца, был археолог Д.Л. Талис. Он сопоставил свидетельства письменных источников о русах в Крыму, сохранившейся русской топонимики Крыма с найденными там же следами салтово-маяцкой культуры и пришел к выводу, что причерноморские русы являются носителями этой культуры. Ключевым пунктом здесь является отсутствие следов славянского земледельческого населения в Крыму в VIII–X вв. Почему-то подразумевается, что, если русы в Крыму присутствовали, то это могло быть не иначе, как государственно-территориальное образование с оседлым земледельческим населением. Так, например, Д.Л. Талис пишет: «На территории центральной и восточной части Степного Крыма, т.е. к востоку от Симферополя и вплоть до Керченского пролива, известно уже около 60 поселений конца VII – начала X в. ...Ни на одном из поселений...не найдено никаких материалов, которым можно было бы указать бесспорные аналогии в славянской керамике третьей и начала последней четверти I тысячелетия н.э.». Ему вторит археолог А.В. Гадло в своем исследовании по Приазовской Руси: «мы должны при разработке этногенетических вопросов на первое место поставить материал сельских поселений («деревни»), который для этой цели более пригоден» (58). Но попадание восточных славян или руси на берега Черного моря и дальнейшее оседание их там не обязательно было связано с переселением каких-то племен и первоначально могло быть не связано с завоеваниями, а, прежде всего, с торговой активностью славянской руси. Маршрут русских купцов, плывущих в страны халифата по Черному морю, проходил вдоль берегов Крыма и дальше

шел через Керченский пролив в Азовское море. Так, Ибн Хордадбех (около 820 – около 890), о котором мы уже упоминали выше, описывает маршрут русских купцов: «Что касается купцов русов, а они – вид славян, то они везут меха бобра, меха черных лисиц и мечи из отдаленных [земель] славян к морю Румийскому, и берет с них десятину властитель Рума. А то идут по [Та?]нису, реке славян, входят в Хамлидж, город хазар, и берет с них десятину их властитель» (59).

Сама торговая активность русов на Черном море была связана с тем, что в экономике Древней Руси огромную роль играло полюдьё и его сбыт в заморские страны. Это было государством организовываемое предприятие, с которого правящая элита получала огромные доходы. Эту экономическую систему в свое время описал Константин Багрянородный и уже в прошлом веке тщательно проанализировал Б.А. Рыбаков. Каждый год зимой осуществлялся сбор дани с огромной территории, а летом реализовывался сбыт полюдьё на иностранных рынках Европы и Азии. Полюдьё было славянской формой сбора дани или налогов с подвластных территорий. Такие же формы дани были и у других славянских народов. Интересно, что скандинавы тоже заимствовали этот принцип у славян, и в сагах даже заимствовано славянское слово для подобного объезда подвластных территорий (*polutasvarf*). Товары вывозились и сухопутным и морским путем. Водным путем товары спускались по Днепру. Суда выходили в Черное море, где маршруты караванов могли разделяться. Часть судов шла в Константинополь, Амастриду и другие рынки Византии, часть огибала Крым, проходила Керченский пролив и дальше поднималась по Дону, переходила в Волгу и достигала мусульманских стран южного Каспия. Об этих торговых путях знает Константин Багрянородный (60). Никита Пафлагон (конец IX – начало X в.) указывает на то, что скифы (т.е. русы) стекались в Амастриду для торговли (61).

Военная экспансия славянской руси в Причерноморье двигалась торговыми интересами (договоры Олега и Игоря). Именно нарушения условий торговли или прав русских купцов и вызывали военные походы, как в это бывало в IX–X вв. Это не были спонтанные набеги с целью грабежа, как это виделось Н.П. Ламбину и Е.Е. Голубинскому. Этим походы русов на владения Византии разительно отличаются от пиратских набегов норманн. Ни один скандинавский конунг не заключал подобные договора ни в IX, ни в X в. Отсталым в культурном и экономическом плане племенам Скандинавии и викингам это было просто ни к чему. В крупных портах Черного моря возникали торговые колонии русов, такие же как колония славян и русов в Итиле. В этот процесс могло втягиваться и местное население. Эти колонии, как и сами портовые

города, которые благоприветствовали русским общинам, могли пользоваться и покровительством русских князей, и переходить под их протекторат, и просить военной помощи, и получать военные гарнизоны. По всей вероятности, именно подобные процессы и привели к тому, что византийские источники стали отождествлять русов с тавроскифами. Понятно, что в таком случае искать русов-тавроскифов нужно, прежде всего, в крупных портовых городах или удобных морских стоянках, а никак не в степях Крыма и Кубани. Обнаружить присутствие русов в Крыму так же не просто, как и более раннее присутствие хазар там. Русские купцы, скорее всего, и под жилье, и под склады использовали типичные для данных городов дома и пользовались теми же бытовыми предметами, что и местные жители. Города Крыма и в облике, и в планировке ничем не отличались от обычных провинциальных городов Византийской империи. Но они отличались от сельских поселений, которые относятся к салтово-маяцкой культуре. В некрополях городов наблюдается унификация обряда погребения, связанная с распространением христианства, имеются плитовые погребения или погребения в ящике. В таких погребениях было мало вещей, что затрудняет их датирование и этническую атрибуцию (62).

Таким образом, резюмируя все вышесказанное, можно сказать, что ни критика источников, ни изыскания археологов пока никак не опровергли свидетельства источников о пребывании в IX–X вв. русов в Крыму. Также не было доказано, что эти руссы этнически не являются славянами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шлецер А. Нестор. Ч. 1. СПб., 1908. С. 55-56.
2. Куник А.А. О записке готского топарха (по поводу новых открытий о Таманской Руси и крымских готах) // ЗАН. Т. 24. СПб., 1874. С. 61, 80, 88.
3. Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. 3. М., 1846. С. 144.
4. Ламбин Н.П. О Тмутараканской Руси // ЖМНП. Январь. 1874. С. 71.
5. Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 1. М., 1901. С. 42-52.
6. Вернадский Г.В. Древняя Русь. М., 1996. С. 270-293; Mosin V. Trece rusko pleme // Slavia. Praha, 1927; Мошин В.А. Русь и Хазария при Святославе // Seminarium Kondakovianum. Т. 4. 1933. С. 187-208.
7. Мусин-Пушкин А.И. Историческое исследование о местоположении древнего русского Тмутараканского княжения. СПб., 1794. С. 32-35.
8. Эверс Г. Предварительные критические исследования для российской истории. Т. 1. М., 1825. С. 274-290.
9. Иловайский Д.И. О мнимом призвании варягов // Начало Руси. М., 2008. С. 93-95.
10. Пархоменко В.А. У истоков русской государственности. 1924. С. 13, 40-41.
11. Трубочев О.Н. К истокам Руси // К истокам Руси. Народ и язык. М., 2013. С. 17-95.
12. Геденов С.А. Отрывки из исследований о варяжском вопросе, I–XII. СПб., 1862. С. 53-70.

13. ПСРЛ. Т. 9. СПб., 1862. С. 13.
14. Карышковский П.О. Лев Диакон о Тмутараканской Руси // ВВ. Т. XVII. 1960. С. 44.
15. Лев Диакон. История. М., 1988. С. 43-44.
16. Михаил Пселл. Хронография. М., 1978. С. 10, 61, 141, 145, 268; Анна Комнина. Алексиада. СПб., 1996. С. 612.
17. Васильевский В.Г. Введение в житие святого Георгия Амастридского // Избранные труды по истории Византии. Кн. 2. М., 2010. С. 135.
18. Лев Диакон. Указ. соч. С. 55-56, 68, 57.
19. Бибииков М.В. BYZANTINOROSSICA. Свод византийских свидетельств о Руси. Т. 2. М., 2009. С. 136.
20. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Tschechien/IX/Slav_pis/frames1.htm
21. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 130.
22. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. М., 2009. С. 23.
23. Там же. С. 130.
24. Талис. Д.Л. Топонимы Крыма с корнем «рос-». Античная древность и средние века. Вып. 10, 1973. С. 229.
25. Васильевский В.Г. Введение в житие святого Георгия Амастридского // Избранные труды по истории Византии. Кн. 2. М., 2010. С. 177.
26. Карышковский П.О. Лев Диакон о Тмутараканской Руси // ВВ. Т. XVII. 1960. С. 42.
27. Страбон. География. М., 1994. С. 282-284.
28. Карышковский П.О. Указ. соч. С.44.
29. Латышев В. Жития святых епископов Херсонских. СПб., 1906. С. 58, 63, 68.
30. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб., 2009. С. 262.
31. Карышковский П.О. Указ. соч. С. 45.
32. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. II. М., 2010. С. 137.
33. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII вв. М., 2003. С. 53.
34. Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования хазарского государства? // РА. № 2. 2001. С. 53.
35. Древняя Русь в свете зарубежных источников... Т. III. С. 207.
36. Рыбаков Б.А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // СА. Вып. 18. 1953. С. 146.
37. Васильевский В.Г. Житие св. Стефана Сурожского (По рукописи Московской Духовной академии № 90) // Избранные труды по истории Византии. Кн. 2. М., 2010. С. 395.
38. ПСРЛ. Т. 9. СПб., 1862. С. 9.
39. Бибииков М.В. Указ. соч. С.153.
40. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. II. М., 2010. С. 132-133.
41. Бибииков М.В. Указ. соч. С. 145.
42. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб., 2009. С. 129.
43. Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980. С. 50.
44. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV. М., 2010. С. 53-54.
45. То же. Т. II. С. 132.
46. Березовец Д.Т. Об имени носителей Салтовской культуры. // ИФ. № 3-4. 2018. С. 199
47. Древняя Русь в свете зарубежных источников... Т. III. С. 30.
48. Березовец Д.Т. Указ. соч. С. 200.
49. Там же. С. 201.
50. Гаркави А.Я. Указ. соч. С. 25, 32.
51. Древняя Русь в свете зарубежных источников... Т. III. С. 26-27.
52. Мишин Д.Е. Сакалиба. Славяне в исламском мире. М., 2002. С. 28.
53. Древняя Русь в свете зарубежных источников... Т. III. С. 79.
54. Там же. С. 82, 84, 85, 88, 90.

55. Березовец Д.Т. Указ. соч. С. 207.
56. Древняя Русь в свете зарубежных источников... Т. III. С. 55, 88.
57. Новосельцев А. П. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 369.
58. Талис Д.Л. Росы в Крыму// Варяго-русский вопрос в историографии. М., 2010. С. 586; Гадло А.В. Предистория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004. С. 76.
59. Древняя Русь в свете зарубежных источников... Т. III. С. 30-31.
60. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 45-51, 175; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 316-342.
61. Васильевский В.Г. Указ. соч. С. 30-31.
62. Древняя Русь в свете зарубежных источников... Т. III. С.113; Гадло А.В. Указ. соч. С. 103-104.

И.А. Костина

СКАЗАНИЕ О ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ УЧЕНЫХ XX в.

«Повесть временных лет» по историческому значению относится к документам первостепенной важности. В летописи поднимается один из главных вопросов отечественной истории: «Откуда есть пошла земля Русская?» Однако на протяжении уже нескольких веков ученые спорят о достоверности этого исторического памятника. Некоторые ученые отрицают подлинность Сказания о призвании варягов, другие сомневаются в исторической основе несторовской летописи. По их мнению, летопись, наполненная определенными историческими сведениями и фактами, содержит в себе и политические правки, позднейшие домыслы сводчиков XI и XII вв., объясняемые идейной борьбой новгородского севера и киевского юга.

Исследователи варяго-русского вопроса XVIII–XIX вв. не изучали детально образования самого Сказания, дискутируя в основном о происхождении приглашенных князей. Об этом писал в 60-е гг прошлого столетия советский историк И.П. Шаскольский, который подвергал критике выводы зарубежных историков о создании норманами Древнерусского государства. Но это не означает, что ученые, занимавшиеся тогда исследованием варяжско-русского вопроса, вовсе не сомневались в достоверности Сказания. Работы русских и иностранных историков XIX в. свидетельствуют о том, что не все, изложенное в «Повести», заслуживает их доверия, многое является спорным. Ученые Н.М. Карамзин, А.А. Куник, М.А. Максимович, И.Е. Забелин, Н.И. Костомаров, подвергали сомнению оригинальность Сказания, считая его первоначальным источником народные предания. В 1876 г. Д.И. Иловайский на основе древних летописей сделал предположение о том, что первоначальный текст легенды о

призвании варягов был позднее переработан, изменен. Дискуссии норманистов и их оппонентов XVIII–XIX вв. положили начало критическому переосмыслению сведений, содержащихся в ценнейшем памятнике культуры.

Российский историк В.В. Фомин в своих работах отмечал: «У нашего выдающегося летописевода А.А. Шахматова были замечательные предшественники, чьи работы в исследовании Сказания о призвании варягов во многом отразились на его творчестве и на творчестве ученых XX в. Главный вопрос, который они ставили прежде всего, это вопрос достоверности или, напротив, легендарности памятника. Эти два взгляда в историографии всегда неразлучны друг с другом и параллельно присутствуют в трудах исследователей, независимо от того, кого они видят в варягах» (1).

Публикация А.А. Шахматовым его подозрений о позднейшей вставке Сказания в летопись стала переворотом во взглядах историков: «...мы не можем признать текст Сказания в том виде, в каком он читается в Повести временных лет, первоначальным». Историк, детально исследовав и сравнив несколько источников, предположил наличие в них «наносов», включений, являющихся ничем иным, как проявлением собственного творчества, фантазии ее авторов и переписчиков, посчитал Сказание переработкой и соединением киевскими летописцами северославянских рассказов (2).

Идею А.А. Шахматова поддержал и развил Б.Д. Греков. Стоит сказать, что мысли историка изменялись с течением времени. В своих ранних исследованиях он не отрицал факт призвания Рюрика, хоть и сомневался в точности описания подробностей Сказания. Греков утверждал, что записи новгородских земель были переписаны киевским летописцем Сильвестром с учетом южнорусских реалий. Затем, в 40-х гг. XX в., ученый допускает приглашение варягов во главе с Рюриком, которые впоследствии захватят местную власть, в качестве военной поддержки одной из борющихся сторон. Но в 1953 г. исследователь придерживался мнения о том, что при изучении становления русской государственности не стоит опираться на Сказание ввиду его легендарности. Б.Д. Греков утверждает в том, что сказание о призвании на княжение трех братьев – пример весьма распространенного предания народов мира (3).

Сторонником идеи о наемной варяжской дружине был и В.В. Мавродин, который предполагал найм одним из новгородских старейшин некоего конунга, совершившего впоследствии переворот в Новгороде. Ученый ставил под сомнение вопрос реального существования братьев Рюрика, Синеуса, Трувора, однако пишет, что невозможно «обязательно считать их легендарными» (4). Ученый признавал, что, несмотря на искажения и многочисленные редакции рассказа, в нем все же описаны ис-

торические события. Следует отметить, что под влиянием критики и обвинений в норманизме, Мавродин, как и Б.Д. Греков, изменял свое мнение, что и находило отражение в его последующих работах. В.В. Мавродин, помимо прочего, опирался на труды Д.С. Лихачева, который, поддерживая взгляды А.А. Шахматова, настаивал на «искусственности» происхождения Сказания. В этих работах просматривается обвинение киевских летописцев в создании легенды о трех братьях. Историческую достоверность призвания Рюрика, Синеуса и Трувора Дмитрий Сергеевич отрицал. С.В. Юшков также говорил о мастерстве летописца, искусно составившего легенду о братьях-князьях, призванную в условиях государственных междоусобиц, подчеркнуть значение княжеской власти. Интересно то, что исследователи рассматривали летопись с точки зрения внешнеполитической обстановки того времени. Как подчеркнул Д.С. Лихачев, легенда возникла постепенно, исходя из реалий того времени, и должна была утвердить независимость Руси от Византии путем обоснования происхождения русского княжеского рода (5).

Рассматривая вопрос легендарности братьев-варягов, В.В. Фомин приводит мнение Н.М. Карамзина, который высказывал сомнения о призвании трех братьев-князей, вспоминая летописные сказания об основании Киева тремя братьями и о братьях-родоначальниках радимичей и вятичей (6). Таким образом ученый выражал скептическое отношение к подлинности источника, обвиняя летописца в попытке объяснить государственную власть намеренным копированием преданий государств-соседей.

М.Н. Тихомиров и Б.А. Рыбаков же рассмотрели за созданием Сказания о призвании варягов стремление Новгорода обособиться от влияния киевской власти. Так, в противовес мнению Шахматова, ученые утверждали не южное киевское происхождение Сказания, а северное, новгородское. М.Н. Тихомиров, основываясь на трудах Д.И. Иловайского и С.М.Соловьева, полностью отрицал правдивость варяжской легенды. По его мнению, созданный новгородцами в XI в. рассказ о призвании варяжских князей и создании русского государства позднее был включен в Начальный свод. Необходимо отметить, что Б.А. Рыбаков, считая Рюрика реально существовавшим человеком, допускал возможность исторической достоверности в его призвании на правах князя для охраны словенских территорий от других варяжских отрядов.

В 80-х гг. XX в. Д.А. Мачинский, А.Н. Кирпичников, И.В. Дубов, Г.С. Лебедев, Е.Н. Носов развивали идею достоверности летописного Сказания. Ученые, принимая во внимание его подлинность, считают вполне реальными исторические события, описанные летописцами (7). В конце прошлого столетия В.В. Фомин утверждал, что

«сказание о призвании варягов могло обрести во многом свой окончательный вид «и послужить защите жизненноважных интересов Киевской Руси уже во второй половине X в., когда она делала один из важнейших и непростых своих исторических выборов – принятие христианства» (8).

Обобщая сказанное, можно заключить, что в ученых кругах XX в. существовали три основные точки зрения об исторической достоверности Сказания о призвании варягов. Первое – описанные под 862 г. события действительно происходили на территории формировавшегося славянского государства. Второе – сочиненный рассказ о варягах-правителях не является отражением происходивших на самом деле событий в период становления государственности у славян. Третье – предание о призвании иноземных правителей могло быть основано на исторических фактах, но искажено многочисленными летописцами и сведчиками с целью ведения идейной борьбы в реалиях того времени. Каждая из этих точек зрения в силу противоречивости источников и содержащихся в них «белых пятен» имеет право на существование.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 275.
2. Шахматов А.А. Сказание о призвании варягов. СПб., 1904. С. 2-28.
3. Фроянов И.Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // ВИ. 1991. № 6. С. 4.
4. Фроянов И.Я. Указ. соч. С. 4.
5. Там же. С.4-5.
6. Там же. С. 276-277.
7. Там же. С. 304-307.
8. Там же. С. 312-313.

Д.А. Ляпин

ЛЮДИ, ВПАДАЮЩИЕ В СПЯЧКУ, И МЕХОВОЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РОССИИ

Мех играл заметную роль в развитии российской государственности в период средневековья. Именно захват Москвой в первой половине XIV в. меховой торговли в Белоозерском крае позволил создать финансовую базу для укрепления позиций Ивана Калиты и его потомков. В это же время Москва берет под контроль торговлю с югрой (зырянами) и начинает отправлять свои экспедиции на Урал. Потомок московских удельных князей, государь всея Руси Иван III сделал меховую торговлю важным источником пополнения своей казны, взяв под контроль почти всю торговлю пушниной

в Европе. мех стал одним из маркирующих признаков Московского царства, чем объясняется его вхождение в символику страны в XVI в. Неслучайно одним из важнейших государственных символов того времени была знаменитая сегодня отороченная соболем шапка Мономаха. В контексте изучения истории русского меха, как важного фактора, способствующего развитию государственности и формирования национальной идентичности России, вызывает особый интерес изучение легенд и преданий, связанных с мехом. Одна из них показывает удивительную устойчивость: это предание о людях, впадающих в спячку. Впервые история об этих странных людях известна в сочинении Геродота, который в середине V в. до н.э. посетил владения скифов Причерноморья (1). Описывая северных соседей скифов, историк упомянул «козлоногих людей» (покрытых мехом до пояса), а затем и людей, которые, по его данным, спят шесть месяцев в году (по всей видимости, зимой) (2).

Точно такие же сведения о людях, впадающих в спячку встречаем уже в русском сочинении конца XV в. «Сказание о восточных странах» (3). Это сказание посвящено различным народам, проживающим на востоке, сведения о которых автору удалось собрать и систематизировать по рассказам русских купцов. Его текст начинается с рассказа о том, что к востоку от Югорской земли на берегу моря живут самоеды – удивительный народ, который ест своих умерших (4). Затем автор сообщает о других племенах, расположенных далее по морю: они ведут иной образ жизни и мохнаты от ног до живота (почти так же, как у Геродота), а «торг их соболи да писцы». По словам автора, другие народы, живущие на восток по морю, менее общительны, зимой они «умирают», но *«оживают как солнце на лето повернется»*. Интересно отметить также, что в конце «Сказания о восточных странах» следует рассказ о большом торговом городе-крепости на Оби, куда нельзя войти, но можно оставить рядом любой товар на обмен. Этого товара лежит здесь очень много, но взять что-либо без замены невозможно: украденная вещь чудесным образом сама появится на прежнем месте. Так что торговлю с этим городом следует вести честно.

Наконец, эту же историю о людях, впадающих в спячку, встречаем в известном описании России австрийского дипломата барона С. Герберштейна, который посетил Москву в 1517 и 1522 гг. (5). Надо полагать, что источниками его сведений были представители двора Василия III, а также русские торговцы. Описывая меховые богатства России, австрийский дипломат уделяет особое место пространствам по Оби, где, по его словам, особенно много ценного пушного зверя. Герберштейн посвятил в своей книге даже отдельное место составлению указателя пути к этим местам, где

«имеется превеликое множество мехов». По его данным, по Иртышу живут народы, «умирающие» зимой и «оживающие» весной. Герберштейн определенно заинтересовался этими людьми, отметив, что, «умирая», они оставляют свой товар для справедливого обмена, который часто не соблюдается (6). Тем самым дипломат повторил, хотя несколько в ином виде, историю русского сказания о городе-крепости, куда нельзя войти, но можно оставить товар для справедливого обмена.

Итак, русские сведения о людях, впадающих в спячку таковы. В районе Оби и Иртыша существовало племя, представители которого по пояс покрыты мехом. Рядом с ними жили люди, которые впадали в спячку зимой, но с ними можно вести торговлю, оставляя товар для обмена на какое-то время. Важно отметить, что вся эта информация относится к XV – началу XVI вв., когда Россия только появилось как сильное государство на европейской карте и ее пушнина вызывала особый интерес в Европе. Понятно, что в этой истории речь идет о двух народах, первый из которых каким-то странным образом одевался в меховые одежды (во всяком случае, до пояса), а второй, впадая в спячку, скорее всего был приверженцем культа медведя и имитировал его поведение. Учитывая данные Геродота, относящиеся к V в. до н.э., эти люди жили когда-то в центральной части Восточной Европы и относились, вероятно, к финно-угорской группе, а потом отошли к северному Уралу. Почитание медведя в древней Восточной Европе было распространенным явлением (7), а его корни уходя в первобытную эпоху, время господства охотников и начала одомашнивания скота (8).

Показательно, что люди, впадающие в спячку зимой, встречаются в русских источниках среди описаний невероятных меховых богатств северо-восточных земель России. Описание этих почитателей медведя связано не только с этнографическим любопытством русских купцов; понятно, что они интересовали Москву как потенциальные торговцы мехом. Вероятно, «Сказание о восточных странах», как и сведения, полученные от русских Герберштейном, должны были показать европейским торговцам большие возможности правителя «Московии» в поставках пушнины на запад. Безусловно, это еще раз указывает на то, что меховой фактор играл в истории недавно появившегося Российского государства важнейшую роль в контактах с Европой, где изделия из меха пользовались огромной популярностью (9).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Геродот. История. Перевод и примечания Г.А. Стратановского. М., 2002. С. 235-302.
2. Там же. С. 243.
3. Бобров А.Г. Сказание о восточных странах и Кирилло-Белозерский монастырь // ТОДРЛ. LXVI. СПб., 2019. С. 110-134.

4. Там же. С. 123.
5. Герберштейн С. Великая Московия: Записки о московитских делах; Новокомский П.И. Книга о московитском посольстве. М., 2008.
6. Там же. С. 191-192.
7. Гура А.В. Медведь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 9 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 3. С. 211-215; Пятникова Т.Р. Мифы и легенды о сотворении мира хантов Белоярского района // История: факты и символы. 2019. № 1 (18). С. 146; Седых В.Н. О проявлениях культа медведя в Ярославском Поволжье в эпоху раннего средневековья // Славяне и иные языци... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной // Труды ГИМ. Вып. 198. М., 2014. С. 159-170.
8. Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990. С. 234.
9. Таймасова Л.Ю. Зелье для государя. Английский шпионаж в России XVI столетия. М., 2010. С. 188-254; Шапиро Б.Л. Русские золотные шубы XVI–XVII вв.: бытование и распространение // Палеоросия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2019. № 1 (11). С. 135-145.

В.В. Милосердов

КТО ТАКОЙ КРЕСТЬЯНИН, КАКОВ ПОРЯДОК ЕГО ОТНОШЕНИЙ С ВЛАСТЬЮ

Сложность русской исторической судьбы объясняется многими причинами. Душа русского народа была сформирована православной церковью, она получила чисто религиозную формацию. В ней всегда присутствовал сильный природный элемент, связанный с необъятностью русской земли, с безграничностью русских равнин. История показывает, что Россия сильна идеей, завещанной ей веками, всецелостностью и духовной неразделенностью народа, способностью в годину суровых испытаний проявить величайшую волю ради подвига великодушия (1).

В древние времена предки крестьян – люди или смерды – выступали не только в качестве земледельцев, но и в качестве свободных, самостоятельных землевладельцев. Они обладали хозяйственными усадьбами с пахотными землями и разными угодьями. Но тогда уже обозначилась большая разница между смердами и другими землевладельцами. Смерды владели таким количеством земли и угодий, которые они могли разработать силами своей семьи или рода. Князья и их дружины обогащались на войне пленными и добычей, в мирное время – даяниями, судебными пенями и пошлинами. Они имели возможность прилагать к земле труд многочисленной челяди и таким путем разрабатывать большие пространства земли и угодий. Князья брали со смердов дань. Как человек, приносящий князю доход, смерд в некоторых случаях стал приравниваться к холопу, терял экономическую самостоятельность. Этому способствовали княжеские усобицы и нападения кочевников-половцев. Татарские набеги, нашествия поляков, многочисленные шайки разбойников, походившие своей гро-

мадностью на целые армии. Они разоряли жилища, уводили скот. Уничтожались самостоятельные земледельческие хозяйства. Нужда заставляла оставшихся без крова и средств существования вольных людей искать пристанище, подсаживаться к тем, у кого уцелели хоть какие-то остатки капитала и хозяйственного обзаведения. Большая часть пристраивалась к князьям, боярам, духовенству – лишь бы найти себе какую-нибудь защиту, потому что закон был совершенно бессилён оградить их. Так появился многочисленный класс крестьян – возделывателей чужой земли. Этому содействовала и общая социально-экономическая эволюция, совершавшаяся в XIII–XIX вв. Еще ранее размножившиеся князья и их дружинники оказались не в состоянии жить только за счет дани и поборов с населения и вынуждены были заняться сельским хозяйством, расширялась распашка земель.

Появление термина «крестьянин» (первоначально «христианин») относится к XIV в., когда его стали применять в отношении почти всего сельского населения. На ранней стадии развития страны крестьянин – это свободный человек, занимающийся земледелием. В.О. Ключевский писал, что существенную роль в определении, кто такой крестьянин, составляло занятие: вольный человек становился крестьянином с той минуты, как «наставлял соху» на тяглом участке, и переставал быть крестьянином, как скоро бросал хлебопашество и принимался за другое занятие. Именно вольный хлебопашец в Древней Руси назывался крестьянином. Его свобода выражалась в праве переходить от одного землевладельца к другому. Такой крестьянин, как правило, не имел ни своего жилья, ни лошади, ни рабочего инвентаря. Словом, перекаати-поле. Всем этим обеспечивал бездомных и безлошадных крестьян помещик. Крестьянин брал у помещика такое количество земли, какое мог обработать. Ведь за нее надо было платить. Холоп, пахавший землю своего господина, не считался крестьянином, потому что не был вольным.

В XIV–XV вв. обозначилось деление всего крестьянства на две категории. Крестьяне-старожильцы, которые крепко сидели на своих местах, целыми поколениями проживали в селах и деревнях, наследственно держа свои участки земли. Эти крестьяне платили подати и несли повинности обыкновенно целою волостью, сообща. Раскладка податей и повинностей производилась по селам. Другая категория – переходные крестьяне, снимавшие на время свободные участки земли у старожильцев, бояр или монастырей. Срок аренды составлял от 1 до 10 лет. В течение этого времени крестьяне платили государевы подати, дань, оброк и всякие другие волостные платежи. Оплата производилась натурой в определенной доле урожая: половина, треть и даже

шестая часть. Все это послужило фундаментом, на котором стало воздвигаться крепостное право.

Постепенно все большая часть крестьян из самостоятельных землевладельцев превращалась в пользователей чужой земли. В XVI в. договор, заключаемый свободным человеком на известный срок, уступает место ссудной записи, по которой крестьянин обязуется жить постоянно при своем господине. Таким образом, крестьянская ссудная запись получила значение крепостного акта, утвердившего личную зависимость без права землепользователя прекратить ее. Уничтожение крестьянских переходов было выгодно и государству. Этим закреплением обеспечивалась устойчивость в уплате государственных повинностей тяглецами и в отбывании служб дворянами. Власть нуждалась в исправном служилом человеке. В 1627 г. последовал указ, запрещающий дальнейшую раздачу дворцовых земель. Но раздача не прекратилась совсем. За период с 1682 по 1711 гг. было роздано из дворцовых имений 4370 населенных дворов, 506 тыс. дес. пахотной земли и еще большие площади лесов. Словом, в руки дворян перешло много сотен тысяч дес. земель вместе с крестьянами, их населявшими. В этот период почти повсеместно наблюдался рост бросивших пашню крестьян, носивших название бобылей. Вокруг столицы площадь обработанных земель составляла от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ всей запашки. Закон 17 марта 1731 г. окончательно смешал поместья с вотчинами. пожалование стало предоставляться в полную и наследственную собственность без ограничений. Одновременно расширились и пределы крепостной зависимости. Юридическим содержанием крепостного права была власть землевладельца над личностью и трудом крепостного.

Судьба российских крестьян существенно отличалась от западноевропейских и американских. Если, например, в Европе их закрепощение происходило насильственно, преимущественно захватом территорий, когда завоеватели отбирали у местных жителей собственность, оставляя часть ее в пользование, за известные работы, подати, то в России они закрепощались постепенно. Наше древнее общество сложилось путем непосредственного распространения рода без участия каких-либо пришлых, чуждых ему элементов. Тогда быт был семейно-общинный. Семья на одном корню разрасталась в род, т.е. в кровную совокупность старших и младших семей, и становилась общиной семей. Словом, род – семья семей. «Родовое чувство, родовое начало, управляющее нашим старым бытом, есть, в сущности, родовая идея, которая была творцом нашего единства, нашей народной силы всех наших народных напастей, государственных и общественных» (2). Отсюда существом и непосредственною силою

русского быта был род. Древняя власть по преимуществу была родовая. Отсюда и своеобразие нашей истории. В западном обществе в основу бытового развития, а, следовательно, и в основу бытовой власти легли отношения завоевателей, право сильного. Там бытовою связью людей руководило по преимуществу право – закон, властные отношения. И властный человек чувствовал себя как победитель, а подвластный – как побежденный. У нас, наоборот, всю бытовую связь людей одухотворял смысл рода. Государство начинало знать крестьянина как плательщика поземельной подати после того, как он принимался за обработку земли. Таким образом, земля входила в состав крепостного права не как юридический элемент, а как экономическая необходимость. Ибо без достаточного земельного надела невозможно прочное обеспечение быта крепостных крестьян и исправное исполнение государственных повинностей. Следовательно, крестьянское поземельное тягло в Древней Руси падало не на крестьянина, обрабатывающего землю, а на землю, кто бы ею ни владел. В Древней Руси не существовало крестьян-собственников. Отношения крестьян с землевладельцем состояли в том, что вольный хлебопашец сидел на чужой земле по договору с землевладельцем. Историк И.Е. Забелин писал, что все наше общество по духу своей внутренней жизни представляло одну громадную совокупность *родни*, где не было и не могло быть членов, строго разграниченных своими правами. Не только семья и род, что очень естественно и обыкновенно, держались крепко и твердо стихией родительской опеки, но ею же держалось все общество, ею же строилось наше государство, ею вырабатывалась и эта необычайная государственная плотность и стойкость народа (3).

Первоначально поземельные отношения налагали обоюдное ограничение как на право крестьянина, так и на произвол землевладельца в отношении к крестьянину. Ближайший советник императора Александра I, составитель Свода законов Российской империи М.М. Сперанский писал: «Законное крепостное состояние в существе своем есть состояние крестьянина, водворенного на помещичьей земле с взаимной обязанностью: *со стороны крестьянина* – обращать в пользу помещика половину своих рабочих сил, *со стороны помещика* – наделять крестьянина таким количеством земли, на коем мог бы он, употребляя остальную половину рабочих сил, трудами своими обеспечивать себе и своему семейству достаточное пропитание». Постепенно понятие о крестьянине начинает меняться. Из свободного хлебопашца он превращается в закрепощенного земледельца, который уже не мог свободно переходить от одного хозяина к другому. Судебник Ивана III установил, что крестьянин может перей-

ти из одной волости, села в другие только за неделю до Юрьева дня и неделю после него (26 ноября). Чтобы приостановить уход крестьян и в этот период, помещики стали удерживать их в связи с их задолженностью. Должников становилось все больше. И переходы как нормальные явления крестьянской жизни вскоре исчезли. Крестьяне стали самовольно покидать помещичьи имения, устраивали побеги с нарушением долговых обязательств. Повинности крестьян в пользу помещика определялись всегда неконкретно: крестьянин должен был «...помещика во всем слушати, пашню на него пахати и дворов дело делати и оброк платити.... Землевладелец был, во-первых, ближайший управитель крепостного, которому государство поручило надзор за хозяйством и поведением крепостного с ответственностью за исправное отбывание им государственных повинностей; во-вторых, землевладелец имел право на труд крестьянина как собственник земли, которой пользовался крестьянин. Как правительственный агент, помещик собирал казенные подати со своих крепостных крестьян и надзирал за их поведением и хозяйством, судил и наказывал за их проступки – это полицейская власть помещика над личностью крестьянина работой, или оброком в свою пользу – это хозяйственная власть над трудом крестьянина по гражданским поземельным обстоятельствам» (4).

Барщина и оброк представляли собой службу кабального холопа за долг. Невыносимые условия жизни усилили отток крестьян из черных и дворцовых волостей и сел. Последним стала угрожать опасность запустения, и правительство должно было проявить особую твердость и определенность в вопросе о переходе крестьян. Оно старалось прикрепить его к одному месту, чтобы заставить платить подати и служить безвозмездно. Напрашивалась мысль, что крестьяне-старожилы не могут самовольно покидать волости и села. Единственная возможность для них покинуть старого хозяина – расплата за него другого землевладельца и вступление в права последнего. Постепенно переходы как нормальное явление крестьянской жизни стали исчезать. Их место занял самовольный выход, побег, уход с нарушением долговых обязательств. Борьба правительства с бегством крестьян становилась одной из главнейших целей крепостного законодательства. В 1597 г. был издан указ о сыске беглых крестьян и возврате их назад с женами и детьми в течение пятилетнего срока. Этот указ регламентировал существование и развившееся из зародыша крепостное право. Крестьянская свобода суживалась. Надорванный экономически, опутанный долгами, крестьянин мало-помалу опутывался и государственным законодательством. По этому указу неисправный должник, покинувший землевладельца, превращался в беглого. Так к

концу XVI в. здание крепостного права вчерне было готово. В последующее время оно лишь достраивалось и совершенствовалось в деталях.

В XVII в. землевладелец по отношению к крестьянину, работавшему на его земле, рассматривался уже не как одна из договаривающихся сторон в поземельной сделке, чем он был прежде, а как орган правительства, обязанный по закону отвечать за своих крестьян. Вследствие поземельного прикрепления крестьяне попали в неволю. Помещик стал правительственным агентом, надзирателем крестьянского хозяйства и сборщиком казенных податей. Он присвоил себе уголовную юрисдикцию над крестьянами с правом подвергать их наказанию. Крестьян жестоко избивали. Указом 1760 г. землевладельцам было предоставлено право ссылать своих крестьян «за продрозостные поступки» в Сибирь. Жена по закону следовала за ссыльным, малолетних детей помещик мог удерживать при себе. Закон предусматривал продажу крестьян целыми семьями и в розницу. Дворянство имело над крестьянами полную власть. Петр I не собирался освобождать крестьян от крепостничества, но он не мог равнодушно смотреть на злоупотребления, которые их отягчали. Он приказывал устранять бессмысленно жестоких помещиков и, как выражался царь, «дураков» от управления населенными имениями. В 1719 г. был издан указ, которым государь обязывал своих подчиненных смотреть, чтобы помещики не разоряли своих крестьян, а разорителей отрешать от управления имениями, передавая их в управление родственникам. В 1721 г. один помещик был сослан на 10 лет на каторгу за то, что убил своего человека. Тогда же вышел указ, запрещающий розничную продажу крестьян и дворовых, детей от родителей. Но реализация петровских реформ, прежде всего, военной, потребовали дополнительных ассигнований. И они, в первую очередь, легли на плечи крестьян. В 1718 г. император ввел подушный налог, то есть налог на каждого человека мужского пола. Это толкало крестьян убежать с земли, чтобы избежать уплаты налогов. Чтобы сохранить налоговые поступления, в 1722 г. издается указ о том, что крепостные не могут покидать землю без письменного разрешения своего хозяина. Крепостная петля на шее крестьянина затягивалась все туже. Российские монархи от Екатерины II до Николая I на словах были за отмену рабства, но они колебались и уклонялись на деле от такого важного дела. Екатерина II несколько стеснила нормы крепостного права, но сущность его оставила без коренных изменений, воздержалась от решительных мер. Павел I не любил дворян, называл их тунеядцами и ставил вопрос о необходимости облегчения положения крестьян, «сих добрых и полезных членов государства». При нем (1797 г.) был издан манифест об ограничении барщины. Слухи о сочувст-

венном отношении Павла к крестьянам проникли в народ и при вступлении его на престол, породили в крестьянском населении большие надежды. Но они оказались несбыточными. Бунты и волнения крестьян возобновились.

Первая половина правления Александра I была знаменована большим оживлением крестьянского вопроса. В обществе, в правительственной среде, науке, литературе были подняты и подвергнуты обсуждению важнейшие вопросы, относящиеся к ограничению крепостного права, запрещению продажи крестьян. Однако проект государственных преобразований в Российской империи М.М. Сперанского, включающий постепенную ликвидацию крепостного права, не был осуществлен. При Александре I было запрещено помещиками отдавать крепостных на фабрики и заводы с заключением условий от своего лица, продавать крепостных на ярмарках (что не прекратило, однако, таких продаж), уничтожено право помещиков отдавать крепостных на каторжные работы. 20 февраля 1803 г. был издан закон о так называемых «свободных хлебопашцах». Помещикам была дана возможность освобождать крестьян селениями с землей. За все царствование Александра I было лишь 161 освобождение крестьян на основе этого закона. Причем только в 17 случаях помещики отпустили крестьян без всякой оплаты. В царствование Николая I этим воспользовались 250 помещиков, освободивших 67149 крестьян м.п. Николай I был противником уничтожения крепостного права, он желал только его ограничения. В 1842 г. он категорически заявил, что «в настоящую эпоху всякий помысел о сем был бы лишь преступным посягательством на общественное спокойствие и благо государства».

Перед Великой реформой помещичьи (крепостные) крестьяне составляли 37% всего населения. Они делились на барщинных (работавших на барском поле) и оброчных (плативших помещику денежный оброк). На крепостном положении находились и монастырские крестьяне. Близкие по своему положению к помещичьим были крестьяне, принадлежавшие императорской семье. Их называли дворцовыми, а с 1797 г. – удельными, так как для управления этими крестьянами был утвержден Департамент уделов. В этот период их насчитывалось 463 тыс. душ м.п. Отмена крепостного права, проведение аграрных реформ в 1863 г. и в государственной в 1866 г. деревнях, уравнивали правовой статус различных категорий крестьянства. В конце XIX в. 87 % населения страны (81,4 млн чел.) жило в сельской местности. Из-за незавершенности реформы и роста населения в деревне увеличивалась группа безземельных, шло «раскрестьянивание», т.е. отказ крестьян от сельскохозяйственного труда, происходило расслоение крестьян по имущественному положению.

Постепенно поземельное устройство, сельский уклад, порядок отношения крестьян к своим работодателям менялись. Старая хозяйственная система, сочетавшая общинное землевладение с личным хозяйством независимого крестьянского двора, где самостоятельно трудилась крестьянская семья, уходила в прошлое, и тех крестьян, которые духовно сложились до революции, в современной деревне уже не стало. На смену старой хозяйственной системе пришла новая, сочетающая многообразие форм хозяйствования. В условиях этой системы сформировался новый крестьянин, а доля сельских жителей, относящихся к крестьянам, резко сократилась. Все большую часть населения деревни стали составлять служащие, рабочие, интеллигенция. В 70-е гг. прошлого столетия в деревне произошел колоссальный переворот. На селе жили и работали агрономы, зоотехники, ветеринары, лесоводы, инженеры, техники, врачи, педагоги, библиотекари, бухгалтеры, финансовые инспекторы, служащие сельсоветов, милиции, народных судов, почты, кооперации, заготовительных органов, производственных предприятий колхозов и, наконец, рабочие. Деревня стала неоднородной. В ней появилась существенная и влиятельная прослойка сельской интеллигенции, рабочих и служащих, т.е. лиц городских профессий. Наибольшие изменения произошли в последние 20 лет в связи с многоукладностью аграрной экономики, новыми отношениями селян к работодателям, с разрушительными процессами в отрасли, обеднением и вымиранием сельского населения.

Но как бы ни менялся крестьянин, он всегда был тесно связан с землей. Земля была главным источником приложения его труда и источником его существования. Ф.М. Достоевский писал: «...русский человек с самого начала и никогда не мог и представить себя без земли...Уж когда свободы без земли не хотел принять, значит, земля у него прежде всего, в основании всего, земля – все, а уж из земли у него и все остальное, то есть и свобода, и жизнь, и честь, и семья, и детишки, и порядок, и церковь – одним словом, все, что есть драгоценного» (5).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Милосердов В. В. Судьба российского крестьянства. Кн. II. М., 2011. С. 12-41.
2. Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Новосибирск, 1992. С. 19.
3. Там же. С. 22, 23.
4. Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 5. М., 1987. С. 86.
5. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М., 1989. С. 306.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ВЛАСТИ И КРЕСТЬЯНСТВА В ТРУДАХ

В.В. МИЛОСЕРДОВА

(К 90-летию академика РАН Владимира Васильевича Милосердова)

В.В. Милосердов – видный отечественный ученый в области экономики и организации сельского хозяйства. Выходец из бедной крестьянской семьи Тамбовской области, за три десятка лет прошел путь от аспиранта до академика РАН. Работал в районных, в высших республиканских и союзных государственных и партийных структурах, руководил тремя научно-исследовательскими институтами, активно занимался наукой, подготовкой кадров (1). «Им создана научная школа по совершенствованию аграрной политики, государственному регулированию, совершенствованию экономических и земельных отношений» (2). Основная часть из более 500 работ академика РАН, включая более 50 монографий, учебных пособий, брошюр, сотни статей, посвящена огромному спектру проблем сельского хозяйства, в том числе: вопросам размещения государственных закупок сельскохозяйственных продуктов, мерам по интенсификации агропромышленного производства, аграрным преобразованиям и государственному регулированию в АПК, совершенствованию структуры отдельных отраслей АПК и его продуктовых подкомплексов, специализации сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР, проблеме продовольственной безопасности страны и др. (3). Многие его предложения, рекомендации, в том числе по интенсификации сельского хозяйства, оптимизации кормовых рационов и кормопроизводства, распределению минеральных удобрений, нашли практическое применение в сельскохозяйственном производстве. Методику оптимального размещения закупок сельскохозяйственной продукции в стране, разработанную В.В. Милосердовым и возглавляемым им отделом экономической кибернетики ВНИЭСХ, Госплан СССР утвердил в качестве типовой.

Начиная с 1990-х гг., в своих публикациях Владимир Васильевич все чаще обращается к проблеме взаимоотношений власти и крестьянства на основных этапах истории российского государства. Хорошо представляющий многовековую судьбу российского крестьянства, в них он выступает не только как ученый-экономист, но и как историк, публицист, как защитник интересов крестьян. Первоначально эта проблема рассматривалась только в отдельных главах и разделах, а затем – в отдельных трудах. Первым из них стала монография «Аграрная политика и проблемы развития АПК»

(1990 г.). Затем последовали другие труды: «Крестьянский вопрос в России: прошлое, настоящее, будущее» (в 2 ч., 1999 г.), «Аграрная политика России – XX век» (в соавторстве, 2003 г.), «Крестьянство России в глобальном мире» (1-3 издания: 2008, 2009, 2009 гг.), «Судьба российского крестьянства» (2011 г.), «Этапы развития аграрной политики советский период» (2016 г.) и др. (4).

В 1990 г., готовя публикацию о развитии фермерства в СССР, мне удалось ознакомиться с только что вышедшей из печати монографией В.В. Милосердова «Аграрная политика и проблемы развития АПК» (1990 г.). Бегло просмотрев первые разделы труда об аграрной политике Советской власти в довоенные годы, более внимательно прочитал разделы об аграрной политике государства, начиная с мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Из последнего раздела «Перспективы развития колхозов, совхозов и крестьянских хозяйств» в качестве цитаты выписал прогноз тогда еще мне неизвестного (в монографии не было никаких сведений об авторе) В.В. Милосердова: к середине 1990-х гг. «...даже при самом благоприятном отношении к новым формам хозяйствования, при создании им всех необходимых условий, они смогут производить максимум 7-10% продовольствия в стране. А это значит, что индивидуальные хозяйства в ближайшие годы не станут ключевым звеном АПК» (5). Данный прогноз В.В. Милосердова актуален до сегодняшнего дня. Позднее, «освежая» лекционный материал или готовя научные публикации, стал все чаще обращаться к другим разделам этой монографии, которую, как выяснилось из одной его публикации, Владимир Васильевич написал, работая консультантом отдела сельского хозяйства ЦК КПСС, советником в Госплане СССР (6). Имея доступ к документам Госплана СССР и ЦК, используя собственные наработки (записки, справки в государственные и партийные структуры, в адрес их руководителей), в отдельной главе он обстоятельно изложил содержание аграрной политики Советского государства на основных этапах его истории, не оставив без внимания взаимоотношения власти и крестьянства. В целом ряде последующих научных и научно-популярных трудов, с которыми я ознакомился уже в начале 2000-х гг. – вновь обращается к истории аграрной политики Советского государства. В 2016 г. им была написана отдельная работа «Этапы развития аграрной политики в советский период» (7).

Со второй половины 1990-х гг. В.В. Милосердов начинает проявлять интерес к более ранней истории российского крестьянства, его взаимоотношениям с властью, рассматривать их через призму современной аграрной политики государства. В 1999 г. в свет выходит его труд «Крестьянский вопрос в России: прошлое, настоящее, бу-

дущее», состоящий из 2 частей (двух книг), изданных в течение одной осени. Он стал первым из задуманной трилогии о крестьянском вопросе в России. Как было заявлено в предисловии к первой части, две последующие части трилогии будут посвящены «настоящему и возможному будущему крестьянского вопроса в России», что и нашло отражение во второй части работы, озаглавленной «Крестьянство в канун третьего тысячелетия». Только вот размышления о возможном будущем крестьянства были отложены более чем на десятилетие.

Во кратком вступлении к первой части работы, «От автора», В.В. Милосердов пишет: «Россия переживает один из трудных и ответственных периодов своей истории. России реально угрожает потеря продовольственной безопасности: руководство страны самоустранилось от решения этой проблемы, отдав эту важнейшую задачу государственного управления на откуп частным структурам...Россия превращается в зону сбыта залежалых импортных продуктов; собственное сельское хозяйство, оставшись в условиях неэквивалентного обмена без государственной поддержки, все больше деградирует...Причина происходящего в том, что аграрная политика последних лет напоминает наши непролазные проселочные дороги, чего, к сожалению, политическое руководство старается не замечать. С нашей точки зрения, сохранение нынешнего курса аграрных реформ приведет только к усилению спада производства... Именно знание нашего прошлого дает основание верить, что в годы суровых испытаний народ России способен проявлять величайшую волю ради того, чтобы вырваться, казалось бы, из безвыходного положения... Каждый истинный гражданин России... надеется, что и российское крестьянство не погибнет, не будет раздавлено катком западной продовольственной интервенции, станет уважаемым классом Отечества» (8).

В предисловии ко второй части труда, озаглавленного «Крестьянство в канун третьего тысячелетия», академик В.В. Милосердов так определил роль носителей верховной власти в истории страны, их отношение к народу: «К сожалению, за многовековую историю не так много было князей и царей, генеральных секретарей и президентов, которые, будучи во власти, смогли внести существенный вклад в процветании России, больше среди них было таких, которые об этом думали мало или совсем не думали. А в конце второго тысячелетия к власти в России пришли люди, начавшие реформировать государство на дрожжах тайных соглашений и закулисных интриг. Они на словах боролись с бесправием народа и произволом преувеличенной власти, на деле вели страну к бесправию от утраты этой власти» (9). В связи с чем Владимир

Васильевич выражал надежду, что правительство, возглавляемое Е.М. Примаковым, проведет реформирования проведенных антинародных реформ, что позволит вывести АПК из системного кризиса, создаст достойные условия жизни сельского населения. Как известно, после того, когда оно «вытащило» страну из глубокой трясины, грозящей окончательной потерей ее экономической самостоятельности, это правительство было отправлено в отставку. Отмечу, что в эти годы академик В.В. Милосердов являлся директором ВНИИЭТУСХ, находящегося сразу за МКАД, а у власти еще находился Б.Н. Ельцин, окруженный либеральными реформаторами. И надо было иметь недюжинное гражданское мужество, чтобы делать такие оценки деятельности тех деятелей, которые тогда находились у руля государственного управления, имели влияние на президента.

Но обратимся к работе «Крестьянский вопрос в России: прошлое, настоящее, будущее» (1999 г.). Первая часть труда «Исторические этапы крестьянского вопроса в России» охватывает такие периоды и события из прошлого российского государства как история возникновения, сущность и эволюция крепостного права в России (XV–XIX вв.), тенденции экономического развития в дореформенный период, организационные меры по освобождению крестьян; сущность, проведение и итоги Великой реформы 1861 г.; Столыпинская аграрная реформа; крестьянский вопрос на основных этапах развития Советского государства, включая послереволюционное десятилетие, НЭП, коллективизацию, формирование колхозно-совхозной системы, а также аграрную политику государства после сентябрьского (1953 г.) и мартовского (1965 г.) пленумов ЦК. Вторая часть труда с общим одноименным названием озаглавлена: «Крестьянство в канун третьего тысячелетия» и практически целиком посвящена аграрной реформе начала 1990-х гг. Один из заключительных разделов обращен к зарубежному опыту аграрных преобразований.

В книге имеется немало обращений автора к взаимоотношениям власти и крестьянства в различные периоды истории страны. Во многом они перекликаются с содержанием другого труда В.В. Милосердова «Судьба российского крестьянства», который будет написан гораздо позже, в 2011 г. В нем более подробно рассматривает проблему взаимоотношений власти и крестьянства на протяжении длительной истории российского государства, начиная с появления вольных хлебопашцев – крестьян в Древней Руси – и заканчивая периодом аграрных преобразований последних десятилетий в современной России. Автор уделяет внимание процессу формирования и совершенствования крепостного права, организованного землевладельцами и вла-

стью, и уточняет: «Государство было заинтересовано в закреплении крестьян, так как обеспечивало себе устойчивость в уплате государственных повинностей... Крестьянские хозяйства опустошались неурядицей государственного управления» (10). В данном труде подробно анализируется подготовка документов, проектов, предшествующих отмене крепостного права, Великая реформа 1861 г., ее реализация. Отмечая незавершенность реформы, бедствия крестьян от малоземелья, В.В. Милосердов делает вывод: «Крестьянство продолжало оставаться опутанным сетями, которые помешали ему развернуть свои экономические силы и упрочить свое экономическое положение. Государственная власть имела, конечно, в дальнейшем возможность если не совсем распутать, то, по крайней мере, ослабить земельную сеть, сплетенную при ее содействии. Но ничего не было сделано... В течение первых двух десятилетий после реформы правительство не только не содействовало расширению крестьянского землевладения, но и прямо этому препятствовало... Крестьянами командовали, понукали, от них требовали, у них отбирали...» (11). Подводя же итоги взаимоотношений власти и крестьянства к началу XX в., академик заключает: «Наша история создавала бродячее крестьянство, работающее на чужой земле, с чужим земледельческим капиталом. Государственный порядок должен был сделать крестьянство оседлым и работающим на земле, прочно за ним закрепленной. К сожалению, законы не были на это направлены... судьба крестьян в течение веков была крайне тяжелой» (12). Подробно характеризую содержание, реализацию и итоги Столыпинской аграрной реформы, В.В. Милосердов отмечает, что Столыпин не хотел идти на коренное разрешение крестьянского вопроса. В итоге, одна из причин ее неэффективности заключалась в том, что «...она не имела намерения разрушать основы самодержавия, решать коренным образом крестьянский вопрос... Пропасть между властью и народом углублялась» (13).

Взаимоотношения Советской власти и крестьянства в первое десятилетие ее существования, В.В. Милосердов наиболее подробно проанализировал в уже упомянутой монографии «Аграрная политика и проблемы развития АПК». В разделе «Переходный период (1917–1928 гг.)» автор достаточно подробно рассматривает аграрную политику Советского государства, в том числе по отношению к крестьянству в условиях хозяйственной разрухи, острейшего продовольственного кризиса, начинающегося голода, предпринимаемых усилий противников молодого государства разорвать союз пролетариата и крестьянства. Здесь автор проявляет знания не столько экономиста, но, прежде всего, историка, опирающегося на документы. По его мнению, декрет СНК «Об организации товарообмена для усиления хлебных заготовок» (2 апреля 1918

г.), предполагающий производить обмен промышленных изделий на продовольствие путем купли-продажи, был призван не только обеспечить планомерное снабжение населения продовольствием, но и убедить крестьян в том, что новая власть заинтересована в рабоче-крестьянском союзе. Однако недостаточный запас промышленной продукции у государства, а также отказ кулаков сдавать хлеб по твердым государственным ценам, сорвали товарообмен между городом и деревней, что и вынудило власть ввести монополию на торговлю хлебом, ввести жесткие меры административного характера по отношению к зажиточному крестьянству, что и подтверждается принятием декрета «О предоставлении Народному Комиссару Продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими», который обязал каждого обладателя хлеба сдавать все его излишки государству» (14).

Как справедливо уточняет Милосердов в своем труде «Судьба российского крестьянства», «...хлебная монополия переросла в продовольственную диктатуру с задачей передачи хлеба в распоряжение государства» (15). Сначала у крестьян в пользу государства отчуждалась часть продовольствия, а затем и все. В то же время автор убежден, что декрет СНК «Об обязательном товарообмене в сельской местности» (август 1918 г.) и декрет ВЦИК «Об обложении сельских хозяйств натуральным налогом в виде отчислений части сельскохозяйственных продуктов» (октябрь 1918 г.) были новой, но вновь нереализованной попыткой государства основную часть заготовок сельхозпродуктов осуществить путем товарообмена и в порядке налогообложения. И в этих условиях, в рамках осуществления политики военного коммунизма комитеты бедноты и ужесточили борьбу с зажиточным крестьянством, отобрав у них к концу 1918 г. 50 млн га земли, большое количество машин, скота, других средств производства. В итоге, в начале 1919 г. Советская власть была вынуждена перейти к продовольственной разверстке. Милосердов характеризует ее как вынужденную меру власти, к которой ранее, в другом варианте, в условиях Первой мировой войны прибегло Временное правительство: «Суть разверстки состояла в том, что все излишки хлеба и других продуктов сельского хозяйства безвозмездно отчуждались у крестьян, сдавались государству. Крестьянину оставался лишь тот минимум хлеба, который ему был нужен на прокормление семьи и семена. Позже политика ужесточилась еще более: отбирали уже не только излишки, но и необходимое для крестьян продовольствие... Продразверстка, пришедшая на смену товаро-денежным отношениям, несомненно, была несовершенна, породила много злоупотреблений, но она была необ-

ходимой в военные годы продовольственной политикой и выполнила свое историческое назначение – спасла пролетарскую диктатуру в разоренной и отсталой стране. ... Бюрократические извращения, отрыв государственного и партийного аппарата от масс, пренебрежение к их интересам привели вскоре после окончания войны к острому недовольству трудящихся, вызвали мятеж в Кронштадте, восстания в аграрных областях России, – заключает автор (16).

В других, более поздних своих трудах он дает более жесткие оценки продрозверстке: «Изъятие крестьянского продукта привело к тому, что противоречия между революционной властью и ее политикой, с одной стороны, и непосредственными интересами трудящихся масс, с другой стороны, выплеснулись наружу. Между тем разверстка стала непомерно высокой. Она разрушала российскую деревню, лишала крестьян стимула к увеличению своего производства, вызывала их естественное недовольство. Но руководители страны не были готовы к установлению нормальных экономических отношений. Происходила коренная ломка всего крестьянского уклада, закабаление собственным правительством. Корежились судьбы сотен тысяч сельских жителей сельских жителей» (17). Определяя основные причины крестьянского сопротивления продрозверстке (включая резкое сокращение запашек), уже в другой работе Милосердов добавляет к уже сделанному ранее выводу: голод, засуха 1920 г., а также «"крестовый поход" продотрядов за хлебом и деятельность комбедов, стали причиной... крестьянских восстаний в регионах» (18).

Важное место в своих трудах академик В.В. Милосердов отводит новой экономической политике (НЭП), введенной Советской властью в марте 1921 г. Так, в монографии «Аграрная политика и проблемы развития АПК» он останавливается на содержании НЭПа, его принципах, которые, по его мнению, «в полной мере отвечали чаяниям трудового крестьянства, способствовали восстановлению экономики, а в конечном итоге – улучшению отношений государства и крестьянством». Здесь же автор рассматривает изъяны, ошибки, допущенные государством в реализации новой экономической политики, которые и привели к нарушению рыночного равновесия, усилению несоответствия цен на промышленные и сельскохозяйственные товары. В итоге, ученый-экономист делает вывод: «При неоправданно низких ценах на сельскохозяйственные товары... нельзя было нормально строить аграрную политику, укреплять смычку города и деревни, обеспечивать быстрые темпы роста производства. Вскоре это привело к грубым теоретическим и практическим ошибкам, к серьезным негативным явлениям в экономике... свертыванию кооперации» (19).

Более подробно анализ НЭПа, ее влияния на отношения власти и крестьянства, был сделан им в монографии «Судьба российского крестьянства». Кроме того, в этом труде он обращается к проблеме создания различных форм коллективного земледелия. Размышляет о взглядах А.В. Чаянова, который, изучая современное состояние крестьянского хозяйства, предполагал, что в ближайшее десятилетие на базе устойчивого семейного хозяйства вырастет новая деревня, «превратившая путем кооперации значительную часть своего хозяйства в формы общественно-организованного производства, деревня, индустриализированная во всех областях технической переработки, механизированная и электрифицированная, деревня, использовавшая все завоевания агрономии» и техники» (20).

В этом же труде В.В. Милосердов рассматривает не только причины расслоения крестьянства, но и нарастания кризиса сельскохозяйственной кооперации, обострения проблемы хлебозаготовок в стране. Подводя итоги аграрной политики государства в переходный период, он выделяет два принципиальных этапа. Первым он определяет военный коммунизм, «когда преобладали командно-бюрократические методы руководства экономикой, а интересы крестьян и государства расходились». Второй этап ученый связывает с НЭПом и развитием кооперации, экономическим освобождением крестьянина и делает вывод: «Однако возможности НЭПа и кооперации не были реализованы в полной мере. Не соблюдались основные закономерности развития экономических отношений, нарушались изначальные принципы кооперации, их подменяли бюрократическими приемами руководства. Во второй половине 20-х годов отсутствовало рыночное равновесие, усиливалось несоответствие цен на промышленные и сельскохозяйственные товары. При неоправданно низких ценах на сельскохозяйственную продукцию, особенно на зерно, нельзя было укреплять союз города и деревни, обеспечивать быстрые темпы роста производства» (21). Как считает Милосердов, в результате сложившегося положения, в условиях срыва хлебозаготовок 1927, 1928 гг. это привело к кардинальным изменениям аграрной политики государства, которая, в том числе характеризовалась усилением внеэкономического давления на крестьян, сосредоточением в руках государства основной части хлеба, регулированию уровня заготовительных цен. И с этими его оценками нельзя не согласиться, равно как и с его анализом причин ускоренной индустриализации, обострением отношений государства с кулаком, а также с оценкой «антикрестьянской политики насильственной коллективизации и хлебозаготовок, проводимой ради решения задачи форсированной индустриализации страны, вне зависимости интересов крестьян... Крестьянин снова стал

основным донором государственного бюджета. Чрезвычайные меры привели его к отчуждению от земли и других средств производства... аграрная политика не отвечала интересам крестьянства» (22). Красной нитью через большинство публикаций Милосердова проходит тезис: крестьянство России исторически было и остается пасынком государства, униженным и оскорбленным классом. С особой болью он говорит о судьбе крестьян последних трех десятилетий, о губительной для сельского хозяйства и крестьянства России аграрной политике 1990-х гг.

Рамки публикации не позволят охарактеризовать все точки зрения, оценки и выводы В.В. Милосердова на тему взаимоотношений власти и крестьянства на всех этапах истории России. В заключение остановимся только на последнем, почти 30-летнем периоде, когда с приходом к власти Б.Н. Ельцина и либеральных политиков в его окружении осуществлялась аграрная реформа. Но, прежде всего, упомяну о том, что первыми российскими и зарубежными историками-аграрниками, которые сначала из его статьи «Итоги реформ», включенной в сборник I-й конференции в Коломне (2007 г.), а затем «вживую» услышавшими позицию известного ученого-экономиста о реформе 1990-х гг. стали участники уже II-й Международной научно-практической конференции «Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI в.», состоявшейся в Коломне в сентябре 2009 г. (23). По всей видимости, хорошо запомнилось участникам пленарного заседания той конференции выступление В.В. Милосердова и, прежде всего, его острая критика аграрной политики, отношения к крестьянству тогдашнего правительства РФ, а особенно министра финансов А. Кудрина, которому академик предрекал скорую отставку. Сидящий рядом ректор Коломенского госпединститута с волнением в голосе сказал мне: «Анатолий Иванович, кто-нибудь на нас обязательно стуканет за такие высказывания...».

Несомненно, что, став на той конференции обладателями двух последних трудов В.В. Милосердова «Аграрная политика России – XX век» (2002 г., в соавторстве) и «Крестьянство России в глобальном мире» (2009 г.), а также ознакомившись с другими статьями академика, размещенными практически в каждом сборнике последующих конференций (2007–2020 гг.), историки-аграрники еще глубже познали содержание, ход и последствия аграрной реформы 1990-х, свидетелями которой они сами и были. Между тем, в своей публикации, включенной в сборник статей по итогам конференции 2009 г., Милосердов отметил, что последние два десятилетия непопулярных реформ были очень тяжелыми в судьбе российского крестьянства: «Крестьяне надеялись, что преобразования раскрепостят производительные деревни, заинтересуют их работой с

большой отдачей, и будут способствовать росту благосостояния. Но реформы пошли не в том направлении, процесс аграрных преобразований ... протекал бессистемно и противоречиво... Крестьяне были отстранены от формирования программных положений развития производства. Власть не прислушалась к их мнению. Вместо того, чтобы идти по пути качественного совершенствования предприятий, очистив их от того, что деформировало рациональную природу, преобладали идеологические постулаты: смена форм собственности, переход к мелкотоварному производству» (24).

Оценивая в 1999 г. итоги аграрной реформы, проводимой либеральным правительством, ученый-аграрник писал: «Реформой хотели в одночасье переделать крестьянский быт, обычаи селян, не понимая того, что этого сделать невозможно... Этот исторический опыт должен послужить уроком для нынешних и будущих правителей в том, что кавалерийским наскоком нельзя переделать внутренние убеждения крестьян, стандарты, генетически переданные и накопленные опытом деревенской жизни и земледельческого труда. К сожалению, реформаторы не прислушались к народному разуму, не учитывали русский народный характер... Власть не нашла нужным говорить крестьянам, как и зачем переделывает российскую деревню... Надо было бы не только довести смысл реформы до простого крестьянина, но и сделать его непосредственным участником реформирования. Ибо реформы должны проводиться не для правительственных чиновников, а для тех, кто живет и работает на земле» (25). За период с начала аграрной реформы в России и до сегодняшнего времени Милосердовым подготовлены сотни публикаций. Несомненно, что не только научно-аргументированная, острейшая критика в адрес проводников реформы, а, прежде всего, рекомендации – как исправить «навороченное» в сельском хозяйстве либеральными экономистами и их зарубежными консультантами, не прошла без внимания руководства страны, прежде всего, в те годы, когда сначала первым заместителем, министром сельского хозяйства РФ (1998–2009 гг.), а затем заместителем Председателя Правительства РФ по вопросам сельского хозяйства (2018–2020 гг.) был его докторант А.В. Гордеев. Как известно, именно в эти годы проходит определенная коррекция аграрных преобразований.

И последнее. Из намеченных В.В. Милосердовым пяти книг собрания своих трудов, по независимым от него обстоятельствам, в 2010 г. была издана только одна книга под названием «Воспоминания и размышления о настоящем и будущем». Она стоит того, чтобы ее прочитать! В ней не только воспоминания о трудном детстве в годы Великой Отечественной войны, юности, учебе в вузе в Минске, научной деятельности, работе в высших эшелонах партийно-государственной власти, о тех, с кем ему при-

шлось трудиться, о многочисленных зарубежных командировках. Это его размышления о капиталистическом и социалистическом строе, о месте России в современном мироустройстве, об опыте аграрных преобразований в других странах, о важности суверенности экономики, неизбежности возрождения «нового» социализма и о многом другом... накопившемся. С той же острой болью он пишет о бедствиях современного российского крестьянства, когда: «власть смирилась с тем, что наше крестьянство продолжает жить как в прошлые века, положение его не улучшается, ускорились темпы его вымирания, но власть не собирается подтягивать уровень жизни крестьян к остальным членам общества» (26).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В.В. Милосердов родился в бедной крестьянской семье 15 ноября 1930 г. в глухом селе Моисеево-Алабушка Уваровского района Тамбовской области. В 11 лет остался без отца, погибшего в ноябре 1941 г. при защите Ленинграда, на «Невском пяточке». После окончания в 1953 г. Белорусского государственного института народного хозяйства работал председателем Пуховичского райплана Минской области. В 1956–1959 гг. является аспирантом, а затем научным сотрудником института экономики АН БССР. В 1957 г. по решению ЦК комсомола Белоруссии участвовал в Московском фестивале молодежи и студентов. Став кандидатом экономических наук (1961 г.), был назначен руководителем отдела оптимального планирования в Вычислительном Центре Госплана БССР, работал заведующим отделом в республиканском Институте экономики сельского хозяйства. По рекомендации министра сельского хозяйства СССР В. Мацкевича в 1967 г. возглавил отдел экономической кибернетики ВНИ-ЭСХ (г. Москва), который, наряду с другими вопросами, занимался расчетами плана закупок сельхозпродукции по союзным республикам, областям РСФСР. Уже будучи доктором экономических наук (1971 г.), в 1973–1977 гг. являлся директором Всесоюзного института экономической кибернетики, который занимался координацией работы по использованию экономико-математических методов в сельском хозяйстве страны. Одновременно представлял СССР в Координационном центре СЭВ. В 1977 г. Милосердов выступает инициатором создания НИИ экономики и организации сельскохозяйственного производства Нечерноземной зоны РСФСР (г. Ленинград), становится его первым директором. С 1981 г. член-корреспондент ВАСХНИЛ Милосердов назначается заместителем начальника сводного отдела агропромышленного комплекса Госплана СССР. В 1981–1985 гг. является помощником секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству, а в 1985–1988 гг. – консультантом отдела сельского хозяйства и пищевой промышленности ЦК. В рабочей группе из четырех человек, созданной по решению Комиссии Политбюро по агропромышленному комплексу, разрабатывает состав и структуру АПК. В 1988–1990 гг. трудится первым заместителем начальника сводного отдела АПК и экономическим советником в Госплане СССР. В 1990 г. В.В. Милосердова избирают академиком-секретарем Отделения экономики ВАСХНИЛ, а затем Отделения земельной реформы и землеустройства РАСХН. В 1992–2003 гг. академик РАСХН (1991 г.), заслуженный деятель науки РФ В.В. Милосердов руководил Всероссийским НИИ экономики, труда и управления сельским хозяйством (ВНИИЭТУСХ). В 2003–2011 гг. работал главным научным сотрудником ВНИИЭТУСХ. В 1996–2010 гг. являлся экономическим советником Председателя Совета Федерации РФ. В.В. Милосердов награжден орденом «Слава нации», медалями: «За трудовую доблесть», В.С. Немчинова, А.В. Чайнова и др.
2. Такая оценка многогранной деятельности академика РАН В.В. Милосердова была дана еще в 2005 г. большой группой известных российских ученых-аграрников, составивших редакционную коллегию сборника избранных статей В. В. Милосердова, посвященного

его 75-летию: Владимир Васильевич Милосердов – ученый, организатор науки, публицист. Екатеринбург, 2005.

3. Милосердов В.В. Аграрная политика и проблемы развития АПК. М., 1990; его же. Российский путь аграрной реформы. М., 1996; его же. Крестьянский вопрос в России: прошлое, настоящее, будущее. В 2 ч. М., 1999; его же. Аграрная политика России – XX век. М., 2003 (в соавторстве); его же. Крестьянство России в глобальном мире. М. в 3-х изд. 2008, 2009 гг.; его же. Многострадальная судьба российского крестьянства. М., 2009 г.; его же. Собр. соч. Кн. 5. Воспоминания и размышления о настоящем и будущем. М., 2010; его же. Судьба российского крестьянства. М., 2011; его же. Продовольственная безопасность и меры по ее обеспечению. Екатеринбург, 2015; его же. Этапы развития аграрной политики в советский период. М., 2016 и др.

4. О различных аспектах сельского хозяйства, аграрной политики, взаимоотношениях власти и крестьянства ученый размышляет в многочисленных периодических изданиях, включая академические («Известия АН СССР», «Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий», «Аграрный вестник Урала», «АПК: Экономика, управление»); общественно-политические журналы («Российская Федерация сегодня», «Наша власть: дела и лица»), газеты «Правда», «Литературная Россия» и многих других.

5. Милосердов В.В. Аграрная политика и проблемы развития АПК. М., 1990. С. 294.

6. Его же. Собр. соч. Кн. 5. С. 71.

7. Его же. Этапы развития аграрной политики в советский период. М., 2016.

8. Его же. Крестьянский вопрос в России: прошлое, настоящее, будущее. Ч. I. С. 3-5.

9. Там же. Ч. II. С. 9.

10. Его же. Судьба российского крестьянства. С. 17, 18.

11. Там же. С. 75.

12. Там же. С. 76.

13. Там же. С. 99.

14. Его же. Аграрная политика и проблемы развития АПК. С. 36, 37.

15. Его же. Судьба российского крестьянства. Кн. II. С. 111.

16. Его же. Аграрная политика и проблемы развития АПК. С. 37-39.

17. Его же. Судьба российского крестьянства. С. 112.

18. Его же. Этапы развития аграрной политики в советский период. С. 7.

19. Его же. Аграрная политика и проблемы развития АПК. С. 49.

20. Его же. Судьба российского крестьянства. С. 122.

21. Там же. С. 122, 123.

22. Там же. С. 139.

23. Его же. Итоги реформ // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI в.» (отв. ред. А.И. Шевельков). Коломна, 2009. С. 8, 9.

24. Его же. Российское крестьянство в глобальном мире // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI в. Сб. статей под ред. А.И. Шевелькова. Ч. II. Коломна, 2008. С. 326–336.

25. Его же. Крестьянский вопрос в России: прошлое, настоящее, будущее. Ч.1. С. 33, 34.

26. Его же. Собр. соч. Кн. 5. С. 396.

Л.В. Пашкова

ОЦЕНКА МОСКОВСКО-ЛИТОВСКОГО СОГЛАШЕНИЯ 1372 г. В ИСТОРИОГРАФИИ

В 1372 г. состоялось третье столкновение Москвы и Литвы. Причиной конфликта стало противостояние за Тверь, где в это время шла борьба между князем Михаи-

лом Александровичем и его удельными родственниками за лидерство и местные города. Литовский князь Ольгерд приходился зятем Михаилу Тверскому и помогал ему в борьбе с Дмитрием Московским (будущим Донским). В ходе третьего столкновения Москвы и Литвы, в котором приняли участие князья полоцкий и друцкий, перевес оказался на стороне московского правителя, разбившего литовский полк. В результате было заключено временное перемирие, которое закрепило успех Дмитрия Ивановича.

Отечественные историки обращали внимание на разные аспекты данного перемирия. В 1767 г. археограф Н.Н. Бантыш-Каменский ввел грамоту в научный оборот, однако при описании ее содержания допустил ряд неточностей (1). М.М. Щербатов в 1774 г., сделав ряд ценных археографических наблюдений, неверно датировал договор – 1371 г. – и объяснил его подписание попыткой Ольгерда заключить «вечный мир» с Дмитрием Московским (2). Зато Н.М. Карамзин в 1816 г. правильно связал составление договора с военным столкновением московских и литовских войск под Любутском (современная Калужская область) (3). С.М. Соловьев в 1853 г. «содержание соглашения... свел к московско-тверским отношениям» (4), упустив из виду московско-рязанские, московско-смоленские и московско-литовские отношения, которые также нашли отражение в докончании (5). В 1858 г. Д.И. Иловайский внес уточнения относительно сторон, подписавших договор, отметив, что рязанский князь не мог быть его участником (6). Историк Тверского княжества В.С. Борзаковский в 1876 г. охарактеризовал рассматриваемое докончание исключительно с точки зрения тверских интересов, отметив, что оно поставило Михаила Александровича в зависимое положение от Литвы (7).

Указанные историки никак не комментировали важную статью договора о признании Владимирского княжества, за которое в XIV в. шла ожесточенная борьба между русскими князьями, отчиной Дмитрия Московского. Но в 1889 г. А.В. Экземплярский назвал эту часть соглашения «существенной» (8). А.Е. Пресняков в 1915 г. неверно отнес составление грамоты к 1371 г., назвав ее прелиминарным соглашением перед миром, заключенным между Ольгердом и Дмитрием Московским после сражения под Любутском. Историк сделал акцент на ухудшение московско-рязанских отношений, отразившихся в докончании (9). Итак, дореволюционные исследователи обращали внимание, в первую очередь, на датировку соглашения и на статусы договаривающихся сторон. Но они упускали из виду закрепление Владимирского княжества

за Москвой – важное обстоятельство, которое фактически делало Дмитрия Ивановича главой всех русских князей.

Советский ученый Л.В. Черепнин в 1948 г. вслед за А.В. Экземплярским подчеркнул важность статьи докончания о провозглашении Владимирского княжества «отчиной» московского правителя. Историк утверждал, что условия соглашения были выгодны одной Москве и неприемлемы для литовской стороны (10). Немецкий историк Э. Клюг в 1983 г. указал на приниженный статус Михаила Тверского в договоре, обратив внимание, что в грамоте он назван не «великим князем», а просто «князем». Ученый полагал, что это произошло потому, что Ольгерд отказался поддерживать интересы своего шурина (11). Современный историк С.М. Каштанов в 1996 г. обратил внимание, что формуляр докончания отразил «в большей мере традиции литовской, чем московской великокняжеской канцелярии» (12). В.А. Кучкин в 2003 г. назвал условия договора «компромиссными», которые учитывали «главные интересы договаривающихся сторон при равенстве их военных сил» (13).

Рассматриваемое соглашение имело важное значение для усиления Московского княжества в годы правления Дмитрия Донского. Оно отразило превращение Владимирского княжества в его наследственную вотчину, что впоследствии привело к образованию единого Русского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГАДА. Ф. 180. Оп. 13. Ед. хр. 425. Л. 8 об.-9.
2. Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. IV. Ч. I. СПб., 1781. С. 51; то же. Т. IV. Ч. III. СПб., 1784. С. 8-9.
3. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. V. М., 1993. С. 22-23.
4. Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в. М., 2003. С. 129.
5. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. Т. III. М., 1988. С. 265.
6. Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М., 1858. С. 165.
7. Борзаковский В.С. История Тверского княжества. Тверь, 1994. С. 156, прим. 699 и 700 на с. 358-359.
8. Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. I. СПб., 1889. С. 101.
9. Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг., 1918. С. 236-237.
10. Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. I. М.–Л., 1948. С. 47-49.
11. Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 201.
12. Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 66.
13. Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в. Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 167.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ СТОРОЖЕВОЙ СЛУЖБЫ ЕЛЕЦКИХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII В.

Охрана границ и строительство крепостных сооружений на протяжении XVI–XVII вв. являлись важным звеном в сохранении территории государства и формировании щита против внешней опасности. Одним из приоритетных направлений в продвижении Московского государства было южное, которое позволило постепенно освоить огромное лесостепное пространство территории «Поля» и включить его в хозяйственную жизнь страны. Однако московская колонизация столкнулась с противодействием Речи Посполитой и Крымского ханства, которые также стремились обосноваться на этих землях и захватить часть соседнего государства (1). В связи с этим процесс ее продвижения в южном направлении был длительным и сопровождался военными столкновениями противоборствующих сторон. Для предупреждения о готовившейся опасности для южных уездов Московского государства и перемещениях вражеских сил была разработана система сторожевой службы, которая в течение многих десятилетий ложилась на плечи служилых гарнизонов южнорусских крепостей (2).

Елецкая крепость с первых месяцев ее строительства была включена в систему сторожевой службы. 29 июля 1592 г. от елецкого воеводы А. Звенигородского и головы И. Мясного в Москву была доставлена роспись 9 елецким сторожам, которые расставили вверх и вниз по р. Быстрой Сосне и за Сосною в степь (3). В конце XVI – начале XVII вв. елецкие сторожа продолжали следить за перемещениями крымских татар и черкасских казаков по территории «Поля» и их возможным продвижением к центральным уездам Московского государства (4). В период Смуты система сторожевой службы в Ельце была приостановлена, поскольку сложная внутривосточная ситуация не позволяла центру контролировать выполнение служилыми людьми их обязанностей. После «великой разрухи» возобновляется функционирование елецкой сторожевой службы, о чем говорит участие ельчан в 1612 г. в числе других «украинных городов» под командованием Г. Тюфякина в сражении с черкасскими казаками и освобождением пленных (5). Летний проход 1618 г. через Елец казаков гетмана П. Сагайдачного негативно сказался на боеспособности крепости и гарнизона, поскольку часть укреплений сгорела, а многие жители города либо пали в бою, либо были уведены в плен (6). В связи с этим новому воеводе Г.Л. Валугеву только с 6 апреля 1619 г.

удалось привлечь детей боярских и казаков к сторожевой службе, от которой те всячески пытались уклониться, поскольку у них «лошади были худы и ружья нет» (7). После назначения воеводой в Ельце С.И. Волынского, который пробыл в городе с 1620 по 1622 гг., можно говорить о начале полноценного функционирования сторожевой службы, поскольку служилые люди стали регулярно выезжать к сторожам и контролировать окрестности (8).

Во второй четверти XVII в. в Большой полк в Тулу из Москвы для «украинных» и «замосковских» городов посылались указания об организации сторожевой службы и исправном выполнении поставленных воеводами задач. Елец входил в число «украинных» городов, находящихся на «Поле», поэтому наряду с другими крепостями его включили в список «польских» городов. Для них был разработан порядок действий на случай татарской или черкасской опасности, с которой могли столкнуться сторожевые дети боярские, казаки и вестовщики (9). Интересный факт, что предписания для сторожевой службы было, как общее для всех городов, так и посылаемые индивидуально каждому воеводе в отдельно взятую крепость.

Согласно данным разрядных книг, в Елец, как и в другие «украинные» города, из Тулы направляли в качестве вестовщиков детей боярских, которые находились в городе, «переменяясь о дву конь». В случае, если в город со сторож приходили сведения о перемещениях татарской конницы или черкасских казаков, вестовщики после расспроса свидетеля отправлялись с информацией в Тулу, а потом в Москву. Кроме того, сведения о грозящей опасности отправлялись в соседние города, чтобы жители уезда могли вовремя предпринять меры по защите имущества и спрятаться за крепостными стенами, а служилый гарнизон подготовился к возможному бою с неприятелем. В случае захвата вестовщика ему следовало говорить, что в Мценске и по всем «украинным» городам стоят воеводы «со многими людьми» и «многие стрельцы и казаки с вогненным боем (огнестрельным оружием – *А.Р.*)». Параллельно с тем, как вестовщик отправлялся в Тулу, в городе, к которому относились сторожи, организовывался отряд из детей боярских во главе с «добрым» головой из дворян. Они должны были обследовать окрестности и определить, был ли неприятельский отряд и какую опасность он мог представлять уезду и городу. В случае, если детям боярским удавалось захватить в плен «языка», его следовало допросить про Крымского царя и его войско, после чего отправить в Москву (10).

Грамоты об организации сторожевой службы на текущий период присылались в Елец в марте, до того как сходил последний снег, поскольку в это время начинали

свое движение татарские отряды. Воеводе предстояло выбрать сторожей по росписи из детей боярских и полковых казаков. Их ему предстояло расписать по количеству на «сторожи на дальние, и на ближние, на смесные, и не на смесные (смежные. – *А.Р.*)». Кроме того, воевода определял какое расстояние будет от города до сторож и на каком расстоянии между собой они будут располагаться. Грамоту об организации сторожевой службы воевода отправлял в Москву, чтобы там подтвердили и заверили составленную роспись (11). Выезд сторожевых детей боярских и казаков начинался с 25 марта на Благовещение, либо раньше в зависимости от погодных и территориальных условий (12). Служилым людям предстояло стоять «на сторожах» круглосуточно – «и ден и в ночь», чтобы контролировать возможные приходы татарской конницы и отрядов черкасских казаков в «елецкие места», чтобы «над городам бы и над острогам какова дурна не учинил», а также их проходы в соседние уезды. Сторожевая служба продолжалась с ранней весны, все лето и до поздней осени. Поскольку сторожевая служба ложилась тяжким бременем на служилых людей, некоторые покидали место службы или не выходили в дозор. На этот случай воеводе было указано задерживать нарушителя и посадить его в тюрьму до принятия решения в зависимости от тяжести проступка (13).

Тем временем в Ельце в ожидании тревожных известий от сторожей проживали вестовщики, которые также с весны по осень несли службу. При этом информация о перемещениях татарских и черкасских отрядов стекалась к воеводе не только от сторожей, но и от станичников, выходцев из литовских и крымских мест и бывших пленников. Вестовщики также несли службу круглосуточно, чтобы максимально оперативно выдвинуться с известием об опасности (14). Согласно росписи елецких сторож, во второй четверти XVII в. первая сторожа находилась по ливенской дороге на р. Пажень, «что от города 3 версты», и стояли там 2 сына боярских и 2 казака, а патрулировали «от той сторожи вверх по р. Сосне к радуженской сторожи 12 верст». Вторая сторожа располагалась на ливенской дороге под Радушкиным лесом, «что от города 20 верст», и посланы были туда 2 сына боярских и 4 казака, а патрулировали «от той сторожи до р. Чернавы 5 верст». Третья сторожа была смежная по лебедянской дороге в устье р. Талица, «что от города 15 верст», и стояли там 2 сына боярских и 2 казака, а патрулировали «от той сторожи до реки Дон и до устья р. Сосны 10 верст». Четвертая сторожа была поставлена по воронежской дороге на р. Паниковец, «что от города 30 верст», и посланы были на эту сторожу 2 сына боярских и 2 казака, а патрулировали «от нее до Сцепных лесков 15 верст». Пятая сторожа находилась по ос-

кольской дороге под Богатым лесом, «что от города 15 верст», и стояли там 4 сына боярских и 2 казака, да переменные, а патрулировали от той сторожи по оскольской дороге 30 верст. Шестая сторожа стояла на р. Воронеж, «что от города 6 верст», и стояли там 4 сына боярских и 2 казака, а маршрут патрулирования от той сторожи по оскольской дороге до р. Свишни 10 верст. Седьмая сторожа была на крымской стороне, на р. Казинке, что от города находилась на расстоянии 3 верст, а посланы были на ту сторожу 2 сына боярских и 2 казака, а патрулировали от той сторожи вверх по р. Сосне по оскольской дороге 4 версты. Наконец, восьмая сторожа была выставлена на беломестном поле, что располагалось от города на 3 версты, «и стоят на там беломестные казаки для охраны своих пашен» (15). Во время пребывания на посту воеводы Д.М. Толочанова в 1633 г. произошли изменения в системе елецких сторож. К существовавшим 8 сторожам была добавлена смежная сторожа по ливенской дороге в устье р. Чернавы, «что в 25 верстах от города». На нее определили 2 детей боярских и 2 казаков, которые патрулировали от той сторожи до «свезжева колодезя» 5 верст. В то же время сторожа, которая находилась по ливенской дороге на р. Пажень потеряла свою значимость и в дальнейшем на нее перестали посылать детей боярских и казаков (16).

Нередко елецким служилым людям приходилось сталкиваться с небольшими татарскими отрядами, которые вторгались в Елецкий уезд или проходили через него в соседние уезды. 26 августа 1626 г. сын боярский Артем Яковлев пришел в Елец к воеводе Федору Елецкому с известием о татарском отряде. Он сообщил, что из Данковского уезда из д. Хрущово к нему прибежал «приказщик» Яков Волков, который рассказал о нападении 25 августа на д. Спешнево порядка 100 татар, которые потом пошли вниз по р. Хмеленец в Елецкий уезд. Навстречу татарскому отряду выдвинулись елецкие дети боярский и полковые казаки, во главе которых были Иван Киселев, а также казачий и стрелецкий голова Аким Кривской. Встреча между ельчанами и татарами произошла в Бруслановском стане под Рысиным лесом. Татары, нагруженные добычей, не стали вступать в бой и «наспех» «день, да ночь» проскакали к р. Сосне. Тем временем в Ельце было принято решение возобновить погоню и вернуть имущество и освободить пленных. Для этой цели из полковых, кормовых и беломестных казаков собрали отряд, который возглавили дворяне Воин Опухтин и Зиновий Перцев. Ельчанам удалось догнать татар в районе р. Олым, где и произошло сражение между ним. В ходе битвы удалось освободить 36 человек пленников и захватить трех языков (17). Среди тех, кого татары увели в «полон», было много девушек и женщин.

Один из пленных татар рассказал, что начался их путь от Азова, где они в составе отряда из 100 человек пошли «на Русь по Нагайской стороне реки Дону». Прийдя «в шацкие и ряжские места», татары захватили «на десят по человеку». Следующим решением было отправить 30 человек татар с пленниками к ногайцам, а самим отступить в степь. Они продвинулись от русских городов на 10 дней конного пути и пробыли там, около месяца пока их лошади «отъелися» и пришли в нужную форму. После отдыха татары выступили с новым набегом «в ряжские, данковские, лебедянские и елецкие места», где им удалось захватить 34 человека. Двух пленников татары убили, а часть утонула при бегстве от ельчан при переправке через р. Сосну. Другой татарин поведал, что жил в Азове он три года, потом собрался отряд из 100 человек, с которым он пошел «на Русь воевать». Шли они ночами вдоль р. Дон. Придя в южные уезды, татарам удалось захватить много пленных, которых они отправили в Азов, но сколько их было, ему неизвестно. Дальше они отправились в степь, где остановились на р. Меловой и пробыли там месяц, после чего отправились в ряжский, данковский, лебедянский и елецкий уезды, в которых взяли в плен 34 человека. Во время отступления татар через р. Сосну утонуло 8 человек. Третий татарин подтвердил сведения, которые рассказали на допросе воеводе первые два языка, после чего татар отправили в тюрьму в Белоозеро. Официальные представители крымского царя по поводу набега татар высказались, что они не организовывали похода к границам Московского государства, и о разбитом ельчанами отряде им ничего неизвестно (18).

Весной и летом 1627 г. отряды крымских татар проявили активность в пределах южнорусских уездов. Они были замечены сторожевыми разъездами вблизи Ельца, Лебедяни, Данкова, Белгорода, Валук, Воронежа и ряда других городов. 28 мая рано утром в Елец прибежал крестьянин Панка Щалканов, с известием о набеге татарской конницы на Елецкий уезд. Он рассказал воеводе, что 27 мая провожал брата своего в Воронеж по р. Дон, а после возвращения обратно в Засосенском стане в 15 верстах от Ельца увидел небольшой обоз из 8 телег, на который напало около 70 татар. Елецкий воевода Ю.А. Звенигородский принял решение отправить в уезд отряд из полковых казаков во главе «с товарищем своим» Леонтием Извольским и опытными головами Акимом Кривским, Иваном Тимирязевым и Григорием Сафоновым. В то же время от сторожей никаких известий Елец не поступало. 23 июня татары объявились в Бруслановском стане, но вглубь Елецкого уезда они не пошли. Сформированный отряд елецких служилых людей преследовал татарскую конницу в течение суток, и обнаружили их в Лебедянском уезде, где те промышляли угоном скота. Ельчанам удалось

отогнать татар и освободить крестьянина Василия Захарова, которого ранее захватил с обозом в Елецком уезде (19). Днем 7 августа приехали в Елец из Засосенского стана из д. Донской дети боярские Иван Макаров и Иев Гребенской с известием о том, что к ним прибежал крестьянин Первушка Степанов, который рассказал о столкновении с татарами и его бое с одним из них. После своего спасения Первушка сообщил, что татар около 300 чел. и направились они к Талецкому броду. Сторожа, которые находились на посту, заметили перемещение татарской конницы и прибежавший в Елец беломестный казак Панка Григорьев сообщил об этом воеводе. Через несколько дней, 12 августа, собранный воеводой отряд из детей боярских и полковых казаков столкнулся вблизи Талецкого брода с татарами, где между ними произошло сражение, в ходе которого кочевники отступили (20). В 1628 и 1629 гг. татары появлялись в Ливенском, Новосильском, Путивльском уездах, а также под Валуйками, Сапожком и Воронежем, но их перемещения были остановлены служилыми людьми. В 1630 г. явных попыток татар вторгнуться в пределы южнорусских уездов зафиксировано не было. С 1631 г. отмечается начало новых набегов татарской конницы к границам Московского государства. 23 мая в Елец с известием о татарах прибежал полковой казак, которого ранее захватили в плен в д. Бухаровой. Он сообщил, что в 60 верстах от Ельца находилось порядка 800 татар, с которыми было около 40 пленных. Поскольку вероятное направление движения степняков было через Елецкий уезд, то навстречу им из города был послан «товарищ» воеводы В. Тарбеев со служилыми сотнями. Столкновение произошло в Бруслановском стане, в ходе которого татары отступили (21). Данные сведения подтвердил в челобитной Алексей Бавзин, который приехал в Елец 10 мая из Карачева для покупки лошадей. 23 мая он возвращался домой через Бруслановский стан, где его захватили под Дрызгаловым лесом. Через какое-то время Бавзина освободили под Азовом донские казаки, и он вернулся в родные места (22).

Ярко иллюстрирует службу сторожевых детей боярских и служилых казаков случай, произошедший в августе 1632 г. в Елецком уезде. 25 числа прибежал с Паниковской сторожи сторож сын боярский Аноха Матвеев с известием, что видел, как татары продвигались к д. Юрьева поляна, и об этом он сообщил соседним станичникам. Поздней ночью с новым известием о татарах прискакал в Елец станичник Василий Перов. Он рассказал, что они проследили за кочевниками и определили, что их отряд насчитывает больше 500 человек, а остановились они между р. Дон и Сосна, и вероятно, что дальнейшее их направление движения в Лебедянский, Данковский и Дедиловский уезды. Сразу по получении известий о татарах в Москву был отправлен вес-

товщик, а в Лебедянь отправили с новостью казака К. Киреева. Лебедянский воевода Иван Скорняков-Писарев распорядился собрать «в подъезд подъездчиков» детей боярских 4 человек в Елецкий уезд для разведки. После того, как лебедянцы пересекли р. Мечу, они наблюдали за татарами, которые «воюют» Бруслановский стан, после чего было принято решение разделиться. И. Коншаков с товарищем вернулся в Лебедянь с информацией об татарах, а В. Поздняков с товарищем остались наблюдать за кочевниками, чтобы определить маршрут их дальнейшего движения. Своевременная информация об опасности помогла подготовить Лебедянь к приходу татарской конницы. Вечером 27 августа татары начали движение к Лебедяни. Переправившись через р. Мечу, к полудню 28 августа они уже были под городом и приступили к осаде. Бой начался в районе посада и длился «со второго часа и до вечерни». В результате оперативных действий казачьего и стрелецкого голоав П. Рудакова и лебедянских служилых людей удалось отбить натиск татар, которые в результате отступили от города (23).

С 1635 г. Московское государство приступило к крупномасштабному строительству Белгородской засечной черты, которое длилось на протяжении последующих двух десятилетий (24). Несмотря на сооружение новой оборонительной линии, в южнорусских городах продолжала функционировать система сторожевой службы. С 1643 по 1645 гг. отмечается татарская активность в пограничных районах Московского государства. Так летом 1644 г. новости о перемещениях татарской конницы по Кальмиусской сакме из Валук были переданы в Усерд, откуда вестовщиков отправили на Оскол, дальше информацию о кочевниках послали в Ливны, дальше известия о грозящей опасности доставили в Елец, а оттуда дальше в Москву (25).

После передвижений крымских татар в декабре 1645 г. через Курский, Рыльский и Путивльский уезды в Елец в помощь воеводе С.С. Хитрову «для промысла над воинскими людьми» и «береженья от татарского проходу» был послан из Москвы воевода И.З. Ляпунов вместе с московскими стрелецкими головами Иваном Лукиным и Иваном Сергеевским. К приезду московского воеводы Савве Хитрову необходимо было составить списки елецких детей боярских, поместных и полковых казаков, а также стрельцов и передать их Ляпунову. Тому, в свою очередь, предстояло оценить боеспособность елецкого гарнизона и организовать действия служилых людей и уездного населения на случай нападения татарской конницы. В соседних городах должны были быть размещены вестовщики, которые в случае прихода татарских отрядов с известием об опасности скакали бы в Елец и сообщали воеводе. Всех служи-

лых и жилецких людей было велено заново расписать по сотням со своими головами и сотниками. Неслужилых детей боярских, вдов, недорослей было указано расписать по городу и острогу по местам и находиться там во время прихода татар. Уездных детей боярских и пашенных крестьян вместе с женами, детьми и имуществом «до приходу воинских людей заранее» было велено собрать в Ельце. В случае невыполнения ельчанами предписаний воеводы и захвата их татарами, «полонское терпение будет от себя, а с полону государь окупат и на обмену имат их не велит». Характерно, что выполнялись мероприятия не только по защите и обороне от крымских татар, но и превентивные меры по борьбе со степными кочевниками. В случае появления информации о перемещениях татарских отрядов И. Ляпунов мог организовать отряд из служилых людей елецкого гарнизона и соседних городов. Они выдвигались в конном и пешем строю с обозом, с полковым и «легким нарядом» для того чтобы «уберечь и уездов воевать не дал». В случае, если удавалось захватить языков, их следовало тщательно допросить о планах крымских царевичей и записанные «расспросные и пыточные речи» отправить с сеунщиком в Москву. Кроме оборонительных мероприятий, Ляпунову предстояло организовать в Ельце драгунскую службу. Для этого помимо стрелецких голов вместе с Ляпуновым были направлены «немецкие» специалисты: «капитан Корнелиус Флор, поручик Петр Лан, сержант Бендик Бельск, барабанщик Яков Борт». Воеводе было велено записывать в драгуны по ранее принятой системе «от отцов детей, от братьи братьев, от дядь племянников, и соседи и подсоседников и всяких волных людей», но ни в коем случае от пашенных крестьян, бобылей и тех, кто служит. Драгун было приказано набрать, составить списки и отправить их в Москву (26).

Итак, анализируя особенности сторожевой службы елецкого гарнизона, отметим, что выполнение обязанностей по несению сторожевой службы ложилась на выбираемых из рядов елецких служилых людей детей боярских и казаков, которые могли исправно нести опасную службу. Для сторожевой службы использовалась проверенная десятилетиями система выезда к сторожам с ранней весны вплоть до поздней осени, определенный порядок оповещения города и уезда, выполнения мер по подготовке к осаде и нападению кочевников, передача известий о готовящейся опасности в Москву и соседним воеводам. При необходимости воеводам удавалось использовать потенциал гарнизона для возможных превентивных мер против продвигающихся вглубь южных уездов татар. Места размещения сторож были выбраны воеводами не случайно, поскольку именно там чаще всего кочевники проникали в южнорусские

уезды. Возникает вопрос об эффективности сторожевой службы в предотвращении перемещений татар. Исходя из небольшой численности сторожей, они не могли препятствовать продвижению противника, их основная задача состояла в максимально быстром извещении воеводы, который принимал соответствующие меры. Кроме того, расстояние, на котором располагались сторожи, позволяло служилым людям заметить перемещение крупных отрядов татар. В случае прохода мелких групп татар они могли остаться незамеченными, но здесь большую роль играла добросовестность выполнения возложенных на служилых людей обязанностей. Характерно, что не только сторожа, стоявшие на посту, но и любой житель уезда или служилый человек заметивший перемещение татарской конницы, мог прийти в город и сообщить воеводе о грозящей опасности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. (опыт государственного строительства). М., 2008. С. 66.
2. Акты Московского государства. Т. I. 1571–1634 гг. / Под ред. Н.А. Попова. СПб., 1890. С. 2-5.
3. Там же. С. 62-63.
4. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. III. Ч. III. М., 1989. С. 89.
5. Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 364.
6. РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3.
7. Там же. Ф. 210. Оп.10. Д. 7. Л. 131-132.
8. Ляпин Д.А. История елецкого уезда в конце XVI–XVII вв. Тула, 2011. С. 76.
9. Книги разрядные, по официальным оных спискам изданные с Высочайшего соизволения II отделением Собственной Е.И.В. канцелярии. Т. I. СПб., 1853. С. 871, 1189.
10. Там же. С. 1188-1190.
11. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 25. Л. 94.
12. Там же. Д. 60. Л. 15.
13. Там же. Оп. 12. Д. 74. Л. 243, 351.
14. Там же. Д. 25. Л. 95; Д. 69. Л. 16; Д. 74. Л. 353.
15. Там же. Д. 25. Л. 98-100, 222, 223; Д. 60. Л. 18-20, 77-79, 270, 271; Д. 74. Л. 356.
16. Там же. Д. 60. Л. 77.
17. Там же. Оп. 9. Д. 27. Л. 11-12.
18. Там же. Л. 14-19.
19. Там же. Л. 127, 185-186.
20. Там же. Л. 302, 303.
21. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 158, 207.
22. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 27. Л. 116.
23. Акты Московского государства. Т. I. С. 386-387.
24. Загорский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1968. С. 85, 114, 147.
25. Акты Московского государства. Т. II. 1635–1659 гг. / Под ред. Н.А. Попова. СПб., 1894. С. 132.
26. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 208. Л. 82-83, 86-92, 94.

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ЛИЧНОСТИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

Актуальность обращения к данной теме связана как со значимостью деятельности Феофана Прокоповича (1681–1736) в отечественной истории, так и теми противоречивыми оценками, которые даны ему историками. Историография, посвященная этой выдающейся фигуре своего времени, чрезвычайно обширна. О Прокоповиче начали писать еще при его жизни (к примеру, из всех литературных деятелей XVIII в. он удостоился наибольшего количества исследований). Интерес к его личности и деятельности не пропадает и на современном этапе. Это обстоятельство вполне объяснимо. Во-первых, он был ближайшим соратником Петра I – одной из ключевых фигур русской истории; во-вторых, – являлся крайне противоречивой фигурой. Он не был до конца понят современниками и продолжает вызывать споры исследователей. Цель данной статьи – выявить особенности восприятия личности и деятельности Феофана Прокоповича в русскоязычной историографии дореволюционного, советского и современного периодов.

Первые работы о Феофане Прокоповиче стали появляться еще при его жизни. Так, епископ Корельский и Ладожский Маркелл (Родышевский) в 1726 г. написал обвинительную записку против своего современника, известную под названием «Дело о Феофане Прокоповиче». В ней он с первых строк именуется Феофана «еретиком», стремясь максимально очернить своего бывшего товарища по Киевской академии. Отметим, что трактат Маркелла стал известен широкой общественности только в XIX в., когда был зачитан в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете в 1862 г. Эмоционально излагая события жизни Феофана, Маркелл обличает его в двуличии и нарушении догм: «... и постиг учения многая, и от шуму ушел, и сам на себя мантию надел без обычного пострижения, и паки пришел в Киев, и в начале пришествия своего в Киев, показал он, Феофан, зело великий по благочестии ревнитель, за что начали его любить, и тагожде определили его быть учителем. А как он в том учительстве утвердился, начал Киевских и Московских жителей, детей и возрастных людей, приглашать к себе и учить своему еретичеству, и многие ереси в народ всевать...» (1). Итак, Маркелл не отрицает учености, высочайшей образованности своего сотоварища и коллеги, но постоянно повторяет мысль о

том, что тот обратил свои знания и таланты во зло, став еретиком, хулителем, оскорбителем и противником православной веры.

Не все современники Феофана были столь непримиримо настроены к нему. Так, поэт XVIII в. А.Д. Кантемир восхвалял Прокоповича как «проповедника славных дел» русского императора, «мудреца российских стран» и даже как «Златоуста» (2). Но голоса почитателей Феофана тонули в хоре его недоброжелателей. Ситуация несколько изменилась в следующем столетии, когда в исторической науке возник интерес к многогранной деятельности епископа. С этого времени начался отсчет в развитии историографии по данной теме. В 1844 г. появилась диссертация философа и публициста славянофильских взглядов Ю.Ф. Самарина под названием «Стефан Яворский и Феофан Прокопович». В качестве основной проблемы автор поставил борьбу между православием и протестантизмом. Православие олицетворял Яворский, протестантизм, соответственно, – Прокопович. К личности каждого из них исследователь подошел очень внимательно: «Деятельность Стефана Яворского и Феофана Прокоповича была так многостороння, труды их так многочисленны и важны, что с первого взгляда открывается возможность изучать их с разных точек зрения». Для изучения их деятельности автор применил многовекторный подход, освещая их государственную, церковную и литературную деятельность, делая акцент на художественной составляющей их речей. Обозначая огромное значение проповеди в период правления Петра I, автор очень точно замечает, что она становится основным орудием государственной пропаганды. Для осуществления масштабных реформ царю был необходим не просто красноречивый проповедник, а высокоодаренный оратор. Вполне объяснимо, с позиции сегодняшних знаний, им стал Прокопович. Исследователь пришел к выводу, что деятельность Феофана-проповедника была новаторской, но в то же время его толкования Евангелия дали повод считать его протестантом (3). Таким образом, в рецепции Самарина личность и деятельность Прокоповича предстают подлинно новаторскими. Он называет Феофана лучшим проповедником петровского времени, и в этом отношении его мнение совпадает с мнением большинства крупных исследователей.

В 1862 г. к личности Прокоповича обратился П.П. Пекарский – в рамках обширного труда ««Наука и литература при Петре Великом». В той части исследования, где говорится о Прокоповиче, он концентрирует внимание на двух важнейших аспектах в деятельности Феофана – политической и религиозной, подчеркивая их равнозначность и ту основополагающую роль, которую тот играл в обеих сферах (4). Таким об-

разом, оценка, данная им Феофану, исключительно высока. Касается Пекарский и личности Прокоповича. Он выявляет причины, позволившие Феофану стать самым близким соратником государя, подчеркивает верность и искренность его намерений и отношения к Петру. Говорит ученый и о тех последних годах жизни Прокоповича, которые наложили негативный отпечаток на его репутацию. Как известно, Феофан в определенный момент жизни встал на путь мщения своим врагам, презрев христианские заповеди, употребив свои ум, талант и красноречие на интриги и доносы. Пекарский высказывает предположение о том, что виной тому явилось архиепископство Прокоповича, поскольку для этого сана нужны особые качества, которых, как он полагает, у Феофана не было. Среди других крупных трудов о Прокоповиче, написанных до революции, выделяется книга П.О. Морозова «Феофан Прокопович как писатель». Ученый рассматривает деятельность Феофана в широком контексте. В его оценке Прокопович – это «официальный публицист» своей эпохи, добровольно избравший для себя эту роль. В первую очередь, историк отмечает его роль в жизни России эпохи Петра Великого, называет его «главным участником в преобразовательной деятельности» императора. По мнению автора, главной причиной всех поступков Прокоповича, порой неприглядных, являлось стремление отстоять достижения Петра, не допустить «возвращения старины». Морозов называет это «нравственным долгом» епископа, которого считает «консерватором» лишь в отношении достижений петровских реформ, говоря о том, что Феофан все иные нововведения, идущие вразрез с делом Петра, считал «опасными для государства» (5). Автор диссертации последовательно и целенаправленно находит доводы, помогающие ему доказать, что Прокопович рассуждал и действовал в соответствии с особенностями той эпохи, в которую он жил, и поступать иначе просто не мог. Он занимает оправдательную позицию по отношению к Феофану и выносит положительную оценку его деятельности, считая его не только блестящим публицистом и проповедником, просветителем и одаренным литератором, но и истинным патриотом.

Следующим важнейшим этапом в дореволюционной историографии о Феофане Прокоповиче стал труд крупного церковного историка и писателя И.А. Чистовича. В своем сочинении «Феофан Прокопович и его время» он воссоздает исторический портрет своего героя на фоне его биографии и эпохи. Чистовичем был проделан гигантский труд. Привлекши массу источников, которые до него не использовались, он воссоздал не только полную биографию Прокоповича, но ясную картину церковной и государственной жизни, а также подробности взаимоотношений этих двух институ-

тов. Автор уделил много внимания личности Феофана. Подобно труду Морозова, текст Чистовича наполнен эмоциональной составляющей: историк считает необходимым выразить свое отношение к герою своей книги, и это отношение положительное и сочувствующее. Как Морозов пытался оправдать некоторые поступки Прокоповича, так и Чистович не устает напоминать об исключительности личности и дарования Феофана, о тех нелегких условиях, в которые он зачастую был поставлен. Превосходя по уму и образованию практически всех своих современников, Феофан был обречен сталкиваться с завистью и, как следствие, с множеством низких поступков, которые эта зависть влечет. А виной всему – исключительность Феофана. Чистович в своей книге постоянно напоминает об этом качестве своему читателю, подчеркивая, что оно проявилось у него очень рано. Так, давая характеристику его речи 1706 г. в честь государя, прибывшего в Киев, Чистович пишет: «На другой день Феофан сказал, в его присутствии, проповедь, которая обратила на него внимание государя. И точно это была речь, давно неслыханная на церковной кафедре». Автор приводит критерии, объясняющие ее «неслыханность»: это ее «стройность» и, главное, – «одушевленность», исключая присущую обычным речам сухость и предсказуемость рассуждений. По мнению Чистовича, Феофан этой речью ознаменовал новый этап схоластической риторики, поскольку предыдущий «оставил позади себя». В труде Чистовича возникает одна из главных проблем, поднимающихся во всей историографии, посвященной Прокоповичу: с какой точки зрения следует оценивать его деятельность – религиозной или государственной. Сам автор склоняется ко второй точке зрения, признавая Феофана крупнейшим государственным деятелем своей эпохи, но занимавшегося делами Церкви (6). Здесь, возможно, автор проявил излишний субъективизм, так как Прокопович был, в первую очередь, церковнослужителем, и эта сфера изначально являлась для него основной. Но, в целом, значение труда Чистовича невозможно переоценить, без него историография по данной теме будет неполной.

В советский период процесс исследования деятельности Феофана Прокоповича на довольно продолжительное время угас. Интерес к этой теме сохранился, тем не менее, в русской эмиграции. Так, в 1937 г. завершил свой труд под названием «Пути русского богословия» протоиерей Г.В. Флоровский. В труде значительное место отводилось личности Прокоповича, о котором автор отзывается в резко негативной форме. Глава «"Реформаторство" Феофана Прокоповича и борьба против протестантизма» (слово «реформаторство» взято в кавычки) начинается с утверждения, что архиепископ был «жуткий человек». В словах Флоровского полностью отсутствует какой-

либо пиетет или восторг, который был присущ многим работам, рассмотренным выше. Автор очень категоричен в своих суждениях: «Это был типический наемник и авантюрист, – таких ученых наемников тогда много бывало на Западе». Его перо он называет «проданным», вместо понятия «деятель» употребляет «делец», а о нравственных качествах Феофана отзывается отрицательно, причисляя его к лжецам. Однако Г.В. Флоровский стремится быть объективным и не опровергает его образованности, учености, ума и тенденции к просвещению – то есть тех основных качеств, о которых говорят все исследователи, писавшие о Феофане. При этом автор решительно отвергает принадлежность Прокоповича к православию и без сомнения причисляет его «к протестантской схоластике XVII-го века» (7). В своем труде исследователь создал образ «ученого наемника» и «жуткого человека», который вел свою церковную деятельность не из-за веры и не в интересах веры, а ради государственности и укрепления власти. Рассматривая борьбу между Яворским и Прокоповичем, Флоровский определяет Стефана как жертву этого противостояния, как истинного ревнителя православной веры, у которого не хватило сил, средств или поддержки для того, чтобы выйти из него победителем. С горечью говорит автор о том, что победу одержал Феофан-эрудит, который был искренним приверженцем только одного – реформ Петра I и самого их создателя.

В 1970-е годы обращается к Феофану Прокоповичу и советская наука. В 1977 г. в серии «Мыслители прошлого» вышла в свет книга философа В.М. Ничик. Основной особенностью этой монографии является игнорирование религиозной составляющей деятельности Прокоповича. Для автора он, прежде всего, «общественный деятель XVIII века», стоявший во главе «ученой дружины» Петра I. Об этом заявлено уже в аннотации к книге. Историческое значение его личности и деятельности рассматривается автором через призму процесса соединения России, Белоруссии и Украины, горячим сторонником которого он являлся. Ничик расставила акценты в своей книге в соответствии с советской идеологией. По ее мнению, Феофан находился под прессингом «церковников-ортодоксов», которые травили его по причине его «атеизма и еретичества» (8). Подобный подход являлся традиционным для советской науки. В труде Ничик подчеркивается, что деятельность Прокоповича рассматривалась исследователями с позиций марксизма-ленинизма. В этом отношении она отмечает работы М.П. Алексеева, Л.А. Петровой и др., которые анализировали его наследие как философа-мыслителя и освещали его с точки зрения марксистского учения, а религиозная составляющая деятельности Прокоповича нивелировалась. Исследовательница утвер-

ждает, что в учении Прокоповича, в котором сочетаются идеи схоластики, Ренессанса, Просвещения и Реформации, отразился процесс перехода из одного строя в другой, т.е. «разложение феодального и зарождение буржуазного уклада» (8). Таким образом, в труде Никич он предстает, прежде всего, как просветитель и философ-мыслитель.

В аналогичном ключе рассматривается литературная деятельность Прокоповича в статье Н.Д. Кочетковой «Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма». В ее трактовке основной линией сочинений Феофана является просветительская. Более того, автор и вовсе сомневается в наличии религиозных взглядов у Прокоповича. В своих суждениях она опирается как на мнение доминиканского монаха Б. Риберы, так и на этапы биографии самого Феофана: «...достаточно вспомнить о поступлении православного монаха в римскую иезуитскую коллегию, а затем о его возвращении в Россию и разрыве с католичеством и, наконец, его связях с лютеранами» (9). Кочеткова утверждает, что в своей деятельности Прокопович руководствовался стремлением освободить российскую государственность от «гнета» православной церкви, и это его желание совпало с идеями Петра, который был свободен от религиозных догм. Если Феофаном и двигала какая-либо вера, то это была вера в просвещение. Касаясь его ораторской деятельности, Кочеткова характеризует ее отнюдь не с точки зрения христианства: «Феофан был вынужден облачать свои выступления в традиционную форму проповеди, но часто речь шла у него о вопросах, далеких от религии» (9). Она же настаивает на том, что в проповедях Прокоповича доминировала светская, а не религиозная тематика. Автор подчеркивает и литературные особенности творчества Прокоповича: смешение стилей, точность и живость слова, верность одному жанру. Но самое главное – в ее работе Феофан представлен как мирской писатель, чье творчество послужило очень ценным источником для литераторов, творивших в эпоху классицизма.

Итак, в советское время «феофановедение» развивалось в несколько однобоком направлении, развивая мысль об атеизме Прокоповича. Совершенно иная картина предстает в современной российской историографии. Во-первых, появляется множество трудов, посвященных всем сторонам деятельности Прокоповича (В.Г. Смирнов, О.В. Несмиянова, Ю.В. Кагарлицкий, П.Е. Бухаркин, протоиерей П. Ходзинский, А.В. Дубов, О.В. Довгий, О.М. Буранок, В.А. Луков, М.А. Корзо, К.А. Соловьев, Н.П. Гречишникова, Д.Б. Терешкина и др.). Во-вторых, исследователи представляют новый взгляд на проблему, стремясь переосмыслить ее с позиций современности. Ввиду

большого количества работ рассмотреть их все не представляется возможным. Эти исследования объединяет общая тенденция: создать истинный портрет Ф. Прокоповича, либо выявить одну или несколько его граней. Мы остановимся на наиболее крупной и «революционной» работе – диссертации О.В. Несмияновой. Ее работа Несмияновой ценна тем, что она опровергает сложившееся ранее мнение о Прокоповиче как об атеисте и о его исключительно просветительской деятельности. Собственно, целью ее исследования является пересмотр религиозных сочинений Феофана и устранение устоявшихся стереотипов. Автор считает, что определять учение Прокоповича как светское в корне неправильно. Тщательно проанализировав сочинения Феофана, Несмиянова пришла к выводу, что в их основе лежат именно христианские идеалы, а не просветительские, и не, тем более, протестантские. «Уже ранние проповеди, – пишет исследовательница, – позволяют говорить не только о наличии и значимости учения о церкви для его богословской мысли, но и о традиционном характере этого учения, включающего классические богословские положения» (10). Таким образом, Несмиянова «реконструирует» образ Ф. Прокоповича, освобождая его от многолетних стереотипов. По ее мнению, он стремился не приспособить Церковь к светским и государственным нуждам, а напротив, желал сакрализировать царскую власть и самого царя. Таким образом, в этом современном прочтении Феофан выступает как уникальная личность, как религиозный деятель, пытавшийся сделать из России новую Византию.

Итак, на основании всего вышесказанного можно сделать ряд выводов. Более всего в историографии, посвященной Феофану Прокоповичу, обращает на себя противоречие мнений исследователей. В дореволюционной историографии, которая является основой для всего ее последующего развития, так как в ней была восстановлена биография и этапы деятельности Прокоповича, по большей части проводится мысль о неординарности и одаренности архиепископа, о той роли, которую он играл в реформах Петра, об его богатом наследии. При этом историки расходятся во мнении по поводу религиозных взглядов Прокоповича. Отличительной чертой историографии этого периода является также очевидное отношение автора к личности Прокоповича. В советской историографии доминирующей оказывается тенденция отрицания религиозности Феофана. Он позиционируется, прежде всего, как просветитель, атеист, философ и мыслитель, подхвативший свободололюбивые идеи Петра относительно религии. Современная историография не отрицает заслуг Прокоповича во всех сферах деятельности, которую он осуществлял: в литературе, религиозной риторике, фило-

софии, государственных делах. Однако в ней вопрос о религиозности Феофана предстает совсем с иной стороны: как православного христианина, который опирался в своей публицистике на евангельское учение. Его попытки сакрализации царской власти, которые ранее были приняты за проявление протестантизма, в современных исследованиях трактуются как стремление достигнуть византийской модели государства. Данное явление представляется нам как важнейший шаг на пути восстановления подлинного исторического портрета Феофана Прокоповича.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Родышевский М. Дело о Феофане Прокоповиче. О житии еретика Феофана Прокоповича. М., 1862. С. 2.
2. Кантемир А.Д. Сатиры. Письма. Эпиграммы. Из Анакреона. М., 2014. С. 110.
3. Самарин Ю.Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович // Его же. Избр. произведения. М., 1996. С. 220, 231.
4. Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. М., 2015. Т. 1. С. 488.
5. Морозов П.О. Феофан Прокопович как писатель: Очерк из истории русской литературы в эпоху преобразования. СПб., 1880. С. 358, 359, 360.
6. Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 14, 16, 32.
7. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Мн., 2006. С. 122, 125, 131.
8. Ничик В.М. Феофан Прокопович. М., 1977. С. 4, 8, 9, 174.
9. Кочеткова Н.Д. Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Сб. 9. М., 1974. С. 51, 52, 55.
10. Несмиянова О.В. Учение о церкви Феофана Прокоповича: Историко-религиоведческая реконструкция: дис. ... к. филол. н. СПб., 1998. С. 28.

А.Р. Мельникова

УЧАСТИЕ ОДНОДВОРЦЕВ ЗАДОНСКОГО УЕЗДА В ЗЕМЕЛЬНОМ СПОРЕ

А.Д. БЕХТЕЕВА И Н.Р. ВОЕЙКОВОЙ 1792 г.

В конце XVIII в. однодворцев Воронежской губернии фактически приравнивали к государственным крестьянам. Предки их были служилыми людьми, которые принимали активное участие в колонизации южных окраин Российского государства в XVII в. (1) Говоря об однодворцах, следует выделить такую особенность этой группы населения: они довольно часто спорили с местными помещиками, а иногда и сами вовлекались в различные конфликтные ситуации. Ярким примером участия однодворцев в земельных спорах может быть судебное дело 1792–1793 гг. между землевладельцами Задонского уезда Воронежской губернии Надеждой Романовной Воейковой и ее родным дядей Алексеем Дмитриевичем Бехтеевым. Документы о происходившей между родственниками тяжбе на данный момент находятся в Государственном архи-

ве Липецкой области (2). Общий объем представленного разбирательства составляет 60 листов. Документы хорошо сохранились. Судебное дело состоит из 15 отдельных документов: трех рапортов (отчетов), трех предложений, четырех «объявлений» (т.е. заявлений спорящих сторон), двух объяснений и трех прошений. Разбирательство по представленному делу велось, главным образом, в Нижнем земском уездном суде Задонского уезда и один раз рассматривалось в Задонском уездном суде – более высокой инстанции. Судебное дело длилось с 27 октября 1792 г. по 20 мая 1793 г.

Суть разбирательства заключалась в следующем. С XVII в. на территории в районе д. Дрищевки проживали однодворцы – первые колонизаторы этих земель (3). Их дома были расположены на краю высокого оврага, за которым простиралась Савина пустошь, представлявшая собой обширное поле. Примерно в 1763 г. на другом краю этой пустоши была построена усадьба, которая принадлежала Надежде Романовне Воейковой. Неподалеку от усадьбы, рядом с Дрищевкой располагались земли ее дяди Алексея Дмитриевича Бехтеева. Сама же пустошь, именуемая Саввиной, никому не принадлежала, и однодворцы «истари» использовали ее для выпаса скота. В результате, после строительства усадьбы, пользоваться этой землей начала и Н.Р. Воейкова, договорившись с однодворцами на этот счет. Неожиданно А.Д. Бехтеев велел распахать пустошь, положив начало долгому спору. Обе стороны писали жалобы, приводили свидетельства в свою пользу и обращались к губернатору. Однодворцы д. Дрищевки, конечно, поддержали Н.Р. Воейкову. Они выступали как свидетели и даже подали свою жалобу в Земский суд на А.Д. Бехтеева. Инициаторами с их стороны стали братья Иван, Ефрем и Степан Кочетовы, а также Лазарь Морозов. Они выступали защитниками Н. Р. Воейковой, внося ясность, что никто не захватывал Савину пустошь. Хотя однодворцы и Воейкова пользовались землей, они делали это по праву, потому как здесь поселились еще их предки. Следует сказать, что активность однодворцев проявилась не сразу, а была спровоцирована самим А.Д. Бехтеевым, которые не только распахал место выпаса скота, но и неожиданно потребовал, что те снесли свои дома, якобы также расположенные на его поле, где он собирался сеять мак. Реакция однодворцев была ясна и предсказуема. Они категорически отказались сносить свои дворы и покидать места, где жили их отцы и деды. 11 сентября 1792 г. в деревню приехала комиссия, признавшая их правоту. На следующий день Задонский Нижний земский суд вынес постановление, в котором говорилось, что приказчик А.Д. Бехтеева обязан вернуть распаханную землю однодворцам и Н.Р. Воейковой. Тогда А.Д. Бехтеев подговорил однодворцев соседнего с. Сизово подать жалобу на Н.Р. Воейко-

ву, в которой она обвинялась в захвате их земель. Для подтверждения данного факта один из дворян даже приложил свою родословную. Однако обвинения дворян были слишком натянутыми, и суд отклонил их иск, даже не начав рассмотрение этого дела. Никаких конкретных документальных подтверждений у дворян с Сизово не было. Иск не имел прямого отношения к делу. В итоге, 22 декабря 1792 г. Задонским Уездным судом было принято решение в пользу Н.Р. Воейковой и дворян д. Дрищевки: «оной выгон ему генерал майору Бехтееву нипочему ко владению не следует, а принадлежит ей Воейковой и той деревни Дрищевка дворянам» (4). Решающую роль в судебном процессе сыграли показания местных жителей, давших клятву говорить только правду.

Итак, можно констатировать, что дворяне активно участвовали в различных земельных спорах, что было связано с юридическими нормами времени. В основном, они выступали как свидетели, и их показания учитывались в уездных судах. В этом было существенное отличие дворян от крепостных крестьян, фактически лишенных всяких прав. Дворяне выделялись из населения, так как они в большинстве своем имели дачи и являлись потомками служилых людей, которые занимали не последнее место в обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ляпин Д.А. Социальная организация сельского населения юга России в XVII в. // *Quaestio Rossica*. 2019. № 2. С. 599-612.
2. См.: Ляпин Д.А., Акиншин А.Н., Лильп И.Г. Бехтеевы. Изд. 2. Елец, 2020.
3. ГАЛО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 147.
4. Там же. Л. 38.

А.Н. Долгих

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕРМИНА «ЛЕГИТИМИЗМ» В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

В науке периодически возникают ситуации, при которых некие общепризнанные термины перестают соответствовать времени и новейшим знаниям по тому или иному предмету. В этой связи обратим внимание на своеобразное определение социальной сущности власти в России первой половины XIX в., данное в свое время В.И. Лениным – «крепостническое самодержавие», употребленное им, скажем так, по случаю и не имевшее принципиального значения в сравнении, например, с подобной же квалификацией монархии, например, XVIII в. (1). Однако некоторые советские историки,

например, Н.П. Ерошкин, формально исходя из этого определения, выделяли данный период в истории правительственной власти именно так, что выглядит, как минимум, не совсем корректно (2). Вместе с тем, конечно, это полу столетие, охватывая время правления Александра I и Николая I, имеет, действительно, вполне определенные особенности, не столь характерные ни для предшествующей эпохи (Павла I), ни тем более для последующей (3).

Однако, если в вопросе о политике Павла I по отношению к крестьянскому делу сходства было с политикой Александра I достаточно, то в отношении иных ее сторон разница была достаточно велика. Ясно, что и рассмотрение внутренней политики Александра II покажет нам принципиальные отличия от политики времени Николая I. А вот говорить о кардинальных отличиях политики Александра I от политики Николая I все же не приходится, хотя определенные нюансы здесь, конечно же, имели место. Так, например, конституционные затеи (по словам В.О. Ключевского, напоминавшие «игру старых бар в свободную любовь со своими крепостными девками») «свободомыслящего абсолютиста» Александра, по мнению разных исследователей, явно противостоят позиции Николая (представлявшего, по словам того же историка, «военного балетмейстера и больше ничего») (4), который, по оценкам одного из авторов «Истории дипломатии» изд. 1941 г. Е.В. Тарле, «ненавидел конституционные принципы, но никогда не мог понять, в чем они заключаются, и гордился тем, что ничего в конституциях не понимает»; однако, с другой стороны, до поры до времени он же сохранял особенности управления (конституционные основы) Царства Польского и великого княжества Финляндского (5). Некоторые отличия имелись в отношении монархов к экономическим вопросам, образованию, идеологии и др. Но они не были столь сильными, чтобы говорить о принципиальной их разнице. Все это, вместе взятое, приводит нас к мысли об особом периоде первой половины XIX в. в отечественной истории, охватившем два этих царствования: от свержения Павла I представителями дворянства за его чрезмерную авторитарность и непредсказуемость до эпохи «великих реформ», отмены крепостного права, на чем в значительной степени стояла в первой половине XIX в. Российская империя. Рано или поздно возникает в науке необходимость найти объективный и всеобъемлющий термин, который может охватить некую совокупность явлений (по крайней мере, в отношении властных структур и их политики) дореформенной эпохи. В литературе уже делались попытки подобного осмысления данной ситуации (6).

К введению в оборот новых дефиниций вынуждает исследователей и устаревший в использовании для этого времени термин «либерализм» (однако доминирующий в историографии), используемый в том числе для характеристики правительственной политики в отдельные периоды и по отдельным ее направлениям (7). Очевидно, что использование этого термина применительно к крепостнической эпохе предполагает нарушение основополагающих принципов данного общественно-политического направления, а именно отстаивание свободы и защиту собственности, чего явно недоставало в ту пору (8). Заметим, что в современной историографии, принимающую использование термина «либерализм» для крепостнической эпохи, чем дальше, тем больше исследователи высказывают сомнения в том, стоит ли относить этот термин к дореформенному периоду. Во всяком случае, сравнивая три энциклопедических издания, мы видим налицо эту тенденцию (9).

В.Я. Гросул выходит из положения, разделяя дворянский и буржуазный либерализм, причем истоки первого находит еще в доекатерининский период. Для нас такое расширение границ использования данного термина неприемлемо. При этом аргументы автора о том, что и в Англии носителями либерализма первоначально были представители дворянства, а не буржуазии (10), недостаточно убедительны. Ведь дело в том, что в Англии не было, скажем, в XVIII в. уже крепостного права, дворяне не владели людьми как рабами, а именно об этом неоднократно писали в первой половине XIX в. русские мыслители, бывшие, как правило, помещиками. Заметим, что такую позицию отстаивали в особенности сторонники смягчения крепостного права, а консерваторы старались говорить о взаимоотношениях в крепостной деревне в духе гармонии «отцов и детей» (11). Косвенной поддержкой нашей позиции является постепенный отказ от квалификации прогрессивной бюрократии первой половины XIX в. как «либеральной» и использование в литературе последнего времени термина «просвещенная» (enlightened), как это принято сегодня и в зарубежной историографии вопроса (12). Обратим внимание и на то, что, например, В.И. Ленин, живший в ту пору, когда либерализм как политическое течение уже себя проявил (тем более что он сам с ним активно боролся), анализируя некоторые стороны исторического прошлого России, указывал (в 1901 г.) на то, что «монархи то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых и "спускали" на верноподданных Аракчеевых», а значит, отвергал самый принцип использования данного термина для дореформенной эпохи (если следовать прямой логике текста). Но, правда и то, что тот же Ленин в 1911 г. писал говорил о «пресловутой борьбе либералов и крепостников» в период подготов-

ки крестьянской реформы, значит, он все же признавал, скажем, славянофилов или западников, в той или иной степени боровшихся против крепостного права в пору его существования, либералами (13). Возникает и вопрос о правомерности использования дефиниции «либерализм» для радикальных слоев русского общества первой половины XIX в., например, для значительной массы декабристов, что фактически признается в современной историографии (14). Итак, с нашей точки зрения, применение данного термина для данного периода представляется неверным. Понятно, что использование его применительно к пореформенной эпохе не вызывает споров. Кстати, в отношении дефиниции «консерватизм» вообще таких споров не возникает, разве что по-разному рассматриваются его варианты, делаются разные акценты на те или иные стороны данного мировоззрения, определяющие его суть для дореформенной эпохи (15).

Еще одним способом осмысления политики самодержавия этой эпохи и состояния правительственных структур России первой половины XIX в. является использование дефиниции «просвещенный абсолютизм». При этом данный не очень строгий, скажем так, термин позволяет, с нашей точки зрения, разнообразное расширение его семантики. Правомерное или неправомерное его использование для разных этапов развития России (в отличие от европейских его аналогов, с которыми тоже не все ясно), все же представляется нам мало применимым для первой половины XIX в. хотя бы потому, что приверженцев этого своеобразного мировоззрения (воплощенного и в определенной политике особенно Екатерины II) (16), воспитанных на идеалах европейского Просвещения XVIII в., после наполеоновских войн становилось все меньше и меньше, а в николаевскую эпоху они вообще сходили на нет, исключая, может быть, здесь «долгожителя» в этом отношении кн. П.А. Вяземского. Иные идеалы, философские и политические учения (например, немецкая классическая философия) постепенно становятся основой мировоззрения мыслящих людей и тем более представителей и носителей верховной власти рассматриваемого здесь периода (17).

Итак, вся эта эпоха, несмотря на различные оценки современниками и потомками ряда ее составляющих, была все же единым процессом, в котором можно выделить следующие параметры (не касаясь здесь явлений внешней политики): 1. Принцип самодержавия остался нерушим, причем для России после Павла I и его манифеста о престолонаследии он имел четкий и однозначный (легитимный) характер (передача власти старшему сыну правителя, исключая женщин из наследия престола), сохранившись в своем значении до революций начала XX в. 2. Нарастание стремления

властей к следованию «законности» (с периодически возникавшими всякого рода фактами проявлений так называемого «правительственного конституционализма», на деле мало что менявшими в существующей системе управления империей). 3. В экономической сфере налицо поддержка промышленности (постепенно нарастающая), акционерных компаний, начало государственного железнодорожного строительства. 4. В социальной политике главным направлением становится решение крестьянского вопроса: от смягчения крепостного права до разработки проектов масштабной реформы и отдельных частных законов в этой сфере. 5. Кулуарный характер разработки преобразований в разных сферах жизни общества (при крайнем ограничении допуска его представителей к их подготовке). 6. Сохранение ведущей роли дворянства в обществе при одновременном резком возрастании роли бюрократии, расширении категории «просвещенных бюрократов», будущих «моторов» реформ в России. 7. Смена идеологической составляющей политики, ее колебания и постепенный отход от идей «Просвещения». 8. Тенденция к постепенному развитию в российском обществе сферы образования и культуры (несмотря на периодические всплески цензурных и др. запретов). 9. Все это объективно знаменовало собой процесс постепенного превращения из «феодальной» монархии в монархию «буржуазную», не завершившегося в данный период (18). Тем не менее, в этом процессе совершенно очевидным становится рубеж реального начала так называемых «великих реформ», исходным для которых стало поражение в Крымской войне (ускоривших их) и правления Александра II, которому волею судеб выпала участь их проведения. Всю эту совокупность явлений крайне трудно охватить каким-либо типичным для российской историографии термином. В силу этого полагаем, что здесь не обойтись без использования дефиниции «легитимизм», более известной и применяющейся для западноевропейской истории, особенно для периода после окончания наполеоновских войн. Сначала стоит посмотреть, в каких значениях употреблялся этот термин тогда и в позднейшей литературе.

Первоначально речь шла, вообще говоря, лишь о «принципе легитимизма», выдвинутом на Венском конгрессе в 1814–1815 гг. Ш.-М. Талейраном, министром иностранных дел французского короля Людовика XVIII, заключавшемся в том, что Европа после разгрома Наполеона должна была «оставлять в нерушимом виде то, что существовало до начала революционных войн, т.е. до 1792 г.», что позволяло Франции сохранить в целостности свою основную территорию, которую она тогда не могла защитить сама, и обуздать в стремлении к расширению своих территорий ряд победителей в войне, особенно Россию и Пруссию. Действительно, главной своей цели Талейран

добился, однако, по мнению Ф. Энгельса, «именно принципом легитимизма» более всего «воспользовался» российский император Александр «для усиления своего влияния в Европе» (19). Действительно, именно Ф. Энгельс оставил ряд соображений насчет роли «легитимизма» в российской внешней политике, при этом данный термин он употреблял именно применительно к дипломатии и внешнеполитической деятельности. В известной своей работе «Внешняя политика русского царизма» (которая импонировала В.И. Ленину и не нравилась И.В. Сталину), написанной в 1889–1890 гг., данному сюжету уделено определенное место (20).

С его точки зрения, «любой захват территории, любое насилие, любое угнетение царизм осуществлял не иначе, как под предлогом просвещения, либерализма, освобождения народов». При этом «наивные западноевропейские либералы... верили этому», как «не менее наивные консерваторы» верили «в пустые фразы о защите легитимизма, о поддержании порядка, религии, европейского равновесия, о святости договоров – фразы, которые одновременно твердит официальная Россия... Ей, и только ей, разрешается быть в одно и то же время легитимистской и революционной, консервативной и либеральной, ортодоксальной и просвещенной». При этом он отмечал наличие уже в политике Екатерины II «умелого сочетания либеральной и легитимистской фразеологии», посредством которой она дурачила европейское «общественное мнение». Новым этапом использования идей «легитимизма» стала внешнеполитическая ситуация после победы над Наполеоном. По мнению Энгельса, «в то время как Талейран рассчитывал посредством этой придуманной им фразы поймать на удочку царя Александра, русской дипломатии в гораздо большей степени удалось при помощи той же фразы водить за нос всю Европу. Под предлогом защиты легитимизма она основала "Священный союз"... , доведенный до степени заговора всех европейских монархов против их народов под главенством русского царя». Мыслитель отмечал, что именно «просвещенный» российский монарх призывал «на конгрессах в Ахене, Троппау, Лайбахе, Вероне» своих «легитимных коллег к самым энергичным действиям против их мятежных подданных и для подавления революции посылать австрийцев в 1821 г. в Италию, а французов в 1823 г. в Испанию; это не помешало ему даже осудить для видимости восстание греков, хотя в то же самое время он разжигал это восстание... Снова глупая Европа была одурачена невероятным образом; монархам и реакционерам царизм проповедовал легитимизм, либеральным филистерам – освобождение народов и просвещение; и те, и другие верили ему». Правда, со временем российский монарх, по мнению мыслителя, стал воспринимать «легити-

мизм всерьез, и греческие повстанцы ему уже надоели». Здесь не так важна оценка тех или иных действий российского монарха и их мотивация: существуют и другие подходы к данному вопросу. Важно здесь то обстоятельство, что Энгельс рассматривал на определенном этапе данный лозунг со стороны Александра лишь как игру, а затем как серьезную позицию. Обратим внимание на то, что он ничего не писал здесь о политике легитимизма (и об его проповеди) со стороны Николая I, возможно, потому, что это и так было для всех очевидно (чего только стоит подавление Венгерской революции в 1849 г. и спасение этим Австрийской монархии) (21).

В большей степени эти идеи представлены в новейшем исследовании «История внешней политики России», где уделено значительное место реализации концепции «легитимизма», в том числе и для второй четверти XIX в. (22). По мнению исследователя Л.А. Зака, «анализ показывает, что так называемая идеология легитимизма была по существу сложным конгломератом противоречивых идей; она представляла собой эклектическую мешанину из собственно легитимистских построений и попыток консервативной интерпретации теории естественного права, что было характерно для ранней буржуазной реакции в ряде стран (в Англии в эпоху Великой французской революции, в наполеоновской Франции и др.)». Следствием же деятельности Венского конгресса, являвшегося определенным отражением на практике этих идеологических воззрений, стало то, что «реакционное дворянство, заинтересованное в сохранении "порядка" 1815 года, продолжало длительное время господствовать в большинстве стран Европы, а буржуазно-реакционные движения были слишком слабыми, чтобы ликвидировать это господство». При этом автор приводит знаменательные слова австрийского канцлера К. Меттерниха, выражавшие во многом суть этой идеологии и политики: «В Европе есть только одна проблема – революция» (23).

Итак, в целом, термин «легитимизм» может быть использован в отношении реалий западноевропейской политической жизни особенно для 1820-х гг. (до краха «Священного союза»), но, по сути, и до европейских революций 1848–1849 гг., соответствуя тенденциям развития этих государств, сохранявших монархии и господствующее влияние дворянства при одновременном учете новых обстоятельств в жизни общества, развития капитализма и возрастании роли буржуазии, не допущенной пока к политической власти. С нашей точки зрения, термин «легитимизм» вполне можно применить к российской истории первой половины XIX в., но только не до 1848–1849 гг., а до конца правления Николая I и «крымского поражения», естественно, при учете специфики исторического развития России, слабости буржуазии и капи-

талистических элементов вообще, при опоре государства на жесткий политический режим и «просвещенную бюрократию». Сама по себе подобная идея требует дополнительного обоснования, но без этого, видимо, не обойтись.

В заключение отметим еще одно обстоятельство, касающееся самой возможности определения тенденции развития дворянской общественной мысли России первой половины XIX в. Мы согласны с ленинским определением данного периода «освободительного движения в России» (пусть и с 1825, а не, например, с начала XIX в.) как «дворянского», так как именно в среде правящего сословия происходили основные мыслительные процессы (носившие в большей или меньшей степени оппозиционный характер по отношению к власти, который, правда, не стоит преувеличивать), а мнением остальных категорий населения (или сословий) для данной эпохи можно до определенной степени пренебречь, имея в виду, конечно, некое давление, которое они оказывали на дворянскую мысль той поры, которое также не стоит преувеличивать. Возвращаясь к мыслям В.И. Ленина, обратим внимание на его фразу: «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа» (24). Действительно, Ленин подчеркивал тот факт, что количество «дворянских революционеров» в эпоху декабризма было мизерно, примерно 1 на 1000. Можно возразить ему в том смысле, а были ли они вообще революционерами, а не просто лицами, стремившимися сменить фигуры у власти и, возможно, ускорить те реформы в стране, которые уже назрели и которые крайне вяло пытался провести тогдашний носитель власти? Полагаем, что более или менее серьезно в отношении них можно здесь говорить об ограничении самодержавия в том или ином виде, как это, между прочим, было во Франции и что, всерьез или нет, пытался провести сам Александр.

Но вот насчет социальных преобразований у нас здесь совсем иное мнение. Известно, что ни один из декабристов своих крестьян не освободил, проявив бы таким образом этим свое явное стремление к крестьянской эмансипации. Как писала недавно об этом В.М. Бокова, «обычно этот факт принято объяснять тем, что большинство декабристов по молодости не вступили еще во владение именьями, находившимися в собственности их родителей». Однако исследователь привлекла ряд фактов в отношении, например, И.Д. Якушкина, М.Ф. Орлова, С.Г. Волконского, М.С. Лунина, С.П. Трубецкого, А.В. Семенова и др., которые уже в начале 1820-х гг. стали собственниками имений, тем более что многие из них владели и дворовыми людьми, но практически ничего не сделали в деле эмансипации собственных крепостных (25). Известно,

что из лиц оппозиционных взглядов освободить своих крестьян решился лишь Н.П. Огарев, да и то за большой выкуп и перед самой реформой 1861 г. (26).

Кроме этих известных фактов, приведем и некоторые материалы наших изысканий по части разного рода дворянских проектов решения крестьянского вопроса, дополняющих эту картину. Из числа авторов этих проектов лишь примерно 4 % принадлежали не к потомственному дворянству, значит, на общие итоги они не сильно влияют. Из числа проектов, известных нам и относящихся к двум царствованиям Александра I и Николая I – 1749 (на сегодняшний день, а эти документы выходили из-под пера, как правило, грамотных и образованных людей (в определенной степени – идеологов дворянства), а не просто исходили от каких-либо «забуршелых» Коробочек и Плюшкиных, за сохранение в принципе существующего положения высказались примерно 67,3 % из них, а доля проектов, связанных с освобождением крепостных, равнялась примерно одной трети их. Однако, если мы посмотрим на число проектов, которые более или менее предполагали реальное освобождение, то увидим, что, например, в группировке «освобождение с землей или без земли» оказываются лишь 379 проектов или 21,7 % от общего числа, в группировке «освобождение за выкуп или бесплатно» – лишь 18,0 %, в группировке «сразу или через время» – лишь 14,2 %, а в отношении дворовых – всего 3,8 %. Но ведь это по большей части – лишь проекты, а реализована из них, пусть и на пространстве одного имения, лишь их мизерная часть. Известно, например, что по указу о вольных хлебопашцах было освобождено до реформы лишь около 1-2 % крепостных (27). Все это позволяет нам скептически относиться к разногласиям так называемого «прогрессивного» дворянства с «реакционным» и заодно с «крепостническим» самодержавием в вопросе об освобождении владельческих крестьян в России.

Логичнее утверждать, что общественная мысль (дворянская по преимуществу для этого периода!) развивалась примерно в русле правительственных идей и реформ, где-то и в чем-то опережая (например, в Остзейских губерниях), а где-то запаздывая (здесь можно вспомнить постоянное торможение преобразований (особенно аграрных) бюрократией и определенными кругами правящего сословия в это полустолетие), а значит, термин «легитимизм» в определенной степени может отразить и общее направление развития дворянской общественной мысли первой половины XIX в. (28). Об этом преимущественно к александровскому времени (в отношении «прогрессивных» слоев дворянства) писал С.В. Мироненко: «В стране создалось парадоксальное, трудно постигаемое положение: сторонники перемен таились друг от друга. Прави-

тельство, намекая на их возможность, держало в тайне все свои практические шаги в этом направлении. В другом месте исследования он отмечал, что «самодержавие и передовая часть общества пытались идти к переменам разными путями. Правительство – единственно допускаемым им путем реформ, общество – сперва давлением на правительство, поддержкой, подталкиванием его реформаторских устремлений, потом революционной борьбой». Причем, по мнению историка, «ни та, ни другая попытка... не увенчалась успехом» (29). Стоит распространить эти положения и на николаевское время, и итог будет, в принципе, тем же. Очевидны общие черты деятельности тогдашней власти и дворянского «общества», их движение в одном направлении, отсутствие между ними антагонистических противоречий, примером чему являлось, скажем, «исповедальное», доверительное в отношении монарха поведение многих декабристов на следствии. Иное дело – частности, отношение к тому или иному монарху и отдельным его действиям типа введения военных поселений, воссоздания Польского государства, цензурных уставов и др.

Рассматривая данный вопрос, отметим, пусть пока и в постановочном плане, что указанная выше терминология может быть вполне применима к российским политическим и общественным реалиям первой половины XIX столетия вплоть до «крымского» поражения и «великих реформ» 1860–1870-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 20. М., 1973. С. 121, 174; Т. 21. М., 1968. С. 303.
2. Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX в.). М., 1981; Долгих А.Н. К вопросу о современных оценках советской историографии: Н.П. Ерошкин // Гуманитарные исследования Центральной России. № 1 (14). 2020. С. 31-41.
3. Соглашаясь с мнением С.В. Мироненко о том, что «пропасть отделяла русское общество второй четверти XIX в. от конца XVIII в. – так изменились идеи, культура, быт, структура государственных институтов», мы также отмечаем, что, по его же словам, внутренняя политика, например, Александра I «принципиально ничем не отличалась от того, что делалось до него, в павловское время, и потом, в царствование его брата Николая I». Полагаем, что в этом есть доля истины: ведь автор не говорит все же о том, что эта политика ничем не отличалась, скажем, от политики Петра I или Екатерины II (хотя, судя по контексту, автор имел, прежде всего, в виду меры властей в отношении решения «аграрно-крестьянского» вопроса, которые им, вслед за А.В. Предтеченским, воспринимались как «ничтожные»). (Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 208. См. также: Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.; Л., 1957. С. 359).
4. Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. IX. М., 1990. С. 417, 438, 441.
5. История дипломатии /Под ред. В.П. Потемкина. Т. 1. М., 1941. С. 399; Кизеветтер А.А. Император Николай I как конституционный монарх // Его же. Исторические очерки: Из истории политических идей. Школа и просвещение. Русский город в XVIII столетии. Из истории России в XIX столетии. М., 2006. С. 361-374.

6. См.: См.: Манфред А.З. Общественно-политические идеи в 1815 г. // ВИ. 1966. № 5. С. 55-57; Акульшин П.В. П.А. Вяземский. Власть и общество в дореформенной России. М., 2001. С. 215-216. См. также: Тарле Е.В. Талейран. М., 1962. С. 159-160 и др.; Зак Л.А. Монархи против народов (Дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи). М., 1966. С. 67; Минаева Н.В. Европейский легитимизм и эволюция политических представлений Н.М. Карамзина // История СССР. 1982. № 5. С. 150-160; Тарановский Т.К. Особенности российской самодержавной монархии в XIX в. // Российская монархия: вопросы истории и теории. Межвузовский сборник статей, посвященный 450-летию учреждения царства в России (1547–1997 гг.). Воронеж, 1998. С. 157-171; Шульгин В.Н. Русский свободный консерватизм первой половины XIX в. Автореф. дис... д.и.н. СПб., 2010. С. 18; Долгих А.Н. О некоторых лакунах в терминологии в отношении истории России первой половины XIX в. // Личность, общество, власть: прошлое и современность. Материалы Двенадцатой региональной научной конференции (г. Воронеж, 2 февраля 2018 г.). / Под общ. ред. В.Р. Глазьева. Воронеж, 2018. С. 77-81. По мнению С.Л. Чернова и К.С. Чернова, идея «легитимизма» (само определение понятия авторы не дают) появилась в России задолго до того, как была провозглашена Ш.-М. Талейраном, а именно, уже в «Грамоте российскому народу» 1801 г., когда «конституционализм становится общепризнанной формой легитимизации всякой власти, в том числе и монархической». «Выделение основополагающих принципов и их декларация в законе "непременном" в сочетании с обещанием подкрепить декларацию изданием соответствующих бюрократических процедур, т.е. подзаконных актов, регламентирующих деятельность в том числе полицейских и судебных мест империи – вот путь Александра. Этот путь был предопределен павловским деспотизмом: одних бюрократических процедур оказалось недостаточно, дворянство потребовало сочетания деклараций с процедурами. Это сочетание подтверждало и дворянству, и самодержавию легитимность их прав и привилегий. На наш взгляд, именно потребность в легитимизации своей власти лежала в основе стремления молодого императора к изданию "непременных" законов». (См.: Чернов С.Л., Чернов К.С. Государственная Уставная Грамота Российской Империи – источник для изучения правительственного конституционализма первой четверти XIX века. Учебно-методическое пособие. М., 2014. С. 76). В другом месте работы те же авторы отмечали, что «политико-доктринальное оформление идеологии самодержавия изменялось весь XIX век, подстраиваясь под конкретно-исторические внешние и внутренние социально-политические условия», при этом в 1820-е годы это была «доктрина «легитимизма», а в 1830–1850-е – «теория официальной народности». (Чернов С.Л., Чернов К.С. Указ. соч. С. 166). См. также: Медушевский А.Н. Конституционные проекты в России // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. М., 2000. С. 111.
7. См., например: Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. С. 99, 208, 233. Своеобразным вариантом этой точки зрения является использование для правительственной политики этой эпохи смеси «авторитарно-самодержавного» и «либерально-правового» начал. (См.: Ахизер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? /2-е изд., испр. и доп. М., 2008. С. 190-210).
8. Так, в одном из современных исследований автор рассматривает применительно к рубежу XVIII–XIX вв. «ранний российский либерализм как идеологию политической и социальной свободы личности, достигаемой постепенными преобразованиями сверху». (Иванова А.А. Система воззрений и деятельность И.П. Пнина в контексте социально-политической истории России на рубеже XVIII–XIX вв. Автореферат дис... канд. ист. н. Воронеж, 2019. С. 23).
9. См.: Советская историческая энциклопедия. Т. 8. М., 1965. Стб. 617-618 (автор статьи – М.И. Хейфец); Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 3. М., 2000. С. 344-345 (автор статьи – С.С. Секиринский); Общественная мысль России XVIII – начала XX в.: Энциклопедия. М., 2005. С. 258 (автор статьи – А.Н. Медушевский). А в последнем из них обратим внимание на замечания автора о том что «экономические и социальные принципы либерализма не могут быть реализованы вне гражданского общества и правового государства», но в странах Восточной Европы в первой по-

ловине XIX в. «отсутствовали необходимые элементы гражданского общества», однако очевидна была необходимость самих реформ в этом направлении, что «обусловило иную стратегию развития», при которой «основным носителем преобразовательной программы выступала не буржуазия, как на Западе, а скорее само государство, инструментом ее реализации в значительной мере становилась бюрократия, а методы проведения неизбежно приобретали принудительный характер», что «особенно четко» проявилось в России (Общественная мысль России XVIII – начала XX в.... С. 258. См. также: Гросул В.Я. Эволюция русского политического либерализма // Его же. Общественное движение в России первой половины XIX в. М., 2017. С. 212-408).

10. Гросул В.Я. Указ. соч. С. 220-221.

11. См.: Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011. С. 259-298; Долгих А.Н. Об использовании понятий «рабство» и «свобода» в отношении владельческих крестьян России первой четверти XIX в. // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI в.: сб. ст. / отв. ред. А.И. Шевельков. Коломна, 2015. С. 14-18.

12. См., напр.: Ружицкая И.В. «Просвещенная бюрократия». 1800–1860-е гг. М., 2009; Долгих А.Н. О «либеральной» и «просвещенной бюрократии» в России первой половины XIX в. // История: факты и символы. 2017. № 2 (11). С. 95-102.

13. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1967. С. 30; Т. 20. С. 174.

14. Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 3. С. 344-345.

15. См.: Долгих А.Н. К проблеме возникновения в России консерватизма как общественно-политического течения: М.М. Щербатов и крестьянский вопрос // Российская государственность в судьбах ее созидателей: IX–XXI вв.: IV Международная научная конференция. Посвящается 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Липецк, 27 февраля 2015 г. Липецк, 2015. С. 145-151; его же. Консерватизм, либерализм и крестьянский вопрос в общественно-политической мысли России на рубеже XVIII–XIX вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 2 (52). Ч. II. С. 70-73.

16. См. об этом: Долгих А.Н. «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...»: Российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – первой четверти XIX в. Историографические очерки: В 2 т. Т. 1. Липецк, 2018. С. 152-173 и др. Наш скепсис в этом вопросе разделяют и другие авторы. Так, А. Ахиезер и его коллеги, авторы монографии об истории России, отмечают, что при использовании, скажем, для эпохи Екатерины II европейского термина «просвещенный абсолютизм» берется за скобки тот факт, что «при европейском абсолютизме, просвещенном и не очень, развивались капитализм и буржуазия, а при отечественном этого не происходило». (Ахиезер А. и др. Указ. соч. с. 191).

17. Долгих А.Н. О терминах «самодержавие», «абсолютизм» и «просвещенный абсолютизм» и их использовании в современной исторической науке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 2 (76). С. 93-97; его же. К проблеме изучения русского просветительства второй половины XVIII в. // Общество и власть: история и современность: материалы Тринадцатой региональной научной конференции. Воронеж, 2019. С. 58-64. Поиски альтернативы и термина, определяющего эпоху первой половины XIX в. для власти (и связанного с нею правящего сословия) наталкиваются на множество барьеров. Среди них – и своеобразные шоры на глазах, и абсолютизация мнений уважаемых людей, и сила традиции, и политические пристрастия. Здесь налицо и неприязненное отношение либеральной, а затем марксистской историографии к носителям власти в этот период. Применительно к эпохе Александра I можно назвать выдвигание на первый план негативных личных качеств монарха, сведение реформ к «аракчеевщине», предательство интересов России в особенности в связи с планами восстановления Польши. В отношении Николая I ситуация еще более усугубляется: он и «палач декабристов», «с ног до головы детина, с головы до ног скотина», налицо и тяжкое

обвинение его (в массовом сознании) в убийстве А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, и признание усиления отставания России от Европы во времена его правления, и полный провал во внешней политике (См. типичную работу такого плана: Ерошкин Н.П. Указ. соч.). В современной, особенно промонархической, литературе имеет место и другая крайность: воспевание «подвига» Александра I в 1812 г. и внешнеполитического могущества России после 1815 г., успешное противостояние властей, особенно при Николае I, «масонским» и тому подобным заговорам, ослаблявшим страну, при одновременной дискредитации «дворянских революционеров» (См., напр.: Тарасов Б. Рыцарь самодержавия. Черты правления Николая I // Николай Первый и его время. Т. 1 /Сост., вступ. ст. и коммент. Б. Тарасова. М., 2002). С. 3-56). Оба этих подхода мешают осознанию общности обоих царствований. Правда, вместе с тем существуют и вполне адекватные исследования об этой эпохе в целом и о каждом из царствований в частности, где мы наблюдаем очевидную преемственность между ними в разных сферах. (См.: Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978; Архангельский А.Н. Александр I. М., 2000; Ляшенко Л.М. Николай I. Случайный император. М., 2013; его же. Александр I: Самодержавный республиканец. М., 2014; Ружицкая И.В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. Изд. 2-е, испр. М.; СПб., 2015; Высочков Л.В. Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX в. М., 2018. См. также: Долгих А.Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII – первой четверти XIX вв. Монография: В 2 т. Липецк, 2006; Его же. «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...»: Т. 2).

18. См. также: Долгих А.Н. О некоторых лакунах в терминологии в отношении истории России первой половины XIX в... С. 77-81. Как отмечал С.В. Мироненко, «именно с первой четверти XIX в.» по ряду причин, в том числе и в связи с осознанием носителями самодержавной власти «несоответствия "духу времени" коренных основ социально-политического строя страны – абсолютной монархии и крепостного права», «идет отсчет длительных и мучительных попыток самодержавия приспособиться к меняющимся историческим условиям». (Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. С. 3).

19. См.: История дипломатии: В 3 т. /Под ред. В.П. Потемкина. Т. 1. М., 1941. С. 379, 383-384. По мнению авторов современного издания, уже в первых внешнеполитических действиях Александра I заметен отход от лозунгов реставрации «старого порядка», имевший место в прежних антифранцузских коалициях. «Российское правительство хотело не восстановления старого международного порядка, безвозвратно разрушенного революцией, а установления нового порядка отношений между европейскими государствами». Под принципами легитимизма, отмечал один из его авторов издания, понималась «не реставрация некогда легитимных, а ныне ликвидированных правительств, а уважение к международному праву, закону, построенное на здоровой и реалистичной оценке расстановки политических сил». При этом до определенной степени молодой монарх шел по пути Екатерины II, которая, при всей ее нетерпимости к идеям Французской революции, допускала уже после провозглашения республики в этой стране «возвращения не к абсолютизму, а к умеренной конституционной монархии и даже к утверждению на троне нелегитимного монарха». (История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1999. С. 19, 37).

20. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 22. М., 1962. С. 11-52; См. также: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 279-280; Т. 22. С. 325; Сталин И.В. Соч.: В 18 т. Т. 14. М., 1997. С. 18-23.

21. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 29-34.

22. См.: История внешней политики России. Первая половина XIX в... Гл. IV, VII, VIII.

23. См.: Зак Л.А. Монархи против народов (Дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи). М., 1966. С. 48, 353-355. Показательно в этом контексте замечание В.М. Безотосного: «Сам процесс поступательного движения прогресса регулировался, как правило, различными векторами внутри деятельности общества и государства и чаще всего на разных уровнях тормозился людьми. С одной стороны – личностями, старающимися "бежать быстрее паровоза" (революционерами и радикалами), с другой – обывательской массой, не

желающей слышать о каких-либо переменах. В такой ситуации победу в общественном сознании всегда одерживали консерваторы и рутинеры. Быстрые рывки вперед так же опасны для государства и общества, как косность и стагнация. Оптимальный вариант, когда действия "авангарда" и "арьергарда" находят консенсус между собой и коррелируются в интеллектуальных кругах страны». Мы не считаем данную позицию абсолютной, но ее вполне можно применить и к общеевропейским, и к российским обстоятельствам первой половины XIX в. (Безотосный В.М. Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М., 2014. С. 564).

24. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. М., 1968. С. 261; Т. 25. М., 1969. С. 93.

25. См.: Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003. С. 336-339; Островский О.Б. Александр I и русская художественная культура. М.; Берлин, 2019. С. 571.

26. Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. Т. 1. СПб., 1999. С. 394. См. также: Тимофеев Д.В. Практика освобождения крестьян в вольные хлебопашцы в царствование Александра I // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 4. С. 1177-1194.

27. См. об этом: Долгих А.Н. Указ о вольных хлебопашцах. (К истории крестьянского вопроса в России) // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. Вып. 3. Елец, 2000. С. 29-39.

28. Иной точки зрения придерживались С.Л. Чернов и К.С. Чернов, отмечавшие, что, например, что, как минимум, после неудачи с изданием Государственной Уставной грамоты Российской империи возникла «бездонная пропасть между правительственным конституционализмом и конституционными устремлениями русского общества». (Чернов С.Л., Чернов К.С., Указ. соч. С. 81).

29. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. С. 229-230.

Г.В. Ситникова

«ХВАЛА, НАШ ВИХОРЬ-АТАМАН»:

М.И. ПЛАТОВ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ

В Военной галерее Зимнего дворца, созданной по инициативе Александра I, в числе многих можем видеть и портрет М.И. Платова, который представлен в генеральском казачьем мундире, с переброшенной через плечо лентой ордена Андрея Первозванного, на шее – кресты орденов Св. Георгия, Св. Александра Невского, Св. Иоанна Иерусалимского, на груди – медали и памятные знаки. Подвиги героя были воспеты еще при его жизни Г.Р. Державиным, а портрет его размещен и среди 129 фигур памятника, установленного в честь 1000-летия России в Великом Новгороде в 1862 г. Совсем не случайно мы видим изображение этого героя в слове, в живописи, в камне, судьба его удивительна, чрезвычайно интересна и по-своему уникальна даже для той эпохи.

Матвей Иванович Платов (1751–1818), сын казака, ставший графом Российской империи, генералом от кавалерии, атаманом Войска Донского, основателем Новочеркасска, первым из русских был удостоен звания Почетного доктора Оксфордского

университета. М.И. Платов прожил неполные 67 лет, вся жизнь его была связана с воинской службой, которая провела его через Очаков, Измаил и Бородино, его любили казаки и солдаты, ценили и уважали полководцы, принимали монархи Европы, воспевали поэты, о нем сочиняли анекдоты. Стремительное продвижение по службе вызывало шквал доносов и наветов недоброжелателей и завистников, что повлекло исключение из службы, ссылку в Кострому, а потом и заточение в Петропавловской крепости на время расследования, которое завершилось снятием всех обвинений, после чего во главе 27 тысяч казаков был отправлен Павлом I в Индийском поход, дошел до Оренбурга, был возвращен Александром I уже после смерти отца. В боях Платов отличался храбростью, инициативой, решительностью, отвагой, много внимания уделял боевой подготовке донцов, в ходе многочисленных военных кампаний неоднократно совершал лихие рейды в тыл армии противника. Но были у него и административно-хозяйственные таланты, связанные с устройством мирной жизни. В частности, он добился разрешения перенести страдавший от ежегодных разливов Дона Черкасск на более высокое место. Новый город, ставший столицей донского казачества, получил имя Новочеркасск, именно здесь Платов провел последние годы своей жизни, заботясь о просвещении и образовании казачества, о развитии конных заводов.

Свое знаменитое стихотворение «Атаману и войску Донскому» Г.Р. Державин пишет в мае 1807 г., по его собственному признанию, «по случаю многих удачных сшибок легких войск наших, под предводительством атамана Донского, т.е. Платова, с французами» (1). Речь идет о событиях кампании 1807 г., когда Платов, командуя всеми казачьими полками, стал известен своими стремительными атаками на фланги французской армии, из «Записок» Л.Л. Беннигсена, командующего русской армией, узнаем, что Платов «на время принял начальство над казаками, состоявшими при армии, численность которых едва доходила до 2500 человек. Однако и с этим небольшим отрядом он принял деятельное участие в сражении при Прейсиш-Эйлау... Казачьи полки на левом нашем фланге участвовали во всех атаках, произведенных нашими войсками, и взяли в плен 450 человек» (2). Л.Л. Беннигсен писал в мемуарах о казаках и их атамане: «По нашему выступлению из Прейсиш-Эйлау я приказал генерал-лейтенанту Платову днем и ночью тревожить казаками неприятельские аванпосты везде, где только к этому представится возможность. Наши казаки исполняли эту обязанность так хорошо, что в первые три дня сняли с неприятельских пикетов и аванпостов двух офицеров и до двухсот рядовых, не потеряв при этом сами ни одного че-

ловека. Из дальнейшего изложения скоро можно будет усмотреть весь вред, причиненный неприятелю казаками под начальством их храброго вождя, при свойственной им необычайной деятельности, в особенности при том расположении, в котором в это время находились обе армии» (3). Беннигсен, командующий русской армией в этих сражениях, дает характеристику Платову как военачальнику, ловко выполняющему свои обязанности, отмечает его храбрость, отвагу, стремительность действий.

Представляет интерес и взгляд на Платова как бы со стороны, взгляд молодого корнета Ф. Булгарина, в 1807 г. служившего в Уланском Цесаревича полку, в будущем известного литератора, который дает не только восхищенную характеристику, но и описывает внешность героя и его подчиненных: «Здесь же я в первый раз увидел знаменитого атамана Донского войска, Матвея Ивановича Платова (бывшего тогда генерал-лейтенантом и не имевшего еще графского достоинства), которого имя повторялось в каждой реляции. Он пронесся мимо нас на рысях, со своим атаманским полком. Матвей Иванович Платов был сухощавый, уже не молодой человек, ехал, согнувшись на небольшой лошади, размахивая нагайкой. За ним шел стройно, по три справа, его геройский полк. Все казаки Атаманского полка носили тогда бороды, и не было бороды в полку ниже пояса. Казаки одеты были в голубые куртки и шаровары, на голове имели казачьи бараньи шапки, подпоясаны были широкими патронташами из красного сафьяна, в которых было по два пистолета, а спереди патроны. У каждого казака за плечами висела длинная винтовка, а через плечо, на ремне, нагайка, со свинцовою пулею в конце, сабля на боку и дротик в руке, наперевес. Шпор не знали тогда казаки. Люди были подобранные, высокого роста, плотные, красивые, почти все черноволосые. Весело и страшно было смотреть на них!» (4).

Дополнение к сложившемуся образу полководца Платова находим в книге П.А. Чуйкевича «Подвига казаков в Пруссии», написанной по горячим следам сражений, чтобы «передать памяти детей деяния отцов». Во время военных действий автор по долгу службы вел записи всех сражений, всех операций, рейдов, которые предпринимались русской армией: «Казачьи полки... не были без дела; одушевляемые присутствием своего атамана, они явили опыты невероятной храбрости, и поражая опрокинутые колонны, истребили великое множество неприятелей и взяли в плен 450 человек», «7 февраля. Полки казачьи вступили с неприятелем в сражение, ворвались с ним в Эйлау и произвели там страшное кровопролитие; ибо неприятель, надеясь удержаться, защищался упорно, но напоследок был выгнан. Кроме множества убитых, в плен взято у неприятеля 90 человек». Но, помимо точных указаний всех перемеще-

ний, количества пленных, автор воссоздает живое полотно сражений, на котором наряду с отвагой и смелостью есть место простым человеческим качествам. Чуйкевич неоднократно упоминает, что казачьи полки не только бились с неприятелем насмерть, не только брали в плен офицеров и солдат, но и освобождали из плена своих раненых и больных соотечественников, которым оказывалась всяческая помощь. Обращают на себя внимание и эпизоды, свидетельствующие о доброжелательном отношении жителей Пруссии к казакам: «Во многих случаях жители Пруссии оказывали преданность нашим войскам. Чувствования сии переходили от отцов и к детям. Часто казаки встречаемы были после своих успехов радостными восклицаниями жителей... Все школьники выбегали из города и дожидались возвращения храбрых своих защитников, встречая и провожая их сочиняемыми от себя нарочно песнями. В сей день все они вышли из Пассенгейма и остановились на горе, смотрели на сражение, которое должно было решить, за кем город Пассенгейм останется. Казаки возвращались с победой, тогда сия маленькая колонна устроилась и видя множество женщин, несших в город из деревень на продажу молоко, атаковала с казачьим криком. Молоко все было отнято и принесено казакам, которые после сражения, бывшего в жаркий день, имели нужду освежиться». Чуйкевич приводит множество примеров того, как казаки в боях использовали смекалку, находчивость, нередко действовали скрытно, тайно, неожиданно для противника, «тревожили» его ночью, нападали на рассвете, стараясь застать армию неприятеля врасплох, наказывая французов за беспечность. Автор мемуаров отмечает чрезвычайную подвижность, легкость казачьей конницы: «Нередко неприятельские колонны, бросаясь на казаков, старались сбить их с места. Легкий фронт казаков расступался, и неприятели видели себя окруженными и поражаемыми дротиками со всех сторон. Легкий конь, управляемый искусным всадником, летал повсюду, и подавал сему способы наносить необоротливому неприятелю тысячи непредвидимых ударов». В ходе сражения неприятелю не могла помочь даже артиллерия: «Казаки стояли твердо, не уступали земли ни на шаг и презирали выстрелы пушек, которые не могли делать большого вреда, не имея в предмете перед собою нигде густоты и количества». Он же свидетельствует, что после окончания всех боевых действий французы превозносили казачьи полки, осыпали их похвалами, «они чистосердечно признавались, что в продолжении всей кампании, войско их претерпевало много вреда, особенно кавалерия, от частых разъездов и тревог, делаемых казаками во всякое время, чего они от прочих народов никогда не видели» (5).

На этом историко-документальном фоне, конечно, представляет интерес и взгляд художника, творца, поэта Г.Р. Державина, который, будучи верным своей манере, рисует образ атамана М.И. Платова многоликим. Прежде всего, это уже известный Европе «страшный вождь» Донских сил, способный, как «колдун», врасплох заставить врага, подкрадываясь к нему –

По черных воронов полету,
По дыму, гулу, мхам, звездам,
По рыску волчью видя мету
Подходишь к вражьи́м вдруг носам.

Еще одна ипостась М.И. Платова – былинный, почти сказочный богатырь, которому все по плечу, который подчиняет себе саму природу:

В траве идешь – с травой равен;
В лесу – и равен лес с главой;
На конь вскочнешь – конь тих, не нравен,
Но вихрем мчится под тобой. –
По камню ль черну змеем черным
Ползешь ты в ночь – и следу нет. –
По влаге ль белой гусем белым
Плывешь ты в день – лишь струйка след. –
Орлом ли в мгле паришь сгущенной,
Стрелу сечешь ей вслед пущенной.

Фольклорные мотивы волшебной сказки (ковер-самолет, герой-невидимка, меч-кладенец, живая и мертвая вода и др.) неоднократно появляются в стихотворении:

Что ж стал? Борза ль коня не стало?
Возьми ковер свой самолет.
Ружейного ль снаряду мало?
Махни ширинкой, лес падет.
Запаса ли не видишь хлебна?
Гложи железны просфиры.
Жупан ли, епанча ль потребна?
Сам невидимкой все бери.
Сапог нет? Ступни самоходны
Надень, перчатки самородны
И дуй на огонь, на мраз, на глад.

Все они призваны убедить, что ныне, как и всегда, «российской силе нет преград», легендарные предки «все невозможности чли в пыль»:

Сжигали грады воробьями,
Ходили в лодках по земле,
Топили вражий стан прудами,
Имели пищу в киселе,
Спускались в мрачны подземелья,
Живот считали за безделья;
К отчизне ревностью горя
За веру мерли и царя.

Платов рисуется Державиным на широком историческом фоне, поэт упоминает знаковые моменты русской истории – эпоху междоусобиц («был грех, от свар своих кряхтели»), Куликовскую битву (чернец Донского – исполина //Татарского поверг во прах»), времена славных побед Петра Великого над шведами («Голицын, Шереметев, Львовы // Крушили зубы в дни Петровы»), достижения Екатерининской эпохи («Чесма, Кагул, Крым, Рымник, Тавр»), участником которых уже был сам Платов («Разил ты Льва, Луне гнул роги, //Ходил противу Солнца в бой») (6). Державин призывает атамана не останавливаться на достигнутом, с булатом обрушиться на врага, на «адска Саламандра», Соловья-разбойника, под которым понимается Наполеон, исполнить тем самым миссию былинного Ильи Муромца. Это стихотворение Я.К. Грот счел самым удачным в духе народного эпоса, «оно замечательно по чисто народному тону и складу, будучи от начала до конца основано на образах родной старины, переданных игривым, бойким и легким стихом. До этого стихотворения Державин ничего подобного не создавал в таком объеме и с такою выдержкою; здесь он является мастером в этом роде поэзии, знатоком народных сказаний, народного духа и языка» (7). Нельзя не согласиться с исследователем, действительно, данное послание резко отличается от всех произведений этого периода, в которых Державин считал необходимым запечатлеть каждое мгновение войны, каждое сколько-нибудь значимое событие. Своей живой стариной, русским духом, всем известной, узнаваемой сказочностью это стихотворение, несомненно, обязано центральному герою, атаману М.И. Платову, легендарному предводителю казачьей армии, чей образ оказался настолько живым и точным, что чуть позже, в 1812 г., был отчасти воспроизведен В.А. Жуковским в его знаменитом стихотворении «Певец во стане русских воинов»:

Хвала, наш Вихорь-атаман;

Вождь невредимых, Платов!
Твой очарованный аркан
Гроза для супостатов.
Орлом шумишь по облакам,
По полю волком рыщешь,
Летаешь страхом в тыл врагам,
Бедой им в уши свищешь;
Они лишь к лесу – ожил лес,
Деревья сыплют стрелы;
Они лишь к мосту – мост исчез;
Лишь к селам – пышут селы (8).

Кампания 1807 г., во время которой было написано Г.Р. Державиным послание атаману М.И. Платову, завершилась Тильзитским миром, знаменитой встречей двух императоров, Александра I и Наполеона. В это время произошло и личное знакомство казачьего атамана М.И. Платова с Наполеоном, которое сразу же стало обрастать легендами, мифами. А.И. Сапожников пишет о хождении трех анекдотов о встречах Платова и Наполеона, «в первом из них сообщается, что переводчиком при их встрече был сам Александр I. Во втором, атаман отказывается от награждения орденом Почетного легиона. В последнем из них рассказывается, как Платов удивил Наполеона искусной стрельбой из лука. В награду император французов пожаловал донскому атаману табакерку, украшенную драгоценными камнями» (9). Н.Ф. Смирный, адъютант М.И. Платова, в своих мемуарах свидетельствует: «После заключения общего Тильзитского мира, при свиданиях союзных монархов с Наполеоном, сей последний изъявил государю императору желание свое, что ему бы хотелось, в знак уважения к некоторым отличным генералам российской армии, наградить их французским орденом Почетного легиона. Это намерение Наполеона передано было Платову в том виде, что он может надеяться быть в числе сих немногих. Атаман донцов, заметив, что при сем случае находились такие особы, которые бы могли донести ответ его до сведения Наполеона, сказал с твердостью: «Воля его, как ему угодно, но если б, в самом деле, прислал он мне в награду свой орден, то я его не приму, и так доложу верноподданнически и Государю моему. За что ему меня награждать? Ведь я ему не служил и служить не могу никогда» (10).

Имя казачьего атамана и в веке XXI-м привлекает внимание широкой читательской аудитории. Не случайно в центральных и региональных издательствах вышел

целый ряд книг об уникальной судьбе М.И. Платова (11), в 2017 г. имя предводителя «летучего» казачьего войска Платова символично присвоено новому аэропорту, построенному недалеко от Ростова-на-Дону.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Державин Г.Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 443.
2. Майков П.М. Записки графа Л.Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года. СПб., 1900. С. 145-146.
3. Там же. С. 158.
4. Булгарин Ф.В. Воспоминания. М., 2001. С. 313.
5. Чуйкевич П.А. Подвиги казаков в Пруссии. СПб., 1807. С. 11, 19, 58-59, 112-113, 121.
6. Державин Г.Р. Указ. соч. С. 320-323.
7. Грот Я.К. Жизнь Державина. М., 1997. С. 615.
8. Жуковский В.А. Соч. в 3 т. Т. 1. М., 1980. С. 132-133.
9. Сапожников А.И. Войско Донское в наполеоновских войнах: кампании 1805–1807 гг. М., СПб., 2008. С. 232.
10. Смирный Н. Жизнь и подвиги графа Матвея Ивановича Платова: в 3-х ч. Ростов-на-Дону, 2003. Ч. 1. URL: <http://kzref.org/jizne-grafa-matveya-ivanovicha-platova-srajenie-pri-prejsish-e.html>
11. Астапенко М. П., Левченко В. Г. Атаман Платов: Жизнеописание. М., 1988; Безотосный В. М. Донской генералитет и атаман Платов в 1812 г. М., 1999; Лесин В.И. Атаман Платов. М., 2005; Сапожников А.И. Войско Донское в наполеоновских войнах: кампании 1805–1807 гг. М., СПб., 2008; Астапенко М.П. Атаман Платов: историческое повествование. Ростов-на-Дону, 2003; Венков А.В. Атаман Войска Донского Платов. М., 2008; Коршиков Н.С. Дворяне и графы Платовы. Ростов на-Дону, 2004; Смирный Н. Жизнь и подвиги графа Матвея Ивановича Платова: в 3-х ч. Ростов на-Дону, 2003.

Р.С. Марков

«А ДЕЛА ПОЙДУТ, КАК ДОЛЖНО, ЕСЛИ ВЫ НАЙДЕТЕ В РОССИИ

50 МУЖЕЙ УМНЫХ, ДОБРОСОВЕСТНЫХ...»:

Н.М. КАРАМЗИН О ГУБЕРНАТОРАХ

В России традиционно в различные периоды достаточно остро стоял вопрос о власти. Не исключением выступала и организация публичной власти на местах: децентрализация государственного управления и передача большего объема полномочий регионам редко находили поддержку со стороны центрального аппарата. Те же немногочисленные попытки наделить периферию автономией в некоторых сферах завершались безрезультативно. Не исключением выступила реформаторская эпоха начала XIX в., когда даже незначительная либерализация губернаторского правления нашла отпор со стороны лучших умов своего времени.

Обращаясь к истории вопроса, следует отметить, что институт губернаторов в системе российской государственной власти формировался в течение XVIII в., заме-

нив существовавшее ранее на протяжении нескольких столетий воеводское управление на уровне уездов. Как указывает Н.И. Воробьев, впервые должность губернатора упоминается в документах Петра I, позднее, после областной реформы 1708 г. и пересмотра административно-территориального устройства империи Екатериной II в 1775–1796 гг., институт губернаторства в России принимает окончательно сложившийся вид, остававшийся практически неизменным до конца российской монархии (1). Начальник губернии представлял на региональном уровне исполнительно-распорядительную власть и обладал широчайшими полномочиями в решении местных вопросов, однако не являлся подотчетным местному населению, подчиняясь центральному аппарату управления (непосредственно государю, а также Правительствующему сенату, позднее – Министерству Внутренних дел). «Александровых дней прекрасное начало» решительным образом повлияло на облик государства, поставив ряд новых вопросов по поводу организации власти. Зачатки вольнодумия, посеянные на русской почве в конце предыдущего столетия отечественными просветителями, выросли до полноценных проектов реформ государственного строя Российской империи. И если А.Н. Радищев в своих произведениях лишь высказывался в пользу возможной федерализации административно-территориального устройства государства, то уже в проектах М.М. Сперанского отчетливо стали проступать контуры будущей децентрализации публичной власти, наделяния губернского уровня значительным объемом как хозяйственных, так и управленческих полномочий.

Однако настоящие реформаторские начинания претворялись в жизнь медленнее, нежели то хотелось их созидателям, более того, они столкнулись с резкой критикой со стороны представителей российского общества, склонявшихся к идеям сохранения действующего строя. В 1811 г. историк и писатель Н.М. Карамзин, выступивший выразителем настроений зарождающейся «консервативной партии», в своей «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» обратился к императору Александру I и высказался о пагубности некоторых направлений реформ государя. Не оставил Карамзин и проблему губернаторского правления, указав как трудности, существовавшие ранее, так и целесообразные, по его мнению, изменения. Так, губернтскую реформу Карамзин относит к одной из неперемных заслуг императрицы Екатерины II, которое стало пересмотром «всех внутренних частей нашего здания государственного». Однако и она не осталась без критических замечаний: бюрократизм, нерациональность принимаемых управленческих решений, низкая эффективность губернтской судебной системы наглядно демонстрировали, что новое адми-

нистративно-территориальное устройство государства («изящное на бумаге, но худо примененное к обстоятельствам России»), было недостаточно эффективным.

Карамзину известно о подготовке нового законодательства об учреждении губерний, но относится к этому весьма скептически, полагая, что не произойдет конструктивных преобразований, а изменения нарушат и без того не лучшую расстановку сил на местах. Им осознается и подчеркивается большая важность губернского уровня власти для публичного управления: «Россия состоит не из Петербурга и не из Москвы, а из 50 или более частей, называемых губерниями» (2). Причем компетентность губернских служащих решительным образом улучшает работу центрального аппарата, снимая с него многие вопросы администрирования. В результате, Карамзин приходит к выводу о необходимости грамотной императорской кадровой политики при подборе новых губернаторов: «...а дела пойдут, как должно, если вы найдете в России 50 мужей умных, добросовестных». На них должна быть возложена ответственность за благополучие населения губерний, борьба с коррумпированностью губернских служащих, а также восстановление правосудия, работа с купечеством, промышленниками и крестьянством, компетентных сбор налогов и формирование губернского бюджета.

Исходя из тезиса, что «губерния есть Россия в малом виде» (2), Карамзин настаивает на реализации на региональном уровне принципа единоначалия. Он критически замечает, что, в отличие от более раннего времени, губернаторы подчиняются не одному ведомству, а ряду министерств. Сами же начальники губерний не обладают полной властью над вверенными им территориями, поскольку отдельными вопросами напрямую ведают администраторы на общегосударственном уровне. Сложилась парадоксальная ситуация, когда «губерния имеет не начальника, а начальников, из коих один в Петербурге, другие в Москве». По мнению Карамзина, такая «система правления, весьма не согласная с нашею старинною, истинно-монархическою, которая соединяла власти в наместнике для единства и силы в их действиях», выглядит опять же неэффективно. Исходя из указанных тезисов, формируется идеал губернаторского правления: начальники губерний должны напрямую подчиняться верховной власти, их отбор и назначение должен курировать лично император. Полная подотчетность государю обуславливает полновластие губернатора во всех делах переданной под его управление области. Карамзин уточняет, что некомпетентный губернатор является, в первую очередь, результатом плохой кадровой политики центра, неспособность же руководителей реализовывать свои полномочия – итог порочной системы организа-

ции власти на местах (2).

Следует отметить, что рядом авторов отмечается стремление Карамзина сохранить существовавший раньше баланс власти (3), достаточно часто он обращается к историко-правовым основам российской государственности. Его взгляды относительно института губернаторов вписываются в настоящую парадигму, кроме того, предлагаются ориентиры для предположительной реформы управления на местах, однако и они отличаются явно выраженными консервативными настроениями. Но нельзя не упомянуть и о противоречивости взглядов Карамзина. Он ставит очень актуальную проблему неэффективности государственного управления в губерниях, его аргументация обнажает многие несовершенства действующего законодательства. Однако знаменитый консерватор приходит к совершенно алогичному выводу, что нужно искать талантливых управленцев, способных изменить ситуацию, а не совершенствовать государственные институты и выстраивать стабильную систему публичного администрирования. Нерациональным представляется и тезис о возложении на императора кадровой работы с губернаторами, поскольку в очередной раз Карамзин предпочитает личностный фактор слаженному государственному механизму, основанному на верховенстве закона. Даже не упоминается о праве губернских жителей на участие в отправлении власти – в воззрениях автора они предстают безропотными подданными монаршей власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Воробьев Н.И. Институт губернатора (главы региона) в России: учреждение и становление // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2009. № 10. С. 340.
2. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М., 1991. С. 42, 43, 59, 60, 99, 100.
3. Алонцева Д.В. Идея патриотизма в государственно-правовых взглядах Н.М. Карамзина // Школа молодых ученых по проблемам гуманитарных наук: сб. материалов областного профильного семинара. Елец, 2017. С. 115.

А.Н. Долгих

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИДЕОЛОГИИ И ПРАКТИКИ РЕШЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОПРОСА В ДВИЖЕНИИ ДЕКАБРИСТОВ

В 10-й главе пушкинского романа «Евгений Онегин», в ее, скажем так, каноническом или общепринятом варианте, есть такие строки:

«Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,

Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян» (1).

В них Пушкин дал своеобразную характеристику, как отмечал А.В. Аникин, «собрания будущих северных декабристов в 1817–1819 годах». Строки, написанные в 1830 г., по-разному интерпретировались. Так, например, А.И. Тургенев, лишь частично прикосновенный к делу своего брата Николая, в свое время записал в дневнике: «Поэт угадал: одну мысль брат имел: одно и видел, но и поэт преувеличил: где видел брат эту толпу? Пять, шесть – и только!». По мнению современного исследователя, автор записи в дневнике, привезший в ту пору из-за границы очередную оправдательную записку Н.И. Тургенева, «нутром усвоил их общую тактику: всячески преуменьшать масштабы тайного общества...» (2).

Мы смотрим на это иначе. Взгляд великого поэта на дела и планы декабристов, вообще говоря, не до конца ясен. Это касается в том числе и его оценки роли в их деятельности и идеологии так называемого крестьянского вопроса, проблемы освобождения владельческих крестьян. В этих строках обращается внимание на позиции здесь Н.И. Тургенева, считавшего приоритетным для их сообщества необходимость освобождения «рабов» в России. Он выделялся в среде декабристов также и тем, что особые надежды возлагал в этом смысле на самодержавную власть (3), в чем его позиции совпадали во многом со взглядами на сей счет А.С. Пушкина (4). С другой стороны, поэт в этих строках явно делал акцент на «толпе дворян» как «освободителей крестьян». Заметим, что у Пушкина никогда не было проблем с рифмой, и если он употребил все же достаточно ироничное для такого контекста слово «толпа», значит, то же и хотел сказать. Ведь поэт неплохо знал реальное положение дел по данному вопросу в этой среде, хотя и не был членом тайного общества; недаром «освободителями» эти люди выглядели, по его словам, лишь в глазах того же Н.И. Тургенева, тем более что реальной «толпы» здесь и не было (5). Именно данный сюжет мы здесь и рассмотрим.

Тема эта долгие годы является актуальной. Как писала О.Б. Леонтьева, «восстание декабристов – один из тех сюжетов российской истории, которые играют структурообразующую роль в исторической памяти нашего общества» (6). Не забудем здесь громадный историографический шлейф. Вспомним, что официальный взгляд на декабристов в николаевскую эпоху сводился, в основном, как на царубийц, их по-

собников и обманутых ими лиц; затем уже на рубеже XIX–XX вв. складывается в их отношении либеральное представление о прекраснодушных людях, избравших просто не тот путь для себя и своей страны. Параллельно с этим, начиная с А.И. Герцена, нарастает восхищение ими и их жертвенностью со стороны революционеров разного рода, пусть иногда и с критикой отдельных сторон их мировоззрения и их практических действий (7). Эти идеи были наследованы и переработаны В.И. Лениным, создавшим известную периодизацию «освободительного движения» в России. Некоторые исследователи делают сегодня поправки к этой ленинской концепции, но они касаются, в основном, второго и третьего его периодов (8). Применительно же к первому этапу изменений в историографии практически нет (если не считать общей смены личного отношения массы исследователей к данной проблематике и поиска здесь всякого рода «узких мест»); при этом мы согласны вполне с ленинским определением данного периода «освободительного движения в России» (пусть и с 1825, а не с начала XIX в.) как «дворянского», так как именно в среде правящего сословия происходили главным образом всякого рода мыслительные процессы (носившие в большей или меньшей степени оппозиционный характер по отношению к власти, который, конечно, не стоит преувеличивать), а мнением остальных категорий населения для данной эпохи можно до определенной степени пренебречь, (допуская все же некое давление, которое они оказывали на дворянскую мысль той поры). Возвращаясь к мыслям Ленина, обратим внимание на его ставшую давно хрестоматийной фразу, сказанную применительно к родоначальникам «освободительного движения»: «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа» (9). Оба этих положения бесспорны, и они соответствуют истине в том числе применительно и особенно к решению декабристами крестьянского вопроса. В массе исследований советского времени по данной проблематике выделим работы В.В. Пугачева и его тезис о том, что в этом движении «буржуазные, демократические идеи превалировали над дворянскими. Но и последние не исчезли. Все это определяло сложность, противоречивость идеологии декабристов», в частности «диалектику соотношения революционности и либерализма» (10). Эти замечания стоит лишь скорректировать тезисом о неприемлемости, с нашей точки зрения, использования термина «либерализм» для России крепостнической эпохи (11).

С другой стороны, в современной общественной среде имеет место и определенный исторический нигилизм (особенно характерный для публицистов и всякого рода непрофессиональных историков), в некоторой степени опирающийся на форму-

лу, приписываемую В.О. Ключевскому: «Декабристы – это историческая случайность, обросшая литературой». По словам одной из публикаций в Интернете, «в огромной историографии зарубежных историков о России 19-го в. – тысячи авторов, десятки журналов, огромное число публикаций. Но во всем этом потоке о декабристах работ почти нет... В то же время число российских публикаций о декабристах, наверно, перевалило за 20 тысяч». Это событие оказалось крайне политизировано потомками, вовлечено в этакий «революционный канон». Вокруг «декабристов» сформировано целое историческое направление. С одной стороны – это избалованная молодежь, которая «не успела» повоевать, и представители этой «золотой молодежи» после Отечественной войны и похода в Европу «по всем статьям проигрывали более старшим поколениям, сумевшим отметиться на войне. С другой стороны – декабристы выглядят откровенно иррационально, в них (непонятно откуда) возникло искреннее (нерациональное и саморазрушающее) чувство повернуть Россию» на некий известный только им «путь свободы»? «Что-то известное сломать, что-то непонятное построить, без серьезной программы, без подготовки, без системы...» (12).

В данном контексте знаковым выглядит оценка декабристов в современном издании, посвященном истории общественной мысли в России (автор статьи – В.С. Парсамов). В подчеркнуто нейтральной по духу статье о декабристах ее автор, констатируя соединение в идеологии этого движения революционных и либеральных идей, отмечал предпочтение, оказываемое первым в работах А.Е. Преснякова, П.Е. Щеголева, М.В. Нечкиной, Ю.Г. Оксмана, Н.М. Дружинина, вторым – в исследованиях А.Н. Шебунина, Ю.М. Лотмана, В.В. Пугачева, С.С. Ланды и др. Обращая внимание на аграрные проекты Южного и Северного обществ, Парсамов полагал, что путь, предложенный, например, П.И. Пестелем, «вел к революционным преобразованиям и, в конечном итоге, к установлению эгалитарной республики», а «Конституция» Н.М. Муравьева «предлагала путь либеральных реформ и практически мало отличалась от реформаторских намерений самого императора Александра I», что, с нашей точки зрения, несколько упрощает дело (13). Что же касается профессиональных историков, то в современной научной литературе в отношении дворянских революционеров (или просто оппозиционеров) стало уделяться в большей степени, чем ранее, внимание вопросу о существовании огромного разрыва между словом и делом в применительно к «крестьянской теме». Об этом хорошо писал Б.Н. Миронов. Отмечая «рост доходности крепостного труда» в XVIII – первой половине XIX вв., историк указывал на то, что в ту пору именно по этой причине «ни один представитель либерального или ра-

дикально-революционного мира, за исключением Н.П. Огарева, не отпустил своих крепостных на волю», а «две трети дворянства, по оценке П.Д. Боборыкина, были против отмены крепостного права» даже в последние два десятилетия перед реформой 1861 г. (14). Тем более это явление было характерно для первой четверти XIX в., и его вполне можно распространить в том числе и на декабристов. Стоит здесь выделить прорывное с определенной точки зрения исследование В.М. Боковой, представившей целый ряд примеров несоответствия теоретических положений и реальных действий декабристов в данной сфере (15). Главными из них являлись положения о том, что своих крестьян декабристы так и не освободили, лишь в некоторых случаях смягчали тяготы крепостного права в своих деревнях. При этом среди них можно было найти и крепостников, и более мягких помещиков – словом, как это и было в массе своей в России той эпохи; здесь декабристы ничем не выделялись среди тогдашнего дворянства. Политику «двойных стандартов» в отношении подобных лиц хорошо понимал уже в ту пору человек достаточно умеренных взглядов, но писавший часто «на злобу дня» И.А. Крылов. Примером этого является его басня «Волк и пастухи» (1816 г.)

Волк, близко обходя пастуший двор
И видя, сквозь забор,
Что, выбрав лучшего себе барана в стаде,
Спокойно Пастухи барашка потрошат,
А псы смирнехонько лежат,
Сам молвил про себя, прочь уходя в досаде:
«Какой бы шум вы все здесь подняли, друзья,
Когда бы это сделал я!» (16).

Посмотрим на данные явления, скажем так, на трех уровнях. Первый из них – программные положения самих декабристских обществ, второй – позиции на сей счет некоторых других общественных объединений той поры, к которым имели определенную прикосновенность декабристы, третий – действий конкретных членов этих организаций в своих деревнях. Наконец, мы сопоставим предложения декабристов с тогдашними дворянскими проектами решения крестьянского вопроса, проведя сравнительный контент-анализ между ними.

Скажем несколько слов о программах основных декабристских обществ и месте в них крестьянского вопроса, а также его роли в их деятельности. Не повторяя здесь общеизвестных истин, остановимся лишь на нескольких аспектах проблемы. Очевид-

но, что дело с освобождением крестьян у них шло явно не гладко. Так, по словам В.И. Семевского, при образовании Союза благоденствия в его «Законоположении», сделанном во многом по уставу немецкого «Союза добродетели» или Тугенбунда, положения последнего были видоизменены. «Немецкий устав требовал, чтобы вступающий в союз, если имеет крестьян, освободил бы их не позже конца того же хозяйственного года от подданных отношений и обеспечил бы их пропитание достаточным количеством земли. В русском уставе этого совсем нет, и членам общества рекомендовалось только человеческое отношение к своим крепостным, распространение гуманных взглядов на крестьян и в случае возможности борьба с злоупотреблениями крепостным правом» (17). Известно, что Н.И. Тургенев по вступлении в Союз благоденствия предложил каждому его члену «сделать немедленно все, что будет в его власти, во-первых, чтоб ослабить крепостное право, а затем содействовать его уничтожению», предлагая сразу же освободить дворовых, находящихся в личном услужении, а также в дальнейшем обратиться к властям для принятия мер в отношении освобождения крестьян, но кроме формального одобрения, дальнейшего эффекта от его предложений не было. А в 1820 г. И.Д. Якушкин также пытался уговорить членов этого Союза направить адрес императору о всякого рода злоупотреблениях на местах, в том числе, видимо и в связи с крепостничеством, и с предложением созвать для обсуждения вопроса «земскую думу», но не встретил у окружающих поддержки (18). Обратим внимание и на то обстоятельство, что, по словам Т.В. Андреевой, «первые тайные общества декабристов... являли собой в большей степени союзы единомышленников, желавших поддержать и укрепить власть в ее реформаторских поисках». При этом власть и членов этих обществ, что весьма многозначительно, «объединяла еще одна идея – противостоять внутренним неурядицам и нестабильности в стране посредством руководства и надзора за общественным мнением». И лишь «неспособность власти решить основные проблемы социально-экономического развития страны, – по ее мнению, – приводила к тому, что либеральное оппозиционное движение превращалось в революционное» (19).

Добавим сюда, что, например, в «Русской правде» П.И. Пестеля, представлявшей своеобразный наказ Временному Верховному правлению, наряду с угрозами применения мер «непреклонной строгости» по отношению к дворянам, коснеющим в невежестве и выступающим против крестьянской «эмансипации», высказано довольно жестко и то, что крестьянское освобождение «не должно произвести волнения и беспорядки в государстве», для чего эта временная власть обязывается «беспощадную

строгость употреблять против всяких нарушителей общего спокойствия», а значит, против этих самых крестьян, стремящихся раньше времени (определенного властями) к свободе. С другой стороны, процесс крестьянского освобождения предполагалось осуществить на основании проектов «от Грамотных Дворянских собраний», которые власть должна была от них «потребовать» (что, объективно говоря, затягивало бы решение дела), при этом предположено было, чтобы «освобождение крестьян от рабства не должно лишить дворян дохода, ими от поместий своих получаемых», что, в принципе, противоречило некоторым положениям этой программы (20). Все же в его «Русской правде» речь шла об отмене крепостного права в некотором близком будущем, в то время как ранее он же предполагал для этого необходимость некоего переходного периода в 10-15 лет. Кстати, на первых этапах создания своего аграрного проекта Пестель, отдавая крестьянам половину помещичьих земель, по свидетельству Н.М. Муравьева, предполагал, чтоб они за это платили бывшим «владельцам тот же оброк, как и прежде» (21).

Итак, заметим, что для большинства членов декабристских организаций или лиц, к ним прикосновенных, крестьянский вопрос играл, видимо, не главную роль (возможно, за исключением Н.И. Тургенева). По словам О.И. Киянской, если бы их главной целью было крестьянское освобождение, то для этого не стоило организовывать «политический заговор», а можно было воспользоваться указом о вольных хлебопашцах 1803 г., отпустив на волю собственных крепостных. Опираясь на писания П.И. Пестеля, она отмечала, что естественное право человека мыслитель толковал «расширительно», понимая здесь, прежде всего, его как «любовь к самому себе», как «закондательно закрепленное право на эгоизм». Отсюда, по ее мнению, и вытекала его идея «всеобщего юридического равенства граждан перед законом», так как «только в обществе равных возможностей эгоизм каждого гражданина государства может быть реализован в полной мере». При этом нижний предел неравенства представляли «бесправные крестьяне», а верхний – «император, который мог все». И то, и другое выглядело, с его точки зрения, неправильным, и в этом случае надо было освободить владельческих крестьян и дать им права гражданства (22). Близкие позиции в свое время разделял и М.Н. Покровский, достаточно независимый в своих не столь еще ортодоксальных марксистских взглядах. Он указывал, что тот же Н.М. Муравьев весьма был увлечен «Североамериканской конституцией», которая в ту пору «признавала даже рабство» в южных штатах. А значит, настоящая свобода им нужна была,

прежде всего, для себя и только потом для народа. Это напоминает взгляды по данному вопросу А.С. Пушкина (23).

Далее, очевидно, что все декабристы, по крайней мере, на словах выступали за отмену личного крепостного права, о чем в свое время писал Е.И. Якушкин, что также подтверждается программными документами их обществ, мемуарами и их ответами на следствии. Вторым отличием их от окружающего дворянства (в особенности на последних этапах существования декабризма) был упор на насильственное решение данного вопроса. Но в остальном ситуация выглядит иначе. Так, по словам исследователя О.Б. Островского, декабристы «считали недопустимым вмешиваться и даже интересоваться жизнью крестьян в имениях своих товарищей». Правда, этот достаточно неожиданный тезис автора прямо не подкрепляется ссылкой на источник, но мы, скорее, с этим согласны, хотя мотивы подобного поведения здесь не всегда ясны: возможно, они считали, что не вправе нарушать права дворянской личности (24). Недостатки подобного рода вызывали стремление у тех членов декабристских обществ, которые стремились сдвинуть с места решение крестьянского вопроса в России, что в ту пору вряд ли можно было сделать без правительственной поддержки. Отсюда и участие ряда декабристов в некоторых специально созданных в те годы дворянских обществ с целью смягчения или отмены крепостного права. Но ведь и само правительство тоже принимало определенные меры в этом отношении. По словам С.В. Мироненко, «в стране создалось парадоксальное, трудно постигаемое положение: сторонники перемен таились друг от друга. Правительство, намекая на их возможность, держало в тайне все свои практические шаги в этом направлении. В другом месте исследования он же отмечал, что «самодержавие и передовая часть общества пытались идти к переменам разными путями. Правительство – единственно допускаемым им путем реформ, общество – сперва давлением на правительство, поддержкой, подталкиванием его реформаторских устремлений, потом революционной борьбой». Причем, по его мнению, «ни та, ни другая попытка... не увенчалась успехом» (25). При этом положения автора связаны явно не с конституционными реформами, а относятся именно к сфере решения крестьянского вопроса.

Особым явлением в данном контексте в ту пору стало создание дворянских обществ для освобождения крестьян, история которых до конца не прояснена. В отличие от декабристских, эти общества собирались приступить к освобождению крестьян с ведома властей. Вопрос о создании первого из них восходит к рассказу М.И. Богдановича, опиравшемуся на словесное сообщение князя И.В. Васильчикова о том, что в

1816 г. монарх не утвердил предложение ряда помещиков Петербургской губернии о превращении их крестьян в обязанные, причем этот проект подписали 65 человек-землевладельцев и через Васильчикова представили его императору. По словам В.И. Семевского, «если тут нет смешения с попыткой дворян в 1820 г. ... устроить общество с целью освобождения крестьян, в которой Васильчиков принимал участие..., и если термин «обязанные» не употребил старик Васильчиков под влиянием указа 1842 г..., то, может быть, в 1816 г. этот термин был заимствован из положения 1804 г. о переселенцах из-за границы, поселившихся в Тираспольском уезде..., которым было дано название «обязанных поселян» (26).

Более известна история Общества, созданного в 1820 г. Идея создания Общества помещиков для освобождения принадлежавших им крестьян появилась на фоне очередного приступа к реформам Александра I 1816–1819 гг., основной составляющей которого была остзейская эмансипация и некий план «погубернского» освобождения крепостных, так и не реализованный в эти годы (27). Мысль подобного рода явно витала в воздухе, и в этом контексте есть смысл упомянуть имя поэта и общественного деятеля кн. П.А. Вяземского. Последний еще к концу 1810-х гг. пришел к выводу о необходимости взять дело решения крестьянского вопроса в руки дворянства. Об этом говорит письмо ему от его родственника – писателя и историка Н.М. Карамзина – от 30 октября 1818 г.: «Между тем я желаю знать, каким образом вы намерены через или в 10 лет сделать ваших крестьян свободными; научите меня: я готов следовать хорошему примеру, если овцы будут целы и волки сыты... Мысленно составляю комитет из особ либеральных и библейских... Хотел было назвать некоторых, но не имею духа...» (28). Очевидно, что речь шла о некоем «комитете», напоминающем будущее Общество 1820 г. Вызывают интерес причины возникновения самой идеи создания подобного Общества. Ведь помещики могли тогда уже освобождать своих крестьян частным порядком по закону о вольных хлебопашцах. Вряд ли речь могла идти лишь о том, что помещиков типа Вяземского не устраивали бюрократические сложности при его реализации. Не лишено смысла и положение о том, что инициаторы создания Общества не желали проведения такой реформы, которая была бы невыгодна ни дворянам, ни крестьянам, угрожала бы государственной безопасности и др. (типа польской или остзейской). Видимо, речь должна были идти о начале некоей глобальной правительственной реформы, к подготовке и реализации которое могло подтолкнуть власти такое Общество, составленное из богатых душевладельцев, в рамках которого к тому же (в тайне от страны и дворянства, но не от монарха) проходило бы

обсуждение ее содержания. Заметим, что идеи подобного рода гуляли в среде дворянских идеологов даже консервативного толка (см. мнение Калужского губернского предводителя дворянства кн. Н.Г. Вяземского). Привлечение людей «из общества» к кулуарной по преимуществу разработке реформы должно было, возможно, по мысли П.А. Вяземского, ускорить ее и, видимо, сделать данный процесс необратимым.

Постепенно он пришел к выводу о том, что польский опыт (реформа 1807 г., заключающаяся в даровании крестьянам личной свободы без земли с сохранением повинностей помещикам) не подходит для России. В письме к Н.И. Тургеневу от 27 февраля 1820 г. он развивал мысль об Обществе, предлагая завербовать в него «несколько Высокопревосходительств» для представительства перед властями. Новым здесь являлось предложение об участии в будущем Обществе представителей правительства, что расходилось с прежними его мыслями об автономности решения вопроса самими дворянами. К делу был привлечен генерал-лейтенант гр. М.С. Воронцов – крупнейший помещик России, которого инициаторы создания Общества решили сделать своим главой. Он не имел репутации «якобинца», был близок к верхам и способен привлечь к делу других «высокопревосходительств». По нашему мнению, в беседах Тургенева с Воронцовым определился способ изъяснения Обществом своих целей – через подачу адреса монарху. Текст его в окончательном варианте был датирован 5 мая 1820 г. Видимо, его автором был Н.И. Тургенев, а главной мыслью – подтверждение факта, что подписавшие его помещики приступят к освобождению своих крестьян. 19 мая 1820 г. на представлении монарху Воронцов затронул вопрос о создании Общества и прочитал записку о его планах. Вначале император одобрил эту идею, после чего была объявлена подписка под этим документом, проходившая 20 мая 1820 г. Кроме Воронцова, Тургеневых и Вяземского, под документом подписались св. кн. А.С. Меншиков, генерал-адъютанты гр. И.В. Васильчиков, гр. С.С. Потоцкий (по другой версии – С.О. Потоцкий), камергер гр. И.И. Воронцов-Дашков. Но после одобрения монархом подписки И.В. Васильчиков потребовал свое слово назад. В среде инициаторов создания общества возникла идея о новой подписке, где участвовали те же лица, кроме него. Эта подписка имела место ок. 12 июня 1820 г., однако в среде петербургского дворянства стали распространяться слухи о революционной цели предприятия. Видимо, под их влиянием монарх решил отыграть назад, и когда инициаторы Общества обратились к нему для утверждения статуса общества, тот неожиданно для них изменил свое мнение. При встрече с Воронцовым (в середине июня 1820 г.) монарх заявил: «К чему вам объединяться? Ведь все подписавшиеся из раз-

ных губерний: вот пусть каждый сам и работает над проектом, а затем представит свой труд министру внутренних дел». «Сих расхолаживающих слов оказалось довольно, чтобы отвратить графа и других подписавшихся от задуманного». По мнению Н.И. Тургенева, причиной провала дела было участие в нем его и братьев, «и это взбесило невежд». Несмотря на попытки Тургенева и Вяземского возродить общество, сделать этого не удалось. Итак, это общество не успело ничего сделать, не получив одобрение властей, которые, однако же, и не мешали его участникам осуществить их планы (29).

Менее известны попытки решения вопроса об освобождении дворовых. Последние занимали специфическое место среди владельческих крестьян. Им доставались пинки и шишки от их хозяев, их в особенности и продавали (без земли), их положение более всего напоминало рабское, к ним крайне негативно относились, обвиняя их во всех смертных грехах в «обществе». При этом даже тогдашние так называемые либералы лишь в последнюю очередь думали о ликвидации этой категории «феодално-зависимых людей», даже выдвигая планы эмансипации крестьянства вообще. Свидетельством этому являются наши материалы по концу XVIII – первой половине XIX вв.: дворянские проекты решения крестьянского вопроса (на сегодняшний день их выявлено 1750). Сами по себе абсолютные данные здесь не очень показательны. Важнее выглядят цифры соотношения предлагавшихся их авторами мер в отношении собственно крестьян (т.е. «сидящих на земле») и дворовых. В вопросе об освобождении крепостных это соотношение выглядит примерно как 10 к 1, в вопросе о контроле за жестокими помещиками – как 2 к 1, в отношении запрета на продажу людей без земли – как 2,9 к 2,5, в отношении ограничения помещичьих наказаний крепостных – как 3 к 1, причем подобная картина характерна и для отдельных царствований. Очевидно, что дворянская общественная мысль рассматривала вопрос о коррекции отношений помещиков с «поселянами», а не применительно к дворовым (исключая, пожалуй, лишь вопрос об их продаже, «как скотов», каковое явление возмущало в свое время уже Петра I (30).

Заметим, что и в декабристских проектах эта проблема поднималась не раз. И в «Русской правде» П.И. Пестеля, и в «Конституции» Н.М. Муравьева шла об этом речь. Однако специально данный вопрос даже ими почти не ставился, а ведь он лежал на поверхности проблемы: ведь гораздо легче было освободить именно дворовых, которые не «сидели на земле» и, как правило, приносили мало доходов их владельцам, а на их кормление, одежду и др. требовались значительные расходы, что приводило

иногда даже к разорению их хозяев. Исключением здесь как раз и было учреждение в 1825 г. особого Общества для освобождения дворовых людей (или «Практического союза»), инициированного декабристом И.И. Пуциным, имевшее отношение к тому кругу чиновной молодежи, образовавшемуся при московском генерал-губернаторе кн. Д.М. Голицыне, тайному обществу или кружку «Братство Семиугольной звезды» и московской управе «Северного общества». Оно отдаленно напоминало по целям Общество 1820 г. Проанализируем сохранившиеся известия о нем. В это Общество, созданное Пуциным в начале 1825 г. с указанной выше целью, по сведениям М.В. Довнар-Запольского, вошли С.Н. Кашкин, А.А. Тучков, И.Н. Горсткин, М.М. Нарышкин, А.А. Семенов, позднее В.П. Зубков и Б.К. Данзас. Известно, что оно было тайным и имело наименование «Практический союз». Несколько дополняет эти сведения В.М. Бокова, указывая на то, что в марте 1825 г. И.И. Пущин, видя, что московская управа «Северного общества» не деятельна, решил ограничить занятия их круга конкретными целями, преобразовав ее в «Практический союз», с тем чтобы «не иметь при своей услуге крепостных людей, если он вправе их освободить; если же он еще не управляет своим имением, то по вступлении в управление оногo через пять лет должен непременно выполнить обязанность свою». По ее словам, все члены управы с этим согласились... однако, например, В.П. Зубков позднее напишет в показаниях: «Я никогда не желал освобождения крестьян: доказательством к тому может служить то, что я еще недавно искал случая купить имение». Известно, что один из участников союза – И.Н. Горсткин – приобрел позднее репутацию жестокого крепостника, о чем писала Н.А. Тучкова-Огарева. Среди участников этой компании исследовательница называла, кроме И.И. Пуцина, И.Н. Горстклина и В.П. Зубкова, также С.Н. Кашкина, М.М. Нарышкина и С.М. Семенова. Она также отмечала два случая «облагодетельствования» крестьян той поры, в той или иной степени имевшие отношение к данному эпизоду: А.В. Семеновым и М.М. Нарышкиным, о чем писал Е.П. Оболенский, но они не имели отношения к деятельности данного Союза, при этом А.В. Семенов вступил во владение имением в 1822 г., а в отношении Нарышкина данный факт спорен (31). Итак, списочный состав «Практического союза» имеет определенное подтверждение в источниках, но его деятельность, видимо, оказалась равной нулю. Причем, если в 1820 г. деятельность подобного Общества была формально приостановлена охлаждающими словами монарха, то в 1825 г. члены «Практического союза» просто не пошли дальше разговоров на тему освобождения дворовых, что было характерно и для декабристов вообще. Так, известно, что у П.И. Пестеля своих крепостных, правда, не

было, но ими владела его мать, «однако никаких свидетельств того, что он пытался предложить родителям воспользоваться этим указом» не сохранилось; кстати, утверждала Киянская, «нет сведений и о том, что кто-либо другой из заговорщиков пытался воплотить этот указ в жизнь» (32). Как писала В.М. Бокова, «обычно этот факт принято объяснять тем, что большинство декабристов по молодости не вступили еще во владение имениями, находившимися в собственности родителей». Но она привела примеры в отношении И.Д. Якушкина, М.Ф. Орлова, С.Г. Волконского, М.С. Лунина, С.П. Трубецкого, А.В. Семенова и др., которые уже в начале 1820-х гг. стали собственниками имений, владея и дворовыми людьми, но практически ничего не сделали в деле эмансипации собственных крепостных (33).

В этой связи хотелось бы заметить, что бытующие до сих пор представления о реальной возможности освобождения крестьян в России в случае гипотетической победы декабристов в 1825–1826 гг., обновленные в книге А.Г. Данилова, повторившей высказанные ранее идеи Н.Я. Эйдельмана, представляются нам надуманными, так как в реальной жизни все эти дворяне, руководившие движением, предполагавшим «военную революцию» (и, вероятно, способные на определенные изменения в политической системе России), жили за счет крепостных и практически никого из своих подданных не освободили, имея на то все возможности, тем более что подобные рассуждения типа «а что было бы, если бы...» грешат неисторическим подходом к явлениям прошлого (34). Логичнее было бы утверждать, что общественная мысль (дворянская по преимуществу для этого периода!) развивалась примерно в русле правительственных идей и реформ, где-то опережая (например, в Остзейских губерниях), а где-то запаздывая (вспомним постоянное торможение преобразований, особенно аграрных, бюрократией и определенными кругами правящего сословия в это полу столетие) (35).

Возвращаясь к декабристам, стоит признать, что эти люди, выступившие с оружием в руках против самодержавия, в сущности, мало отличались от большинства подобных им дворян, стоявших за сохранение крепостного права, правда, часть их стремилась к ограничению помещичьих прав на крестьян, выступая против всякого рода злоупотреблений. К сожалению, и декабристы, в целом, оказались в числе большинства образованного дворянства, может быть, и готового поговорить о негативных сторонах крепостничества, но не готового освободить даже своих крестьян. Именно это и было типичным для просвещенного (даже оппозиционного в отношении к властям) дворянства действием в данной сфере. Все это рисует нам реальную картину настоящих дворянских настроений в данной сфере, а также, кстати, и возможных из-

менений в России в случае гипотетической победы декабристов над самодержавием. Конечно, невозможно говорить об этом прямо: всякое могло случиться; однако, по нашему мнению, вряд ли можно было ожидать в ту пору от них, а тем более от массы дворянства вообще, даже просвещенного, радикальных изменений в данной сфере (36).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Изд. 3-е. Т. V. М., 1964. С. 212, коммент. С. 604-608. См. также неканонический вариант Д.Н. Альшица: Тимофеев Л.И., Черкасский В. Апокриф?... Или... // Прометей: Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 13 /Сост. В.И. Калугин. М., 1983. С. 117.
2. См.: Гиллельсон М. Пушкин в дневниках А.И. Тургенева 1831–1834 годов // Русская литература. 1964. № 1. С. 127-128; Аникин А.В. Муза и мамона: Социально-экономические мотивы у Пушкина. М., 1989. С. 71. См. также: Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Изд. 2-е. Л., 1983. С. 409-410.
3. Об этом, в частности, говорилось особо в его записке «Нечто о состоянии крепостных крестьян в России» от 28 декабря 1819 г., переданной через графа М.И. Милорадовича Александру I (см.: Крестьянский вопрос в России (1796–1830 гг.): Дворянское общество и власть. Сб. документов /Подг. мат., ввод. ст. и коммент. А.Н. Долгих. Т. II. Липецк, 2005. С. 109-110, 281-282).
4. Пушкин А.С. Путешествие из Москвы в Петербург // Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. VII. М., 1964. С. 269, 290-292, 302; его же. Заметки по русской истории XVIII века // Там же. Т. VIII. М., 1964. С. 126-127.
5. См. также: Долгих А.Н. А.С. Пушкин и А.Н. Радищев // Александр Пушкин. Материалы V областных историко-философских и литературных чтений, посвященных 200-летию А.С. Пушкина. Липецк, 2000. С.79-83; его же. А.С. Пушкин и крестьянский вопрос в России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 2 (64). 2016. С. 66-70 и др.
6. Леонтьева О.Б. Героизация и дегероизация образов декабристов в исторической памяти Российского общества второй половины XIX – начала XX в. // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12. № 2. С. 56.
7. См.: Там же. С. 56-62.
8. См.: История России с древнейших времен до 1861 года: Учебник для вузов / Н.И. Павленко, И.Л. Андреев и др.; под ред. Н.И. Павленко. М., 1996. С. 450.
9. Ленин В.И. Памяти Герцена // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 21. М., 1968. С. 261; его же. Из прошлого рабочей печати в России // Там же. Т. 25. М., 1969. С. 93.
10. Пугачев В.В. О специфике декабристской революционности (Некоторые спорные вопросы) // Освободительное движение в России. Вып. 2. Саратов, 1971. С. 32.
11. См.: Долгих А.Н. Консерватизм, либерализм и крестьянский вопрос в общественно-политической мысли России на рубеже XVIII–XIX вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 2 (52). 2015. Ч. II. С. 70-73.
12. См.: Декабристы – это историческая случайность, обросшая литературой. URL: <https://radmirkirillov.livejournal.com/275978.html>.
13. Общественная мысль России XVIII – начала XX в.: Энциклопедия. М., 2005. С. 139-140.
14. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–XX в.). генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т. 1. СПб., 1999. С. 394.

15. Бокова В.М. Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003. С. 336-346.
16. См.: Крылов И.А. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1969. С. 160.
17. Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. В 2 т. Т. 1. СПб., 1888. С. 502. В свое время Н.К. Шильдер в неопубликованных заметках, опираясь на слова Е.И. Якушкина, указывал, что в 1817 г. в связи со слухами о возможности издания Александром I в Варшаве манифеста о «реформах» в России, многие декабристы полагали, что «вслед за эти последует общая резня помещиков» и, чтобы избежать этого, высказывались за убийство монарха. (См. об этом: Андреева Т.В. Александр I: 1825 год // 14 декабря 1825 г.: источники, исследования, историография, библиография. Вып. 1. СПб., 1997. С. 69).
18. См.: Семевский В.И. Крестьянский вопрос... Т. 1. С. 505, 507.
19. Андреева Т.В. Указ. соч. С. 67-68.
20. Декабристы. Избр. труды /Сост., автор вступ. ст. и коммент. О.И. Киянская. М., 2010. С. 123-124, 140, 159.
21. См.: Медведская Л.А. Павел Иванович Пестель. М., 1967. С. 122; Восстание декабристов: документы /Центрархив; под общ. ред. и с предисл. М.Н. Покровского. Т. 1. М.; Л., 1925. С. 299-303, 312; Пугачев В.В. Указ. соч. С. 25-26.
22. Декабристы. Избр. труды. С. 21-23.
23. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен // Избранные произведения в 4 кн. Кн. 2. М. 1965. С. 244, 245, 247; Вайль П., Генис А. Родная речь: Уроки изящной словесности /Предисл. А. Синявского. М., 2011. С. 72-73.
24. См.: Семевский В.И. Крестьянский вопрос... Т. 1. С. 508; Островский О.Б. Александр I и русская художественная культура. М.; Берлин, 2019. С. 571.
25. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 229-230.
26. В другой работе историк отмечал, что в 1816 г. «многие из самых богатых помещиков Петербургской губернии, зная желание государя улучшить быт крепостных крестьян, согласились обратиться в «обязанных поселян» на основании существовавших тогда по этому предмету постановлений. Неизвестно, какого рода законы имелись при этом в виду... можно думать..., не желали ли помещики Петербургской губернии распространить на своих крепостных те права, которые предоставил лифляндским крестьянам закон 1804 г., то есть сделать их прикрепленными к земле и именно «обязанными крестьянами». По мнению С.В. Мироненко, свидетельство М.И. Богдановича невероятно по причине отсутствия сведений об этом в мемуаристике. С другой стороны, в опубликованных записках С.П. Трубецкого говорилось о появлении особого дворянского общества (которое датируется, судя по контексту, примерно 1816–1817 гг.), созданного для освобождения крестьян. В настоящее время на основе неизвестной ранее рукописи его записок гипотетический факт существования общества получил подтверждение. П.В. Ильин приводит из нее следующую фразу: «Члены общества собрали подписку на освобождение крестьян. Из числа известных лиц, подписавших согласие свое и обещание исполнить на правилах, какие будут составлены и утверждены правительством, были графы Кочубей и П.А. Строганов, князь Меншиков и И.В. Васильчиков. Последний, подписав, доложил тотчас о том государю, который изъявил свое неудовольствие и приказал уничтожить подписку, сделав изустно строгий выговор собиравшему ее М.Ф. Орлову». По мнению историка, свидетельство Трубецкого об активной роли в сборе подписей Орлова, который не принимал участие в подписке 1820 г., придает дополнительный вес словам И.В. Васильчикова и служит «подтверждением того, что подписка 1816 г.... все же имела место». При этом в опубликованных записках Трубецкой замечал, что, хотя император «желал искренно» исполнения идеи освобождения крестьян, но «от дворянства хотел единственно повиновения своей воле, а не содействия». Заметим, что в «Записках» С.Г. Волконского есть сведения о том, что М.С. Воронцов подписал вместе с М.Ф. Орловым, И.В. Васильчиковым и Д.Н. Блудовым адрес, представленный императору Орловым в 1815 г., по другим данным, в 1817 г. (Богданович М.И. История царствования императора Александра I

и России в его время: В 6 т. Т. 1. СПб., 1869. С. 129-130; Семевский В.И. Н.И. Тургенев о крестьянском вопросе в царствование императора Александра I: (по неизданным материалам) // ВЕ. 1909. Т. 1. Кн. 2. С. 554-555; его же. Крестьянский вопрос... Т. 1. С. 435-436; Мироненко С.В. Указ. соч. С. 81-83; Трубецкой С.П. Записки 1844–1845, 1854 гг. // Мемуары декабристов / Сост., вступ. ст. и коммент. А.С. Немзера. М., 1988. С. 25; Ильин П.В. Новое об истории декабристского движения (по страницам неизвестной рукописи записок С.П. Трубецкого) // ОИ. 2003. № 6. С. 140; Волконский С.Г. Записки / Изд. подг. А.З. Тихантовской и др. Иркутск, 1991. С. 363; Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 281; Долгих А.Н. Русские либералы и проблема освобождения крестьян (Общество 1816 г.) // Общественная мысль, движения и партии в России XIX – начала XXI вв. Брянск, 2006. С. 3-6).

27. Долгих А.Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII – первой четверти XIX вв. Монография: В 2 т. Т. 2. Липецк, 2006. С. 195-206.

28. Карамзин Н.М. Избр. статьи и письма / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Ф. Смирнова. М., 1982. С. 205-206.

29. См.: Долгих А.Н. Из истории крестьянского вопроса в России (Дворянское общество 1820 года) // Вопросы аграрной истории Центрального Черноземья XVII–XX вв. Межвузовский сб. научных трудов. Липецк, 1991. С. 12-20; его же. О попытке освобождения крестьян в России 1820 года // Государство и общество: взаимодействие или противостояние. Материалы Седьмой региональной научной конференции (г. Воронеж, 4 февраля 2013 г.) / Под общ. ред. В.Н. Глазьева. Воронеж, 2013. С. 60-65.

30. Ключков М.В. Очерки правительственной деятельности времен Павла I. Пг., 1916. С. 536, 539-541, 553.

31. В показаниях на следствии по делу декабристов 11 (23) января 1826 г. И.И. Пущин заявлял, что основал он эту организацию, желая хотя бы несколько содействовать к общему благу в духе «Союза благоденствия»; «обязанность члена состояла в том, чтоб непременно не иметь при своей услуге крепостных людей...». Целью союза было «личное освобождение дворовых людей». Следственному комитету он также отмечал, что не видел «ничего предосудительного в цели сего союза, покровительствуемой некоторыми узаконениями в царствование покойного императора». Оформление организации, по показаниям С.Н. Кашкина, произошло в марте 1825 г. на квартире у И.Н. Горсткина. В «Практический союз» вошли на первых порах все члены Московской управы Северного общества: И.И. Пущин, С.Н. Кашкин, А.А. Тучков, И.Н. Горсткин, М.М. Нарышкин, А.А. Семенов. В дальнейшем его начальный состав расширился за счет связанных с ними дружбой В.П. Зубкова, Б.К. Данзаса. (Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. М., 1906. С. 181, 184-185; Бокова В.М. Указ. соч. С. 345-346, 493-494, 551; Гросул В.Я. Общественное движение в России первой половины XIX века. М., 2017. С. 778; Декабристы. Биографический справочник / Под ред. М.В. Нечкиной. М., 1988. С. 57, 62-63, 71, 79, 149, 180-181. См. также: Гастфрейнд Н.А. Иван Иванович Пущин. СПб., 1913. С. 60; Пущин И.И. Записки о Пушкине и письма из Сибири. М., 1925. С. 53. См. также: Восстание декабристов: документы / Централархив; под общ. ред. и с предисл. М.Н. Покровского. Т. 1. М.; Л., 1925. С. 258-259; Федоров В.А. Декабристы и их время. М., 1992. С. 172).

32. Декабристы. Избр. труды. С. 22-23. Здесь она не совсем точна, так как известен, по крайней мере, факт обращения по данному вопросу к властям помещика Смоленской губернии и по совместительству декабриста И.Д. Якушкина. Последний написал письмо 29 июня 1819 г. главе МВД В.П. Кочубею с предложением освободить на условиях закона 1803 г. своих крестьян – 121 д.м.п., дав им, хоть и бесплатно, но лишь 27 дес. земли на всех. Оно не было одобрено министром и при встрече с Якушкиным он заметил: «Я несколько не сомневаюсь в добросовестности ваших намерений; но если допустить способ, вами предлагаемый, то другие могут воспользоваться им, чтобы избавиться от обязанности относительно своих крестьян». Кочубей пытался через Смоленского губернского предводителя дворянства С.И. Лесли воздействовать на Якушкина, чтобы тот дал крестьянам достаточное количество земли, но

безуспешно. К тому же сами крестьяне не согласились на такое освобождение, что требовалось по нормам указа 1803 г. По мнению Н.И. Тургенева, план Якушкина «потерпел неудачу из-за враждебного отношения к нему властей...». Примерно по тем же причинам не был реализован план грядущего освобождения крепостных М.С. Лунина, оформленный по духовному завещанию. Приведем здесь строки из письма А.И. Тургенева П.А. Вяземскому от 18 сентября 1818 г.; «Брат (Н.И. Тургенев. – А.Н.) возвратился из деревни и тебе кланяется. Он привел там в действие либерализм свой: уничтожил барщину и посадил на оброк мужиков наших, уменьшив чрез то доходы наши. Но поступил справедливо, следовательно, и согласно с нашею пользою...» Т.е., даже Н.И. Тургенев, главный по этой части в декабризме, не пошел дальше. (См.: РГИА. Ф. 1284. Оп. 234. Д. 203 (1819–1820 гг.). Л. 1-18; Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина /Ред. и коммент. С.Я. Штрайха. М., 1951. С. 463-464, 688-690; Тургенев Н.И. Россия и русские /Пер. с франц. и послесл. С.В. Житомирской. Коммент. А.В. Курилкина. М., 2001. С. 63; Архив графов Мордвиновых. Т. 6. СПб., 1902. С. 255-260; Остафьевский архив кн. Вяземских. Т. 1. Переписка кн. П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1812–1819. СПб., 1899. № 116. С. 121).

33. Бокова В.М. Указ. соч. С. 336-339; Островский О.Б. Указ. соч. С. 571.

34. Эйдельман Н.Я. Апостол Сергей. 3-е изд. М., 1988. С. 238-246; Данилов А.Г. Альтернативы в истории России: миф или реальность (XIV–XIX вв.). Ростов-на-Дону, 2007. С. 230-251.

35. А.С. Пушкин так писал об этом: «Не могу не заметить, что со времен восшествия на престол дома Романовых у нас правительство всегда впереди на поприще образованности и просвещения. Народ следует за ним всегда лениво, а иногда и неохотно». Недаром он указывал на то, что лишь «правительство» сможет отменить у нас крепостное право, но не дворянство. При этом он придерживался этих мыслей на протяжении всей жизни. (Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М., 1962–1964. Т. I. С. 361; Т. VII. С. 269; Т. VIII. С. 126-127).

36. См. также: Долгих А.Н. О современной интерпретации декабристского движения // Власть и общество: практики взаимодействия и конфликты: Материалы Девятой региональной научной конференции (г. Воронеж, 2 февраля 2015 г.) / Под ред. В.Н. Глазьева. Воронеж, 2015. С. 48-52.

Е.А. Суковицына

ВЗГЛЯДЫ А.С. ШИШКОВА НА САМОДЕРЖАВНУЮ ВЛАСТЬ В РОССИИ

Российская история богата видными государственными и общественными деятелями. Одним из них был А.С. Шишков. Фигура его, как одного из основоположников консервативной мысли в России, представляет интерес для исследователей в разных областях науки. Рассмотрим его взгляды на императорскую власть в России. Очевидно, что, как человек строгих консервативных принципов, Шишков поддерживал идею самодержавной власти в России. Однако, именно в этом вопросе существуют определенные противоречия в его воззрениях. Во-первых, в своих воспоминаниях и трудах А.С. Шишков в качестве образца императорской власти ставит совершенно не консервативных правителей, а как раз тех, кто внедрял новое – европейское и разрушали старое – русское: Петра I и Екатерину II. Именно они изменили весь уклад российской жизни до неузнаваемости. И он, как сторонник всего исконно русского, ставит в пример именно их периоды правления. Так он представлял Петра Великого

человеком, «вознесшим Россию на высокую степень величия и славы» (1). А царствие Екатерины II – «краткое и славное... тридцать четыре года продолжавшееся, так всех усыпало, что, казалось, оно, как бы какому благому и бессмертному божеству порученное...» (2). Тем самым он противоречил своим главным принципам, ведь воспитание, язык и вера были главными средствами возникновения любви к Отечеству (3). Получалось так, что Шишков восторгался теми, кто нанес по всему самому значимому сильнейший удар или уничтожил вовсе. По его словам, такой, какая Россия стала к концу XVIII – началу XIX вв., во многом она была обязана результатам деятельности Петра I и Екатерины II. Взойдя на престол в 1801 г., новый император Александр I продолжил начатое. На волне всеобщего ликования Шишков, как и большая часть общества, был полон надежд. Но выбранный путь развития империи не соответствовал ожиданиям консерватора, и радость от смены власти быстро утихла, и надежды, что Александр I вернется на путь Екатерины II, окончательно исчезли (4).

Взгляды Шишкова на императорскую власть не просто были противоречивыми, но с приходом на царство Александра I приобрели, можно сказать, в некоторой степени либеральный окрас. Еще со времен Ивана Грозного царь считался посланником Бога на земле. Такого же мнения был и Шишков, высказывая мысль, что «в воспитании юных чад своих к вере, откуда проистекает любовь к государю, сему поставленному от Бога отцу и глав Народной» (5). Шишков, был убежден, что император – человек, посланный Богом, а значит, вся его деятельность предопределена Всевышним. Однако сам мыслитель часто выступал ярким противником большинства преобразований императора Александра I. Тем самым он противостоял человеку, которого послал Господь, и противоречил еще одной своей политической позиции, заключавшейся в том, что истинное человеколюбие проявляется в любви к царю. Своим пренебрежительным отношением и недвусмысленными высказываниями Шишков посягал на сакральность и святость императорской власти. А накануне Отечественной войны 1812 г. он же высказал довольно своеобразное мнение, которое ставит под сомнение его консервативный взгляд на самодержавие: «Цари больше имеют необходимость в добрых людях, нежели добрые люди в них» (6). Получается, что убежденный консерватор и верующий человек стал сомневаться не только в необходимости императорской власти, что уже недопустимо для сторонников сохранения старого порядка, но и поставил дворянство выше императора. Полагаем, что под «добрыми людьми» он подразумевал именно высшие слои общества: ведь только они находились рядом с императором и могли влиять на его мнение. Безусловно, дворянство – опора самодержавия.

вия, но настолько преувеличивать его роль недопустимо с точки зрения консервативной самодержавной по преимуществу идеологии.

Тем не менее, спустя некоторое время А.С. Шишков был назначен на должность государственного секретаря и был обязан сопровождать государя и следовать всюду за ним. В тяжелый период Отечественной войны он находил поводы для критики императорской власти. На первом этапе войны он возложил на него вину за поражение русской армии, считая, что своим присутствием в войсках император смущает главнокомандующего армии и не дает полноценно руководить войсками и проявлять свои умения и навыки в военном деле. Более того, после победы в Отечественной войне Шишков не признал в этом заслуги императора, а наоборот, считал, «что он приготавливал ей погибель, которую Бог обратил в ее торжество и славу» (7). Возвращаясь к идее «посланнической миссии» императора, Шишков сам противоречил себе. Как посланник Бога мог вести свое государство к погибели? Значит, на деле, Господь сам защищал Россию от своего же посланника. Подобные мысли наводят на мысль о том, что Александр I для Шишкова был неким и не лучшим исключением из правил, а его деятельность консервативный мыслитель рассматривал исключительно в черных тонах.

Возникает вопрос, почему молодой император, такой же реформатор, как Петр I и Екатерина II, не получил настоящего одобрения и поддержки со стороны Шишкова. Видимо, сравнивая политику трех монархов, он находил разницу в позициях правителей империи в отношении крепостного права. Если Петр I и Екатерина II, в целом, вели политику, направленную все же на закрепощение крестьян, а эпоху Екатерины Великой называют апогеем крепостного права (8), то Александр I, наоборот, высказывался за их освобождение и кое-что делал в этом направлении (9). Этим он затрагивал в той или иной степени положение дворянского сословия. Положение крестьян в период правления Екатерины II нельзя охарактеризовать как взаимоотношения отцов и детей, основанное на взаимном уважении и выгоде, как того всегда хотел и за что выступал Шишков. Но эта императрица укрепляла позиции дворянства, а Шишков был именно из этого сословия, и, конечно же, лишение его главной привилегии в лице владения крестьянами, было для его взглядов недопустимым. В итоге, получается, что даже мягкого (в реальности) помещика Шишкова пугала подобная деятельность императора, и такая позиция консервативного мыслителя сводилась к тому, что лучше сохранить крепостное право в той форме, в которой оно имело место быть, нежели его отмена.

Подводя итог, отметим некую особенность, которая прослеживалась во взглядах А.С. Шишкова. Когда политика правительства не шла вразрез с интересами дворянского сословия, а укрепляла его, тогда мыслитель был готов принимать и мириться с новым укладом жизни, европейскими манерами, уничтожением всего того, что складывалось веками. А как только императорская власть делала ставку на освобождение крестьян, Шишков начал в штыки воспринимать все нововведения и заговорил о сохранении всего исконно русского и, в первую очередь, крепостного права. Хотя до этого частичное или полное уничтожение традиции, обычаев, не вызывало столько негативных эмоций в отношении правителя империи, он мирился с тем, что происходило в государстве и даже восхвалял отдельных монархов, которые собственно и разрушали весь старый уклад жизни. Хотя Шишков всегда позиционировал себя как защитника русских традиций, русского языка и вся его литературная деятельность была связана с филологическим вопросом, но камнем преткновения все же стал вопрос об отмене крепостного права. В итоге, получается, что Шишков был готов мириться с любыми изменениями, но крестьянский вопрос был настолько важен, что он, того сам не замечая, поставил под сомнение роль и значимость императора, позиционировал его как человека, ведущего страну к краху, и этим противоречил многим своим же идеологическим принципам.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шишков А.С. Рассуждение о любви к Отечеству. СПб., 1812. С. 22.
2. Его же. С. Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. В 2 т. Т. 1. Берлин, 1870. С. 9.
3. Его же. Рассуждение о любви к Отечеству. С. 43, 53.
4. Гросул В.Я. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 49.
5. Шишков А.С. Рассуждение о любви к Отечеству. С. 41, 43.
6. Гребенщиков А.Е. Взгляды адмирала А.С. Шишкова на сословный вопрос в России // Вестник Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 152. С. 113.
7. Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... С. 95, 137.
8. Долгих А.Н. Императрица Екатерина II, «просвещенный абсолютизм» и крестьянский вопрос в России во второй половине XVIII в. // Гуманитарные исследования Центральной России. № 2 (11). 2019. С. 9.
9. Его же. Проблема формирования программы реформ Александра I по крестьянскому вопросу // Вестник Тамбовского государственного университета. 2007. № 56. С. 276.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ИРАНЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Иран – крупное азиатское государство с многовековой историей – благодаря выгодному геополитическому положению, обилию природных ресурсов и торговых путей всегда привлекал внимание крупных региональных и глобальных держав. Взаимоотношения России с Ираном сегодня, несомненно, важны, и сохранение их партнерского, стратегического характера отвечает национальным интересам обеих стран. При этом, чтобы сохранить такой уровень отношений, России приходится противостоять конкурентному влиянию западных государств, пытающихся ослабить влияние Москвы, где только возможно. Изучение противоборства России и Запада в Иране необходимо для осознания важности русско-иранских отношений и, в частности, значения Ирана для России. Для этого обратим внимание на наиболее острые моменты противостояния России и Запада (конкретно – Британской империи) в Иране, происходящие на первую треть XIX в.

Именно в этот период произошло две русско-иранские войны. Кроме реваншистских амбиций иранской правящей верхушки, они были вызваны подстрекательством западных держав, стоявших за спиной шахского двора. Цель России в этих войнах состояла в том, чтобы закрепить за собой Закавказье (в частности, грузинские и азербайджанские земли) и вынудить иранского шаха оставить надежды на их возвращение. Британия была заинтересована в русско-иранских войнах из страха перед российской мощью, а также из-за русского продвижения на юг Евразии. Лондон сам вынашивал планы по колонизации евразийских пространств (в частности, Ирана) и опасался за Индию, являвшуюся колониальным владением Британской империи и соседствовавшую в то время с Ираном. Безусловно, потенциальная утрата Индии – «жемчужины британской короны», важнейшей колонии Британской империи – больно ударила бы по ее стабильности, тем более что позиции англичан в Индии не были прочными, и местное население при определенных обстоятельствах готово было восстать против них. Иран находился на стыке интересов России и Англии, что, несомненно, влияло на его политическое и экономическое положение. Русско-иранская война 1804–1813 гг. была связана со стремлением Петербурга отстоять за собой территории востока Закавказья. Принадлежность данных территорий к концу XVIII в. была спорной. С одной стороны, формально они признавались иранскими, но иран-

ское правительство фактически не контролировало их. Иран переживал период феодальной междоусобицы; если там и возникал единый политический центр, то не на долгое время. В итоге, это привело к тому, что территории Восточного Закавказья (северо-азербайджанские ханства, некоторые армянские и грузинские территории) стали самостоятельными и активно развивали свои отношения (в первую очередь, торговые) с Россией.

Часть закавказских правителей стремилась перейти и под русский протекторат. Так, в 1783 г. был заключен Георгиевский трактат, по которому Екатерина II обещала свое покровительство Картли-Кахетинскому царству (Восточной Грузии). Это соглашение активизировало желание остальных местных владетелей обращаться к Петербургу с подобными просьбами. Таким образом, к концу XVIII в. Россия значительно укрепила свои позиции в Закавказье и фактически стимулировала постепенное вхождение его территорий в состав своей империи. С этого времени стали не только резко ухудшаться русско-иранские отношения, но и вновь обострились отношения России с Турцией, в свою очередь, также претендовавшей на Закавказье.

Ухудшение русско-иранских отношений вылилось в разорение иранцами грузинских земель в 1790-х гг. Это затрагивало обязательства России по Георгиевскому трактату, согласно которому Петербург должен был охранять Картли-Кахетию. В ответ на это разорение правительство Екатерины II организовало поход В.А. Зубова в 1796 г. на Кавказ с целью наказать Иран и подтвердить свою приверженность Георгиевскому договору. Поход был успешен, но воцарившийся после смерти матери Павел I аннулировал его результаты. Правда, вскоре он вынужден был вновь вернуться к кавказскому вопросу, издав в 1801 г. манифест о присоединении Грузии. Александр I продолжил политику бабушки и отца в данном направлении. Собственно, упомянутый манифест стал прологом к русско-иранской войне 1804–1813 гг. В это время Иран был объединен под властью Каджаров и стремился к разрешению территориального спора с Россией в свою пользу. Англия заняла доминирующие позиции в Иране в начале XIX в. Во многом ее активность на иранском направлении в то время объяснялась даже не столько конкуренцией с Россией, сколько открытой враждой с наполеоновской Францией. Англия навязала иранскому руководству ряд неравноправных политико-торговых договоров с целью устранить влияние Франции в Иране, а взамен охотно поддержала шаха в его стремлении отвоевать Закавказье у России. (Французы тоже поддерживали в этом стремлении шахский двор, но не могли оказать ему помощи, сопоставимой с английской). Безусловно, такая поддержка Запада по-

догревала реваншистские настроения у иранской верхушки и надежду вернуть Закавказье в состав своей державы. Иран, подстрекаемый Англией, активно противодействовал и русской торговле в Закавказье. Однако русско-иранская война 1804–1813 гг., несмотря на эпизодическое прямое участие в ней Англии, закончилась победой России. Гюлистанский мирный договор, подписанный по итогам этой войны, позволил интенсифицировать русско-иранскую торговлю на взаимовыгодных условиях (1). Закавказские земли вплоть до Куры и Аракса признавались владением России, но точная линия границы не была проведена (2).

В начале 1820-х гг. наметилась тенденция к улучшению русско-иранских отношений. Это стало возможным в том числе благодаря разногласиям между Англией и Ираном по вопросу финансирования шахского двора (3). Повлияла на ухудшение англо-иранских отношений и турецко-иранская война 1821–1823 гг., к которой шахский двор подтолкнули русские послы и которая была выгодна России. Так Россия стремилась разобщить Иран и Турцию, которые потенциально могли объединиться в антироссийский блок под патронатом Англии. Также с помощью этого конфликта Петербург добивался улучшения русско-иранских отношений и перевода внимания шахского двора с Закавказья на приграничные с Ираном турецкие земли.

Англия же пыталась ослабить позиции России в регионе как раз созданием антироссийского ирано-турецкого блока и способствовала примирению этих двух стран. В 1823 г. был заключен ирано-турецкий мир; в том же году в Лондоне было заключено турецко-иранское соглашение, предполагавшее совместные военные действия двух стран против России. Правда, это не вызвало серьезного улучшения англо-иранских отношений, так как англичане заняли некоторые иранские острова в Персидском заливе и стали развивать отношения с соседними, враждебными Ирану правителями. Новый министр иностранных дел Великобритании Дж. Каннинг с 1822 г. взял курс на усиление английских позиций в Иране в ущерб российским. Сдержанность русского руководства относительно иранских требований о проведении границы, которые поддерживались англичанами, воспринималась Ираном как проявление Россией слабости и побуждала шахский двор к пересмотру Гюлистанского договора. На самом деле, такая сдержанность объяснялась желанием правительства Александра I нормализовать отношения с Ираном и не обострять их с западными государствами. В результате такой политики переговоры о разграничении российской и иранской территории, длившиеся с 1823 г. по 1826 г., закончились провалом. Нарушения условий Гюлистанского договора и провокации с иранской стороны к 1826 г. стали носить системный ха-

ракти. Более того, они не встречали адекватного сопротивления с российской стороны. В Тегеране возобладали англофильские и русофобские настроения. Русско-иранский конфликт становился неизбежным.

Британская Ост-Индская компания, а через нее и правительство Англии выделяли иранскому руководству значительные суммы на военные нужды, поставляли вооружение, участвовали в разработке военных планов и подборе армейских кадров. Между тем Николай I, продолжавший политику своего предшественника по сохранению мира с Тегераном, игнорировал сообщения главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом А.П. Ермолова о подготовке иранским командованием войны с Россией (4). Император не желал давать официального повода для обострения двусторонних отношений. Более того, он отправил в Иран миссию во главе с А.С. Меншиковым для разрешения кризиса в русско-иранских отношениях, выразив тем самым недоверие Ермолову, который до этого вел переговоры с иранцами и крайне жестко отстаивал российские интересы. Данные обстоятельства (отправку в Иран русской миссии и утрату Ермоловым своих позиций) английская дипломатия обратила в свою пользу, убедив шаха в абсолютной неготовности России воевать. Миссия Меншикова прибыла в Тегеран в июне 1826 г., как раз в то время, когда иранское духовенство объявило священную войну России. Члены миссии попали в плен, но при содействии английских послов были возвращены на родину.

Начавшаяся русско-иранская война 1826–1828 гг. завершилась победой России и заключением Туркманчайского мирного договора. Планы иранцев и их английских покровителей в этой войне провалились во многом благодаря стойкости и упорству русских солдат в первые ее месяцы, что позволило русскому командованию оперативно перебросить силы на Кавказ. Англичане надеялись на совместные ирано-турецкие военные действия и единый фронт против России, но русскому командованию удалось расстроить эти планы благодаря превентивным военно-дипломатическим мерам. Российское правительство также оповестило европейские столицы, что ведет войну ради своей безопасности и добивается примирения с Ираном. Это несколько осложнило организованную англичанами в Европе «демонизацию» России. В ходе войны Англия неоднократно предлагала свое посредничество в переговорах о мире. Россия же в лице главы МИД К.В. Нессельроде отклоняла эти предложения, так как англичане занимали сугубо проиранскую позицию. Однако, когда шахская армия была разгромлена и русской армии открылась прямая дорога на Тегеран, англичане в лице посланника при шахском дворе Д. Макдональда приняли

безоговорочно все русские условия, принудив к ним и шаха. Таким образом, очевидна роль Великобритании в русско-иранском конфликте, ее руководящая роль при ведении переговоров с Россией. Очевидна также и роль Ирана, который, проводя антиросийскую политику, фактически стал инструментом борьбы Лондона с Россией.

Заключенный в 1828 г. Туркманчайский договор отменял условия Гюлистанского договора и давал России определенные преимущества в Иране, а также несколько ограничивал здесь английское влияние (5). По условиям этого договора Россия окончательно закрепляла за собой территории Закавказья вплоть до реки Аракс, установив точную линию границы. Это лишало иранцев и англичан юридической основы для различных инсинуаций. Вместе с Туркманчайским соглашением был подписан и Особый акт о торговле, предоставлявший русским купцам привилегии в Иране. В итоге, Россия стала лидером в торговле с этим государством. Таким образом, на Среднем Востоке значительно возросло русское влияние, и было ослаблено влияние английское. К тому же Россия получила неоспоримые преимущества на Каспийском море.

С другой стороны, были и отрицательные последствия заключения Туркманчайского договора для России. Наложённая на Иран контрибуция в размере 20 млн. руб. серебром была непосильной для разоренного государства. Для выплаты этой суммы шахское правительство вынуждено было повысить налоги внутри страны, поставившие значительную часть населения на грань выживания. Это вызвало среди простого населения Ирана возмущение и ненависть не только к шахским властям, но и к России как стране, виновной в бедственном положении иранцев. Подобные настроения подогревали и английские послы. А.С. Грибоедов – глава русской миссии в Тегеране – сообщал в Петербург о необходимости, во избежание рецидива войны с Ираном, соотнести порядок выплаты контрибуции с реальным экономическим положением этой страны. Однако русский двор проигнорировал советы Грибоедова, не давал ему проявлять инициативу в принятии соответствующих решений. И это, несмотря на то, что Грибоедов, благодаря своим методам дипломатии, имел авторитет среди иранской верхушки. Особенно тесные контакты у него сложились с наследным принцем Ирана Аббас-мирзой. Так, выгодную России ирано-турецкую войну 1821–1823 гг. во многом удалось организовать в результате переговоров Грибоедова и Аббас-Мирзы. В том числе и по этой причине Грибоедову активно противодействовали англичане. Английская дипломатия расценивала его как носителя угрозы для британских интересов в Иране и подогревала ненависть иранцев к России. В 1829 г. итогом английского

подстрекательства стало нападение на русскую миссию в Тегеране. Грибоедов вместе с остальными русскими дипломатами был убит фанатичной толпой иранцев. Есть все основания полагать, что организацией этой провокации Англия намеревалась спровоцировать новую русско-иранскую войну, создать антироссийскую коалицию и вытеснить русское влияние с Кавказа (6). Так, И.Ф. Паскевич после известия о гибели миссии в Тегеране стал готовиться к новой войне с Ираном. Однако занятость России на турецком направлении, перспектива создания мощной антирусской коалиции европейских держав и определенная нестабильность внутри страны делали перспективу очередного конфликта с Ираном нежелательной для русского правительства. И оно удовлетворилось извинениями иранской стороны, приняв ее версию случившегося. Действия английского министра в Иране были признаны удовлетворительными (7).

Николай I вместе с тем распорядился значительно снизить размер контрибуции. Это несколько улучшило финансовое положение Ирана и послужило фактором стабилизации русско-иранских отношений. Таким образом, то, чего добивался А.С. Грибоедов, удалось реализовать только после его смерти. Он пал жертвой столкновения русских и английских интересов в Иране; вместе с тем гибель его миссии «проложила дорогу» для нормализации отношений России с Ираном и будущего их добрососедства. Аббас-мирза, с которым в свое время удавалось договариваться русским послом, стал проводником интересов России в Иране. Так, при поддержке русского двора он планировал занять шахский престол. Также Аббас-мирза при помощи России добивался усмирения бунтовавших иранских провинций (особенно Хорасана) и стал претендовать на Герат (области на востоке Ирана и Афганистана). Россия, руководствуясь своими геополитическими соображениями, подталкивала иранцев в данном направлении. Это было вызвано тем, что земли Герата англичане рассматривали как сферу своих интересов. (Это были граничившие с Индией земли, дававшие англичанам возможность распространить свое влияние на Среднюю Азию). Безусловно, вторжение иранской армии в Герат обостряло англо-иранские отношения, и английские послы пытались отговорить шахские власти от этого. В такой ситуации шах требовал от России большей поддержки, явно желая играть на противоречиях великих держав. Российская поддержка позволяла иранцам успешно бороться с сепаратизмом местных властителей, а походы, совершенные ими на Герат в 1833 и 1837–1841 гг., хоть и закончились практически ничем, тем не менее ознаменовали собой период «охлаждения» отношений Англии и Ирана. Это было в интересах России, выступившей в этот раз на стороне иранского правительства, что особенно беспокоило англий-

скую правящую элиту. С одной стороны, она грозила Ирану войной, с другой – предлагала иранской стороне заключить соглашения, подрывавшие русское покровительство. Гератский вопрос и связанное с ним улучшение русско-иранских отношений позволили России в дальнейшем распространить свое влияние в Средней Азии, а затем и включить ее в состав своей империи, значительно ослабив там английское влияние. Страдавшей от перепроизводства английской экономике требовались новые рынки сбыта, но благодаря действиям России англичанам не удалось заполучить их в достаточной мере в азиатском регионе. В частности, для английской торговли был значительно сужен иранский рынок (север Ирана контролировала Россия) и потеряна Средняя Азия.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что противостояние России и Великобритании в Иране носило, в первую очередь, геополитический характер. Иран был страной, располагавшейся непосредственно между русскими и британскими владениями. Через его территорию проходил самый короткий маршрут от России до Индии. Собственно, это обстоятельство и характеризует уровень напряжения, который наблюдался между Россией и Великобританией в Иране, а также ту стратегическую важность, которую для них представляло это государство. Безусловно, это противостояние повлияло и на политическую и экономическую жизнь Ирана, на его дальнейшую судьбу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Веселовский Н. Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией // Труды восточного отделения Императорского Русского археологического общества. СПб., 1898. Т. 22. С. 58.
2. Кузнецова Н.А. Иран в первой половине XIX века. М., 1983. С. 24-29.
3. Орлик О. В. Россия в международных отношениях 1815–1829 гг.: от Венского конгресса до Адрианопольского мира. М., 1998. С. 138, 140.
4. Абдуллаев Ф. Из истории русско-иранских отношений и английской политики в Иране в начале XIX века. Ташкент, 1971. С. 74-75; Салихова Д.Б. Российско-иранские отношения во второй четверти XIX века: дис. ... к.и.н. Махачкала, 2007. С. 51.
5. Пашуто В.Т. Дипломатическая деятельность А.С. Грибоедова // ИЗ. М., 1947. Т. 24. С. 127-128.
6. Ионнисян А.Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958; Игамбердыев А.М. Русско-иранская война 1804–1813 гг. Ташкент, 1955; Балаян Б.П. Международные отношения Ирана в 1813–1828 гг. Ереван, 1967. С. 244.
7. Материалы к истории персидской войны 1826–1828 гг. // Кавказский сборник. Тифлис, 1910. Т. 30. С. 168-170; Шостакович С.В. Дипломатическая деятельность А.С. Грибоедова. М., 1960. С. 265-266.

**«ВСЯ НАГРАДА ТРУДОВ В ОБЩЕМ БЛАГЕ»:
ХОЗЯЙСТВЕННО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ДМИТРИЯ И КОНСТАНТИНА ПОЛТОРАЦКИХ**

Предметом исследования является деятельность двух братьев – Дмитрия и Константина Полторацких, выдающихся российских просветителей XIX в., жизнь и труды которых еще не стали объектом комплексного научного анализа. Их родителями были Марк Федорович Полторацкий (1729–1795) и Агафоклея Александровна Полторацкая (урожденная Шишкова; 1737–1822). Поскольку истоки неутомимой и энергичной деятельности будущих просветителей и «сельских хозяев» были тесно связаны с семейными традициями, кратко остановимся на характеристике личности их матери. Это была исключительно умная и красивая женщина, которая по своим деловым качествам превосходила едва ли не всех своих современниц (1). Будучи выдана замуж из семьи небогатых тверских помещиков Шишковых в 14 лет за вдовца М.Ф. Полторацкого (родом из украинских казаков), она благодаря силе воли, трудолюбию и «необычайной деловитости» смогла, заняв крупную сумму у соседей, быстро и эффективно перестроить доставшееся ей архаичное помещичье хозяйство. В тверском имении Грузины были построены скотный и конный дворы, теплицы, мастерские; организованы винокуренный «завод» и полотняная «фабрика». Сама же А. Полторацкая превратилась в авторитетного предпринимателя и откупщика (от чьей воли зависела, по отзывам современников, почти вся Тверская губерния и которая скупала земли даже в отдаленном Оренбургском крае), хозяйку имений Грузины и Оккервиль (2). В 1805 г. она приобрела за 35 тыс. руб. усадьбу Демьяново у помещицы М.И. Римской-Корсаковой в Тверской губернии; в дальнейшем здесь постоянно проживала семья ее дочери Варвары (1778–1845), вышедшей замуж за сенатора Д.Б. Мертваго (1760–1824).

В центральной части Петербурга А.А. Полторацкой принадлежал большой участок, занимавший пространство между Фонтанкой и Сенной площадью с одной стороны и Обуховским проспектом и проходным переулком от Фонтанки к Сенной – с другой. Этот переулок назывался «Полторацким». Там находились не только жилые дома с большим садом, но и многочисленные хозяйственные постройки, а также водочный завод, общественные бани на Сенной и жилые флигели. Все это имущество принадлежало А.А. Полторацкой; в четырех больших каменных домах жили ее мно-

гочисленные дети со своими семьями. Именно хозяйственные успехи этой незаурядной, противоречивой личности, скопившей крупный капитал и 4000 душ крепостных, явились основой благополучия дворянского рода Полторацких и его авторитета (не взирая на «среднепоместный» статус) в «высшем свете» императорской России XIX в. Агафоклея Полторацкая отличалась не только житейской мудростью и набожностью, но и строгостью, властолюбием, жестокостью в отношениях с дворовыми и крепостными людьми, а также с деловыми конкурентами и даже с членами семьи, особенно, со своими детьми, которых насчитывалось 22 человека (выжили после родов 11) (3). Неслучайно в народе она получила красноречивое прозвище «Полторачиха» (по аналогии с «Салтычихой») (4). А.А. Полторацкая скончалась в 1822 г. и была похоронена в с. Грузины Новоторжского у. Тверской губ., в церкви Грузинской Божией Матери. К сожалению, деятельность этой незаурядной личности, оставившей заметный след в социокультурной истории русской провинции (можно отметить также ее заслуги в сфере благотворительности (5)) и ставшей в конце XIX в. одной из героинь фундаментального пятитомного издания вел. кн. Н.М. Романова начала XX в. «Русские портреты XVIII и XIX столетий» (6), еще не стала объектом специального научного анализа (7).

Вот в такой семье и выросли Дмитрий и Константин Полторацкие. Они переняли от матери и огромную жизненную энергию, и непоколебимую уверенность в успехе всех своих начинаний, и предприимчивость, и патриотизм в сочетании с верностью идеям «просвещенной монархии», и, разумеется, «стартовый капитал», что тоже было немаловажно. Влияние же и на них, и на семью в целом отца – видного деятеля русской культуры XVIII в., певца украинского происхождения, директора придворной певческой капеллы М.Ф. Полторацкого (в знак этого на родовом гербе Полторацких изображена арфа), «возведенного 22 декабря 1763 г. в дворянское Всероссийской Империи достоинство и на указанное достоинство жалованного дипломом» (согласно его прошению от 27 июля 1754 г.), впоследствии действительного тайного советника, – было, в целом, небольшим: он, видимо, поручил как ведение хозяйства, так и воспитание детей своей властной супруге. Вместе с тем полностью игнорировать роль М.Ф. Полторацкого в формировании взглядов и хозяйственных навыков его сыновей Дмитрия и Константина нет оснований. М.Ф. Полторацкий, внесший заметный вклад в русскую культуру (8), являлся членом ИВЭО и отнюдь не «самоустранялся» от теории и практики развития сельского хозяйства. Вместе с тем главные решения по управлению имением всегда принимала его жена.

Д.М. Полторацкий не оставил после себя значительных печатных трудов (9). В памяти потомков он остался благодаря своей хозяйственно-просветительской деятельности в конце XVIII – начале XIX в. Вместе с тем, в отечественной литературе содержатся многочисленные (как правило, несистематизированные) свидетельства о жизни и трудах аграрника-подвижника. Первое упоминание такого рода относится к 1804 г.; оно было сделано в статье об «успехах земледелия» в хозяйствах ряда калужских помещиков (10). Наиболее ценная и содержательная публикация, не утратившая своей информативной значимости и в настоящее время, появилась уже после смерти рационализатора (скончавшегося в 1819 г.), когда на страницах главного печатного органа ИМОСХ – «Земледельческого журнала» – в 1829 г. появилась статья управляющего хозяйством Д.М. Полторацкого шотландского агронома Г. Мина (11). В ней содержалось описание состояния местной усадьбы до внедрения хозяйственных новаций, история их введения в традиционный крестьянский хозяйственный уклад и последствия неординарного и смелого для того времени эксперимента. В дальнейшем на страницах российской экономической печати и в отдельных изданиях упоминания о начинаниях калужского помещика-рационализатора встречаются уже чаще. Среди них необходимо отметить анализ его деятельности в работе А.В. Советова (выдающегося ученого-аграрника) 1859 г. (12), воспоминания о нем в трудах ученого секретаря ИМОСХ С.А. Маслова в середине XIX в. и в юбилейном сборнике ИМОСХ 1897 г. (13), а также работы ученых начала XX в. К.А. Вернера и В.Г. Бажаева, в которых высказывались различные, но, в целом, высокие оценки его роли в развитии российского рационализаторского движения (14). Зато в советской научной печати имя Д.М. Полторацкого крайне редко встречалось, что во многом объяснялось цензурно-идеологической обстановкой в стране: о достижениях рационализаторов дореволюционного периода почти не упоминали, поскольку большинство из них принадлежало к дворянскому сословию. Исключения, как правило, носили единичный характер (15). В современной научной литературе интерес к деятельности выдающегося калужского рационализатора постепенно возрастает. О нем говорится и в трудах, посвященных истории аграрной рационализации в дореформенной России (16), и в работах, где делаются попытки проанализировать его начинания с учетом состояния аграрной теории и практики на рубеже XVIII–XIX вв. (17).

Дмитрий Маркович Полторацкий родился 23 мая 1761 г. в Санкт-Петербурге. Он сначала воспитывался дома, а затем учился в Штутгартском университете (по другим источникам – в Страсбургской академии), после чего путешествовал по Герма-

нии, Швейцарии, Испании, Франции и Англии, – главным образом с целью изучения рациональных методов ведения сельского хозяйства в отдельных имениях. Особую роль сыграло его знакомство с аграрными успехами англичан: будучи на службе русского посольства в Лондоне, он проявлял к этим вопросам живой интерес, став до конца своей жизни убежденным сторонником внедрения британских аграрных новаций в России. Числясь в военной службе с 1769 г., 1 января 1787 г. Полторацкий был произведен в подполковники, затем вышел в отставку с причислением к Коллегии иностранных дел. Женой Д.М. Полторацкого стала дочь богатого коломенского купца и библиофила П.К. Хлебникова Анна Петровна (1772–1842).

В 1792 г. Д.М. Полторацкий покупает с. Авчурино (площадью около 2700 дес. и 444 ревизские души м.п.), находившееся в 12 верстах от Калуги, на левом берегу р. Оки. Ранее имение принадлежало дворянам Ягужинским. В 1736 г. владельцем Авчурино стал кн. С.В. Гагарин – известный помещик-рационализатор, член ИВЭО. Отметим, что у него работал агроном и ученый А.Т. Болотов. Поскольку аграрные достижения кн. С.В. Гагарина (в том числе в области животноводства) получили общероссийскую известность, с 1773 по 1778 гг. он управлял подмосковными имениями Екатерины II, а также волостями Богородицкой и Бобриковой кн. Бобровниковых под Тулой и Коломной. Д.М. Полторацкий приобрел усадьбу Авчурино с окружающими ее деревнями Криуша, Анненки, Красотынка, Прудки, Малая Слободка, Усадье, Сухиненки у наследников кн. С.В. Гагарина и сразу же начал вводить в хозяйстве различные аграрные усовершенствования. К моменту приобретения усадьбы Д.М. Полторацким в 1792 г. хозяйство имения оказалось «совершенно запущено»; отличалось чересполосицей с разбросанными в разных местах пустошами. «Господского скота» в имении было «не более 100 штук», а лугов – всего 10 дес. Необходимо было за короткий срок уничтожить чересполосицу, расселить крестьян на обширном пространстве, обучить их рациональным хозяйственным навыкам, а также организовать скотные дворы, закупить необходимый скот. Кроме того, Полторацкому пришлось в полной мере испытать на себе нарекания своих соседей-помещиков, которые придерживались архаичных хозяйственных взглядов (18). На протяжении всей дореформенной эпохи рационализаторская деятельность местных помещиков в отдельных губерниях России не только осуждалась их соседями-землевладельцами, но и подвергалась насмешкам. Неслучайно Полторацкого дразнили «ентузиастом» за его активные усилия, направленные на пропаганду плодопеременного хозяйства и других аграрных новаций (19). Даже к концу существования крепостничества большинство русского провинциаль-

ного дворянства было убеждено в том, что «*работать образованному человеку стыдно*» (20). Как отмечал впоследствии Н.И. Шатилов (сын выдающегося рационализатора XIX в., президента ИМОСХ И.Н. Шатилова), «даже такое невинное занятие, как ловля удочкой рыбы, считалось несовместимым с барским достоинством» (21).

Однако молодого рационализатора-аграрника Д.М. Полторацкого все эти «препоны» отнюдь не смутили. Многочисленные препятствия, прежде всего, отсутствие помощников и падежи скота, лишь придавали ему силу и уверенность в конечном успехе задуманного (22). Прежде всего, в недостаточно плодородные авчуринские почвы были внесены необходимые удобрения: вначале мергель (разысканный у берегов р. Оки (23)), а затем, уже после закупки скота, и навоз. Именно широкое использование залежей местного известкового туфа для окультуривания почв хозяйства позволило повысить урожайность трав, зерновых культур и картофеля. Главной его заслугой стала организация в имении рационального хозяйства, равного которому в России к началу XIX в. еще не было. Он быстро ликвидировал чересполосицу, заменил барщину наемным трудом, ввел плодопеременную систему с использованием усовершенствованного земледельческого инвентаря, организовал «конский завод», осушил болотистые места (24). Земельные участки с неровным рельефом выпрямили «равняльными машинами». Применяемые им земледельческие орудия вошли в российский хозяйственный обиход как «плуги Полторацкого» и «бороны Полторацкого». В Авчурино земли обрабатывались при помощи усовершенствованных плугов (приобретенных им у А.А. Самборского и британского экономиста А. Юнга (25); при этом на плуг использовались 2 лошади), сибирских сох и борон с железными зубьями (26). Д.М. Полторацкий явно отдавал предпочтение стальному английскому плугу среди других земледельческих орудий труда, что вызвало возражения сторонников традиционного русского сельскохозяйственного инвентаря.

Самым авторитетным оппонентом внедряемых Полторацким «англинских методов» выступил Ф.В. Ростопчин, который в сочинении «Плуг и соха, писанное Степным дворянином» (М., 1806) выступил защитником хозяйственных достоинств сохи (27). В оживленной, а временами даже жесткой полемике в начале XIX в. приняли участие и другие помещики и аграрники, которые обсуждали проблему о возможности использования в земледелии России иностранных орудий труда. Эта дискуссия нашла отражение и в художественной литературе, в частности, в известной комедии И.А. Крылова «Модная лавка» (1807) и в его басне «Огородник и философ» (1811); отдельные ее сюжеты прослеживаются и на страницах опубликованных позже лите-

ратурных произведений (28). Вместе с тем отношения между Д.М. Полторацким и Ф.В. Ростопчиным, несмотря на различие как «ментальной структуры» этих ярких индивидуальностей (29), так и их аграрных позиций, никогда не перерастали во враждебную межличностную борьбу. Так, один из современников вспоминал о Полторацком: «Он был человек чрезвычайно вспыльчивый, живой, большой спорщик, – качества, которые он передал, как кажется, сыну своему... Дмитрий Маркович, равно как и граф Ростопчин, были страстные охотники до лошадей. Оба имели прекрасные конные заводы, оба много занимались сельским хозяйством, что давало повод к соревнованию и большим спорам между ними. Полторацкий бодро отгрызался от шуток Ростопчина, а часто и помогал ему в оных» (30). Кроме того, еще в самом начале XIX в. Ф.В. Ростопчин, последовательно занимавший национально-патриотические позиции, связанные с защитой отечественного историко-культурного наследия и осознанием самобытности русского народа (31), не только высоко ценил аграрный опыт калужского помещика-рационализатора, но и стремился использовать его в своей усадьбе Вороново Подольского уезда Московской губернии, о чем свидетельствует его письмо Д.М. Полторацкому 1803 г.: «Благодарю еще вас за научение двух моих крестьян... Одного из них в сопровождении столяра отправляю к вам для снятия лекал с плуга, с распашной сохи и борон. Вы очень бы меня одолжили, прислав хоть на время один плуг для лучшего образца кузнецу; лес на все сии орудия приготовлен и сушится» (32). Добавим, что Ростопчин проявил себя (в качестве владельца Вороново) как умелый «сельский хозяин» своего времени: так, он умело использовал удобрения для повышения урожайности, а, следовательно, и доходности земледельческого помещичьего хозяйства; провел ряд ценных хозяйственных опытов по замене навоза купоросной кислотой (33).

Что же касается Д.М. Полторацкого, то его успехи как помещика-рационализатора были более весомы. Он первым из российских помещиков заменил трехпольную систему земледелия на плодопеременную с травосеянием, культурой картофеля и известкованием полей в границах собственного хозяйства; со временем сменил 8-польное хозяйство на 4-х-польное. В имении через несколько лет насчитывалось уже 300 ед. рогатого скота (английской, голландской и холмогорской пород), а также от 400 до 500 лошадей (включая 200 рабочих) (34). Повысились и урожаи: так, урожайность ржи возросла с сам-3 до сам-9, ячменя – с сам-3,5 до сам-9 и даже сам-10 (35). Для того времени это были без преувеличения богатейшие урожаи (36). Клевера в хозяйстве собирали, в среднем, до 250-400 пудов с десятины.

Агроном А.В. Советов в 1859 г. отмечал: «Мы знаем, что Полторацкий, а за ним и Самарин в самые первые годы текущего столетия сеяли клевер уже не в виде опыта, а в больших размерах». Тем самым была продолжена агрономическая и аграрно-просветительская работа по внедрению травосеяния в России, начатая еще в конце XVIII в. А.Т. Болотовым и некоторыми помещиками Московской губернии, имена которых остались неизвестными. Необходимо отметить также большую значимость работы по пропаганде травосеяния, проведенной на рубеже XVIII–XIX вв. известным аграрником и литератором, членом ИВЭО, автором ряда сельскохозяйственных и экономических руководств В.А. Левшиным, с которыми был хорошо знаком и Полторацкий. А.В. Советов также выделил заслуги Полторацкого во внедрении травосеяния в нашей стране: «Его можно назвать основателем полевого травосеяния в России. До него если и сеяли кормовые травы, то больше для опыта, в малом количестве; Полторацкий же разом приступил к отмене трехпольной системы, на пространстве 600 десятин, расчистил мелколесье, осушил места болотистые и разделил усадьбу на внешнее и внутреннее хозяйство, сделав по 4 поля в первом (рожь, ячмень, выгон, пар) и столько же во втором: 1, озимь (рожь и пшеница) 2, огородное поле (картофель, репа, горох, морковь, бобы) 3, яр (овес и горошек с клевером, кормовой овес и тимофеевка) 4, клевер и тимофеевка». Примечательны и общие выводы Советова, не утратившие научной значимости и в настоящее время: «На такой подвиг, – подчеркивал он, – Полторацкий решился, когда не только в России, но и на Западе еще очень шаткие имели понятия о травосеянии и плодосменности ... Только в Англии полеводство успело твердо опереться на травосеяние, и из этой-то страны главным образом и вынес Полторацкий убеждение в превосходстве травопольного хозяйства, с травосеянием, пред трехпольным». Организовав имение в Авчурино, Полторацкий с 1805 г. провел и аналогичные хозяйственные реформы (с введением травосеяния) и в другом своем имении – в с. Черемошне Каширского уезда Тульской губернии (здесь позже прошло детство Ф.М. Достоевского; в настоящее время – это деревня в Щекинском районе Тульской области) (37). Одной из причин успехов рационализатора стало то обстоятельство, что он умело использовал труд иностранных специалистов-агрономов, нанятых на работу из Великобритании. Наиболее заметный вклад в реорганизацию авчуринского имения внес шотландский агроном Георг Мин, приглашенный Полторацким в качестве управляющего имениями, агронома и специалиста по выплавке металла. Во многом благодаря его усилиям хозяйство стало приносить значительные доходы; он же оставил описание эволюции авчуринского хозяйства на ру-

беже XVIII–XIX вв., опубликованное в 1829 г. на страницах «Земледельческого журнала». В России у Г. Мина родились сыновья: Георгий, Дмитрий, Александр и Андрей, а затем внуки и правнуки. Многие из них оставили заметный след в российской истории и культуре. Так, А.Д. Мин (1866–1922) стал одним из первых популяризаторов научных фильмов в России, организовав их широкий прокат (38).

Почему же именно британский аграрный опыт был избран Полторацким для усовершенствования традиционного российского аграрного уклада? На рубеже XVIII–XIX вв. помещики Центральной России начинают активнее использовать сельскохозяйственные достижения англичан на практике, пытаясь (с переменным успехом) ввести его отдельные элементы в традиционную систему отечественного природопользования. «Англичане превзошли всех в умении улучшать землю и собирать обильные урожаи», – писал Ф.В. Ростопчин 7 сентября 1802 г. графу А.Р. Воронцову, прося его о содействии в приглашении «умного фермера». «Я дам нужное ему жалованье, содержание, – обещал он, – и через три года, когда все будет заведено, шестую долю урожая как с полей, так и с фермы» (39). Популярность британских фермеров, их земледельческих орудий и навыков ведения хозяйства в России в данный период объяснялась тогда ускорением в развитии сельского хозяйства Англии, связанным с радикальной перестройкой производственных отношений, вытеснением мелкого крестьянского хозяйства и развитием крупного буржуазного поместья, а также с ликвидацией системы общинных полей и чересполосицы, введением улучшенного севооборота вместо устаревшего трехполья и применением как новых видов удобрений, так и усовершенствованных орудий и машин. Впечатляющих успехов достигла в эти годы и британская агрономическая наука (40). Однако попытки большинства российских помещиков-новаторов перестроить хозяйство «на англинский манер», в основном, терпели неудачу, поскольку зачастую сопровождалась забвением отечественных аграрно-культурных традиций, прежде всего, богатейшего опыта народной агрономии. Ф.В. Ростопчин в письме А.Р. Воронцову 23 августа 1803 г. отмечал: «Нужно сознаться, что одеты мы по-европейски, но образованности у нас еще очень мало. Самое худое, что мы перестали быть русскими, купив знание иностранных языков ценою дедовских нравов» (41). Большинство помещичьих экспериментов завершилось неудачей и огромными убытками; в итоге, мода на «англинское земледелие» быстро прошла. Ситуация кардинально изменилась лишь перед крестьянской реформой 1861 г., когда на смену формальному усвоению западноевропейских хозяйственных и культурных ценностей приходит осознание необходимости тщательного изучения

российского культурно-хозяйственного наследия (42). Именно тогда британский опыт буржуазного вольнонаемного хозяйствования и передовых аграрных технологий оказался востребован.

Пожалуй, едва ли не единственным исключением в этом ряду стал хозяйственный опыт Д.М. Полторацкого. Уже вскоре после внедрения разнообразных аграрных новаций в Авчурино стали направлять крестьян для обучения другие российские помещики (в основном, из центральных уездов страны). Самыми активными пропагандистами новых хозяйственных методов стали В.А. Кар, Ф.А. Лисевич, С.А. Унковский и В.Н. Ланской. Все они, как и Д.М. Полторацкий, опирались в своих хозяйствах на рациональное травосеяние, выращивание картофеля и круглогодичное содержание скота в хлевах. Заметим, что этот опыт выдержал проверку временем: успехи рационализаторов были устойчивыми и наблюдались в течение ряда десятилетий (43). Аграрные новации Полторацкого (использование усовершенствованной сельскохозяйственной техники, посевы картофеля) со временем перенимают и соседние помещичьи хозяйства. Следует отметить, что обучение всех крестьян производилось в Авчурино бесплатно. Примечательно, что именно в Авчурино в 1793 г. появились две первые в России молотильные машины, сделанные в Шотландии. Постепенно здесь даже организовали их местное производство, отправляя продукцию в разные концы империи. Полторацкий первым в России использовал вольнонаемный труд, платя пахарям «подесятинно». Несмотря на территориальную ограниченность этих начинаний (что в условиях того времени было неизбежно), этот опыт оказался исключительно важным для развития сельского хозяйства России: была на практике доказана возможность постепенного перевода практического сельского хозяйства (формы организации труда, в котором уже приближались к буржуазным) на научные основы. На протяжении многих лет Полторацкий поддерживал тесные деловые и дружеские отношения с известным ученым, рационализатором и просветителем протоиереем А.А. Самборским (44), по рекомендации которого в 1797 г. был назначен членом Экспедиции государственного хозяйства (при Сенате), в которую были избраны люди, известные «познаниями в агрономии». Однако хозяйственные дела привлекали его сильнее, и уже 12 сентября 1798 г. он был уволен от службы с чином статского советника.

С Полторацким установили дружеские отношения многие «просвещенные современники»: М.М. Сперанский, его тесть библиофил П.К. Хлебников («к словесным занятиям любовь имевшего безмерну», собравший огромную коллекцию старинных рукописей, книг, газет и литографий); архитектор, переводчик, историк, драматург и

поэт Н.А. Львов (творчество которого во многом определило расцвет русской усадебной культуры конца XVIII – начала XIX вв.) и др. Церковь и парковый павильон в Авчурино были созданы по проектам архитектора В.П. Стасова. В свое время Д.С. Лихачев отмечал: «Способность понимать различные виды искусства особо ценилась в обществе XVIII в. Ценилась и способность творить в разных искусствах... Для представителя высшего класса общества необходимо было проявлять интерес к живописи, скульптуре, архитектуре. Это было «essential attribute» (неотъемлемый признак) воспитанного человека». Очевидно, что широкий круг друзей Полторацкого в значительной степени предопределили как отмеченная тенденция, так и незаурядные личностные качества выдающегося калужского аграрника-новатора (45).

В 1812 г. наполеоновское нашествие, к счастью для отечественной истории и культуры, не повредило Авчуринской усадьбе, поскольку французы, шедшие на Калугу, повернули на Смоленскую дорогу. После окончания войны Полторацкий продолжил свою хозяйственно-просветительскую деятельность, но интерес к ней в русском обществе заметно снизился. В первые годы после завершения боевых действий первоочередной задачей для многих помещичьих хозяйств Центральной России стали восстановительные мероприятия, а не внедрение аграрных новаций. Однако события 1812–1813 гг., связанные с борьбой как за национальную независимость, так и за геополитическое могущество в Европе, оживили общественную жизнь страны, в известной степени подготовив почву для учреждения отечественных сельскохозяйственных обществ. «Напряженная борьба на смерть с Наполеоном разбудила дремавшие силы России..., – писал В.Г. Белинский. – Чувство общей опасности сблизило между собою сословия, пробудило дух общности и положило начало гласности и публичности, столь чуждых прежней патриархальности...». С другой стороны, большой урон, нанесенный вотчинному хозяйству центральных губерний в результате боевых действий, также подтолкнул помещиков к перестройке своего хозяйства на рыночных основах. Кроме того, дальновидные ученые и дворяне-землевладельцы не без оснований опасались, что хозяйственный и социальный застой, ставший очевидным после окончания Отечественной войны, приведет к мощным *социальным потрясениям*. Крестьянские локальные выступления, связанные с надеждами на скорое освобождение от власти помещиков, властям приходилось подавлять силой. Однако решающее значение имели все же *объективные* изменения в экономике страны в связи с разложением крепостничества. Указанная тенденция проявилась в резком увеличении с начала XIX в. числа промышленных предприятий, возрастании удельного веса городского про-

мышленного населения, росте хлебных цен и увеличении внутренней и внешней торговли (46).

Постепенно накопленный Д.М. Полторацким хозяйственный опыт получает все-российское признание, и уже спустя несколько лет после окончания Отечественной войны интерес к нему снова возрождается. Дворян также привлекали выдающиеся успехи рационализатора в «скаковом деле»: с увлечением занимаясь разведением породистых лошадей (включая завезенных из Англии) и входя в круг лиц, группировавшийся около князя А.Г. Орлова-Чесменского (47), Полторацкий имел известнейших арабских и английских жеребцов. Именно его «конский завод» в Авчурино (которым управлял англичанин) 2 сентября 1816 г. посетил и с интересом осмотрел император Александр I, который получил в дар от хозяина лошадь. Таким образом, хозяйство Д.М. Полторацкого, наряду с именами И.И. Самарина и Е.С. Карновича (Ярославская губерния), Н.П. Румянцева и С.С. Апраксина (Московская губерния) и др. (48), стало одним из ключевых центров распространения различных начинаний и внедрения передовых аграрных новаций в архаичный культурно-хозяйственный уклад Центральной России. Между тем положение в сельском хозяйстве, развивавшемся исключительно по экстенсивному пути, после Отечественной войны 1812 г. складывалось удручающее: господствовала зерновая трехпольная система земледелия (сильно истощавшая почвы), в крестьянских и помещичьих хозяйствах использовались архаичные земледельческие орудия; производительность труда была крайне низкой; о хозяйственной гигиене не было и речи; в крестьянской среде (как правило, неграмотной) царили суеверия и предрассудки. Поэтому для наиболее дальновидных современников становится очевидным, что дальнейшее развитие сельского хозяйства империи по экстенсивному пути при сохранении крепостничества неминуемо приведет к экономическому краху. Устаревшие формы и методы природопользования, чересполосица, угнетение крестьянства и подавление его инициативы, привычка большинства помещиков жить «спустя рукава» (А.Т. Болотов), – все это не соответствовало нуждам времени.

Д.М. Полторацкий стал одним из основателей Императорского Московского Общества сельского хозяйства, учрежденного в 1818 г. и объединившего усилия отечественных рационализаторов и ученых-аграрников. По инициативе графа Н.С. Мордвинова и князя С.И. Гагарина они приняли решение о создании отечественного сельскохозяйственного общества с центром в Москве «для пользы земледелия и сельского хозяйства, как основания народного благосостояния и всякой промышленно-

сти» (49). «Основателями» нового общества стали 10 человек, в том числе и Полторацкий. На первом «учредительском заседании» ИМОСХ 3 марта 1818 г. он внес предложение о назначении премии «для поощрения земледельцев» и об учреждении «экспериментальной фермы». Кроме того, он отметил, что перед членами нового общества – «истинных любителей земледелия» – ставится следующая задача: «твердым предначертанием стремится к одной только мечте, всеми силами – действовать для пользы общей, не оставив себе ни малейшего призрака честолюбия... Столь благородный подвиг неминуемо должен произвести для государства благодетельнейшие последствия; ибо вся награда трудов в общем благе». По его мнению, на этом пути открываются хорошие перспективы для хозяйственного и социального развития всей России: «Разовьются способности... людей, размножится число ученых, наука умозрительно сделает успехи в Отечестве Нашем. В Отечестве, которое при не пространстве не измеримом и великих источниках оно, отстало несколько веков от других государств, в простых хозяйственных средствах, повсеместно водворенных для пользы земледелия». Вызывают интерес перечисленные им главные хозяйственные проблемы, стоявшие перед Россией в ту пору, прежде всего, необходимость усовершенствования отсталых орудий земледельческого труда: «Не будут ли легчайшими и кратчайшими мерами к достижению цели общества сократить путь требующий многих веков... именно: решимость приступить немедленно к водворению в России полезных обрядов земледелия, назначением призов или награждений... а паче всего облегчения трудов человеческих посредством хороших Земледельческих Орудий... В Ростове, в Ярославле, в Владимире, в Костроме, в Малороссии пахут плугами, но весьма дурными. Надобны им иные орудия, иные лошади, кои от недостатка кормов весьма тощи и мелки; надобно и распределение полей для улучшения земли» (50).

Таким образом, именно он стал инициатором учреждения при обществе экспериментальной фермы для изучения различных систем земледелия (впоследствии – знаменитой Земледельческой школы ИМОСХ). Кроме того, он был сразу же избран начальником практического отделения ИМОСХ. Уже после смерти аграрника, с 1824 г. начал работу и Бутырский учебно-опытный хутор ИМОСХ – первый в России хутор для систематического хозяйственного обучения крестьянских мальчиков. Этот шаг стал как логическим, так и практическим итогом предложения Полторацкого организовать под Москвой «опытную земледельческую ферму» для обучения крестьян передовым хозяйственным навыкам. Примечательно, что Полторацкий, всегда учитывавший традиционную ментальность русского крестьянства, в 1818 г. подчеркивал:

«Простолюдина не убедишь никакими наставлениями, кроме как самым делом» (51). Эта хозяйственная и социокультурная установка опиралась на многовековые традиции русского деревенско-усадебного патернализма, при которой, как отмечал калужский губернский предводитель дворянства князь Н.Г. Вяземский в письме президенту ИМОСХ князю Д.В. Голицыну, именно помещики («сельские хозяева», по терминологии современников) «могут со временем... подействовать на исправление хлебопашества простых... поселян во всех краях России» (52). Подобная позиция имела ярко выраженный просветительский характер. Но лишь отдельные представители дворянства имели материальные возможности для внедрения аграрных новаций; при этом основная часть как крестьян, так и помещиков, фактически оказалась отрезана от новейшей аграрно-промышленной технологии. Как показала практика, именно отсутствие реальных возможностей для хозяйственной и социальной самореализации крестьянина и помещика стало главным препятствием на пути внедрения аграрных новаций. По этой же причине зарубежные новации (включая английские) далеко не всегда органично «вписывались» в традиционный крестьянский и помещичий культурно-хозяйственный уклад.

Кто же вышел победителем – английский плуг, сторонником которого являлся Д.М. Полторацкий, или традиционная русская соха, которую, как мы помним, рьяно защищал Ф.В. Ростопчин? Ответ на него далеко не так однозначен, как это представляется на первый взгляд. Плуг одержал победу в долгосрочной исторической перспективе, поскольку отвечал растущим потребностям новой, буржуазной эпохи, для которой необходима была и передовая техника, и качественно новые аграрные технологии. Однако именно русская соха в своих различных вариантах в XIX в. зачастую лучше всего подходила природно-климатическим условиям того или иного конкретного уезда (53); в этом случае на передний план уже выходила региональная аграрная специфика (проблема, нашедшая отражение в трудах отечественных аграрников XIX–XX вв. Таким образом, в дискуссии Полторацкого и Ф.В. Ростопчина парадоксальным, но исторически неизбежным образом не оказалось «победителя» и «побежденного»; это была, выражаясь современной спортивной терминологией, своего рода «боевая ничья». И тот, и другой были самобытными, незаурядными личностями, занимавшими рационально-прагматические и в то же время глубоко патриотические позиции по ключевым вопросам реформирования России, которой был необходим как тот, так и другой путь: с одной стороны, движение вперед по универсальному европейскому пути буржуазного развития на базе частной инициативы и предприимчиво-

сти, а, с другой стороны, – обязательное сохранение всего лучшего, что несла в себе отечественная аграрная традиция. К сожалению, гармонично совместить эти варианты так и не удалось: развитие капитализма в сельском хозяйстве сопровождалось безвозвратными утратами многовекового опыта народной (крестьянской) агрономии, коррозией традиционной ментальности. Учитывая особенности дореформенной эпохи, хозяйственные и просветительские инициативы Полторацкого представляются более значимыми по сравнению с усилиями апологетов «старины». Они стали важными элементами постепенно вызревающей в недрах самодержавной империи и «самодостаточного» феодально-крепостнического хозяйствования новой социально-экономической модели, ориентированной на частную инициативу, конкуренцию, использование в сельском хозяйстве усовершенствованных образцов земледельческого инвентаря и новых прогрессивных технологий. Именно *хозяйственная практика* выступила в дореформенной России в качестве ключевого «критерия истины» при ответе на вопрос о возможности и эффективности внедрения аграрных новаций в традиционный уклад. И здесь значимость многолетней деятельности Полторацкого трудно переоценить (54).

Д.М. Полторацкий скончался в Авчурино в возрасте 57 лет 26 ноября 1818 г.; там же (у алтаря храма) он и был похоронен. Калужское имение перешло к его вдове Анне Петровне. Она попыталась продолжить хозяйственные начинания своего супруга, управляла рациональным хозяйством при англичанине-управляющем (55). При местной церкви была возведена родовая усыпальница, куда через восемь лет после смерти Полторацкого были перенесены его останки. В 1837 г. Авчурино посетил будущий император Александр II. Его особое внимание привлек по-прежнему существовавший в хозяйстве «конный завод», а также «берейторская школа». Полторацкие просили цесаревича принять от них коня их завода, и тот с большим удовольствием принял подарок (коня отправили в Петербург «в особой повозке в роде вагона» (56). Несмотря на то, что плодосменный севооборот Полторацкого не получил широкого распространения в России, хозяйственно-просветительская деятельность новатора оказала мощное стимулирующее воздействие и на попытки внедрения аграрных новаций в центральных губерниях страны, и на массовое сознание современников. Многие его аграрные новшества доказали свою хозяйственную значимость. Этот опыт постепенно проник не только в соседние помещичьи хозяйства Калужского края (57), но и во многие другие губернии. Главной заслугой новатора, на наш взгляд, стала успешная пропаганда травосеяния: именно Полторацкий стал (наряду с В.А. Левши-

ным, а также ярославскими помещиками-рационализаторами И.И. Самариным и Е.С. Карновичем) одним из основоположников полевого травосеяния в стране (58). Как подчеркивал в 1928 г. А.В. Чаянов при обсуждении программы освоения целинных земель, отдавая должное успехам прежней аграрной науки и практики, «все усилия нашей агрономии были направлены на создание устойчивого земледелия» (59). Роль Полторацкого в поиске практических путей решения этой труднейшей задачи была весьма значимой. Таким образом, подвижническая многолетняя работа выдающегося российского рационализатора и просветителя наглядно показала, что даже при отсутствии крупных денежных средств, без поддержки государства благодаря неустанному трудолюбию, знаниями умению соединить традиции и новации можно добиться значительных аграрных успехов.

О жизни и деятельности его брата, Константина Марковича Полторацкого, в историографии имеется немного работ, в основном, публикации краеведческого плана (60). К.М. Полторацкий родился 21 (по другим сведениям, 2 или 30) мая 1782 г. Он получил домашнее воспитание, а уже в возрасте двух лет его записали фурьером (унтер-офицером) в лейб-гвардии Семеновский полк, в котором в 15 лет он становится прапорщиком. За годы военной службы К.М. Полторацкий дошел до звания генерал-майора. Судьба сталкивала его с известнейшими людьми того времени, он смог принять участие во многих важнейших событиях российской истории. В 1801 г. поручик Полторацкий был довольно близок к заговору против императора Павла I. Наследник престола Александр, шеф Семеновского полка, приказал ему «принять на себя вне очереди начальствование караулом» в Зимнем дворце 11 марта 1801 г., а ночью семеновцев перевели в Михайловский замок, где погиб Павел (61). О военной службе Полторацкого свидетельствует его формулярный список 1828 г.: «В службу вступил: фурьером 1784 г., марта 24, в л.-гв. Семеновский полк; сержантом 1785 г., декабря 2; портупей-прапорщиком 1797 г., ноября 5; прапорщиком 1798 г. сентября 8; подпоручиком 1799 г., августа 19; поручиком 1800 г., октября 27; полковым адъютантом 1804 г., октября 6; штабс-капитаном 1805 г., августа 14; капитаном 1807 г., августа 17; полковником 1808 г., сентября 12, в том же полку; был командирован в молдавскую армию 1810 г., августа 18, где переведен в Нишлотский пехотный полк; назначен шефом 1812 г., января 10, в Тифлисский пехотный полк; шефом же в Нашебургский пехотный полк 1812 г., марта 12, а за оказанное отличие в сражении под Кенигсвартом произведен генерал-майором 1813 г., мая 7; поручено командовать Нашебургским и Апшеронским полками 1814 г., января 8; назначен: командиром 2 бригады 9 пехотной

дивизии 1814 г., сентября 1; 1 бригады этой дивизии 1815 г., августа 2; 3 бригады 14 пехотной дивизии 1817 г., июля 29; назначен состоять по армии 1822 г., марта 13» (62).

Особое место в боевой жизни Полторацкого занимают события военной кампании 1813 г. В сражении под Шампобере он попал в плен к французам, и его вызвал на допрос Наполеон. На вопрос о количестве русских солдат, участвовавших в бою, Полторацкий ответил: «3690 человек и 24 пушки». Наполеон не верил, что такое упорное сопротивление оказал небольшой отряд, он думал, что сражался не менее чем с 18 тыс. воинов. На вопросы о количественном составе русской армии и местонахождении императора и генералов Полторацкий отвечать отказался (63). По личному распоряжению Наполеона его отправили в Париж; за ним был установлен «особенно бдительный надзор». После взятия Парижа союзными войсками в апреле 1814 г. Полторацкий вернулся в армию. В 1818 г. его переводят в Москву. По завещанию матери в 1822 г. он получил «Новоторжского уезда сельцо Кастьяшино с деревнями Горок, Ляховой и Звороткиной с состоящими в них по последней ревизии крестьян 398 душ со всем их имуществом и со всеми принадлежащими к оным селениям землями, ... а всего дворовых 40 душ» (64). Имеется информация, что он входил в состав Союза благоденствия (65), однако, судя по всему, активного участия в декабристском движении не принимал (66). 28 января 1830 г. Полторацкий был уволен со службы «для определения к статским делам, с чином тайного советника». Позже, уже в 1834 г. он был произведен в генерал-лейтенанты. С 1830 по 1835 гг. он являлся ярославским гражданским губернатором, с 18 февраля 1835 г. по 1842 гг. – «ярославским военным губернатором с управлением гражданской частью».

Будучи в должности ярославского губернатора, он с первых же месяцев работал необычайно активно и продуктивно, о чем, в частности, сохранились свидетельства в местной периодической печати. Так, в 1835 г. «Ярославские губернские ведомости» (ЯГВ) сообщали: «Его Превосходительство Ярославский Г. Военный Губернатор из предприемлемой им отлучки для окончательного обревизования Уездных Присутственных мест возвратился и в должность вступил сего октября 9 числа» (67). Полагающиеся ему отпуска он обычно проводил в своем тверском имении «Грузины» (68) (современники отзывались о нем как о «радушном хозяине»), в Петербурге и в Москве, где у него до 1840 г. был «доходный дом» на Большой Дмитровке с «торговыми лавками» и открытой галереей на первом этаже и жилыми комнатами на втором, возведенный по проекту архитектора А.Ф. Элькинского в 1821 г. (69). Полторацкий на

протяжении всего периода управления Ярославским краем поддерживал губернскую периодическую печать. По положению 1830 г. «Губернские ведомости» предполагалось издавать в шести губерниях, в том числе в Ярославской. ЯГВ начали выходить 6 марта 1831 г. (70), и это было первое в России издание такого рода. Ярославское губернское правление приняло необходимые меры для переоснащения своей типографии, были куплены два печатных станка, а имевшийся модернизирован. Губернская газета позволяла намного сократить переписку местных учреждений, и, как правило, губернаторы лично следили за получением газеты правительственными учреждениями. В соседних Костромской и Владимирской губерниях «Губернские ведомости» начали выходить позднее – с 1838 г., в Тверской губернии – с 1839 г. Газета была нужна для служащих правительственных учреждений и многих жителей губерний и позволила несколько сократить объем делопроизводственной переписки.

Впервые за подписью К.М. Полторацкого ЯГВ опубликовали распоряжение об использовании пыжей из войлока и шерсти при употреблении огнестрельного оружия, чтобы избежать возгораний при выстреле. Пожары были постоянной проблемой в населенных пунктах губернии (71). Например, построенный при губернаторе М.Н. Голицыне Гостиный двор в мае 1835 г. сгорел. Благодаря поддержке губернатора Полторацкого уже через пять месяцев он был восстановлен. Вновь пришлось отстраивать его после сильного пожара 25 мая 1848 г. На окраинах городов, застроенных деревянными домами, и особенно в сельской местности опасность пожаров сохранялась постоянно. Отметим, что во многом благодаря предприимчивому губернатору (проявлявшему особое внимание к нуждам прессы) до сведения ярославских «сельских хозяев» (в основном, помещиков) оперативно доводилась не только ценная хозяйственная информация (в том числе адресованная лично ему), но и аналитические аграрные труды, публикуемые на страницах местной печати (72).

К.М. Полторацкий, являвшийся с 1823 г. действительным членом ИМОСХ, сыграл видную роль в учреждении в 1842 г. Ярославского Общества сельского хозяйства (ЯОСХ), объединившего местных рационализаторов и внесшего значительный вклад в развитие сельского хозяйства, промышленности и просвещения не только Ярославской губернии, но и Центральной России в целом. В письме президента ИВЭО графа Н.С. Мордвинова К.М. Полторацкому от 10 апреля 1840 г. содержалось предложение учредить в Ярославской губернии экономическое общество «на том же основании, на каком оно должно учредиться в Казани». В свою очередь, Полторацкий представил ходатайство о создании общества, а также проект его устава министру государствен-

ных имуществ П.Д. Киселеву. Однако только 22 сентября 1842 г. последовало официальное разрешение об учреждении ЯОСХ и утвержден его устав (73). Президентом общества был выбран генерал-майор И.А. Боратынский, уже сменивший к тому времени Полторацкого на посту губернатора, а секретарем – ярославский помещик-рационализатор Е.С. Карнович, с которым Полторацкий долгие годы поддерживал хорошие отношения, по мере возможности помогая в решении насущных хозяйственных задач. Примечательно, что губернатор, как правило, принимал личное участие в важнейших заседаниях ЯОСХ (74).

Отметим и вклад К.М. Полторацкого в организацию и проведение «выставки произведений и искусств», открытой в Ярославле 10 мая 1837 г. Ее «официальным устроителем» стал Е.С. Карнович, подготовивший записку о состоянии промышленности и торговли губернии, переданную посетившему в этот же день выставку наследнику престола (будущему императору Александру II), проявившему к ней большой интерес (75). На выставке были представлены изделия мануфактур и промыслов, иконы и художественное шитье. Отметим, что эта выставка фактически заложила основы и организации сельскохозяйственных выставок в губернии, во многом подготовив общественное мнение к учреждению «выставок сельских произведений» в с. Великом (рядом с которым находилось знаменитое имение Е.С. Карновича «Пятницкая гора») в 1844, 1845 и 1850 гг. Полторацкий проявлял интерес и к развитию местной промышленности. В этот период крупнейшим предприятием текстильной отрасли оставалась Ярославская Большая мануфактура. С начала XIX в. ее рабочие начали подавать жалобы на низкую заработную плату. В результате неудовлетворения прошений на многих предприятиях оставались причины для волнений, и поток жалоб не прекращался. Когда Ярославль в мае 1841 г. посетил Николай I, ему подали коллективную жалобу рабочих этой мануфактуры о невыплате зарплаты. Проверка, проведенная под контролем Полторацкого, показала, что изложенные в жалобе факты «имели место», но ситуация на предприятии осталась прежней. В 1840-х гг. владельцы предприятий начали увольнять своих посессионных рабочих в «свободное» состояние, что давало последним возможность записаться в государственные крестьяне или мещане. Внимание губернатора к этому предприятию объясняется тем, что на нем работало свыше половины рабочих всей губернии.

Наряду с сельским хозяйством и промышленностью, он сыграл важную роль и в развитии ярославской торговли. Приведем весьма показательный пример: благодаря его инициативе в начале 1830-х гг. была реорганизована («сосредоточена в одном

месте») торговля в ярославском Гостином дворе, который также был перестроен (еще до пожара 1835 г.), с этого момента составляя «украшение города и существенную пользу жителей». Разумеется, он опирался здесь на устойчивые традиции российского патернализма; неслучайно его административные усилия оценивались современниками в контексте «отеческого попечения» губернатора при решении важнейших дел на местах, направленные при этом «ко благу общества». Следуя указаниям правительства, губернские власти обращали внимание на столь ценную культуру как картофель и использовали различные методы для поощрения ее распространения. Однако реалии эпохи проявлялись во всем: так, внимание губернатора было обращено на регулярный сбор «недоимок» с помещичьих крестьян и на розыск «беглецов». Кстати, Ярославская губерния относилась к числу регионов с большим количеством крепостных (10-е место в империи); к 1856 г. здесь проживало около 258 тыс. «лиц крепостного состояния» м.п. и около 285 тыс. ж.п. Примечательно, что на обострение межсословных («классовых», по терминологии советской эпохи) противоречий в губернии в дореформенную эпоху обращали внимание исследователи К.И. Юрчук и Е.Л. Сараева, что конкретизировало традиционные выводы советской аграрной историографии (76).

Одним из приоритетов в деятельности Полторацкого на посту губернатора стала забота о состоянии дорог Ярославской губернии. В середине 1830-х гг. местные дороги начали выгодно отличаться от дорог соседних губерний. По свидетельству очевидца, сделанному в июле 1836 г., на въезде со стороны Тверской губернии начиналась «прекрасно отделанная дорога, обсаженная по обеим сторонам березками и усыпанная хрящом (крупным речным песком); это настоящий бульвар с двумя тенистыми по сторонам аллеями, огражденный валом и рвом, обложенными дерном» (77). Так были устроены почтовые тракты Ярославской губернии; везде, где нужно, были построены прочные мосты; в низких местах сооружены земляные гати; крутые горки срыты и вымощены камнем; по обрывам и съездам сделаны перила. Однако, несмотря на все усилия местных властей, в дождливое время года и в снежные зимы эти дороги становились малопроездными. Во время борьбы с эпидемией холеры, которая вспыхнула в Ярославском крае, Полторацкий строго контролировал учреждение лазаретов и выдачу пособий, при этом проявив незаурядное мужество и лично навещая больных (78).

В целом же, исключительно прагматичная деятельность Полторацкого стала образцом успешного административно-управленческого содействия деловым кругам, позитивным примером для многих губерний Центральной России. Губернатор стре-

мился перенести в Ярославль стиль жизни и нравы столицы. По оценкам современников, именно он привнес в провинцию дух «европейского салона». Это явление зафиксировал в своих записках известный путешественник маркиз А. де Кюстин. Он считал посещение Ярославля одним из самых интересных этапов своей «экспедиции в Россию для ознакомления с бытом и нравами страны». Встреча его в Ярославле была весьма радушной, француза поразили великолепие дома и образованность членов семьи губернатора. Полной неожиданностью для Кюстина стал вопрос Полторацкого о его дяде, версальском баснописце Э. де Сабране. Как выяснилось, жену губернатора с детства воспитывала подруга мадам де Сабран, бабушки гостя. Маркиз отметил великолепное знание французского языка и обычаев в доме Полторацких, а также богатство дома, особенно заметное на фоне бедных деревень, увиденных им по дороге в Ярославль. Большое впечатление на Кюстина произвела набожность семейства Полторацких, проявившаяся во время посещения Спасо-Преображенского монастыря (79). Последнее обстоятельство отнюдь не случайно: губернатор Полторацкий постоянно оказывал поддержку местной епархии, часто встречался с архиепископом Авраамом и сменившим его в 1837 г. архиепископом Евгением (Казанцевым). В одной из публикаций в ярославской прессе отмечается: «Пользуясь расположением царей, Полторацкий вращался в высших аристократических кругах. Его дом в Москве был одним из самых популярных великосветских салонов. Переехав в Ярославль, губернатор и здесь продолжал вести привычный образ жизни, приобщив местное общество к пышным балам, блестящим приемам, спектаклям и маскарадам... На музыкальных вечерах в губернаторском доме выступал зять Полторацкого – блестящий виолончелист Борис Голицын, друживший с самим Бетховеном. Званные обеды Полторацкого познакомили ярославскую знать с изысками французской кухни, открыв моду на продолжительные и шумные застолья. По свидетельству племянника, везде и всюду Полторацкий «был известен своей щедростью, гостеприимством и роскошью». Даже долги не смущали Полторацкого, если дело касалось престижа. Приоткрыв для Ярославля чертоги высшего света, этот добрый и радушный барин остался в памяти горожан поистине блестящим губернатором (80).

Супруга его увлекалась театром и литературой. За большие заслуги в сфере благотворительности (прежде всего, за свою деятельность в качестве попечительницы различных подобных учреждений) она была удостоена ордена св. Екатерины. По сложившейся традиции она стала почетным членом Ярославского Дома призрения ближнего, где устраивались концерты и спектакли для «благородных особ», жертво-

вавших значительные суммы на нужды заведения. «Покровительствовал» искусству (в том числе местным художникам) и губернатор; неслучайно в настоящее время в его доме (Ярославль, Волжская набережная, д. 23) размещается Ярославский художественный музей (81). В 1831, 1843 и 1841 гг. Ярославль посетил Николай I и, в частности, выделил дополнительно 70 тыс. руб. на благоустройство Волжской набережной (которым активно занимался Полторацкий) и укрепление берегов.

В 1842 г. К.М. Полторацкий, пользовавшийся огромным уважением и любовью ярославцев (82), вышел в отставку по состоянию здоровья и уехал в Петербург. Но и после отъезда в столицу он не забывал Ярославскую губернию, посетив Ярославль и Рыбинск в январе 1845 г. (83). Однако главные его усилия вскоре сосредоточились на сельском хозяйстве. В тверском имении Грузины, доставшемся ему в наследство после смерти матери, он значительно расширил хозяйственный комплекс, где были построены скотный двор, конюшни и теплицы; кроме того, рядом с усадьбой на берегу р. Жаленки были сооружены 20 кирпичных домов для крестьян. Создается и система регулярных ключевых прудов (84). Добавим, что после выхода в отставку Полторацкий начинает более активно сотрудничать с ИМОСХ. 15 марта 1858 г. он скончался в Петербурге, где жил в последние годы, и был похоронен на кладбище Свято-Троицкой Сергиевой Приморской пустыни (85). Он вошел в историю России как талантливый администратор и авторитетный, исключительно инициативный помещик-рационализатор.

Отметим, что предприимчивостью отличались и другие представители семейства Марка и Агафоклеи Полторацких. Так, Александр Маркович Полторацкий, оставив службу управляющим Санкт-Петербургского монетного двора, в 1811 г. приобрел в Тамбовской губернии имение Рассказово с 438 душами крестьян и суконную фабрику, которую быстро привел в «образцовое состояние», перестроив и обновив ее. Он проявлял интерес к аграрной рационализации; публиковал статьи в «Земледельческой газете» (86). Петр Маркович Полторацкий был зажиточным полтавским помещиком, прославившимся в 1812 г. организацией производства консервированного бульона для русской армии. А Федор Маркович Полторацкий являлся владельцем винокуренного и сахарного заводов, суконной, бумажной и мебельной фабрик в Курской губернии.

Что же касается Дмитрия и Константина Полторацких, то их многолетняя хозяйственно-просветительская деятельность основывалась, прежде всего, *на идее общенациональной хозяйственной, духовной и социокультурной преемственности*. Это озна-

чает, что для них, глубоко осознававших всю значимость аграрных новаций, тем не менее было очевидно: *новшества должны органично соединяться с традициями*; более того, – *являться их основой*, а конечные результаты как рационализации, так и других социальных начинаний в сельской и городской среде необходимо использовать *в интересах всего общества*. Всей своей жизнью, глубоко проникнутой патриотическими идеями служения Отечеству, они доказали верность этого важного социокультурного вывода, сохранившего значимость и в условиях современной России (87).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Из дворянок, успешно занимавшихся хозяйством, в конце XVIII в., можно отметить лишь гр. Е.М. Румянцеву, учредившую шерстяно-шелковую ткацкую фабрику для выработки чулок и ковров, торговавшую недвижимостью и разводившую лошадей. См.: Письма гр. Е.М. Румянцева к ее мужу фельдмаршалу гр. П.А. Румянцеву-Задунайскому. 1762–1779 гг. / изд. гр. Д.А. Толстой. СПб., 1888. Добавим, что и в XIX в. в России было немного женщин, лично занимавшихся вопросами хозяйственного управления. (См.: Ульянова Г.Н. Женщины – владелицы промышленных предприятий Москвы в XIX в. // Экономическая история. Ежегодник. М., 2008. С. 32-58; Marrese M.L. A Woman's Kingdom: Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700–1861. Ithaca; London, 2002).
2. Усадьба Полторацких в Грузинах. URL: <http://deni-spiri.livejournal.com/30145.html> (дата обр.: 8.06.2017). О другом ее хозяйстве – мызе Оккервиль (Санкт-Петербургская губ.), приобретенной в 1791 г. с д. Облуповскою, Малиновскою, Косою горою и Новою, см.: Неменчинская Е. Уткина дача // Артосфера. Перспективы развития и инновации Альманах, посвященный проблемам искусства и художественного образования. СПб., 2014. С. 98-105; Это было дачей Полторацкой. URL: <http://nashenasledie.livejournal.com/1627150.html> (дата обр.: 10.06.2017); Колосова Ю.Л. Уткина дача. Биография одного поместья. Усадьба, больница, музей // Современные проблемы истории и теории архитектуры: сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2019. С. 32-38; Столбова Н.П. Охтинские усадьбы: проблема авторства // Клио. 2020. № 3 (159). С. 126-130.
3. Добавим, что среди ее внучек были «пушкинские музы» А.П. Керн и А.А. Оленина.
4. Кичеев П.И. Салтычиха // РА. 1865. Кн. 2. С. 247–256.
5. Она пожертвовала значительные денежные средства на церкви и церковные училища, в том числе построив в с. Красном точную копию Чесменской церкви и на свои деньги возведя новый собор в Старице.
6. См. также: Романов Н.М. Знаменитые россияне XVIII–XIX вв. Биографии и портреты. СПб., 1995. С. 230-236.
7. См. также: Семенова Н. Агафокля. Железная леди, живая душа // Тверская жизнь. Тверь, 2013. 23 мая. С. 4; Лаврентьева Е.В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской эпохи. Этикет. М., 2007. С. 56-57; Третьякова Л. Дамы и господа. М., 2008.
8. См. также: Гирина К.А. Жизнь и творчество Марка Федоровича Полторацкого // [Межкультурное взаимодействие в современном музыкально-образовательном пространстве](#). Химки, 2019. № 16. С. 99-104.
9. Исключение составляет лишь работа, опубликованная членами Московского общества сельского хозяйства: [Полторацкий Д.М.] Проект учреждения Экспериментальной фермы // Юбилейный сб., изд. Московскою земледельческою школою в память ее 75-летия 15 августа 1897 г. / Под ред. А.П. Перепелкина. М., 1897. Прил. 2.
10. Зельницкий. Успехи земледелия по Калужской губернии // Урания. 1804. Вторая четверть. Калуга, 1804.

11. Мин Е. Описание Авчурино хозяйства, устроенного Д.М. Полторацким // Земледельческий журнал. 1829. № XXVI. С. 209-246.
12. [Советов А.В.] О разведении кормовых трав. Рассуждение, написанное для получения степени магистра сельского хозяйства и лесоводства агрономом А. Советовым. М., 1859.
13. Маслов С.А. Историческое обозрение действий и трудов Императорского Московского общества сельского хозяйства со времени его основания до 1846 года. 2-е изд. М., 1848. С. 9, 13, 15, 16, 23, 30, 39, 74, 135, 138; Прил. С. 132, 139, 254, 266; Дмитрий Маркович Полторацкий // Юбилейный сб., изд. Московской земледельческой школой. Прил. 3.
14. Вернер К.А. Текст к собранию портретов Московского общества сельского хозяйства (Материалы к истории развития систем полеводства в России) // Вестник сельского хозяйства. М., 1901. № 98.
15. Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.; Л., 1957. С. 35-36; Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы. М., 1980. С. 148-149; Милов Л.В., Вдовина Л.Н. Культура сельскохозяйственного производства // Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 1. М., 1985. С. 143-144; Бердышев А.П. Дмитрий Маркович Полторацкий // Вестник сельскохозяйственной науки. 1986. № 10. С. 135.
16. См., напр.: Козлов С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). М., 2002. С. 139-140.
17. Козлов С.А. Полторацкий Дмитрий Маркович // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия: В 2 т. / отв. ред. Ю.А. Петров. Т. II. М., 2009. С. 327-328; Гуренок М.К. Экономический эксперимент помещика Д.М. Полторацкого в усадьбе Авчурино Калужской губ. (конец XVIII – первая треть XIX вв.) // Хмелитский сборник. Вып. 3: Русская усадьба на пороге XXI в. Смоленск, 2001. С. 52-68; Пичужкин Н.А. Опыт русских помещиков в совершенствовании системы земледелия (на примере хозяйства Авчурино Д.М. Полторацкого) // Международный научный журнал. М., 2015. № 1. С. 99-105; Зайцев Г.С. Опыт передовых русских помещиков на пути интенсификации феодального хозяйства // Наука без границ. М., 2016. № 4. С. 32-36.
18. Мин Е. Указ. соч. С. 211-214, 216.
19. Олейников Д.И. «Что ищет он в стране далекой?» (Запад в восприятии западников сороковых годов) // В раздумьях о России (XIX в.) / отв. ред. Е.Л. Рудницкая. М., 1996. С. 220.
20. Э.Р. [Эрнст Рудольф]. Размышления о сельских хозяевах и сельском хозяйстве // ЗГ. СПб., 1856. № 53 (3 июля). С. 210.
21. Шатилов Н.И. Из недавнего прошлого // Голос минувшего. 1916. № 1. Отд. II. Воспоминания. С. 176.
22. [Советов А.В.]. Указ. соч. С. 25.
23. См. об открытии в окрестностях Авчурино «земляного угля»: Месяцеслов исторический и географический на 1794 г. СПб., 1794. С. 3-4.
24. Мин Е. Указ. соч. С. 221-229.
25. См. также: Козлов С.А. Аграрные традиции и новации... С. 214-215.
26. Мин Е. Указ. соч. С. 218, 237 и др.
27. См. также: Мещерякова А.О. Английская мода и русские консерваторы: к истории создания Ф.В. Ростопчиным трактата о плуге и сохе // Е.Р. Дашкова и XVIII в.: традиции и новые подходы: сборник научных статей. М., 2012. С. 278-283; Ее же. Артур Юнг и русские консерваторы: к истории создания Ф.В. Ростопчиным трактата о плуге и сохе // Россия – Великобритания: Пять веков культурных связей: Материалы VI Международного петровского конгресса. СПб., 2015. С. 511-516.
28. См., напр.: Головин В.В. «Плуг и соха» и «Барышня-крестьянка»: аграрный спор на страницах пушкинской повести // Slavic Almanac: The South African Journal for Slavic, Central and Eastern European Studies. 2014. № 2 (20). P. 196-205; его же. Аграрный спор в пушкинской повести: Берестов и Муромский или Пушкин и Ростопчин // Клио. СПб., 2015. № 1 (97). С. 161-164; Долгих А.Н. «Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный...»: А.С. Пушкин и проблема

- крепостного права в России // VII Бартеневские чтения: материалы Международной научной конференции. Липецк, 6 октября 2016 г. / отв. ред.: А.Н. Долгих, И.А. Шевченко. Липецк, 2016. С. 94-106; Петриков А.В. Члены Московского общества сельского хозяйства из окружения А.С. Пушкина. URL: <https://kvedomosti.ru/news/chleny-moskovskogo-obshhestva-selskogo-hozyajstva-iz-okruzheniya-a-s-pushkina.html> (дата обр.: 18.08.2020).
29. О «неподкупной честности», «искренности характера» и «острословии» как ведущих (по оценкам современников) личностных особенностях Ф.В. Ростопчина см.: Федорченко В.И. Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий. Т. 2. Красноярск, 2003. С. 328-329. На наш взгляд, они проявились и в истории его отношений с Полторацким.
30. Воспоминания А.Я. Булгакова о 1812 годе и вечерних беседах у гр. Ф.В. Ростопчина. СПб., 1904. С. 14. Об одном из примеров шуточных розыгрышей, который затрагивал «англинские порядки», установленные Д.М. Полторацким в имении Авчурино, см.: Там же. С. 21.
31. См. также: Мещерякова А.О. Ф.В. Ростопчин: у основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007; Минаков А.Ю. Социально-экономические взгляды русских консерваторов первой трети XIX в. // РИ. 2010. № 4. С. 154-167; его же. Русская партия в первой четверти XIX в. М., 2013.
32. Цит. по: Усадьба Авчурино и два поколения Полторацких. URL: <http://russkaya-usadba.livejournal.com/237948.html> (дата обр.: 13.06.2017).
33. Горностаев М.В. Государственная и общественная деятельность Ф.В. Ростопчина в 1796–1825 гг.: дис... канд. ист. н. М., 2003. С. 186.
34. См.: Мин Е. Указ. соч. С. 219-220, 232, 236 и др.
35. [Советов А.В.]. Указ. соч. С. 25. Урожайность в России традиционно выражалась в четвертях, или «самах» (отношение общего сбора хлеба к количеству посеянных семян).
36. См.: Зубарев Ю.Н., Елисеев С.Л. История и методология научной агрономии. Пермь, 2012. С. 55.
37. [Советов А.В.]. Указ. соч. С. 20, 23-25, 75.
38. Демидов А. Эпитафия (Генеалогическое исследование рода Мин). URL: <http://www.necropol.org/min.html> (дата обр.: 8.06.2017).
39. Цит. по: Ростопчинские письма // РА. 1887. Кн. 1. С. 174.
40. Подробнее см.: Перцев В.Н. Экономическое развитие Англии в XIX в. Минск, 1924. С. 5-26; Лавровский В.М. Исследование по аграрной истории Англии XVII–XIX вв. М., 1966. С. 201-243. См. также: Slicher van Bath. The Agrarian History of Western Europe. London, 1963. P. 239-243; Russel E.Y. A History of Agricultural Science in Great Britain. 1620–1954. London, 1966.
41. Ростопчинские письма. С. 176.
42. См. также: Шевцов В.В. Категории «праздность» и «труд» в контексте модернизации русской культуры XVIII – начала XX в. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. № 2. С. 107-108; Щеголевский В.А. Адам Смит – разрушитель феодальной доктрины общественной иерархии и первые попытки моделирования рыночного общества // Вопросы экономики и права. М., 2011. № 35. С. 63-66; Козлов С.А. Русские люди об англичанах в XIX – начале XX в. М., 2015. С. 42-46.
43. См., напр.: Интересное описание хозяйства Ланского // ЗГ. 1858. №№ 15, 17.
44. См. также: Самборский А.А. Описание практического англинского земледелия, собранное из разных англинских писателей. М., 1781.
45. Лихачев Д.С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982. С. 193. См. здесь также акварель Ш. Ребу «Усадьба Авчурино Полторацких. Калужская губерния. Библиотека»: Русские дворянские усадьбы в изображениях XVIII–XIX вв. Из собрания ГИМ. М., 1997. С. 48. В этом ряду необходимо отметить Н.М. Карамзина, который, работая над «Историей государства Российского», широко пользовался материалами Авчуринской библиотеки, найдя в ней списки летописей XV и XVI вв. Впоследствии книжная коллекция, занимавшая второй этаж главного усадебного здания (почти весь архитектурный ансамбль имения, кроме зданий, построенных В.П. Стасовым, был создан в 1818–1833 гг. итальянским зодчим Л.

Пелли), была приобретена Румянцевским музеем в 1863–1864 гг. (на средства, пожертвованные А.И. Кошелевым) у сына Д.М. Полторацкого – С.Д. Полторацкого. В составе материалов – свыше 22000 т. отечественной литературы XVIII–XIX вв., коллекция первых «Русских ведомостей», ценные библиографические пособия, старопечатные книги, рукописи, гравюры. В 1868 г. С.Д. Полторацкий сам передал музею две собственноручные записки Екатерины II и отрывок также записки Петра I. В настоящее время в ОР РГБ имеется фонд С.Д. Полторацкого. (Иванов О. Важнейшая находка. Что Н.М. Карамзин обнаружил в Хлебниковской библиотеке. URL: <http://his.1september.ru/articlef.php?ID=200602106> (дата обр.: 22.06.2017); Указатель электронных фондов Отдела рукописей. URL: <http://www.rsl.ru/ru/s97/d1302/niorindex> (дата обр.: 13.06.2017). Заметим, что и после кончины аграрника Полторацкие хранили память о его дружбе с Н.М. Карамзиным. Так, в 1866 г. в газете «Московские ведомости» сообщалось: «... в семействе нашего почтенного библиофила С.Д. Полторацкого в его имении Авчурино и в имении его дочери Косьмове (Калужской губернии) совершались поминки по Карамзину и продолжались три дня сряду. В продолжение этих трех дней перед портретом историографа, украшенном зеленью, читались статьи, которые были напечатаны в 1826 г. по поводу его кончины, и некоторые статьи его, между прочим, знаменитое Предисловие к «Истории Государства Российского», которое С.Д. произнес наизусть» (Юбилей Карамзина в семейном кругу // Московские ведомости. 1866. № 266. С. 5).

46. См.: Бороздин А.К. Собр. соч. Т. 2. А.С. Пушкин. Пг., 1914. С. 89; Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. I. М., 1952. С. 507; Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л., 1981. С. 119-242; История предпринимательства в России. Кн. 1. От средневековья до середины XIX в. / Отв. ред. А.В. Семенова. М., 2000. С. 344-353.

47. См.: Плугин В.А. Алехан, или Человек со шрамом: Жизнеописание графа Алексея Орлова-Чесменского. М., 1996; Иванов О.А. Загадка писем Алексея Орлова из Ропши // Московский журнал. 1995. № 9, 11, 12; 1996. № 1-3; Манько А. Рысаки гр. Орлова // Там же. 1999. № 2.

48. Козлов С.А. Самарин Иван Иванович // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.)... Т. I. С. 613; Его же. Аграрные традиции и новации... С. 320-383.

49. «Аграрная техника, – отмечали применительно к России конца XVIII – первой четверти XIX в. немецкие исследователи Штраубе и Цайль, – находилась фактически еще на средневековом уровне». (Straube S., Zeil W. Geschichte Rußlands 1789–1861. Der Feudalismus in der Kriese. Berlin, 1978. S. 15).

50. Об учреждении Императорского Московского общества сельского хозяйства с 1818 по 1820 гг. // Историческая записка об учреждении ИМОСХ и воспоминания о действиях и деятелях общества за истекшее 75-летие с 20-го декабря 1820 г. по 20-е декабря 1895 г. / Сост. А.П. Перепелкин. Ч. I. М., 1895. С. 5. Разд. паг.; ЦГАМ. Отдел хранения документов до 1917 г. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 9-10 об. См. также: Краткий исторический очерк Московской земледельческой школы ИМОСХ со времени учреждения школы 4-го января 1819 г. М., 1895; Козлов С.А. Земледельческая школа Московского общества сельского хозяйства // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия. Т. I. С. 827-828.

51. Цит. по: Основание в Москве общества сельского хозяйства и предварительные его распоряжения с 1818 по 20 декабря 1820 г. // Историческая записка... С. 10.

52. Цит. по: Там же. С. 22.

53. Зеленин Д.К. Русская соха, ее история и виды. Очерки из истории русской земледельческой культуры. Вятка, 1907; Федоров В.А. Земледельческие орудия в Центральной России в первой половине XIX в. // Аграрные технологии в России IX–XX вв. Материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы / Отв. ред. Л.В. Милов. Арзамас, 1999. С. 122-129.

54. В современной научной литературе встречаются различные, порою не вполне объективные оценки как хозяйственных начинаний Полторацкого, так и использования британского аграрного опыта в целом в конце XVIII – начале XIX в. Так, в одной из монографий делается акцент на «сугубо интеллектуальном характере» «моды на британскую агрономию». При этом явно недооценивается рациональная хозяйственная значимость многих аграрных новшеств, которые, зародившись в Великобритании, в дальнейшем получили распространение в России.

(См.: Христофоров И.А. Судьба реформы. Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011. С. 55).

55. Авчурино. URL: <http://www.akra-city.ru/samy-e-znamenitye-usadby-rossi/avchurino.html> (дата обр.: 13.06.2017).

56. Плуг же, которым пахал наследник, хранился ок. 30 лет в Авчурино и в 1866 г. был послан С.Д. Полторацким в дар костромскому крестьянину О.И. Комиссарову, спасшему жизнь Александру II при покушении на него 4 апреля 1866 г. и получившему в награду имение. (Гончаров М. Авчурино. Имение О.Н. и М.Ф. Гончаровых // Столица и усадьба. 1917. № 89-90. С. 26).

57. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: Исторические очерки / Отв. ред. Л.В. Иванова. М., 2001. С. 381.

58. Подробнее см.: Бажаев В.Г. Указ. соч. С. 58-64, 70-75.

59. Цит. по: Зеленин И.Е. Невостребованная наука: аграрная наука и социалистическая практика в конце 20-х – начале 30-х гг. // Аграрные технологии России IX–XX вв. С. 279.

60. Чукарев А.Г., Севрюкова С.В. Полторацкий Константин Маркович // URL: <https://yarwiki.ru/article/895/poltorackij-konstantin-markovich> (дата обр.: 24.07.2020); Шиханов А. ЯРСТАРОСТИ: Губернатор Константин Полторацкий – слуга царю, отец солдатам. URL: <https://yarnovosti.com/news/YaRSTAROSTI-Gubernator-Konstantin-Poltorackiy-sluga-saryu-otec-soldatam/> (дата обр.: 24.07.2020); Александрова М. Губернатор Полторацкий – светский лев Ярославля [2012]. URL: <http://www.yar.rodgor.ru/gazeta/217/history/3565/> (дата обр.: 26.07.2020).

61. Эйдельман Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. М., 1986. С. 177, 263, 269, 270, 313-338.

62. Что же касается собственно его боевой службы, то она выглядит весьма достойно. Он принимал участие во всех русских военных кампаниях начала XIX в. В его формуляре отмечалось: «В походах был: 1805 г., в границах австрийского владения, ноября 20, при Аустерлице, в сражениях против французских войск находился и за отличие награжден орденом Св. Анны 4 кл.; 1807 г., в границах прусского владения: мая 24 и 25, при Гутштадте, 29 – при Гейльсберге в резервах, июня 2, при Фридланде, за который награжден орденом Св. Владимира 4 ст.; в Молдавии и Валахии, в сражениях против турецких войск: 1810 г., августа 26, при Батине; 1811 г., января 31, при штурме Ловчи, награжден золотой шпагой, с надписью «за храбрость», того же года, с 1 июня по 1 ноября, в Сербии и за р. Дунаем командовал отрядом и находился в сражении, октября 11, при с. Громаде, за что награжден орденом Св. Владимира 3 ст.; 1812 г., в российских пределах, находился в сражении против саксонских войск, июля 31, при Городечне и награжден орденом Св. Георгия 4 ст.; ноября 16, под г. Борисовом при с. Стахове в сражении с французскими войсками, а с того времени в преследовании неприятеля до границ; 1813 г., за границу, в княжестве Варшавском; марта с 20, при блокаде кр. Торна и при взятии ее, апреля 3, был награжден орденом Св. Анны 2 кл., алмазами украшенным, а потом в Пруссии, Силезии и Саксонии: мая 7, при м. Кенигсварте за отличие произведен в генерал-майоры; 8 и 9 – при г. Бауцене; августа 11, при м. Гольдберге; 14 – при с. Стонец; октября 4, 5, 6 и 7, под г. Лейпцигом, награжден орденом Св. Анны 1 кл., прусским Красного Орла 2 ст. и шведским Военного меча; с 8 ноября, участвовал в преследовании неприятеля; 1814 г., во Франции, в сражении против французских войск: января 17, при м. Бриенн-Лешато, 20 – при с. Ларотьере, пожалован королем прусским орденом «За за»

- слуги», 29 – при Шампобере, где был взят неприятелем в плен, а по возвращении был в походе обратно до княжества Варшавского, где 1815 г., апреля по 12, находился, и с того числа в поход во французские владения до кр. Авень, где 1817 г., июня по 12, был и оттуда Францией до г. Калэ, где посажен 21 – на эскадру вице-адмирала Кроуна и следовал через Немецкое и Балтийское моря до г. Кронштадта, по 2 июля». (Формулярный список за 1828 г. (Книга формулярных списков № 631). URL: https://runivers.ru/doc/patriotic_war/1813/participants/detail.php?ID=436269 (дата обр.: 24.07.2020).
63. Михайловский-Данилевский А. Описание похода во Францию в 1814 г. Ч. 1. СПб., 1836. С. 170-173.
64. Завещание А.А. Полторацкой // Пушкин и Торжок. Тверь, 2002. С. 101-102.
65. Ильин П.В. Незамеченные участники Союза благоденствия: генерал-майор К.М. Полторацкий и полковник Башмаков // Воронцовы – два века в истории России. Труды Воронцовского общества. СПб., 2007. С. 70-82.
66. 18 августа 1818 г. в Павловске он женился на Софье Борисовне Голицыной (1795–1871), дочери генерал-лейтенанта князя Б.А. Голицына; фрейлине Высочайшего Двора, за которой получил в приданое более 1000 душ крепостных в Козельском и Новоторжском уездах. В 1820 г. у супругов родился сын Борис, в дальнейшем – ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка, умерший неженатым в 1850 г. (Полторацкий Константин Маркович. URL: http://famous-birthdays.ru/data/30_maya/poltoratzkij_konstantin_markovich.html (дата обр.: 24.07.2020); Русские портреты XVIII и XIX вв.: Изд. вел. кн. Николая Михайловича Романова: В 5 т. Т. 4. М., 2000. С. 450-453).
67. Частные известия // ЯГВ. 1835. Неофиц. часть. № 41. 11 октября.
68. С тверскими родственниками К.М. Полторацкий поддерживал тесные отношения: Антонова Н.М. Марк Федорович Полторацкий // Пушкин и Торжок. С. 1; Ее же. Агафокля Полторацкая // Там же. С. 94-95. См. также: Кашкова В.Ф. Рядом и далеко. Тверские этюды о Пушкине. Кн. 2. Тверь, 2008; Пушкин и Тверской край. URL: https://vk.com/@firovo_biblioteka-pushkin-i-tverskoi-krai (дата обр.: 28.07.2020). В настоящее время усадьба Грузины в Торжокском р-не Тверской обл. (в бывшем имении сохранились усадебный дом, служебный корпус, кузница, погреб, пейзажный парк, пруды, валунный мост, каменные дома для крестьян) входит в туристическое «Пушкинское кольцо Верхневолжья». См. также: Сысоев В.И. Тверские усадьбы Полторацких // Род и семья в контексте тверской истории: сб. науч. ст.. Вып. 2 / Отв. ред.: Т.И. Любина, В.В. Чижова. Тверь, 2006. С. 102-132.
69. С 1938 г. в этом здании размещается наземный вестибюль станции Московского метрополитена «Театральная» (Доходный дом К.М. Полторацкого. URL: <https://laudatours.ru/dostoprimechatelnosti/doma/poltorackogo/> (дата обр.: 25.07.2020)).
70. Дементьева В.В. «Губернские ведомости» Верхнего Поволжья 1831–1861 гг. как источник по социально-экономической истории России: дис. ... канд. ист. н. М., 1985; ее же. Из истории возникновения «Ярославских губернских ведомостей» // Советские архивы. 1981. № 6. С. 43.
71. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 2915. Л. 4; Циркулярное предписание всем Градским и Земским Полициям Ярославской Губернии // ЯГВ. 1834. Неофиц. часть. № 33. 17 августа. С. 659; Ярославль // То же. 1852. Неофиц. часть. № 29. 19 июля (о пяти пожарах в Ярославском уезде в течение двух месяцев).
72. См.: О кормлении скота древесными листьями // ЯГВ. 1840. Офиц. часть. № 38. 20 сентября; Нелюбин А., академик. Краткие замечания о винокурении // Там же. Неофиц. часть.
73. ГАЯО. Ф. 623 (Ярославское общество сельского хозяйства). Оп. 1. Д. 1. Л. 51, 52 об.; Об открытии Ярославского общества сельского хозяйства. Б. м., б. г. С. 3. См. также: Иконников В.С. Граф Н.С. Мордвинов. СПб., 1873. С. 514; Козлов С.А. Ярославское общество сельского хозяйства // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): энциклопедия. Т. II. М., 2009. С. 1281-1283
74. См.: Об открытии при Ярославском Обществе Сельского Хозяйства Комитета льняной промышленности // ЯГВ. 1852. Офиц. часть. № 29. 19 июля. См. также: Козлов С.А. Карнович

- Ефим Степанович // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия. Т. I. С. 949-950; Марасанова В.М. «Капиталисты» крестьяне села Вятское и Ярославской губернии в XIX – начале XX в. // «Птицы возвращаются к гнездовьям». IV Встреча потомков предпринимателей и духовенства (с. Вятское Ярославской обл., 20-23 сент. 2019 г.). Сб. докладов и материалов / Сост. и ред. О.А. Давыдова; авт. проекта Н.Ю. Мальцева. Яр., 2020. С. 23.
75. См.: Зиновьев А. Ярославль, 11 мая 1837 г. // ЯГВ. 1837. Неофиц. часть. № 20. 14 мая; О пребывании Е.И.В. Государя Цесаревича Наследника и Великого Князя Александра Николаевича в Ярославле // Там же. 1837. Неофиц. часть. № 21. 21 мая.
76. О изъявлении благодарности // ЯГВ. 1831. Офиц. часть. № 42. 18 декабря; Лествицын В. О поземельном кредите в Ярославской губернии // Там же. 1857. Неофиц. часть. № 19. 11 мая; Вопросы социально-экономической истории Ярославского края (XVIII–XX вв.): Отчет о НИР. Руководитель В.С. Флеров // Архив ЯрГУ.
- Фонд документов для служебного пользования. Инв. № Б 937973, № ГР 74062701. Яр., 1981. С. 6-7. См. также: Шаматонова Л.Л. Хозяйство помещичьих крестьян Ярославской губернии первой половины XIX в.: дис. ... канд. ист. н. Яр., 1985.
77. Цит. по: Корсаков Г.И. Село Прозорово. К 200-летию Троице-Михайловского храма. URL: <https://mymologa.ru/articles/44-selo-prozorovo-k-200-letiyu-troice-mihaylovskogo-hrama.html> (дата обр.: 29.07.2020).
78. Примечательно, что действия Полторацкого как губернатора отнюдь не ограничивались границами Ярославской губернии. Например, в 1835 г. он отдает «местным начальствам» поручение о поиске добровольцев-мастеров для строительства каменных зданий в Томской губернии. (О вызове желающих на подряды, поставки и проч. // ЯГВ. 1835. Неофиц. часть. № 4. 25 октября).
79. Маркиз де Кюстин. Николаевская Россия. 1839 г. М., 1930. С. 235-238.
80. Александрова М. Указ. соч.
81. Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. В 2 т. Т. 1. СПб., 1886. С. 160. См. также: Серова И.А. *Ярославль дворянский. Мир губернаторской усадьбы и его отражение в жизни благородного общества*. Яр., 2011.
82. Так, в знак глубокой благодарности губернатору жители Ярославля организовали сбор денег и подарили церкви в имении К.М. Полторацкого Грузины иконостас и колокол.
83. ЯГВ. 1845. Неофиц. часть. № 5. 2 февраля.
84. В литературе отмечается: «К 1830 г. относится расцвет хозяйственной деятельности в усадьбе. Она приобретает облик большого предпринимательского хозяйства и уже не является постоянной резиденцией Полторацких. В конце 1850-х гг. Грузины были проданы предпринимателям Молчановым, но во второй половине XIX в. хозяйство становится нерентабельным... В советское время в усадьбе располагался диспансер, дом престарелых, в настоящее время она пустует и разрушается». (Карпова М.В., Рысенкова Е.В. «Гений места»: М.Ф. Полторацкий и его тверские усадьбы // Культурное наследие русской провинции. Материалы Межрегиональной научной конференции. Тверь, 2018. С. 61).
85. Николай Михайлович, великий князь. Петербургский некрополь. Т. 3. СПб., 1912. С. 455.
86. Елютина М. Усадьба Полторацких // Трудовая новь. Тамбов. 2011. № 62 (3 августа). С. 5; Полторацкий А. Замечания по предмету устройства овинов // ЗГ. 1843. № 9 (29 января). С. 65-67.
87. См.: Стомба А.В. Традиция и новация в развитии современного российского общества: авт. дис. ... к. филос. н. Уфа, 2015. С. 13-15; Руженцев С.Е. Соотношение традиций и новаций в идеологии российского общества // Клио. СПб., 2015. № 10 (106). С. 76-81; Козлов С.А., Петриков А.В. и др. «Свободное государственное служение». К 200-летию Московского общества сельского хозяйства // Вестник РАН. 2020. Т. 90. № 5. С. 454-465; Козлов С.А. «Служение интересам всей страны»: Московское общество сельского хозяйства (1820–1930 гг.). В 3 т. Т. III. М.; СПб., 2020. С. 5-182.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАСТЕЙ И ПОВЕДЕНИЕ ОБЩЕСТВА
В УСЛОВИЯХ ЭПИДЕМИЙ В РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX В.**

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект №№18-18-00187 «Стратегии демографического поведения сельского населения юга Центральной России в XX – начале XXI в.»

Не вдаваясь в разъяснение актуальности злободневной темы, мы «стартуем» от ссылки на свои прежние наблюдения о том, что эпидемии холеры и других болезней в Тамбовской губернии вызывались главным образом природно-стихийного факторами, но усиливались или ослаблялись человеческим фактором (1). Вопрос о медицинских мерах – особая тема, которую должны рассматривать медики. Мы видим свою задачу в том, чтобы понять действия административных органов и общества в чрезвычайных эпидемических условиях. В данной статье стоит задача обобщить наши наблюдения, дополнить их новыми фактами и выводами.

Прежде всего, отметим, что в ходе борьбы с различными эпидемиями вплоть до начала XX в. отчетливо проявлялся военно-мобилизационный характер российского общества. В начале XIX в. благодаря такой характеру правительству удалось прекратить эпидемии чумы на общероссийском уровне, отдельные очаги успешно локализовались. Но другие болезни приносили большой ущерб. Так, эпидемия оспы 1804–1810 гг. охватила несколько миллионов чел. (2). Крупные мероприятия по борьбе с оспой начались в 1840-е гг. Оспопрививание в первую очередь проводилось в государственной деревне. Число привитых казенных крестьян первоначально было небольшим. В одной из «пилотных» по проведению реформой П.Д. Киселева Тамбовской губернии оно колебалось от 3,4 до 5% казенных крестьян в год (3). Дело было в недостатке выделяемых государством средств на эти нужды. По подсчетам Н.М. Дружинина, в 1843 г. на здравоохранение в расчете на душу было выделено 0,01 коп. сер. Историк признавал, что в дальнейшем шел рост ассигнований (4). Когда в 1855 г. в России учредили оспенные комитеты, прививки стали охватывать десятки тыс. чел. (5). При этом положение в государственной деревне было лучше, чем в городах, где наблюдался высокий процент смертности от оспы у мещан и купцов, которые не подвергались обязательной процедуре оспопрививания.

Наиболее крупным испытанием для российских властей и общества стали эпидемии холеры, первая из которых вспыхнула в 1829 г. и потом отдельными волнами прокатывалась по Российской империи в 1830–1910-е гг. Имперские власти не сразу оценили опасность нового заболевания, и первые антихолерные мероприятия пришлось принимать местным властям. Саратовский исследователь Д.В. Михель и его коллеги пишут о том, что для России в целом была характерна административная модель борьбы с эпидемиями в ее наиболее жестком, а потому наиболее драматичном варианте (6). Выявленные нами данные не позволяют с этим полностью согласиться. Скорее, нужно говорить о другом. Как утверждает Р.В. Суворин, предупредительные мероприятия против эпидемий в России в первой половине XIX в. носили несистемный характер, часто представляли собой случайный набор (7).

Мы бы добавили недостаточный и несвоевременный характер. Особенности деятельности властей в период первой волны холеры в 1830–1831 гг. типично проявились в Тамбовской губернии, которая оказалась на перекрестке эпидемических потоков с Дона и Поволжья в Центр России. В августе 1830 г. тамбовский губернатор И.С. Миронов получил от управляющего Саратовской губернией о извещение том, что «в Саратове появилась смертельная болезнь холера». Тамбовские власти послали в Саратов двух врачей (8). Далее стали приниматься меры внутри губернии, которые имели традиционный характер: жителям предписывалось не принимать «без ведома начальства» тех, кто приезжает из «холерных» мест; начальству давалось указание «иметь строжайшее наблюдение в их ведомствах за появлением на ком-либо означенной болезни холеры»; начинали создаваться карантинные селения, «где окажется зараза, и никого ни в оное, ни из оногo не выпускать»; на главных дорогах, идущих из Астраханской и Саратовской губерний, создавались заставы или пикетов; в придорожных селениях предполагалось устраивались «шлагбаумы или ворота всегда запертые» при карауле; для подозрительных лиц вводился двухнедельный срок «обсервации» (9).

Продолжением традиционных противоэпидемических мер следует считать и поступившее 5 октября 1830 г. в Тамбовскую губернию предписание министра внутренних дел о порядке захоронения умерших от холеры (10). К числу редких мер, вызвавших одобрение министра внутренних дел, можно отнести инициативу тамбовского губернатора о приостановке рекрутского набора в пораженных холерой уездах в ноябре 1830 г. (11). В конце 1840-х гг. появилось такое новое организационное мероприятие, как введение региональными властями карантина в учебных заведениях (12).

Особо заметим, что Николай I и его окружение в июле 1830 г. еще считали «ненужным употреблять противу сей болезни карантинные меры» в стране в целом. Только в конце августа имперские власти, согласились с такими мерами, которые были предприняты на местах (13). При всей непоследовательности и недостаточности действий властей в борьбе с холерой и другими эпидемиями уже в первой половине XIX в. они начали обобщать ее опыт. В 1830 г. министр внутренних дел А.А. Закревский писал: «Средства сии, конечно, тягостны и, без сомнения, найдутся люди неблагомыслящие, которые бранят меня; но я не уважаю их ропота, заботаюсь единственно о благе общем и об исполнении моего долга, ибо уже на самом деле доказано, что где благоразумные помещики оцепили свои деревни и никого в них не впускали и из оных никому не позволяли отлучаться, так не было ни больных, ни умерших от холеры, хотя та эпидемия в то же время и существовала в соседственных местах» (14). Особенно назовем факт того, что в 1831 г. по предписанию А. А. Закревского Медицинским советом выпущена книга, где описывался первый опыт борьбы с холерой (15).

Но поскольку в первой половине XIX в. большинство мер имперских и местных властей в борьбе с эпидемиями были недостаточно четкими, своевременными, полными, складывались ситуации, когда возникали слухи и другие негативные информационные явления («фейки»). Тамбовский историк XIX в. И.И. Дубасов писал, что первые «зловещие слухи о какой-то неслыханной и губительной болезни, имя которой – холера-морбус», распространились среди жителей Тамбовской губернии в июле 1830 г. (16). Во время холеры в 1831 г. в Петербурге проявилась паника среди местных жителей. П. Каратыгин цитировал современника: «Харчевники и трактирщики кричали, что провизия пропадает, соленого и копченого не едят, заведения пусты. Извозчики жаловались, что полиция заморила лошадей, гоня по улицам и развозя по больницам здоровых. Банщики голосили, что народ не парится, дрова прожигаются даром, другие объявляли, что всякое дело стало» (17). В такой атмосфере в столице распространялись разнообразные «фейки». 16 июня 1831 г. во дворе одного из домов появилась сваха с корзиной близ сарая с хранящейся там водой. Напуганные квартиросъемщики приняли ее за отравительницу. 17 июня приехавший в столицу в поисках работы крестьянин из г. Шацка Тамбовской губернии М. Петров случайно остановился у водовозной бочки. Мгновенно образовавшаяся толпа стала его обыскивать в поисках порошка с ядом и попутно бить. 18 июня один бдительный «обыватель» обратил внимание на человека, что-то засовывающего в карман. Этот человек был объявлен толпой распространителем холеры, его начали бить. Затем толпа «преследовала

его до самого Зимнего Дворца в той надежде, что этот случай будет представлен Государю Императору как открытие отравителя» (18). Недостаточное информирование населения о ходе эпидемий и борьбы с ними возбуждало, но не взрывало население. Взрывное, «бунташное» поведение в обществе зарождалось в результате мероприятий властей по ограничению торговли, как это было в 1830 г. в Тамбове и в 1831 г. в Петербурге.

Проявление возможностей властей и общества середины XIX в. на сельском микроуровне показал в воспоминаниях известный юрист и общественный деятель Н.В. Давыдов, проведший детство в Тамбовской губернии. Он дал характеристику состояния борьбы с эпидемическими заболеваниями в губернии в 1860-е гг. Мемуарист писал о том, что в Моршанском уезде «врачебная помощь населению во время очередной эпидемии холеры, в сущности, вообще не оказывалась правительственными и общественными агентами». Земство тогда только что было введено и не в силах было что-либо предпринять. На весь уезд имелся один земский врач. В имении Давыдовых работал приглашенный студент-медик, который «возясь с заболевающими людьми в Спасском и в ближайшем соседстве, не покладая рук, и даже сам перенес легкий припадок холеры». Важно упоминание Н.В. Давыдова о том, что в помощь студенту и земскому врачу стали оказывать несколько молодых добровольцев-санитаров (19). Мы считаем такие факты предвестниками рационального внимания широкой общественности к борьбе с эпидемиями, что проявилось в деятельности земств и городских самоуправлений, ряда общественных комитетов.

Земства с самого начала деятельности в 1860–1870-е гг. стали уделять внимание санитарным вопросам, добившись к середине 1890-х гг. создания планомерной санитарной организации (20). Одним из главных условий санитарного благополучия давно считалось хорошее водоснабжение. Но конкретные меры по его организации стали проводиться только в пореформенный период. При губернских земских управах создавались гидротехнические отделы, которые занимались обустройством чистых источников водоснабжения. Широкая работа в этом направлении проводилась лишь с начала XX в. Примерно такими же темпами шла аналогичная работа в городах. А.Ю. Ильин, исследуя коммунальное хозяйство средних губернских центров России, показал, что водопровод в Тамбове был создан в 1880-е гг., а в Пензе и Рязани в самом конце XIX – начале XX вв. (21). В целом же земская деятельность по борьбе с эпидемическими заболеваниями, по мнению Б.Б. Веселовского, до середины 1890-х гг. бессистемный характер. Антиэпидемические мероприятия проводились, как правило, «в

пожарном порядке» (22). Не следует забывать о том, что земские и городские меры были поддержкой деятельности государственной власти. Типичным для них можно признать распоряжение Тамбовского губернатора от 1876 г. о проведении врачебно-полицейского осмотра городов губернии. В созданную санитарную комиссию вошли полицейские чиновники, врачи, депутаты от горожан. Комиссия выявила, что дворы большей части городских домовладельцев, трактиры, гостиницы содержались в антисанитарных условиях. Не во всех городах имелись скотобойни. Улицы были завалены навозом, не оборудовались специальные места для мусора. Комиссия распорядилась организовать очистку улиц, базаров, площадей. Дворы, трактиры, скотобойни приводились в порядок. Виновные штрафовались. Санитарная комиссия выработала общие правила гигиены для городов. Их передали уездным исправникам и городским головам (23). В ряде случаев полномочий «пореформенных» губернских властей для проведения того или иного «противохолерного» мероприятия не хватало. Так, в 1871 г. тамбовский губернатор Н.М. Гартинг уведомил липецкого городского голову И.П. Пономарева о необходимости отменить проведение Успенской ярмарки в условиях холеры. Губернский холерный комитет сообщил Липецкой земской управе «о принятии мер для предупреждения могущих быть от съезда на ярмарку вредных последствий по случаю существующей в Липецком уезде холеры». Но решение могла принимать только земская управа (24).

Вплоть до начала XX в. санитарная обстановка улучшалась медленно. В отчетах тамбовского часто она оценивалась, как неудовлетворительная. Сказывалось отсутствие законодательных норм на государственном уровне, позволявших губернаторам издавать обязательные постановления по санитарной части. Тамбовский губернатор В.Ф. Лауниц в 1903 г. не раз обращался к императору с предложением о предоставлении губернской власти права издавать свои постановления с взысканием крупных штрафов за неисполнение санитарных предписаний. Штрафы существовали, но они были незначительны, многие состоятельные люди предпочитали их заплатить и не затруднять себя исполнением санитарных мероприятий. Примером деятельности общественных органов, создававшихся для борьбы с эпидемиями, могут служить решения Тамбовского губернского комитета общественного здоровья в январе 1879 г. по вопросу о предупреждении заноса холеры из Астраханской губернии: поделить города на участки с попечителями из местных жителей; санитарным комиссиям проводить осмотр казарм, школ, больниц, тюрем, общежитий, бань, постоянных дворов, трактиров, гостиниц, питейных заведений, домов терпимости, рабочих артелей, заводов,

скотобоен, салотопен, торговых лавок, хлебопекарен, монастырей; предохранять реки от сброса нечистот; фиксировать недостатки в содержании частных домов, подвалов, источников водоснабжения, мест, куда собирались отходы, кладбищ, железнодорожных станций. После появления широкой сети железных дорог возник вопрос о предотвращении распространения эпидемических заболеваний через железную сеть. Так, Управляющий Моршанско-Сызранской железной дорогой в 1879 г. издал приказ с приложением подробных санитарных правил «О порядке содержания железнодорожных станций». Подобные приказы с правилами издавались и на других дорогах. Тамбовский губернский врачебный инспектор при осмотре станций на территории губернии отметил особую небрежность содержания станции Грязи (25).

Говоря об отношении общества к мероприятиям в борьбе с эпидемиями отметим, что протестное движение против них в 1840–1880-е гг. принимало сдержанные формы. Тем не менее, и такие настроения населения вызывали обеспокоенность местных властей. В журнале Тамбовского губернского холерного комитета от 7 ноября 1847 г. записано: «Губернский комитет долгом считает объяснить, что затруднения в получении тех сведений (о числе заболевших холерой. – *В.К.*) встречены были на опыте не в способе осведомлений, а в самом духе жителей Тамбова, в которых осталось предубеждение против распоряжений Начальства еще с 1830 г., когда меры Правительства были встречены явным сопротивлением народа. Это предубеждение столь еще сильно, что жители при появлении в настоящее время эпидемии, несмотря на самые кроткие внушения и предостережения, вначале с упорством отвергали все пособия и тщательно скрывали больных не только от полицейских чиновников, но и от самих сограждан своих, которые в качестве помощников попечителей обязаны были наведываться в домах своих кварталов» (26).

Случаев проявления «буйного» народного недовольства в периоды холерных эпидемий 1847–1848 и 1871 гг. зафиксировано относительно немного. Заметных протестных выступлений россиян в связи другими эпидемическими вспышками до 1890-х гг. вообще не зафиксировано (27). Однако в условиях холеры 1892 г. произошла крупная вспышка народного негодования, еще раз охватившая несколько губерний и крупных городов. В свое время главной причиной этой вспышки мы назвали то, что власти в своей практике борьбы с холерой вернулись отчасти к «ограничительным» методам 1830–1831 гг.: повсеместное возведение «холерных барачков» с принудительным помещением туда больных; ограничение свободы передвижения путем частичного возвращения к отвергнутой в 1831 г. «карантинной» практике; ограничение тор-

говли путем недопущения на базары торговцев без медицинских свидетельств (28). Сейчас мы видим, что причины подобных протестов, не только против жестких анти-эпидемических мер, лежали глубже, в назревании общего кризиса традиционного российского общества, в назревании аграрной революции, а далее и общенационального революционного взрыва. Одну из наиболее точных оценок «холерных бунтов» в 1892 г. дал главный редактор «Вестника Европы»: «глубокое невежество крестьянской массы» усложнялось «столь же глубоким недоверием ее к *господам*, к помещикам» (29). Случаи противодействия населения противоэпидемическим мерам властей и насилия по отношению к медикам наблюдались и в начале XX в. Так, во время холерной эпидемии 1910 г. в с. Бондари Тамбовской губернии толпа избивала фельдшера, а врача А.И. Иванова заставили пить лекарства (30).

Заключая, согласимся с Е.В. Яковлевым, утверждавшим, что «шквал эпидемий» конца XIX – начала XX в. уже существенно не влиял на демографическую ситуацию в Тамбовской губернии (от себя добавим: и в других регионах Европейской России). По его мнению, это было связано с организацией противоэпидемической деятельности в губернии, особенно со становлением земского здравоохранения. Наиболее очевидно это проявилось в том, что показатель смертности от эпидемических заболеваний снизился с 20-30 % в 1860-е гг. до 0,5-1,5 % в начале XX в. (31). Однако военно-революционные события 1910-х гг. выявили «сбои» в, казалось бы, успешно функционирующей системе. В частности, в годы Первой мировой войны тамбовские власти и общественность с трудом справлялись с переносом инфекций солдатами и беженцами (32). Мы уже не говорим о большом размахе эпидемий в годы Гражданской войны, которые требуют специального изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Яковлев Е.В. Влияние чрезвычайных ситуаций на повседневную жизнь населения Тамбовской губернии второй половины XIX – начала XX вв. и деятельность властей и общественности по их предотвращению и преодолению последствий: Автореф. дис... канд. ист.н. Тамбов, 2004; Канищев В.В., Мещеряков Ю.В., Яковлев Е.В. Тамбовский бунт 1830 г. в контексте холерных кризисов в России XIX века. Тамбов, 2009; Суворин Р.В. Влияние стихийных бедствий на повседневную жизнь аграрного общества первой половины XIX в. (по материалам Тамбовской губернии): Автореф. дис...канд. ист. н. Тамбов, 2015.
2. Ермолов А.С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос: В 2 ч. СПб., 1909.
3. Иванова-Малофеева Н.Ю. Реформа государственной деревни в Тамбовской губернии (середина 30-х – середина 50-х гг. XIX в.). Тамбов, 2005. С.156.
4. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева: в 2 т. Т. 2. М., 1958. С. 232.
5. ЖМВД. Ч. 21. № 12. СПб., 1856. С.62-63; Ч. 37. № 7. СПб., 1859. С. 14-15.
6. Михель Д., Михель И., Сиротина И. Медицина против эпидемий в Поволжье: социально-исторический контекст (1890–1925) // Вестник Евразии. М. 2004. № 3. С.113-139.

7. Суворин Р.В. Влияние стихийных бедствий на повседневную жизнь аграрного общества первой половины XIX в. (по материалам Тамбовской губернии): Автореф. дис... канд. ист. наук. Тамбов, 2015. С. 11.
8. ГАТО. Ф. 2. Оп. 52. Д. 5. Л. 1-1 об.
9. Канищев В. В., Мещеряков Ю.В., Яковлев Е. В. Указ. соч. С. 86-87, 92.
10. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 781. Л. 1.
11. Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 759. Л. 1, 14.
12. Там же. Ф.175. Оп.1. Д. 3. Л. 416, 422.
13. Канищев В. В., Мещеряков Ю.В., Яковлев Е. В. Указ. соч. С. 90, 93.
14. Там же. С. 104.
15. Трактат о повально-заразительной болезни холере, бывшей в России в 1830 и 1831 году, сочиненный членами Медицинского совета при Центральной комиссии и рассмотренный Медицинским советом МВД. СПб., 1831. С. 11-12.
16. Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 2006. С. 611.
17. Каратыгин П. Холерный год 1830–1831. СПб., 1887. С. 51-55.
18. Санктпетербургские ведомости. 1848. 22 июня.
19. Давыдов Н.В. Из помещичьей жизни 40–50 х. годов // Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы. М., 1916. С. 62.
20. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. В 4 т. Т. 1. СПб., 1909. С. 309.
21. Ильин А.Ю. Урбанизация и городское хозяйство: развитие коммунальной инфраструктуры в провинциальных центрах России (XVIII–XX вв.). Тамбов, 2016.
22. Веселовский Б.Б. Указ. соч. Т. 1. С. 322-323, 325, 432.
23. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2697. Л. 88-89 об.
24. Там же. Ф. 175. Оп. 1. Д. 7. Л. 189-190.
25. Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5455. Л. 92 об.-93.
26. Канищев В.В., Мещеряков Ю.В., Яковлев Е.В. Указ. соч. С. 274.
27. Крестьянское движение в России в 1826–1849 гг. М., 1961. С. 809, 811, 812; Рабочее движение в России в XIX в. Т. I. Ч. 2. М. 1955. С. 642.
28. Канищев В.В., Мещеряков Ю.В., Яковлев Е.В. Указ. соч. С. 282.
29. ВЕ. 1892. № 10. С. 888.
30. Яковлев Е.В. Указ. соч. С. 197.
31. Там же. С. 220.
32. Щербинин П.П., Шикунова И.А., Букалова С.В. Влияние военного фактора на санитарно-эпидемическую ситуацию в Тамбовской губернии в XIX – начала XX в. // Тамбов в прошлом, настоящем и будущем. Тамбов, 2020. С. 111-115.

А.В. Буганов

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ РУССКИХ КРЕСТЬЯН

Историческая память как основа самосознания личности и общности представляет собой, прежде всего, символическую репрезентацию прошлого. Люди обращаются к истории, оценивают ее героев, так или иначе переосмысливая услышанное, увиденное и пережитое. На формирование коллективных представлений о прошлом несомненное влияние оказывают вновь приобретенные, в том числе и книжные знания, воздействующая господствующая идеология, политическая конъюнктура, массовые стереотипы и т.д. В результате практически любой исторический факт искажает ре-

альность, являясь ее субъективной интерпретацией. В исторических взглядах русских отражены их представления о самих себе как о едином народе. Идея об общности прошлого являлась основой формирования памяти этноса и во многом определяла его самосознание.

При изучении национального самосознания русского народа невозможно обойтись без обращения к историческим воззрениям крестьян, которые были не только большинством населения, но и основным хранителем этнических традиций. Народные воззрения описаны, отмечены, зафиксированы в самых различных материалах – различных жанрах исторического фольклора, ранней лубочной литературе, ответах на программы научных обществ XIX–XX столетий, дневниках, путевых заметках, жизнеописаниях крестьян и т.д. На основе комплексного анализа упомянутых источников можно судить о состоянии исторической памяти и о тесно связанных с ней формах русского самосознания. Данный подход позволит не только приблизиться к пониманию специфики и особенностей народной версии отечественного прошлого, но и определить, каким образом русские люди себя идентифицировали. Одна из исследовательских задач состоит в выявлении соотношения в народной памяти реальных, достоверных исторических фактов и их подчас совершенно мифологического истолкования.

Механизм формирования исторических представлений в XIX в. значительно усложнился по сравнению с более ранними эпохами. Устная традиция перестает быть фактически единственным источником исторической информации. В деревню проникают книги, печатная литература (поступление книжной информации небольшим процентом грамотных не исчерпывалось; в крестьянской среде широко бытовало чтение вслух). Обучение чтению, растущая грамотность изменяли образ мыслей крестьянина. Границы между замкнутой деревней и образованным обществом размывались. Подъем национального чувства в результате победы в Отечественной войне 1812 г., расширение социального кругозора крестьянства формировали понимание прав и свобод, выходящее за рамки привычных представлений. Прямым следствием перечисленных факторов стал более критический подход к событиям и лицам отечественной истории. Современные крестьянам цари, полководцы, другие выдающиеся личности стали восприниматься более реалистично, проигрывая в сравнении с героями славного прошлого. Безусловно, сказалась здесь характерная в целом для народного сознания склонность при сопоставлении поколений отдавать предпочтение предшественникам (1).

С состоянием исторической памяти связано огромное количество противоречивых мифов о собственной истории, которыми окружена Россия. Возможно, ни один народ в мире так по-разному не оценивается, как русский. Почему эти мифы создаются и так долго бытуют? Конечно, играет свою роль недостаточное знание большинством населения своего исторического прошлого. Но важнее все-таки другое. В русской истории огромную роль играли различного рода «теории», идеология, тенденциозное освещение настоящего и прошлого. Ведь для осуществления тех или иных преобразований (в данном случае не столь важно, революция это или реформа) необходимо создать совершенно искаженные представления о предшествующей истории. Раз нужна новая культура, значит, старая никуда не годилась. Для движения вперед и сближения с Европой Петр I и его окружение создали миф о России косной, малоподвижной, отгороженной от передовых стран. В результате вся семивековая русская история была отвергнута и оклеветана. Многим нашим сегодняшним неверным историческим представлениям мы во многом обязаны «сознательным» мифотворцам – разного рода преобразователям и, прежде всего, большевикам, менее всего церемонившимся с людьми, их чувствами и памятью.

Вместе с тем несомненно также и то, что всем народам (особенно на что-то в истории претендующим) необходимы собственные героические мифы. Речь не идет о том, чтобы сознательно и целенаправленно творить эти мифы. Но необходимо учитывать, что героические мифы поддерживают пассионарный дух нации, помогают ей жить дальше. Важнейшие культурные мифы входят в комплекс народных исторических представлений и выполняют роль тех опорных ментальных конструкций, которые позволяют сохраняться традиционному сознанию, адаптируя его к изменяющейся действительности. Строго говоря, мы не знаем доподлинно, благословил ли в самом деле, Сергей Радонежский Дмитрия Донского перед походом на Куликово поле (2). Но если даже и не было их личной встречи, в мироощущении современников Куликова поля и их потомков прочно утвердилось представление о необходимости церковного благословения в военном деле, убеждение в святости воинского подвига. Культурный миф о походе Ермака несколько веков двигал переселенцев в суровые сибирские края. Так что в известном смысле и такое великое свершение как присоединение Сибири также опиралось на историческую память. Подчеркну, что в желании иметь позитивный самообраз позиции власти, элиты и обычных граждан едины, что, безусловно, способствует устойчивости памяти о героях, пусть даже и не во всем исторически достоверной. С этой точки зрения особенно показательна, например, трактовка

воинских подвигов А.В. Суворова, практически все свои кампании прошедшего за пределами России (с Турцией – 1787–1791 гг., с Францией – 1799 г.). Войны с турками, хотя и диктовались всецело государственными интересами России выйти к берегу южного моря, в глазах народных масс были борьбой с мусульманами за Православную Россию, носили явный религиозный отпечаток. Не случайно в песнях суворовского цикла военные события изображались очень сжато, в центре внимания оказалась личность православного героя-полководца, а его деятельность в соответствии с логикой народного мышления расширялась до общенациональных масштабов.

Народный подход к отечественной истории по преимуществу позитивен. Для крестьян при реконструкции национальной жизни естественно было опираться на лучшие, выдающиеся примеры и образцы. Этот принцип – ориентация на лучшие образцы – представляется очень важным, тем более что в смутные и переломные эпохи интенсивность трансформационных процессов возрастает, общество нередко бывает дезориентированным, а порой и теряющим основные смыслы национального бытия. Отмечу еще один важный аспект, касающийся взаимосвязи исторической памяти и характера народного мировоззрения. Довольно часто в научной среде (не говоря уже об обыденном сознании) звучат опять-таки довольно неглубокие суждения об якобы «мифологизированности» крестьянского сознания. Точнее следует говорить не о «мифологизированности», а о совершенно естественном для религиозного типа сознания большинства русских признании реальности мистических явлений. Разумеется, подобного рода восприятие мира накладывало свой отпечаток на видение истории и современности. Конечно, сказывались в этом отношении и влияние фольклорной традиции, и недостаточная осведомленность крестьян, а также заинтересованность в решении тех или иных вопросов. Народ, как правило, воспринимал и принимал прежде всего то, что не входило в противоречие с его исторической памятью и основополагающими воззрениями.

Народная трактовка истории определялась не только религиозным характером мышления, но и приводилась в соответствии с социальными ожиданиями и запросами. С точки зрения постоянно волновавшего народ вопроса о воле воспринимали в деревнях многие события общественной и политической жизни, давалась оценка историческим деятелям. Весьма устойчивы были надежды на то, что освобождение от крепостничества станет долгожданной наградой за верную службу Отечеству. Так было в 1812 г., когда взбунтовались 7200 ратников Пензенского ополчения. Среди ополченцев распространился слух о том, что существует за золотой печатью царский

указ, объявлявший волю всем участникам войны, но дворяне указ скрывают. Восставшие требовали привести их к присяге и отправить в действующую армию, что, по их мнению, давало им право на освобождение от крепостной зависимости после войны (3). Постоянно воспроизводимые в народе слухи об освобождении от «крепости» не угасли и после реформы 1861 г. Новая социальная обстановка породила новую волну слухов. Их темой иногда становилась подложность самого манифеста об отмене крепостного права, подлинный текст которого якобы утаили помещики и местная администрация (и прежде, случалось, крестьяне объявляли подложными подлинные царские указы, слишком расходившиеся с их представлениями об обязанности монарха защищать народ от злых чиновников). Затем появились слухи о скором наступлении «слушного часа» – полной воли. В последней четверти XIX в. вместе со стихийными в крестьянской среде появлялись слухи, специально распространявшиеся народническими агитаторами, в частности о переделе земли. Сведения о деятельности народовольцев сообщали односельчанам крестьяне-отходники. Те из них, кто были высланы в деревню по месту жительства за активное участие в стачках петербургских рабочих, нередко становились пропагандистами.

Наряду со вновь поступавшими знаниями и информацией в крестьянской среде продолжали активно бытовать сюжеты, в которых мифологически (и идеологически) переосмысливались вполне достоверные исторические реалии. В воспоминаниях о борьбе различных кандидатур на русский престол в начале XVII в. князь Д.М. Пожарский представал не только как спаситель Отечества (трактовка традиционная и для популярной официозной литературы XIX в., и для крестьянского фольклора), но и как избранник простого люда: «удалого молодца воеводушку» Пожарского выбрали себе солдатушки, молодые ратнички. В одной из песен Дмитрий Пожарский – вопреки историческим фактам – был избран в цари. Подмечено, что уже в 20-х гг. XVII столетия, судя по некоторым крестьянским высказываниям, на князя Пожарского распространялась прерогатива, присущая традиционно в народном сознании именно царю – «смирять воров» (4). Нарушения хронологической последовательности, фактологические неточности были характерными явлениями в исторической памяти народа. Но необходимо отметить, что случались они, в основном, в пределах одной исторической эпохи, касались идеологически и типологически близких фигур. В простонародье наделяли любимых героев лучшими чертами, заимствуя их у других персонажей, приписывали порой не совершенные ими деяния. Анализ исторических взглядов наших соотечественников убеждает, что существенную роль в формировании национального

самосознания сыграли выдающиеся личности отечественной истории. В народном сознании картина прошлого выстраивалась вокруг конкретных исторических лиц: царей, полководцев, народных героев, подвижников благочестия и т.д. Все они в той или иной степени были носителями характерных, типичных черт национального характера. В свою очередь, в отношении к выдающимся личностям довольно четко отражались культурно-исторические ценности и этнические стереотипы, религиозные и нравственные возможности народа.

Обращение к историко-этнографическим источникам XIX–XX вв. – историческому фольклору, ответам на программы научных обществ, мемуарной литературе и др. – с достаточной степенью полноты позволяет выявить круг исторических фигур, сохранившихся в памяти русских. Появляется возможность проанализировать, что же именно в деятельности и характере людей прошлого делало их *историческими личностями*, какие представления о князьях, царях, военачальниках, религиозных подвижниках и др. складывались в самой гуще народа, как эти представления с течением времени менялись. Необходимо подчеркнуть, что сам факт бытования воспоминаний об определенных исторических событиях и личностях служит важнейшим показателем их признания (положительного или отрицательного) в народе. Соответственно установление схожих представлений в различных регионах России свидетельствует о масштабности явления. Популярные герои, выдающиеся личности принадлежали к разным сословиям. Русское сословное деление имело в своем основании мысль об особенном служении каждого сословия. Сословные обязанности в значительной мере мыслились как религиозные, а сами сословия – как разные формы общего для всех христианского дела – спасения души. Поэтому и поступки личностей, и их мотивы, и народная оценка деятельности тех или иных фигур основывались на традиционных христианских воззрениях. Определяющим в оценке исторической личности был православный и патриотический подход. Религиозными и мирскими подвигами прирастали и крепили национальная самобытность, самосознание народа.

При всем разнообразии исторического контекста память о прошлом всегда являлась краеугольным камнем национальной идентичности. Как и многие другие народы, русские предпочитали опираться на яркие позитивные достижения – военные победы, культурные свершения, выдающихся личностей. Селективный характер памяти часто выражался в преимущественном внимании к местной и региональной истории. При этом наибольшая устойчивость исторических знаний наблюдалась в тех случаях, когда местная традиция пролегла в русле общерусской. Сказывались также особен-

ности конфессионального развития отдельных групп, социальные и сословные интересы различных слоев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 10.
2. См.: Кучкин В.А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь. Общество и государство в феодальной России. М., 1990
3. См.: Тарле Е. 1812 г. М., 1959. С. 667; Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 216, 221, 220. Схожие настроения проявились и в советской деревне, особенно послевоенного времени. Следствием политики коллективизации стало возрождение надежд и устремлений социально-утопического характера. Мысль о роспуске колхозов и передаче земли крестьянам не была необычной уже в 30-е годы ..., с нею многие прошли войну, партизаны выходили с нею из лесов – с надеждой, что колхозы вот-вот будут распущены. Публицист А. Стреляный вспоминает, как в детстве слышал у себя в селе от уцелевших фронтовиков, что Сталин обещал это союзникам за помощь в разгроме Гитлера. Слухи разносили по селам нищие и старики-инвалиды. (См. Стреляный А. Последний романтик // Дружба народов. 1988. №11. С. 191).
4. Материалы для истории города Боровска и его уезда. Т. 1. Боровск, 1913. С. 77-78. См.: Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 118.

Г.В. Лаухина

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ВДОВ И СОЛДАТОК В ГУБЕРНИЯХ ЧЕРНОЗЕМНОГО ЦЕНТРА В 60–70-е гг. XIX в.

В последние десятилетия большой интерес вызывают вопросы, касающиеся изучение положения отдельных социальных групп Российской империи в период модернизации. Действительно, наиболее интересно проследить изменения, происходившие в период перехода от традиционного общества к индустриальному. Данные трансформации затронули и крестьянство – наиболее консервативный, по общепринятому мнению, слой общества. В связи с модернизационными процессами, возникает вопрос о том, как менялась жизнь русских крестьянок и, в частности, самой уязвимой в их составе группы – вдов и солдаток. По словам исследователя XIX в., «положение женщины, нравственное и материальное, находится в связи с развитием того общества, среди которого она живет. Права и обязанности женщины в данную эпоху в известной стране, ее роль в обществе, дают верное изображение нравственного, умственного и экономического состояния самого общества» (1). Историк П.П. Щербинин исследовал влияние военного фактора на жизнь русских крестьян в указанный период (2). Действительно, в 60–70-е гг. XIX в. велись войны, продолжались рекрутские на-

боры, замененные в 1874 г. на всесловную воинскую повинность. Все это оказывало мощнейшее воздействие на положение жен и вдов солдат.

В.И. Даль определил значение слова «вдова (вдовка, вдовина, вдовица, вдовушка, вдовинка, вдовинушка, вдовиночка, вдовонька) – жена, живущая по смерти мужа безбрачно», а солдатку как «жену солдата, рядового воина» (3). Очевидна разница в положении женщин этих двух категорий. Солдатка являлась женщиной замужней, а вдова – одинокой. Однако обе эти категории роднит то, что они без помощи мужей должны были осуществлять воспитание детей, ведение хозяйства и др. Об этом пишет П.П. Щербинин: «женщинам-солдаткам приходилось самостоятельно решать возникающие проблемы, улаживать правовые и социальные противоречия, выживать в условиях традиционно негативного и подозрительного отношения к статусу солдатки». Несмотря на общий признак, сближавший две категории крестьянок – вдов и солдаток, исследователь пишет, что «судьба солдатки считалась хуже даже, чем судьба вдовы – в крестьянской культуре предполагалось, что овдовевшая невестка быстро выйдет замуж вторично, тогда как солдатку ожидало одинокое будущее и неприкаянность» (4).

Стоит отметить, что крестьянские вдовы и солдатки с детьми, как правило, находились на попечении родственников со стороны мужа. Остановимся первоначально на внутрисемейном статусе этих категорий женщин. Общеизвестно, что патриархальное начало было основой традиционной русской семьи. Здесь существовало доминирование старших над младшими, мужчин над женщинами и связано это было не только с традициями, но и физическим превосходством первых над вторыми. Отношения внутри большой крестьянской семьи имели важный признак – иерархичность. Место личности, поведение и обязанности строго регламентировались в зависимости от возраста, пола и других обстоятельств. Внутри женской половины семьи существовала своя иерархия, положение в которой определялось различными факторами. В первую очередь, той социальной ролью, которую выполняла конкретная женщина (мать, дочь, невестка и т. д.), а также ее личными качествами (властность, трудолюбие и др.). Безусловно, положение невестки считалось, как правило, сложным. Она была вынуждена подчиняться матери мужа – большухе, старшим невесткам. Положение же солдатки или вдовы было еще сложнее в связи с тем обстоятельством, что отсутствие супруга делало ее более незащищенной по сравнению с теми женщинами в семье, чьи мужья находились дома и работали в хозяйстве.

Выявить особенности правового статуса вдов и солдаток позволяет такой источ-

ник, как записи решений волостных судов. Нами были проанализированы сохранившиеся материалы деятельности нескольких волостных судов, в том числе и Колыбельского волостного суда Раненбургского уезда Рязанской губернии за период с 1866 г. по 1876 г. (5). Женщины часто являлись инициаторами судебных разбирательств. Однако нужно учесть, что далеко не каждая крестьянка решалась вынести на рассмотрение суда свое дело. В суд шла определенная категория крестьянок – решительные, отчаянные, готовые постоять за себя и за своих детей. Часть просительниц являлись вдовами и солдатками. Среди исков Колыбельского волостного суда их было 18,4%. Следует предположить, что их количество было выше, так как по записям дел видно, что другие просительницы, не указанные как вдовы и солдатки, являлись таковыми. Однако, если из содержания дела видно, что истец – вдова или солдатка, нами они были учтены при подсчете (6).

Целая группа дел, рассмотренных в волостных судах, посвящена вопросам о материальном обеспечении вдов и солдаток с их малолетними детьми. В одних случаях речь шла о выделении части земельного надела, в других имущества и материального содержания. Важным обстоятельством, влиявшим на положение солдаток и вдов в большой семье, было наличие детей мужского пола, так как им полагался земельный надел. В таком случае домочадцам было выгодно, чтобы надел оставался за семьей и это предавало определенную ценность женщине с детьми. Сами вдовы и солдатки понимали это и использовали такое положение в своих целях. Три десятины земли выделили волостные судьи солдатке с. Юсова Настасьей Демидовой из общесемейного имущества. Суд определил поделить землю на две равные части со свекром истицы Иваном Демидовым. Ответчик с решением не согласился и обратился в суд уже в качестве истца. Свекор объяснял свое поведение долгами, лежащими на его хозяйстве. Но так как никаких доказательств наличия долгов судьи не обнаружили, то судьи определили: «Вдове ратничихе (солдатке. – Г.Л.) Настасье Глебовой с сыном ее Василием предоставить в пользование из 3 десятин половину, а остальную всю оставить в пользовании свекра ее Бориса Глебова...» (7). В последнем случае судьи учли обстоятельство, что вдова имела сына и именно исходя из этого обстоятельства, ей выделили земельный надел. В этой ситуации крестьянка защищала права сына, так как сама прав на землю не имела. Хуже было тем крестьянкам, у которых росли дочери, и большая семья зачастую пыталась избавиться от «лишних ртов». Исследователь XIX в. И. Харламов отмечал неустойчивость положения этих женщин (8). Однако, нормы обычного права закрепляли обязанность родственников со стороны мужа содержать

вдову или солдатку с детьми. В деятельности волостных судов регулярно появлялись такие дела, которые касались данного вопроса.

Одно из таких типичных дел судьи разбирали в 1873 г. В суд Колыбельской волости на рассмотрение была представлена жалоба вдовы Пелагеи Голенцовой, которая заявила о «невыдаче после смерти первого мужа части малолетней девочки из имущества» деверем Сергеем Голенцовым. Примечательно, что, судя по всему, женщина уже вторично вышла замуж, но деверь имел обязательства по отношению к ее дочери. Сергей Гольцов отказался выделять часть из семейного имущества, а предложил взять племянницу в дом и содержать ее до замужества. Просительница отказалась, и суд постановил из имущества «выдать одну четверть ржи, одну четверть пшеницы, три овцы, из коих две старых, а одну молодую» или 20 руб. деньгами (9).

Подобные дела встречаем и в записях других волостных судов. К примеру, в 1866 г. в Крючковском волостном суде слушали «словесную жалобу вдовы отставной солдатки Аграфены Умрихиной на ее деверя Родиона Умрихина, который «обидел ее в разделе общего имения». Судьи решили, что, так как «солдатка Аграфена Умрихина при разделе полной части не получила, то, основываясь на общем положении и на показаниях посторонних лиц, определяем: из усадьбы предоставить солдатке Аграфене Федоровой Умрихиной передний огород, из скота жеребенка по 4-му году с хомутом, одни ворота, задние колеса, передки с оглоблями и тяжами. О наблюдении за приведением в исполнение дать приказ сельскому старосте села Старокленского». На иждивении деверя Василия Костина была оставлена крестьянка Дарья Костина с тремя дочерьми, так как «Дарья Костина на раздел не соглашается, имея в виду, что если Дарью отделить, то она с тремя дочерьми не может иметь мужского пола работников прокормить себя». Судьи вошли в положение вдовы и не оставили ее с малолетними детьми без помощи (10). Эти дела доказывают, что малолетние дочери после смерти отца имели право на содержание со стороны его семьи и на часть имущества.

Обеспечение вдов и солдаток с детьми осуществлялось и на уровне сельского мира, общины. Достаточно частыми являлись случаи, когда женщинам оставляли земельные наделы их мужей. Так, в Демьяновской волости Воронежской губернии «восьми вдовам, не имевшим никаких средств к жизни, даровые полунаделы были даны», – писал Н.М. Астырев (11). В Борисоглебском уезде Тамбовской губернии в случае смерти домохозяина «мир оставляет за ней лишь одну душу (душевой надел. – Г.Л.) и в редких случаях две, а остальную землю, которой владел домохозяин, отбирает». В д. Бурьяново Николо-Кабаньевской волости «одной вдове, оставшейся

после смерти мужа с малолетними сиротами, мир давал бесплатно по полдесятины в каждом поле. Теперь, когда дети подросли, мир потребовал с означенной вдовы уплаты на будущее время податей». В д. Михайловское той же волости вдовы выплачивали подати наравне со всеми, но при этом «миром производится запашка, посев и уборка хлеба». Данные случаи были зафиксированы земскими статистиками. Община помогала вдовам материально. В с. Туголуково «трем вдовам, по разрешению мира, выдается на пропитание хлеб из общественного магазина», в деревне Петухово «вдовам, оставшимся с одними девочками, отдают временно мужнин надел, но при этом вдова сама должна уплачивать все лежащие на ней подати» (12). Приведенные примеры показывают, что в каждой общине вопросы помощи вдовам решались индивидуально, но в помощи этим женщинам мир не отказывал. Но при этом вдовы землю получали временно. Наделение их землей на общих основаниях не производилось.

Оставшиеся без мужа крестьянки-вдовы получали право распоряжения имуществом их малолетних детей, а при условии наличия сыновей, и земель. Одинокие хозяйки прибегали к найму работников-мужчин. Иногда им требовалась защита в волостном суде. Крестьянка с. Юсова Крючковской волости Степанида Холяпина наняла работника Петра Крастелева на 7 месяцев (с апреля по октябрь 1866 г.), т.е. на время активных сельскохозяйственных работ, но тот договор не выполнил. Судьи определили: «С крестьянина Семена Петрова (отца работника. – Г. Л.) так как работник Петр Крастелев прожил у Холяпиной с начала весны здоровый 1 месяц и больным 1 месяц, и в этот месяц кроме убытка Холяпиной произойти ничего не могло; и как по выздоровлении ушел в самую рабочую пору, то, не лишая его уплаты за прожитое время здоровым за 1 месяц, по расчету на 7 месяцев договорной суммы 3 руб. 20 коп. сер. оставить ему в уплату, а перебранные Крастелевым 8 руб. 15 коп. сер. с него взыскать...». В другом случае вдова Прасковья Быковская сама стала арендатором земли. Она наняла в 1866 г. 2 дес. в яровом поле за 9 руб. 50 коп. Правда, как видно из материалов дела, убрать овес ей не позволили, и лишь вмешательство суда позволило «посеянный крестьянкой Быковской овес предоставить убрать ей, Быковской» (13).

Приведенные примеры были типичными и свидетельствовали о том, что в условиях развития рыночных отношений от крестьянок, особенно одиноких, требовались такие качества, как самостоятельность и предприимчивость в делах. Положение одиноких женщин в крестьянской среде было достаточно сложным в силу от-

сутствия мужа – главного работника и защитника. Оказание помощи вдовам и солдаткам было возложено на семьи их мужей, а также на общину. Они могли рассчитывать на денежное содержание, выделение части имущества, а при наличии детей мужского пола, и на часть земельного надела. Крестьянский мир с сочувствием относился к таким женщинам и оказывал им посильную помощь. Вдовы, отделенные от семей мужа и живущие с сыновьями, приобретали большую хозяйственную самостоятельность. Найм работников, сдача земли в аренду, иногда успешное получение дохода от ростовщичества или местной торговли – вот неполный перечень возможностей, которыми пользовались вдовы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аполлон Б...ий. Судьбы женщин у разных народов // Женский вестник. 1868. № 1. С. 45.
2. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Автореф. дис... докт. ист. наук. М., 2005; Щербинин П.П. «Военный фактор» в формировании гражданственности россиянок в XIX – начале XX в. // Женщина в гражданском обществе: Материалы конференции. СПб., 2002; Его же. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004; Его же. Повседневная жизнь русской солдатки по документам Госархива Тамбовской области. XIX – начало XX в. // Отечественные архивы. 2004. № 6 и др.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Избранные статьи. Под ред. Л.В. Беловинского. М., 2004. С. 102, 575.
4. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины... С. 28, 174.
5. ГАЛО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 40-43.
6. Там же.
7. Там же. Д. 52.
8. Харламов И. Женщина в русской семье // Русское богатство. 1880. № 3. С. 83.
9. ГАЛО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 43.
10. Там же. Д. 52.
11. Астырев Н.М. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., б/г. С. 119.
12. Сборник статистических сведений по Тамбовской губ. Т. 1. Борисоглебский уезд. Тамбов, 1880. С. 11, 34.
13. ГАЛО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 52.

Г.В. Аксенова

ТРУДЫ В.Т. ГЕОРГИЕВСКОГО ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЦЕРКОВНОГО ИСКУССТВА (К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Искусствовед, археолог, исследователь древнерусской живописи, педагог, действительный статский советник Василий Тимофеевич Георгиевский (1861–1923) вошел в историю русской науки, прежде всего, как автор первой обстоятельной моно-

графии о фресках Ферапонтова монастыря, как исследователь, «восстановивший личность и деятельность русского иконописца Дионисия и его сыновей Феодосия и Владимира» (1). Он был членом Владимирской ученой Архивной комиссии, Московского Археологического общества, Санкт-Петербургского и Московского Археологических институтов, Общества возрождения художественной Руси, Общества защиты и сохранения памятников искусства и старины в России, Общества любителей древней Письменности, Общества Поощрения художников в Санкт-Петербурге, Киевского Историко-археологического общества, Новгородского Церковно-археологического общества, Комиссии попечительства о русской иконописи, активным участником просветительской деятельности Владимирского братства Александра Невского. Василий Тимофеевич Георгиевский был одним из трех сыновей провинциального священника, служившего в Судогде – небольшом уездном городке Владимирской губернии. Он родился 6 января 1861 г., в Рождественский сочельник. Как и его два старших брата Василий Георгиевский, поступил во Владимирскую семинарию и окончил ее в 1881 г. (2).

Образование он продолжил в Киеве, поступив на церковно-историческое отделение Киевской духовной академии. Годы учебы в Киеве совпали с завершением строительства стен Владимирского собора и работами над храмовой росписью, которая началась в 1882 г. Как студент Киевской духовной академии с 1881 по 1885 гг., он имел возможность не только следить за ходом живописных работ, но и погрузиться в проблемы современного ему иконописания, пообщаться с художниками. В годы учебы состоялось знакомство будущего с Виктором Васнецовым. (1848–1926). Это общение, не прерывавшееся и после отъезда из Киева, продолжилось в 1890-е гг. и в начале 1900-х. В год освящения Владимирского собора, в 1896 г., вышла его статья, посвященная работам В.М. Васнецова во Владимирском соборе в Киеве (3). Мнение Георгиевского, как свидетельствует сохранившееся эпистолярное наследие, будет всегда много значить для великого исторического и церковного живописца (4). Об их сложившемся на долгие годы сотрудничестве говорит книга, посвященная фрескам Ферапонтова монастыря. Художник разработал для нее обложку, шрифты и внутреннее оформление страниц (5). Но все это случится после окончания Киевской духовной академии. А в 1885 г. он вернулся из Киева во Владимир и начал преподавать в женском епархиальном училище, заняв и должность заведующего библиотекой и древлехранилищем Владимирского братства во имя благоверного кн. Александра Невского, «активно окупившись в историко-краеведческую работу» (6).

Исследовательская деятельность началась с изучения жизни и деятельности князя Андрея Боголюбского, который, по словам ученого, перенес столицу из Киева во Владимир и основав в 1158 г. знаменитое Боголюбово, положил «начало новой эпохе в исторической жизни русского народа» (7). Говоря о причинах обращения к теме Андрея Боголюбского, ученый отметил, что «мощный гений» князя «изменил течение жизни русского народа и вывел на историческое поприще новую ветвь могущественного славянского племени – народность великорусскую» (8), что «он первым утвердил здесь православие как государственную религию собираемой им великорусской народности» и «первый изменил и самые начала, которыми до него жила древняя Киевская Русь, провозгласив идею самодержавия основой политической жизни русского народа» (9). В 1894 г. вышла другая книга, посвященная Суздальскому митрополиту Илариону – одному из основателей и строителю Свято-Успенской Флорищевой пустыни (10). Этот труд, построенный на основе рукописных источников XVIII столетия, церковных и светских изданий XIX в., скорее, можно было бы охарактеризовать как агиографический, не имея он в качестве приложения «Краткие сведения о состоянии Флорищевой пустыни после смерти первого ее строителя, митрополита Иллариона» (11). Изучение наследия Суздальского митрополита Илариона настолько увлекло Георгиевского, что он обратился к подробному изучению не только истории Флорищевой пустыни, истории строительства ее храмов и зданий, приписных церквей и монастырей, но и к описанию уникальных собраний, каковые находились в ризнице, библиотеке и архиве, характеристике икон и «стенного писания». Как итог – в 1896 г. по благословению архимандрита Антония, настоятеля Флорищевой пустыни, вышло монографическое исследование «Флорищева пустынь» (12). К числу особых заслуг монастыря автор отнес «устройство хорошей библиотеки», снабженной «всевозможными рукописями и древнепечатными творениями святых отцов и современных духовных писателей» (13). «Библиотека рукописей Флорищевой пустыни, довольно обширная и разнообразная, уже давно обратила на себя внимание ученых» (14). Действительно, с богатейшим собранием рукописных и старопечатных книг работали крупнейшие специалисты, изучающие памятники древнерусской литературы: русский археолог и библиограф А.Е. Викторов (1827–1883), историк и писатель М.В. Веневитинов (1844–1901), филолог и палеограф И.А. Шляпкин (1858–1918), историк искусства Г.Д. Филимонов (1828–1898), нижегородский писатель и статистик А.С. Гациский (1838–1893) и др. (15). Научно-исследовательской работой в библио-

теках монастыря читателей такого уровня могли похвастаться только библиотеки Московской Духовной академии и Троице-Сергиевой лавры.

Увидевшая свет книга состоит из двух частей: основной части (собственно исследования) и приложений. Основная часть – это 15 глав, четыре из которых посвящены Илариону и его деятельности по устройению монастыря, три – «строительству», осуществленному его преемниками в XVIII в. В нескольких главах ведется подробное повествование о монастырских храмах, иконах, иконном письме, о монастырской ризнице. В этих главах даны описания и атрибуцию икон соборного храма и трех церквей Флорищевой пустыни, напрестольных и наперсных крестов, священных сосудов, риз и воздухов. Особая ценность издания заключена в опубликованном «Описании рукописей Флорищевой пустыни», включающем 223 кодекса XV–XVIII вв. (16). Для современных исследователей представляет научную ценность опубликованный в приложении каталог старопечатных книг, хранившихся в библиотеке монастыря (17). В «почетном отзыве» на книгу профессор Санкт-Петербургской духовной академии, археолог и общественный деятель Н.В. Покровский (1848–1917) указал на то, что «автор собрал относящийся к его предмету материал из рукописей и печатных изданий, привел его в стройный порядок и дал верное представление о несложной и непродолжительной истории Флорищевой пустыни» (18).

История небольших, но значимых для русской государственности монастырей будет продолжена книгами о Суздальском Ризположенском женском монастыре (19) и Вышинской пустыни (20). Тема древнего Суздаля и наследия Суздальской Руси нашла отражение в целом ряде его статей, посвященных традициям суздальского иконописания, книжным сокровищницам, сокровищницам суздальских монастырей и царским вкладам (21). Он же стал автором путеводителей по Владимиру, первый из которых вышел в 1896 г.. В предисловии автор подчеркнул, что любимый им г. Владимир даже после того, как «уступив свое первенство позднейшим столицам Москве и Петербургу и передав им в наследие главнейшие святыни свои: древней Москве – чудотворную икону Владимирской Божией Матери, а Петербургу – святыне мощи великого князя Александра Невского» (22), не оскудел святынями. К 1913 г. по инициативе Комитета для устройства празднования трехсотлетия царствования Дома Романовых он создал юбилейный «Путеводитель по памятникам старины», т.е. по Владимиру, Суздалию и Переславлю-Залесскому (23).

С начала 1890-х гг. он серьезно занялся археологией, искусствоведением и археографией. Начало этому положила работа в Древлехранилище Александро-

Невского братства, когда в его обязанности как сотрудника вошло «обозрение ризниц и церковных библиотек» Владимирской епархии «с целью собирания сведений об имеющихся там предметах древности». Деятельность вверенного Древлехранилища была, прежде всего, направлена на сохранение памятников церковной древности и, как результат, к концу XIX в. в своем составе оно насчитывало около тысячи ценнейших «древних рукописей, старопечатных книг, икон, крестов, церковно-богослужебной утвари фотографических снимков с них» (24). Вот почему в это время возникла потребность в систематизации коллекции, ее научном описании и публикации. Издание было осуществлено в двух томах и в два этапа. В первый том – «Краткое описание церковно-исторического древлехранилища» – вошли сведения об антиминсах, крестах (напрестольных, наперсных, привесных, медных литых и панагий), иконах, Царских вратах, церковном шитье, священных сосудах, монетах и др. Второй том был полностью отдан описанию старопечатных книг (25). В 1890-е – 1900-е гг. Георгиевский исследовал, описал и опубликовал книги, посвященные сокровищницам русских монастырей. Сначала он представил сокровища Флорищевой пустыни, затем Суздальского Ризположенского монастыря и коллекцию шитья ризницы Троице-Сергиевой лавры (26). Очарованный «прелестью и совершенством художественных форм» древнерусского искусства, он стал практически первым автором обобщающей работы о древнерусском искусстве, которая стала частью тома «Истории искусств» (27).

Вторая половина XIX в. – это время утверждения национального стиля в русском искусстве. Развернувшееся активное церковное строительство требовало обращения особого внимания на церковную живопись и выдвинуло новую общенациональную задачу – разработать и утвердить каноны церковной живописи, в которых бы нашли отражение и древнерусская, допетровская, церковная традиции и уже сложившиеся за полтора столетия традиции академическая и народная. Вот почему одним из важнейших направлений работы Георгиевского в конце XIX – начале XX в. стало активное участие в организации иконописных школ в Мстере, Палехе, Холуе Владимирской губернии и в с. Борисовке Курской губернии.

О необходимости создания комиссии, которая смогла бы проинспектировать работу иконописных промыслов, поставивших производство дешевых, не всегда достойным образом написанных, икон на поток, речь зашла в 1890-е гг. Главными инициаторами дела реорганизации русских иконописных промыслов стали историк и археолог Н.П. Кондаков (1844–1925) и граф С.Д. Шереметев. На Георгиевского как на

доброего помощника и сотрудника им указал В.М. Васнецов (28). Летом 1900 г. Н.П. Кондаков, С.Д. Шереметьев и Георгиевский посетили Мстеру, Палех и Холуй. Отчет об этой поездке ее участники представили Николаю II, в частности, указав: «Мы столько десятков лет твердили о пагубном разрыве русского образованного общества с народом. Вот случай соединить разошедшихся в разные стороны в общем деле и, начав заботы о народной нужде, поставить на ноги задачу общенациональную». Ученые также проанализировали состояние провинциального рынка икон и пришли к малоутешительному выводу о том, что при массовом машинном тиражировании не просто падает качество их исполнения, и то, что попадает в продажу отличается своеобразным стилем, далеким от канонического. Осознавая состояние проблемы развития иконописания и необходимости поддержки и профессионализации традиционных иконописных промыслов, ученые выступили с инициативой создания Комитета попечительства о русской иконописи, который и был учрежден Именным Высочайшим указом от 19 марта 1901 г. Главная цель созданного Комитета заключалась в «изыскании мер к обеспечению благосостояния и дальнейшего развития русской иконописи» (29).

На основании полученного Комитетом права создавать иконописные школы и содействовать устройству артелей иконописцев, а также учреждения в марте 1902 г. Временного положения об учебных иконописных мастерских летом того же года открылись три учебных мастерских в Палехе, Мстере и Холуе во Владимирской губернии и одна – в с. Борисовке Курской губернии. Со времени учреждения Комитета в 1901 и до 1914 г. Георгиевский занимал в нем должность уполномоченного по делам иконописных школ, сотрудничая с гр. С.Д. Шереметевым, академиком Н.П. Кондаковым и директором С.-Петербургского археологического института Н.В. Покровским (30). Роль Георгиевского в открытии иконописных школ охарактеризовала И.В. Сосновцева, отметив, что он «с удивительной энергией занимался всеми проблемами их организации, от поиска и найма домов для размещения мастерских до сложного и тонкого дела переговоров с местной администрацией, церковными властями и самими иконописцами. Вероятно, один Георгиевский и был способен сдвинуть с места и дать движение такому огромному делу» (31). После того как в 1907 г. Кондаков покинул пост управляющего делами Комитета, его сменил Георгиевский.

С 1890-х гг. его перевели на должность инспектора церковноприходских школ в Киеве и Киевской губернии, затем – на должность епархиального окружного наблюдателя церковных школ (с 1900 г.). Он стал одним из инициаторов проведения крат-

косрочных педагогических курсов для учителей одноклассных церковно-приходских школ (32). Избранный в 1907 г. на должность члена Училищного совета при Святейшем Синоде он переехал в Петербург. В том же году он занял должность помощника имперского наблюдателя церковно-приходских школ. В 1912 г. Георгиевский – сверхштатный член синодального Учебного комитета и старший помощник наблюдателя церковноприходских школ. За 10 лет, с 1907 по 1917 гг., как член Училищного совета при Синоде, как помощник наблюдателя церковноприходских школ, он неоднократно выезжал для проведения экзаменов и оказания помощи в становлении учебного процесса в Костромскую, Новгородскую, Донскую, Литовскую, Херсонскую, Енисейскую, Иркутскую, Черниговскую, Астраханскую, Архангельскую, Вятскую, Волынскую, Курскую, Сухумскую, Полоцкую и др. епархии (33).

Значимыми в жизни ученого и в истории изучения древнерусского церковного искусства стали инспекционные поездки в 1905–1908 гг. в Ферапонтов монастырь Новгородской губернии, во время которых была обнаружена фресковая живопись в Рождественском соборе, выполненная в 1502 г. Дионисием. 15 февраля 1908 г. на заседании Комитета попечительства о русской иконописи ученый сообщил о фресках Ферапонтова монастыря, написанных Дионисием и его сыновьями. В связи с чем Комитет принял решение о публикации фресок в «Иконописном сборнике» (но это решение не было выполнено). Книга-альбом «Фрески Ферапонтова монастыря» (34), посвященная уникальному наследию русского иконописца XV в., содержащая 7 цветных и 40 черно-белых таблиц с фотографиями, выполненными Л.Д. Никольским и Г.О. Чириковым, вышла в 1911 г. В подготовке издания, помимо В.М. Васнецова, принял участие художник Д.С. Стеллецкий (1875–1947) (35), посетивший Ферапонтово летом 1908 г. Часть его акварелей украсила альбом, а черно-белый рисунок, размещенный на втором титуле, стал своеобразной визитной карточкой Ферапонтова монастыря. В предисловии, обращая внимание читателей на значение фресок Дионисия, Георгиевский писал: «XV век в истории русского искусства является одним из наиболее важных и интересных. В то время как памятники русской архитектуры этого периода, за немногими исключениями, уцелели и доступны для изучения, фрески и иконы почти все погибли для науки или испорчены позднейшими реставрациями. <...> Нам посчастливилось найти в глухом углу Новгородского края, в полузабытом древнем Ферапонтовом монастыре целую стенную роспись, сохранившуюся почти чудом, принадлежащую кисти ... иконописцев великого князя Иоанна III – Дионисия и его сыновей Феодосия и Владимира, продолжавших дело отца при дворе великого

князя Василия III». Георгиевскому «посчастливилось доказать, что настенная живопись в соборе церкви Рождества Богородицы, сохранявшаяся в течение 400 лет и дошедшая до наших дней, была исполнена в 1502 г. московским мастером Дионисием и его сыновьями Владимиром и Феодосием». Автором первого «Отзыва о сочинении», появившегося в 1915 г., стал Н.П. Кондаков, подчеркнувший, что работа Георгиевского «составит основу будущей науки». Книга Георгиевского о фресках Ферапонтова монастыря, став первой серьезной монографией о великом русском иконописце Дионисии, положила начало долгой дискуссии о значении его творчества. Известные русские ученые Н.П. Кондаков, П.П. Муратов и М.В. Алпатов дали порой диаметрально противоположные оценки сохранившимся фрескам, квалифицируя их то, как полуремесленную работу учеников Дионисия, то, восторженно сравнивая их с живописью итальянского Возрождения (36).

Опубликованная книга и сделанный Георгиевским доклад на 31 декабря 1911 г. на Первом Всероссийском съезде художников в Петербурге положили начало многочисленным творческим поездкам в Ферапонтов монастырь художников и писателей. Также был создан Комитет по восстановлению Ферапонтова монастыря под руководством новгородского архиепископа Арсения. Следующий шаг по сохранению православного средневекового наследия связан с тремя научными поездками на Афон, состоявшимися в 1911–1913 гг. (37). Итогом трех проведенных экспедиций, которые успели провести русские ученые, стали 200 снимков с фресок и икон монастырей Афона и сербских церквей XIV–XVI вв.; в Россию доставили несколько фрагментов афонской стенной живописи и, наконец, увидел свет альбом с 32 таблицами фототипий и 3 цветными снимками «Фрески Панселина в Протате на Афоне», ставший «первой научной публикацией уникального комплекса» (38).

В 1913 г. в России отмечалось 300-летие Дома Романовых. Юбилейные действия включали в себя путешествие императора Николая II по России, по городам и местам, связанным с историей рода Романовых и «имевшим важное значение в начальных судьбах нашего Отечества». Маршрут императорской семьи проходил через Москву, Владимир, Суздаль, Боголюбово, Нижний Новгород, далее по Волге в Кострому, Ярославль; затем по железной дороге в Ростов Великий, на машине – в Переславль-Залесский и Петровск и Троице-Сергиеву лавру. Во Владимире, Суздале, Переславле императора сопровождал Георгиевский (39).

В предреволюционные 1910-е годы возросла научно-педагогическая занятость Георгиевского. Это было связано с преподаванием истории древнерусского искусства

в созданном по инициативе искусствоведа, доктора философии графа В.П. Зубова (1884–1969) в 1912 г. Института истории искусств. Сотрудниками института стали писатели, литературоведы, музыковеды, искусствоведы, историки. В качестве преподавателя пригласили и Георгиевского, который до 1917 г. читал курс «Обзор памятников новгородской иконописи, миниатюры и литургического шитья» по разряду изобразительного искусства. В 1914 г. от Н.В. Покровского поступило предложение войти в Комиссию по учреждению Романовской палаты в Москве. В марте 1915 г. Георгиевский стал одним из 64 учредителей Общества возрождения художественной Руси, объединившего художников, искусствоведов, коллекционеров, благотворителей, государственных и общественных деятелей, проникнутых любовью к древнерусской культуре.

В 1917 г. он переехал в Москву и участвовал в качестве делопроизводителя в работе Поместного Собора Православной Российской Церкви. После революции 1917 г., в июле 1918 г. по предложению И.Э. Грабаря он вошел в Комиссию по сохранению и раскрытию древней живописи в России, созданную при Музейной коллегии Наркомпроса РСФСР. В письме Н.П. Кондакову он так писал о причинах принятия предложения: «После некоторых колебаний я принял предложение, и вместе с Грабарем мы разработали программу ближайших действий. Мы решили расчистить и выявить все важнейшие памятники русского искусства домонгольского периода, затем произведения Рублева, его учителя – Феофана Грека и Дионисия Ферапонтовского». С партиями реставраторов-иконописцев он отправился во Владимир, Боголюбов, Муром, Кириллов, Ферапонтов, Троице-Сергиев и «приступил к выявлению записанных и замазанных памятников древнего искусства» (40). В 1918 г. он участвовал в расчистке фресок Владимирских Дмитровского и Успенского храмов, затем – в экспедиции в Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри. В 1919 г. Георгиевский принял предложение работать в должности хранителя древних тканей в Оружейной палате Московского Кремля и создал в Московском Кремле Всероссийскую мастерскую по шитью, которая просуществовала до 1924 г. Этим он заложил основы теории и практики реставрации тканей и шитья. После недолгой болезни Василий Тимофеевич Георгиевский скончался в Москве 14 декабря 1923 г. Отпевал его митрополит Крутицкий Петр. Его похоронили на Даниловском кладбище.

В 1910-е гг. В.Т. Георгиевский начал работать над книгой о памятниках древнерусского церковного искусства, хранившихся в Суздальском Покровском монастыре. Названная «Памятники старинного русского искусства Суздальского музея» книга

увидела свет только в 1927 г. (41). Это случилось благодаря стараниям старшей дочери ученого Е.В. Георгиевской-Дружининой. Помощь в подготовке и реализации издания оказали российский и советский историк искусства Д.В. Айналов (1862–1939) и жена Л.Д. Троцкого, заведующая музейным отделом Наркомпроса в 1918–1928 гг. Н.И. Троцкая (1882–1962). Заслуги В.Т. Георгиевского в деле изучения древнерусского церковного искусства и сохранении культурного наследия Древней Руси были оценены еще при его жизни. За многолетнюю просветительскую службу при Святейшем синоде ученого-инспектора отметили орденами: в 1899 г. Св. Станислава 3-й степени, в 1910 г. Св. Владимира 3-й степени и Св. Станислава 1-й степени в 1913 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кондаков Н.П. Отзыв о сочинении В.Т. Георгиевского «Фрески Ферапонтова монастыря» // Отчет о пятьдесят пятом присуждении наград гр. Уварова. Пг., 1915.
2. Выпускники Владимирской духовной семинарии во Владимирском, Суздальском и Юрьевском уездах // URL: <http://nasheopolie.ru/forum/index.php?/topic/152-85> (дата обр.: 25 июня 2017 г.).
3. Георгиевский В.Т. Провозвестник нового направления в русской религиозной живописи (В.М. Васнецов и его работы во Владимирском соборе в Киеве) // Русское Обозрение, 1896, № 9.
4. Васнецов В.М. Письмо И.Л. Щеглову-Лентьеву. Москва, 27 января 1904 г. // Виктор Михайлович Васнецов: Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников. / Сост., вступ. ст. и примеч. Н.А. Ярославцевой. М., 1987. С. 200.
5. Георгиевский В.Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911.
6. Пятницкий Ю.А. В.Т. Георгиевский и его поездки на Афон в 1911–1913 годах в письмах к Н.И. Кондакову // Труды Государственного Эрмитажа: Т. LVII. Балканский сборник. К XXII Международному конгрессу византистов. София, 22–27 августа 2011 года / Государственный Эрмитаж. СПб., 2011. С. 298.
7. Георгиевский В.Т. Святой благоверный великий князь Андрей Боголюбский. Владимир, 1894. С. 1.
8. Там же. С. 2.
9. Там же. С. 4.
10. Его же. Житие и подвиги Илариона, митрополита Суздальского и краткие сведения об основанной им Флорищевой пустыни. Тщанием и иждивением настоятеля Флорищевой пустыни архим. Антония. Вязники, 1894.
11. Там же. С. 23-32.
12. Его же. Флорищева пустынь: Историко-археологическое описание с рис.: В прил.: Описание рукописей, каталог старопечатных книг и Собрание грамот и актов, принадлежащих пустыни. Вязники, 1896.
13. Там же. С. II.
14. Покровский Н.В. Отзыв на кн. «В.Т. Георгиевский: Флорищева пустынь. Историко-археологическое описание с рисунками. Изд. архимандр. Антония. Вязники, 1896. СПб., 1899. С. 4.
15. Георгиевский В.Т. Архимандрит Антоний, настоятель Флорищевой пустыни Владимирской губернии: (К XXV-летию управления его Флорищевой пустыней). Изд. 2-е. Владимир, 1898. С. 9.
16. Его же. Флорищева пустынь... С. 161-288.
17. Там же. С. 289-303.

18. Покровский Н.В. Отзыв на книгу... С. 2.
19. Георгиевский В.Т. Суздальский Ризположенский женский монастырь: Историко-археологическое описание: В прил. арх. акты Монастыря, Житие пр. Евфросинии по списку XVII в. и описание миниатюр. Владимир, 1900.
20. Его же. В Вышинской пустыни. СПб., 1910.
21. Например, см.: Его же. Иконописцы-суздальцы // Русское Обозрение. 1895. № 3-4 (Т. II март С. 183; апрель С. 719); его же. Житие преп. Евфросинии Суздальской по списку XVII в. с лицевыми изображениями, хранящееся в библиотеке Суздальского Ризположенского монастыря. Владимир, 1899; его же. Опись Покровского женского монастыря в городе Суздале 1651 г. // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1903. Кн. V. С. 55-126; его же. Иконы Иоанна Грозного и его семьи в Суздале // Старые Годы. 1911. ноябрь.
22. Его же. Гор. Владимир на Клязьме и его достопримечательности. Владимир, 1896. С. 4.
23. Его же. Владимир, Суздаль, Переславль-Залесский: [Путеводитель по памятникам старины]. СПб., 1913.
24. Его же. Краткое описание церковно-исторического древлехранилища Братства св. благоверного вел. кн. Александра Невского во Владимирской губернии. Вязники, 1895. С. 4.
25. Его же. Каталог старопечатных книг церковно-исторического древлехранилища при братстве Св. блгв. Вел. Кн. Александра Невского. Вязники, 1898.
26. Его же. Древнерусское шитье в ризнице Троице-Сергиевой лавры. М., 1914.
27. Его же. Кн. 5. Гл. 1. Древнерусское искусство // История искусств / Пер. под ред. и с доб. проф. Университета св. Владимира Г.Г. Павлуцкого и с прибавлением главы о древнерусском искусстве В.Т. Георгиевского; К. Байэ. Киев, 1902. С. 325-366.
28. Письма В.М. Васнецова В.Т. Георгиевскому / Публ. В.Л. Коротковой // Вопросы искусствознания. М., 1997. Вып. X. С. 575-576.
29. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/54302/Комитет (дата обр.: 6 июля 2017 г.).
30. [Георгиевский В.Т.] Доклад об открытии учебных иконописных мастерских в с.с. Палехе и Холуе Владимирской губ. и в с. Борисовке Курской губ. // Известия Высочайше учрежденного Комитета попечительства о русской иконописи. СПб., 1903. Вып. II.
31. Сосновцева И.В. Н.П. Кондаков и иконописные школы Комитета попечительства о русской иконописи // Никодим Павлович Кондаков. 1844–1925. Личность, научное наследие, архив. К 150-летию со дня рождения. СПб., 2001. С. 116.
32. Георгиевский В.Т. Киевские краткосрочные педагогические курсы для учителей одноклассных церковно-приходских школ в июле 1906 года. Киев, 1907.
33. Вздорнов Г.И. Георгиевский Василий Тимофеевич // Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/162161.html> (дата обр.: 23 апреля 2017 г.)
34. Георгиевский В.Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911.
35. О Стеллецом см.: Аксенова Г.В. Творчество Д.С. Стеллецкого в контексте русского ретроспективизма // Мультикультурная и многонациональная Россия. Материалы Всероссийской научно-теоретической конф., посвященной памяти Т.В. Батаевой. М., 2009. С. 4-20; Аксенова Г.В. Искусство книги Д.С. Стеллецкого // Библиотековедение. 2011. № 1. С. 62-69.
36. Георгиевский В.Т. Фрески Ферапонтова монастыря... С. I-II; Вздорнов Г.И. Русская Фиваида на Севере, или Ферапонтово вчера, сегодня и завтра // Ферапонтовский сборник. М., 1991. Вып. 3. С. 16; Кондаков Н.П. Отзыв о сочинении В.Т. Георгиевского «Фрески Ферапонтова монастыря» // Отчет о пятьдесят пятом присуждении наград гр. Уварова. Пг., 1915. С. 1, 4-6; Муратов П.П. История русского искусства. М., 1915. Т. VI.
37. Эти поездки подробно описаны в статьях Ю.А. Пятницкого. См.: Пятницкий Ю.А. Афонские экспедиции В.Т. Георгиевского в 1911–1913 гг. // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского (14.II.1908–15.X.1990). Тезисы докладов. СПб., 1995. С. 45-47; его же. В.Т. Георгиевский и его поездки на Афон в 1911–1913 годах в письмах к Н.И. Кондакову // Труды Государственного Эрмитажа: Т. LVII. Балканский сб. К XXII Международному кон-

- грессу византинистов. София, 22-27 августа 2011 г. / Государственный Эрмитаж. СПб., 2011. С. 294-378.
38. Его же. Георгиевский и его поездки на Афон в 1911–1913 годах... С. 330.
39. Георгиевский В.Т. Владимир, Суздаль, Переславль-Залесский: [Путеводитель по памятникам старины]. СПб., 1913. С. б.н.
40. Его же. Письмо Н.П. Кондакову от 12 октября 1918 г. // Цит. по: Кызласова И.Л. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930 годы. М., 2000. С. 210-211.
41. Его же. Памятники старинного русского искусства Суздальского музея. М., 1927.

М.Г. Вандалковская

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИОЛОГИЯ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ (конец XIX – начало XX в.)

Историческая наука конца XIX – начала XX вв. определялась в отечественной историографии понятием «кризис», обусловленный изменением представлений о природе и обществе, о назначении исторической науки, ее методах познания и создании историко-социологических сочинений. Это понятие было введено в научный оборот историками Р.Ю. Виппером и Д.М. Петрушевским. Виппер признавал кризис науки в противостоянии идеалистической и материалистической трактовки истории и в полемике о законах исторического развития; Петрушевский, выступал за научность исторической науки и призывал развивать «теорию исторического познания» (1). В советской историографии кризис исторической науки определялся как теоретико-методологический кризис и связывался с субъективизмом в науке и отрицанием объективности познания. Под пресс этих обвинений попадали многие работы представителей дореволюционной школы, создавших уникальные научные исследования. Следует заметить, что понятие «кризиса» в разные годы сопровождалось утверждением упадка, либо признанием естественного состояния роста науки. В постсоветский период приобрела популярность точка зрения о том, что постановка вопроса о кризисе науки конца XIX – начала XX вв. имела искусственный характер и была связана с политизацией исторической науки – стремлением доказать, что подлинный расцвет науки связан лишь с советской наукой (2).

Дальнейшая разработка этой проблемы не получила развития, хотя многие вопросы нуждаются в продолжении исследования: содержание понятия «кризис», его критерии, соотношение идеологических и научных факторов в оценке кризиса, отношение к дореволюционной науке (3). В этой связи представляется важным изучить вопрос о роли и значении исторической науки в ее взаимоотношении с другими гума-

нитарными науками. Этот подход позволит на конкретном материале понять состояние, уровень и значимость науки истории в развитии общественного знания. Так, например, применение методов исторической науки в литературоведении значительно раздвинуло горизонты его изучения. Тем самым история предстает стимулирующим фактором развития, способствующим углублению содержания литературных произведений (4). Цель данного сообщения раскрыть соотношение и роль исторической науки и социологии (конца XIX – начала XX в.) в становлении научных взглядов на общественное развитие.

Теоретико-методологической основой в развитии научной мысли второй половины XIX в. стал позитивизм с его факторным подходом, особым интересом к экономической и социальной истории и стремлением к достоверному опытному знанию. Наука освобождалась от теологической и метафизической интерпретации общественного развития. Актуальным в этой связи являлся вопрос о методах научного познания, о назначении и роли исторической науки, социологии и взаимодействии этих научных дисциплин. Вопрос с соотношением социологии и истории приобрел острополюемический характер. В обсуждении этой проблемы принимали участие многие историки всеобщей и русской истории. Наиболее активную позицию в этой полемике занимали Н.И. Кареев и П.Н. Миллюков.

Н.И. Кареев (1850–1931) – историк всеобщей истории, ученик В.И. Герье, автор прославившей его монографии «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века», доцент Варшавского, затем Петербургского университета, член-корреспондент Российской академии наук (1910), почетный член Академии наук СССР. Творчество Кареева успешно сочетает конкретно-исторические исследования с рассмотрением теоретико-методологических проблем. Особое внимание Кареев уделял изучению социологии и был признан одним из первых историков русской социологии. Его активная деятельность в области социологии тесно связана с деятельностью М.М. Ковалевского. В организованной в 1901 г. Ковалевским Высшей школе общественных наук Кареев читал лекции, где преподавали известные социологи Т. Тарг, Р. Вормс, Е.В. де Роберти и крупные политические деятели В.И. Ленин, Г.В. Плеханов, П.Б. Струве, П.Н. Миллюков. Социологию, по Конту, Кареев относил к номологическим наукам, историю – к феноменологическим. Социологию он считал абстрактной наукой, призванной раскрывать законы общественного развития (5). Познание законов реализуется с помощью сравнительно-исторического и эволюционного методов. Сравнительно-исторический метод используется при сходных историче-

ских явлениях, эволюционный – при анализе процессов развития. Социология должна раскрывать законы эволюционного общественного развития. История рассматривалась Кареевым как конкретная, описательная наука и ее задача – собирать факты и давать им первоначальное освещение (6). Метод типологии, используемый в истории, Кареев характеризовал как метод переходного свойства «от истории» к социологии. Основываясь в своих рассуждениях о социологии на позитивистских основаниях, Кареев вместе с тем признавал недостатком позитивизма, в частности контизма, недооценку способов познания, особенно психологии. По мнению Кареева, только психология (коллективная) является средством познания. Законы социологии он отождествлял с законами психологии. Таким образом, психологизм, а, следовательно, субъективизм определяли для Кареева познание социального развития. С Кареевым в оценке роли социологии и истории солидаризировался историк средневековой Франции И.В. Лучицкий. Но если Кареев социологическое знание связывал с психологией, то Лучицкий – с биологией (7). Изложенным суждениям Кареева резко противостояла позиция П.Н. Милюкова (1859–1943). Он был главным оппонентом Кареева.

П.Н. Милюков – признанный историк, социолог и политик. Ученик В.О. Ключевского, со студенческих лет занимающийся теоретико-методологическими проблемами, учением европейских ученых Г. Спенсера, Дж. Милля, О. Конта, Г. Тарда, создатель многих научных трудов. Милюков не соглашался с принятым Кареевым делением наук на номологические и феномологические, первые из которых изучают якобы законы, а вторые – явления. Он полагал, что «нет явлений без законов, и нет законов без явлений». Для Милюкова всякая конкретная наука является низшей ступенью абстрактной. К конкретным наукам он относил историю, к абстрактным социологию, но считал, что не следует проводить резкой грани между ними, так как конкретные данные служат материалом для открытия законов, и, следовательно, являются основой для социологических обобщений (8). Кареева Милюков критиковал за непонимание роли истории в познании общественного организма.

В защиту научного назначения истории выступил и Д.М. Петрушевский. Он резко критиковал современную социологию, которая в силу слабой методологической подготовки и догматизма мышления, не способна решать задачи теории общественного развития. Социологические задачи Петрушевский считал возможным решать путем исторического изучения. «Только слившись с историей социология, – писал он, – может быть действительно реальной общественной наукой». История на основе конкретных фактов должна изучать законы развития человеческого общества. Историю

как науку Петрушевский считал по материалам конкретной, а по цели абстрактной теоретической наукой (9).

В трактовке проблемы соотношения истории и социологии Милюков следовал Ключевскому, для которого интерпретация исторического процесса основывалась на применении синтеза истории и социологии. Ключевский, писал Милюков, «посвятил свой курс исключительно или почти исключительно политической и социальной истории на экономической подкладке». В науке, отмечал он, «уже был поставлен вопрос об отношении политических форм к наполнявшему их социальному материалу. А изучение социальной структуры общества уже считалось невозможным без изучения экономических отношений» (10). Политические, социальные, экономические факторы рассматривались Милюковым как компоненты социологического синтеза.

В научной среде наибольшее внимание вызвал вопрос о роли экономического фактора и экономического материализма. Кареев и Милюков различно относились к пониманию этой темы. Кареев экономический материализм связывал с экономическим учением Маркса и критиковал его за соединение теоретических и практических задач общественного развития, за связь с социальным развитием, с задачами и требованиями рабочего класса и социал-демократии, за фатальное отношение к экономике и недооценку идеологии, и пренебрежение к психологии. Он не признавал экономический материализм и экономический фактор к имеющим отношение к социологической теории, изучающей общественное развитие (11). Милюков позицию по этому вопросу проявлял в своих трудах, особенно в главном из них «Очерках по истории русской культуры». Характерно, что «теория контраста» – основная идея общеисторической концепции Милюкова, построена на базе признания экономического фактора определяющим. В основу изучения западного и российского исторических процессов Милюков положил единый критерий – степень развития «экономического фундамента»: для стран Запада – высокий, для России – «элементарный», что и определяло уровень развития Запада и России. Экономический материализм Милюков признавал социологической теорией, определяющей правомерность признания в историческом процессе важную роль экономического фактора. При этом он не соглашался с толкованием экономического фактора, как «производительных сил», имеющих первенствующее значение, что было характерно для Плеханова: «выведение идеологии из экономической основы» (12).

Построения Кареева и Милюкова, содержащие разные точки зрения на общественное развитие, естественно сопровождалась критикой. Кареев обвинял Милюкова в противоречивости его отношения к экономическому фактору: с одной стороны, отрицательному отношению к монистическим теориям, приверженности к многофакторной концепции позитивизма и с другой, – к признанию экономического фактора определяющим в исследовательской практике. Милюков критиковал Кареева за «методологические просчеты», неумелое владение логикой, приемом дедукции, за ненаучное представление процесса общественного развития, роли социологии и истории, за преувеличение роли психологии и субъективизм (13).

Резюмируя изложенный материал, следует отметить, что полемическое толкование социологии и истории и связанных с ними проблем отражало уровень возможностей научного подхода к их пониманию. Разномыслие, спорность и противоречивость тех или иных утверждений рассматриваемых авторов свидетельствовали, тем не менее, о становлении науки социология. Очевидной проявлялась и тенденция (со стороны Милюкова и Петрушевского) защиты исторической науки и ее роли в научном подходе к пониманию исторического процесса.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вишпер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. М., 1911. С. 10-11; Петрушевский Д.М. Тенденции современной исторической науки // Образование. 1889. № 3-5. С. 73.
2. Искендеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 11; Рамазанов С.П. Кризис в Российской историографии начала XX века. В 2 ч. Волгоград, 1999.
3. Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX века. В 2 ч. Ч. 1. Волгоград, 1999. С. 22.
4. Вандалковская М.Г. Русская историческая наука и литературоведение // VIII Бартеневские чтения. Материалы всероссийской научной конференции. Липецк, 2018.
5. Кареев Н.И. Общие основы социологии. Пг., 1919. С. 9.
6. Кареев Н.И. Теория исторического знания. СПб., 1913. С. 72; Медушевский А.Н. История русской социологии. М., 1993. С. 163-171.
7. Лучицкий И.В. Отношение истории к науке // Знание. 1875. № 1. С. 35.
8. Милюков П. Историософия г. Кареева. Основные вопросы философии истории. Ч. I и II. СПб., 1887 // Русская мысль. 1887. Кн. XI. С. 92-93.
9. Петрушевский Д.М. Тенденции современной исторической науки // Образование. 1899. Май–июнь. С. 77-79; его же. Очерки из истории средневекового общества и государства. Введение. Задачи и методы науки всеобщей истории // Научное слово. 1904. Кн. 3. С. 82-90.
10. Милюков П.Н. В.О. Ключевский // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 190.
11. Кареев Н.И. Введение в изучение психологии. СПб., 1897. С. 83, 86; его же. По поводу одной формулировки «материальной истории» // Историческое обозрение. СПб., 1882. Т. V. С. 272-280; его же. Источники исторических перемен // Русское богатство. 1892. № 1 и др.

12. Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 2 ч. Ч. 2. СПб., 1905. С. 8.
13. Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. СПб., 1897. С. 339; Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 2. С. 3-4, 8; Ч. 1. С. 285; его же. Историософия г. Кареева (Основные вопросы философии истории. Ч. I и II, 2-е перераб. изд. СПб., 1887 г.) // Русская мысль, 1887. Кн. XI.

А.Н. Алленов

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ АРХИМАНДРИТА АНТОНИНА В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-09-41034*

История Русской Палестины неразрывно связана с именем архимандрита Антонина (Капустина). В течение 28 лет после своего назначения на должность начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме (РДМ) он смог приобрести ряд земельных участков на Святой Земле, создать на них храмы, монастыри, подворья для тысяч паломников. Приобретенная Антонином собственность создала прочную материальную базу для организации и продвижения интересов нашей страны в регионе. «Палестинскому» периоду жизни Антонина посвящена обширная литература (1). Большой вклад в изучение его деятельности внесли труды А.А. Дмитриевского, в которых были раскрыты детали биографии и особенности службы архимандрита в структуре Русской духовной миссии (2). Комплексный подход к биографии архимандрита также продемонстрировал отец Киприан (Керн), активно работавший с рукописным наследием Антонина и мемуарной литературой близко знавших его лиц (3). Продолжателями изучения дневниковых записей настоятеля РДМ стали современные исследователи Р.Б. Бутова (4), Н.Н. Лисовой (5). Особенно важной является реконструкция обстоятельств земельных приобретений Антонина как наиболее важного этапа созидаания «Русской Палестины». За годы своей активной и плодотворной работы ему удалось купить 12 участков площадью около 425000 квадратных метров, оценивающихся до миллиона рублей золотом (6).

Появление Антонина в Палестине было обусловлено конфликтом между консульской властью в Иерусалиме и начальником РДМ Леонидом (Кавелиным). Не желавший подчиняться светской власти Леонид (Кавелин) восстановил против себя не только консула, но даже Иерусалимского Патриарха. Когда в 1865 г. Патриарх Кирилл потребовал отозвать из Иерусалима Леонида, то Святейший Синод, усмотрев в этом недопустимое вмешательство во внутренние дела Русской Церкви, принял муд-

рое решение: поменял местами своих представителей в Иерусалиме и Константинополе. В результате настоятель Константинопольской посольской церкви Антонин (Капустин), переехавший в 1865 г. в Иерусалим, еще четыре года значился в структуре духовенства Царьграда, а Леонид «исполнял» обязанности в Иерусалиме (7).

Быстро поняв невозможность восстановления епископского достоинства Русской духовной миссии, Антонин приходит к мысли о необходимости собственного проекта созидания Палестины. «Усилить свое влияние на Востоке, в частности в Палестине, – отмечал в связи с этим архимандрит, – мы можем только посредством миссий, коих границы до того эластичны (как видим из примеров католических миссий), что вопросы всякого рода, в том числе и из внешней политики, могут целиком войти в них» (8). В конце 1860-х гг. начинается активная деятельность Антонина по приобретению в собственность множества участков и православных святынь на территории Палестины. Деятельность настоятеля нашла самую мощную поддержку со стороны российской императрицы, супруги императора Александра II Марии Александровны, оказывающей немалые финансовые пожертвования богоугодному делу (9).

Хозяйственная активность начальника Русской духовной миссии проявляла себя, прежде всего, в тех местах, где находились «захваченные разными католическими монашескими орденами-поклонниками» или же были «выстроены католическими державами грандиозные с благотворительной и религиозной целью здания». Созданная западной Европой инфраструктура производила в то время «сильное впечатление» на посещавших Палестину паломников. Таким образом, усилия архимандрита имели важнейшее значение в первую очередь для российских путешественников, ведь «не будь приобретений о. Антонина, русскому поклоннику, не было бы места укрыться и отдохнуть, кроме монастырей западноевропейских стран» (10). Поскольку закон Османской империи до 1873 г. не разрешал приобретение земли в собственность российским подданным, в качестве покупателя выступал драгоман Миссии Якуб Халеби.

В 1869 г. при содействии архимандрита на имя Халеби был приобретен Мамврийский дуб (11), а чуть позднее была оформлена собственность на близлежащие земли (ок. 72355 кв. метров). С точки зрения организации, эта покупка требовала немалой подготовки. В течение 70-ти лет Дуб принадлежал некоему Ибрагиму Шаллуди. Для владельца святыня имела не столько религиозное, сколько экономическое значение. Были получены свидетельства о продаже частей дерева заезжим туристам. После некоторых размышлений Антонином было принято решение о приобретении Дуба. Однако совершать покупку открыто он явно не мог. На помощь пришел Якуб

Халеби, выступивший в роли купца, которому приглянулась святыня. Ничего не подозревавший Шаллуди составил на него владельческий акт (кушан). На этом заботы отца архимандрита на Мамврийском участке не иссякли. В 1869–1870 гг. он купил еще несколько прилегающих к Дубу территорий, а также озаботился строительством «странноприимного дома и особых помещений для сторожей». Поводом к чему послужило многократно заявленное «злострадание поклоннических караванов русских паломников, стремившихся попасть к святыне». Трудности пути даже стали причиной смерти трех человек, замерзших на пути от Хеврона к Вифлеему (12).

В 1868–1889 гг. по инициативе Антонина были приобретены 8 участков Елеонской горы – место Вознесения Христа. Площадь купленной собственности превышала 38 кв. км, а общая стоимость сделки превысила 20 тыс. франков. На этом месте архимандриту хотелось устроить мужской монастырь, однако недостаток средств не позволил осуществить задуманное. В 1885 г. здесь началось строительство Церкви Святой Марии Магдалины, колокольни и домов для поклонников. Так как вершина Елеона «имела много памятников древности», работы предваряли обширные археологические раскопки. В ходе проведенных исследований были обнаружены несколько пещерных комплексов: «одна пещера с мозаичными надписями, другая – с крестообразным сводом и 16 гробниц; третья пещера – с какими-то подвалами». Тут же археологам удалось найти 8 древних цистерн (4 – кувшинообразные и 4 – со сводами), и открыть «древние мозаики (VI–IX вв.)». При постройке приюта для поклонников часть творения древних мастеров была сохранена, в результате чего в русском здании «был открыт замечательный по красоте мозаики пол, относимый к блестящему периоду Грузинского царства» (13).

Не менее ценным приобретением, чем Елеон, явилось покупка участка земли в районе Айн-Кареме, традиционно считавшегося местом рождения Иоанна Предтечи и Встречи Девы Марии с праведной Елизаветой. Владелец участка, бывший драгоман французского консульства в Иерусалиме Ханна Джельяд запросил за участок 4000 наполеондоров (80 тыс. франков или около 25 тыс. руб. сер.). Для сбора этой суммы в России был создан специальный комитет (14). Впоследствии участок стал местом размещения Горненского женского монастыря. Веской причиной в пользу строительства обители является неоднократно заявленная францисканским монастырем жалоба на русских поклонников, ищущих ночлега в тамошнем латинском монастыре, вопреки его уставам.

В 1869 г. около Яффы по дороге в Иерусалим Антонин приобрел пустырь под названием «Дарбатейн Табита» (15). По преданиям, именно на том месте была погребения святая Тавифа, воскрешенная апостолом Петром. Землю площадью 33750 кв. км удалось купить за 2800 франков. Практически сразу здесь были организованы археологических раскопки, в ходе которых удалось обнаружить подземный некрополь, отождествленный с местом погребения святой. 6 октября 1888 г. в присутствии великих князей Сергея и Павла Александровичей и великой княгини Елисаветы Федоровны в стороне от некрополя состоялась закладка Церкви апостола Петра и праведной Тавифы. Через 6 лет работ, 16 (28) января 1894 г., построенный храм был освящен патриархом Иерусалимским Герасимом в сослужении митрополита Петра Аравийского, архиепископа Иорданского и архимандрита Антонина (16).

В 1869 г. Антонин купил два участка около деревни Бет-Джала (17). Общая площадь этого приобретения равнялась 2700 кв. км. По свидетельству Антонина, сделка обошлась ему в более чем 3000 франков. Предполагалось, что в «противовес успехам католической миссии и усердной деятельности на пользу образования местного арабского православного населения латинского патриарха Валерги» на этом месте будет открыта школа для девочек-арабок. Однако средств, которые имел Антонин на эти цели, было недостаточно. Необходимую сумму внесли двое русских паломников – Е.Н. Боброва и Беспалов. Большое участие в устройстве учебного заведения также принимала императрица Мария Александровна. В результате на участке «Дахра» (1,32 га) была основана школа для девочек и женская учительская семинария (18). Кроме того, в 1873 г. в районе Бет-Джалы на вершине горы Рас за 642 франка отцом Антонином был приобретен еще один участок земли размером 519 кв. метров.

Активная работа Антонина в Палестине позволила приобрести 13 участков земли общей площадью 425000 кв. метров. Однако в ходе своей деятельности архимандрит встречал противодействие не только со стороны турецких властей, но испытывал серьезное недопонимание у членов Святейшего синода. «Ввиду существования в Турецкой Империи закона, воспрещающего иностранцам приобретать недвижимую собственность без особенного разрешения Турецкого Правительства», 4 мая 1872 г. Святейший синод прямо запретил Антонину земельные приобретения. В этом же письме церковные власти требовали от настоятеля Миссии «подробных объяснений» мотивов своих действий, а также пояснения причин нарушения инструкций (19). Одновременно как гражданскими, так и церковными властями предпринимались попытки перевести земельные приобретения архимандрита в Палестине под свой контроль. В от-

ношении обер-прокурора К.П. Победоносцева к министру иностранных дел Н.К. Гирсу указывалось: «Святейший Синод, рассмотрев настоящее дело, предписал указом Архимандриту Антонину принять меры к зачислению приобретенных им земельных участков, с находящимися на них постройками, в «вакуф» [особая форма религиозного землевладения в мусульманском праве] Российской духовной миссией в Иерусалиме с тем, чтобы сии имущества находились под главным ведением Святейшего Синода и состояли в непосредственном управлении Начальника означенной Миссии» (20).

В конце жизни Антонину удалось оформить 6 из 12 приобретенных им участков, принадлежавших ему, как «вакуф». Переход осуществлялся путем фиктивного признания долга Якуба Халеби перед архимандритом и перевод земельных участков в его собственность. Согласно завещанию Антонина, все купленные участки (кроме одного участка) были оставлены Святейшему синоду (21). И уже после смерти архимандрита собственность России на остальные земли официально оформлял русский генеральный консул А.Г. Яковлев.

Таким образом, активная деятельность архимандрита Антонина по приобретению земельных участков в Палестине была обусловлена комплексом противоречий между русской консульской и церковной властями, сложившихся к моменту его приезда в Иерусалим. Результатом деятельности архимандрита стало укрепление влияния Российского государства в библейском регионе, формирование важной инфраструктуры русского присутствия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пономарев С. Памяти о. архим. Антонина // ТКДА. 1894. Т. 3. № 12. С. 636-652.
2. Дмитриевский А.А. Начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме архим. Антонин (Капустин) как деятель на пользу православия на Востоке и в частности в Палестине // СИППО. 1904. Т. 15. Вып. 2. С. 95-148.
3. Киприан (Керн), архим. Отец Антонин Капустин, архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1817–1894 гг.). М., 1997. 216 с.
4. Бутова Р.Б. Архимандрит Антонин (Капустин) и Святая гора Афон // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. № 2 (18) С. 73-87.
5. Лисовой Н.Н. Архимандрит Антонин (Капустин) – исследователь синайских рукописей: По страницам дневника // Церковь в истории России. Сб. 4. М., 2000. С. 197-207.
6. Никодим (Ротов) Приобретение о. Антонином (Капустиным) участков на Святой Земле // Императорское Православное Палестинское Общество: официальный сайт. URL: <https://www.ippo.ru/historyippo/article/priobretenie-oantoninom-kapustinym-uchastkov-na-sv-201655> (дата обр.: 25.09.2020).
7. Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века 1882–1907. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Dmitrievskij/imperatorskoe-pravoslavnoe-palestinskoe-obshhestvo-i-ego-deyatelnost-za-istekshuyu-chetvert-veka-1882-1907/ (дата обр.: 25.09.2020).

8. Из письма начальника РДМ в Иерусалиме архимандрита Антонина члену Палестинского Комиссии Б. П. Мансурову. Иерусалим. 1879 г. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 2 т. / сост. Н.Н. Лисовой. Т. 2. М., 2000. С. 62.
9. Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю: к 150-летию основания Русской палестины 1860–1864: каталог / Кирилл Вах. М., 2011. С. 27.
10. Донесение управляющего консульством в Иерусалиме В. А. Максимова Чрезвычайному и Полномочному Послу в Константинополе А. И. Нелидову. Иерусалим 8 октября 1883 г. // Россия в Святой Земле. Т. 2. С. 193.
11. Опись всех русских недвижимостей в Палестине и Сирии, за исключением частного владения, приложение к донесению А.Г.Яковлева послу в Константинополе А.И. Нелидову // Там же. Т. 1. С. 98.
12. Отношение начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме Архимандрита Антонина Консулу в Иерусалиме Д. Н. Бухарову. Иерусалим 18 ноября 1886 г. // Там же. Т. 2. С. 206.
13. Донесение управляющего консульством в Иерусалиме В. А. Максимова Чрезвычайному и Полномочному Послу в Константинополе А. И. Нелидову. Иерусалим 8 октября 1883 г. // Там же. С. 193.
14. Никодим (Ротов Б.Г.). История русской духовной миссии в Иерусалиме. Серпухов, 1997. С. 252.
15. Опись всех русских недвижимостей в Палестине и Сирии, за исключением частного владения, приложение к донесению А.Г. Яковлева послу в Константинополе А.И. Нелидову // Россия в Святой Земле. Т. 1. С. 98.
16. Церпицкая О. Л. Архимандрит Антонин (Капустин) и русские святые на Святой Земле // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2000 г. № 21-22. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Antonin_Kapustin/arhimandrit-antonin-kapustin-i-russkie-svjatyni-na-svjatoj-zemle/ (дата обр.: 25.09.2020).
17. Купчая крепость на место Иерусалимской духовной миссии в селении Бет-Джала, поблизости Вифлеема. Иерусалим 27 марта 1866 г. Россия в Святой Земле. Т. 2. С. 180.
18. Дмитриевский А. А. Бет-Джальская жен. учительская семинария и посещение ее Блаж. Патриархом Иерусалимским Дамианом // СИППО. 1911. Т. 22. Вып. 1. С. 65-73.
19. Отношение обер-прокурора Св. Синода графа Д. А. Толстого Первому товарищу министра иностранных дел. С.- Петербург 4 мая 1872 г. Россия в Святой Земле. Т. 2. С. 187.
20. Отношение Обер-Прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева к министру иностранных дел Н. К. Гирсу. С.- Петербург 26 января 1889 г. // Там же. С. 210.
21. Духовное завещание начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина). Иерусалим. 19 марта 1894 г. // Там же. С. 226.

А.Н. Алленов, Р.М. Житин

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАЛЕСТИНСКОГО КОМИТЕТА ПО ПРИОБРЕТЕНИЮ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-09-41034*

После завершения Крымской войны перед российской элитой встал вопрос о возвращении престижа страны на Христианском Востоке. России предстояло найти такую формулу внешнеполитического действия, которая позволила бы ей нивелировать негативные последствия мирного договора от 30 марта 1856 г. и эффективно от-

стаивать свои интересы в регионе. Выход из сложившейся ситуации нашелся благодаря активной и во многом инновационной деятельности Морского министерства, возглавляемого тогда братом Александра II Константином Николаевичем. Под его руководством получил высочайшее одобрение «Иерусалимский проект», в рамках которого «...русское православное паломничество в Святую Землю и покровительство ему со стороны государства впервые приобрело статус инструмента внешнеполитического влияния России» (1). В достаточно короткий срок в пригороде Иерусалима были приобретены обширные земельные владения, выстроена значительная церковная инфраструктура, налажена перевозка паломников между Палестиной и Российской империей (средства Российского общества пароходства и торговли). Все это укрепляло авторитет страны в регионе, создавало основу для эффективного продвижения своих политических интересов на всем Христианском Востоке.

Огромное значение в развитии Иерусалимского проекта сыграл чиновник Морского министерства Борис Павлович Мансуров (2). Посетив Палестину в 1857 г., он пришел к убеждению о невозможности активной деятельности в регионе без собственной паломнической и церковной инфраструктуры. По аналогии с западноевропейскими державами Мансуров предложил создать в Иерусалиме русские поклоннические приюты, госпитали, храмы. Значительные средства, необходимые для организации присутствия, планировалось взять из частной благотворительности (3). Одновременно предполагалось включить в проект ресурсы Российского общества пароходства и торговли, требующиеся для перевозки паломников к берегам Палестины. Получив однозначное одобрение со стороны Александра II, план Мансурова был принят к исполнению. 7 апреля 1864 г. создается Палестинский комитет, получивший единоличное право на распоряжение благотворительными суммами, переданными на строительство русской инфраструктуры. В состав учредителей Палестинского Комитета вошли: Обер-прокурор Святейшего покровительствующего синода, статс-секретарь кн. Оболенский, директор Азиатского департамента министерства иностранных дел генерал-майор Ковалевский, член Совета министров финансов действительный статский советник Небольсин и директор-распорядитель Русского общества пароходства и торговли статский советник Новосельский. Управляющим делами Комитета на Востоке был назначен статс-секретарь Б.П. Мансуров.

Идея Мансурова вызвала значительный общественный отклик. Только за пять первых лет (с 1859 по 1863 г.) в Комитет поступило более 3 млн руб. Значительную помощь оказывали и высшие лица государства. Так, в счет богоугодного дела Алек-

сандром II были переданы 500 тыс. руб., камергер Яковлева пожертвовал 30 тыс. руб. Не осталось в стороне и Общество пароходства и торговли, ассигновавшее на строительство богоугодных заведений около 30 тыс. руб.

Наиболее трудоемкой задачей первых лет работы Палестинского комитета стала покупка земельных владений в Иерусалиме. Еще в 1858 г. в рамках «временных мер улучшения быта паломников» русское правительство стало нанимать частные квартиры в Иерусалиме, Рамле, Яффе для размещения прибывающих в регион поклонников (4). Однако в связи с постоянно увеличивающимся трафиком путешественников, встал вопрос о приобретении и застройки собственных земельных участков в Палестине.

Первоначальный план деятельности в регионе предлагал поиск и покупку земли в черте г. Иерусалима. Исполняя данное поручение, члены Комитета «с самого начала употребили всевозможные старания» для приобретения «необходимых для построек» участков. Однако первый опыт закупок показал недостатки размещения построек в Святом Граде. Расположение Иерусалима делало «совершенно невозможным и даже неудобным возведение предположенных зданий». «Как известно, – отмечал Б.П. Мансуров, – Святой Град был ограничен древними стенами и давно уже стал тесен для скопляющегося в нем населения». Город располагался на 4-х холмах, «отделенных друг от друга оврагами». В такой конфигурации было трудно «образовать большую равную площадь для значительных строений».

Немалые опасения вызывала устойчивость будущей инфраструктуры. Из-за «вековых развалин, глубиною до 6 и 7 сажень», практически невозможно было построить прочный фундамент. Чтобы добиться нужного результата, надо было «врываться в землю на огромную глубину и употреблять на то страшные расходы» (5).

Одновременно покупка большого участка в Иерусалиме требовала серьезных трат в силу значительной стоимости земли в городе. «Если строиться в Иерусалиме, – отмечал Мансуров, – надобно будет, по крайней мере, 1500000 франков или 400000 рублей сер.; на Кайфу и Назарет уйдет не более 500000 фр. или 125000 рублей; следовательно, всего надобно желать около 2000000 франков или 500000 рублей, правда, распределенных лет на пять. Если будет меньше, мы и сделаем меньше, но для необходимого в Иерусалиме непременно нужно не менее 250000 рублей» (6).

17 сентября - 3 ноября 1858 г. Б. П. Мансуров в компании с архитектором М.И. Эппингером совершают первую поездку для изучения условий строительства русских богоугодных заведений в Святом Граде. После анализа плана предполагаемых зданий

Мансуров решает «расположить все русские заведения вне Святого Града, но в такой близости от городских стен, что никому из поклонников не встретятся затруднения ежедневному посещению святых мест, внутри Святого Града». Этим выигрывался «простор для будущих зданий, огромное сбережение по расходам и возможность поместить наши заведения на возвышенном месте, в чистом, здоровом воздухе». В качестве базового пункта размещения поклоннических приютов был выбран район Мейдамской площади, «закрывающий в себе 15709 квадратных сажен». Оценивая значение выбранных участков, Мансуров отмечал их «...замечательное расположение и отличный вид с площади, обнимавшей обширный горизонт от Заиордания и Аравийских гор до Вифлеема». Кроме того, Мейдам был наполнен «...отличным для построек камнем и даже мрамором», и характеризовался ровной поверхностью («без глубоких ям и рытвин»). Несмотря на свой загородный характер Мейдамская площадь находилась на оживленном участке. Именно через эту территорию жители еврейского ортодоксального района Меа Шеарим направлялись к Стене Плача, а прихожане эфиопской церкви, располагавшейся на улице Невиим, обычно шли здесь к храму Гроба Господня.

Приобретение земли для организации Русского подворья началась в 1859 г. и, несмотря на возникающие трудности, продолжалась до конца этого года. В январе 1859 г. «почти все зажиточные иерусалимские жители и монастыри так ревниво обратились на скупку прилегающих к Мейдаму земель», что стоимость местных участков «достигла размеров неслыханных». Ожидая со стороны россиян «затрат в нескольких миллионов пиастров и намерения скупить половину города», предприимчивые горожане «сочли выгодным поднять цены на земли свои до уровня, превышавшего нормальную стоимость их в 15 раз» (7).

Серьезное противодействие русским властям оказывала также турецкая администрация. Узнав об отсутствии разрешительного фирмана на покупку земельной собственности, Суррейя-Паша «хватал и бросал в тюрьму всякого землевладельца, покушавшегося на тайную запродажу нам земли». «Видя, как от россиян отшатнулись другие», В.И. Доргобужинов пришел к убеждению о «необходимости купить Пашу». Взятка обосновывалась и тем, что военные законы турецкой империи запрещали иметь постройки «в районе пушечного обстрела от крепостных стен». В итоге, Суррейя-Паша получил сумму в 76000 пиастров и взял на себя обязанности лоббирования русских интересов в Иерусалиме. Ссылаясь на примеры «подгородных построек Монтефиоре 6 и Протестантской Школы 7», он «ясно показал Порте» невозможность

отказа России в том, что было «разрешено прежде Английскому Правительству и частному лицу» (8).

Существенные затруднения в процесс покупки земли вносило и противостояние светской и гражданской власти в Иерусалиме. Несмотря на то, что начало приобретения участков было положено Мансуровым, настоятель Русской духовной миссии епископ Кирилл (Наумов) также включился в процесс покупки земельной собственности. «Преосвященный так положительно взял на себя успех начатого им до меня дела, – писал Мансуров, – что мне оставалось только радоваться, ждать и заняться с архитектором Эппингером планами и соображениями». Его амбиции подпитывались финансовой помощью императрицы Марии Александровны, предоставлявшей ему средства через созданный ею благотворительный комитет. Однако в результате «мелочности, самолюбия, малооснованный engouement» Кирилл потерпел в своем деле полную неудачу. По свидетельству Мансурова, он «до того был увлечен и обманут в деле приобретения земли в Иерусалиме, что мы чуть-чуть не попали в чрезвычайно невыгодный и неприятный просак. Я шесть недель ждал, молчал, следил за начатым им делом, но должен был, наконец, вмешаться и остановить» (9).

Важным шагом, предваряющим строительство русских поклоннических приютов в пригороде Иерусалима, стало августейшее паломничество в Палестину великого князя Константина Николаевича (май 1859 г.). «Турецкое правительство, – говорится в отчете Б.П. Мансурова, – узнав о желании русского Государя Императора явить новую заботливость о благе своих подданных и дорожа, после недавней войны, поддержанием доброго согласия между обеими державами, не только немедленно дало необходимое дозволение (фирман) на приобретение нужных земель и построение всех желаемых зданий, но и принесло в дар для упомянутой цели участок казенной пустопорожней земли, примыкающей к той площади, которая приобретена нами покупкой» (10).

Благодаря усилиям Мансурова и русского консула В.И. Доргобужина, к декабрю 1859 г. все вопросы по закупкам земли были окончены. В распоряжение России отошел обширный участок, включавший в себя земли Мейдамской площади (71511 кв. м), участок Мамилла (или св. Вавилы) (15614 кв. м), участки Энгеми или Биражие у Дамасских ворот, участок Комси (12809 кв. м), участок в Горней (5918 кв. м). На приобретение всей собственности было потрачено 54813 руб. По подсчетам Мансурова, квадратная сажень земли в Иерусалиме обошлась российскому правительству в 2 руб. 25 коп. Данный расход признавался «прискорбно великим» (11).

Таким образом, несмотря на объективные сложности в деле приобретения земель для строительства русских построек в Иерусалиме, эта задача была с успехом выполнена организаторами. В течение 1859 г. в распоряжение Палестинского комитета перешла достаточно обширная земельная собственность. Купленные участки характеризовались удобством расположения, приемлемой для строительства геологией. Топография места позволяла разместить здесь целый комплекс церковной, хозяйственной и паломнической инфраструктуры. Застройка приобретенных в 1859 г. участков (Русское подворье) заложила основу русского влияния в Палестине, создало прочную базу культурной и церковной деятельности в Святой Земле.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю: к 150-летию основания Русской Палестины 1860–1864: каталог / Кирилл Вах. М., 2011. С. 5.
2. Мансуров Б.П. Православные поклонники в Палестине. СПб., 1857.
3. Письма Б.П. Мансурова из путешествия по Православному Востоку в 1857 г. / подгот. к изд. и публ. Кирилла Ваха и Алексы фон Виннинг. М., 2014. С. 34.
4. Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века 1882–1907. М., 2008. С. 228.
5. Мансуров Б.П. Отчет о мерах, принятых к улучшению быта русских православных поклонников в Палестине // Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 2 т. / сост. Н.Н. Лисовой. Т. 1. М., 2000. С. 228.
6. Вах К. Как начиналась Русская Палестина. Иерусалим в письмах Б. П. Мансурова и В. И. Доргобужинова. 1858–1860 гг // Иерусалимский православный семинар. 2017. № 7. С. 160.
7. Мансуров Б. П. Указ. соч. С. 227-229.
8. Донесение консула в Иерусалиме В. И. Доргобужинова поверенному в делах в Константинополе князю А. Б. Лобанову-Ростовскому // Россия в Святой Земле. Т. 1. С. 222.
9. Вах К. Указ. соч. С. 150-169.
10. Мансуров Б. П. Указ. соч. С. 131.
11. Дмитриевский А. А. Указ. соч. С. 110.

Р.М. Житин, А.Н. Алленов

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ И РУССКОЕ КОНСУЛЬСТВО В ИЕРУСАЛИМЕ В 1859–1864 ГГ. ЭТИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-09-41034*

Возникновение специальных учреждений для организации русского присутствия в Палестине относится к периоду деятельности вел. кн. Константина Николаевича в Морском министерстве. Именно под его руководством возник инфраструктурный и дипломатический проект решения Восточного вопроса через создание в действие комплексного представительства России в святых местах. На основе докладной за-

писки чиновника Морского министерства Б.П. Мансурова предполагалось создание собственной паломнической инфраструктуры в Иерусалиме, организацию прямого пароходного сообщения для доставки российских паломников в регион, организация работы отдельного консульства в Святом Граде (1). Большое значение в проекте отводилось деятельности Российского общества пароходства и торговли. Общество явилось не только средством трансферта паломников в Иерусалим, но и главным не-политическим инструментом, с помощью которого российское правительство должно было действовать в регионе (2).

В декабре 1858 г. в Иерусалиме возникает Российское консульство. Первым русским консулом в Святом Граде был назначен агент РОПиТ В.И. Доргобужинов, совмещавший таким образом дипломатическую службу и работу в акционерной компании. В рамках инструкции, утвержденной российским посланником в Константинополе А.П. Бутеневым, В.И. Доргобужинов был обязан «наблюдать за наружным порядком и благочинием между всеми поклонниками из России», поддерживать прямые отношения как «с турецким начальством, так и с консулами других иностранных держав». Во всех этих случаях Владимиру Ипполитовичу предписывалось «действовать в полном согласии с Начальником нашей Духовной Миссии, и оказывать ему содействие предоставленными Вам исполнительными мерами во всех его требованиях относительно поклонников». В случае особой необходимости он мог обращаться непосредственно в дипломатическое представительство России в Константинополе (3).

Если вопрос о создании русского консульства в Иерусалиме решался в кругу приближенными Константина Николаевича по Морскому министерству, то инициатива возобновления деятельности Русской духовной миссии (далее РДМ) в Святом Граде всецело принадлежала А. М. Горчакову. «Миссию в Иерусалиме учреждала не Русская Церковь, а Министерство иностранных дел», – констатировал архимандрит Порфирий. «Синоду, – по его мнению, – вероятно, было предписано принять это уже в готовом виде, причем даже ограничено было право выбора лица для возглавления будущей Миссии» (4). По мнению К. Ваха, активное внимание А. М. Горчакова к РДМ было ответом на «возросший после Крымской войны интерес со стороны Императорской Фамилии к святым местам как параллельная площадка для деятельности МИД в Иерусалиме» (5). Данный ход позволил создать главе русского внешнеполитического ведомства универсальную церковно-дипломатическую структуру.

1 сентября 1857 г. начальником Духовной миссии (третьим по счету) был назначен архимандрит Кирилл (Наумов). Практически сразу 11 октября 1857 г. (6) его ие-

рархический сан был повышен до епископа, что фактически ставило его «в начальствующее положение ко всем другим начальствующим лицам в Палестине». В последующем, это решение создаст множество дополнительных сложностей во взаимоотношениях с русским консулом, должность которого считалась ниже по рангу звания епископа. Приобретенными задачами нового настоятеля Русской духовной миссии называлась забота о поддержании братских отношений с греческим духовенством, осуществление нравственного наблюдения за поклонниками из России, распространение духовного влияния на соседние – Антиохийский и Александрийский патриархаты, противодействие попыткам присоединения яковитов, халдеев и коптов к Римской Церкви (7).

Достаточно неожиданной для Кирилла (Наумова) была отдельная инструкция Министерства иностранных дел о необходимости покупки участков для организации русского присутствия в Палестине. Фактически данное требование являлась попыткой учреждения в регионе официальных лиц с аналогичными поручениями в будущем. Включая эту задачу в повестку Кирилла (Наумова), А.М. Горчаков обрекал его на постоянные конфликты с первым русским консулом в Иерусалиме В.И. Доргобужиновым. 3 марта 1859 г. высочайшим указом было объявлено о создании специального комитета, получившего впоследствии именование Палестинского. Комитету «...сему поручено предварительное соображение и обсуждение всех предположений и мер, которые по настоящему делу будут представляться и возникать по мере развития основываемого ныне на Востоке предприятия, ..., и чтобы комитет принимал от себя в случае надобности нужные меры к исполнению утвержденных предположений» (8). Управляющим делами нового органа на Востоке был назначен статс-секретарь Б.П. Мансуров. Активные контакты настоятеля Русской духовной миссии Кирилла (Наумова) и первого консула В. И. Доргобужинова начинаются в сентябре 1859 г. После кратковременных встреч Кирилл отмечал «симпатии к личности» Владимира Ипполитовича, «предупредительную любезность» консула и возможность совместной работы в будущем («будут действовать дружно»). Однако, учитывая характер деятельности В. И. Доргобужинова, епископ все же «...не скрывал от себя возможности некоторых поводов к недоразумениям». Соединение в одном лице консула и агента РОПиТ сильно беспокоило Кирилла (Наумова). Особенно, кажется, он опасался преобладания со стороны Российского общества пароходства и торговли, которое прямо вторгалось в сферу деятельности Миссии, так как стремилось взять в свои руки заботы по наблюдению за поклонниками и строительством русских построек.

Особенно явно противоречия между консулом и настоятелем Миссии проявили себя в конфликте вокруг госпиталя, возведенного Кириллом в черте города Иерусалима. По сути, эта постройка стала единственным крупным результатом деятельности епископа, направленного на улучшение быта русских поклонников. Строительство стало возможным благодаря помощи императрицы Марии Александровны. С 1858 г. она основала при своем дворе негласный благотворительный комитет, занимающийся сбором и пересылкой начальнику Иерусалимской миссии пожертвований. В 1859 г. Марией Александровной было передано Кириллу 40000 руб. Значительная по меркам России эта сумма была крайне незначительной с учетом уровня цен в Палестине.

Скудное форсирование миссии Святейшим синодом не позволило содержать госпиталь в должном порядке. В какой-то из периодов времени Кирилл перестал оплачивать труд местного медицинского персонала. Отсутствие должного финансирования в итоге привело к тому, что «все служители госпиталя хотели уйти, и в здании почти не было белья и утвари». Реагируя на происходящее, В.И. Доргобужинов «вошел в госпиталь, описал вещи, приказал служащим обращаться к нему, и – делу конец». «Все это было сделано не потому, что мы умнее Кирилла, – замечал Б.П. Мансуров, – а потому, что наши средства позволяют нам содержать госпиталь, стоящий не менее 4000 руб. в год». Реакция Кирилла была достаточно болезненной. «Как агент Общества, – писал Кирилл, – Доргобужинов идет со мною уже не по одной дороге, не под одним начальством состоим мы, не одно дело делаем, а если и одно, то совершенно с различными видами, что еще хуже».

Конфликт стал основанием для четкого разграничения деятельности светского и церковного управления в Палестине. Журнальным постановлением Палестинского Комитета от 11 декабря 1859 г. взаимоотношения консула и начальника Миссии были четко определены. Согласно новым правилам работы в обязанности епископа Кирилла входило «нравственное и духовное назидание русской паствы, церковное представительство, производство богослужения, управление делами миссии, пастырское наблюдение за нашими поклонниками и всеми нравственными условиями их жизни, участие советами и указаниями в делах призрения наших богомольцев, передачу консулу своих замечаний по сему предмету и содействие ему в улучшении быта поклонников». В противовес начальнику Миссии русский консул в Иерусалиме должен был осуществлять «все политическое, дипломатическое, гражданское и полицейское представительство и управление», курировать «приобретения земель и домов, хозяйственное заведывание приютами, госпиталем и строениями». Чтобы остановить даль-

нейшую вражду епископа и консула, Министерство иностранных дел принимает решение отозвать из Иерусалима Доргобужинова и заменить его на К.И. Соколова (1860–1862 гг.), а затем (из-за его смерти) на А.Н. Карцова (с 1862 г.). К тому времени большинство построек Русского подворья было возведено. Стремясь не допустить повышения роли Кирилла (Наумова) в управлении подворьем, Карцов повел против епископа ожесточенную полемику. Консул именовал Кирилла «пьяницей» «до припадков белой горячки», «скоморохом», окружающим себя «арабскими комедиантами и женщинами».

Необходимо, признать, что некоторые поводы для таких характеристик были. Встречавший в Иерусалиме Кирилла (Наумова) граф Шувалов также давал ему нелестные характеристики. В ходе одной из встреч Кирилл «позволил себе излишнее употребление вина и на конец вечера приказал арабу раздеться и танцевать. А когда тот исполнил его желание, то владыка не стеснялся аплодировать ему». Многочисленные жалобы русского консула дошли, в том числе, и до императора Александра II. Близко принимавший к сердцу наши дела в Палестине, он положил резолюцию: «Крайне грустно, если все это правда. Но и слухов было бы достаточно, чтобы не оставить его на месте». Указом 22 июня 1863 г. епископ Кирилл был отозван из Иерусалима в Россию и поселен на жительство в Спасском монастыре г. Казани. Анализируя значение настоятеля Русской духовной миссии в жизни Русского подворья, консул Карцов замечал, что «более полезным для единства наших действий и русских интересов в Палестине назначить новым начальником духовной миссии не епископа, а архимандрита, известного не одними только умственными способностями, но и добрым, честным поведением и строгою примерною жизнью». Таким образом, консул был недоволен высоким иерархическим саном начальника Иерусалимской миссии и обосновывал необходимость его принижения.

29 ноября 1863 г. на должность настоятеля Русской духовной миссии был назначен Леонид (Кавелин). В 1857 г. он уже служил в Иерусалиме под начальством епископа Кирилла. Перед отъездом в Святой Град новому начальнику были даны подробные инструкции. «Императорское консульство, – говорится в данных инструкциях, – по самому существу своих обязанностей, сносятся с местными властями, заботятся о безопасности и интересах наших подданных, разрешает возникающие между ними споры и т. п.». Компетенции Русской духовной миссии очерчивались по-другому. «Кроме отправления богослужений и удовлетворения духовных нужд наших подданных», они заключались в «передаче по принадлежности присылаемых из Рос-

сии пожертвований, а также и в содействии нашему консульству в тех случаях, когда оно обратится к посредству миссии». Как начальнику миссии, Леониду было декларировано «наблюдение за поведением состоящих при оной лиц, распределение между ними обязанностей и занятий и общее руководство над ними». Новый начальник миссии «по свойству своего настойчивого решительного характера и по своим ригористическим монашеским воззрениям», с упорством принялся за исполнение своих обязанностей. В первую очередь была «соответственно святости места и важности принятого каждым паломником подвига» отрегулирована жизнь в паломнических приютах. «Господа, служащие здесь, – по словам архимандрита Леонида, – высказывают твердое намерение не терпеть среди себя ни одного, мало-мальски не безгласного свидетеля их действий» (9).

Для наведения порядка в женском корпусе смотрительницей была назначена Мать Магдалина. Активные действия начальника РДМ были негативно восприняты как русским консулом, так и насельниками Подворья. Жалоба в Синод и передача Иерусалимской патриархии компрометирующих Леонида (Кавелина) писем сделали архимандрита нежелательной фигурой в Иерусалиме. Патриарх Кирилл просил Священный Синод «положить конец такому худому положению дел, заменив сказанного архимандрита Леонида каким-либо другим лицом». Указом Синода от 16 июля 1865 г. Леонид был переведен в Константинополь, где стал настоятелем церкви при русском посольстве. Однако вплоть до 1869 г. он продолжал оставаться главой Русской духовной миссии (10).

Таким образом, конфликты между настоятелями Русской духовной миссии и главами консульства в Иерусалиме обуславливались самим принципом организации Иерусалимского проекта России. Конкуренция разных государственных структур в организации русского присутствия в регионе, личные амбиции представителей церковных и светских властей в Палестине способствовали росту напряжения и, в конце концов, привели к четкому разграничению деятельности консула и начальника Миссии. При этом основные функции управления Русским подворьем были переданы в руки светской власти, сократив деятельность настоятеля до обязанностей наблюдением за паломниками. Это решение не способствовало установлению мира между двумя ведомствами и в будущем стало основанием для новых конфликтов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю: к 150-летию основания Русской палестины 1860–1864: каталог / Кирилл Вах. М., 2011. С. 16.

2. Житин Р. М. Организация русского паломничества в Святую Землю (1858–1889 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25. № 184. С. 175–182.
3. Инструкция посланника в Константинополе А. П. Бутенева первому русскому консулу в Иерусалиме В. И. Доргобужину. Буюкдере 9 августа 1858 г. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 2 т. / сост. Н.Н. Лисовой. Т. 1. М., 2000. С. 57.
4. Порфирий (Успенский, Константин Александрович). Книга бытия моего: Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского: в 8 т. Т. 7. СПб., 1902. С. 46.
5. Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество. Указ. соч. С. 24.
6. Всеподданнейший доклад Министра иностранных дел князя А. М. Горчакова. Скерневицы 1 сентября 1857 г. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 2 т. / составитель Н.Н. Лисовой. М., 2000. Т. 2. С. 54.
7. Верноподданнейший доклад вице-канцлера князя А.М. Горчакова «Проект преобразования Иерусалимской Духовной Миссии и инструкции начальника ее». С.-Петербург, 23 марта 1857 г. // АРДМ. П. 1. Д. 1. Л. 13.
8. Вах К. Как начиналась Русская Палестина. Иерусалим в письмах Б. П. Мансурова и В. И. Доргобужина. 1858–1860 гг. // Иерусалимский православный семинар. 2017. № 7. С. 119, 120, 234.
9. Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века 1882–1907. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Dmitrievskij/imperatorskoe-pravoslavnoe-palestinskoe-obshhestvo-i-ego-deyatelnost-za-istekshuyu-chetvert-veka-1882-1907/ (дата обр.: 25.09.2020);
10. Никольский А. Леонид (Кавелин) // Русский биографический словарь: в 25 т. Т. 10. СПб.; М., 1914. С. 199.

А.Н. Алленов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХИМАНДРИТА АНТОНИНА ПО СОЗДАНИЮ РУССКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-09-41034*

Архимандрит Антонин Капустин по праву считается одним из созидателей российского присутствия в Святой Земле. Возглавив Русскую духовную миссию в непростой момент конфронтации с Иерусалимским Патриархатом, новый настоятель, используя дипломатический талант и тонкое понимание церковной обстановки на Востоке, сумел укрепить авторитет России в Палестине, создать прочную основу для духовной деятельности в регионе. Его активная и во многом инновационная деятельность отмечалась как современниками (1), так и потомками (2).

Будущий архимандрит Антонин (в миру Андрей Иванович Капустин) родился в 12 августа 1817 г. в селе Батурино Шадринского уезда Пермской губернии (3). Получив образование сначала в Далматовской и Екатеринославской семинариях, в 1839 г. он поступил на обучение в Киевскую духовную академию, где готовился получить

степень магистра богословия (1844). После окончания обучения он остается преподавать в Академии немецкий и греческий языки. 7 ноября 1845 г. Андрей Иванович принимает постриг в монахи (с именем Антонин) и переходит на административную службу в Киевскую духовную академию, ведя здесь преподавательскую деятельность на кафедрах нравственного богословия (1846), библейской герменевтики и обличительного (сравнительного) богословия (1847). Параллельно Антонин занимается исправлением русского перевода гомилий святителя Иоанна Златоуста, пишет статьи и проповеди.

15 мая 1850 г. Антонин становится настоятелем церкви при русском посольстве в Афинах, где на протяжении трех лет изучает древние христианские надписи. С научными целями он совершает поездки в Рим (1852), Иерусалим и Египет (1857), получая возможность воочию увидеть древние собрания книг. Одновременно он участвует в консультациях по восстановлению древнего храма Ликодиму (св. Никодима, нач. XI в.). Под его непосредственным руководством выполняется роспись церкви, а также предшествовавшие археологические раскопки. В 1853 г. в награду за свои труды Антонин был возведен в сан архимандрита.

В 1859 г. начинается новый этап в жизни Антонина. По протекции митрополита Московского Филарета (Дроздова) его назначают настоятелем храмом при русском посольстве в Константинополе. Отцу Антонину было поручено заниматься болгаро-униатским вопросом, выполнять некоторые поручения Синода в связи со вступлением на Вселенский престол патриарха Софрония III. В это же время он продолжает изучение Синайского кодекса Библии. В 1862 г. им был составлен каталог 624 рукописей библиотеки иерусалимского Святогробского подворья в Константинополе. Здесь Антонин впервые обратил внимание ученых на уникальный рукописный сборник, содержащий текст Дидахе (4). Во время своего пребывания в Греции Антонин начинает изучать древние христианские надписи. В 1859 г. состоялось его первое путешествие на Афон, где посвящает много времени исследованию древних рукописей и книг, а также составлению описаний нескольких монастырских книжных хранилищ. Именно в это время он познакомился с архимандритом Порфирием (Успенским), с которым вел впоследствии переписку (5).

5 июня 1869 г., по ходатайству патриарха Кирилла, Антонин был утвержден в должности начальника Русской духовной миссии. Приехав на новое место, он «...застал тут уже твердо образовавшееся убеждение, что не только не возобновится порядок вещей 1858 г., не восстановится епископское достоинство в лице начальника

Миссии (столько напугавшее и турок, и греков, и западные пропаганды), но и что самое существование в Иерусалиме Духовной Миссии стало проблемой» (6). Тем не менее, в течение своей службы архимандрит смог «пережить трех консулов», сумев держать мир между двумя ведомствами, считавшийся в 1865 г. почти уже совершенно невозможным.

Большое внимание Антонин уделял проблеме организации русского паломничества по святым местам. Его сильно беспокоила вмешательство в этот процесс консульской власти. То обстоятельство, что проводник получал свое жалование (40 фр. в месяц) из средств Консульства, не могло быть в глазах настоятеля Миссии достаточным «основанием к тому, чтобы провожающий и назначался, и заправлялся во всех своих действиях» гражданской властью. Особенно остро ситуация сложилась при работе В. Ф. Кожевникова. На должность киваса он поставил «одного безграмотного отставного солдата, некоторое время бывшего служителем при Духовной Миссии». Однако новый проводник практически сразу был выгнан архимандритом «за разные проделки с поклонниками неблаговидного характера». Признавая «путеводство поклонников по св. местам важным по своему влиянию на ум и сердце наших соотечей», Антонин требовал от обер-прокурора Святейшего синода «возвращения Палестинской Духовной Миссии, как вполне компетентной, права водить поклонников по святым местам, без вмешательств консульства, патриархии и кого бы то ни было третьего, разве только по инициативе самой же миссии». Должной реакции на это обращение не последовало (7). В результате только вмешательство Императорского Православного Палестинского общества, принявшего на себя расходы по содержанию проводника паломнических караванов, способствовало налаживанию нормальной деятельности кивасов (8).

Суть отношений между церковной и гражданской властями в Палестине наиболее ясно показал период консульства Н.А. Иларионова. Прослуживший в Иерусалиме «без году месяц», новый консул представил план «обращения Духовной Миссии в Иерусалиме в настоятельность», принижая тем самым авторитет церковной власти. Не желая «действительного раздора, Антонин донес о случившемся Палестинской Комиссии, «прося ее о восстановлении в отношении Миссии «статус-кво». Однако и в этом случае, обращение архимандрита было оставлено без внимания.

На фоне постоянных противоречий с консулами Антонин принимает решение «разработать свои учреждения» для закрепления за Русской миссией религиозного влияния в Святой Земле. В 1866 г. архимандрит Антонин покупает на имя драгомана

Якуба Халеби два участка земли в арабском селении Бейт-Джала (9). Благодаря материальной помощи императрицы Марии Александровны в районе Дахры (1,32 га) было построено двухэтажное здание детской школы. Сюда же была переведено из Иерусалима первое русское учебное заведение для арабов, созданное в 1858 г. педагогом Е.Ф. Бодровой. Его перенос был вызван недовольством греческой патриархии. Позднее школа была преобразована в первую на Ближнем Востоке женскую гимназию. Рядом с ней на средства О.Е. Путятиной, дочери адмирала и дипломата Е. В. Путятина, была построена амбулатория. В 1880 г. гимназия была закрыта Антонином ввиду недостатка средств и аварийного состояния помещений (10).

В 1870 г. при посредничестве архимандрита была приобретена вершина Елеонской горы (11). Площадь участка составила 20-ю денюминов, или 4 десятины. Приобретая землю, «усеянную одними лишь громадными камнями», архимандрит возвел здесь церковь Святой Марии Магдалины. Работы курировали иерусалимские архитекторы Конрад Шик, а затем Георгий Франгия. На сооружение храма Александр III внес 100 тыс. рублей, его четверо братьев – по 15 тыс.; великая княжна Мария Александровна – 5 тыс. Постройка была сооружена из бело-серого камня и имела колокольню (12). Причем колокол для церкви русские паломники несли на себе от Яффы до Иерусалима. В последующем здесь были проведены работы по озеленению территории – «посажено не менее 200 молодых маслин и много кипарису». Специально для поклонников из простолюдинов Антонин позаботился о строительстве здания с просторными помещениями для мужчин и женщин, тремя небольшими комнатами для служащих и удобной светлой кухней (13).

В 1869–1871 гг. в 7 км к юго-западу от Старого города близ селения Эйн-Карем Антонином были куплены земли общей площадью 228776 кв. км. Этот район традиционно считается местом рождения Иоанна Предтечи и Встречи Девы Марии с праведной Елизаветой. Наиболее крупный участок был приобретен у драгомана Французского консульства Ханна Джелад за 55 тыс. франков (14). Вскоре после оформления купли-продажи на этом месте начинает устраиваться женская община монастырского типа. Антонин ввел особый принцип расселения, при котором каждая насельница за определенную сумму, уплаченную Миссии, получала свой земельный надел и должна была на собственные средства построить дом.

Первая монастырская церковь с небольшой колокольней была освящена 14 февраля 1883 г. в честь Казанской иконы Божией Матери. Храм был выстроен в русском стиле. Справа от входа в его находится камень, на котором, по преданию, проповедо-

вал Иоанн Креститель. Также архимандрит возвел здесь небольшой дом для священника, отдельное здание для поклонников с «просторными помещениями для мужчин и женщин», и двухэтажный приют для посетителей 1-го класса. Уже в первый год в районе монастыря появилось шесть небольших домов насельниц, выстроенных «по соглашению с отцом Антонином на свои средства, под его надзором и при его участии как архитектора». Эстетика пространства дополнялась озеленением территории, на которой были высажены 150 масличных деревьев.

В 1869 г. в пригороде Яффы Антонин приобретает пустырь под названием «Дарбатейн Табита» (15). По легенде, именно в этом районе была похоронена святая Тавифа, воскрешенная апостолом Петром. В честь памятного события был заложен православный храм (Храм святого апостола Петра и праведной Тавифы). Еще до строительства церкви на купленной земле удалось построить странноприимный дом для православных паломников, прибывавших в Палестину через Яффу, выкопать колодец, посадить плодовые (апельсины, лимоны, маслины, гранаты, смоквы) и декоративные (кипарисы, эвкалипты, сосны) деревья. Как правило, маршрут таких паломников лежал в Иерусалим через селения Рамле, Лод и Абу-Гош в сопровождении охраны и представителей Русской духовной миссии в Иерусалиме, а с 1882 г. и Императорского православного палестинского общества.

Строительство Храма святого апостола Петра и праведной Тавифы было начато 6 октября 1888 г. в присутствии великих князей Сергея и Павла Александровичей и великой княгини Елисаветы Федоровны. В возведении церкви принимали участие итальянские мастера и местные жители, иконы писал художник и критик А.З. Ледаков. 16 января 1894 г. при участии архимандрита Антонина церковь была освящена (16).

Талант Антонина как организатора покупки множества участков дополнялся его способностями создателя строящейся там инфраструктуры. «Красоты воздвигаемых зданий, равно и материала, из которого они построены» не раз отмечались современниками. Настоятеля хвалили за создание планов комплексов «без помощи архитектора», употребление наиболее приемлемого для данных мест материалов (дерево «здесь привозное, а камень – в обилии на том самом месте, где идет постройка»). Находились и критики «достопочтенного начальника Духовной миссии». Однако их замечания о возведении «одних лишь церквей» и создании построек вида «des chalets» (щеголеватые и красивые по форме здания) не находили поддержки даже у представителей русской гражданской власти в Палестине.

Деятельность Антонина в Палестине имело огромное значение для укрепления русского присутствия в святой земле. Активная позиция архимандрита позволила не только приобрести множество важных для православной России мест, но и построить на купленных участках церковную и паломническую инфраструктуру. Отдав служению Русской духовной миссии 28 лет, Антонин поднял ее авторитет на небывалую высоту, способствуя улучшению жизни русских поклонников, созданию русских духовных и образовательных центров, сохранению в Палестине русского богослужения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пономарев С. Памяти отца архимандрита Антонина // ТКДА. 1894. Т. 3. № 12. С. 636-652.
2. Салмина М. А. Дневник архим. Антонина (Капустина) // ТОДРЛ. 1973. Т. 27. С. 420-430.
3. Дмитриевский А.А. Начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) как деятель на пользу православия на Востоке и в частности в Палестине // СИППО. 1904. Т. 15. Вып. 2. С. 95-148.
4. Лисовой Н. Н. Архимандрит Антонин (Капусти – исследователь синайских рукописей // Церковь в истории России. Сб. 4. М., 2000. С. 197-207.
5. Фонкич Б. Л., Э. П. Г. Антонин (Капустин) // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 684-686.
6. Из письма начальника РДМ в Иерусалиме архимандрита Антонина члену Палестинского Комиссии Б. П. Мансурову. Иерусалим. 1879 г. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 2 т. / сост. Н.Н. Лисовой. Т. 2. М., 2000. С. 62
7. Донесение начальника РДМ в Иерусалиме архимандрита Антонина Обер — Прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву. Иерусалим 14 марта 1884 г. // Россия в Святой Земле. Т. 2. С. 67
8. Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века 1882–1907. СПб., 1907. С. 99.
9. Купчая крепость на место Иерусалимской духовной миссии в селении Бет-Джала, поблизости Вифлеема. Иерусалим 27 марта 1866 г. //Россия в Святой Земле. Т. 2. С. 180.
10. Дмитриевский А. А. Бет-Джальская жен. учительская семинария и посещение ее Блаж. Патриархом Иерусалимским Дамианом // СИППО. 1911. Т. 22. Вып. 1. С. 65-73.
11. Отношение начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме Архимандрита Антонина Консулу в Иерусалиме Д. Н. Бухарову. Иерусалим 18 ноября 1886 г. // Россия в Святой Земле. Т. 2. С. 206.
12. Лисовой Н. Н. Гефсиманский во имя равноапостольной Марии Магдалины Монастырь // Православная энциклопедия. Т. XI. М., 2006. С. 436-438.
13. Донесение управляющего консульством в Иерусалиме В. А. Максимова Чрезвычайному и Полномочному Послу в Константинополе А. И. Нелидову. Иерусалим 8 октября 1883 г. // Россия в Святой Земле. Т. 2. С. 193.
14. Никодим Ротов. История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Серпухов, 1997. С. 252.
15. Опись всех русских недвижимостей в Палестине и Сирии, за исключением частного владения, приложение к донесению А.Г.Яковлева послу в Константинополе А.И. Нелидову // Россия в Святой Земле. Т. 1. С. 98.
16. Церпицкая О. Л. Архимандрит Антонин (Капустин) и русские святые на Святой Земле // Санкт-петербургские епархиальные ведомости. 2000 г. № 21-22. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Antonin_Kapustin/arhimandrit-antonin-kapustin-i-russkie-svjatyni-na-svjatoj-zemle/ (дата обр.: 25.09.2020).

БУДНИ ПРИГОВОРЕННЫХ К СМЕРТНОЙ КАЗНИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Смертная казнь в качестве уголовного наказания за особо тяжкие преступления на 31 декабря 2019 г. применялась в 67 странах, среди них КНР, Иран, Саудовская Аравия, США, Япония. Хотя мировая статистика демонстрирует снижение количества казней в 2019 г. (667 казней) по сравнению с 2015 г. (1634 казни), стоит обратить внимание на занижение показателей вследствие нежелания некоторых стран предоставлять информацию со ссылкой на государственную тайну (1). Между тем в России введен мораторий на смертную казнь, что не тождественно ее отмене. Как известно, «всякое организованное общество берет под защиту материальные и духовные интересы общегития и его членов» (2). В связи с этим актуальным остается спорный вопрос о справедливости применения данного наказания. Вообще говоря, смертная казнь в Российской империи до 1905 г. являлась мерой исключительной, назначаемой военными судами. Но с 1905 г. ее применение получает чрезвычайное развитие. Помимо военно-окружных судов, она стала назначаться военно-полевыми судами, образованными по «Положению Совета министров о военно-полевых судах» 19 августа 1906 г. Если в военно-окружных судах *иногда* обходились без свидетелей, *иногда* не допускались гражданские защитники, то военно-полевые суды (где председатель и члены – строевые офицеры, привыкшие без промедления исполнять волю администрации) не предполагали защитников, прокуроров, кассации; действовали как чрезвычайная мера в борьбе с терактами, экспроприациями. Привычка к ежемесячным газетным упоминаниям, слухам о казнях обесценивала жизнь в глазах общества, что повлияло на дальнейший ход истории: готовность отстаивать свои права с оружием в руках. Правовед М.М. Боровитинов сообщал на Вашингтонском конгрессе о том, что число казненных в 1905 г. составило 20 человек, в 1906 г. – 144, в 1907 г. – 1139, в 1908 г. – 823, в 1909 г. – 537, в 1910 – 129, в 1911 г. – 58 (3). Таким образом, наибольшее количество жертв приходится на послереволюционные 1907–1909 гг. По словам священника, депутата Государственной думы II созыва Ф.В. Тихвинского, «смертная казнь – это ужасная, нечеловеческая месть» (4).

Цель данной статьи – выяснить, соответствовала ли смертная казнь критерию социальной справедливости в момент ее широкого применения в России начала XX в.

Специальных исследований, посвященных проблеме состояния революционеров перед казнью, не имеется. Современные исследования носят общий характер, раскрывая в отдельных главах психологический портрет террористов начала XX в. (А. Гейфман, О.В. Будницкий). Проблему характера смертной казни поднимает дореволюционная монография И.А. Малиновского. Поиск источников: воспоминаний смертников, соседствовавших с ними заключенных, представляет трудность, возможно использовать в качестве таковых произведения близких к революционным кругам писателей В.Г. Короленко и Л.Н. Андреева о ставшем им известным быте приговоренных к смерти, сообщения кадетской газеты «Речь» о самоубийствах заключенных. В исследовании О.В. Будницкого анализируются воспоминания А.А. Измайлович, покушавшейся на минского губернатора П.Г. Курлова, которой казнь была заменена каторгой (5).

«В смертной казни необходимо различать два элемента кары: физический – лишение человека жизни насилем и психический элемент – лишение надежды, опустошение души мрачным и безвыходным отчаянием, – словом, создание нравственной пытки». В итоге, человек испытывал не справедливое воздаяние, а мщение, всегда содержащее ответное превышение степени нанесенного вреда. В.Г. Короленко отмечал: «Тюремная администрация употребляет все усилия, чтобы изолировать казненных от остальных заключенных. Для прогулки смертников отведено особое место. В баню их тоже водят отдельно. На допросы, в суд, на прогулку или на свидания их проводят общими коридорами, и арестанты смотрят в глазки на этих обреченных. Теми же коридорами ведут их в темные предутренние часы на казнь» (6). По воспоминаниям террористки А.А. Измайлович, оказавшейся в заключении, узники остро воспринимали увод смертника: «Проснулась я от сплошных рыданий. Нельзя было разобрать, что кричат. В этих беспорядочных отрывистых выкриках до боли чувствовалась вся громадность ужаса сознания бессилия в минуту, когда сердце разрывается от огненной ненависти, когда душа рвется помешать совершиться позорному, страшному делу. Помню, у меня не было ни единой слезинки, только дрожала я всем телом, как в сильнейшей лихорадке» (7).

По словам неизвестного корреспондента, материалы которого использовал писатель В.Г. Короленко при создании статьи, «в башнях в одиночку, иногда группами люди ждут приговоров или их исполнения. Ждут дни, недели, месяцы, каждый вечер спрашивая себя, увидят ли они завтрашнее утро. В прежнее, «доконституционное» время один военный судья говорил, что продолжительная отсрочка казни являлась огромным шансом за ее отмену: нельзя казнить человека, пережившего такой про-

должительный ужас, хуже самой смерти. Теперь этими психологическими тонкостями не считаются...» (8). Хочется возразить автору, наоборот, отсрочку преднамеренно использовали. Пережившая заключение приговоренного к смерти сына мать террориста Б.В. Савинкова восклицала: «Напрасно уверяют палачи, что они только отнимают жизнь за жизнь! Страшная разница в том, как умереть? Внезапно ли или медлительно высчитывая оставшиеся минуты, нарочно продленные мстительной рукой?» (9). Кроме того, по свидетельству заключенного в севастопольскую тюрьму бывшего члена второй Думы Ломтакидзе, процветали систематические избиения и истязания перед приведением приговора в исполнение (10). Дело в том, что нервозность смертников, которым уже нечего было терять, доходила до крайности, что вытекало в нарушение тюремного режима. В свою очередь, надзиратели не стеснялись в средствах усмирения, пользуясь возможностью безнаказанно играть жизнью сокрушенного человека (11).

Проводя параллель между настроением общества 1905–1906 гг. и 1907–1910 гг., В.Г. Короленко делал следующий вывод: «Все еще памятно то одушевление, с которым шли на смерть приговоренные к казни или расстреливаемые без суда в первом периоде революции 1905–1907 гг. По мере того, как смертная казнь превратилась в будничное бытовое явление, от нее удаляется и обволакивавшее ее прежде одушевление» (12). Осознание близящегося конца наступало не сразу, в первые дни после приговора многие чувствовали себя бодро, презирая смерть, но спустя время в письмах приговоренных прослеживались трагические ноты: «С утра до ночи смеемся, рассказываем различные анекдоты. Конечно, вопрос о жизни приходит иногда в голову. Задумаешься на несколько минут и стараешься забыть все потому, что все уже кончено для меня на сей земле» (13). Огромную роль играло поведение окружения, не позволявшего остаться смертнику наедине с собой: «Спать ложимся мы в три часа ночи. Р. научил нас играть в преферанс, и мы до того им увлеклись, что играем, как будто бы за интерес. Чуть кто пригорюнится, так другой старается оторвать его от тяжелых мыслей и вовлечь в разговор» (14). По мере того, как шло время, спокойствие уходило. «Жизнь приходится считать минутами, она коротка, – писал один из приговоренных. Чуть слышный шорох заставляет тревожно биться мое сердце ... Страшная мертвая тишина давит меня. Мне душно. Моя голова налита как свинцом и бессильно падает на подушку. О чем я хотел писать тебе? Да, о жизни! Не правда ли, смешно говорить о ней, когда рядом с тобой смерть. Я чувствую на себе ее холодное дыхание, ее страшный призрак неотступно стоит в моих глазах. Встанешь утром и, как ребенок,

радуешься, что ты еще жив, что еще целый день предстоит наслаждаться жизнью» (15). Собственные ощущения от осознания последних мгновений ускользавшей жизни передала А.А. Измайлович: «Прежнее сознание, что конец близок, что некогда, выросло. Надо было спешить. И все, что я делала, о чем думала раньше, стало во сто крат ярче. Казалось, нервная система моя переродилась в другую, высшего порядка, более тонкую. Я никогда не любила так жизнь, как в эти дни. Никогда не говорило мне так много солнце, голубое небо, верхушки деревьев за стеной. Любовь, преходящая в тихий восторг, в сияние души, была основным настроением. От нее не отделялась грусть, но какая-то особенная грусть, какая-то безмятежная, кроткая: эти деревья зазеленеют весной, они будут жить, думала я, а я не увижу их, я не увижу больше жизни» (16).

В борьбе с мыслями о смерти проводили досуг сидящие в одиночных камерах. Чем ближе было время казни, тем яростнее человек сопротивлялся, зная, что проиграет в этой борьбе. Так, герой «Рассказа о семи повешенных» Сергей Головин поначалу обманывал себя: занимался гимнастикой, холодными растираниями. «Страх смерти стал являться к нему постепенно: точно возьмет кто снизу, изо всей силы, подтолкнет сердце кулаком. Потом ощущение забудется – и через несколько часов явится снова, и с каждым разом становится все продолжительнее и сильнее». Теперь он старался заморозить жизнь в себе: «как можно дольше спать, но появилась бессонница, и с нею пришла тоска по жизни» (17). К Василию Каширину, другому герою рассказа Л.Н. Андреева, страх смерти пришел сразу и овладел им безраздельно и властно. Пока он сам, своей волей, шел на опасность, пока свою смерть он держал в собственных руках, ему было легко в чувстве безбрежной свободы. Он метался по камере, как человек, у которого нестерпимая зубная боль» (18). Свидания с родными смертникам не приносили облегчения, подчеркивая отчужденность, это была будто встреча мира живых с миром полумертвых: «Мать не спускала глаз с сына, но слов для него у нее не находилось.

– Ну, как же ты теперь? – все-таки спрашивала она тоскливо. – Как здоровье?

– Что здоровье? Повесят скоро, – хрипло ответил сын и попробовал засмеяться. Но смех не вышел и резко оборвался... потом сказал легче и проще: – Там у меня поддевка осталась. Ее нужно бы продать... Заговорили о поддевке, и оба обрадовались предмету, не имевшему прямого отношения к тому главному, что занимало обоих» (19). Некий приговоренный отметил в письме о посещении близких: «Говорим мы на разных языках». Дело в том, что человеческий язык не приспособлен для таких разго-

воров. «Обычные понятия робко смолкают в сознании своей неуместности, оскорбительности» (20). Так, «самое простое и обычное: взять за руку, поцеловать, сказать: «здравствуй, отец» казалось ужасным в своей нечеловеческой безумной лживости. Было страшно, как будто каждое слово в языке потеряло свое значение и значило только одно: смерть» (21). Каждый в одиночку предстал перед смертью, и даже любовь не могла преодолеть пропасть между смертником и оставшимся жить:

«Он остановился и дрожа от холода, сердито заговорил:

– Так я и знал. Вы же ничего не понимаете мамаша, ничего! – Ну, хорошо. Что тебе холодно? Может, простудился? – Да поймите же вы, что меня вешать будут! Вешать! – А ты бы не трогал людей, тебя бы... – Господи! Ведь этого даже у зверей не бывает! Сын я вам или нет!» (22)

Нередкими являлись случаи сумасшествия, например, Каширин видел в людях механических кукол (23). Возможно, им руководило обманчивое открытие: упрощая мир, оставляя только безэмоциональную физическую оболочку, легче подготовиться к смерти. «Бывали случаи, когда сердце ожидавшего казни не выдерживало: Владимир Никитин, офицер белостокского полка, в 1909 г. осужденный к смертной казни за призыв солдат к восстанию и ранение командира полка, умер от разрыва сердца за два часа до казни» (24). Отмечены случаи самоубийства перед казнью: «Больше всего прибегают осужденные к цианистому калию, реже к морфию или ножу. Самоповешание реже других способов самоубийства. Смерть от руки палача позорнее и страшнее. Приговоренные предпочитали добровольную смерть, «когда сам захочу», и если можно, то она должна быть не та, которую назначит суд. Эти самоубийства происходят на глазах у остального населения камеры: «Смерть товарища Я-ва произвела ужасное впечатление. Перед смертью он курил, разговаривал, смеялся. Потом нащупал сердце, приложил нож одной рукой, а другой ударил. Потом сказал: «Вот хорошо! Выньте». И начал хрипеть, и умер, не издав ни одного громкого стога» (25). По сводкам газеты «Речь» от 1908 г., «на днях один из осужденных к казни через повешение, обвинявшийся в убийстве агента полиции, Христенко, 23 лет, вчера покончил в тюрьме самоубийством. Сначала прибег к самосожжению. Для этого привязал себя к кровати полотенцем и поджег солому матраца. Несчастный, очевидно, не выдержал мучений и удавился веревкой» (26).

Даже защитники монархии, уверяя, что смертная казнь стала вынужденной необходимостью, подчеркивали, что вешать стали без разбора пола, возраста, стадии совершения преступления, но террор не прекращался. Произошло осознание, что «та-

кая система смертных казней бесцельна, несправедлива и жестока» (27) по отношению к впечатлительной молодежи, их родителям, терявшим веру в монархию. О садизме, ненависти говорили следующие факты: «полтавские тюремщики ... вызывают в контору, объявляют ему, что смертная казнь заменена тюрьмой, и, создав приговоренному надежду на жизнь, вешают в ту же ночь» (28); «казнили так, чтобы и мертвых не узнали и тела не были разысканы. В Варшаве в 1906 г. близ цитадели рыбаки вытащили из р. Вислы 14 крепко связанных трупов революционеров с залитыми смолой лицами» (29). Испытания, которым подвергались смертники, порождали ореол мученичества, лозунг: «Когда тысячи убивают одного, то, значит, победил этот один» (30).

Заключая, отметим несоответствие смертной казни критерию социальной справедливости, поскольку главной идеей стала месть за вырванные политические уступки в ходе революции 1905–1907 гг. Налицо были намеренные увеличения масштабов казни, страданий смертников со стороны власть предержащих, истерично бьющихся в агонии, но не желающих признать поражение, идти на диалог. Такая непродуманная политика, обнажавшая страх, каравшая без разбора, озлобляла подданных и была малоэффективной.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Amnestyinternational - глобальный доклад. Смертные приговоры и казни 2019 // URL: <https://eurasia.amnesty.org/2020/04/21/doklad-smertnaya-kazn-v-2019-godu-saudovskaya-araviya-postavila-pechalnyj-rekord/> (дата обр. 6 24.09.2020 г.)
2. Таганцев Н.С. Смертная казнь: сборник статей. СПб., 1913. С. 11.
3. Там же. С. 91.
4. Речь священника Тихвинского по поводу отмены военно-полевых судов // Малиновский И. А. Кровавая месть и смертные казни. Томск, 1908–1909. С. 63.
5. Андреев Л. Н. Рассказ о семи повешенных. Берлин, 1909; Будницкий О.В. Женщины-террористки в России. Бескорыстные убийцы. Ростов-на-Дону, 1996; Гейфман А.А. Революционный террор в России 1894–1917: Пер. с англ. Е. Дорман. М., 1997; Короленко В.Г. Бытовое явление: (Заметки публициста о смерт. казни) // Русское богатство. 1910; Малиновский И. А. Кровавая месть и смертные казни. Томск, 1908–1909.
6. Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 11; Короленко В.Г. Бытовое явление: (Заметки публициста о смертной казни) // Русское богатство. 1910. С. 14
7. Будницкий О.В. Женщины-террористки в России. Бескорыстные убийцы. Ростов-на-Дону, 1996. С. 372.
8. Короленко В.Г. Указ. соч. С. 15.
9. Савинкова С.А. На волос от казни (воспоминания матери) // Былое. 1907. № 1/13. С. 271.
10. Телеграфные сообщения о 98 заседании 3 Государственной Думы // Малиновский И.А. Указ. соч. С. 120.
11. Ушеревич С. Смертные казни в царской России: к истории казней по политическим процессам с 1824 по 1917 год. Харьков, 1933. С. 197.
12. Короленко. Указ. соч. С. 16.
13. Там же. С. 18.

14. Там же. С. 19.
15. Короленко В.Г. Указ. соч. С. 18, 21.
16. Будницкий О.В. Указ. соч. С. 349.
17. Андреев Л.Н. Указ. соч. С. 67.
18. Там же. С. 66.
19. Короленко В.Г. Указ. соч. С. 31.
20. Там же. С. 32.
21. Андреев Л.Н. Указ. соч. С. 42, 50.
22. Там же. С. 47, 54.
23. Там же. С. 68.
24. Ушеревич С. Указ. соч. С. 205.
25. Короленко В.Г. Указ. соч. С. 26.
26. Предсмертные муки // Речь. 1908. 30 ноября.
27. Веножинский В. Смертная казнь и террор. СПб., 1908. С. 26.
28. Голубков. Воспоминание смертника // Каторга и ссылка. 1924. С. 42-43.
29. Ушеревич С. Указ. соч. С. 197.
30. Андреев Л.Н. Указ. соч. С. 56.

М.В. Сабетова, Р.М. Житин

**ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ ПЕРЕПЛЕТ XVIII – НАЧАЛА XX вв.
В БИБЛИОТЕКАХ ТАМБОВСКИХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-09-00484*

Изучение истории переплетного дела является одним из важнейших сюжетов книговедения. Его значение определяется не только развитием теоретических представлений о книге, но и практическими целями атрибуции и оценки конкретных экземпляров. Наличие индивидуального переплета особенно важно для изданий конца XIX – начала XX в., когда массовый издательский переплет, изготовленный машинным способом, начинает постепенно преобладать над заказным переплетом – продуктом ручного труда (1). С началом реализации подпрограммы «Книжные памятники Российской Федерации» в рамках федеральной целевой программы «Культура России» (2017) этот аспект истории книги приобретает особое значение. Выявление, атрибуция и анализ книжных переплетов дает импульс выявлению новых экземпляров ценных и особо ценных книг.

Собрание редких изданий XVIII – начала XX в. в Тамбовской областной универсальной научной библиотеке им. А. С. Пушкина является одной из самых крупных среди библиотечных учреждений России. Здесь аккумулировано значительное количество книг из библиотек Г. Р. Державина, Боратынских, Воейковых, Норцовых, Волконских. По разнообразию репертуара и своей ценности эти коллекции не уступали

собраниям Феофана Прокоповича, Д. М. Голицына, М. В. Ломоносова, высокое значение которых неоднократно актуализировалось как отечественной, так и зарубежной историографией (2). Значительную ценность личных библиотек тамбовских владельцев подтверждают вкладные записи, экслибрисы и разнообразная техника переплета, позволяющая характеризовать коллекции в качестве важного свидетельства провинциальной культурной среды.

В отечественной историографии проблемы развития переплетного дела всегда оставались второстепенными. Большинство исследователей обращались к окладу, переплету и обложке книг допетровского времени и XVIII в. (П. К. Симони) (3). Такой переплет признавался большим искусством, однако ставилась под сомнение эксклюзивность техники производства. «Самобытность? Пожалуй, самобытность как раз и не входила в список качеств, ценимых в переплете новой «европейской» книги в Петровскую эпоху, – отмечал эксперт М. Б. Золотова. «Тогда следовало переплетать сначала по-голландски, затем – по-немецки, а с середины XVIII века – по-французски» (4). Индивидуальный русский переплет более позднего времени (XIX – начала XX в.) также не был темой специального исследования. Можно выделить лишь переплетные руководства второй половины XIX – начала XX в., авторы которых пытались дать оценку развития этого искусства предыдущих десятилетий (5).

Более предметный взгляд на историю переплетного дела России имели советские исследования. Так, Н. Ермилов рассказывал о технике искусства переплета (6), С. А. Клепикова давала комплексный обзор развития русских переплетов в XIII – начале XX в. (7) Большое внимание в советской историографии также уделяется периодизации, технологическим аспектам, стилистическим особенностям индивидуального и издательского переплета России.

Среди contemporaneous работ по теории и практике переплетов выделяется издание М. Б. Золотовой «Московский индивидуальный книжный переплет конца XIX – начала XX века», посвященное социально-экономическим аспектам деятельности переплетных мастерских Московского региона (8).

Массовое применение книжных переплетов в нашей стране связано с ростом личных библиотек. Несмотря на то, что уже в конце XVIII в. в России появился издательский переплет, подавляющее большинство книг выходило из печати не переплетенными, только в обложке. Переплет заказывался владельцем книги отдельно и изготовлялся с учетом личных пожеланий хозяина.

Развиваясь в общем русле европейского переплета, русское переплетное дело определенно отставало от западных образцов. Даже лучшие российские умельцы конца XIX в. были иностранцами: Э. Ро, А. Шнель, В. Нильсон, О. Кирхнер, А. Петерсон. Анализирующие эти явления современники замечали, что в России «бывали собиратели книг, но почти не было библиофилов, в том по крайней мере смысле, в котором принято их понимать на Западе, т.е. людей, дорожащих не только содержанием, но и внешностью книги». А ряд дореволюционных экспертов вообще считали, что XIX век только пользуется трудами своих предшественников и сам по себе не создавал ничего нового.

Парадоксально, но и причиной, и следствием отсутствия эксклюзивных техник в среде российских букинистов являлась их исключительная любовь к непереплетенным изданиям. Признавая, что «библиотечное хозяйство» требует, «чтобы книги переплетались», многие из библиофилов «обращаясь с книгами чрезвычайно бережно, и не переплетали издания». Для сбережения их «в сохранном и не помятом виде» они вкладывали их в специальные картонные папки для хранения. «Любительские книги, – отмечал знаток переплетов Л. Н. Симонов, – вообще предпочитают в девственном виде, в обложках, необрезанными и, как идеал, не разрезанными. Кроме того, «истый библиофил ни под каким видом не станет переплетать теперь книгу, изданную в прежнее время» (9).

Традиции российского переплетного дела формировались на основе французских и немецких техник. Различие между этими подходами заключается преимущественно «в производстве операций обрезки краев книги и канторов и, затем, в порядке исполнения остальных операций».

Французы «обрезали книги обыкновенно не только после округления корешка и околачивания на нем фальцов, но и после прикрепления к книге картонов». Немецкие мастера «обрезали только головку и хвост книги, передок же обыкновенно ранее обработки корешка и только в тех случаях после обработки, в которых имеется в виду золочение обзоров». Новичкам специалисты советовали «следовать исключительно немецкому способу, оставляя французский в стороне, и переходить к последнему только после достаточной практики» (10).

К концу XVIII в. в России в моду вошел особый тип книжного переплета, изготавливавшийся во французской манере. Мастер работал с красным сафьяном или теллячьей кожей, которую окрашивали под орех (книги из собрания Г. Р. Державина,

Араповых). На крышках использовалось рамочное тиснение, в центре которого помещался фамильный герб или вензель владельца.

На корешке могло размещаться несколько бинтов, делящих его на несколько частей. Помимо эстетической, данные бинты выполняли чисто практическую задачу, скрывая шнуры внутри книжного блока. В полученных членениях делались оттиски одним или несколькими штампами, помещались сведения об авторе, краткое заглавие книги, если необходимо – номер тома. Для выделения этих информативных делений использовались контрастные кожаные наклейки, по которым и выполнялось тиснение.

Наиболее распространенным в XVIII в. становится полукожаный или переплет в корешок. Популярность этого переплета обуславливалась относительной дешевизной и простотой производства. Техника предполагала иметь обтянутые кожей углы, в то время как крышки выклеивались бумагой «под мрамор».

Процесс изготовления мраморной бумаги был невероятно кропотливым. В ванну наливался особый жидкий состав, не дававший краскам смешиваться. Мастер в определенном порядке набрызгивал краски на поверхность жидкости, пока не образуется причудливый узор, напоминающий мрамор. Помещенная в ванну бумага впитывала красочный слой, приобретая характерную композицию из пятен, линий и прожилок. Для следующего листа приходилось повторять процесс снова, так что каждый рисунок был уникален.

В начале XIX в. данный переплет утверждается в качестве «библиофильского» заказного переплета и начинает дополняться отделкой из дорогих материалов и золотого тиснения. Русские мастера применяли разные типы кож, сафьяна ярких тонов, пятицветных мраморных бумаг.

Одновременно с полукожаным в конце XVIII в. начинает применяться другой тип издательского переплета – картонажный. Техника предполагала вынесение на крышку изображения, связанного с содержанием книги. В XIX в. данный стиль получает дальнейшее развитие. На изданиях теперь можно было встретить заглавие и имя автора издания, сюжетную картинку (коллекция Петрово-Солововых).

Кроме того, к началу XIX в. претерпела изменения общая техника изготовления переплета. Был значительно усложнен рисунок и увеличено количество рамок на крышках. В арсенал переплетчиков, помимо вензелей и различных геометрических фигур, вошли азы, лиры, птицы, масонская символика, характерные для ампира лавровые венки, доспехи и военные трофеи. Изменения коснулись подходов к

изготовлению книжного корешка. В этот период переплетчики отказываются от бинтов на краю книжного блока. Вместо этого они разделяли корешок на несколько частей поперечными золотыми линейками, а поля между ними заполняли отдельными небольшими оттисками орнаментальной композиции.

В 1810–1830-е годы российское переплетное искусство развивалось в рамках двух стилей, предложенных французским мастером Тувеном. Наибольшее распространение имел так называемый «кафедральный» стиль. Основными декоративными элементами такого переплета являлись готические мотивы с изображением портала, стрельчатых арок и витражей католического собора, которые могли выполняться и на крышках, и на корешке одним тиснением или же инкрустироваться цветными кусочками кожи. Выбранная стилистическая манера как нельзя отвечала духу первой половины XIX в., характеризующейся утверждением псевдоготики как основного принципа художественного творчества в архитектуре, интерьере и декоративно-прикладном искусстве. Отсюда – замысловатые узоры, витражи и множество геометрических фигур на книжных изданиях.

Становление другого переплетного стиля мастера Тувена было связано с применением прессы в переплетном искусстве. Новая техника позволяла производить углубленное тиснение больших медальонов и сложных композиций в центре крышек. Причем при нагреве перенос создавал потемнение в местах прикосновения к коже, создавая, таким образом, более проникновенные композиции (книги коллекции Норцовых). В качестве элемента дополнительной отделки могло применяться золотое тиснение, наносившееся в качестве отдельных элементов композиции.

К середине XIX столетия данный стиль стал отличаться более простыми композициями, сочетавшими в себе орнаментальные рамки, линейки, уголки. Золотое тиснение в центральной части медальона, популярное ранее, теперь не использовалось (коллекция Вышеславцевых). Лишь в некоторых случаях его могли заменять золототисненное заглавие или государственный орел, помещавшийся на особо значимых изданиях.

В это же время меняется и сам подход к переплетному искусству. Теперь библиофилы стремились заказывать переплетение изданий, по стилю соответствовавших периоду их выхода. «Переплет должен соответствовать времени книги», – замечал известный библиофил. По его мнению, «можно иметь разницу лет в 10–15 не больше. В противном случае «новым переплетом, хотя бы самым дорогим, эк-

земплар портится». Как исключение, мастер мог «допустить новый переплет на старинную книгу лишь при условии отличной имитации старому переплету, с форзацами из подлинной старинной бумаги» (11).

К отличительным особенностям переплета на рубеже XIX–XX вв. можно отнести упрощенное декорирование поверхности крышки. В ряде случаев она оставалась практически полностью без украшений. Все элементы композиции и даже заглавие произведений перемещались переплетчиком на дублюр (внутреннюю часть крышки), которую выполняли особенно тщательно. Встречались случаи, когда иногда всю внутреннюю часть крышки покрывали кожей – опойком, сафьяном, пергаментом и украшали золотым тиснением или инкрустацией.

Таким образом, изготовление переплетов имело свои особенности, определявшиеся вкусом заказчиков и квалификацией изготовителей, временем переплетения. Изучение собраний переплетов XVIII – начала XX в. Тамбовской областной универсальной научной библиотекой им. А. С. Пушкина показывает постепенную трансформацию переплетов от сложных композиций на крышке и корешке до более простого декларирования в начале XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Золотова М.Б. Московский индивидуальный книжный переплет конца XIX – начала XX века: автореф. дис ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 3.
2. Патрина Л.Н., Житин Р.М. Книжные собрания дворянских библиотек Тамбовской губернии конца XVIII – начала XX в. // Румянцевские чтения – 2019: материалы Международной научно-практической конференции. Москва. 2019. С. 277-280.
3. Симони П.К. Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного искусства на Руси, преимущественно в допетровское время, с XI по XVIII столетие включительно. СПб., 1903.
4. Золотова М.Б. Русский индивидуальный художественный переплет XIX – начала XX вв. // Антиквариат: Предметы искусства и коллекционирования. № 4 (26). 2005. С. 117.
5. Симонов Л. Н. Переплетное мастерство и искусство украшения переплета. СПб, 1897.
6. Ермилов Н. Как переплести книги: общепонятное краткое руководство к переплетному делу. М., 1925.
7. Клепиков С.А. Из истории русского художественного переплета // Книга. Исследования и материалы. Сб. 1. М., 1959. С. 98-166.
8. Золотова М. Б. Московский индивидуальный книжный переплет...
9. Ульянинский Д.В. Среди книг и их друзей. Из воспоминаний и заметок библиофила. URL: <https://aldusku.livejournal.com/10148.html> (дата обр.: 25.09.2020).
10. Симони П. К. Указ. соч. С. 304.
11. Ульянинский Д.В. Указ. соч.

**СТРАТЕГИИ ЭФФЕКТИВНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ
В СТРУКТУРЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ТАМБОВСКИХ ПОМЕЩИКОВ В КОНЦЕ XIX ВЕКА**

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ (МК-476.2020.6)

В начале XX в. в аграрном секторе Тамбовской губернии стали проявляться последствия ненормированной экстенсивной эксплуатации природных ресурсов. Переизобилие и низкое качество агрокультуры как в крестьянских, так и в некоторых помещичьих хозяйствах приводили к истощению почв, уменьшению качества сельскохозяйственной продукции. Одним из первых на последствия нерационального использования природы обратил внимания Ю.Э. Янсон. Изучая крестьянское хозяйство центрально-земледельческой полосы, статистик пришел к выводу о повсеместном уменьшении урожайности крестьянских владений. По его наблюдениям, «в 62% уездов черноземной трехпольной полосы» положение «бывших помещичьих крестьян» таково, что они «не могут получить со своих наделов даже насущного хлеба». Особенно тяжелым, по мнению эксперта, было хозяйственное положение тех землевладельцев, которые «получили надельные участки ниже средней нормы и четвертные». Уменьшение площади крестьянских пастбищ и сенокосов, по его убеждению, повсеместно повлияло на снижение продуктивности посевов (1). Не в лучшем положении было и помещичье хозяйство. В ходе проявленного в 1880-х гг. обследования имений Кирсановского уезда была выявлена «неудовлетворительность средних урожаев полевых растений». По мнению специалистов, недороды случались «из-за плохой обработки почв». Важным фактором повышения интенсивности земледелия могли служить удобрения, однако «по недостатку скота, навоза в хозяйстве получается мало, поэтому удобряется лишь малая часть запашки» (2).

Проанализировав вопросы антропогенной нагрузки на природу, зоолог, путешественник, исследователь чернозема М.М. Богданов писал: «За что ни возьмись, на каждом шагу приходилось говорить о былом богатстве, о хищнической деятельности человека, о глубоком нарушении былого строя органической жизни». Проблема формирования рациональных форм организации сельскохозяйственного производства определялась сложностью капиталистической эволюции помещичьих хозяйств. Освобождение крестьянства пришлось на один из самых сильных в истории кризисов хлебных цен, ударивший, в первую очередь, по зернопроизводящим хозяйствам (3). Преодоле-

нию кризиса могла способствовать финансовая устойчивость дворянства, однако вплоть до середины 80-х годов XIX в. государство не предлагало широкомасштабных программ кредитования высшего сословия. Не имея опыта ведения дел, предпринимательской хватки, помещики практиковали консервативные методы хозяйствования. Чрезвычайно популярной стала идея сокращения собственной запашки и перевод в аренду крестьянам. Пропагандируя сдачу земли в исполу, известный аграрный специалист К.Д. Дмитриев призывал всех помещиков «во что бы то ни стало удешевить полевые работы ухудшением техники земледелия», «т.е. возвратиться к плохому сравнительно, но более дешевому уходу за землей» (4). Подобные практики, безусловно, ухудшали качество землепользования, однако в условиях экономической невыгодности сельскохозяйственного производства такие раздачи были скорее оправданными.

Меньшая, экономически активная часть владельцев, начала модернизировать свои имения. Изучение проблем развития имений помещиков на микроуровне позволяет характеризовать процесс рационализации через специализацию по отраслям, переходу к замкнутому циклу производства и максимальной переработке аграрной продукции. Для своего владения кн. Н. Васильчиков четко определил: в имении выращиваются только те культуры, которые приносят доход. Своего управляющего он настраивал на максимальное извлечение прибыли: «Продать только тот хлеб, который пользуется спросом на рынке. Из озимых – это рожь, из яровых – гирка». Другое требование включало в себя установку на использование в поместье природосберегающих технологий. Для защиты полей от заноса их песком предлагалось увеличить посадки лесных насаждений для повышения доходности садовой зоны (5).

По подсчетам Е. Хмель, анализировавшей элементы рационального природопользования в имениях крупных помещиков Тамбовской губернии, экологически эффективные техники только входили в оборот хозяйственной деятельности помещиков. Так, в пореформенное время в имении А.К. Бенкендорфа (Моршанский уезд) и владении П.С. Строганова (Тамбовский уезд) владельцам удалось перейти «к комплексному внедрению приемов рационального природопользования, охватившего все сферы сельскохозяйственного производства, включая дополнительные отрасли и переработку». В 7 экономиях губернии «применялось более половины элементов природопользования в каждой из отраслей производства. хозяйств использовали «единичные элементы, что свидетельствовало о начальном этапе перехода к интенсивным технологиям эксплуатации природных ресурсов» (6). Важным фактором рационали-

зации являлось внедрение интенсивных технологий природопользования в земледельческом производстве. В оборот входили усовершенствованные севообороты, использование удобрений. Уже в первый год после покупки Ново-Покровского имения Орлов-Давыдов (1886) провел в хозяйстве большую работу по повышению плодородия местных угодий. На поля завозились как естественные удобрения, полученные от продуктивного животноводства, так и заказывались различные виды химических добавок. Поля экономии насыщали чилийской селитрой, широко задействовали суперфосфаты. В общей совокупности расходы на удобрения посевов зерновых с 3 руб. на десятину в 1901–1905 гг. возросли до 4,5 руб. (50 %) в 1909–1912 гг. (7).

Другим важным аспектом экономической модернизации помещиков-рационализаторов являлась попытка внедрения комплексных севооборотов. Согласно полученным от самих владельцев данным, решение переменить «старинную трехпольную систему хозяйствования на многопольную» принималось исходя из следующих соображений: «истощение трехпольной пашни при недостаточном удобрении, уменьшение урожаев вследствие повторения одних и тех же посевов, необходимость увеличения кормовой площади и улучшение качества кормов путем травосеяния» (8). Интенсивность перехода к многополью возрастала на протяжении всего пореформенного времени, однако даже в конце XIX в. данный переход был далек от завершения. Так, из более чем 300 имений Кирсановского уезда земское обследование зафиксировало только 8 экономий, развивающих многопольное землепользование. Особый интерес представляла система полеводства, внедренная в одно из крупных имений Пресыпкинской волости Кирсановского уезда. По словам земского корреспондента, система хозяйства в данном владении была близка к выгонной: «Есть пар и применяется навозное удобрение; севооборот также тесно связан с земледелием, но севооборот не строг и не определен, то есть нет строгого распределения и чередования книньев, что зависит от посева трав (люцерна или клевер с тимофеевкой)» (9). Внедрение рациональных методов хозяйствования в имениях было невозможно без применения сложных орудий труда. Материал по Тамбовской губернии показывает большие преимущества крупных хозяйств как по разнообразию, так и по количеству сельскохозяйственного инвентаря. Насколько большое значение латифундисты уделяли механизации имений, видно на материале Ново-Покровского имения Орловых-Давыдовых. Наряду с российскими образцами техники, в имение приходила продукция немецких (фирма «Скривен»), английских (сельхозтехника заводов «Глазков»,

«Ватзон»), американских (молотильные машины фирмы «Мок») и других производителей (10). В 1910 г. в имении появился первый трактор.

Для повышения доходной части владения помещики шли на привлечение специалистов разных профессий и квалификации. Символом эпохи было появление в непосредственной близости от помещичьего имения экономических поселков – массива жилья для вольнонаемных работников. Некоторые владения экономически активных владельцев были переданы под дома и конторы для служащих, как это произошло, например, с усадебным домом в Новопокровском имении гр. А.В. Орлова-Давыдова, другие перестраивались согласно духу времени. Типичный пример экстерьера частного имения владельца-рационализатора – Земетчинское поместье семьи Долгоруких. На каждом хуторе экономии стояли дорогостоящие постройки: дом управляющего, казарма, квартиры служащих, конюшня, волонья, коровник, магазины, амбары, сараи, рядные сараи, мастерские, будки для весов и колодцы. На усадьбе при главном управлении было устроено шесть квартир служащих, контора, конюшня, каретный сарай, скотные сараи, магазин, амбар, кузница. Центральное место в имении занимал его производственный центр – сахарный завод со всеми постройками, службами и квартирами служащих. К заводу владельцем была проведена своя ветка железной дороги (11).

Таким образом, рационализация имений Тамбовской губернии была вызвана стремлением помещиков повысить интенсивность своих экономий. При этом основными формами рационализации являлось повышение уровня вносимых удобрений, значительная механизация сельских производств. Большое значение в данной сфере играло также привлечение компетентных специалистов во все сферы владельческого хозяйства. Вместе с этим, несмотря на все успехи отдельных помещиков, внедрение рациональных технологий только входило в хозяйственную практику тамбовских имений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Янсон Ю. Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1877. С. 69-70.
2. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. В 24 т. Т. 16. Частное землевладение Кирсановского уезда. Тамбов, 1891. С. 28.
3. Исторический очерк двадцатипятилетней деятельности Императорского Вольного Экономического Общества с 1865 до 1890 года. СПб., 1890. С. 43.
4. Дмитриев К.Д. Обеспеченный доход с имением без капитала на ведение хозяйства. М., 1894. С. 23.
5. Социально-экономическая природа помещичьего хозяйства во второй половине XIX – начале XX в. URL: http://tambov.ru.net/stead/html/istor_spravka_ekon.php (дата обр.: 25.09.2020).

6. Хмель Е. В. Формирование рационального природопользования в хозяйствах крупных землевладельцев Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис... канд. ист. наук. Тамбов, 2004. С. 15.
7. ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 583. Л. 137.
8. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 16. С. 203-204.
9. Там же. С. 186.
10. ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 596. Л. 141.
11. Воронков А.И. Краткое описание Заметчинского вотчинного имения ее сиятельства княгини О.П. Долгорукой. Моршанск, 1911.

Р.М. Житин, И.А. Шевченко

ПРОМЫШЛЕННЫЕ РАБОТНИКИ В СТРУКТУРЕ НАЙМА РАБОЧЕЙ СИЛЫ В ТАМБОВСКИХ ИМЕНИЯХ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ (МК-476.2020.6)

Конец XIX – начало XX вв. тесно связан с трансформацией социально-экономического положения помещичьих хозяйств Тамбовской губернии. Налаживание хозяйственной жизни в своих имениях, переход к сельскохозяйственному предпринимательству стал для владельцев экономий ключевой задачей. Несмотря на кризис в развитии сельского производства в тот период, ряд тамбовских имений благодаря инновационным подходам в управлении и диверсификации собственных производств смог сохранить устойчивую динамику социальных и экономических показателей. На фоне общих проблем развития пореформенного хозяйства и перевода значительной площади помещений в аренду окрестным крестьянам, анализ успехов передовых владельцев позволяет дополнить историографические характеристики помещичьего хозяйства, определить факторы успешной модернизации.

Одним из наиболее действенных способов повышения экономической состоятельности своих владений являлась отраслевая специализация и переход от простого выращивания аграрной продукции к ее переработке. В общей структуре тамбовской промышленности местные помещики играли значительную роль. Им принадлежало 91 предприятие (41 % всех заведений губернии), на которых трудилось 7,4 тыс. рабочих (32 % от всех рабочих). Общий объем производимой продукции оценивался в 12,5 млн. руб. (27 % от стоимости всей продукции). Основной формой развития индустрии стала эксплуатация пищевого направления, связанного со строительством перерабатывающих предприятий (до 80,2 % всех фабрик и заводов). Таким образом, экономическая составляющая деятельности помещиков была связана с желанием оптимизировать производство в сторону развития пищевого производства (1).

Результатом промышленной модернизации имений стало формирование контингента наемных промышленных работников. В конце XIX – начале XX вв. на территории крупных многоотраслевых хозяйств Центрального Черноземья стали появляться рабочие поселки для промышленных и сельскохозяйственных работников. Поселки представляли собой обширные поселения со всей необходимой для жизни инфраструктурой. В ряде случаев в созданную застройку были введены центральное отопление, канализация, электричество. Так, в поместье Бутлеровых Александрия Спасского уезда уже в начале XX века имелась канализация, электричество и телефонная линия. Заметчинское имение Долгоруких «в ночное время освещалось керосино-коптильными лампами силой света в 1000 свечей» (2). Подобны новинки можно было встретить в других крупных имениях Тамбовской губернии.

Приоритетной темой, вызывающей интерес исследователей промышленного производства в начале XX в., является проблема формирования кадров постоянных рабочих тамбовских имений. Социальная структура населения Тамбовской губернии, так и всего российского общества, отражала еще не завершившийся процесс социально-экономической модернизации промышленности. Это выражалось в существовании большого количества лиц с переменным социальным статусом. Для них работа на фабрично-заводских предприятиях была одним из вариантов отхода от сельскохозяйственного заработка. Экономические реалии существования крестьянских общин Тамбовской губернии были таковы, что на протяжении многих лет рабочие могли сохранять за собой земельный надел. В этом случае заработок в экономии становился для наемного работника средством поддержки своего хозяйства, ведущегося при помощи членов его семьи. Крестьянские корни формирования промышленных рабочих были настолько значительны, что переписью населения 1897 г. до 80 % рабочих отдельных регионов было определено состоящими в крестьянском сословии (3).

Занятость крестьян на фабриках и заводах Тамбовской губернии имела для них огромное значение. С одной стороны, перерабатывающая промышленность обеспечивала втягивание работников в промышленное производство, формирование новых для крестьян компетенций и навыков, с другой, деревенское хозяйство обеспечивало экономическую состоятельность работника, что было особенно важным в периоды экономических кризисов, простоя предприятий, в случае увечья или увольнения. Хозяйственная связь с надельной землей обуславливалась и близостью фабричных производств с местом рождения и жизни рабочих. Земское описание имений Тамбовской губернии показало, что большинство работников тамбовских имений комплектовали из «близлежа-

ших окрестностей». Аграрное перенаселение в районах размещения поместий приводило к тому, что крестьяне шли к помещику «охотно и особенного недостатка в труде не ощущалось» (4). Привлечение сторонних рабочих было возможно вследствие нарушения дисциплины или в рамках повышенных требований владельцев к промышленному найму. Обобщение данных по всем 1277 персоналиям работников Ново-Покровского сахарного завода позволило установить, что почти половина местных поденщиков не являлась жителями Тамбовской губернии (5). Наиболее значительным контингентом пришлых рабочих были жители Воронежской и Черниговской губернии и, отчасти, Саратовской губерний, в совокупности давших до 33 % персонала. Большинство сотрудников приезжало из районов размещения других сахарных заводов, имея большой опыт работы в сфере сахарной промышленности.

Средний размер заработной платы в губернии в начале XX в. был невысок: в 1910 году тамбовский рабочий в среднем получал 116 р. 50 к. в год (6). Вместе с этим наблюдались значительные колебания заработной платы в зависимости от профессионально-отраслевых характеристик конкретного предприятия. Так, 95 рабочих высокой квалификации Новопокровского сахарного завода получали от 200 до 500 руб. в месяц, тогда как их менее квалифицированным коллегам выдавалось от 60 коп. до 4 руб. в день или от 12 до 120 руб. в месяц (7). При оценке реальных сумм заработной платы работников фабричных производств следует учесть общие суммы штрафов рабочих тамбовской индустрии. По закону 3 июня 1886 г. владельцу промышленного заведения предоставлялось право самостоятельного наложения денежных взысканий за нарушение условий труда. Такие взыскания должны были носить исключительно дисциплинарный характер и не могли становиться средством возмещения причинения владельцу убытков. В случаях наложения штрафа, хозяин производства был обязан предварительно составить и представить на утверждение инспекции подробную табель взысканий.

В 1910 г. в Тамбовской губернии была оштрафована почти половина фабрично-заводского персонала на общую сумму более 9 тыс. рублей. В результате на каждого рабочего в год приходилось не менее 75 копеек штрафа. По этому показателю Тамбовщина была одним из лидеров в России. Средняя выплата одного проштрафившегося рабочего по всем губерниям Российской Империи (1910 г.) составляла 39,6 коп. Основной причиной применения санкций к работникам являлась «неисправная работа». Пытаясь объяснить их высокое количество на своих предприятиях, местные владельцы ссылались «на повышенные требования на изделия со стороны казны». Предъявляя «повышенные требования уже ко всем изделиям, они наказывали всех «за неисправную работу». Суще-

венным фактором, определявшим характер повседневности наемных работников, являлись их распорядок их дня. Продолжительность работ на тамбовских фабриках во многом зависела от произвола хозяев. Предприниматели традиционно использовали несовершенство законодательства для роста сверхурочной занятости. Принятие закона Законом 1897 г. ограничивало труд на производстве 11,5 часами. При этом работнику давалась возможность отработать не более 120 часов дополнительно. В результате, трудовой день 81 % тамбовских пролетариев укладывался в промежутке 9-12 часов. Тем не менее, небольшая группа работников тамбовских предприятий (9 %) смогла добиться 8-часового трудового дня. Владельцы большинства фабричных заведений края освобождали свой персонал в воскресные и праздничные дни. Кроме того, законодательством оставалось достаточно большое количество праздничных дней, в которые заводы не работали: 1-го и 6-го января, 2-го февраля, 25-го марта, 6-го и 15-го августа, 8-го и 14-го сентября, 21-го ноября, 25-го и 26-го декабря, суббота Страстной недели, понедельник и вторник Пасхальной недели, день Вознесения Господня, день Сошествия Святого Духа. Исключение составляли сахарные, крахмальные и винокуренные заводы, действующие в непрерывном формате. Взамен воскресных дней рабочие этих предприятий освобождаются от труда на 4 дня в месяц (8).

Условия работы на тамбовских фабриках рубежа XIX–XX вв. часто не отвечали элементарным нормам безопасности и гигиены. Повсеместно можно было наблюдать пыль, зловоние и грязь. После осмотра Цнинского дрожжевого завода в 1915 г. санитарный инспектор писал: «На предприятии для рабочих девушек не было даже особого жилья. Хозяин завода помещал их в здании завода на грязном полу, с крысами. Вода для питья бралась для рабочих из р. Цны, которая была загрязнена отбросами. Внутри завода было все ветхое, что грозило развалиться». Инспекция на другую фабрику губернии (кожевенных заводов Данилова-Скоробогатова и Коробковых) показала отсутствие нормальной вентиляции на предприятии и наличие аммиачного газа в воздухе (9). В начале XX в. создание качественных мест для труда и отдыха только входило в хозяйственную практику владельцев предприятий. Наиболее яркий пример этому – условия труда на Новопокровском сахарном заводе Орлова-Давыдова. Машины, шкивы и ремни на машинах и оборудовании предприятия были «ограждены железными сетками, так что к ним не было близкого доступа». Все отделения завода снабжались вентиляцией разных типов («либо крыльчатой, либо эксгаустерной, либо обыкновенной из вытяжной трубы»). Внедрение системы отопления «обратными парами» позволяло получить комнатную температуру во всех помещениях (10).

Таким образом, формирование кадров наемных работников в имениях помещиков отражало общий процесс повышения экономической состоятельности их хозяйств. Переходя от простого воспроизводства аграрной продукции к ее промышленной переработке, владельцы создавали в поместьях промышленные зоны. Социальным эффектом развития промышленности в поместьях являлось активное развитие рабочих поселков, формирование новых форм профессиональной занятости персонала экономий. Вместе с этим, недостаточное законодательное регулирование положения наемных рабочих отрицательно сказывалось на уровне их заработной платы и условиях труда.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Житин Р. М. Промышленное предпринимательство помещиков Тамбовской губернии в начале XX века: деловые интересы, экономические показатели // Школа молодых ученых по проблемам гуманитарных наук. Сб. материалов всероссийской научной конференции. 2018. С. 231-325.
2. Воронков А.И. Краткое описание Земетчинского вотчинного имения ее сиятельства княгини О.П. Долгорукой. Моршанск, 1911. С. 12.
3. Положение и культурный уровень промышленных рабочих Верхнего Поволжья. Конец XIX в. – 1913 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labour/Chugunov/g11/par1/text.htm> (дата обр.: 25.09.2020).
4. Воронков А.И. Указ. соч. С. 12.
5. ГАТО. Ф. 195. Д. 722.
6. Голубинский А. Краткий обзор фабрично-заводской промышленности Тамбовской губернии. Тамбов, 1912. С. 20.
7. ГАТО. Ф. 195. Д. 506.
8. Голубинский А. Указ. соч. С. 17, 32, 33.
9. ГАТО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 86. Л. 104; Д. 96. Л. 48.
10. Воронков А.И. Указ. соч. С. 28.

И.А. Шевченко, Е.В. Черных

К ВОПРОСУ О РЕАКЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА ВВЕДЕНИЕ

«СУХОГО ЗАКОНА» в 1914 г.

Статья подготовлена в рамках проекта «Российское крестьянство и государственная политика в отношении продажи алкоголя в 1914–1925 годах» (грант Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук 2020 года. Проект № МК-846.2020.6)

Потребление населением крепких алкогольных напитков и его последствия – один из актуальных вопросов современности. Степень алкоголизации народа напрямую влияет на развитие государства, затрагивая не только социальную сферу, но и экономическую и даже политическую. Так, на рубеже XIX–XX вв. в годы су-

ществования в России государственной винной монополии тема пьянства и борьбы с ним привлекала внимание не только активных общественных деятелей, но и высших правительственных органов. Поворотным моментом в истории питейного дела стал «сухой закон» введенный в Российской империи с началом Первой мировой войны. Историография проблемы отличается разнообразием подходов. Современники событий, пристально следившие за развитием «алкогольной проблемы» в стране, в большинстве своем положительно оценивали введенные ограничения на продажу спиртного в начале Первой мировой войны. Советские авторы критически и нередко тенденциозно характеризовали все действия власти в области борьбы с пьянством, обвиняя государство в спаивании народа. Современные исследователи по-разному рассматривают государственную инициативу ограничения продажи алкоголя, отмечая как положительные, так и отрицательные стороны этого решения (1).

В 1895 г. в России вступило в силу Положение о казенной продаже питей, по которому в руки государства переходила реализация крепких алкогольных напитков в стране. По утверждению правительственных чиновников, частная реализация алкогольной продукции не только спаивала население, но и обирала его, а казенная продажа питей задумывалась с целью постепенного избавления народа от пьянства (2). Для этого на губернском и уездном уровнях создавались специальные государственные структуры – попечительства о народной трезвости (далее ПНТ). Во главе этих структур стоял губернатор, а основными действующими лицами предстояло стать государственным служащим, духовенству и некоторым представителям обществу. ПНТ создавались с целью отвлечения населения от злоупотребления алкоголем путем предоставления альтернативного досуга (3).

Но у ПНТ был солидный список недостатков, препятствовавший их плодотворной работе. Противоречивый состав попечительств вызывал недоумение у современников, справедливо отмечавших слабое присутствие общественного элемента в составе комитетов ПНТ (4). Кроме того, попечительства имели недостаточное финансирование своей деятельности на протяжении всего времени существования. Юрист, член Государственного совета А.Ф. Кони замечал: «Какое значение могли иметь для борьбы с пьянством ассигнования 4 или даже 5 млн. при доходе от казенной продажи свыше 700 млн?!» (5). Все это создавало ситуацию, в которой главный государственный проект борьбы с пьянством не мог справиться с поставленными перед ним задачами. Неудивительно, что практически сразу после

создания ПНТ на них обрушивается критика со стороны общественности. Разумеется, попечительства не были единственными учреждениями в стране, занимавшимися распространением трезвости. Огромную работу в этом направлении выполняли церковно-приходские трезвенные общества, а также сообщества врачей и ученых. Однако большой проблемой того времени было отсутствие диалога между властью и обществом в деле борьбы за здоровый образ жизни. Так или иначе, вопрос о потреблении населением алкоголя в те годы активно обсуждался в печати, в значительной степени занимал внимание государства и общества. В Государственной думе III созыва действовала специальная Комиссия по борьбе с народным пьянством, члены которой разрабатывали соответствующий законопроект. На рубеже 1909–1910 гг. в столице состоялся Первый Всероссийский съезд по борьбе с пьянством. Все это, в конечном итоге, привлекало внимание высших органов государственной власти и фигур, принимавших политические решения, в первую очередь, Николая II. Ситуация при этом была очень неоднозначной; на фоне трезвеннической риторики могли разворачиваться замысловатые политические игры. Так, в современной литературе отставка в 1914 г. с поста министра финансов В.Н. Кокцовца объясняется интригой с участием С.Ю. Витте, Г.Е. Распутина и др. Оппоненты чиновника пытались преуспеть в том, чтобы министр предстал в глазах императора человеком, в интересах бюджета спаивавшим население (6). Параллельно в Госдуме и Госсовете уже несколько лет с низкой продуктивностью обсуждались законодательные меры по борьбе с пьянством.

С началом Первой мировой войны Николай II решает подойти к проблеме радикально – в России были проведены мероприятия по ограничению продажи алкогольной продукции, получившие название «сухого закона». С началом мобилизации 17 июля 1914 г. данные положения были закреплены в указе об ограничении продажи алкогольной продукции до 15 августа 1914 г. (7). Затем положениями Совета министров от 1 и 9 августа и Высочайшим повелением от 22 августа действия запрещения продажи крепких алкогольных напитков было продолжено до окончания военных действий (8). Разумеется, у принятых властью запретительных мер были последствия и в близкой и в дальней перспективе. Прежде всего, ограничение продажи спиртного сыграло положительную роль в процессе мобилизации населения на войну. Известны слова британского политического деятеля, министра финансов Д. Ллойд- Джорджа о запрещении продажи спиртного в Российской империи: «Это самый величественный акт национального героизма, какой я только

знаю» (9). Вероятно, подобная похвала была вызвана в том числе скоростью мобилизации российской армии, спасшей своим вступлением в войну союзников на западном фронте.

Вторым важным последствием по хронологии, но не по значению, стало снижение количества преступлений и несчастных случаев, вызванных алкогольным опьянением, а также сокращение количества лиц, содержащихся в вытрезвителях. Об этом в своем исследовании сообщал А.Л. Мендельсон, заведующий лечебницами Петроградского комитета попечительства о народной трезвости. Так, число арестованных в Петрограде в пьяном виде в первом полугодии 1914 г. составляло 29461 мужчин и 3761 женщин, а во втором полугодии 12242 мужчин и 1205 женщин (10). Такое же колоссальное сокращение наблюдается среди вытрезвлявшихся. Мендельсон приводит статистику полицейского дома Спасской части за 1914 г. В январе там вытрезвлялось 928 чел., а уже в августе 123 чел., к декабрю количество упало до 31 чел. (11). К подобным выводам приходили и другие исследователи. Уже упомянутый Введенский приводит следующую статистику снижения преступности: «В Петрограде, в августе, преступность сократилась на 20%, в Москве на 47%, в Тамбове на 43%, в Одессе на 50%, в Уфе на 64%, в Туле на 75%, в Орле и Ростове на 80%, в Костроме даже на 95%, в Симферопольской губернии на половину, в Симбирской губернии на 95%». При этом автор отмечал, что свое влияние на снижение преступности оказала и мобилизация, забравшая значительную часть населения на фронт, но главную роль он при этом отводил принудительной трезвости (12).

Еще одним результатом запрещения продажи крепких алкогольных напитков стало сохранение финансов у населения империи. Об этом в своем труде писал Д.Н. Воронов, указывая на то, что крестьянские хозяйства сохраняли от 70 до 90 руб., которые до запрета тратили на водку. Теперь они расходовали их на улучшение собственного материального положения: приобретали скотину и инвентарь, лучше питались и одевались, поправляли постройки (13). Вместе с тем улучшалось не только материальное положение населения, но и его моральный дух. И.Н. Введенский писал: «Наряду с улучшением материального благосостояния замечается повышение умственных интересов населения. По свидетельству председателя училищной комиссии при городской думе, в Москве замечается повышенное требование в городских читальнях на книги. Читальни переполнены даже в праздники, когда при прежних условиях они пустовали» (14). Но стоит отметить ту проблему,

которая сохранялась несмотря на изменения в жизни российского населения. Деятельность обществ, боровшихся за народную трезвость не была одинаково успешной. В частности, после 1914 г., как и до начала войны, борьба с пьянством делилась на государственную в лице ПНП и общественную. Консолидация сил в этом вопросе, о которой так много говорили, так и не была осуществлена. Попечительствам в условиях войны в очередной раз было урезано финансирование, и они фактически оказались предоставлены сами себе. Писатель-народник А.И. Фаресов отмечал: «Нанимало когда-то попечительство о народной трезвости под народный дом чужое здание... Были в нем читальня, библиотека, чайная... А теперь попечительство прекратило давать деньги за помещение и владелец сделал из народного дома частную свою чайную...» (15). Общественные начинания в деле борьбы с пьянством получали большую поддержку и одобрение, но не могли похвастаться существенными масштабами из-за чего страдало дело трезвеннической борьбы в целом. К тому же как ПНТ, так и различные общества трезвости потеряли активных членов из-за мобилизации.

Введение «сухого закона», его реализация, первые результаты отразились на страницах провинциальной прессы в комментариях представителей различных групп населения. В частности, нередко были публикации с просьбами продлить запрещение продажи алкоголя на более длительный срок (16). Например, в одной из газет торговцы ярмарки с. Полетаево Усманского уезда Тамбовской губернии ходатайствовали о закрытии местных винной лавки и трактиров навсегда в связи с тем, что «ярмарка от запрета торговли только выиграла (17). Жительница г. Лебедянь в прошении на имя тамбовского губернатора сообщала о том, что в начале сентября местная городская дума постановила возбудить ходатайство о закрытии всех мест продажи водки, в том числе и в буфете общественного собрания, и что до народа дошел слух, что старшины общественного собрания уговорили губернатора оставить ходатайство думы без уважения. В этой связи обывательница умоляла не слушать старшин, так как из-за водки она похоронила 19-летнего сына и боится потерять двух других – 16-ти и 13-ти лет. При этом автор прошения подписалась под ним одна, указывая на то, что другие матери и жены не стали этого делать, испугавшись, что их засудят (18). Эта ситуация демонстрирует, что несмотря на запрещение продажи алкоголя, тайная торговля сохранялась в регионах и продолжала приносить вред, не только экономический, но и моральный.

Пресса второй половины 1914 г. вообще в большом количестве отмечает случаи употребления суррогатов крепкого алкоголя и других его заменителей. Газеты напол-

няются статьями с характерными названиями: «Политуру пьют», «Киндер-бальзам вместо водки», «Вред употребления политуры» и т. п. (19). Конечно, употребление различных спиртосодержащих веществ, добываемых чаще всего в аптеках – удел немногочисленного количества настоящих алкоголиков. Но эта ситуация хорошо продемонстрировала, что одних лишь запретительных мер в деле борьбы с пьянством недостаточно, чтобы одолеть зеленого змея. К запрету необходимо было добавить активное распространение просвещения и культуры. И если сторона вопроса, связанная с запретом, работала в достаточной степени, то вторая составляющая «сухого закона» оставляла желать лучшего. Деятельность и попечительств, и обществ трезвости в годы Первой мировой войны недостаточно финансировалась, в целом существенно недополучала энергии неравнодушных людей. К сожалению, из-за революции 1917 г. так и не получилось узнать о том, какие результаты запрещение продажи алкоголя может приносить в мирное время.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Введенский И.Н. Опыт принудительной трезвости М., 1915; Дейчман Э.И. Алкоголизм и борьба с ним. М., 1929; Аксенов В.Б. Свержение царя и воцарение «ханжи» // Веселие Руси. XX век: градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2007.
2. Казенная продажа вина. Издание Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей. СПб., 1900. С. 13-15.
3. Устав попечительств о народной трезвости // Законоположения по учреждению попечительств о народной трезвости. СПб, 1898. С. 5-8.
4. Доклад Бородин Д.Н. Попечительства о народной трезвости // Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. В 3 т. Т. 3. СПб., 1910. С. 903.
5. Кони А.Ф. Собр. соч. в 8 т. Т. 4. М., 1967. С. 374.
6. Аксенов В. Б. «Сухой закон» 1914 г.: от придворной интриги до революции // РИ. № 4. 2011. С. 126-128.
7. Там же. С. 130.
8. Воспрещение продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в Империи // Правительственный вестник. 1914. 25 августа. № 41. URL: <https://vivaldi.nlr.ru/pn000152516/view/?#page=1> (дата обр.: 6.10.2020)
9. Введенский И.Н. Указ. соч. С. 47.
10. Мендельсон А.Л. Итоги принудительной трезвости. Пг., 1916. С. 6.
11. Там же. С. 7.
12. Введенский И.Н. Указ. соч. С. 15.
13. Воронов Д.Н. Жизнь деревни в дни трезвости. Пг., 1916. С. 13-18.
14. Введенский И.Н. Указ. соч. С. 22.
15. Фаресов А.И. Народ без водки. Пг., 1916. С. 128.
16. Борисоглебский листок. 1914. № 53. С. 2.
17. Там же. № 62. С. 2.
18. Там же. № 104. С. 4.
19. Там же. № 42, 43, 80, 101, 104, 108, 132.

А.И. ФАРЕСОВ И ЕГО ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ (О «СУХОМ ЗАКОНЕ» 1914 г.)

Статья подготовлена в рамках проекта «Российское крестьянство и государственная политика в отношении продажи алкоголя в 1914–1925 годах» (грант Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук 2020 года. Проект № МК-846.2020.6)

Для России потребление алкоголя – это вопрос, в разные времена касающийся сразу целого спектра различных сюжетов. Это и финансовые вопросы, и особенности хозяйства, и государственная политика, и многообразные социальные отношения, а также культура, быт и психоментальные особенности народа. Особенно хорошо это демонстрируется в период реформирования питейной сферы, что неоднократно имело место в нашей истории. Так, на рубеже XIX–XX вв. в Российской империи стараниями министра финансов С.Ю. Витте функционировала государственная монополия на продажу крепкого алкоголя – так называемая казенная продажа питей. В этот период государство скупало спирт у частных производителей, осуществляло его очистку, получало готовый продукт – водку сорока градусов – и продавало его (1). Основным потребителем напитка были сельские обыватели, самая многочисленная категория населения России (77%) (2). Монополия позволяла получать казне огромные суммы. Российский бюджет в те годы называли «пьяным» – он на четверть состоял из доходов от казенной продажи питей (3). Это предприятие было очень выгодным с финансовой точки зрения, но несло существенные политические последствия. В условиях противостояния власти и общества монополия государства на продажу населению алкоголя была аргументом, позволявшим оппонентам лишний раз обрушиться с критикой на самодержавие – в данном случае якобы спаивавшее и обиравшее собственный народ (4).

При этом по статистике Россия в начале XX в. находилась на 11-м месте в Европе по уровню потребления алкоголя (5). Проблемность ситуации заключалась в характере потребления – в деревне оно происходило нерегулярно, спорадически, по праздникам, но могло приобретать характер затяжного пьянства. Кроме того, даже не будучи регулярными потребителями спиртного, сельские жители тратили на пропой довольно чувствительную денежную сумму в год, учитывая в целом ограниченность их денежных ресурсов в то время (6). Так или иначе, но на фоне общей социально-

политической активности вопрос о народной трезвости стоял в начале столетия довольно остро. В России создавались антиалкогольные организации (церковные и светские), проводились масштабные конференции, издавалось огромное количество литературы. Призывы к властям освободить народ от «зеленого змия» звучали со страниц газет и журналов, из стен Государственной думы и Государственного совета. Отметим, что ежегодно в Совет министров приходили сотни ходатайств сельских обществ о прекращении на их территории питейной торговли.

Вода точит камень, и в стране постепенно формировалось общественное мнение, настроенное на ликвидацию винной монополии. Важно, что такой настрой возник и у императора. Назначая в 1914 г. на пост министра финансов П.Л. Барка вместо В.Н. Коковцова, Николай II пожелал, чтобы первый всячески содействовал тому, чтобы полнота бюджета страны не обеспечивалась в ущерб сельским жителям. Ключевым моментом для поворота в питейной политике стало начало Первой мировой войны. Еще в июле 1914 г. торговля крепким алкоголем была прекращена на время мобилизации. А уже в августе по высочайшему повелению продажа спирта и водочных изделий была остановлена до конца войны (7). В России был введен так называемый «сухой закон». Этот термин не совсем точен для определения сложившегося тогда порядка вещей, но он распространен среди исследователей, стал общеупотребимым, поэтому мы будем им оперировать.

В целом, стоит отметить, что проблема потребления алкоголя в России на рубеже XIX–XX веков привлекала и продолжает привлекать внимание исследователей. И если советская историография оставляла данную тему на глубокой периферии своего внимания, то дореволюционные и современные отечественные исследователи оставили и продолжают оставлять после себя серьезные разработки. Назовем несколько фамилий. Это специалисты начала XX в. В.К. Дмитриев и М.И. Фридман, а также современные ученые А.Л. Афанасьев, А.Е. Пашков, А.В. Николаев и др. (8). «Сухой закон» и его реализация на территории Российской империи, в первую очередь, интересовал и интересует исследователей с точки зрения финансовой. В разных статьях и монографиях анализируется то, насколько пострадал российский бюджет от исчезновения питейного дохода в военное время и, наоборот, насколько улучшилось (и улучшилось ли вообще) благополучие крестьянских хозяйств в связи с прекращением траты средств на спиртное. Сравнительно мало исследований, посвященных тому, как ограничительные меры меняли социокультурный облик российского села, иными словами, как менялся крестьянский быт, взаимоотношения между людьми, семейная

обстановка, в конце концов, убеждения людей, их ценностные установки. Но сразу возникает вопрос о поиске качественной источниковой базы для решения поставленной задачи. В основном историки, исследуя «сухой закон» и его применение, опираются на данные статистики, бюджетные обследования, земские анкеты и отзывы в печати. Все это опять-таки в большей степени касается хозяйственной стороны вопроса. Однако хотелось бы обратить внимание на несколько иной документ, а именно на путевые очерки писателя-народника Анатолия Ивановича Фаресова, опубликованные под названием «Народ без водки» в 1916 г. (9). Довольно объемная документальная книга основана на впечатлениях автора от поездки по Рязанской, Орловской, Тамбовской, Воронежской, Тульской, Псковской губерниям в 1915 г. В ходе своего путешествия Фаресов записывал свои разговоры с сельскими жителями об их отношении к ограничению продажи алкоголя и в целом о жизни. Эти беседы и легли в основание книги, которая может быть весьма ценной для исследователя. При этом нельзя не сказать о том, что содержимое книги Фаресова необходимо воспринимать с известными оговорками. Разумеется, в разговорах с образованным чужим человеком, пишущим книгу, его собеседники желали предстать в лучшем свете и больше говорить не о пороках крестьянства, а о добродетелях. Однако слова селян, переданные Фаресовым, в большинстве своем очень созвучны с данными других авторов из других российских губерний, опиравшихся и на результаты устных опросов, и на анкетные обследования, и статистику (10).

Несколько слов нужно сказать о самом авторе. Анатолий Иванович Фаресов (1852–1928) родился в Тамбове в весьма бедной дворянской семье. Из-за нехватки средств даже не смог окончить гимназию, после чего некоторое время работал учителем. Увлечен народническими идеями, участвовал в «хождении в народ». Был осужден и некоторое время находился в заключении в Петропавловской крепости. После этого Фаресов отошел от революционной деятельности. Занимается литературной работой, пишет очерки, рассказы и повести. На рубеже XIX–XX вв., не оставляя литературной работы, он служил на железной дороге, в Департаменте военной и морской отчетности, архиве Министерства финансов. В конце жизни, после революции, вновь вернулся к работе учителем. Фаресова называют бытописателем Псковщины, поскольку очень много его работ посвящены псковской деревне, местным жителям, их быту и хозяйству (11). Характерная черта его очерков – это обильная прямая речь его собеседников, жителей русского села, что потом очень хорошо будет видно по книге «Народ без водки». Автор даже специально старается быть в

тени, давая слово своим респондентам. В центре внимания его статей – пробуждающийся народ, деревня во всем ее многообразии и во всей ее сложности, с растущими запросами и ожиданиями.

Так, общаясь с мужиками, Фаресов много слышал от них о растущем запросе на образование и в целом культурные достижения. «Водку поотняли у мужика, надо ученье ему дать», – читаем мы отзыв крестьянина (12). Или еще один: «Бросил пить и образовался народ» (13). Также есть масса высказываний о том, как в деревне стала цениться газета и том, как мало у мужиков доступных культурных развлечений, из-за чего приходится время проводить под окнами дворянских усадеб (смотреть, как господа отдыхают) (14). При этом есть и отзывы, сообщавшие о довольно широком распространении в деревне другой проблемы – азартных игр. Видимо, желая получить хотя бы иным способом «острые ощущение», сельские обыватели, особенно молодежь, стали увлекаться игрой в карты (15). Заметим, однако, что во всех губерниях, которые посетил Фаресов местные жители сообщали ему о неразвитости потребления в деревне суррогатов и самогонварения. Домашнее подпольное винокурение – это явление более позднего времени, относящееся к годам гражданской войны, «военного коммунизма», НЭПа. Так, на вопрос Фаресова о том, пьют ли мужики ханжу (напиток на основе денатурированного спирта), последовал ответ: «Да это не у нас. Не у мужиков придумано, а в городах». Очень много говорится о сокращении пожаров – бича русской деревни. В целом во всех губерниях собеседники Фаресова солидарны в том, что в селе сократилась преступность, уменьшилось хулиганство, больше мира стало в семейных отношениях (16). Под воздействием «сухого закона» меняются и модели делового поведения мужиков. Так, приводятся слова скупщиков зерна из Воронежской губернии: «Народ грубый стал». То есть несговорчивый, которого нельзя опить и забрать хлеб по-дешевке. Наперебой сообщается об улучшении крестьянского быта: пополнились женские гардеробы, увеличилось потребление белого хлеба, мяса и рыбы, чая с сахаром. Сельские жители в целом стали меньше брать ссуд и больше делать вкладов. Эти перемены не могли не радовать женскую часть села, Фаресов даже приводит такие слова селянок: «Поддай Господи продлить войну, а то идет говор, что после войны опять откроют винные лавки» (17).

Среди отзывов сельских жителей есть, скажем так, и политические, посвященные властям и участию России в войне. Фигура Николая II упоминается в положительном ключе. Мужики называют его «лекарем», который отучил их от водки луч-

ше попа и бабки-шептуњи. «Царское слово лучше петушиного» (т.е. лучше любого заклинания). Другой респондент называл Николая царем-трезвенником, еще один сопоставлял отмену крепостного права с «сухим законом». Или вот другой рассказ про одного пьяницу, который после введения «сухого закона» купил жене платье и при этом говорил: «Царь одел, а не я». Любопытно, что по деревням Тамбовской губернии ходила так называемая легенда о Вильгельме, немецком императоре, который якобы сетовал после начала войны, что учел все возможные обстоятельства и все предусмотрел, кроме того, что русские перестанут водку пить, а это главный фактор. «Теперь война с Германией, а раньше дома была война», – говорили также тамбовские селяне. Звучали из уст опрашиваемых и довольно критические отзывы о подготовленности России и Германии к войне: «Они (немцы») учили свой народ делать снаряды, а мы занимались бутылочками». Очевидно, этот комментарий, касался «снарядного голода» 1915 г. (18).

Вообще Фаресов часто пишет о том, что у крестьян появляется много вопросов о причинах войны, целях России, о деятельности Государственной думы, новостях науки. Очевидно, что под влиянием масштабных исторических событий происходило пробуждение самосознания народа. В заключение хотелось бы привести слова А.И. Фаресова, сформулированные им на основе многолетнего изучения крестьянского быта: «Русский народ хочет не только работать, есть и спать, но также и духовной жизни с ее научным, эстетическим и гражданским содержанием» (19). Остается только выразить сожалением в отношении того, как развивалась история: революционные потрясения не дали возможности увидеть в полной мере последствия «сухого закона», которые, конечно, в полной своей мере проявились бы не в первые годы его реализации, а существенно позднее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. Казенная продажа вина. Издание Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей. СПб., 1900.
2. Россия. 1913 год. Документально-статистический справочник. СПб., 1995. С. 219.
3. Там же. С. 154.
4. Бородин Д.Н. Последнее слово о винной монополии // Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. В 3 т. Т. 3. СПб., 1910. С. 374-393.
5. Дмитриев В.К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М., 2001. С. 43-44, 332.
6. См. Норов В. Казенная винная монополия при свете статистики. Ч. 1-2. СПб., 1904–1905.
7. См. Аксенов В.Б. «Сухой закон» 1914 г.: от придворной интриги до революции // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 126-139.
8. Дмитриев В.К. Указ. соч.; Фридман М.И. Винная монополия. В 2 т. СПб.; Пг., 1914–1916; Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907–1914 годы: опыт оздоровления общества. Томск, 2007; Николаев А.В. Антиалкогольные

- кампании XX в. в России // ВИ. 2008. № 11. С. 67-78; Островский А.В. «Пьяная деревня». Домыслы и факты // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 140-158.
9. Фаресов А.И. Народ без водки (путевые очерки). Пг., 1916.
10. См., например: Воронов Д.Н. Жизнь деревни в дни трезвости. Пг., 1916.
11. Филимонов А.В. Бытописатель Псковщины URL: http://izd.pskgu.ru/projects/pgu/storage/PSKOV/ps05/ps_05_09.pdf (дата обр.: 17.10.2020).
12. Фаресов Указ. соч. С. 17.
13. Там же. С. 38.
14. Там же. С. 31.
15. Там же. С. 272-273.
16. Там же. С. 17, 70-71, 189.
17. Там же. С. 18, 81, 83.
18. Там же. С. 5, 58, 70, 274, 282.
19. Там же. С. 111.

Р.М. Житин, А.Г. Топильский, И.А. Шевченко

**ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И САНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРОИЗВОДСТВ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
В НАЧАЛЕ XX в.**

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ (МК-476.2020.6)

Бурное развитие промышленности в дореволюционной России проводилось без учета экологических рисков. На проблемы загрязнения районов действия крупных предприятий обращалось внимание как общественности, так и специалистов, однако вопросы экологии заводских производств на протяжении всего пореформенного времени не были должным образом зафиксированы в законодательстве. Долгое время промышленная деятельность заводладельцев регулировалась статьей 498 Строительного устава, запрещавшей возводить в городах или выше городов по течению рек заводы, «вредные чистоте воздуха и воды». Только в декабре 1913 г. в Государственную думу России поступил законопроект «О санитарной охране воздуха, воды и почвы», регулировавший, в том числе, промышленную деятельность владельцев (1). Однако после долгих обсуждений этот закон не был принят. Стремясь получить максимальную прибыль из строящихся предприятий, промышленники задумывались о последствиях своей деятельности. В результате, уже к началу XX в. в газетах стали описываться случаи закрытия промышленных производств из-за загрязнений. Так в мае 1892 г., вследствие дошедших до властей слухов о заболеваниях в окрестностях с. Власьева, был закрыт химический завод купца Глухова. Проведенный экологический аудит показал наличие мышьяка как в воде, так и на дне ручья (2).

Тамбовская губерния всегда принадлежала к числу аграрных регионов со слабо развитым промышленным комплексом. Согласно данным «Списка фабрик и заводов», на территории края действовало 222 фабрики и заводов с 22,6 тыс. трудящимися на них рабочими и общей производительностью в 44 млн руб. (3). В общероссийском масштабе местная промышленность занимала менее процента – как по общему числу предприятий, так и по совокупной стоимости производимой продукции. Преобладание на Тамбовщине сельскохозяйственного производства не могло не сказаться на истории местной промышленности. По материалам промышленной переписи в 1908 г., более 65 % тамбовских предприятий принадлежало к категории пищевых. В общем объеме наличного пролетариата на долю фабрик, перерабатывающих аграрное сырье, приходилось до 80 % занятых работников. Общим местом для характеристики сельской и городской промышленности Тамбовской губернии являлось значительное количество мелких и средних предприятий в структуре местного производства. На 76 % сельских, 77 % городских заведений трудилось до 50 чел. В число наиболее крупных комплексов Тамбовской губернии входили вагоноремонтные мастерские, сахарные заводы, суконные фабрики. В совокупности они обеспечивали занятость половины фабрично-заводского контингента края.

Интенсивное развитие крупных фабрик в регионе вызвало ощутимые экологические проблемы. Вследствие их систематического загрязнения сточными водами сильно страдали водоемы Тамбовщины. При этом очистительные сооружения фабриканарушителей, предполагавшиеся в подобном случае, либо отсутствовали, либо не действовали. Проведя проверку фактов загрязнения кожевенным заводом Попова р. Дон, врачебный инспектор сообщал: «Обычно вода в запруде фильтровалась в реку через естественную насыпь, но во время весеннего разлива и в период сильных дождей заток сообщался с Доном» (4). Схожую проблему имели производства Ново-Покровского сахарного завода Орлова-Давыдова, отравляющие воды реки Битюг. По сообщениям крестьян, зимой 1911 г. вода в реке имела «мутноватой цвет и издавала тухло-вонючий запах». Проведенное изучение плотины, отделяющей нечистоты от поймы реки, показало, что «указанное сооружение может держать и сдерживать сточные воды только без посторонних вод». Так что «при паводках и во время весеннего разлива плотина [не в состоянии] удерживать сточные воды». Проблемы загрязнения окружающей среды обращали на себя внимание медицинских работников, делавших независимые описания текущей ситуации в районах размещения проблемных производств. Обследовав суконные фабрики Асеевых, Рагозы, Смолина и Желтова в Тамбовском уезде, комиссия констатировала:

«Река Арженка взята у населения с Рассказова фабрикой, и вместо реки населению отдана ужасная смесь из раствора красок, промывной воды из сукновален, промывных машин и кухни, весьма часто разбавляемая раствором всяких отбросов фабричного двора из человеческих испражнений...» (5).

Промышленное загрязнение водных ресурсов в ряде случаев становилось ощутимой экологической проблемой, вызывая волну социального протеста. Сложная ситуация сложилась в городе Тамбове осенью 1912 г. Располагавшаяся на р. Студенец мельница Егоровых стала очевидной причиной ее загрязнения. Осмотр места мукомольного производства показал пренебрежение всякими нормами экологической безопасности. «По длинной, узкой канаве» в сторону реки текла «густая жидкость черного цвета с запахом нефти, креолина и карболовой кислоты». Канавка сообщалась с резервуаром во дворе завода, однако, из-за его переполненности, владелец спускал нечистоты в р. Студенец. Отдельной экологической проблемой являлось загрязнение водных и земельных ресурсов. Технологии работы салотопенного завода Шамонина в Тамбове допускали слив жидкости, «остающиеся от вытапливаемого сала и выварки костей» «на близлежащий в стороне лужок». В рапорте врачебного осмотра за 1909 г. отмечалось: «От жидкости распространялось сильное зловоние». В результате, Тамбовской городской комиссией решено было закрыть завод, «так как он был близок к жилым помещениям, либо содержатель должен был уничтожить запах с помощью газосжигателя» (7).

Форсированное развитие промышленных производств и отсутствие четких стандартов организации труда работников обусловило остроту санитарных проблем. Политика фабричной инспекции в отношении владельцев, нарушающих санитарные нормы, заключалась в фиксации злоупотреблений и устранении злоупотреблений. Однако в ряде случаев предписания инспекторов не действовали. Так, при обследовании табачной фабрики Белоусова в Моршанске (март 1911 г.) фабричным инспектором было выявлено чрезвычайно сильное распространение табачной пыли на производстве. Последовало официальное требование устранить недочеты. Однако новый осмотр предприятия (1915 г.) снова выявил нарушения. На этот раз «пыль находилась в помещении переработки и при помощи вентилятора удалялась с фабрики на двор в особый ящик, из которого она свободно выходила на воздух» (8).

Помимо антисанитарии в цехах предприятий, неудовлетворительное положение наблюдалось и в общежитиях-казармах для рабочих. Работа особой комиссии (состоявшей из 8 членов, в том числе 5 врачей) на Рассказовской суконной фабрике

Желтовых показала: «На заводе не только нет особого помещения для жилья рабочих, но нет даже кухни, где бы рабочий мог приготовить обед. Рабочие едят и спят летом под открытым небом, а зимою в мастерских. Для спанья девушек из дальних деревень отведена комната в одном из заводских домов 4х6 аршин... Гибель клопов и тараканов. В такую комнату набивается ночевать до 35-40 человек. Не надо быть пророком, – заключает комиссия, – чтобы предсказать, что появление заразных заболеваний на Желтовской фабрике было бы прямо ужасным...». Еще большее нарушение вскрыло санитарное обследование Лозевской суконки в Тамбовском уезде: «Двор фабрики производит грустное впечатление своей неопрятностью. Всюду припахивает помойной ямой, весь покрыт затоптанной шерстью, загажен испражнениями. Все рабочие (зимой 2500, а летом до 3000) приходят для работы из села. Уходят домой для обеда только меньшая часть рабочих, остальные готовят себе пищу на фабрике, едят в мастерских, т.к. столовой на фабрике нет» (9). Неудовлетворительные санитарные условия на тамбовских фабриках были причиной значительной заболеваемости пролетариата.

Курский земский врач Н.И. Асеев в 1901 г. отмечал высокую заболеваемость рабочих: «Влияние фабрично-ремесленной промышленности на здоровье населения сопровождается для населения большим санитарным вредом, чем сельскохозяйственная деятельность. И уже по одному этому следует направлять все усилия к тому, чтобы всякого рода ремесленная деятельность, а тем более на фабриках и заводах, не поглощала у населения более того времени, какое остается у него от полевых работ. Последним должна принадлежать преобладающая роль в жизни населения. Фабрично-ремесленный труд влечет за собой более неблагоприятные последствия для здоровья населения и приносит подчас труднопоправимые санитарные бедствия в тех местностях, где фабрично-заводская деятельность составляет преобладающее занятие населения» (10).

В целом, развитие промышленного производства в Тамбовской губернии сопровождалось множеством санитарных и экологических проблем. Наибольшее количество фактов загрязнений предприятиями окружающей среды фиксировалось в отношении водных ресурсов. Одновременно обострилась санитарная проблема, связанная с некачественными условиями труда на предприятиях. При этом экологические и санитарные угрозы были замечены общественностью. Однако в отсутствии должного законодательного регулирования модернизация фабрик и заводов края проходила без учетов экологических рисков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гольденберг М.С. Чистота атмосферного воздуха и его охрана // Охрана природы и заповедное дело в СССР. 1956. № 1. С. 47-65.
2. Есина Е.А., Мусин М.Н. И тогда мещанин Глухов закрыл свой химический завод // Парламентская газета. 2009. № 030 (2372). С. 20.
3. Список фабрик и заводов Российской Империи. СПб., 1912. С. 31-298.
4. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 20. Л. 30.
5. Там же. Ф. 195. Оп. 1. Д. 602. Л. 14, 20.
6. Гаспарян А.С. К истории здравоохранения Тамбовской области. URL: <http://68.rosпотреbnadzor.ru/content/590/16598/> (дата обр.: 25.09.2020).
7. ГАТО. Ф. 30. Оп. 87. Д. 17. Л. 293; Д. 18. Л. 1-2.
8. Там же. Ф. 242. Оп. 1. Д. 145. Л. 2.
9. Гаспарян А.С. Указ. соч.
10. Ларин А. Санитарное состояние промышленных предприятий Курской губернии во второй половине XIX в. URL: <http://old-kursk.ru/book/larin/p191121.html> (дата обр.: 25.09.2020).

В.А. Сомов

«ГЛУБОКОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ ОСТАЛОСЬ НА ВСЮ ЖИЗНЬ...»: ВОСПОМИНАНИЯ О В.И. ЛЕНИНЕ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В.И. Ленин – исторический персонаж планетарного масштаба, наиболее влиятельный человек XX века. Он предпринял попытку построить общество, в котором «...люди постепенно привыкнут к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения...» (1). С точки зрения историософии, он не мог не появиться, поскольку (плохо это или хорошо?) его появление было обусловлено всем ходом истории (2). Огромное количество мемуарной литературы о Ленине отражает его роль в событиях, «потрясших», по выражению Д. Рида, мир. Эта литература отражает не только те или иные аспекты жизни и работы Ленина, но и в немалой степени внутренние мотивы авторов, по-своему относящихся к его образу и связанным с его именем преобразованиям. Отношение к Ленину до сих пор остается «лакмусовой бумажкой», которая проявляет внутреннюю сущность субъекта, его личностную установку, систему социальных ценностей. Было время – Ленина возвеличивали, было время – низводили, но пока не удалось предать его образ забвению, именно по причине базовой мировоззренческой значимости выраженных (и частично реализованных) им когда-то идей. Научное (безэмоциональное) осмысление феномена Ленина – дело будущего. Для него необходимо торжество «субъективной беспристрастности» (выражение А.А. Зиновьева), мало кому сегодня доступное. На него трудно рассчи-

тывать, пока дискуссионными являются вопросы о судьбе памятников Ленину, о мавзолее. Даже научные работы, посвященные ему, имеют вовсе не «мирные» заголовки (3).

В рамках данной статьи нам хотелось бы обратиться к группе источников, анализ которых позволяет (насколько это, вообще возможно) дистанцироваться от крайне политизированных характеристик образа В.И. Ленина и тем самым достичь необходимого исследовательского баланса в постижении исторической истины. Эти источники – рукописные воспоминания о В.И. Ленине так называемых «простых людей», тех, кто лично видел и слышал Ленина, но не принадлежал ни к его соратникам, родственникам, ни к руководству государства и партии – то есть тех, кто видел Ленина, как правило, однократно и в некоторой степени случайно. Это люди – из «широких народных масс», которые пронесли впечатление от встречи с Лениным на всю жизнь. Именно сравнение этих независимых друг от друга свидетельств может в определенной мере стать шагом к научному пониманию феномена Ленина. В статье приводятся мемуары (как правило, рукописные тексты), написанные горьковчанами в 1969 г. в ответ на призыв газеты «Горьковский рабочий» в преддверии 100-летнего юбилея В.И. Ленина. Присланные в газету воспоминания были переданы в Горьковский областной исторический музей, где и хранятся до сих пор. При анализе этих источников необходимо учитывать цель их создания: нельзя исключать, что они создавались с долей корысти, ведь это был пик «культы Ленина» и сопричастность к его образу могла предоставлять автору воспоминаний особый «социальный вес» («Он Ленина видел!»). Нельзя также не обратить внимания на половозрастные характеристики авторов, которые в момент встречи с объектом описания были молодыми людьми и воспринимали окружающие обстоятельства остро, живо, эмоционально, а, следовательно – *некритично*. Последнее в контексте нашей статьи представляется весьма важным обстоятельством, поскольку позволяют реконструировать отношение к Ленину почти без конъюнктурных «наслоений». Обстоятельства, при которых произошла встреча, как правило, носили массовый характер (митинги, лекции). Видели Ленина авторы воспоминаний однократно, следовательно, в источнике отражено впечатление от единственной личной встречи. С другой стороны – это была встреча с человеком, которого все хорошо знали, с «живой легендой». Это также не могло не отразиться на восприятии образа Ленина. Особый интерес представляют детали в описании вождя, на которые обратили внимание авторы мемуаров: внешние (одежда, манера держаться на публике, жесты, речь); внутренние (смысл выступления, передача

мысли, простота высказываний). Важно также зафиксировать общее впечатление от увиденного и услышанного. Ниже приводятся наиболее характерные выдержки из упомянутых документов.

Из воспоминания *П.Г. Дывман*, датированных 22 декабря 1969 г.: «Мне посчастливилось быть делегатом 6 Всероссийского чрезвычайного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от общезаводского комитета завода «Новая Этна» (с совещательным голосом). Съезд с 6 по 9 ноября 1918 г. проходил в Большом театре. *Неизведанный восторг и радость охватили меня, когда увидел на съезде великого Ленина* (здесь и далее курсив мой – В.С.). С затаенным дыханием слушая его речь, я, как и все делегаты, были очарованы его простотой и доходчивостью. Слова его пронизывали до самой глубины сердца.... Идеи Ленина и его дела запечатлены так глубоко в моем сердце, что никакая сила не может затмить его. Это имя останется в веках» (4).

Ефремов Дмитрий Иванович (родился 7 ноября 1894 г. в г. Петербурге) вспоминал: «Находясь в Москве мне удалось в 1922 году быть на 11 съезде КПСС (XI съезд ВКП (б). Проходил с 27 марта по 2 апреля 1922 г. – В.С.) в качестве гостя. На этом съезде с политическим отчетом выступал Владимир Ильич Ленин. Это было последнее выступление т. Ленина перед съездом. Это последний съезд, которым руководил лично В.И. Ленин. У меня тогда еще *очень молодого коммуниста*, выступление В.И. Ленина с историческим политическим отчетом оставило *неизгладимое впечатление*. Оно точно могучим прожектором осветило весь исторический путь, пройденный нашей партией и те исторические задачи, которые приходилось нам решать. Прошло 47 лет со дня этого выступления, *а все виденное и слышанное было точно сегодня или вчера...* У нас – молодых коммунистов был много неясного в таком деле как торговля. Как торговать? Кто должен торговать? Где и у кого учиться торговать? И на все это были получены предельно ясные ленинские ответы. *В них не было недомолвок, все просто, все конкретно.* ... Меня эта речь В.И. Ленина учила в течение 47 лет тому, как правильно идти по ленинскому пути» (5).

Гонтор Андрей Иванович, 1892 года рождения член партии с 1919 года вспоминал: «Как мне посчастливилось видеть В.И. Ленина и слышать его речь, нашего дорогого вождя и учителя нашего народа. Это было в 1920 году 20 июля. Наш отряд балтийских моряков. Мы закончили гражданскую войну на Волге и каспийском море и освободили г. Баку и бакинскую нефть. Мы со штабом командующего Волжско-каспийской флотилией тов. Раскольниковым Ф.Ф. были переброшены на Балтийское

море. В Петрограде в это время проходил съезд второго конгресса третьего интернационала и многие петроградцы говорили, что 20 июля назначен городской митинг на дворцовой площади и на нем будет выступать В.И. Ленин. Я, узнав об этом, прибыл на дворцовую площадь. Еще только что стал собираться народ. И мне удалось пробраться к самой трибуне. В.И. Ленин выступал на крыльце Зимнего дворца. Крыльцо было не так высоко и мне хорошо было видно В.И. Ленина и слышно его речь. *В.И. Ленин был одет в осеннее пальто, и в правом кармане пальто торчала кепка.* В.И. Ленин начал свою речь о международном и внутреннем положении в России. В.И. Ленин выступал без конспекта, и его речь была четкая, ясная и всем понятная и все слышали его речь на площади с большим вниманием и интересом. Дворцовая площадь была битком забита народом и невероятная была на площади тишина... В.И. Ленин говорил уверенно и убежденно...» (6).

Екатерина Дмитриевна Кочурина, 1898 г.р., член партии с августа 1917 г. так вспоминала встречу с Лениным: «Это было летом 1921 года в Москве. Я тогда училась в только что открытом Институте организаторов народного образования при Наркомпросе (Лихов пер., д. 6). Мечта увидеть хоть на секунду Ленина жила все время со мной. Однажды нам объявили, что мы скоро увидим и услышим Ленина. Я не помню, в каком помещении, и на каком собрании это было. Думаю, что это был губернский слет (так тогда называли) комсомола. Было много ребят и девчат, одетых кое в чем. Также одеты и мы были, съехавшиеся в институт со всей страны. Сидели тихо, ждали. И вот пронесся шепот: «Ленин! Ленин!». Стремительной походкой вошел Владимир Ильич, встреченный долго не смолкающими аплодисментами. (Последнее предложение подчеркнуто автором – В.С.). Он вынул часы и показал на них, но тишина долго не наступала. Потом слушали его, затаив дыхание. Глядя на Владимира Ильича, мне казалось, что я его давно-давно знаю и могу просто подойти к нему и заговорить, как с самым близким человеком. ...Одет он был просто: на нем был старенький хорошо отчищенный и отглаженный костюм. Речь его была доходчива, без красивых слов, какими пользуются ораторы, чтобы ошеломить слушателей. Эта речь и самый образ Ленина прочно оставались в памяти. Чувствовалось, что он хотел вложить в каждого из нас все, чем он жил. Что выстрадал и передумал. Таким я видела Владимира Ильича один раз, а потом в январе 1924 года я, как и тысячи других людей, просталась с ним в колонном зале Дома Союзов» (7).

Участник Гражданской войны *Лев Степанович Келлер* (родился в октябре 1899 г.) вспоминал, что ему довелось видеть Ленина 20 ноября 1922 г. на пленуме Моссо-

вета: «... Мечтой каждого коммуниста, проживавшего в Москве, где жил и творил великий Ленин, любимый вождь и учитель, было его видеть и слышать. Командированный ЦК Комсомола на учебу в комм. Университет им Я.М. Свердлова осенью 1921 г., горячо надеялся, что мне удастся осуществить свою мечту. В.И. Ленина видел при случайных обстоятельствах, но слышать пришлось только один раз – 20 ноября 1922 года. Меня, студента основного курса, выполнявшего довольно сложные поручения ЦК комсомола и краснопресненского района, вызвал секретарь партбюро университета, тоже студент. Сообщил, что скоро начнется подготовка к выборам в Совет и сказал, что вместе с небольшой группой свердловцев должен быть на пленуме Моссовета. С Малой Дмитровки, где помещалось наше общежитие, пешком отправился в Большой театр (помнится, трамвай был ненадежен). Примерно в начале вечера 20 ноября слушал сообщение представителя Моссовета (этот приземистый по сложению человек был Богуславский (Михаил Соломонович Богуславский (1886–1937). В 1922–1924 гг. – заместитель председателя Моссовета – В.С.))... Выйдя затем ненадолго из яруса, вскоре услышал необычно бурные аплодисменты, радостные восклицания. Поспешно вернувшись, увидел, что в президиуме рядом с председателем (Л.Б. Каменевым) стоял товарищ Ленин. По залу вновь и вновь проносились выкрики, затем пение «Интернационала». *Прошло несколько минут, с трудом воцарилась тишина.* И тогда В.И. Ленин начал говорить. В его речи было дано *изумительно глубокое, но сразу нас полностью охватывающее*, освещение международной и внутренней политики, наших задач и перспектив... *Одежда Ленина была очень проста*, практически она не отличалась от формы студента-свердловца. Ленин местами говорил с огромным подъемом, лишь изредка заглядывая в свои заметки. *Поразительной была сила слов Ильича*, его глубокая убежденность в том, что наша партия – маленькая частица всего населения» (8).

Иванова Анна Прокофьевна (родилась в Петербурге 25 сентября 1892 г. в рабочей семье) слушала выступление Ленина на Финляндском вокзале 3 апреля 1917 г. и летом 1917 г., когда он выступал с балкона дворца Кшесинской. После его речи Анна Прокофьевна вступила в Красную гвардию и участвовала во взятии Зимнего дворца. В октябрьские дни видела его на Марсовом поле во время похорон жертв Октябрьской революции. Она вспоминала: «*Он был очень прост, общителен, ежедневно был с народом... Владимир Ильич, когда говорил, то речь его была такой понятной, по содержанию близкой и ее всегда легко усвоить и передать другим*» (9).

Малова Елизавета Александровна. Родилась в 1888 г. Член партии с 1917 г., участница трех революций. До Октябрьской революции и после работала на культурно-просветительском фронте – библиотечное дело в Нижнем Новгороде и Москве: «Владимира Ильича мне довелось видеть в Москве в 1922 году 20 ноября на Пленуме Московского Совета в Большом театре. Владимир Ильич выступал тогда впервые после тяжелой и продолжительной болезни. Помню, *какая радость охватила всех, что Ильич снова в строю, снова среди рабочих масс.* Владимиру Ильичу долго не удавалось начать речь: так горячо и бурно его приветствовали. Оркестр два раза исполнял «Интернационал». В театре чувствовалась праздничная атмосфера... Тогда я еще сильнее почувствовала, как горячо и преданно любят Ильича простые люди. Такие чувства мог вызвать *только подлинно народный вождь*, каким и был Владимир Ильич Ленин» (10).

Таким образом, анализ материалов подобного рода, позволяет сделать ряд обобщающих выводов, которые, конечно не могут претендовать на исключительную научную новизну, но при этом, в контексте современного научного дискурса представляются далеко не бесполезными. Во-первых, встречи с Лениным в сознании авторов воспоминаний носят почти сакральный характер, как приобщение к чему-то особенному, феноменальному, как своеобразная инициация – введение в круг избранных. Во-вторых, авторы воспоминаний обращают основное внимание на внешнюю «простоту» Ленина, на его близость к народу, которые в сочетании со способностью «заражать» аудиторию своими идеями, составляли основной элемент его политического феномена. Ленин выступает в сознании авторов одновременно и как «обыкновенный» человек, и как представитель «иного» уровня человеческой мысли, в то же время о нем вспоминают, как о близком, почти родном человеке. Это свидетельствует об уникально высоком уровне коммуникации между лидером государства и гражданами. В особенности – на контрасте с витиеватыми и зачастую непонятными для народа речами прошлых имперских чиновников. Нельзя также забывать, что авторы воспоминаний в 1969 г. имели возможность сравнить выступления Ленина с речами других государственных «ораторов», например, Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева. Неявно, скрыто, но практически однозначно, в текстах воспоминаний прослеживается сравнение не в пользу последних. В-третьих, данные источники еще раз подтверждают, что с точки зрения системного анализа общественных отношений в образе Ленина отражались наиболее существенные черты характера и социальных ожиданий самих слушателей. Ленин для них – лидер, который говорил «с каждым и о каждом», выражал по-

зицию власти, которая действительно не отделяла себя от народа. В этом контексте вновь актуально и убедительно звучат строки Сергея Есенина:

«Дрожали, качались ступени, но помню под звон головы:

"Скажи, кто такое Ленин?" Я тихо ответил: "Он – вы"».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 33. М., 1969. С. 89.
2. См.: Хмуркин Г.Г. Предчувствие Ленина. М., 2017.
3. См., напр.: Котеленец Е.А. Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии. М., 2017.
4. Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Вспомогательный фонд. Ед. хр. 2875. Л. 1-2.
5. Там же. Ед. хр. 2879. Л. 1-2.
6. Там же. Ед. хр. 2874. Л. 5.
7. Там же. Ед. хр. 2888. Л. 3.
8. Там же. Ед. хр. 2885. Л. 1.
9. Там же. Ед. хр. 2884. Л. 1.
10. Там же. Ед. хр. 2896. Л. 1.

Л.Н. Патрина, Р.М. Житин, А.Г. Топильский

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ КНИГ ТАМБОВСКИХ ИМЕНЕЙ В 1918–1920 гг.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00484

Разгром усадеб Тамбовской губернии считается одной из главных трагедий эпохи русской революции. Крестьяне, «поощряемые премудрой властью», и, «провозгласив новейший лозунг: грабь награбленное», растаскивали и разворовывали дворянские гнезда, оставляя после себя зарево пылающих пожаров (1). «На местах полная анархия и хулиганство, – с тревогой описывал ситуацию управляющий тамбовским имением Лейхтенбергского, – насилие всякого рода все увеличивается, самогон процветает, преступления остаются безнаказанными, суд, власть бездействуют, право не только собственности, но и самой жизни не обеспечено» (2).

Первые погромы помещичьих имений Тамбовской губернии начались сразу после февральских событий в Москве. С небольшими перерывами они продолжались до весны 1918 г. Начавшись «с самочинных захватов помещичьей земли и лесов», толпы крестьян врвались в усадьбы, грабили имущество, изгоняли владельцев (3). Инициаторами выступлений являлись как отдельные группы общинников, так и целые волостные сходы. Крестьяне «попирают права собственности», «грозят, тормозят работы, снимают военнопленных. Жизнь невыносимая. Защиты нет», – отмечал в дни нарастания мя-

тежей один из очевидцев. По самым скромным подсчетам с сентября 1917 г. по март 1918 г. было разгромлено 241 имение. Причем в ряде волостей народное движение имело сплошной характер. Только между 1 и 11 сентября 1918 г. в Ярославской и Екатерининской волостях Козловского уезда были разгромлены и сожжены почти все имения (3).

Результатом разгрома усадеб стала утрата книжных ценностей тамбовских имений, собиравшихся многими поколениями помещиков. «Сожжены, сгнили, разбиты, растерзаны, раскрадены и распроданы бесчисленные богатства..., разорены и обветшали торжественные дома с античными портиками, рухнули храмы в садах, а сами “вишневые сады” повырубили..., – отмечал Барон Врангель, – с преступной небрежностью, с нарочитой ленью и с усердным вандализмом несколько поколений свело на нет все, что создали их прадеды» (4).

Пытаясь противостоять разросшимся аграрным беспорядкам и сохранению культурных ценностей, партия большевиков призывала крестьянство «брать все помещичьи земли в свое распоряжение под строжайший учет, охраняя полный порядок, охраняя строжайше бывшее помещичье имущество, которое отныне стало общественным достоянием и которое поэтому сам народ должен охранять» (5). К осени 1918 г. было принято более десяти декретов, ограждающих частную собственность от самовольного разграбления. Для учета и распределения библиотечных собраний 22 ноября 1917 г. появляется внешкольный отдел Наркомпроса.

В силу значительного объема, национализация богатых дворянских библиотек представляла особый интерес. «Октябрьская революция... поставила особенно наглядно вопрос о библиотеках и, в первую очередь, о перераспределении книжных богатств. Их надо было перераспределить так, чтобы каждый гражданин имел доступ к любой книге. Были произведены массовые реквизиции помещичьих библиотек, потом библиотек разных бывших учреждений..., больших библиотек частных лиц и т. п.» (6).

Для дальнейшего развития принципов библиотечного дела в октябре 1918 г. во внешкольном отделе Наркомпроса был выделен Петроградский библиотечный подотдел (располагался в Петрограде), а в июне этого года аналогичный отдел был создан в Москве. Территория деятельности двух подразделений четко разграничивалась, причем Петроградский подотдел должен был действовать в столице и северных губерниях России, а работа Московского распространялась на все остальные территории, включая Тамбовскую губернию. Сотрудники учреждений «устанавливали порядок регистрации библиотек, обследовали и брали на учет все подлежащие национализации или нуж-

дающиеся в охране книжные коллекции». «Для ограждения коллекций от расхищения» и обеспечения процесса национализации собраний был создан штат так называемых эмиссаров. Они выезжали на места для учета наиболее интересных коллекций. В своей работе сотрудники комиссариата просвещения использовали Инструкцию Московского Библиотечного отдела, подготовленную поэтом В. Я. Брюсовым. С 1918 по 1919 г. он состоял в должности заведующего Отделом научных библиотек Наркомпроса. Интересно, что наряду с административными нормами, в инструкциях был освящен целый ряд теоретических вопросов. Так, выяснялось понятие «тома» и «названия» (и их соотношение); давалась характеристика редких и ценных книг, определялись критерии важности библиотеки для «профессиональных занятий лиц, ею располагающих» (7).

Кроме того, для защиты интересов педагогических, научных работников, а также лиц, «профессионально занятых литературным трудом», постановлением Наркомпроса от 17 июля 1918 г. вводились специальные охранные грамоты, гарантирующие неприкосновенность книжных собраний» (8). Комиссариат, таким образом, признавал «необходимыми все собранные в научных библиотеках книги, так как для профессиональных занятий могут быть потребны справки в различных областях знания». В итоге, на конец 1918 г. в делах Московского отдела отложилось несколько списков книг из бывших помещичьих библиотек, с указанием примерной численности, местоположения, текущего статуса собрания. Источником для создаваемой картотеки являлись сведения от работающих в губерниях эмиссаров, а также членов местных Советов, присылающих информацию в Московский отдел. Кроме того, часть данных была собрана Отделом по делам музеев, также проводившего учет имущества в поместьях.

При этом учет библиотечных собраний был далеко не полным. Первые материалы по имениям, которые получил Московский библиотечный отдел осенью 1918 г., охватили лишь 99 уездов центральной России (не более 10 губерний). Так, в составленном в ноябре 1918 г. «Списке библиотек, подлежащих обследованию или вывозу в 1-ю очередь» значилось всего 4 тамбовских имения. Эмиссарам предписывалось проверить собрание из 12000 книг Вязовского имения С. А. Петрово-Соловово («очень ценная историч. и ист. искусств много художеств. изд.»), библиотеку поместья «Савала» М. М. Петрово-Соловово (8000 книг), коллекции имения Енгальчевых в Шацком уезде и владение «Ракша» семьи Безобразовых (9).

Некоторые обстоятельства национализации наследия Ракшинского владения Безобразовых известны благодаря отчету сотрудника научно-архивного подотдела при Тамбовском губернском отделении народного образования В. А. Петрова. 20 мая 1919

г. он был командирован в Моршанский уезд для изучения безобразовской библиотеки. К моменту его приезда в Ракшу весь «архивный материал» владения был «вывезен с библиотекой в Моршанск и хранился во внешкольном подотделе». Причем при разборе местной библиотеки В. А. Петров обнаружил «восемь рукописных томов», принадлежавших известному государственному деятелю, члену Палестинского комитета Б.П. Мансурову. Так как этот материал «представляет большую ценность как первоисточник в историческом и археологическом отношении», было сделано «предложение о временной передаче его в уездный архив, впредь до решения вопроса о дальнейшем его перемещении... в центр». Обнаруженная при разборе архива Мансуровых книжная коллекция «также представляет большую ценность как выходящая за рамки обычной помещичьей библиотеки ввиду наличия в ней систематического подбора книг по Востоку и египтоведению» (10). Однако о последующей судьбе выявленных материалов сотрудник не сообщал.

Впоследствии документальное наследие рода Мансуровых составило отдельный фонд материалов Государственного архива Тамбовской области (11). Судьбу книжного наследия Ракшинского имения проследить не удалось.

Для учета и национализации книг из помещичьих библиотек к началу 1919 г. библиотечные отделы были организованы так же в отдельных уездах Тамбовской губернии. А уже к середине 1919 г. в отдельных поместьях удалось наладить работу эмиссаров Наркомпроса. Так в имении Ю. А. Зилоти (Знаменское Козловского уезда) работал эмиссар Е. В. Сахаров. Усадьбы Караул, Мара обследовали А. В. Лебедев и А. В. Чичерин. Учетом имущества в экономии рода Бенкендорфов в Сосновке занимался эмиссар А. А. Семенов (12).

Однако общий дефицит работников Наркомпроса, гражданская война и неразбериха в стране не позволили качественно провести экспроприацию. Огромное количество книг было утрачено. «Во время пожара Революции, – писал Ф. Г. Шилов, – люди спасали и старались сохранить мебель, бронзу, фарфор и т. п., а бесконечное количество книг было брошено в квартирах на произвол судьбы бывшими владельцами». Новые жильцы, на правах хозяев, «в лучшем случае, несли книги на рынок букинистам, чаще же продавали их на обертку рыночным торговцам, лавочникам и тряпичникам или бумажникам на картузы». Ситуацию осложнял общий дефицит бумаги в стране, требующейся в это время для создания агитплакатов. Ситуация дошла до того, что согласно советским декретам, в случае занятия квартиры или имения государственным учреждением, его сотрудники обязаны были сообщить об имеющейся в их распоряжении ма-

кулатуре. Книги увозились, и «бесчисленное множество их было перемолото на бумагу». В частности, по приказу «Правбума» в Петрограде были перемолоты все запасы Государственной типографии, включая «колоссальное количество экземпляров полного собрания законов, свода законов, выходы царей и проч.» (13).

Особенно активно библиотеки уничтожались в районах расположения крупных имений помещиков, державших крестьян в системе экономического принуждения. Крестьяне, дав волю веками накопившемуся чувству мести по отношению к владельцам, мстили вчерашним помещикам. В донесении А.В. Луначарскому о разрушении и разграблении владельческой собственности бывших имений Орловской губернии указывалось: «Крестьяне постепенно растаскивают книги, употребляя новые издания на курево, иллюстрированные дают детям и употребляют на оклейку изб, или же торгуют ими на базарах» (14). В списке утраченных усадебных библиотек указано: имение «Араповка» (Кирсановский уезд) – «все уничтожено крестьянами в 1917 г.»; имение «Масловка» (Кирсановский уезд) – «библиотека находилась в запущенном состоянии, разгромлена и сожжена в 1917 г.»; имение Павловой, урожденной Сан-Донато, (Тамбовской губ.) – «большая библиотека, коллекция фарфора и картины, разграблено и уничтожено в 1917 г.» В огне революции погибли и довольно известные тематические собрания тамбовских владельцев. Одна из самых крупных потерь – коллекция А. Н. Сатина экономии «Хилково» (Кирсановский уезд). Здесь «были прекрасно представлены XVIII век и довольно много книг XVI и XVII веков». Сама библиотека занимала 2 комнаты, обставленные «специально сделанными шкапами красного дерева». Книги стояли по эпохам, причем «каждая имела свой отдельный шкаф». Особенно был богат отдел периода правления Ивана Грозного, лишившего Сатиных княжеского достоинства. Здесь же хранился богатый родовой архив, содержащий множество ценных сведений об Александре II, его личную переписку, а также письма Полтавцевых, Адлербергов, М. Скобелева. В 1917 г. библиотека Сатиных была полностью уничтожена.

Однако даже национализированные коллекции ждала незавидная судьба. «Книги вывозили из усадеб сотнями и тысячами ящиков в Москву и Петербург, – вспоминал А. Н. Греч, – где, никому не нужные, разрозненные, потерявшие свое лицо, лежали они грудями и штабелями в музейных кладовых и библиотечных подвалах» (15). Из-за ошибок национализации пострадала богатая библиотека имения «Бунино» Белевского уезда Тульской губернии, принадлежавшая поэту В. А. Жуковскому. В революцию 1917 г. данное владение подверглось огосударствлению, а книжное собрание было приготовлено для организации в г. Белеве общественной читальни. Однако, отсутствие

должного внимания к книгам не позволило качественно осуществить транспортировку: издания были «навалены на подводы, и ничем не покрытые, под дождем отправлены за тридцать пять верст в Белев» (16).

Лишь единичные библиотеки Тамбовской губернии удалось сохранить. Значительная книжная коллекция караульского имени Чичериных (свыше 4000 книг на русском и иностранных языках по истории, праву, социологии, философии, дипломатии, искусству) была спасена только благодаря протекции наркома иностранных дел Г. В. Чичерина. 17 июля 1918 г. Всероссийская коллегия по делам музеев при Наркомпросе РСФСР взяла усадьбу под особую охрану. Однако революционные события и гражданская война в Тамбовской губернии пагубно отразились на ее состоянии. Только в 1924 г. Тамбовский губернский музей ходатайствовал перед центральным Отделом по делам музеев о необходимости перевезти всё музейное имущество и библиотеку в Тамбов. Вместе этого в 1924–1927 гг. в Карауле размещался музей дворянского быта, единственным служителем которого был А. В. Чичерин. В 1927 г. усадьбу сняли с охраны. Книжное собрание Чичериных практически полностью вошло в фонды библиотеки им. Ленина; коллекция живописи, мебель и фарфор перевезли в губернский музей Тамбова; другие предметы искусства – в музеи Москвы и Ленинграда (17).

В январе 1919 г. на базе Наркомпроса был создан Государственный книжный фонд, в задачу которого входили учет, соби́рание, охрана и распределение бесхозного и неправильно используемого книжного имущества. Книжный фонд располагал собственными отделениями как в Москве и Петрограде, так в других и крупных городах России. Благодаря работе фонда были собраны и распределены миллионы изданий из помещичьих экономий. Причем наиболее ценные экземпляры были переданы в центральные государственные хранилища (Румянцевский музей в Москве, Государственная Публичная библиотека и Библиотека Академии наук в Петрограде) (18).

Таким образом, национализация имущества помещичьих имений Тамбовской губернии нанесла невосполнимый урон книжным собраниям региона. Революция и гражданская война, отсутствие должного контроля со стороны Наркомпроса не позволили качественно провести экспроприацию коллекций. Эмиссаров ведомства, работавших на местах, не хватало, а для участников погромов библиотеки не представляли ценности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Горький М. Несвоевременные мысли: заметки о революции и культуре. М., 1990. С. 13.
2. ГАТО. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 38. Л. 104.
3. ГАСПИТО. Ф. П-382. Оп. 1. Д. 84. Л. 134.

4. Врангель Н. Старые усадьбы: Очерки истории русской дворянской культуры. СПб., 1999. С. 28.
5. Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 17.
6. Крупская Н.К. Распределение книжных богатств // О библиотечном деле: сб. трудов. Т. 1: 1918–1924. М., 1982. С. 80-83.
7. Абрамов К.И. Библиотечное строительство в первые годы Советской власти: 1917–1920. Москва : Книга, 1974. С. 32.
8. Берков П.Н. История советского библиофильства. М., 1971. С. 32.
9. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 30. Д. 4. Л. 32.
10. Климкова М.А. «По наряду из Розряду...»: очерки из истории культуры Тамбовского края. Тамбов, 2004. С. 147.
11. ГАТО. Ф. 972. Оп. 1.
12. Житин Р.М. Вотчинные архивы в усадьбах тамбовских помещиков: национализация документального наследия // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24. № 181. С. 145-149.
13. Шилов Ф.Г. Судьбы некоторых книжных собраний за последние 10 лет (опыт обзора) // Альманах библиофила. 1929. Кн. 1. С. 165.
14. Письмо А. М. Горького А. В. Луначарскому по поводу охраны библиотек и архивов в бывших помещичьих имениях Орловской губернии // История библиотечного дела в СССР: документы и материалы: 1918–1920. М., 1975. С. 123-125.
15. Греч А.Н. Венки усадьбам // Памятники Отечества. 1994. № 32. С. 10.
16. Минцов С. Ф. Синодик библиотек, архивов и коллекций, погибших во время великой войны и революции. Берлин, 1925. С. 44-49.
17. ОР РГБ. Ф. 334. К. 59. Д. 19. Л. 1-84.
18. Софонов Г. И. Государственный книжный фонд (1918–1938) // Публичная библиотека глазами современников (1917–1929): хрестоматия. СПб., 2003. С. 180.

Л.Н. Патрина, Р.М. Житин

ЗНАЧЕНИЕ ЧАСТНОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ КНИЖНЫХ СОБРАНИЙ В ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕДОСТУПНЫХ БИБЛИОТЕК ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917–1920 гг.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-09-00484*

Сразу после революционных событий 1917 г. советским правительством была принята комплексная программа развития сети библиотечных учреждений страны, как важных просветительских и идеологических центров. Ключевую работу в становлении новой системы библиотечной работы сыграл внешкольный отдел Народного комиссариата просвещения, образованный решением ВЦИК от 9 ноября 1917 г. Предполагалось, что сотрудники отдела должны были составлять «...аннотированные, достаточно полные рекомендательные каталоги по всем отраслям знания для общественных библиотек», осуществлять охрану реквизированных книжных собраний, выявлять потребности книжного рынка» (1).

Вбирая в себя вопросы учета, охраны и перераспределения книжных коллекций, работа нового учреждения укладывалась в ленинскую концепцию швейцарско-американской системы библиотечного дела. Для организации планомерного обслуживания населения книгой вождь русской революции требовал: «...для каждой местности составлять план библиотечной сети с центральной библиотекой или библиотеками и с рядом пунктов, которые должны обслуживаться библиотеками подвижными, на манер американских» (2).

Для более планомерной работы по данному направлению в октябре 1918 г. во внешкольном отделе Наркомпроса был выделен самостоятельный библиотечный подотдел (располагался в Петрограде), сотрудники которого «...составляли рекомендательные списки литературы в помощь комплектованию библиотек..., методические пособия и инструкции» (3). Одновременно разрабатывались проекты положений об организации сети общедоступных библиотек, устанавливались их основные типы и виды, нормы финансирования, организовывались библиотечные курсы и т. п.

В апреле 1918 г. при Тамбовском губернском отделе народного образования (Губоно) создается внешкольный подотдел. В его составе планировалось организовать самостоятельное библиотечное подразделение, которое проводило национализацию с учетом местной специфики (4).

Одновременно во внешкольном подотделе начинается обсуждение проблем организации новых библиотек губернии. Делегаты II губернской партийной конференции (август 1918 г.) отмечали, что местные организации РКП (б) придавали большое значение в агитационной и пропагандистской работе и выступали инициаторами создания библиотек (5).

Большое значение в организации библиотечной работы в крае имел выход циркуляра внешкольного подотдела Тамбовского Губоно, в соответствии с которым ведомство получало право осуществлять полное руководство всеми национализированными и эвакуированными библиотеками, регистрировать их и принимать меры по охране книг (через местные Советы). К лету 1918 г. были взяты на учет поместья Петрово-Солововых, Щербатовых, Аносовых, Ланских и других помещиков Тамбовской губернии.

На основе национализированных книжных собраний внешкольный подотдел Тамбовского Губоно приступил к созданию государственных библиотек и изб-читален. Особенно быстрый рост библиотечной сети наблюдался в Козловском уезде. Как отмечалось на 5-м уездном съезде Советов, в период с мая по декабрь 1918 г. ко-

личество местных читален в уезде выросло с 3 до 31. В течение 1919 г. были созданы центральные библиотечные учреждения во всех уездах губернии, кроме Лебедянского. Всего к концу 1919 г. в губернии насчитывалось 11 центральных, 12 городских и 386 районных, волостных и сельских библиотек (6).

В начале 1919 г. начинается новый этап в развитии библиотечного дела на Тамбовщине. Работа по созданию сети учреждений приобретает организованный характер. Во многом этому способствует проведение 2-й Губернской внешкольной конференции (май 1919 г.). Среди важнейших итогов работы мероприятия необходимо отметить принятие решения «По выработке сети внешкольных учреждений». Согласно документу «место открытия крупных библиотек (центральных, районных и подрайонных) определялось сетью соответствующих народных домов». Районы же расположения сельских читален должны были совпадать со «школьными районами, в основу которых ложились индивидуальные характеристики селений» (7).

25 января – 1 февраля 1919 г. в Москве состоялась I библиотечная сессия Наркомпроса, результатом работы которой стало принятие «Общих положений о постановке библиотечного дела в РСФСР» (8). В соответствии с документом все библиотеки страны, независимо от их ведомственной принадлежности, объявлялись общедоступными, связывались в единую сеть и передавались в ведение Народного комиссариата просвещения. Предполагалось организовать «обмен и перемещение книг между библиотеками, создав единую для всей страны систему библиотек, где каждый гражданин в каждом пункте страны мог бы получить каждую нужную ему книгу». При этом «местным библиотекам и органам власти» предлагалось самим выработать детали постановки библиотечного дела согласно местным условиям (9).

Для советского руководства организация деятельности библиотечных учреждений имело не столько культурный, сколько идеологический характер. В вышедшей в мае 1919 г. резолюции «О политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне», большевики объявляли сельские читальни одним из центров коммунистического просвещения крестьянства, а «политически-популярная литература» должна была быть «необходимой частью книжного инвентаря» трудящихся (10). Таким образом, работа библиотечной сети подчинялась основным задачам партии и правительства, что во многом определяли последующие реформы в отрасли.

Развитие сети библиотек Тамбовщины в 1919–1920 гг. происходило так же, как и в большинстве губерний РСФСР. В губернии была создана центральная губернская

библиотека, во всех районах организовывались центральные библиотеки, в низшем звене находились волостные и сельские библиотеки, избы-читальни.

В целях улучшения руководства библиотечным строительством в Тамбовской губернии зимой 1920 г. создается библиотечная коллегия Губоно. В феврале 1920 г. в Моршанском уезде открываются 1 районная, 2 волостные, 2 сельские библиотеки, а к ноябрю 1920 г. открываются еще 3 волостные библиотеки .

Одновременно начинается рост сети изб-читален в Тамбовской губернии. Решения об их открытии принимают отделы народного образования Лебедянского, Елатомского, Козловского и других уездов. В ряде случаев разрабатываются специальные инструкции об организации учреждений. К июлю 1919 г. в десяти уездах губернии было создано 277 изб-читален (11).

Для более эффективного руководства деятельностью новых учреждений культуры в масштабах страны часть функций внешкольного отдела Наркомпроса было решено передать в специальный библиотечный отдел комиссариата. До этого момента это ведомство занималось частными вопросами руководства научными и академическими библиотеками РСФСР.

Большое значение для организации сети библиотек Тамбовской губернии оказали решения III Всероссийского совещания заведующих внешкольными подотделами губернских отделов народного образования (февраль 1920 г.). Собранием было принято постановление о полном объединении всех библиотек в одну общую сеть РСФСР и передаче их в ведение Народного комиссариата просвещения (Главного политико-просветительного комитета).

23 марта 1920 г. в Тамбове решением коллегии Губоно создается Губернское книгохранилище, в основу которого был положен фонд «Тамбовского общества народных чтений» и книжное собрание Строгановых. Общий объем фонда составил 40000 экз. (12). С ноября 1920 г. в книгохранилище началось обслуживание читателей.

Перенесение столицы из Петрограда в Москву и перенесение туда структур Народного комиссариата просвещения не привело, однако, к ликвидации Петроградского библиотечного отделения. В силу особо сильной концентрации научных и академических библиотек в бывшей столице, было решено оставить отдел на прежнем месте, а в Москве создать собственное отделение Наркомпроса. Его начальником был выбран известный поэт В. Я. Брюсов, создавший ряд инструкций по национализации собраний имений.

Главную задачу В. Я. Брюсов видел в: «1) спасении и охране библиотечных собраний; 2) справедливом распределении книжных сокровищ, поступивших в ведение Библиотечного отделения, между государственными и академическими библиотеками и посильном удовлетворении нужд в книге разных просветительных (центральных и местных) организаций». Для выполнения задач национализации книжных коллекций по инициативе В. Я. Брюсова были созданы эмиссары, которые «проводили обследование и регистрацию библиотек, собирали сведения о ценных книжных коллекциях и организовывали их передачу в крупные государственные библиотеки» (13).

В мае была предпринята попытка объединить Петроградский и Московский отделы Наркомпроса. Однако слияния так и не произошло. После Положением об организации дела внешкольного образования в РСФСР и включением общедоступных библиотек в единую систему культурно-просветительных учреждений Наркомпроса было решено оставить два органа управления библиотеками России. 23 июня 1919 г. Московское библиотечное отделение было преобразовано в отдел научных библиотек Наркомпроса, а отдел в Петрограде стал Петроградским отделом научных библиотек.

Таким образом, несмотря на тяжелейшие последствия Революции и гражданской войны, советская власть смогла достаточно быстро создать необходимые учреждения для организации библиотек нового типа. Деятельность по национализации и распределению книжных коллекций в масштабах страны курировали специальные отделы Наркомпроса, не местах эту работу воплощали в жизнь внешкольные подотделы Губоно. Достаточно слаженная работа учреждений позволила быстро обеспечить жителей страны книгой, открыть новые возможности для просвещения читателей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Крупская Н.К. О плане работы по библиотечному делу внешкольного отдела Народного комиссариата по просвещению // О библиотечном деле: сб. трудов. Т. 1: 1918–1924. М., 1982. С. 16-19.
2. Ее же. Внешкольное образование в новом строе: доклад на I Всероссийском съезде по народному образованию // О библиотечном деле: сб. М., 1957. С. 114-115.
3. Абрамов К.И. Библиотечное строительство в первые годы Советской власти: 1917–1920. М., 1974. С. 34.
4. Ромах Н.И. Из истории создания библиотечной сети на Тамбовщине (1917–1920 гг.) // История библиотечного дела в СССР: сб. науч. трудов. Вып.1. М., 1975. С. 46.
5. Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии (1917–1918 гг.): сб. документов. Тамбов, 1957. С. 184-189.
6. ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 278. Л. 15.
7. Там же. Д. 119. Л. 53.
8. История библиотечного дела в СССР: документы и материалы: 1918–1920 / сост. Л.Д. Дергачева, М. П. Дьячкова и др. М., 1975.

9. Общие положения о постановке библиотечного дела в РСФСР, выработанные I библиотечной сессией и представленные в коллегия Наркомпроса // История библиотечного дела в СССР: док. и материалы : 1918–1920... С. 59–60.
10. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971). Т. 2. М., 1970. С. 81–86.
11. Абрамов К.И Указ. соч. С. 80.
12. ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 278. Л. 15.
13. Абрамов К. И Указ. соч. С. 37.

С.А. Пахомов

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И «ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК» В 1937 г.

Ситуация вокруг «дальневосточного треугольника» (Токио, Нанкин, Москва) в 20–30-е гг. XX в., создавала новую точку напряжения с перспективой начала новой мировой войны. Советской дипломатии было необходимо лавировать между двумя противоборствующими сторонами, избегая создания горячих точек на границах Советского Союза, а также всячески поддерживать просоветские силы на Дальнем Востоке. В конце 1937 г. Китай оказался в очень сложной ситуации, о чем говорится в заявлении министра иностранных дел КНР Ван Чуньхуэя официальному представителю СССР в Китае. Имея желание, но не имея ресурсов, необходимых для противостояния японской агрессии, Китай искал помощи. Просьба президента Китайской Республики Чан Кайши к советскому руководству о прямой помощи в отражении японской агрессии подразумевала военные поставки (стрелковое оружие, технику, артиллерийские орудия и другие средств). Помимо этого, Китай нуждался в советских технических специалистах. Главным аргументом СССР в пользу сотрудничества с Чан Кайши было понимание того, что в случае успеха японской агрессии Токио будет использовать Китай для подготовки нападения на советский Дальний Восток. Правительство Чан Кайши ранее рассматривалось Москвой как наиболее вероятный противник на Дальнем Востоке. В 1932 г. Япония воспользовалась этим обстоятельством, совершив агрессию в Манчжурии. Но именно это событие повлияло на советско-китайское сближение, отношения от ненависти и неприятия постепенно стали переходить к военному и экономическому сотрудничеству (1).

После вытеснения Японией Советской России из Маньчжурии и создания на ее территории «государства маньчжур» Москва продолжала удерживать значительные части китайской территории под своим влиянием (Внешняя Монголия, Урянхай, Синьцзян). Это, естественно, не могло нравиться китайским националистам, но китайское руководство вынуждено было мириться со сложившейся ситуацией. Причем сам факт японо-

советского соперничества на китайской земле был выгоден в какой-то степени и самому Китаю (2). Нанкин надеялся, что рано или поздно произойдет столкновение между этими державами, результатом которого будет их взаимное ослабление или даже взаимоуничтожение. Этот вариант мог осуществиться как прямое японо-советское столкновение из-за Маньчжурии и КВЖД в 1931–1935 гг., из-за Внешней Монголии и Северного Китая в 1935–1937 гг. (3). Подписание советско-монгольского Протокола о взаимопомощи пробудило новые надежды у руководителей Китая, связанные с приближением японо-советского конфликта. Китай был готов примириться даже с «незаконностью» этого соглашения, о чем признался на встрече с советским полпредом в Китае Д.В. Богомоловым председатель Исполнительного Юаня Кун Сянси 27 мая 1936 г. По его словам, китайское правительство послало Москве протест под давлением японцев, полагая, что за советско-монгольским Протоколом скрывалось секретное китайско-советское соглашение. В итоге, для Китая реализовался наименее выгодный вариант в виде японо-китайской войны (после провозглашения политики единого национального антияпонского фронта японское нападение становилось неотвратимым), ведущейся в одиночку и, во многом, за чуждые интересы (4).

Понятно, что этот вариант дальневосточной войны был наиболее выгоден для Советского Союза. Переломным моментом в отношениях СССР и Китая, по всей видимости, явились решения VII Конгресса Коминтерна. Заметим, что для Чан Кайши важны были не сами по себе решения очередного международного форума коммунистов в виде призывов к единому народному (национальному) фронту, поскольку коммунисты Китая к лету 1935 г. с военно-стратегической точки зрения пока ничего серьезного собой не представляли (5). Поддержка Советского Союза, приобретенная в случае союза с московской креатурой Компартией Китая устраивали Чан Кайши лишь в одной форме – участия СССР в войне с Японией.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1944 гг. Кн. 1 /Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 2000. С. 70-83.
2. Воронцов В.Б. Судьба китайского Бонапарта. М., 1989. С. 59.
3. Ледовский А.М. СССР, США и народная революция в Китае. М., 1980. С. 153.
4. Мировицкая Р.А. История внешней политики Китая. М., 1997. С. 143.
5. Панцов А.В. Чан Кайши. М., 2015. С. 343.

АНТИАЛКОГОЛЬНАЯ КАМПАНИЯ В КОНГРЕССИСТСКИХ ПРОВИНЦИЯХ ИНДИИ В 1937–1939 гг.

Британская Индия в обозначенный период находилась под властью Великобритании, ключевые посты в стране занимали англичане, они же контролировали все финансы. Продажа алкоголя и опиума была важной статьёй доходов колониального государства, акцизы и разрешение на торговлю приносили большой доход в провинции, хотя и вызывали споры о моральной составляющей. Британцев неоднократно обвиняли в том, что именно они познакомили население Индии со спиртными напитками. Вопрос о запрете алкоголя поднимался на уровне провинциальных правительств еще в 1921 г., споры велись о том, должен ли это быть законодательный запрет или эволюционный отказ населения в результате просветительской компании. Однако в тот момент ни одна из идей не была реализована.

В 1935 г. был принят новый Закон об управлении Индией, расширивший полномочия провинциальных правительств, и следующий этап антиалкогольного движения начался в 1937 г. с приходом к власти в большинстве индийских провинций партии Индийский национальный конгресс (ИНК). Махатма Ганди, один из лидеров ИНК до 1934 г., идеолог национально-освободительного движения в Индии, считал борьбу с продажей опиума и алкоголя одной из первостепенных задач, стоящих перед страной. По его инициативе параграф о запрете на употребление этих веществ был включен в «Резолюцию о правах» 1931 г. в Карачи наравне с провозглашением равных прав для всех людей. Основная трудность для введения запрета была финансовая. Доход от акцизного сбора в 1936–1937 гг. составлял примерно пятую часть из всех провинциальных поступлений. Однако под нажимом Ганди и правого крыла Конгресса законы, закрепляющие ограничение на продажу и употребление наркотиков и алкоголя, были приняты в конгрессиистских провинциях. Там были созданы комитеты «запрета» с целью адаптировать реформы к местным условиям. Они состояли из волонтеров и государственных чиновников, которые должны были сообщать в полицию обо всех случаях нарушения (1). Наравне с введением «сухих законов» шла активная пропаганда умеренности в употреблении. Далее рассмотрим подробнее принимаемые меры.

В 1938 г. в Бихаре был принят «Закон о запрете» (2), согласно которому в провинции создавались специальные комитеты с офицерами, в чьи обязанности входил контроль его исполнения. В нем разделялось производство и продажа промышленно-

го спирта и пищевого. По закону вводился запрет на ввоз и вывоз спиртных напитков, прописывался штраф за хранение готовой продукции и устройств для ее производства, наказанием за содержание винокурни было тюремное заключение до года. В Ориссе правительство начало реформы с запрета на опиум в районе Баласор, который был известен как территория с самым большим количеством опиумных наркоманов. 15 октября 1938 г. были закрыты все магазины, кроме 14 по границе района, разрешения давались в виде исключения только для наркоманов по медицинским основаниям. Также вводились меры по ограничению продажи алкоголя: запрет на продажу после захода солнца, запрет приносить алкоголь домой, ограничение выдачи новых лицензий (3). Это были попытки решить проблему зависимостей с помощью строгих запретов. В Мадрасе темп реформ был медленным из-за финансовых соображений, хотя премьер провинции был ярким сторонником введения запрета на алкоголь. Бомбей также начал антиалкогольную кампанию с введения запрета на продажу в трех районах, также все магазины закрывались в единый день получения зарплаты. Кроме того, правительство закрыло 507 торговых точек с пуншем, 60 магазинов, торгующих гашишем, 72 опиумных и 11 магазинов с ликером (4). Подобные меры неминуемо сказывались на поступлениях в провинциальную казну. Для возмещения убытков правительство ввело дополнительный налог на здания и земли в городских районах, т.е. преимущественно состоятельных людей, а также предполагалось сократить зарплату чиновников провинции. Однако эти меры не могли восполнить потери бюджета, и министр финансов Бомбея был вынужден объявить о намерении обратиться к Центру для спасения от банкротства

Против введения запрета на продажу алкоголя выступали различные группы населения, в основном, получающие доход от этого. Помимо принципиального возражения они поднимали вопросы о праве использовать вино в религиозных обрядах, по медицинским показаниям, о компенсации тем, кто будет уволен с работы и возможной дискриминации. Парсы были уверены, что у европейцев останется прежняя возможность покупки алкогольных напитков, а запреты будут распространяться только на индийцев (5). Эти и подобные им вопросы требовали разъяснения со стороны правительств, чтобы найти поддержку у населения. Большую роль в истолковании законов сыграл Ганди, выступая на встречах и выпуская статьи на эту тему. В своих объяснениях Ганди говорил преимущественно о нравственности и здоровье, не вникая в финансовую сторону вопроса. Из-за того, что проведенные меры носили ограниченный характер, министерствам было приказано в течение трех лет распространить за-

коны о запрете на употребление психотропных веществ на всей подвластной им территории. И хотя ни одно правительство не оспорило приказ, никто из них не приступил к разработке финансового плана для столь масштабного проекта (6).

Перед провинциальными правительствами стояла моральная дилемма. Они были вынуждены выбирать между принятием нравственных законов, направленных на борьбу с многолетней традицией употребления алкоголя и опиатов, и пополнением казны, ведь прибыль от продажи являлась одной из основных статей провинциальных доходов. По сути, они выбирали между проведением важных социальных реформ, таких как борьба с неграмотностью, и введением запрета на употребление наркотиков и спиртных напитков. Это было одной из причин, по которым провинциальные правительства вводили запретительные меры постепенно, начиная с отдельных районов или не полного запрета. У провинций были связаны руки навязанной им системой финансирования, закрепленной Законом об управлении Индией 1935 г. Отметим, что запреты, вводимые ИНК, встречали поддержку у большей части населения, так как продажа алкоголя воспринималась британским введением, а в это время индийское общество было пронизано идеями борьбы за независимость.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Colvard R.E. A World without Drink: Temperance in Modern India, 1880-1940. Iowa, Iowa Research Online 2013. P. 265. URL: // <https://ir.uiowa.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4592&context=etd>
2. Bihar Prohibition Act, 1938. URL: // <https://www.latestlaws.com/bare-acts/state-acts-rules/jharkhand-state-laws/bihar-prohibition-act-1938/>
3. Nanda C.P. Vocalizing Silence: Political Protests in Orissa, 1930-42. New Delhi, SAGE Publications India. P. 244.
4. A Centenary History of the Indian National Congress (1885–1985). Vol. 2. Edited by Ravinder Kumar. Bombay, Vikas Publishing House Private Ltd., 1985. P. 184.
5. Gandhi M.K. Parsis and Liquor Traffic // Harijan. 1939. Vol. VII. № 22. P. 189. URL: // <https://www.gandhiheritageportal.org/ru/journals-by-gandhiji/harijan>.
6. Coupland R. The Indian Problem. Report on the Constitutional Problem in India. Vol. 2. Indian Politics (1936–1942). New York, Oxford University Press, 1944. P. 141.

Н.П. Писчикова, Ю.В. Савосина

УЧАСТНИКИ ПАРАДА ПОБЕДЫ – ПЕДАГОГИ РГПИ

Много лет прошло с тех пор, как на русскую землю обрушились мощные силы немецко-фашистской Германии. Навсегда в историю вписаны имена людей фронта и тыла, рядовых и генералов. Среди тех героев, которые приняли на себя страшный удар войны и приблизили час Победы, есть немало рязанцев. В далеком и страшном

1941 г. части Рязанской области стали местом военных действий: районы Михайловский, Скопинский, Захаровский, Милославский принимали на себя удары немецкой армии. Фронт вплотную приближался к Рязанскому, Старожиловскому, Пронскому районам. С 27 ноября 1941 г. Рязань была объявлена на осадном положении. Война пришла не только на обозначенные районы, но и на всю территорию Рязанской области, соединяя фронт и тыл. Военные годы нанесли немалый урон Рязанской земле: экономический и сельскохозяйственный спад, упадок городов, потеря людского ресурса. О вкладе тружеников области в общую победу над врагом лучше всего говорят следующие факты: 256 тыс. рязанцев награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а также другими орденами и медалями Советского Союза. Более 70 тыс. рязанцев награждены боевыми орденами и медалями (1). Наша статья посвящена тем, кто, пройдя дорогами войны, удостоились чести участия в Параде Победы на Красной площади. Это – Малышев Юрий Иванович, Попов Иван Павлович, Фулин Юрий Васильевич. Что объединяет героев-победителей? После войны все трое посвятили себя научно-преподавательской работе на факультете истории Рязанского государственного педагогического института, впоследствии Рязанского государственного университета.

Одним из участников Парада Победы был Малышев Юрий Иванович (1924–2009). В 1942 г. он поступил в Военный институт иностранных языков, принимал участие в боевых действиях Великой Отечественной войны; достойной оценкой высоких результатов в учебной, политической и боевой подготовке стало его участие в Параде Победы 24 июня 1945 г. в качестве слушателя китайского отделения восточного факультета ВИИЯКА в расчете сводного полка Московского гарнизона. В 1947 г. Юрий Иванович был направлен в распоряжение Главного Разведывательного управления (ГРУ) Советской армии, затем референтом Разведуправления Ставки Главнокомандующего войсками Дальнего Востока, участвовал в боевых действиях в Корее (1952–1953 гг.). В 1954–1956 гг. Юрий Иванович служил в Северо-Кавказском военном округе, а в 1956–1960 гг. – в разведывательном отделе 20-й гвардейской армии в Германии (ГДР). По сокращению войск в марте 1960 г. в звании полковника был уволен в запас. С мая 1960 г. по 1962 г. Ю.И. Малышев трудился в Институте философии и права Академии наук Казахской ССР в должности научного сотрудника, учился в аспирантуре. В 1967 г., защитив диссертацию и став кандидатом юридических наук, работал на кафедре государства и права и советского строительства юридического факультета Казахского государственного университета. В 1971 г. переехал

в Рязань и принял участие в создании Высшей школы МВД СССР. В 1984 г. Юрий Иванович был уволен в запас в звании полковника внутренней службы. С 1985 г. он приступил к работе в Рязанском государственном педагогическом институте. До 1991 г. он трудился на кафедре истории СССР, вел занятия по курсу «Советское право», участвовал в организации юридического факультета и был его первым деканом. В период преподавательской деятельности в РГУ разработал эксклюзивный курс «Конституционное право зарубежных стран», в последующем данная тематика будет в полной мере отображена в его научно-исследовательской работе. Активная жизненная позиция проявлялась и в общественной жизни вуза: участие в Библиотечном совете, Совете факультета, консультационной работе. Ю.И. Малышев являлся членом-корреспондентом Всероссийского геральдического общества. С 1999 до 2009 г. Малышев Юрий Иванович преподавал в Рязанском филиале Московской академии экономики и права. До последних дней занимался наукой. Опубликовал более 10 учебных пособий и научных статей в центральных и вузовских изданиях по проблемам конституционного права. Он являлся почетным профессором Академии Права и Управления Министерства юстиции, членом-корреспондентом Всероссийского геральдического общества, дипломантом Почетного знака «За заслуги в образовании и науке» Московской Академии экономики и права. Ю.И. Малышев награжден 19-ю медалями. В том числе: «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне над Японией», «За безупречную службу» трех степеней, «Ветеран труда» и др. Ушел из жизни в декабре 2009 г.

Еще одним участником Парада Победы был Попов Иван Павлович (1915–1996). В 1936 г. он заочно окончил Рязанский педагогический техникум и поступил на исторический факультет Московского областного педагогического института. Закончив его экстерном в 1939 г., стал работать завучем Инякинской средней школы. Летом 1940 г. был призван в ряды Красной армии. Во время Великой Отечественной войны находился в частях зенитной артиллерии. С сентября 1941 по июль 1943-го во внутреннем кольце Ленинградской блокады прикрывал «дорогу жизни». Войну закончил командиром орудия в звании старшего сержанта. За меткую стрельбу он получил нагрудный знак «Отличный артиллерист». Участвовал в Параде Победы 24 июня 1945 г. Демобилизовавшись, он возвращается к любимой работе и становится учителем истории. Одновременно он занимается научной работой, результатом которой стала успешная защита кандидатской диссертации на тему «Методика изучения социалисти-

ческой культуры в курсе истории СССР» в 1953 г. С 15 февраля 1954 г. И.П. Попов – преподаватель РГПУ, где проработает 42 г., до конца своей жизни, пройдет путь от старшего преподавателя до профессора и заведующего кафедрой. На факультете истории он становится руководителем педагогической практики студентов и делится с будущими педагогами своим богатым опытом. В 1958 г. он избирается на должность доцента кафедры истории СССР и в течение многих лет читает ведущие курсы: методику преподавания истории, историографию отечественной истории, различные спецкурсы по истории культуры и развитию либерального движения в России (2). Все эти годы И.П. Попов не прекращает научных поисков: он постоянный посетитель рязанских, московских и ленинградских архивов. В 1978 г. он защищает докторскую диссертацию по теме «Либеральное движение в России в годы революционной ситуации (на материале центральных губерний)». В 1975–1977 и в 1979–1989 гг. И.П. Попов занимал должность заведующего кафедрой истории СССР. Им опубликовано много работ, среди которых: «Очерки истории культуры Рязанского края» (XV–XX вв.); «Основы научного исторического исследования» (3). Неоднократно был ответственным редактором сборников научных трудов. За значительный вклад в науку ему было присвоено ученое звание профессора. Он награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, боевыми медалями: «За оборону Советского Заполярья», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Медалью Жукова» и несколькими юбилейными медалями. Награжден также медалями «За трудовое отличие» и «За доблестный труд», «Отличник народного просвещения». И.П. Попов умер в 1996 г. в Рязани.

Одним из участников Парада Победы 1945 г. был педагог и ученый Фулин Юрий Васильевич (1924–2002). После окончания артиллерийского училища младший лейтенант Ю.В. Фулин назначается командиром артиллерийского взвода Западной зоны обороны, прикрывавшей Москву. В феврале 1944 г. он получил тяжелое ранение. После выздоровления он служил в Управлении артиллерии Красной Армии, затем был командиром взвода, преподавателем военно-химического дела в Рязанском артиллерийском училище. Получив звание старшего лейтенанта, Ю.В. Фулин принял участие в Параде Победы 24 июня 1945 г. Он был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945». После демобилизации в сентябре 1946 г. поступил в Рязанский государственный педагогический институт на исторический факультет, закончил его с отличием и был ос-

тавлен в институте. В 1953 г. Юрий Васильевич был назначен деканом историко-филологического факультета. В 1961 г. он защитил кандидатскую диссертацию. В памяти студентов, которым довелось у него учиться, он остался как эрудированный преподаватель и умелый педагог, добрый и отзывчивый человек (4). Ю.В. Фулин зарекомендовал себя не только талантливым преподавателем, но и хорошим администратором: в течение 11 лет был деканом факультета истории (с 1953 по 1964 гг.), почти 10 лет – проректором института по учебной работе (с 1964 по 1973 гг.), на протяжении ряда лет исполнял обязанности заведующего кафедрой истории СССР. На всех должностях он вносил заметный вклад в развитие института. За большой вклад в дело патриотического воспитания студентов, активное участие в учебной, научно-исследовательской работе он неоднократно получал благодарности и награждался грамотами. Был награжден Значком «Победитель социалистического соревнования 1977 года». Одновременно он вел большую общественную работу: был членом партбюро института, секретарем партбюро факультета истории. В 1963 г. избирался депутатом Рязанского областного Совета депутатов трудящихся. Многие годы Ю.В. Фулин был председателем областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, читал лекции по краеведению для учителей и экскурсоводов. Он вел активную научную работу. Всего им опубликовано свыше 60 научных и учебнометодических работ. Закончил преподавательскую деятельность он в 1998 г. Умер 2 августа 2002 г. в Рязани.

Мы помним и гордимся нашими земляками – теми, кто воевал на фронте, кто трудился в тылу. Их подвиг обеспечил мирную жизнь для последующих поколений. Каждый из них – наш герой! В истории найдется много событий, определивших ее ход. Вторая мировая война, в центре которой находилась Россия, из ряда таких. Невиданным усилием наша страна устояла и спасла мир. Парад Победы, прошедший в 1945 г. в столице нашей страны Москве на Красной площади, показал это. То, что сделал для спасения России и всего мира советский народ, является предметом гордости для последующих поколений. Это прошлое, в котором черпает силу настоящее, и которое так необходимо для будущего.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Города и районы Рязанской области: историко-краеведческие очерки / сост. С.Д. Цуканова. Рязань, 1990. С. 5.
2. Акульшин П.В., Тарабрин Е.Г. Иван Павлович Попов (1915–1996): человек, педагог, ученый // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 9-10. С. 21.

3. Попов И.П. Очерки истории культуры Рязанского Края (XV–XX вв.). Рязань, 1994; его же. Основы научного исторического исследования: Учебное пособие по спецкурсу // Под ред. А. П. Лиферова. Рязань, 1996.

4. Лиферов А.П., Агарев А.Ф., Лосев Ю.И. Юрий Васильевич Фулин // Рязанский государственный педагогический университет им. С.А. Есенина в годы Великой Отечественной войны: историко-краеведческие очерки. Рязань, 2005. С. 157.

О.Н. Аргунов

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОМОЩИ КОЛХОЗАМ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ЗАСУХИ И ГОЛОДА 1946–1947 гг.

По своим масштабам засуха 1946 г. была крупнейшей за все двадцатое столетие. Она поразила практически весь европейский континент, поставив в катастрофическое положение разрушенное за годы Второй мировой войны сельское хозяйство большей части государств Европы. И аграрное производство СССР не стало исключением. Между тем, как отмечают некоторые исследователи (1), последствия этого стихийного бедствия были куда меньше, нежели от аналогичных событий периода 1932–1933 гг. Ответ на данный вопрос применительно к реалиям Курской области изучаемых лет мы попытаемся дать в настоящей статье.

В первую очередь, на наш взгляд, стоит несколько остановиться на специфике положения Курской области в первые послевоенные годы. Курский регион был одним из немногих в СССР, на территории которого почти два года (с октября 1941 по сентябрь 1943 г.) непрерывно находилась линия фронта, а, следовательно, практически непрерывно велись боевые действия. Это стало главной причиной колоссального ущерба, нанесенного хозяйству области: по подсчетам комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причиненного ими ущерба, общий урон сельскохозяйственному производству Курской области составил свыше 10,8 млрд руб. Еще почти в 14,9 млрд руб. был оценен ущерб, причиненный мирным гражданам (2). Естественно, что в короткие сроки восстановить разрушенное хозяйство не представлялось возможным. Это влекло за собой и определенные трудности: в период с сентября 1943 по июнь 1946 г. на территории Курской области неоднократно происходили локальные голодовки, охватывавшие по несколько районов (3).

Однако засуха 1946 г. и ее последствия несколько выбиваются из этого ряда. Во-первых, потому, что это была крупнейшая засуха за весь XX в. А, во-вторых, именно природный катаклизм и его последствия были основной причиной страшных последствий и массового голода (причиной голодовок военных лет было в большей степени

разрушенное хозяйство). Еще до начала уборки урожая (в июне 1946 г.) стало понятно, что без серьезной помощи со стороны государства избежать массовой голодовки в регионе не удастся, поэтому в последней декаде июня руководители региона (председатель облисполкома В.В. Волчков и председатель обкома ВКП(б) П.И. Доронин) отправились в Москву «выбивать» помощь. Подробно останавливаться на данном вопросе не стану, так как эти события описаны в одной из наших публикаций (4), отмечу лишь то, что Курская область оказалась в числе немногих областей, которым была оказана серьезная государственная продовольственная помощь. 23 июня 1946 г. вышло Постановление Совета Министров СССР за № 1318 «О мерах помощи колхозам, колхозникам и совхозам Курской области в связи с неблагоприятными видами на урожай», которое было обсуждено на совместном заседании исполкома Курского облсовета и бюро обкома ВКП(б) 26 июня 1946 г. (5). Согласно этому документу, курскому региону выделялась беспроцентная продовольственная ссуда в размере 4040000 пудов для снабжения колхозников и также отпускалось по 200 т продовольственного зерна для продажи трактористам, бригадирам, помощникам бригадиров и учетчикам тракторных бригад. Большое внимание в постановлении было уделено поддержке общественного животноводства: для организации работ по сохранению поголовья скота области была выделена беспроцентная фуражная ссуда в размере 30000 т овса и 45000 т сена, а также 12000 т жмыха для продажи колхозам и совхозам.

Уже к 10 июля 1946 г. райисполкомами были подготовлены списки нуждающихся по районам, на основании которых и предполагалось распределять ссуду. При распределении учитывались, в первую очередь, нуждаемость каждой отдельной семьи в продовольствии и участие в колхозном труде. Было установлено, что размер выдаваемой продссуды на одно хозяйство не должен быть менее 5 пудов и не более 10 (6). Распределять продовольственную ссуду среди колхозников начали уже в середине 1946 г. В то же время распределение по колхозам фуражной ссуды началось только в начале сентября (7). Такая задержка по срокам была обусловлена тем, что руководство региона стремилось сохранить как можно больше кормов к зиме, чтобы сократить мор скотины от бескормицы. При этом в некоторых районах области власти допустили неправильное распределение продовольственной помощи. Например, в Дмитриевском районе колхозникам продовольственная помощь была выдана без учета нуждаемости от 1 до 4 пудов на семью, хотя, согласно указаниям областных органов власти, продссуда не должна была быть меньше 5 пудов на хозяйство. Проверкой обкома партии было установлено, что 91-м колхозе района 32-м семьям было выдано

по одному пуду, по два пуда выдали 258 семьям, по три пуда 516 семьям, а по четыре – 716 семьям. Также по личной инициативе председателя Дмитриевского райисполкома Д.Д. Беспарточного и первого секретаря райкома ВКП(б) И.И. Свирина продовольственная помощь безосновательно была уменьшена ряду колхозов. Среди них: колхоз «Путь к победе» недополучил 100 пудов помощи, имени Сталина – 100 пудов, «Свободный труд» – 100 пудов. Данные действия не были согласованы ни с облисполкомом, ни с обкомом партии. К тому же положение с продуктами питания в районе было настолько сложным, что уже в конце сентября 1946 г. по инициативе областного центра Дмитриевскому району была выделена дополнительная продовольственная ссуда в 300 пудов (8).

Основная часть летней продовольственной ссуды была получена колхозниками во второй половине июля – августе 1946 г., однако некоторые районы несколько затянули с ее распределением, поэтому колхозники некоторых сельхозартелей Беловского, Ивнянского и Прохоровского районов области получили свою помощь только в сентябре 1946 г. Между тем в октябре того же года произошло уточнение распределения ссуды. Это было обусловлено завершением основных сельскохозяйственных работ и уточнением данных, характеризующих степень ущерба, причиненного засухой. Проанализировав эти данные областное руководство приняло решение о дополнительном выделении 67913 пудов продовольственного зерна для нуждающихся колхозников области. Все районы региона получили определенную помощь, но большая часть помощи ушла в наиболее пострадавшие от засухи районы: Беловский район получил 2600 пудов, Большесолдатский – 2920 пудов, Микояновский – 2900 пудов, Прохоровский – 2850 пудов, Ракитянский – 3400 пудов, Скороднянский – 2763 пудов и др. (9). Не менее значимым видом помощи со стороны государства были и семенные ссуды, отпускаемые в 1946 г. для проведения осеннего сева. Согласно Постановлению Совета Министров СССР от 15 августа 1946 № 1797, региону была предоставлена семенная ссуда с начислением 10 ц на каждые 100 ц выданной ссуды из урожая 1947 г. В общей сложности всем 62-м районам было выделено 263400 ц семян зерновых озимых культур, из которых 24745 ц было озимой пшеницы (10). Однако в некоторых районах области местные партийные и государственные руководители самостоятельно, без санкций вышестоящих органов власти принимали решения о выделении подобных ссуд колхозам своих районов. Подобная ситуация произошла в Поньровском районе, где первый секретарь райкома ВКП(б) В.А. Коваль распорядился пункту «Заготзерно» выдать 60 ц озимой ржи в ссуду следующим колхозам: им. Ма-

ленкова 12 ц, им. Сталина 10 ц, им. Кагановича 15 ц, «Ленинский комсомол» 23 ц. В общей сложности данная ссуда была оформлена 56 колхозам района в счет выполнения плана хлебозаготовок (11).

Таким образом, мы видим, что в 1946 г. государственная помощь колхозам осуществлялась по трем ключевым направлениям: продовольственная помощь, помощь фуражом и семенная помощь. Нельзя сказать, что все эти три вида поддержки колхозного производства были выполнены полностью, но небезосновательным будет тезис о том, что, если бы этой помощи не было, последствия засухи для колхозников и колхозного хозяйства могли бы быть куда сильнее. Об этом, в частности, можно судить исходя из следующего факта: материальное обеспечение трудодней в курских колхозах в 1946 г. было ничтожным. Мало того, что продукты питания и деньги на заработанные трудодни распределяли только 967 колхозов из 4952 (в 6 районах области трудодни не были обеспечены ни одним из колхозов) (12), во многих районах шли серьезные споры вообще о возможности распределения доходов на трудодни. Так, в одном из наименее пострадавших в период засухи районов – Рыльском – в качестве авансов было выдано 4236 ц зерна в 66 колхозах, при этом в восьми колхозах района на трудодни вообще не выдали ничего. Но в декабре 1946 г. активно обсуждался вопрос о дополнительном выделении в 50 колхозах 54-х ц зерна в качестве оплаты на трудодни. В некоторых сельхозартелях района развернулись серьезные споры о целесообразности дополнительной выдачи продовольствия, однако райком и райисполком настояли на этой выдаче (13). При этом не стоит забывать еще об одном достаточно важном факте, который отметил в своем выступлении на совещании первых секретарей райкомов ВКП(б) 29 июня 1946 г. первый секретарь Курского обкома ВКП(б) П.И. Доронин: «Я должен вам сказать по секрету, что в прошлом году мы выдали на трудодни до 4-х миллионов пудов хлеба, а в этом году мы имеем возможность выдать 4040000 пудов хлеба благодаря помощи товарища СТАЛИНА (так в тексте. – О.А.)» (14). То есть, в 1945 г. при меньшей выдаче на трудодни массового голода в области не было, следовательно, продовольственное обеспечение трудодней в регионе не было основным источником питания для крестьян. Этим источником продолжали служить приусадебные участки, которые из-за засухи не смогли дать нормального урожая.

Вместе с тем, несмотря на все сложности (в стране катастрофически не хватало продовольствия, голод охватил не только сельскую местность, но и многие промышленные центры, (15) в 1947 г. помощь со стороны государства колхозам Курской об-

ласти продолжала поступать, но уже в меньших объемах. В большей степени это касалось помощи продовольствием. Так, совместным постановлением бюро Курского обкома ВКП(б) и исполкома Курского облсовета от 26 мая 1947 г. колхозникам региона вновь была выдана продовольственная ссуда, предназначенная для остро нуждающихся селян. В общей сложности районам выдавалось 9510 т продовольственного зерна в зависимости от нуждемости населения: от 20 т (Хомутовский, Золотухинский, Верхнелюбавский) до 450 т (Суджанский) (16). По факту данный транш помощи уже был использован многими колхозами при проведении весеннего сева: значительная часть колхозов уже воспользовались своими небольшими резервами для организации полевых кухонь. Они предназначались для стимулирования колхозников участвовать в полевых работах: придя в поле, селяне могли получить полноценную порцию еды, а также взять с собой для своих домашних. И данная мера серьезным образом повлияла на трудовое участие колхозников в общественном труде, а также на темпы проведения работ. Уже к концу мая 1947 г. весенний сев в сельхозартелях Курской области был практически завершен. Помимо массовой помощи, также в период пика голода существовали различные виды персонифицированной помощи, хотя чаще всего она оказывалась местными органами власти или же самими колхозами (17). Однако она не имела серьезного влияния на общее состояние сельского населения региона. Не менее значимой была помощь семенами, оказанная правительством Курской области в марте 1947 г. Тогда, на тех же условиях, что и в августе 1946 г. была выдана семенная ссуда в размере 400000 ц зерновых и бобовых культур (18), которая практически полностью перекрывала недостаток семян внутри колхозов, тем самым позволяя сельхозартелям засадить максимально возможные площади, что и было сделано курскими колхозниками: прирост посевных площадей по итогам весеннего сева 1947 г. составил св. 250 тыс. га (19).

В итоге, необходимо отметить следующее: Курская область оказалась в числе немногих регионов СССР, которым была оказана государственная помощь в период засухи и голода 1946–1947 гг. Эта помощь осуществлялась по трем основным направлениям: продовольственная, семенная и фуражная поддержка села. По прошествии более 70 лет трудно судить о масштабах этой помощи, ее значении для селян и экономики колхозов, но, исходя из анализа сотен документов, напрашивается вывод об огромной значимости этой помощи для курской деревни. Именно благодаря ей удалось отодвинуть пик голода на несколько месяцев, тем самым уменьшив катастрофические последствия этого страшного бедствия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кондрашин В.В. Голод 1946–1947 гг. в России и Украине: общее и особенное // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2012. № 1(4). С. 130–140; Шалак А.В. К оценке масштаба голода 1946–1947 гг. // Историко-экономические исследования. 2009. Т. 10. № 2. С. 100-108 и др.
2. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1 Д. 228. Л. 15, 17.
3. См. подробнее: Аргунов О.Н. В преддверии голода: сельское население Курской области в 1943–1945 гг. // Истоки и уроки Великой Победы: Сборник научных статей участников Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию победы в Великой Отечественной войне. г. Курск, 22 мая 2020 г. / Ред. колл.: В.В. Коровин (гл. ред.) [и др.]. Курск, 2020. С. 12-16.
4. Аргунов О.Н. Распределение продовольственной помощи в колхозах Курской области в 1946 г. (по документальным источникам курских архивов) // Актуальные проблемы региональной истории: взаимоотношения центра и регионов в исторической динамике: материалы I Всероссийской с международным участием научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.А. Александра (1919–2010) и 85-летию со дня рождения А.И. Суханова (1934–1989); Ижевск, 7-8 ноября 2019 г. / Отв. ред. и сост. В.В. Пузанов, Д.В. Репников. Ижевск, 2019. С. 381-388.
5. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 29. Л. 220-230.
6. Там же. Д. 33. Л. 53-55.
7. Там же. Д. 41. Л. 44-48.
8. Там же. Д. 46. Л. 199-200, 241.
9. Там же. Д. 50. Л. 93-94.
10. Там же. Д. 38. Л. 86-88.
11. Там же. Д. 39. Л. 318-319.
12. Там же. Д. 423. Л. 22, 28; ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 17. Д. 1. Л. 151.
13. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 53. Л. 160-161.
14. Там же. Д. 59. Л. 22.
15. Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. Саратов, 2020. С. 111-117.
16. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 382. Л. 287-290.
17. Аргунов О.Н. Борьба с голодом в курских колхозах в 1946–1947 гг. // Социальный мир деревни X–XXI вв.: Земельные собственники/землевладельцы и земледельцы: XXXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений: Воронеж, 22-25 сентября 2020 г. М., 2020. С. 239.
18. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 376. Л. 41-43.
19. Аргунов О.Н. Партийно-государственная политика восстановления и развития сельского хозяйства Курской области за период с февраля 1943 по 1957 г.: дис... канд. ист. наук. Курск, 2018. С. 344-345.

В.В. Назарова

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА В ТАМБОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ в 1945–1953 гг. КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Образование, как и другие сферы жизни советского общества, в послевоенные годы претерпевало свои изменения. В первую очередь, здесь следует отметить нарас-

тавшую идеологизацию, которая стала все более заметно проявляться в образовательном процессе. В связи с этим усилился непосредственный контроль партийных органов над образовательными учреждениями. «Вездесущая» партия следила за качеством лекций в вузах, особенно за тем, соответствуют ли они официальной идеологии. Тамбовский государственный педагогический институт (далее – ТГПИ) не стал исключением. При вузе существовала первичная партийная организация, которая проводила агитационно-массовую и пропагандистскую работу не только в самом институте, но и среди населения города и области. Текущую работу обсуждали в ходе партийных собраний. Документы обсуждения актуальных партийных вопросов и стали основой нашего исследования.

В первую очередь, стоит рассказать о том, как в ТГПИ велась подготовка к первым послевоенным выборам в Верховный Совет СССР. Уже с 1945 г. партийная организация была вовлечена в подготовку к этому знаменательному событию по меркам того времени. Так, в ходе закрытого партийного собрания парторганизации при педагогическом институте 29 ноября 1945 г. обсуждались задачи, которые стояли в связи с предстоящими выборами. По итогам заседания было принято постановление, в котором предписывалось «считать делом политической важности для парторганизации развертывание организационной и агитационной работы по предстоящим выборам в Верховный Совет СССР». Партийное бюро института должно было подобрать в агитколлектив максимальное число «наиболее активных, проверенных и политически грамотных товарищей из преподавателей и студентов». Вести просветительскую работу агитаторы должны были как на своем избирательном участке, так и оказывать помощь городской парторганизации. Кроме того, бюро следовало организовать кружки по изучению положения о выборах и Конституции СССР среди работников ОРСа, а также среди рабочих и служащих института (1). В конце января 1946 г. на очередном партийном собрании декан исторического факультета А.И. Рождественский огласил задачи, которые стояли перед парторганизацией пединститута в связи с выборами в Верховный Совет СССР. Так, было решено продолжить широкую агитацию за кандидатов в депутаты таким образом, чтобы «не было ни одного избирателя, не знакомого с биографией кандидатов». Агитационно-массовую работу необходимо было проводить точно по плану, который был предложен горкомом ВКП(б), «добиваясь полного его выполнения». Предполагалось закончить к 28 января проверку списка избирателей и обратить пристальное внимание на их материально-культурное обслуживание (2). О результатах выборов докладывалось в отчете о работе парторганиза-

ции пединститута за время с 15 апреля 1945 по 29 марта 1946 года. В докладе особо отмечалось, что в ходе выборов советский народ проявил «величайшее морально-политическое единство и активность, беспредельную преданность и любовь к своей партии и к своему спасителю, вождю и учителю Великому Сталину» 10 февраля 1946 г., когда «единодушно» избрал в Верховный Совет кандидатов блока коммунистов и беспартийных (3).

Другим важным общественно-политическим событием того периода, обсуждавшимся коммунистами ТГПИ, было принятие четвертого пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства. Он принят сессией вновь избранного Верховного Совета СССР в марте 1946 г., а основные задачи были озвучены И.В. Сталиным еще в предвыборной речи 9 февраля того же года. Величайшая программа, как следует из документов партийного собрания института, должна была способствовать дальнейшему подъему социалистического государства. На собрании говорилось, что институт «как одна из клеточек могучего советского организма является в той, или иной форме активным участником пережитых событий». Вступая в осуществление задач 4-й пятилетки, он «вместе с народом по зову партии и великого Сталина» приступил к разрешению задач мирного развития (4). Отложившиеся в архиве документы позволяют конкретизировать содержание пропагандистской работы парторганизации ТГПИ. В частности, в первом полугодии 1946–1947 гг. теоретическая учеба преподавателей включала такие ряд лекций: «О I томе сочинений И.В. Сталина»; «Советская литература сегодня»; «В.И. Ленин и И.В. Сталин об идеологических основах марксистской партии»; «Размещение производительных сил в сталинской пятилетке»; «Ленин и Сталин об организационных основах марксистской партии»; «Ленин и Сталин о тактических основах большевистской партии»; «Анархизм или социализм»; «Теоретическая конференция по итогам изучения I части сочинения И.В. Сталина» (5).

В 1947 г. секретарь горкома ВКП(б) Л.И. Аврех направил директору пединститута Г.М. Михалеву список тем в помощь изучающим биографии В.И. Ленина и И.В. Сталина. В соответствии с ними преподаватели института готовили и читали лекции в трудовых коллективах. Приведем некоторые темы: «О втором издании биографии И.В. Сталина» (обзорная лекция), «Детские и юношеские годы В.И. Ленина», «Детские и юношеские годы И.В. Сталина», «Ранний период революционной деятельности Ленина и Сталина», «В.И. Ленин и И.В. Сталин в период 1-й революции в России», «Борьба Ленина и Сталина против ликвидаторов, отзовистов и троцкистов в период Столыпинской реакции и революционной подъема «1908–1914 гг.», «Сталин –

это Ленин сегодня». Таким образом, помимо прямых должностных обязанностей, преподаватели должны были выполнять функции агитаторов и посещать лекции пропагандистского толка. Тогда это считалось проявлением политической грамотности и преданности партии. За лекциями, которые читались студентам, также осуществлялся идеологический контроль. В качестве примера можно привести докладную записку секретаря партбюро ТГПИ П.И. Чаузова, адресованную секретарю Тамбовского обкома и горкома ВКП(б) И.А. Волкову. Записка была неким отчетом о мерах, принятых институтом после выхода 24 декабря 1947 г. постановления бюро обкома ВКП(б) «О работе Тамбовского пединститута». Чаузов сообщал о том, что общее партийное собрание обсудило постановление. Решение обкома и горкома «сыграло большую роль в улучшении деятельности всей работы в институте». В частности, «преподаватели кафедр основ марксизма-ленинизма, политэкономии, языка и литературы и другие улучшили свою работу. Лекции стали читаться на более высоком идейно-теоретическом и методическом уровне... Полнее излагаются исторические факты и события. Яснее раскрываются преимущества социалистической системы хозяйства перед капиталистической системой». Преподавание общественно-политических наук улучшилось благодаря «конкретного руководства методами преподавания со стороны кафедры». Чаузов отметил, что сотрудники института уделили много внимания «контролю над читаемыми лекциями и проводимыми семинарскими занятиями». Преподаватели посещали занятия друг у друга (6). Эти факты показывают, насколько пропаганда, господствовавшая в то время в СССР, оказывала влияние на систему образования. Партия и здесь была в авангарде. Постоянно подчеркивалось, что советская школа лучше буржуазной. Сталин представлял великим учителем, его произведения были обязательны к изучению.

Как и все партийные организации страны, парторганизация ТГПИ должна была реагировать на постановления и письма ЦК ВКП (б), направленные на борьбу со всевозможными идеологическими отклонениями и ошибками. Так, на очередном партийном собрании пединститута 10 октября 1946 г. обсуждались решения ЦК ВКП(б) по вопросам идеологической работы и задачи парторганизации института. Докладчиком выступил директор ТГПИ Г.М. Михалев. В своей речи он говорил о решениях партии, которые вскрыли «идеологические ошибки в литературных произведениях, кинофильмах, репертуаре театров». Михалев подробно разобрал «идеологически вредные произведения» Зощенко, Ахматовой и других. Докладчик также остановился на отдельных учебниках, которые содержали идеологические ошибки. В частности, был подвергнут

критике учебник для педагогических вузов и университетов Л.И. Тимофеева «Теория литературы. Основы науки о литературе». Г.М. Михалев подчеркнул, каково значение преподавательской работы в идеологическом воспитании и указал на отдельные ошибки преподавателей института, в частности, «упрощенство до курса средней школы, восхваление Запада и забвение того, что русская культура и марксизм-ленинизм давно учит Запад, схематизм и повествование». Декан исторического факультета И.В. Успенский сказал, что решение ЦК по вопросам литературы своевременно. Он заявил: «Таким пошлякам, как Зощенко, не должно быть места в нашей литературе, они вредны...» (7).

19 сентября 1947 г. в Тамбовском пединституте обсуждали «Закрытое письмо ЦК ВКП(б) по делу профессоров Ключевой и Роскина (8)». Имелось в виду дело профессоров-медиков супругов Н.Г. Ключевой и Г.И. Роскина, которые опубликовали свою монографию «Биотерапия злокачественных опухолей» в США и за это были обвинены в предательстве интересов Родины. Докладчиком на собрании в ТГПИ выступил директор института Г.М. Михалев. После его слов каждый из присутствующих высказал свое мнение. Развернутым было выступление доцента Г.М. Скопцова, который сказал: «Дело профессоров Ключевой и Роскина весьма поучительно. Факты низкопоклонства и преклонения перед буржуазной культурой имеют место быть и в нашем пединституте». Как пример, он привел программу по истории педагогики, в которой заострялось внимание на западноевропейской педагогике, а не на российской. «Особенно, – подчеркивал Скопцов, – мало времени отводилось на изучение школы Советского периода». Критиковался учебник академика Медынского, в котором «курс русской педагогики освещен очень слабо, а педагогика и история школы советского периода совсем опущена». Г.М. Скопцов также отметил, что преклонение перед буржуазной культурой имело место среди студентов: «Некоторые студенты были за границей, многие слушают иностранные радиопередачи, в которых нередко высказываются антисоветские настроения. Все это не могло не отразиться на той части студентов, которая не искушена в политике». Кандидат философских наук, доцент А.Л. Хайкин говорил о том, что «идеологически и морально неустойчивые» люди могут быстрее «стать добычей иностранных государств». По мнению преподавателя, в институте многие не понимали по-настоящему, что такое патриотизм и чем социалистический патриотизм отличается от дореволюционного. Декан исторического факультета И.В. Успенский заявил, что закрытое письмо в связи с делом профессоров-медиков имеет «огромное, принципиальное значение перед партийной организацией нашего института». Поэтому в лекцион-

ной работе надо ярче отметить преимущества «нашего Великого Советского Союза и нашей культуры перед культурой буржуазного Запада». Выступающий предложил «усилить критику современной буржуазной и в частности американской культуры, науки и искусства», показывать гниль и разложение современной буржуазной культуры Америки. В решении партийного собрания было записано, что факты, которые были вскрыты ЦК партии, «свидетельствуют о том, что отдельная часть нашей интеллигенции заражена дурной и опасной болезнью низкопоклонства перед границей (9).

Такие материалы статьи, надеемся, могут стать достаточной конкретизацией проявлений идеологической политики ВКП (б) на уровне отдельных партийных организаций. Они отражают ту вынужденную преданность делу партии представителей интеллигенции, которые находились под тяжелым политическим и идеологическим прессом. С позиций принципа историзма нужно понимать, что некоторые «фигуранты» нашей статьи в силу обстоятельств своего времени были искренними приверженцами коммунистических идей, добросовестными их распространителями среди студентов и населения. Во всяком случае, мы не знаем фактов того, чтобы кто-то из этих людей, в том числе и доживших до постсоветских времен, раскаивался в своих взглядах 1940-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАСПИТО. Ф. 995. Д. 58. Л. 43 об.
2. Там же. Д. 59. Л. 3 об.
3. Там же. Д. 57. Л. 37 об.
4. Там же. Л. 37 об.
5. Там же. Д. 61. Л. 17 об.
6. Там же. Д. 62. Л. 64-67 об.
7. Там же. Д. 59. Л. 27 об.
8. Закрытое письмо ЦК ВКП(б) о деле профессоров Ключевой и Роскина. URL: <https://www.alexander yakovlev.org/fond/issues-doc/69339> (дата обр.: 14.08.2020).
9. ГАСПИТО. Ф. 995. Д. 66. Л. 79 об., 80 об., 82 об.

Е.В. Проскурина

ОТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА К ЛИЧНОСТИ

И.В. СТАЛИНА

Фигура Иосифа Виссарионовича Сталина в российской и мировой истории настолько исключительна, что ее не до конца осознают даже наши соотечественники, заставшие время СССР, особенно в рамках подхода, при котором существует приверженность стереотипам и проявлениям ригидного черно-белого мышления, что нередко можно наблюдать в том числе и в научной среде. Сложившуюся в начале XXI в. картину наиболее ярко иллюстрируют результаты интернет-голосования проекта

«Имя Россия» (2008), где Сталин оказался в лидерах и уступил лишь таким выдающимся государственным деятелям, как князь Александр Невский и П.А. Столыпин. Как подобное могло произойти в стране, где всего лишь пару десятилетий назад был дан старт изданию сотен разоблачений, мемуаров, художественной литературы, в которых, начиная с А.И. Солженицына, события сталинской эпохи поданы преимущественно со знаком «минус». И сегодня в стране, пережившей массовые репрессии, устанавливаются памятники вождю, с именем которого связаны одним из самых жестких проявлений тоталитаризма в мировой истории. Один из памятников установлен в нашем городе – у штаба регионального отделения КПРФ. Последовавшая за сломом социалистической системы эпоха так называемой демократии попыталась закрепить в общественном сознании главный постулат либеральной пропаганды относительно Сталина – «злого гения» российской истории. Из фундаментальных исследователей проблемы в этом ключе стоит выделить Д.А. Волкогонова, который считает основной трагедией сталинизма то, что Сталин не прошел испытание властью: заняв высокий пост, он «стал вести себя... по-ленински: жестко, коварно, бескомпромиссно. После смерти Ленина в генсеке стал еще быстрее умирать революционер и рождаться диктатор...» (1). По мнению Волкогонова, что сталинизм – это «несвобода миллионов и свобода лишь одного деспота». Однако в настоящее время уже не столь активно муссируется образ «вождя народов» как безжалостного тирана, уничтожившего миллионы людей просто потому, что находил в этом особое патологическое удовлетворение. Так, размышляя о масштабах личности Сталина и переосмыслении его роли в отечественной истории, современный российский политик и публицист М.Г. Делягин выделил два фундаментальных процесса, происходящих в российском обществе: во-первых, это восстановление самоуважения, а во-вторых, – полное осознание гражданами России собственной истории «во всем ее трагическом разнообразии» и понимание того, что «даже в бедах и трагедиях мы были выше, честнее и моральней тех, кто отчаянно пытался унижить нас и растоптать наше чувство собственного достоинства...» (2)

Основополагающим историческим событием, представляющим наиболее фундаментальный и положительный символ идентификации в историческом сознании россиян, продолжает оставаться Великая Отечественная война. Именно это событие формирует тот контекст, в котором интерпретируется фигура и личность И.В. Сталина в современном российском общественном сознании – суровый, но справедливый правитель, уверенно приведший СССР к Великой Победе. А тема сталинских репрес-

сий, внушившая многим советским людям отвращение к собственному государству и комплекс вины, которая активно использовалась в период «холодной войны» и продолжает использоваться либеральной пропагандой поныне, сегодня вызывает отторжение у патриотически настроенной части российского общества.

Разочарование в демократических переменах, противоречия политического и социально-экономического развития страны, рост кризисного сознания, социальных страхов сегодня являются источниками роста социального пессимизма, социальных иллюзий и общественной ностальгии, что обусловило трансформации мифологемы «Сталин» в российском социальном мифотворчестве. В этой связи все более заметна тенденция оправдания Сталина и его политики по широкому спектру позиций. Проводимые социологические исследования и среди молодежи, и среди старших поколений показывают, что притягательность образа Сталина находится в определенной зависимости от ощущений нестабильности и социальной несправедливости в современном российском обществе (3).

На мой взгляд, сегодня можно с уверенностью говорить о зарождении «второй волны» культа личности Сталина. «Сталина на вас не хватает!» – этот лозунг современных неосталинистов уже стал весьма расхожим мемом, особенно в части критики коррупционной составляющей современного российского общества, явлений преступности и пренебрежения интересами рядовых граждан со стороны государства. В этой связи в последние годы все более увеличивается тот сегмент российского общества, представители которого, не доверяя проводимым правительствам реформам, требуют «сильной руки» для наведения порядка в современной России. Аскетизм Сталина в быту, его нестяжательство и наличие контроля за соблюдением норм морали в период нахождения его у власти в эпоху упадка «общества потребления» выглядят привлекательно. Именно поэтому в Рунете можно обнаружить достаточное количество сайтов, содержащих материалы, направленные на политическую реабилитацию Сталина – с позиций не коммунистических, а национально-патриотических. Одним из наиболее ярких апологетов Сталина является писатель и публицист А. Проханов, заявляющий следующее: «Сталина выскребают бульдозером из русской истории... Но происходит необъяснимое чудо. Сталин по-прежнему является кумиром русской истории, непревзойденным вождем, величайшим радетелем всех веков и народов...» Это объясняется тем, что «Сталин возник из бездонных глубин русского сознания», «запечатлел неискоренимые русские архетипы» и «воплотил глубинные коды русского человека, неистребимые, откуда существует Россия...» (4). Опреде-

ленную лепту в формирование положительного образа Сталина вносит проблема соблюдения прав этнических русских как в странах бывшего СССР, так и в самой России, и сохранения самой культуры великороссов в условиях глобализации и этнических миграций на постсоветском пространстве. Ведь этнический грузин (или – осетин?) Иосиф Джугашвили высоко оценивал роль русского народа в мировой истории и нередко позиционировал себя как великорусский патриот. Выступая с застольной речью на обеде, данном 2 мая 1933 г. в Большом Кремлевском дворце для участников первомайского парада, Сталин сказал: «Оставляя в стороне вопросы равноправия и самоопределения, русские это основная национальность мира, она первая подняла флаг Советов против всего мира! Русская нация – это талантливейшая нация в мире!» (5).

Сталинизм представляется вынужденным в силу противостояния с капиталистическим Западом обращением к имперскому и азиатскому потенциалам страны, что еще не так давно была Российской империей. Сталин обладал большой харизмой, он умел соответствовать чаяниям народа, у которого отняли царя и Бога, но который при этом не научился жить самостоятельно. Культ поддерживался окружением и последователями вождя настолько, насколько он был необходим населению – поэтому в ряде стран, народы которых обладают схожими специфическими чертами «восточной» ментальности – Китай, Корея, Албания, Туркменистан – происходило то же самое. Для этих народов мало просто наличие сильного политического лидера и авторитетного главы государства – им нужен мудрый, непогрешимый, стопроцентно надежный отец нации, полубог, который защитит и которому так приятно служить и поклоняться. От такого вождя можно принять наказание, поскольку все его действия оправданы априори. Т.е., перефразируя К. Маркса, можно утверждать, что в рассматриваемый период международное бытие определило тоталитарное сознание. Индустриализация аграрной страны, создание колхозного строя, возведение фундамента народной экономики, создание морально-политического единства советского народа – все это есть непреложные свидетельства достижений СССР при активном участии и решающей роли Сталина. Некоторые исследователи отмечают, что жесткость Сталина была следствием того, что он нес ответственность за существование целого народа. Современная информационная среда, всеобщая публичность и скорость передачи данных делают сегодня невозможным найти такую идеальную фигуру в реальности. Однако ее можно создать, позаимствовав подходящий материал у реальной истории. И вот тут фигура Сталина, под мудрым руководством которого страна совершила

громадный индустриальный и технологический прорыв, а затем победила в Великой войне, оказывается как нельзя кстати.

Вышеперечисленные особенности объясняют тот факт, что превращение Сталина в восприятии россиян из диктатора и инициатора репрессий, погубивших миллионы людей, в «эффективного менеджера» и одного из символов советско-российской мощи сегодня набирает обороты. Утверждению этой точки зрения сегодня способствует официальная точка зрения второй по значению партии России – КПРФ, объявившей себя правопреемником КПСС. Лидер партии Г. Зюганов считает, что репрессии недопустимы, но при этом отметил, что последовавшая за XX съездом десталинизация была ошибкой. Однако нужно помнить, что современные российские коммунисты – это больше коммерческий проект. Политика КПРФ – это не защита прав угнетенных, это большая по численности, но, тем не менее, еще одна «карманная» партия, исполняющая роль антипода «Единой России» и умело спекулирующая на чувствах и идеалах старшего поколения и идеалистически настроенной молодежи. Между КПРФ и Сталиным в реальности очень мало общего. Большинство лидеров КПРФ вполне себе успешные капиталисты, а Сталин выступал против частной собственности и назвал бы современных российских коммунистов «оппортунистами» и «ревизионистами».

Таким образом, сформировавшийся к настоящему времени спектр общественных мнений об И.В. Сталине весьма широк. На одном полюсе существует резкое осуждение Сталина и политики, на противоположном – полная апология. При этом следует обратить внимание что сегодня образ Сталин является, пожалуй, самым ярким проявлением того разрыва, который существует между реальным историческим лицом и его представлением в культурном поле, являющимся предметом исторической памяти россиян. Необходимо отметить, что положительное отношение к этому советскому лидеру и его роли в истории России сегодня закрепилось на уровне новой социальной нормы. При этом уровень позитивного отношения к Сталину на порядок выше, чем к тем же Брежневу, Горбачеву, Ельцину. Так, опрос общественного мнения, проведенный в марте 2019 г. специалистами «Левада-центр», показал, что 52% опрошенных россиян оценивают роль Сталина в истории государства как положительную, а 33% считают оправданными те человеческие жертвы, которые понес СССР в сталинскую эпоху ради достижения высоких целей и результатов (6). Сегодня Сталин все больше воспринимается в обществе как защитник угнетенных, так как население нашей страны сейчас все больше чувствует себя брошенным на произвол судьбы. В этой связи

фигура Сталина начинает восприниматься как символ справедливости, а проводимая им политика репрессий – как «карающий меч». Но, тем не менее, этот образ Сталина достаточно далек от реальной исторической фигуры, о чем не стоит забывать. Изучение феномена Сталина, осознание истинного значения его личности для мировой истории принадлежит общественно-политической науке будущего.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. М., 2013.
2. Делягин М.Г. Молодежь России выбирает Сталина [Электр. ресурс] – <https://delyagin.ru/articles/187-pozitsija/53932-molodezh-rossii-vybiraet-stalina/>
3. Линченко А.А., Иванов А.Г. «Живите тыщу лет, товарищ Сталин!..» Трансформация мифологии образов И.В. Сталина в современной российской исторической памяти // Диалог со временем. 2017. № 59. С. 116-135.
4. Проханов А.О Сталине [Электр. ресурс] – <http://ya-russ.ru/aleksandr-proханov-o-staline/>
5. Невежин В.А. Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945 гг. М., 2007. С. 10-11.
6. Динамика отношения к Сталину. URL: <https://www.levada.ru/2019/04/16/dinamika-otnosheniya-k-stalinu/>

Г.В. Уваров

КОМИНФОРМБЮРО И ЕГО РОЛЬ В ЭСКАЛАЦИИ СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКОГО КОНФЛИКТА В 1947–1949 гг.

В начале лета 1948 г. Европа и весь мир в немалой степени удивились тому, что в отношениях СССР и ФНРЮ (Федеративной Народной Республики Югославии; далее – Югославии) начался период острого идеологического и политического противостояния, мысль о возможности которого еще годом ранее могла бы кому угодно показаться совершенно нелепой. Неожиданное и резкое обострение отношений между Москвой и Белградом явилось неожиданностью в первую очередь для социалистических государств Восточной Европы, поскольку Югославия, возглавляемая Иосипом Броз Тито, воспринималась ими как страна, наиболее преданная, наиболее близкая Советскому Союзу, как своего рода «образец для подражания». По всему выходило, что в «монолитном лагере стран народной демократии» уже на начальном этапе его существования была пробита значительная брешь – причем, именно в том месте, которое казалось самым надежным – в советско-югославских отношениях. Решающую роль в этом сыграло Коминформбюро – инструмент международной политики Сталина, сформированное в качестве своего рода преемника и продолжателя традиций распущенного в 1943 г. Коминтерна (1).

В сложной и противоречивой обстановке начала и последующей эскалации «холодной войны» Кремль ощущал настоятельную потребность в теснейшем политико-идеологическом единении «братских компартий» стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Вместе с тем Сталин, превративший ВКП(б) в собственной стране в абсолютно послушное орудие, проделать то же самое в отношении национальных компартий на тот момент оказался не в состоянии. В набиравшем силу «социалистическом лагере» уже сформировался зародыш будущих противоречий, конфликтов и неизбежных в подобных условиях репрессивных кампаний – концепция «национального пути построения социализма». Она предусматривала, помимо обязательного учета национальной специфики и культурно-исторических традиций стран ЦЮВЕ, отказ от диктатуры пролетариата, однопартийной системы, советского варианта сверхиндустриализации и коллективизации деревни по советскому образцу. Кремлевскому руководству и самому Сталину приходилось до поры до времени мириться с подобными теоретическими новациями – и тем более ценной и значимой для него и всемерно им одобряемой была позиция югославских коммунистов, выразивших твердое намерение усерднее и добросовестнее всех остальных копировать советскую модель построения социализма. Не случайно поэтому именно Югославия в глазах руководства ВКП(б) стала образцом успешного применения марксистско-ленинской теории на практике. Следует отдельно сказать, что руководство КПЮ и, отчасти, сам Тито оказались в то время во власти опасного заблуждения: они всерьез полагали, что заслуги КПЮ в борьбе с фашизмом, значительный вклад возглавляемого и направляемого компартией партизанского движения в освобождение страны от оккупантов и окончательный политический выбор в пользу СССР в обстановке острейшего англо-советского соперничества в вопросе оказания помощи югославскому Сопротивлению дают КПЮ гарантированное право на особые, более равноправные отношения с ВКП(б). Этой иллюзии было суждено развеяться довольно быстро и весьма болезненным для Белграда образом.

Динамика эскалации советско-югославского конфликта исследователям видится по-разному. С нашей точки зрения, было бы уместным выделить три качественно различающихся этапа в этом процессе. Первый этап (1945 – май 1948 гг.) можно обозначить как время нарастания напряженности в отношениях, накапливания взаимных претензий и обид, большая часть которых в иной ситуации вполне могла быть отброшена и забыта по причине их несущественности. Но на фоне неадекватной психопатической реакции «отца народов» на конкретные попытки проявления югославами

самостоятельности эти мелочные претензии и придирки обрели вдруг совершенно иной, первоначально не предполагавшийся смысл и превратились в едва ли не главные пункты претензий и контрпретензий с обеих сторон.

На данном этапе имели место многочисленные эпизоды трений, взаимного непонимания и предъявления претензий политическими руководителями обеих стран по разным вопросам: от упреков Белграда по поводу изнасилования бойцами Красной Армии 111 сербских женщин с последующим их убийством до столкновений по вопросу о Триесте; от разбирательств по проблеме создания совместных акционерных обществ для разработки полезных ископаемых до открыто выражаемого Кремлем недовольства в связи с планами создания Балканской Федерации и усилением влияния Югославии на политику Албании. Претензии Москвы в адрес Белграда нашли концентрированное выражение в справке Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) М.А. Суслову (2) «Об антимарксистских установках руководителей компартии Югославии в вопросах внешней и внутренней политики» от 18 марта 1948 г. (3). И если составители этого документа начали с безобидной, в целом, фразы о том, что «во внутренней и внешней политике Югославии допускаются крупные политические ошибки, которые по своему содержанию носят антимарксистский характер», то в конце многостраничного текста, словно распалив себя, они констатировали, что «лидеры югославской компартии не являются марксистами» и «допускают серьезные политические ошибки», превращающие их «в подголосков буржуазии в проведении внутренней и внешней политики страны» (4).

Дальнейшие события не заставили себя долго ждать: 27 марта на имя Тито и ЦК КПЮ было направлено письмо, составленное на основе упомянутой выше справки ОВП ЦК ВКП(б) от 18 марта и подписанное от имени ЦК ВКП(б) Сталиным и Молотовым. В нем югославскому руководству вменялись в вину «проведение антисоветской линии», оппортунистические ошибки, ревизия важнейших положений марксизма-ленинизма (5). Именно тогда впервые и на полную мощность в нарастающем конфликте было задействовано Коминформбюро: свое письмо от 27 марта советская сторона, не уведомляя об этом Белград, тут же разослала лидерам компартий стран ЦЮВЕ, входивших в Коминформ. Они должны были последовать за Москвой и внести свою лепту в осуждение погрязших в ошибках, но пока еще способных, по мнению Сталина, встать на путь исправления югославы. Все это позволяло не только усилить политическое давление на югославское руководство, но и создать вполне эффективный инструмент воздействия на самих коммунистических деятелей остальных стран

Восточной Европы, положение в которых также вызывало беспокойство в Кремле. Что касается Тито и всего политического руководства Югославии, то они, восприняв мартовские события как прямое оскорбление ЦК и всей партии, отчетливо дали понять, что не намерены приезжать в СССР с повинной головой и оправданиями, как того в директивном порядке потребовала Москва. При этом руководители КПЮ не исключали принципиальной возможности встречи с руководством ВКП(б) и обсуждения путей разрешения конфликтной ситуации, но упорно стояли на том, что подобная встреча может состояться только на югославской территории. Несложно представить реакцию Сталина в ответ на подобное своеволие и упорство, ставившие под сомнение иерархический принцип подчинения мирового коммунистического движения Кремлю. Очевидно, что Сталин уже тогда решил заменить строптивного лидера югославской компартии более податливым и управляемым деятелем, однако для этого требовалось коллективное решение, которое могло быть принято и надлежащим образом оформлено на международном форуме делегаций компартий стран ЦЮВЕ. Для осуществления задуманного кадрового решения югославскую делегацию пригласили в Бухарест на очередное совещание Коминформа в июне 1948 г., но югославы, как известно, отказались приехать, за что и были осуждены как ревизионисты.

Второй этап (июнь 1948 – ноябрь 1949 гг.) совершенно четко укладывается во временной промежуток между вторым и третьим совещаниями Коминформбюро. Начало ему было положено резолюцией «О положении в Коммунистической партии Югославии», принятой после обсуждения соответствующего доклада А.А.Жданова. Следует подчеркнуть, что работа второго совещания была от начала и до конца посвящена единственному вопросу – югославскому. Сам доклад, как и составленная из наиболее значимых его положений резолюция, ничего принципиально нового по сравнению со справкой Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) от 18 марта 1948 г. не содержали – те же стандартные обвинения в «отходе от марксизма-ленинизма», проведении «недружелюбной по отношению к Советскому Союзу и к ВКП(б) политики», разрыве КПЮ с марксистской теорией классов и классовой борьбы, осуществлении «неправильной политики в деревне» путем игнорирования «возрастающей угрозы кулацких элементов», ревизии марксистско-ленинского учения о партии и «наличии ликвидаторских тенденций в отношении компартии в Югославии», дискредитации СССР в глазах народов Югославии и всего мира и т.п. (6). Но теперь эти упреки и обвинения были перенесены с внутрипартийного уровня на межгосударственный. Соответственно, от участников совещания требовалось полное единогласие в осуждении

КПЮ, что они и поспешили сделать не только с требуемым усердием, но и с изрядной долей отчетливо выраженного раболепия. Тем самым Кремль решительно задал не только политический контент, но и политико-идеологический смысл всего данного этапа – жесткий курс на сплочение социалистических стран и подавление любых проявлений их внутри- и внешнеполитической самостоятельности, включая попытки реализации концепции «национального пути к социализму» в рамках мирового коммунистического движения.

Продолжением этого курса стали шумные политические расправы и судилища в странах ЦЮВЕ, прогремевшие на протяжении данного этапа – процесс Райка-Бранкова в Венгрии, арест Трайчо Костова в Болгарии, выдворение под надуманным предлогом из СССР югославского посла К. Мразовича (7). Именно на суде по «делу» Райка (сентябрь 1949 г.) Тито и другие югославские руководители были публично объявлены «старыми полицейскими провокаторами» и агентами разведок «империалистических» государств (8). В отношении же Т. Костова уместно заметить, что его не спасли ни активная деятельность по выявлению и уничтожению «врагов народно-демократического строя» в Болгарии в 1945–1948 гг. (он был одним из учредителей Народного суда – чрезвычайного трибунала, осуществлявшего репрессивную политику БКП), ни подобострастные выступления на заседаниях второго совещания Коминформа (9). «Железное единство социалистического лагеря» для Сталина, не желавшего допустить полицентризм вместо жесткой иерархии, чтобы не лишиться харизматической роли лидера коммунистического мира, было гораздо важнее личных судеб его отдельных, пусть даже и самых преданных, представителей. Отказавшись подчиниться диктату Кремля и продолжая отстаивать собственную правоту, югославское руководство на данном этапе эскалации конфликта все же не оставляло надежд на его компромиссное урегулирование. Эти надежды, отчасти, поддерживались вследствие некоторых действий Москвы – например, в советской ноте от 11 февраля 1949 г. содержались обнадеживающие моменты, в частности тезис о том, что СССР считал бы желательным участие ФНРЮ в работе СЭВ – Совета экономической взаимопомощи (10). Именно поэтому Белград, с одной стороны, не спешил с публичным покаянием, но, с другой – по-прежнему прибегал к примирительной риторике и, самое главное, долгие месяцы не пересматривал своей внутри- и внешнеполитической стратегии, в основе которой лежала однозначная ориентация на СССР и советскую модель социализма.

Третий этап открывается третьим совещанием Коминформбюро в ноябре 1949 г. и завершается со смертью Сталина. Его главные приметы – оголтелое и безудержное шельмование «югославских ревизионистов» и навешивание разнообразных ярлыков как на руководство ФНРЮ в целом, так и на отдельных его членов (11). Приобретая все больший накал, борьба против непокорного югославского руководства стала на тот момент едва ли не главным направлением в советской политике. В этой борьбе, как и на протяжении предыдущих этапов, важнейшая роль по-прежнему отводилась Коминформбюро. В условиях значительного ужесточения антиюгославских мер Белград был вынужден начать все более решительное противостояние как сколоченному Москвой советскому блоку, так и коминформовской кампании обвинений и нападок в целом. Эта линия предполагала неуклонное усиление пропагандистского и дипломатического отпора, ужесточение политического контроля и репрессий внутри страны, в первую очередь, в отношении реальных или подозреваемых противников режима, наращивание военно-организационных мер по укреплению границ с социалистическими соседями. В области внешней политики Тито и его окружение задумались о переориентации югославской внешней политики в направлении постепенного отказа от коллективного конфронтационного курса в отношении Запада, которого «социалистический лагерь» придерживался в послевоенные годы. Впрочем, все эти меры противостояния давлению советского блока югославское руководство осуществляло с большой осторожностью, поскольку не желало оказаться на международной арене в роли сообщника западных держав, выступающего в одном лагере с ними против СССР и других социалистических стран (12).

В Кремле, однако, не пожелали заметить и должным образом оценить подобную политическую щепетильность, поскольку в представлениях Сталина сам факт югославского противодействия советскому давлению уже являлся непростительным преступлением. Лидеры КПЮ были публично аттестованы как «беснующаяся клика Тито», «наймиты англо-американских империалистов», «гнусные предатели югославских партизан в самые тяжелые моменты войны», «белградские фашистские изверги» (13), и от этих характеристик Сталин отказываться не собирался – да и вряд ли смог бы это сделать в той обстановке без причинения громадного ущерба престижу и репутации Кремля и ВКП(б). Жребий Москвой был брошен, югославские «еретики» в коммунистическом движении выявлены и изобличены, шла полным ходом коллективная кампания их осуждения и политико-идеологического би-

чевания. Югославия, к 1948 г. больше остальных государств ЦЮВЕ преуспевшая в деле «социалистического строительства» по советскому образцу, была самым грубым и унижительным образом отлучена от «народно-демократического» лагеря. После обнародования резолюции «Югославская компартия во власти убийц и шпионов» и без того призрачная возможность примирения со Сталиным перестала существовать окончательно, и для КПЮ со всей остротой встала задача выживания во враждебном окружении. Для Москвы же конфликт с Белградом стал действенным рычагом воздействия на остальные страны «народной демократии» с целью не только их сплочения, но и жесткого подавления любых признаков их самостоятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформбюро, Коминформ) – международная коммунистическая организация в 1947–1956 гг. Основано 22 сентября 1947 г. на конференции девяти компартий в городе Шклярска-Поремба (юго-запад Польши) и первоначально включало коммунистические партии семи стран «социалистического лагеря», Франции и Италии. С легкой руки биографа Тито – известного сербского историка В. Дедиера – получила широкое распространение версия, согласно которой Тито еще во время своего визита в Москву в апреле 1945 г. выступил инициатором создания консультативного органа в международном коммунистическом движении «для обмена мнениями и опытом». Сталин тогда одобрил эту идею и в ряде последующих бесед с Тито в 1946 г. неоднократно возвращался к данной проблеме, подчеркивая необходимость придать новому Интернационалу «сугубо информационный характер». (Адибеков Г.М. Как готовилось первое совещание Коминформа // Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 3). И, хотя Адибеков подчеркивает, что версия В. Дедиера не подтверждается документально, в пользу ее говорит тот факт, что местопребыванием Коминформбюро и его печатного органа – газеты «За прочный мир, за народную демократию!» до июня 1948 г. был Белград.
2. Суслов Михаил Андреевич (1902–1982) в рассматриваемый период был секретарем ЦК ВКП(б) и руководителем Отдела внешней политики ЦК ВКП(б).
3. В этом документе претензии и замечания советской стороны по поводу допущенных югославским руководством «ошибок» сгруппированы составителями в несколько разделов, одни лишь наименования которых (подчеркнуты в тексте документа) дают наглядное представление о позиции Москвы: «I. Пренебрежение марксистской теорией; II. Игнорирование Советского Союза как решающей силы лагеря демократии и социализма; III. Переоценка достижений в развитии Югославии по пути к социализму; IV. Недооценка классовой борьбы в деревне и опасности кулака; V. Оппортунизм и ликвидаторство в вопросе о роли и месте компартии в системе народно-демократического государства». (Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. В 2 т. Т. I. 1944–1948 гг. М. Новосибирск, 1997. С. 788-800).
4. Там же. С. 787, 800.
5. Гибианский Л.Я. Секретная советско-югославская переписка 1948 года // ВИ. 1992. № 4-5. С. 128-129.
6. Совещания Коминформа 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 407-417.
7. Райк Ласло – член политбюро, заместитель генерального секретаря ЦР ВПТ, до августа 1948 г. – министр внутренних дел, а затем до ареста в мае 1949 г. – министр иностранных

дел. Бранков Лазар – бывший советник югославского посольства в Венгрии, в октябре 1948 г. отказался от своей должности и выступил против югославских властей в качестве сторонника Коминформа, но в 1949 г., находясь в СССР, был арестован и использован на судебном процессе в Будапеште как «соучастник Райка», осуществлявший связь между Райком и югославским руководством. Большинство подсудимых во главе с Райком были приговорены к смерти по обвинению в антигосударственном заговоре и шпионаже в пользу «империалистических разведок» и «клики Тито» и казнены, остальных, в том числе Бранкова, приговорили к различным срокам тюремного заключения. (Совещания Коминформа... С. 728). Костов Трайчо – член политбюро, секретарь ЦК БКП. Убежденный сталинист, активный участник репрессий второй половины 1940-х гг. В декабре 1948 г. Сталин, основываясь на донесениях посольства СССР в Болгарии, обвинил Костова в том, что он препятствует получению советскими представителями интересующей их информации о положении в болгарской экономике и заявил, что «необходимо проверить, кто такой Костов». Обвинения, выдвинутые Сталиным, фактически положили начало последующей фабрикации «дела» Костова. В марте 1949 г. Костов был выведен из руководства БКП, смещен с правительственных постов. В июне того же года – исключен из БКП и вскоре арестован. Был обвинен в антипартийной деятельности, заговоре, измене, шпионаже в пользу британской разведки. Приговорен к смертной казни в декабре 1949 г., спустя несколько дней повешен. (Там же. С 732). Посол ФНРЮ в СССР Карло Мразович 25 октября 1949 г. был объявлен персоной нон-грата со ссылкой на некие «материалы дела Райка». (Внешняя политика Советского Союза. 1949 год: Документы и материалы. М., 1953. С. 174).

8. Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2011. С. 587-588.

9. Присутствуя на 4-м заседании (21 июня 1948 г.), посвященном обсуждению доклада А.А. Жданова, Т. Костов в своем выступлении от имени делегации БКП был вынужден признать, что «болгарские коммунисты имеют основание беспокоиться еще и потому, что у них была ориентация на сближение с Югославией, вплоть до создания федерации», т.е., что со стороны болгарского руководства имели место шаги, вызывавшие раздражение Москвы и способные вызвать обоснованные подозрения в политических симпатиях к опальному Белграду. Пытаясь вернуть доверие и расположение Сталина, Костов многократно и на разные лады повторил мысль о том, что все достигнутые КПЮ успехи – прямое следствие советской помощи и прилежного копирования советского опыта, а все ошибки югославского руководства – закономерный результат нежелания прислушиваться к советам и пожеланиям Кремля. (Совещания Коминформа... С. 428-432).

10. Аникеев А.С. Как Тито от Сталина ушел. Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002. С. 173.

11. Современные отечественные исследователи, активно и плодотворно разрабатывающие данную проблематику – Л.Я. Гибианский, Г.М. Адиебеков, А.С. Аникеев и др. – употребляют понятие «психологическая война», в данном случае совершенно, на наш взгляд, уместное.

12. Гибианский Л.Я. Коминформ в зените активности: создание организационной структуры и третье совещание // Совещания Коминформа... С. 525.

13. Этими и им подобными эпитетами в духе «Краткого курса истории ВКП(б)» изобилуют как доклад Г.Георгиу-Дежа на 5-м заседании третьего совещания (18 ноября 1949 г.) «Югославская компартия во власти убийц и шпионов», так и соответствующая резолюция по докладу, принятая с незначительными сокращениями на 7-м заседании 19 ноября. (Совещания Коминформа... С. 701-704).

РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ г. ЛИПЕЦКА В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ: 1946–1957

Липецк до революции – небольшой городок с населением около 15 тыс. чел. за годы первых пятилеток вырос в один из крупнейших промышленных и культурных центров с населением около 100 тыс. чел. Статья посвящена изучению формирования городской инфраструктуры в первые послевоенные годы. Хронологические рамки статьи охватывают 1946–1957 гг. Именно в этот период сформировалась в значительной мере городская система жизнеобеспечения.

В 1946–1947 гг. в городе были построены: гостиница, электростанция, библиотека, дом связи, школы, больница, жилые дома. Кроме того, было начато строительство канализации, моста через реку Воронеж и другие мероприятия. Только в 1946 г. на благоустройство города было выделено 3957 тыс. руб., в 1947 г. – еще было отпущено средств 3390 тыс. руб. Особое внимание уделялось развитию транспорта. В 1946 г. было уложено 7,2 км трамвайных путей, выстроено и оборудовано здание тяговой подстанции, начато строительство трамвайного депо. Одновременно был приобретен подвижной состав в количестве 14 трамвайных вагонов, доставленных в Липецк из Саратова, из них 10 штук моторных и 4 прицепных. От Воронежского трамвая было получено 3 старых вагона (1 – моторный и 2 прицепных). Таким образом, в Липецк было доставлено 17 вагонов, из них 4 вагона моторных и 6 прицепных требовали капитального ремонта. В III квартале 1947 г. было запланировано введение в эксплуатацию трамвая, его маршрут должен был проходить от спиртзавода до ЛТЗ. Но вследствие некачественного ремонта вагонов и несоответствия колеи на трамвайных кольцах ввод в эксплуатацию трамвая затянулся. Кроме того, возникла необходимость связать город с левобережной частью, путем постройки трамвайной линии через дамбу (1).

В городе было много нерешенных проблем. Единственная баня, построенная в 1937 г., требовала ремонта. И не всегда обеспечивалась топливом. Из запланированных 4-5 дней работы бани, она, из-за необеспеченности топливом, работала 2-3 дня в неделю. Канализационное хозяйство не удовлетворяло требованиям населения нашего города. Реконструкция водопровода и строительство канализации велись очень медленно. В 1947 г. было реконструировано 64 % водопровода. Строительство канализации выполнено на 35-40 % (2). Дорожно-

мостовое хозяйство так же находилось в плачевном состоянии. Для более яркой характеристики можно привести всего две цифр: длина всех дорог в городе составляла – 114 км, а покрытие имели лишь 35,7 км. Из площади всех тротуаров – 371088 кв. м имели покрытие 9961 кв. м. Имеющееся покрытие дорог было произведено местным бутовым камнем (известняком) с малым сроком службы, чем вызываются большие затраты на ремонт.

В 1947 г. была проведена реконструкция моста на Площади Революции. Имеющийся жилищный фонд города из-за давности постройки и плохого его содержания в дни войны, сильно изнашивался, и требовал капитального ремонта. Отпущенные на ремонт в 1946 г. 598 тыс. руб. были освоены, но качество ремонта оставляло желать лучшего. Ремонтные работы заканчивали с недоделками, и часто после их проведения требовался дополнительный ремонт. Кроме того, к ремонту жилых домов практически не привлекались сами жильцы, а привлеченные не обеспечивались строительными материалами (3). Город ощущал дефицит электроэнергии. Ее поставляла электростанция завода «Свободный Сокол». Отпуск электроэнергии производился по строго ограниченному лимиту 300-400 квт/ч при потребности энергии 1600-1800 квт/ч (4). В 1948 г. было выполнено строительство дополнительных трамвайных путей от спиртозавода до ЛТЗ. Число перевезенных пассажиров городским общественным транспортом выросло и составило 1767 тыс. чел. Основными работами по благоустройству в 1949 г. были: озеленение и мощение дороги на Саперной улице, восстановление подпорных стен водосливной канавы русла р. Липовка (5).

На благоустройство города в 1949 г. было выделено 1228 тыс. руб. Основными работами по благоустройству города были асфальтирование тротуаров, ремонт дорог и тротуаров, постройка нового шоссе к Заготзерно, ремонт подпорных стен реки Липовка, планировка Коммунальной площади под строительство стадиона, строительство и ремонт мостов. В течение 1949 г. в городе было посажено 5780 декоративных растений и 57800 кустарников. Было проведено несколько массовых воскресников по очистке и восстановлению дороги на дамбу (6). Водоканал-трест в течение осени 1949 г. провел большую работу по строительству главного коллектора, в результате чего к канализации был подключен ряд новых объектов. В 1950 г. предприятиями городского коммунального хозяйства было освоено 2246 тыс. руб. капиталовложений. Водоканалтрест улучшил свою работу по сравнению с 1949 г. Но, тем не менее, не все улицы имели водопроводные колонки, и людям приходилось

ходить за водой за 3-4 квартала (7). На благоустройство города в 1950 г. было отпущено 1153 тыс. руб., которые были полностью освоены. Была проделана следующая работа по благоустройству города: вымощено дорог 2728 кв. м., устроено новых асфальтовых тротуаров 3070 кв. м. Посажено много деревьев, кустарников, улучшены работы по очистке города. В этом же году Горкомхоз вышел победителем в соцсоревновании среди городов Воронежской области и получил переходящее Красное знамя (8). Стройуправление № 3 треста «Липецкстрой», помимо строительства жилых домов на поселке «Свободный сокол», начало строить для металлургов завода новые дома на территории города по улице Сталина (ныне улица Интернациональная) заложены первые два двухэтажных дома (9).

За 1952 г. значительное внимание уделялось расширению коммунального хозяйства города. За это время было выложено 35000 кв. м дорог с асфальтовым покрытием, 39000 кв. м дорог с каменным покрытием, более 25000 кв. м асфальтовых тротуаров. Большим достижением в развитии коммунального хозяйства Липецка стало началом строительства трамвайной линии на правом берегу. Реконструировали трамвайные пути на Левобережье. На дорожное строительство было затрачено 3750 тыс. руб. Было расширено жилищное строительство по линии Горсовета. В городе была открыта еще одна баня и одна прачечная (10). Нарастало жилищное строительство. В апреле 1953 г. управлением «Жилстрой» было сдано в эксплуатацию 3 жилых двухэтажных дома по ул. М. Расковой общей жилой площадью 1300 кв. м. В квартирах имеются водопровод, паровое отопление, канализация (11). В 1953 г. началось строительство асфальтовой дороги между Тракторным и Новолипецким заводами. Она проходила параллельно трамвайной линии. Был уложен бордюр, щебеночная подушка. Строительство производилось с помощью экскаваторов, бульдозеров, автосамосвалов (12). Эта дорога была жизненно необходима, так как связывала два крупных рабочих поселка. Благоустроивался поселок завода Силикатного кирпича. В 1953 г. были заложены фундаменты новых домов. Начато строительство детского сада на 40 мест, двухэтажного дома-общежития на 100 мест, заложен фундамент двухэтажного женского дома на 8 квартир (13). Менялся Ново-Липецк. На улице имени Фадеева для детей строителей был открыт детский сад. Он рассчитан на 50 детей, к услугам детей имелись ванная, душ, хорошая мебель, много игрушек (14).

Весной 1953 г. в поселке Новолипецкого завода открыт парк. Вечерами там играла музыка, демонстрировались кинофильмы. В парке была оборудована читальня,

довольно часто проводились лекции. На реке была открыта водная станция. На воду было спущено более 30 лодок общего пользования (15). Преображался поселок Сокольский: в 1953 г. рабочие и служащие завода «Свободный Сокол» начали строительство двухсот индивидуальных домов. Более 80 индивидуальных домов начали строиться в заводском поселке. Администрация завода оказывала индивидуальным застройщикам большую помощь материалами и транспортом. Все дома строились на личные сбережения застройщиков. За короткое время на территории заводского поселка выстроились целые улицы (16).

В начале 1950-х гг. в Липецке имелся ряд проблем в сфере коммунального хозяйства. Водоснабжение в городе не было налажено, отдельные участки города не имели нормального водоснабжения (17). Все строительные организации, за исключением треста «Липецкстрой», были подготовлены слабо. Имели в своем штате недостаточное количество квалифицированных специалистов. Не обладают должной материально-технической базой. Чтобы смягчить остроту с жильем, в Липецке было принято решение о развитии индивидуального строительства. В 1954 г. было начато строительство 253 частных домов (18). Однако такие дома строились медленно, на протяжении трех-четырех лет из-за недостатка строительных материалов (19). Уровень благоустройства города оставлял желать лучшего. Отставала от удовлетворения запросов жителей работа водопровода, и городского радиопузла, телефонная связь. С подачей воды допускались систематические перебои. Ряд улиц города, особенно на окраинах не освещались. Радиопузел работает не четко, были такие участки в городе, дома которых не оснащены радиоточками.

В 1954 г. руководители предприятий, таких как Новолипецкий завод, Свободный Сокол, Трубный завод, нефтебаза плохо занимались благоустройством рабочих поселков: освещением, мощением улиц, ремонтом жилищного фонда, озеленением территорий. В городе, могли в любое время суток отключить электроэнергию, в квартирах часто не бывало воды. Нестабильно работало радио (20). В 1955 г. были проведены работы по улучшению благоустройства города: построено дорог и тротуаров – 121 тыс. кв. м тротуаров с асфальтовым покрытием. 25 тыс. кв. м с щебеночным и каменным покрытием. Построено 25,8 км. водопроводной линии, 11,6 км. уличного освещения в центральной и левобережной части города. Вошли в строй две школы (№ 31 и 32) детский сад и ясли. Много справедливых претензий имели граждане к работе автопарка. Автобусы часто выходили на линию с опозданием, расписание движения транспорта не выдерживалось. На остановках создавались

большие очереди, автобусы переполнялись до такой степени, что часто пассажиры не могли выйти на своих остановках. Диспетчерская служба автоколонны не занималась регулированием движения и не принимала никаких мер к положительным изменениям. Работа же автобусного парка не была отлажена. Очень часто нарушалось расписание движения автобусов. Иногда автобусы снимали с линии, и рабочие были вынуждены добираться на работу или домой пешком. Несмотря на высокие темпы жилищного строительства, проблема жилья оставалась в нашем городе самой острой. Большое количество рабочих и служащих городских предприятий ощущали острый недостаток в жилье. Лучше всех эта проблема решалась руководством Тракторного завода, которые в течение двух лет построили и ввели 10000 кв. м жилой площади методом народной стройки. Для сравнения на Радиаторном заводе ежегодно строилось 300-600 кв. м (21).

1957-й г. стал для строительных организаций города годом дальнейшего совершенствования строительного производства, улучшения качества строительных работ, повышения механизации и индустриализации строительстве. На бюро горкома КПСС неоднократно рассматривались вопросы работы строительных организаций. В июле 1957 г. был проведен общегородской партактив, на котором всестороннему обсуждению было подвергнуто культурно-бытовые строительства в нашем городе, и были намечены необходимые меры по его усилению. В результате за 10 месяцев 1957 г. было построено 40 тыс. кв. м жилья, из них 13 тыс. кв. м методом народной стройки. В 1957 г. жители города получили праздничные «подарки»: широкоэкранный кинотеатр («Заря»), новую гостиницу («Советская») на сто номеров, трамвайное сообщение в районе вокзала, и третьего жилищного участка ЛТЗ, более 40 тыс. кв. м асфальтированных дорог и тротуаров. Некоторое развитие в 1957 г. получило и наше коммунальное хозяйство. В городе было уложено 7 км. водопровода, построено 5 трансформаторных подстанций, установлено 270 опор уличного освещения, посажено более 50000 штук деревьев и кустарников, посеяно 14000 кв. м газонов. Значительные работы проведены по реконструкции городских электросетей, канализаций, водопровода и городской бани (22).

В 1954 г. после того, как Липецк стал областным центром, темпы жилищного строительства и развития жилищно-коммунального хозяйства резко возросли. Начался процесс газификации города. Строились новые улицы и районы, ремонтировались и строились дороги, росла сеть водопровода, канализации, а также

электросети. Фактически в рассматриваемое время были заложены основы городского хозяйства современного Липецка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАНИЛО. Ф. 4. Оп.1. Д. 295. Л. 21, 22.
2. Там же. Л. 22-24.
3. Там же. Л. 22-24.
4. Там же.
5. Там же. Д. 333. Л. 111.
6. Там же. Л. 111.
7. Там же. Д. 409. Л. 125.
8. Там же. Л. 126
9. Липецкая коммуна. 12 февраля 1950 г.
10. ГАНИЛО. Ф. 4. Оп.1. Д. 409. Л. 112.
11. Липецкая коммуна. 22 апреля 1953 г.
12. То же. 24 мая 1953 г.
13. То же. 3 июня 1953 г.
14. То же. 5 июня 1953 г.
15. То же. 10 июня 1953 г.
16. То же. 23 июня 1953 г.
17. ГАНИЛО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 449. Л. 33.
18. Там же. Л. 34.
19. Там же. Д. 448. Л. 43.
20. Там же. Д. 543. Л. 66.
21. Там же. Д. 449. Л. 41.
22. Там же. Л. 125, 126; Д. 597. Л. 126.

А.Г. Трубицин

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ В ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ В 1954–1964 гг.

Изучение региональных аспектов аграрной политики Советского государства не мыслимо без исторических источников. Они позволяют увидеть общие тенденции развития сельского хозяйства, а также региональные особенности проведения в жизнь решений партии и правительства по аграрным вопросам. Липецкая область была образована в январе 1954 г. из окраин Воронежской, Орловской, Рязанской и Курской областей. Начальный период ее развития совпадает со временем так называемой «хрущевской оттепели» с ее экспериментами, достижениями и просчетами. В настоящее время исследователям доступен целый пласт документов, хранящихся в ОКУ «Государственном архиве новейшей истории Липецкой области» и ОКУ «Государственном архиве Липецкой области». Изучая региональную аграрную историю (на примере Липецкой области) невозможно обойтись без материалов обкома КПСС. Основ-

ная часть этих документов хранится в ОКУ «Государственном архиве новейшей истории Липецкой области» и охватывает период с 1954 по 1991 гг. В ОКУ «Государственном архиве новейшей истории Липецкой области» есть фонд 34 (фонд Липецкого обкома КПСС), в котором хранятся свыше 16 тыс. ед. хр. (дел). Материалы Липецкого обкома КПСС представляют собой весьма большой пласт информации: стенограммы и материалы партийных конференций (проводились, как правило, 1 раз в 2-3 года), Пленумов обкома (4 раза в год), протоколы и материалы бюро обкома (проводились несколько раз в месяц), совещаний. Эти документы представляют собой весьма содержательные источники по различным направлениям развития Липецкой области. Часть из них была использована при подготовке очерков по истории Липецкой организации КПСС (1). Постепенно эти документы вводятся в научный оборот, используются в современных исторических исследованиях.

Стенограммы и материалы партийных конференций освещают наиболее общие проблемы в развитии региона за конкретный исторический период (2-3 года). К примеру, I Липецкая областная конференция КПСС состоялась 19-20 марта 1954 г. В повестке мероприятия первым вопросом был поставлен вопрос «О задачах областной партийной организации по выполнению постановлений сентябрьского и февральско-мартовского Пленумов ЦК КПСС». Оба Пленума ЦК КПСС были посвящены, в основном, проблемам развития сельского хозяйства. На пленуме ЦК КПСС в сентябре 1953 г. Н.С. Хрущев выступил с докладом, который был проникнут резкостью оценок и реалистичным анализом состояния дел в области аграрных отношений, в частности отмечалось, что в стране потребности населения в продуктах питания не удовлетворяются. Решение Пленума предусматривало уменьшение сельскохозяйственного налога в 2,5 раза, списание недоимок по сельскохозяйственному налогу предыдущих лет, увеличение размеров приусадебных участков колхозников, повышение заготовительных цен на сельскохозяйственную продукцию, расширение возможностей для развития колхозного рынка. Около 20 тысяч партийных работников среднего звена было направлено на село для укрепления руководства отсталых хозяйств. В постановлении февральско-мартовского (1954 г.) пленума ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель» основные положения записки Н.С. Хрущева получили директивный характер. Была поставлена задача: расширить посевы зерновых культур в 1954–1955 гг. за счет освоения новых земель не менее чем на 13 млн гектаров и получить уже в 1955 г. дополнительно 1100-1200 млн пудов зерна» (2).

В постановлении по докладу областной партконференции отмечалось: «Липецкая область располагает богатыми черноземными почвами, мощной сельскохозяйственной техникой, имеет развитую промышленность, большое количество высококвалифицированных кадров. Однако эти возможности используются неудовлетворительно» (3). Первый секретарь обкома КПСС К.П. Жуков в своем докладе на конференции приводил следующие данные: «Разукрупнение областей, создание Липецкой области должно обеспечить коренное улучшение руководства сельским хозяйством со стороны партийных, советских и сельскохозяйственных органов, приблизить эти органы к районам, МТС и колхозам, обеспечить резкое увеличение производства зерна, сахарной свеклы, маслосемян, махорки, картофеля и овощей, значительный рост поголовья скота и повышение продуктивности животноводства. Липецкая область располагает исключительно благоприятными условиями для сельскохозяйственного производства. За 725 колхозами, насчитывающимися в области, закреплено 1596 тысяч черноземных земель, около 71 тысячи гектаров сенокосов и более 97 тысячи гектаров пастбищ. Сравнительно неплохая обеспеченность осадками создает благоприятные условия для получения высоких урожаев озимых, яровых хлебов и пропашных культур. Колхозы нашей области имеют все предпосылки к тому, чтобы благоприятные природные условия были полностью использованы для получения высоких и устойчивых урожаев всех сельскохозяйственных культур и мощного подъема продуктивного животноводства. Колхозы обслуживают 79 машинно-тракторных станций, которые оснащены многочисленной и первоклассной техникой. В МТС области насчитывается свыше 6 тысяч тракторов, 2600 комбайнов, большое количество разнообразных прицепных сельскохозяйственных машин и орудий. В машинно-тракторных станциях работает 1228 специалистов сельского хозяйства: агрономов, зоотехников и ветеринарных работников, призванных вести борьбу за подъем культуры земледелия и животноводства в колхозах» (4).

В постановлении конференции обкома, в соответствии с решениями Пленума ЦК КПСС, говорилось о существенных проблемах в развитии сельского хозяйства Липецкой области: «В ряде районов области в результате непродуманного, шаблонного применения травопольной системы, необоснованного расширения посевов многолетних трав сократились посевы пшеницы, ржи и других зерновых культур. В большинстве колхозов урожайность зерновых и технических культур, картофеля и овощей продолжает оставаться крайне низкой, не выполняется план развития животноводства и повышения его продуктивности. Низкая урожайность сельскохозяйст-

венных культур объясняется прежде всего грубым нарушением агротехники: значительная часть посевов размещается по весновспашке, местные и минеральные удобрения под зерновые культуры применяются в крайне незначительных размерах, сортовые посевы внедряются медленно...» (5).

На конференции шло детальное рассмотрение состояния сельского хозяйства. То, что сельское хозяйство в Липецкой области было приоритетной отраслью, косвенно свидетельствует такой факт: из 119 листов доклада К.П. Жукова, 76 – посвящено сельскому хозяйству, и только 60 – промышленности, т.е. 65% всего выступления. В числе приоритетных задач отрасли стояла задача повышения урожайности зерновых культур. Руководитель области считал совершенно неправильным, когда низкая урожайность зерновых культур объяснялась неблагоприятными климатическими условиями. По его мнению, главным условием получения урожая является уровень организации производства. На партийной конференции рассматривали не только состояние зернового хозяйства, но и проблемы животноводства. «План развития животноводства в области по крупному рогатому скоту выполнен только на 66 %, по свиньям – на 49 %, овцам – на 84 % и по птице – на 43 %. Особенно неудовлетворительно обстоит дело с выполнением плана развития животноводства в колхозах Чибисовского, Елецкого, Измалковского, Колыбельского, Боринского и ряда других районов. В структуре стада низкий процент занимает поголовье коров» (6). Областная партийная организация вину за развитие животноводства возложила на местные райкомы и райисполкомы партии, которые неэффективно руководили делом развития общественного животноводства. Среди крупных недостатков в развитии животноводства обком партии видел в низкой механизации трудоемких процессов. Неудовлетворительную оценку партийное руководство области давало и МТС.

Стенограммы и материалы Пленумов обкома содержат оперативную информацию по развитию региона. Подготовка весеннего сева, уборка зерновых, подготовка кормов и семян, работа МТС и партийных организаций в деле увеличения сельскохозяйственного производства и др. нередко становились предметом обсуждения на пленумах. К примеру, в середине 1950-х гг. почти все пленумы Липецкого обкома КПСС были посвящены развитию сельского хозяйства. С середины 50-х гг. еженедельно проводились заседания бюро обкома КПСС. Протоколы бюро позволяют увидеть оперативную информацию практически по неделям. Особо ценными являются материалы к заседаниям. Многостраничные документы в виде докладов, справок позволяют глубже увидеть проблемы по самым разным направлениям развития региона. К

примеру, только в 1954 г. было проведено более 50 заседаний бюро. Кроме того, в архивном фонде хранятся материалы совещаний с руководителями райкомов, МТС, другими специалистами и руководителями предприятий, колхозов и совхозов. К примеру, 22 октября 1954 г. состоялось собрание областного партийного актива Липецкой области, на котором был заслушан доклад председателя Липецкого облисполкома И.С. Пашкина. Эти документы также представляют интерес для исследователей аграрной истории, так как в них рассматривается состояние сельского хозяйства. В своем докладе председатель облисполкома анализирует развитие животноводства в колхозах и совхозах региона, указывает на недостатки, приводит конкретные данные по выполнению государственного плана.

В Государственном архиве Липецкой области также имеются разнообразные источники по изучению региональной аграрной истории. Так, в фонде Р-408 представлены материалы Липецкого областного Совета народных депутатов и его исполнительного комитета. Фонд включает себя 5988 ед. хр. за 1954–1994 гг. Представляют большой научный интерес совместные постановления обкома КПСС и облисполкома, решения облисполкома. Весьма содержательными являются протоколы и решения заседаний президиума Совета, документы областных совещаний председателей исполкомов сельских Советов. Кроме того, в этом фонде хранятся планы развития местного хозяйства Липецкой области (1955, 1960, 1962 гг.) (7). В архиве сохранились (иногда фрагментарно) материалы районных и городских сельских Советов и их исполкомов, материалы сельских советов. Они позволяют проследить аспекты аграрной политики региона на уровне ее муниципалитетов.

В том же архиве есть и фонд Р-584 Управления сельского хозяйства исполнительного комитета Липецкой областного Совета народных депутатов, в котором собраны 2285 ед. хр. за период с 1954 по 1985 гг. Наиболее интересными для исследователя являются постановления и протоколы заседаний коллегии управления, документы о работе областного и районных Советов колхозов, разработке и установлении специализации колхозов, сводные планы развития сельского хозяйства, агрономические отчеты и др. Более 20 тыс. ед. хр. приходится на районные органы управления сельским хозяйством. Кроме того, архив обладает крупным фондом местной периодической печати. В подшивках областной газеты «Ленинское знамя» и районных газет находится официальная информация по развитию сельскохозяйственного производства, репортажи и новости «с полей», о передовиках производства, официальные статистические данные по количеству собранного урожая. В этом смысле печатные

издания представляют интерес для сравнительного анализа архивных документов и официальной периодики.

Таким образом, богатейшие материалы архивов Липецкой области позволяют детально изучать региональные аспекты аграрной политики Советского государства, в том числе и в период с 1954 по 1964 гг. Эти документы необходимо вводить в научный оборот, так как они как исторические источники дают возможность для анализа состояния сельского хозяйства Липецкой области, а через его призму и аграрную историю Центрального Черноземья.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Очерки истории Липецкой организации КПСС / Ю.Д. Мещерин, Н.С. Перельгин, Л.Н. Драбкин и др.: Научн. ред. А.В. Лосев. Воронеж, 1982.
2. Томилин В.Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М., 2009. С. 124.
3. ГАНИЛО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.
4. Там же. Л. 6-7.
5. Там же. Л. 10.
6. Там же. Л. 11.
7. Государственный архив Липецкой области: Путеводитель. Липецк, 2013. С. 87.

Е.Е. Темникова

ЦЕЛИННАЯ КАМПАНИЯ Н.С. ХРУЩЕВА: ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Кампания по освоению целинных и залежных земель в 1950-е гг. традиционно вызывает значительный интерес у исследователей. Вводятся в научный оборот архивные документы, появляются новые оценки, уточняются традиционные позиции. В постсоветской историографии все больше распространяется критический подход к осмыслению данной реформы. Современные историки-аграрники по-разному оценивают мотивы, роль, а также значение освоения целины. Позиции исследователей расходятся в вопросах экономической эффективности и целесообразности проведения целинной кампании.

Академик А.А. Никонов, рассматривая аграрную политику советского государства, отмечал высокий уровень целинной кампании. Автор придерживается точки зрения о прогрессивном и конструктивном характере сельскохозяйственных реформ Н.С. Хрущева. Историк уверен, что освоение целинных земель не было ошибкой, так как была создана зерновая база, огромные пространства стали включаться в хозяйственный оборот. Новые районы стали осваиваться и заселяться (1). Подобного мнения

придерживается И.Е. Зеленин, который отмечает, что освоение целины способствовало развитию восточных регионов страны: «В степи возникли крупные совхозы, благоустроенные поселки, научные и учебные учреждения, протянулись железные и шоссейные дороги, линии электропередач» (2). Автор обращает внимание на недостатки в руководстве целинным проектом, которые, в свою очередь, и не позволили достичь более стабильных результатов в освоении новых земель. Историк В.А. Шестаков, отмечает, что при решении сельскохозяйственных проблем Н.С. Хрущев «...больше доверял своей интуиции и здравому смыслу...» (3), тем самым кардинально отличаясь от сталинских наследников. Мотивом для развертывания целинного проекта, по мнению Шестакова, послужили ряд обстоятельств, главным из которых являлась развертывавшаяся гонка вооружений, которая, в свою очередь, требовала создания стратегических резервов продовольствия, как минимум, на год. Историк отмечает, что выбор в пользу целины был сделан не столько в силу желания освоить новые земли, сколько из-за невозможности вести хозяйство по-новому. Особое внимание привлекает позиция В.В. Наухацкого, который в своих работах указывает на то, что «...освоение целинных и залежных земель позволило нарастить производство зерна в стране, что следует признать несомненным достижением аграрной политики 1950-х гг...» (4). Автор отмечает, что благодаря данной кампании производство зерна, несмотря на колебания, продолжало расти. По мнению Наухацкого, целинная эпопея не только не тормозила процесс интенсификации в области сельского хозяйства, но и подготовила почву для его дальнейшего развития. Благодаря созданной в период освоения новых земель материальной базы, удалось начать реализацию курса интенсификации. По словам О.М. Вербицкой, аграрная сфера данного периода постоянно подвергалась экспериментам, которые были направлены на решение зерновой проблемы. Автор уверен, что освоение целинных и залежных земель подвергается критике незаслуженно, так как постоянно происходит афиширование негативных последствий, тогда как эффективность политики, пусть и кратковременная, замалчивается. О.М. Вербицкая считает, что «...воплощение этого (целинного. – *Е.Т.*) замысла на определенном этапе было вполне успешным, но, как часто бывало в российской истории, успех оказался недолгим и к тому же не бесспорным» (5).

Определенная часть исследователей рассматривает целинную эпопею в контексте всей аграрной истории 1950-х гг. Благодаря такому подходу удастся проследить влияние политики освоения целинных и залежных земель на сельское хозяйство традиционных земледельческих районов. Так, С.Н. Андреев отмечает, что вовлечение

в сельхозоборот новых земель способствовало росту валовых сборов зерна. Но из-за нехватки складов и элеваторов тысячи тонн хлеба оставались на полях, хранились в непригодных помещениях, а порой вообще под открытым небом. В связи с этим зерно становилось непригодным для потребления в пищу или на экспорт. К тому же «нехватка трудовых и технических резервов приводила к выводу из сельхозоборота значительной части пахотных угодий» (6). Автор отмечает, что советскому государству так и не удалось создать в районах освоения целины эффективно функционирующую производственную и социальную инфраструктуру из-за чего на рубеже 1950-х – 1960-х гг. урожайность снизилась. В итоге, по мнению Адреевского, целинная кампания не достигла своих целей, так как окончательно зерновая проблема не была решена (7).

Подобного мнения придерживается и В.Н. Томилин. В своей работе он отмечает, что кампания по освоению целинных и залежных земель в значительной степени блокировала развитие сельского хозяйства центральных районов страны (8). Автор также обращает внимание на некоторые успехи целинной эпопеи, но в отрыве от остальных сельскохозяйственных районов страны. Если рассматривать данную реформу как составную часть аграрной политики советского государства, то оказывается, что неудачи Н.С. Хрущев выдавал за достижения. Несомненно, освоение целины дало существенную прибавку зерна, но при этом ускорилось запустение центральных районов России, и прежде всего, Нечерноземья. Особое внимание В.Н. Томилин обращает на то, что «введение в хозяйственный оборот десятков миллионов гектаров целинных и залежных земель привело не только к перераспределению сельскохозяйственной техники в новые районы, но и к понижению общего уровня технической оснащенности... старопахотных районов» (9). Из-за нехватки зерноуборочной техники потери хлеба на полях приобретали огромные размеры. Таким образом, происходило обесценивание труда колхозников и механизаторов МТС.

При изучении историографии целинной кампании представляется важным осветить позицию казахских историков. Так, монография Ж.Б. Абылхожина «Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век». В рамках отдельной главы автор воссоздает относительно полную картину освоения целины, указывая на экономическую нецелесообразность, нерациональность и социальную неэффективность данной кампании. Негативные последствия целинной эпопеи в своей статье отмечает и З.Г. Сактаганова, которая указывает на волонтаризм и экономические просчеты со стороны партийного руководства (10). В целом, в постсоветской казахской научной

литературе освоению целинных и залежных земель дается отрицательная оценка. Исследователи сходятся во мнении, что в связи с данной кампанией происходило игнорирование интересов коренного населения, что привело к утрате национальных корней, русификации части коренного населения. Сам процесс освоения земель в республике, по мнению казахских историков, стал очередным этапом в проведении авторитарной, колонизаторской политики России по отношению к территории Казахстана XVIII–XX вв. (11).

Таким образом, изучив оценки политики освоения целинных и залежных земель в современной историографии, мы пришли к выводу, что все больше работ содержат попытки переосмысления целинной эпопеи. Все чаще ставятся вопросы о целесообразности данной политики, а также обращается внимание на ухудшение положения сельского хозяйства в период массового освоения новых земель, поскольку именно в целинные районы отправлялись огромные трудовые ресурсы и основная часть сельскохозяйственной техники.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М., 1995.
2. Зеленин И.Е. Целинная эпопея: разработка, принятие и осуществление первой хрущевской «сверхпрограммы» (сентябрь 1953 – начало 60-х гг.) // ОИ. 1998. № 4. С. 121.
3. Шестаков В.А. Политика Н.С. Хрущева в аграрной сфере: преемственность и новации // ОИ. 2006. № 6. С. 113.
4. Наухацкий В.В. Начало целинной кампании в СССР: планы 1954 года, результаты // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2017. № 3 (94). С. 60-64.
5. Вербицкая О.М. Целинный проект Н.С. Хрущева: взгляд из XXI в. [Электр. ресурс] // URL: <https://rus-istoria.ru/component/k2/item/1486-tselinnyy-proekt-n-s-hruscheva-vzglyad-iz-xxi-v> (дата обр.: 4 октября 2020 г.).
6. Андреенков С.Н. «Целинный проект» 1954 года: предпосылки, разработка и реализация в Сибири // Исторический ежегодник. 2011. Вып. 5. С. 102.
7. Андреенков С.Н. «Целинный проект» и развитие зернового хозяйства Западной Сибири в середине 1950-х – начале 1960-х годов // Исторический ежегодник. 2007. С. 130.
8. Томилин В.Н. Сельское хозяйство Черноземного центра России в период хрущевской целинной кампании // Запад и Восток: История и перспективы развития. Сборник статей 30-й Юбилейной Международной научно-практической конференции, 18-19 апреля 2019 г. Рязань, 2019. С. 72-78.
9. Томилин В.Н. Кампания по освоению целинных и залежных земель в 1954–1959 гг. // ВИ. 2009. № 9. С. 86.
10. Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы, 1997; Сактаганова З.Г. Целинная кампания как один из основных компонентов «нового курса» Н.С. Хрущева: особенности реализации // Вестник науки Казахского аграрного университета им. С. Сейфулина. 2004. № 4. Т. 4. С. 246-251.
11. Орынбаева Г.Н. К истории освоения целинных и залежных земель в Казахстане: проблемы и подходы. URL: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/801> (дата обр.: 4 октября 2020 г.).

АГРАРНАЯ РЕФОРМА 1958 Г. В СССР: ПЕРВЫЕ ИТОГИ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-09-00386/20*

Становление и развитие колхозного строя в СССР неразрывно связано с укреплением машинно-тракторных станций (МТС). Эти процессы развиваются во взаимодействии. В результате проведения массовой коллективизации в основных зернопроизводящих районах страны в 1929–1932 гг. было организовано свыше 200 тыс. сельскохозяйственных артелей, они объединяли более 60 % крестьянских хозяйств и ок. 75 % крестьянских посевных площадей. За тот же период было создано 5 тыс. совхозов. В совокупности колхозы и совхозы охватывали ок. 80 % всех посевных площадей в СССР, причем за это время произошло расширение посевных площадей на 21 млн. га (1). Создание огромного количества маломощных сельскохозяйственных артелей с очень слабой материально-технической базой ставило перед правительством вопрос об организации колхозного производства и подведении под него машинной базы. Параллельно с форсированным созданием колхозного строя происходит быстрое расширение сети МТС. До конца 1932 г. их численность по СССР увеличилась до 2446, а их тракторный парк составил 74,8 тыс. машин (2). В аграрной политике советского правительства машинно-тракторным станциям отводилась исключительно важная роль: они должны были стать проводником государственной политики в деревне и одновременно привнести организующее начало в колхозное производство. При таких обстоятельствах происходит постепенное выстраивание производственной системы «МТС – колхозы».

К концу 1930-х гг. окончательно сложилась производственная структура МТС. В 1940 г. в целом по СССР действовали 7069 МТС, из них 4532 – в Российской Федерации, в том числе 559 – в Центральном Черноземье (3). В главных земледельческих центрах страны МТС обслуживали почти все колхозы. Таким образом, в 1930-е годы произошло становление производственной системы «колхозы – МТС». Колхозная система, как справедливо отмечает В.П. Попов, позволяла государству наладить постоянный и бесперебойный механизм перекачки ресурсов из деревни, бесконтрольно использовать по собственному усмотрению невиданные материальные богатства (4). МТС являлись системообразующей структурой колхозного производства, в них была сосредоточена основная часть машинно-тракторного парка, они осуществляли агро-

техническое обслуживание и определяли уровень механизации основных сельскохозяйственных работ в колхозах, служили важнейшим проводником аграрной политики советского государства, являлись организатором колхозного производства. Посредством МТС были созданы необходимые материально-технические предпосылки функционирования колхозного строя.

Великая Отечественная война нанесла огромный ущерб сельскому хозяйству страны, подорвала его материально-техническую базу. Основную часть техники машинно-тракторные станции, колхозы и совхозы передали действующей армии. Из села были изъяты практически все гусеничные тракторы, 75% автомобилей, 60% рабочих лошадей (5). Оставшаяся техника работала на полях на износ, резко сократился, а в иных случаях и вовсе прекратился, выпуск запасных частей. Положение в деревне усугублялось еще одним обстоятельством: произошло значительное сокращение численности трудоспособного населения. В колхозах к началу 1945 г. количество трудоспособных уменьшилось на 13471,5 тыс. чел., или на 38% по сравнению с довоенным временем. В армию было призвано до 90 % механизаторских кадров. Большой урон производительным силам сельского хозяйства нанесли захватчики: они вывезли в Германию или уничтожили 139 тыс. тракторов, 49 тыс. комбайнов, около 4 млн. плугов, борон и других почвообрабатывающих орудий, 265 тыс. посевных и посадочных машин, 885 тыс. уборочных и сортировочных машин и механизмов (6). Материально-техническая база сельского хозяйства в годы войны была сильно подорвана: в 1945 г. тракторный парк составлял 72 % от уровня 1940 г., парк комбайнов – 81 % (7). Вследствие резкого сокращения количества тракторов соответственно снизился уровень механизации сельского хозяйства. На сельскохозяйственных работах колхозы были вынуждены широко использовать живое тягло: лошадей, волов и даже коров (8). В послевоенные годы роль МТС была доведена до абсолюта. Фактически государство переложило на МТС все функции по организации и управлению колхозным производством, в том числе и не свойственные им вопросы ветеринарии и зоотехники. Это была безмерная нагрузка на МТС. В них находилась основная часть тракторов, комбайнов и другой сельскохозяйственной техники, работавшей на колхозных полях.

После кончины И.В. Сталина в аграрной политике советского государства происходят серьезные перемены, суть их заключается в осознании непомерности масштабов изъятия ресурсов из сельского хозяйства. Осенью 1953 г. были приняты меры по снижению налогового бремени колхозов и сельского населения, повышены заготовительные и закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию. Но при этом не-

изменным оставалось понимание сути взаимоотношений государства и колхозов, ведущей роли МТС в колхозном производстве. Сентябрьский (1953 г.) пленум ЦК КПСС провозгласил курс на интенсификацию сельского хозяйства, политические решения подкреплялись значительными материальными и финансовыми ресурсами. Для того чтобы повысить эффективность сельскохозяйственного производства в новых экономических условиях требовалось время. Однако Н.С. Хрущев, ставший в сентябре 1953 г. Первым секретарем ЦК партии, хотел немедленных успехов. Под его давлением принимаются законы и постановления в аграрной сфере, которые шли вразрез с решениями сентябрьского пленума и, в определенной степени, блокировали их. В первую очередь, это относится к грандиозной программе освоения целинных и залежных земель на востоке страны.

Аграрная политика партии, выработанная на сентябрьском пленуме ЦК КПСС, подвергается очень сильной корректировке сразу же после ее принятия. В первую очередь это касается старых земледельческих районов страны, которые стали значительно хуже обеспечиваться сельскохозяйственной техникой даже в сравнении с несколькими годами, предшествовавшими сентябрьскому пленуму. В то же время Хрущев абсолютизировал роль МТС в развитии сельского хозяйства: «...Машинно-тракторная станция должна быть нашей крепостью, – подчеркивал он. – МТС и колхозы являются основными создателями материальных ценностей в сельском хозяйстве» (9). Знаковым событием периода «оттепели» стал XX съезд КПСС (1956 г.). Это был первый съезд партии, на котором Хрущев выступал в качестве безусловного лидера. В отчетном докладе ЦК КПСС съезду он уделил немало места перечислению успехов в экономике, в том числе в сельском хозяйстве. Особую гордость у него вызывали результаты освоения целины: за два года по всей стране было распахано 33 млн. га целинных и залежных земель. В районы освоения целины направлено более 200 тыс. тракторов (в 15-кратном исчислении), тысячи других машин и орудий. На освоение целины выехало 350 тыс. чел. (10). В итоге, Хрущев делает вывод о том, «что курс, взятый партией на освоение новых земель, является правильным. Он обеспечивает в наиболее короткий срок значительный рост производства зерна при наименьшей затрате сил и средств» (11).

Разумеется, в отчетном докладе не сообщается о том, что из-за недостатка материально-технических ресурсов перестали обрабатываться огромные площади старопашотных земель. Несмотря на то, что в Российской Федерации за 1954–1956 гг. было распахано 14,9 млн га целинных и залежных земель, площадь пашни в обработке уве-

личилась лишь на 11,4 млн га (с 120,3 млн. га до 131,7 млн). Это означает, что наряду с освоением новых земель было выведено из обработки 3,5 млн. гектаров пашни (12). В среднегодовом исчислении посевы зерновых культур в целом по СССР увеличились только на 16,6 млн га в первое десятилетие целинной эпопеи. Не оправдались надежды на высокие целинные урожаи. Средняя урожайность зерновых в Казахстане составила в 1954–1958 гг. 7,3 центнера с гектара. При таком положении дел, подсчитал И.В. Русинов, прирост урожайности в стране примерно на 1 ц с гектара был фактически равен по своему результату освоению целины (13). И.А. Бенедиктов, занимавший во второй половине 1940-х – 1950-х гг. посты министра сельского хозяйства в союзном и российском правительствах, будучи в отставке, называет программу освоения целины стратегическим просчетом Хрущева (14).

Главной заботой руководства страны в первое пятилетие хрущевского политического лидерства оставалась целина. Введение в хозяйственный оборот десятков миллионов гектаров целинных и залежных земель привело не только к перераспределению сельскохозяйственной техники в новые районы, но и к понижению общего уровня технической оснащенности сельского хозяйства в целом по стране. Износ техники, ее списание не покрывались поставками новых машин и агрегатов. Особенно недоставало зерноуборочной техники. Если рассматривать районы освоения целинных и залежных земель в отрыве от остальных земледельческих регионов СССР, то можно говорить об определенных успехах. Но целинная эпопея – это составная часть аграрной политики советского государства. Поэтому ее оценивать следует с точки зрения положения дел в аграрном секторе народного хозяйства страны в целом. При таком подходе оказывается все иначе: неудачи аграрной политики Хрущев выдавал за достижения. На целину шли материально-технические и людские ресурсы, отвлеченные от традиционных районов земледелия. Только в 1954–1958 гг. на освоение целинных и залежных земель государство израсходовало 30,7 млрд руб., или 31,6 % всех средств, направленных в сельское хозяйство страны (15). Освоение целинных и залежных земель дало существенную прибавку зерна, но при этом катастрофически ускорило запустение центральных районов России, прежде всего Нечерноземья (16).

22 мая 1957 г. на совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик северо-запада РСФСР Н.С. Хрущев делает сенсационное заявление. Он призывает в ближайшие годы догнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, масла и молока на душу населения. Н.С. Хрущев считал возможным уже в 1960 г. увеличить в 3,5 раза производство мяса и догнать США в расчете на

душу населения (17). На фоне призывов «догнать и обогнать Америку» в аппарате ЦК КПСС и Совета Министров СССР разворачивается работа по вопросу реорганизации МТС, инициированная Хрущевым. 22 января 1958 г. он же выступил с пространной речью на совещании передовиков сельского хозяйства Белорусской ССР, в которой был поднят вопрос о МТС. В итоге следует вывод: «Существует два хозяина на одной земле – колхозы и МТС. А там, где два хозяина, не может быть хорошего порядка». Хрущев предлагает продавать колхозам «тракторы, культиваторы, сеялки, почвообрабатывающие орудия. На МТС возложить централизованный ремонт, а также продажу запасных частей и машин, превратить МТС в ремонтные станции. При этом колхозы должны взять на себя полную стоимость машин и содержание технического персонала» (18). 25 февраля 1958 г. был созван пленум ЦК КПСС по вопросу реорганизации МТС. На обсуждение вопроса, который радикально менял жизнь колхозной деревни и затрагивал миллионы людей, отвели всего два дня. Доклад Хрущева «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» был одобрен. Предложения президиума ЦК КПСС, от имени которого выступал Хрущев, признавались «правильными и своевременными», направленными «на выполнение решений XX съезда партии по вопросам сельского хозяйства» (19). Верховный Совет СССР в марте 1958 г. принял «Закон о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» (20). Закон подвел черту под тридцатилетнюю историю МТС. Реорганизация МТС завершилась к началу 1959 г. Колхозами было куплено тракторов, машин и оборудования на сумму 32 млрд. руб. (21).

МТС, как государственные предприятия, сыграли чрезвычайно важную роль в становлении крупного общественного колхозного производства. Они стали непременным условием функционирования колхозной системы, посредством МТС достигалось включение колхозов в государственную систему планирования и управления. Таким образом, тракторы, сельскохозяйственные машины и почвообрабатывающие орудия переходили в собственность колхозов, которые теперь должны были решать сложные задачи по организации использования техники и поддержания ее в рабочем состоянии. Своей производственной инфраструктуры по техническому обслуживанию и ремонту сельскохозяйственных машин и орудий колхозы не имели, именно для выполнения этой задачи создавались ремонтно-технические станции (РТС).

В партийно-правительственном постановлении «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» от 18 апреля 1958 г.

основное внимание уделяется выстраиванию новой производственной инфраструктуры колхозов в изменившихся условиях. Формируемые РТС наследовали от своих предшественников МТС многие функции. Это не только задачи ремонта тракторов, сельскохозяйственных машин и орудий, принадлежащих колхозам. В дополнение на РТС возлагались обязанности по обслуживанию и ремонту техники совхозов и других сельскохозяйственных предприятий и организаций. Разработчики аграрной реформы 1958 г. прописали в Законе ответственность РТС за оказание колхозам помощи при использовании машинно-тракторного парка, проведении мелиоративных, ирригационных, планировочных и дорожных работ, выполнении работ по механизации и электрификации трудоемких процессов в животноводстве, перевозке грузов, организации материально-технического снабжения и мн. др. (22).

В основных земледельческих районах страны реорганизация МТС была проведена в 1958–1959 гг. (23), а к началу 1960-х гг. их не осталось вовсе. На первый взгляд, произошли «фасадные» изменения: на конторских зданиях появились новые вывески, но при этом сохранились руководящие кадры, инженерно-технические специалисты, рабочие ремонтники, водители, обслуживающий персонал. В действительности, это была радикальная аграрная реформа, выведившая взаимоотношения колхозов и РТС на качественно иной, в сравнении с МТС, уровень. Самая большая новация реформы заключается в том, что РТС теперь не были центральным звеном производственной системы, в которой колхозы являлись структурными элементами, деятельность РТС должна была осуществляться на основе хозяйственного расчета, а ответственность за урожай полностью ложилась на колхозы. В предшествующий период деятельность колхозов находилась в рамках производственной системы «МТС – колхозы», в которой системообразующей структурой выступали государственные МТС, определявшие весь порядок сельскохозяйственных работ – от планирования вплоть до уборки урожая и выполнения плана хлебозаготовок (24). Теперь ситуация менялась в корне: колхозы освобождались от опеки МТС и должны были хозяйствовать самостоятельно. Следует обратить особое внимание на тот факт, что реализация реформы носила единовременный характер. Во-первых, не был предусмотрен подготовительный переходный период, во-вторых, она не была растянута во времени. Идеологи реформы надеялись на эффект стимулирования роста аграрного производства в результате соединения сельхозпроизводителя со средствами производства.

В результате ее проведения реформа 1958 г. радикально менялась жизнь колхозной деревни. Теперь вся полнота ответственности за проведение всего комплекса

сельскохозяйственных работ возлагалась на колхозы. В то же время в партийно-правительственных документах присутствуют и тревожные нотки по поводу внедрения реформы. Речь идет о возрастании роли и ответственности местных партийных и советских организаций в руководстве сельским хозяйством. В связи с этим были внесены изменения в структуру исполкомов районных Советов депутатов трудящихся. В их составе создавались районные инспекции по сельскому хозяйству. Начальник районной инспекции наделялся высоким статусом заместителя председателя райисполкома (25). На районные инспекции возлагались задачи пропаганды и внедрения передового опыта и научных достижений в сельскохозяйственное производство, организации семеноводства и племенного дела, землеустройства и государственного учета земель, ветеринарной службы, надзора за проведением мероприятий по борьбе с вредителями и болезнями растений, оказании помощи колхозам в налаживании бухгалтерского учета и отчетности (26). В условиях новой экономической реальности рубежа 1950-х – 1960-х гг. колхозам приходилось перестраивать свою работу. Многие вопросы, находившиеся ранее в зоне взаимной с МТС ответственности, теперь надо было решать самостоятельно. Прежде всего – реализация всего комплекса задач по эффективному использованию приобретенной сельскохозяйственной техники. Это не только вопросы технические – обеспечение бесперебойной работы машин и орудий: их обслуживание, профилактика и ремонт, доставка и хранение горюче-смазочных материалов, но и социальные — организация и оплата труда механизаторов, их питание, отдых и т.д. Следует обратить внимание на тот факт, что даже в условиях деятельности государственных сельскохозяйственных предприятий, какими являлись МТС, проблема механизаторских кадров не была окончательно решена, а теперь она еще более обострилась. Далеко не все механизаторы МТС согласились перейти на работу в колхозы. В информационной записке, подготовленной к заседанию бюро Липецкого обкома КПСС, показана обеспеченность колхозов трактористами и комбайнерами. В частности, на начало 1960 г. в колхозах области требовалось 4265 трактористов и 2034 комбайнеров, а имелось – соответственно 3785 и 1684, т.е. для полного укомплектования механизаторами в хозяйствах недоставало 480 трактористов и 356 комбайнеров (27). В последующие годы положение с механизаторскими кадрами в колхозах только усугубилось. В 1963 г. нехватка их уже составляла 1732 тракториста (28).

Изучение результатов работы колхозов в первый период проведения реформы 1958 г. показывает большие трудности в выстраивании новой модели производствен-

ных отношений в аграрном секторе экономики. Многие колхозы Липецкой области оказались не в состоянии вести самостоятельную хозяйственную деятельность. Одной из мер, направленных на «реанимацию» экономически несостоятельных колхозов, стало их укрупнение. На практике это означало объединение слабых хозяйств с «сильными», при этом объединялись и их долги. По такому пути пошли многие регионы страны, в том числе и Липецкая область. В ней на 1 января 1959 г. насчитывалось 400 колхозов. За год их количество сократилось до 271, в том числе 119 колхозов укрупнилось и 10 были преобразованы в совхозы (29). Реорганизация МТС поставила колхозы в более жесткие экономические условия, которым многие из них не соответствовали. Для органов власти на местах было очень важно привлечь дополнительные финансовые ресурсы государства для развития сельского хозяйства. Одним из таких мероприятий стало преобразование колхозов в совхозы и расширение землепользования совхозов за счет присоединения колхозов. Только в 1958 г. Бюро ЦК КПСС по РСФСР рассмотрело предложение Совета Министров РСФСР об организации 51 нового совхоза и расширении землепользования 364 совхозов за счет земель 871 колхоза. Государственные возможности не позволили удовлетворить запросы регионов.

Укрупнение колхозов в Липецкой области кардинально их положение не улучшило. По поводу бедственного положения, в котором пребывала большая часть липецких колхозов, руководство области обратилось в Бюро ЦК КПСС по РСФСР: «...Денежные доходы их (колхозов. – *В.Т.*) не покрывают для необходимых для хозяйств расходов, колхозникам мало выдают на трудодни денег и продуктов, ...значительная часть колхозников, механизаторов, в первую очередь молодежь, уходит из колхозов» (30). Выход из создавшегося положения липецкие власти видели в том, чтобы «прирезать к существующим совхозам 271 тыс. га земельной площади 46 экономически слабых колхозов». Кроме того, предлагалось еще организовать 23 новых совхоза на базе бывших усадеб МТС, отделений РТС и реорганизовать с расширением землепользования два отделения совхозов в самостоятельные совхозы на площади 511,4 тыс. га 80 экономически слабых колхозов». Цена вопроса – 282, 7 млн руб. Столько денег требовалось для погашения долгов колхозов по ссудам банков, колхозникам и другим кредиторам. При этом собственно долги колхозникам и трактористам составили 17,6 млн руб. (31). Таким образом, в среднем долг «экономически слабого колхоза» превысил колоссальную по тому времени сумму, превышающую 2,24 млн руб. Это свидетельство сущего разорения значительной части колхозов в результате осуществления реформы 1958 г. Самостоятельно выбраться из такого поло-

жения хозяйства не могли. Просьба руководства Липецкой области правительством была удовлетворена: по постановлению Совета Министров СССР от 28 января 1961 г. разрешало преобразовать 121 колхоз в совхозы (32). Таким путем государство решало проблему колхозных долгов и направляло дополнительные финансовые ресурсы на развитие сельского хозяйства.

В аграрной науке до сих пор не потерял актуальность вопрос о цене реформы 1958 г. и ее влиянии на колхозную экономику. В советской историографии доминировало положение, согласно которому МТС выполнили свою историческую миссию и реформа 1958 г. оказала положительное влияние на развитие колхозного строя (33). Современные историки-аграрники рассматривают более критично последствия реформы 1958 г., указывают на то обстоятельство, что в итоге многие колхозы были поставлены на грань банкротства (34). Некоторые из современных ученых-экономистов до сих пор придерживаются той точки зрения, что негативные последствия реорганизация МТС и продажи техники колхозам историками сильно преувеличены. В частности, критикуя диссертационную работу В.Н. Томилина (35), доктор экономических наук Д.Б. Эпштейн пишет: расходы колхозов на выкуп техники «никак не могли разорить сколько-нибудь значительное количество колхозов. Тем более, при доступности долгосрочности кредита, которым колхозы успешно пользовались». Вопрос о разорении колхозов продажей техники МТС ученый называет мифом (36). Умозаключение Эпштейна строится на оперировании данными опубликованных статистических сборников по народному хозяйству страны. Однако подобные сборники составлялись таким причудливым образом, что по ряду позиций в них невозможно найти конкретный показатель, поэтому исследователю приходится строить дополнительные расчеты. Архивохранилища в данном случае исследователем задействованы не были. Отсюда легкость суждений и выводов. Ставшие доступными для исследователей партийно-правительственные документы центральных и местных архивов дают возможность сделать более обоснованные выводы по сути проблемы.

Первые итоги работы колхозов в новых экономических условиях, подведенные в Российской Федерации, показали наличие большого числа «экономически слабых колхозов». К таковым отнесены были колхозы, чьи доходы от производственной деятельности не покрывали расходов. На основании сведений, представленными облисполкомами, крайисполкомами и Советами Министров 55 областей, краев и автономных республик, Совет Министров РСФСР доложил Бюро ЦК КПСС по РСФСР о том, что по итогам производственной деятельности в 1958 г. в республике 8505 «экономически

слабых колхозов», что составило 25,5 % их численности (37). Облисполкомы и Советы Министров 22 областей и автономных республик обратились с просьбой к правительству преобразовать 1465 экономически слабых колхоза в совхозы. Была просчитана примерная цена данного мероприятия – свыше 1 млрд руб. Эти деньги должны были пойти на покрытие долгов указанных колхозов, а также на капитальные вложения и увеличение оборотных средств совхозов. Одновременно местные органы власти просили списать долги колхозов на сумму 875,9 млн руб., отсрочить выплату задолженности Госбанку СССР и Сельхозбанку СССР на 3-5 лет в сумме 1135,9 млн руб., а также списать натуральную задолженность по семенной и фуражной ссуде в количестве 344,8 тыс. т зерна (38). Как видно, цена вопроса оказания неотложной помощи колхозной экономике составляет колоссальную по тем временам сумму – более 3 млрд руб. Совет Министров РСФСР не поддержал просьбу облисполкомов и Советов Министров о преобразовании колхозов в совхозы, считая, «что в деле ликвидации отставания экономически слабых колхозов должны быть подъем экономики колхозов и их организационно-хозяйственное укрепление». Но самое главное заключается в том, что правительство такими «средствами не располагает». В то же время нельзя было отрицать необходимость принятия срочных мер по спасению колхозов. В записке, направленной правительством Российской Федерации в Бюро ЦК КПСС по РСФСР говорилось о том, что в «6031 экономически слабом колхозе денежный доход за 1958 год ожидается 3742,3 млн руб., ...кредиторская задолженность этих колхозов на 1 июля 1958 г. составляла 3651,9 млн руб., или 98 % к сумме ожидаемого дохода» (39).

В связи с тем, что большая часть доходов экономически слабых колхозов шла в погашение их кредиторской задолженности, такие колхозы оказались не в состоянии покрывать за счет собственных средств возросшие производственные расходы, увеличивать отчисления в общественные фонды и повышать оплату труда колхозников (40). Необходимы были срочные меры по оздоровлению колхозов. В дореформенный период относительная экономическая устойчивость производственной системы «МТС – колхозы» достигалась за счет целевой финансовой поддержки правительства (41). Эта поддержка осуществлялась путем выделения средств на поддержание деятельности МТС. Речь идет о многих миллиардах рублей, направляемых в аграрный сектор экономики. Так, только в 1955 г. на содержание МТС правительство выделило 12,4 млрд руб. (42). Вновь созданные РТС также получали финансовую помощь со стороны государства, многие из них были убыточными. Но РТС непосредственно проведением сельскохозяйственных работ не занимались, они были призваны создать условия для работы кол-

хозов в новых условиях. После приобретения колхозами тракторов и сельскохозяйственной техники МТС государственная поддержка сельского хозяйства сократилась.

Положение дел в сельском хозяйстве Липецкой области в пореформенные годы ухудшилось. Средняя урожайность зерновых за три пореформенных года так и не достигла 10 ц с гектара. Валовой сбор зерна сократился с 890 тыс. т в 1958 г. до 736 тыс. т в 1960 г., или на 17%. Почти наполовину в эти годы упали объемы продажи хлеба государству: с 321,7 тыс. т – до 168,8 тыс. т, сокращение составило 152,9 тыс. т (43). Это был полный провал сельского хозяйства традиционного земледельческого района, персональную ответственность за него Центральный Комитет партии возложил на первого секретаря Липецкого обкома КПСС К.П. Жукова, который был освобожден от должности с принятой тогда формулировкой «по состоянию здоровья» (44). Его преемником стал С.Т. Пузиков, занимавший ранее должность председателя Ростовского облисполкома.

Таким образом, в результате проведения аграрной реформы 1958 г. и упразднения МТС правительство пыталось выстроить новую экономическую модель взаимоотношений с колхозами, в основе которой лежала идея предоставления предприятиям большей самостоятельности и снижения бремени государственных расходов. Прежняя производственная система «МТС – колхозы» была ликвидирована, а создание новой оказалось более сложным и трудным процессом, нежели предполагали реформаторы. После приобретения колхозами техники их производственные расходы значительно превышали доходы. Значительная часть колхозов оказалась неспособной к ведению самостоятельной хозяйственной деятельности в новых условиях. Политика государства по реорганизации колхозов и их преобразованию в совхозы на рубеже 1950-х – 1960-х гг. была призвана поддержать сельское хозяйство и обеспечить производство продовольствия. Это были чрезвычайные мероприятия, они не могли скрыть глубину противоречий колхозного производства. Для его стимулирования требовались иные решения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1986. Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 6. 1933–1937. М., 1985. С. 11-12.
2. История советского крестьянства. В 5. Т. 2. М., 1986. С. 241.
3. Сельское хозяйство СССР. Ст. сб. М., 1960. С. 75.
4. Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. М.; Тамбов, 2000. С. 5.
5. История советского крестьянства. Т. 3. М., 1987. С. 175.
6. Там же. С. 176-177, 303.

7. История социалистической экономики СССР. Т. 6. Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма. 1946 – начало 1960-х годов. М., 1980. С. 110.
8. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 4411. Л. 251.
9. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 113. Л. 84.
10. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. В 2 т. Т. 1. М., 1956. С. 57-58.
11. Там же. С. 58.
12. РГАНИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 574. Л. 10.
13. Русинов И.В. Аграрная политика КПСС в 50-е – первой половине 60-х годов: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 40.
14. Бенедиктов И.А. О Сталине и Хрущеве // Молодая гвардия. 1989. № 4. С. 61. «Прозрение» И.А. Бенедиктова наступило позднее, когда он находился в отставке. Раньше министр И.А. Бенедиктов активно поддерживал начинания Н.С. Хрущева в области сельского хозяйства, в том числе и программу освоения целины.
15. История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. XI. Советский Союз на пути к развитому социализму. 1945–1961 гг. / Отв. ред. И. Б. Берхин. М., 1971. С. 492.
16. Аграрные отношения: теория, историческая практика, перспективы развития / Отв. ред. И.Н. Буздалов. М., 1993. С. 97.
17. Русинов И.В. Указ. соч. С. 42.
18. Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. В 5 т. Т. 3. Январь 1958 г. – май 1959 г. М., 1962. С. 521-522.
19. Там же. С. 523.
20. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1958 гг. М., 1959. С. 138.
21. Зеленин И.Е. Указ. соч. С. 124-125.
- Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18 апреля 1958 г. № 425 «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5271.htm801 (дата обр.: 4 октября 2020 г.).
22. Так, к примеру, в Алтайском крае уже к 1 октября 1958 г. машины приобрели 87% колхозов // Орлов Д.С., Ильиных В.А., Андреенков С.Н. Сельское хозяйство Западной Сибири во второй половине 1960-х – 1980-х гг.: динамика, организационно-производственные и отраслевые структуры. Новосибирск, 2018. С. 27.
23. Более подробно см.: Томилин В.Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М., 2009.
- Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18 апреля 1958 г. N 425 «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» // http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5271.htm801 (дата обр.: 4 октября 2020 г.).
24. Там же.
25. ГАНИЛО. Ф. 34. Оп. 11. Д. 150. Л. 13.
26. Там же. Ф. 170. Оп. 1. Д. 40. Л. 78.
27. Там же. Ф. 34. Оп. 11. Д. 150. Л. 69.
28. Там же. Д. 245. Л. 133.
29. Там же. Л. 134.
30. Там же. Л. 136.
31. См.: Арутюнян Ю. В., Вылцан М. А. Историческая роль МТС и их реорганизация. М., 1958; История советского крестьянства. В 5 т. Т. 4. М., 1988; История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. XI. Советский Союз на пути к развитому социализму. 1945–1961 гг. / Отв. ред. И. Б. Берхин. М., 1971; История социалистической экономики СССР. В 7 т. Т. 6. Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма. 1946 — начало 1960-х годов. М., 1980; Лосев А.В. Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за развитие сельского хозяйства (1945–1964 гг.). Воронеж, 1965 и др.

32. См.: Орлов Д. С., Ильиных В. А., Андреенков С. Н. Указ. соч.; Милохин Д.В., Сметанин А.Ф. Коми колхозная деревня в послевоенные годы. 1946–1958: Социально-экономические аспекты развития. М., 2005; Коньшев Д.Н. Ликвидация машинно-тракторных станций как аспект аграрной политики государства (на примере Кировской области) // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: сборник статей. Коломна, 2009. С. 471–475; Томилин В.Н. Машинно-тракторные станции и колхозы Центрального Черноземья в 1946–1958 годах: неравноправное партнерство // ОИ. 2006. № 5. С. 103-108 и др.
33. Томилин В. Н. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России и их взаимоотношения с колхозами в послевоенный период: 1946–1958 гг. Дис... уч. степ. док. ист. наук. М., 2010.
34. Эпштейн Д.Б. Разорила ли колхозы продажа им тракторов в 1958 г.? // Владимир Григорьевич Венжер: мыслитель, исследователь, учитель / Под ред. Т. Е. Кузнецовой, Л. В. Никифорова. М., 2015. С. 306.
35. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 240. Л. 16.
36. Там же.
37. Там же. Л. 17.
38. По итогам 1958 г. в среднем по колхозам Российской Федерации было определено к выдаче на один человеко-день продуктов и денег 1 руб. 41 коп., в том числе денег – 76 коп. Но это средние значения оплаты трудодня по республике, а экономически слабые колхозы могли выдать лишь продукты // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 348. Л. 83.
39. В данном случае нет возможности и необходимости рассуждать об условности такой поддержки, ведь аграрная политика СССР по-прежнему выстраивалась с учетом донорских возможностей колхозной деревни, цены на основные сельскохозяйственные товары зачастую не покрывали издержек производства.
40. Томилин В.Н. Наша крепость... С. 323.
41. ГАНИЛО. Ф. 34. Оп. 11. Д. 188. Л. 13.
42. Жуков К. П., будучи на пенсии, прожил до 1988 г. Похоронен в Москве.

В.А. Рудакова

КАШМИРСКАЯ ДИЛЕММА НА ФОНЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Крупнейший вооруженный конфликт в истории всего человечества, начавшийся из-за очередного передела мира и сфер влияния, продлившийся шесть лет и унесший более 60 млн. жизней, половина из которых составляли советские граждане, не успев закончиться, плавно перешел в еще одно глобальное геополитическое, военно-экономическое и идеологическое противостояние между двумя сверхдержавами (СССР и США). И хотя обе стороны напрямую так никогда и не вступали в военные действия, но их противостояние, переросшее впоследствии в антагонизм нового тысячелетия, прямо или косвенно влияло на ход многих региональных вооруженных конфликтов в самых отдаленных частях третьего мира, многие из которых не решены до сих пор. В этом аспекте северо-запад индостанского полуострова не стал исключением. Как известно, эпоха британского господства в Индии завершилась в 1947 г. образованием двух независимых государств – Пакистана и Индии, правителям же «туземных княжеств» были предоставлены полномочия решать: присоединиться ли ко

одной из новообразованных стран или же объявить о своей независимости. И если большинства княжеств преимущественно мирно сделали свой выбор, то статус самого крупного из них – Джамму и Кашмир к августу 1947 г. был еще не определен. В чем же причина?

В своей работе «Шейх Абдулла: портрет в кашмирских тонах», посвященной исследованию трагическим событиям того времени, исследователь Л.А. Черешнева, подчеркивая исключительно важное геополитическое значение княжества Джамму и Кашмир, заключает, что это княжество исторически сформировавшись как поликонфессиональный регион, управлялось индусским кланом Догра, располагалось на стыке границ трех государств (Афганистана, СССР и Китая) и имело на своей территории (в Сринагаре и Гилгите) два аэродромных комплекса, построенных еще во времена войны британцами, чаявших во что бы то ни стало сохранить их подконтрольность для обеспечения дальнейшего влияния в регионе (1). Когда же, махараджу Хари Сингху, как и многим другим индийским князьям, пришлось выбирать присоединиться ли к Пакистану или же Индии, он встал на перепутье. В своем исследовании Л.А. Черешнева, обращаясь к архивным материалам, указывая на сложную ситуацию махараджи, пишет, что если выбору первого пути князю препятствовал страх за свою власть и возможное преследование на религиозной почве со стороны лидера Пакистана и ведущей партии страны Мусульманской лиги (МЛ) – Мухаммада Али Джинна, то выбору второго пути Хари Сингху мешала личная неприязнь к лидеру партии Индийского национального Конгресса (ИНК) – Джавахарлалу Неру, социалисту и демократу по взглядам, (к тому же кашмирцу по происхождению) (2). В конечном итоге, в сложившейся ситуации махараджа принял, как ему казалось на тот момент, единственное правильное решение – 2 июля 1947 г. он неожиданно для всех объявил Кашмир «независимым». В свою очередь, англичане, прекрасно понимая, что провозглашенная независимость Кашмира, сулившая им закрепление власти в регионе, непременно повлечет за собой недовольство со стороны правительства Индии, еще до вступления в силу «Закона о независимости Индии», предприняли меры по осуществлению присоединения Кашмира к более податливому им Пакистану, тем самым намереваясь укрепить свои позиции (3). Так, вице-король Маутбэттен, прибыв в Кашмир летом 1947 г., не отступая от намеченного плана, отвечающему интересам своей страны, уверял махараджа не провозглашать независимость, а войти в состав одного из доминионов; если же выбор будет в пользу Пакистана, Индия беспрепятственно примет его. Но махараджа не шел на компромисс. Он маневрировал, подписав согла-

шение с Пакистаном по организации доставки необходимых грузов для жизнеобеспечения населения, хотел подписать такое же соглашение и с Индией, но не успел (4).

Накануне провозглашения независимости Индии, борьба за право обладать «южно-азиатским изумрудом» усилилась. Еще более рьяно активизировались оппоненты – ИНК и МЛ, применяя разные методы достижения своих целей. Так, согласно Л.А. Черешневой, «конфессиональная МЛ во главе с Мухаммадом Али Джинной, выступавшая за раздел Индии по конфессиональному признаку и создание Пакистана, старалась влиять на княжество, поддерживая идею его «права на самоопределение». И для большей убедительности, обращаясь 2 октября 1947 г. к махарадже с призывом присоединиться к Пакистану, безо всякого предупреждения в нарушение ранее достигнутого соглашения были прекращены поставки в регион социально значимых грузов (5). Ситуация накалялась. Партия же Конгресса, во главе с Джавахарлалом Неру, утвердившись окончательно как секулярная, руководствовалась принципиально иной позицией, заключающейся в том, что вопрос о вхождении княжества не должен был решаться аналогично принятому плану раздела, то есть по религиозно-конфессиональному признаку (6). В «агитационную поездку» по Кашмиру отправился Ганди, пытаясь со свойственной ему мягкостью помочь кашмирцам правильно принять судьбоносное решение. Но поездка не принесла успеха (7). Таким образом, принципиальная взаимоисключаемость подходов оппозиционных партий к решению судьбы княжества и еще в большей степени нерешительность махараджа во многом предопределили дальнейшее развитие событий по трагическому сценарию. Так, Пакистан, стремясь упредить присоединение княжества к Индии, в ночь с 21 на 22 октября 1947 г. приступил к силовому захвату Кашмира, а спустя два дня – 24 октября на захваченной им территории было объявлено о создании «Азад (Свободного) Кашмира». Хотя на сегодняшний день явных доказательств спланированного Пакистаном военного вторжения в Кашмир нет, достаточно только то, что стремительное вооруженное продвижение к столице княжества определенно не носило мирного пути решения спорного вопроса (8). Тем временем ситуация накалилась до предела, махараджа опасался дальнейшего продвижения захватчиков, и 24 октября отчаянно взывал о помощи у Индии. Индия была готова оказать нужное содействие в предотвращении незаконной оккупации кашмирской территории, но только при условии ее присоединения. И махараджу ничего не оставалось как подписать Акт о присоединении своего княжества к Индии (9), на следующий же день в Кашмир воздушным путем были перебросены воинские подразделения, контратакой остановившие агрессора (10).

Но Пакистан не признал присоединения Кашмира, 29 октября он официально об этом сообщил и обратился через ООН к мировому сообществу с просьбой признать на международно-правовом уровне Временное правительство новообразованного государства – «Азад-Кашмир». Позже телеграммы аналогичного содержания были направлены лидерам Англии, США и СССР. Сталин ничего не ответил. В начале ноября на переговоры в Пакистан прибыл Маунтбэттен, тщетно пытаясь убедить Джинну в законности действий Индии, но пакистанская сторона настаивала на насильственном присоединении Кашмира к Индийскому союзу. На следующий день по радио выступил Неру, оспаривая ложное обвинение, призвал к ответственности Пакистан. Позже с ответным заявлением выступил по радио премьер Пакистана Лиакат Али Хан, обвиняя Индию в геноциде мусульман на территории Кашмира и других княжеств. Тем временем, не без участия английской агентуры, на севере Кашмира, в Гилгите, против деспотического режима махараджи вспыхнуло народное восстание, серьезные волнения прокатились в княжествах Хунза и Нагар, закончившиеся присоединением этих земель к Пакистану. Таким образом, англичане, инициировав присоединения северных княжеств к Пакистану, тем самым намеривались в дальнейшем создать на этой территории оперативно-стратегический плацдарм на южных подступах к СССР и в то же время представить в СБ ООН, мощный по своему потенциалу аргумент по разделу Кашмира. Индии же они готовы были уступить лишь южные районы княжества (11). Как бы то ни было, к концу декабря 1947 г. в ходе индо-пакистанских переговоров о судьбе Кашмира была достигнута некоторая договоренность о проведении плебисцита, но возникшие разногласия относительно условий его проведения свели всенародное голосование на нет. В начале января 1948 г. Индия официально обратилась в ООН с жалобой агрессивных действий пакистанских войск на территории штата. В ответ Пакистан обвинил Индию в «этнической чистке» по отношению к мусульманам Восточного Пенджаба и ряда других княжеств, и призвала СБ ООН создать специальную комиссию по урегулированию сложившейся ситуации. Такая Комиссия (UNCIP) была создана лишь к концу января 1948 г., но после тщетных усилий решить вопросы о процессе демилитаризации и проведения плебисцита, в декабре 1949 г. объявила о своей несостоятельности. Тем не менее к 1 января 1949 г. резолюцией СБ ООН в Кашмире была установлена «линия прекращения огня» (12), которая закрепила военные позиции враждующих сторон, фактически расколов Кашмир на две части.

Что касается позиций великих держав в отношении Кашмира, то нельзя забывать, что события вокруг спорной территории разрастались на фоне углубляющейся

конфронтации Восток-Запад. И совершенно очевидно, что Соединенные Штаты равно как Советский Союз, проводили свою политику, отвечающую интересам их государств. Так, если на первом этапе после провозглашения независимости Индии в советском руководстве преобладали сомнения в возможности нового государства самостоятельно осуществлять внешнеполитический курс, то в 50-х гг. отношения со странами, базирующимися на принципах неприсоединения, в частности с Индией, стали приоритетным вектором внешней политики СССР. США же, учитывая важное стратегическое положение Кашмира вблизи советских границ, в середине 50-х годов оформили соглашение с Пакистаном о взаимной оборонной помощи (13), тем самым подталкивая Индию на сближение с СССР. В последующих годах в ходе многочисленных заседаний в СБ ООН, созванных по инициативе Пакистана и стран Запада, при обсуждении кашмирской проблемы, США поддерживая своего военно-стратегического и политического союзника, выступали за предоставления права народу Кашмира на самоопределение путем проведения плебисцита под международным контролем, но советской стороной не раз было использовано права вето в поддержку Индии (14).

Переломным моментом в регионе стало поражение Индии в индо-китайской пограничной войне 1962 г. Необходимо отметить, что напряженные отношения между двумя крупными азиатскими соседями Индией и Китаем начали складываться почти сразу же после подписания двустороннего соглашения о признании Тибета частью китайской территории (15). А после тибетского восстания в марте 1959 г., бегства Далай-ламы из Лхасы и предоставления ему убежища в Индии отношения резко стали ухудшаться. В конце 50-х гг. Китай предъявил претензии на Аксай-Чин (часть Восточного Кашмира). Заметим, что истоки индо-китайского пограничного спора берут свое начало еще к отношениям Британской Индии и Китая в середине и конце XIX в. Дело в том, что тогда при определении границ британских владений в Индии с Китаем сложились две картографические традиции. Согласно первой из них, граница проходила по так называемой линии Джонсона (1865 г.), и по ней Аксай-Чин принадлежал Индии. В 1899 г. Британия предложила Китаю провести границу по линии Маккартни - Макдональда, а по ней часть княжества Джамму и Кашмир – Аксай-Чин – оставалась на китайской стороне. Но цинское правительство никак не отреагировало, а британцы восприняли это как китайское молчаливое согласие. После признания независимости 1947 г. индийское правительство признало линию Джонсона и, таким образом, всю территорию Аксай-Чина включило в свой состав (16). В 1962 г. Китай,

оккупировавший Аксай-Чин, заявил о готовности признать линию Мак-Магона в восточном секторе, если Индия уступит западный. Но Индия ответила отказом, что привело к началу широкомасштабных операций на востоке, а потом и на западе. К концу ноября Китай практически полностью захватил территорию, на которую претендовал, а после этого все же отвел свои войска на линию фактического контроля, существовавшую в 1959 г., тем самым сохранив себе Аксай-Чин (17).

Отметим, что на фоне эскалации индийско-китайского конфликта происходило параллельное формирование и развития сотрудничества между Китаем и Пакистаном, переросшего впоследствии в военно-экономическую связь. Так, 2 марта 1963 г. стороны подписали соглашение о временной передаче Пакистаном Китаю части территории Кашмира и установлении границ в этом районе, что, действительно, создавало все необходимые условия для дальнейшей конкретной реализации планов в военно-стратегических и торгово-экономических сферах. Таким образом, китайско-пакистанское сотрудничество ставило Индию в крайне сложное положение и означало весьма невыгодную для нее комбинацию двух конфликтов – с Пакистаном и Китаем (18). Остается только констатировать, эра обманчивого «хинди-чини бхай-бхай» закончилась, на долгие годы превратив некогда дружелюбных азиатских соседей во врагов. В 1954 г. пакистанская сторона обвинила Индию в том, что разработанная ст. 370 Конституции Индии (19), определявшая особый статус Джамму и Кашмира, преследовало собой цель навсегда решить вопрос о принадлежности штата Индии.

Дальнейшее обострение отношений между Индией и Пакистаном в районе Качского Ранна привели к полномасштабному вооруженному конфликту в сентябре 1965 г. Именно тогда Советский Союз выступил в роли активного посредника и попросил Индию и Пакистан согласиться на перемирие. Так, в сентябре премьер-министр А.Н. Косыгин призвал лидеров Индии и Пакистана провести переговоры на советской территории. И в январе 1966 г. в Ташкенте, на юге Советского Союза, между Индией и Пакистаном была проведена встреча, завершившаяся принятием Ташкентской декларацией. В Декларации, среди прочего, лидеры согласились: 1) урегулировать споры между собой исключительно мирным путем, в соответствии с положениями Устава ООН; 2) вывести вооруженные силы своих стран не позднее 25 февраля 1966 г. на позиции, которые они занимали в момент начала войны 5 августа 1965 г.; и 3) провести дальнейшее обсуждения вопросов по урегулирования спора (20). Однако, принятый документ был не более чем временным компромиссом, третья индо-пакистанская война началась всего через пять лет. Но, тем не менее Ташкентская декларация дейст-

вительно стала первой значительной победой Советского Союза в дипломатических битвах по азиатским вопросам.

В 1971 г. разразился самый серьезный вооруженный конфликт между Индией и Пакистаном, закончившийся расколом Пакистана и появлением на политической карте мира нового независимого государства – Бангладеш. Восточный Пакистан, получивший неопределимую поддержку Индии, имел преимущество в ведении войны, и это определило ход событий. В свою очередь, подписанный в августе 1971 г. двадцатилетний договор о сотрудничестве между Индией и Советами (21), подтвердил солидарность Москвы позиций Дели. В декабре же США в СБ ООН трижды инициировали резолюции, поддерживающие Пакистан, и СССР трижды блокировал их, применяя право вето (22). Но прогнозы Пакистана относительно помощи со стороны своих военно-стратегических и политических союзников – США и Китая – не подтвердились и не спасли от поражения. Эти события навсегда изменили геополитическую карту Южной Азии, международные и стратегические позиции Индии как ведущего игрока региона значительно укрепились и поставили Пакистан перед неизбежностью дипломатического решения сложившейся ситуации.

Так, в июне 1972 г. между премьер-министрами Индии И. Ганди и Пакистана З.А. Бхутто, были подписаны всем известные Симлские соглашения, в которых правительства двух стран согласились, что они готовы урегулировать свои разногласия мирными средствами путем двусторонних переговоров на основе уважения территориальной целостности, суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга. Что касается Джамму и Кашмир, то для установления прочного мира, правительства согласились, в том, что: индийские и пакистанские силы должны быть отведены на свою сторону от международной границы. Линия контроля, образовавшаяся в результате прекращения огня от 17 декабря 1971 г., должна соблюдаться обеими сторонами без ущерба для признанной позиции любой из сторон. Ни одна из сторон не должна пытаться изменить ее в одностороннем порядке, независимо от разногласий и юридических толкований. Обе стороны обязались воздерживаться от угрозы силой или ее применения в нарушение этой линии. Также, по соглашению, оба правительства согласились, что снова встретятся в удобное для обеих сторон время для дальнейшего обсуждения условий и договоренностей по установлению прочного мира и нормализации отношений, включая вопросы репатриации военнопленных, интернированных гражданских лиц, и окончательного урегулирования вопроса относительно Джамму и Кашмира для возобновления дипломатических отношений (23). Таким об-

разом, Симлские соглашения стали своеобразным прорывом на пути выработки конструктивного диалога для мирного разрешения острых политических вопросов между Индией и Пакистаном. Однако в дальнейшем универсальным средством для решения вновь образовавшихся проблем они не стали. Стороны до сих пор отдельные положения Соглашений трактуют в свою пользу. Если Индия считает, что ситуация в Кашмире в принципе решена, то пакистанская сторона с этим не согласна.

Итак, глобальное геополитическое, военно-экономическое и идеологическое противостояние между Востоком и Западом во второй половине XX в., вошедшее в историю под названием «Холодная война», не обошли стороной и южно-азиатский регион. Исторический экскурс исследования показал, что, хотя не прямое, но косвенное вмешательство в кашмирский конфликт великих держав, преследовавших различные мотивы и цели, не только не сумело прекратить столкновения враждующих сторон, но еще больше увеличило пропасть недоверия и непонимания между ними, препятствуя поискам выработки взаимоприемлемых условий для дальнейшего построения конструктивного диалога. В целом же позитивные сдвиги в индийско-пакистанских отношениях в 70-х гг. привели к пониманию всего мирового сообщества в необходимости решения судьбы Кашмира исключительно мирными политическими методами, на двусторонней основе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Черешнева Л.А. Шейх Абдулла: портрет в кашмирских тонах // Диалог со временем. Вып. 66. М., 2019. С. 417.
2. Там же. С. 417.
3. Там же. С. 417-418.
4. Там же. С. 418.
5. Там же. С. 417, 418.
6. Шаумян Т.Л. Проблема Джамму и Кашмира. Ч. 3 // Этничность и религия в современных конфликтах. М., 2012. С. 524.
7. Черешнева Л.А. Указ. соч. С. 418.
8. Там же. С. 420.
9. Instrument of Accession of Jammu and Kashmir State dated 26 October, 1947. URL: http://www.centralexcisehyderabad4.gov.in/documents/history/1947_2.PDF.
10. Шаумян Т.Л. Указ. соч. С. 532-533.
11. Черешнева Л.А. Указ. соч. С. 422, 424.
12. Резолюция СБ ООН 47 от 21 апреля 1948 г. URL: <https://undocs.org/ru/S/PV.286>
13. М.А. Khan. The Pakistan-American alliance // Foreign affairs, January 1964. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1964-01-01/pakistan-american-alliance>
14. Белокрыцкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. М., 2003. С. 164-168.
15. Agreement between the republic of India and the people's republic of China on trade and intercourse between Tibet region of China and India, Peking, 29 April 1954. URL:

<https://www.mea.gov.in/bilateral->

[documents.htm?dtl/7807/Agreement+on+Trade+and+Intercourse+with+Tibet+Region](https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/7807/Agreement+on+Trade+and+Intercourse+with+Tibet+Region).

16. Мелехина Н.В. Кашмирский конфликт // Территориальный вопрос в афро-азиатском мире / Коллективная монография / Сост. и ред. Д. В. Стрельцов. М., 2013. С. 209.

17. Лунев С.И. Территориальный вопрос в индокитайских отношениях // Территориальный вопрос в афро-азиатском мире. Коллективная монография / Сост. и ред. Д. В. Стрельцов. М., 2013. С. 199-202.

18. Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Указ. соч. С. 169-170.

19. Конституция Индии (С изменениями на 1 мая 1955 года). М., 1956. С. 252-253.

20. Ташкентская декларация 1966 г. URL: [http://kosygin.rusarchives.ru/tashkentskaya-deklaraciya-1966-g

21. Договор о мире, дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Индией // Ведомости ВС СССР. 1971. № 38. Ст. 373.

22. Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии. XX век. М., 2010. С. 693.

23. Agreement between the government of India and the government of the Islamic republic of Pakistan on bilateral relations (Simla agreement), July 02, 1972. URL: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/5541/Simla+Agreement>.

Л.А. Черешнева

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ» ШТАТ КЕРАЛА В ФЕДЕРАТИВНОЙ ПАЛИТРЕ РЕСПУБЛИКИ ИНДИЯ

Сегодня коммунистическое движение в мире изучать почти перестали. Это крайность, такая же, как его апологетика или отрицание. История Коммунистической партии Индии в первые десятилетия ее независимости представляет научный интерес для объективно-критического анализа, так как связана с переломными моментами развития этой восточной страны: с борьбой против британских колонизаторов, с международным коммунистическим движением в ходе Второй мировой войны, обретением суверенитета и государственным строительством. Свобода Индии была достигнута в 1947 г., сопровождалась разделом по конфессиональному принципу на два государства – Индию и Пакистан, стоила многих человеческих жертв. В 1950-е гг. многопартийная Индия приняла конституцию, стала республикой, федерацией штатов, с сильным центром и автономией административных единиц. Как относились коммунисты Индии к политике премьер-министра Джавахарлала Неру и его правящей партии – Индийского национального конгресса? Менялось ли это отношение за годы его правления? Удалось ли коммунистам завоевать симпатии индийцев и показать себя не только на баррикадах, но в управлении, каждодневной муниципальной работе? Полезны ли были коммунисты для своего народа? Этот материал актуален для изучения разделенных государств в становлении и демократическом развитии их мультикультурных обществ. Это показательный опыт.

Коммунистическая партия Индии (КПИ), созданная в 1920-х гг., к середине 1950-х гг. прошла долгий и противоречивый путь развития: борьбы против британского колониализма и, после ухода англичан, – против правительства Неру. КПИ составляла оппозицию буржуазно-демократическому правящему Индийскому национальному конгрессу (ИНК) – партии, сыгравшей решающую роль в национальном движении страны к независимости под руководством авторитетных лидеров – Махатмы Ганди и Неру. КПИ действовала под эгидой Коммунистического Интернационала, а после его роспуска – структур международного коммунистического движения, под влиянием ВКП(б)/КПСС и Компартии Китая. Вслед за Коминтерном она критиковала индийскую буржуазию и ИНК за сотрудничество с Великобританией, сохранение капитализма и частной собственности в стране, за репрессии против коммунистов. После создания Китайской Народной Республики в 1949 г. индийские коммунисты стали использовать и «революционный опыт» Компартии Китая, организуя или поддерживая крестьянские восстания, создание рабоче-крестьянских партизанских отрядов, изъятие собственности и земель у помещиков, ведя настоящую войну против правительства Неру. Наиболее масштабными были движения в Телангане, тебхага в Бенгалии, создание Красной армии в Кашмире (1). С начала 1950 гг. партия получила инструкции Москвы перейти к мирным, парламентским методам и развернула перестройку своей тактики, стала вести социально ориентированную пропаганду коммунизма, ликвидации или ограничения частной собственности путем компенсации и выкупа государством, проведения реформ в интересах беднейших слоев населения. Популярность КПИ в обществе стала расти, и впечатляющим феноменом с точки зрения политической истории явились результаты всеобщих выборов в Индии в 1957 г.

Правящий ИНК еще больше укрепил позиции в стране, сумев набрать 47,8 % голосов избирателей и получив 361 депутатский мандат в Народной палате парламента. Второе же место на общенациональном уровне заняла КПИ, получив 8,9 % голосов и соответственно 27 мест (2). Итоги выборов показали значительный рост влияния коммунистов среди индийского электората, колебание общественного мнения в стране. Однако еще более уникальной чертой выборной кампании 1957 г. стала победа левых сил во главе с Коммунистической партией в штате Керала. Керала – штат, расположенный на юго-западе Индии, представлял собой густонаселенную часть с более чем 13 млн. жителей. Будучи сторонниками демократии в своем ее понимании и в то же время заявляя о сохранении проверенных временем «правильных» традиций в Керале, обещая народу «жизнь, как в России и Китае, при коммунизме», деятели КПИ

собрали в ряды партии многочисленных сторонников. Используя факт визита российских лидеров Н.С. Хрущева и Н.А. Булганина в Индию в 1955 г. (3), КПИ старалась убедить людей в целесообразности голосовать за коммунистов, за процветание и благосостояние народа. В штате Керала коммунисты наиболее успешно смогли сплотить вокруг себя большую часть населения. Причины успеха левых сил в Керале заключались в ряде факторов. Повлияло сверхперенаселение (654 чел. на 1 кв. км), свойственное этому штату. Штат занимал 1 место в стране по уровню грамотности: 69,2% при среднеиндийском показателе 36,2% , но лидировал и по количеству безработных среди штатов страны (причем в основном – людей, имевших среднее и высшее образование). По показателю доходов на душу населения Керала была последней (4). Значительная масса образованных керальцев не могла найти работы и находилась за чертой бедности, их социальная активность была более организованной и осознанной. Хотя в 1957 г. коммунисты не смогли получить абсолютное большинство в Законодательном собрании штата и из 127 они получили только 60 мест, – они привлекли пять независимых кандидатов на свою сторону, предложив два министерских поста и 5 апреля 1957 г. сформировали правительство во главе с Е.М.Ш. Намбудурипадом (5). Это был первый опыт создания и деятельности неконгрессистского правительства в одном из штатов страны.

После успеха на выборах в Керале Политбюро ЦК КПИ на своем заседании в г. Эрнауламе заявило, что левое правительство будет осуществлять свою деятельность в рамках конституции Индии (5). Отвечая тем, кто пытался обвинить коммунистов в том, что таким образом они «отказались» от революции в пользу реформизма, от марксизма в пользу гандизма, руководство партии заявило, что КПИ будет стремиться «максимально использовать возможности правительства для того, чтобы дать новый мощный импульс массовому движению за демократию и социализм» (6). Программа действий коммунистического правительства в Керале, в целом, коррелировалась с главными целями правительства Неру, которое считало архиважным: проведение индустриализации быстрыми темпами, в первую очередь – развитие тяжелой промышленности; создание новых рабочих мест; уменьшение социальной дистанции между богатыми и бедными. Намбудурипад также требовал от федерального центра средств для строительства промышленных объектов в Керале (7). В аграрной сфере правительство считало важным провести мероприятия по защите прав крестьян-арендаторов, снизить арендную плату, зафиксировать максимальный размер частных владений и излишние площади распределять между крестьянами (8).

«Политика по формированию новой полиции» стала очередным нововведением Намбудурипада. Начало ей было положено 15 июня 1957 г. В этот день главный министр объявил в Собрании о том, что старая политика, направленная на содействие интересам буржуазии и помещиков против сельскохозяйственных рабочих и других трудящихся, будет полностью отменена. С помощью различных циркуляров, правил и положений правительство стало указывать полиции, что и как она должна делать для поддержания порядка в Керале, при постоянных консультациях с работниками Коммунистической партии на всех уровнях. Полиция штата стала подчиняться КПИ. Старая полиция была распущена, ее заменили специальные Полицейские силы штата, состоявшие из 50 тыс. коммунистов. Главный министр также заявил, что полиция не будет вмешиваться в торговые споры (9). Объясняя смысл и значение программы правительства в Керале, Намбудурипад подчеркивал, что эта программа «является программой коммунистов и некоммунистов, программой каждого истинного патриота страны» (10). Придавая большое значение проведению аграрных реформ, реорганизации административного аппарата и т. п., правительство в Керале исходило из того, что его успех или неудача имеют общенациональное значение, поскольку за «керальским экспериментом» пристально следили представители разных социальных групп и классов во всех штатах Индии.

Одна из реформ была проведена в сфере образования штата. «Национализация» учебников была одним из важнейших шагов нового правительства по распространению коммунистической идеологии. Когда было объявлено об этом решении, со стороны всех слоев полиэтнического и поликонфессионального населения в адрес правительства Кералы была высказана жесткая критика. Смысл реформы был очевидным, многие керальцы возражали против идеологической «обработки» учащихся через посредство школьных учебников. Но правительство не прислушалось к этой критике и сформировало Комитет по подготовке учебников. Когда же первые партии новых учебников в Керале были опубликованы, национальные лидеры в Дели были ошеломлены, прочитав эти книги. Достижения Индии после обретения независимости были сведены к нулю, тогда как успехи Китая и СССР, вполне объективные, но имеющие отдаленное отношение к истории Индии и другим ее наукам, были прославлены. Экспертная комиссия по изучению и критике этих учебников выявила, что «в учебниках по обществознанию и учебниках по языку малаялам есть определенные материалы для уроков, которые могут способствовать формированию у учащихся основ коммунистических идей» (11). Следующим шагом было освобождение политиче-

ских заключенных, коммунистов и им сочувствующих. Намбудирипад заявил, что правительство отменило приговоры, связанные с аграрными и трудовыми спорами, и что при освобождении коммунистов и некоммунистов не проводилось никакой дискриминации. В это же время антиправительственные источники утверждали, что большое число освобожденных из-под стражи были именно членами КПИ и их единомышленниками. Опровергать каждое обвинение в политической пристрастности у «красного правительства» просто не было времени – колоссальное количество рабочих проблем отнимало его время.

Создание керальского правительства, при всех его очевидных политических достоинствах и ошибках, стало одним из ранних признаков размывания сложившейся в 1950-е гг. традиционной власти ИНК. Неру беспокоила общественная нестабильность, повышенная социальная тревожность в штате. В то же время молодая генерация конгрессистов (мало связанная с гандистскими заповедями «привнесения нравственности в политику») не желала допустить развития подобного процесса. Начало 1959 г. было отмечено избранием дочери Неру, Индиры Ганди, на пост президента ИНК. Федеральные власти при поддержке нового президента партии развернули антикоммунистическую кампанию в Керале, и она ширилась.

Многие некоммунистические организации, в первую очередь конгрессисты в Керале, стали оказывать активное сопротивление правительству Намбудирипада. Они клеймили его как «пятую колонну», как правительство, «не имеющее корней в индийском обществе», «руку Москвы в Индии» (12). Керальские власти подавляли оппозиционные выступления, но это порождало ситуацию «замкнутого круга». В поисках выхода из назревшего внутривластного кризиса в Керале делегация КПИ в лице Аджоя Гхоша, Ш.А. Данге, А.К. Гопалана отправилась в Москву за инструкциями (13), но это ненамного помогло КПИ продлить свое нахождение у власти. Изучив ситуацию в штате, Неру лично посетил Кералу и высказал свою позицию на пресс-конференции 7 июля 1959 г.: «Здесь происходит массовый подъем против правительства штата, и одним из говорящих признаков является то, что партии, которые всегда противостояли друг другу, теперь объединяются против коммунистической власти». Он указал на три альтернативы, которые имелись у центральных властей, для разрешения ситуации в Керале: «Наш обычный подход заключается в том, что не должно быть никакого вмешательства в политику штатов со стороны центральной власти. Это первое. Во-вторых, если и должно быть какое-то так называемое вмешательство, то в виде совета. В-третьих, если сложится патовая ситуация, то придется думать о других

способах вмешательства. Это нормальные способы» (14). Демонстрации сотен тысяч людей, ежедневные обвинения в адрес главного министра Намбудирипада о применении палочных наказаний, преследовании политических оппонентов КПИ отрицательно сказывались на положении и репутации керальского правительства. В 1959 г. в Керале было введено президентское правление. В 1960 г. в штате были проведены внеочередные выборы, и ИНК, блокируясь с другими центристскими и правыми партиями, поставил штат под свой контроль.

Время коммунистов, казалось, бесславно кончилось. Однако последующие десятилетия, анализ истории которых выходит за рамки настоящей статьи, показали восстановление и дальнейший рост влияния левых сил в Керале и во всей Индии. Правительство Намбудирипада оказалось первым, но далеко не последним свидетельством этой новой тенденции.

Подводя итоги изучения деятельности коммунистического правительства в Керале 1957–1959 гг., можно отметить, что оно явилось уникальным *paradigm case* в мировой практике того периода. Впервые за всю историю коммунисты сумели прийти к власти методом голосования. При Неру не раз провозглашались высокие цели: от построения общества «всеобщего благоденствия» (1949 г.), «общества социалистического образца» (1955 г.) до концепции «демократического социализма» (1964 г.). КПИ была оппозиционна центральным властям и в этом качестве вынуждала их проводить больше социальных реформ. Хотя внутривластный курс Неру, по сути, сводился к политике государственного капитализма, созданию государственного сектора в экономике, государство ограничивало частный капитал в отдельных областях. Если насильственная тактика коммунистов в первые годы независимости дискредитировала себя, то их парламентские методы и социальные программы более позднего периода, при всех ошибках, позволили КПИ (и позволяют ей в наши дни) иметь влияние в Индии, управлять сначала в Керале (позже в ряде штатов), «держат в тонусе» правящий блок и в рамках конституционного поля способствовать развитию индийской демократии в масштабах всей федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Черешнева Л.А. Коммунистическое движение в Индии в 1947–1949 гг. и Советский Союз // Чичеринские чтения. «Революционный 1917 год»: поиск парадигм общественно-политического развития мира. Материалы Международной научной конференции. 2018. Тамбов, 2018. С. 351-357.
2. Sinha V.B. *The Red Rebel in India. A Study of Communist Strategy and Tactics*. New Delhi: Associated Publishing, 1968. P. 290.
3. NAI. Government of India. Ministry of External Affairs. 1955. File № 1(156). EUR/55. L.1-7.

4. Нилов Ф.Н. Леводемократические правительства в штатах Индии. Москва: Наука, 1987. С. 22.
5. Sinha V.B. The Red Rebel in India. P. 101.
6. New Age. 1957. March, 31.
7. NAI. Ministry of Home Affairs. Communist Conspiracy Case. F. 40/44-Judl.I. L. 23; Юрлов Ф.Н. От восхода до заката. Династия Неру-Ганди. Кн. 1. Мотилал и Джавахарлал. М., 2015. С. 326-328.
8. NAI. Ministry of Home Affairs. Communist Conspiracy Case. F. 40/44-Judl.I. L. 23.
9. Ibidem. L 24.
10. Ibidem.
11. Ibidem. L. 24-25.
12. Ibidem.
13. The Indian Express. 1959. August, 6.
14. Sinha V.B. The Red Rebel in India. P. 117-118.

А.Л. Земцов

СЕМЕЙНЫЙ БЮДЖЕТ ЖИТЕЛЕЙ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ (1985–1991)

Для современной исторической науки характерно усиление интереса к изучению повседневности – той обыденной, рутинной части жизни, не изобилующей ни резкими изменениями условий существования, ни острыми психологическими переживаниями, часто кажущейся незначительной, но являющейся важнейшей составляющей человеческого бытия. Исследование повседневности позволяет в какой-то степени приблизиться к решению проблемы воздействия постоянных, устойчивых факторов существования человека на развитие социума и ход исторического процесса. Очевидно, что немаловажную роль в повседневной жизни играет экономическая составляющая. Именно она, во многом, определяет самочувствие индивида, его отношение к государственным институтам и обществу, формирует устойчивые модели социальных практик. Перестройка стала последним периодом в истории СССР, эпохой за которой началось коренное изменение устоявшихся за многие десятилетия моделей общественного развития. В российском обществе продолжаются острые дискуссии относительно причин краха советского государства. В этой связи остается актуальной задача исследования экономического положения советских граждан на протяжении последних лет советской истории.

Важное значение приобретает поиск источников, способных предоставить объективную информацию об экономике повседневности, позволяющих взглянуть на рутинный быт людей с наибольшим приближением. Одним из источников такого типа могут стать данные, характеризующие состояние семейного бюджета граждан: мате-

риалы бюджетных обследований семей, регулярно проводившиеся органами статистики. Данные бюджетных обследований собирались путем анкетирования лиц, с которыми органы государственной статистики заключали соответствующие договоры. За участие в анкетировании, которое регулярно проводилось на длительных промежутках времени, граждане получали вознаграждение в виде дорогостоящих подарков. Такая форма вознаграждения гарантировала от искажения результатов анкетирования, неизбежного в случае денежной оплаты его участникам. Сведения бюджетных обследований позволяют представить материально-экономическую сторону повседневной жизни населения. Их немаловажное достоинство – высокая детализация сведений. В частности, в них содержатся подробные данные по широкой номенклатуре приобретенных гражданами продовольственных и непродовольственных товаров: продуктов питания, одежды, обуви. Основываясь на данных бюджетных обследований, нетрудно проследить изменение в обеспечении населения ключевыми товарами и услугами. Цифры обследований позволяют представить уровень и динамику цен, причем не только в государственной торговле, но и на колхозном рынке. Анализ данных бюджетных обследований, проводившихся в Липецкой области, позволяет подвергнуть сомнению утвердившийся в общественном сознании тезис о постоянном снижении уровня жизни населения в перестроечные годы. Падение потребления товаров и услуг произошло достаточно резко в самом конце 80-х – начале 90-х годов, когда кризисные явления, которые не удалось переломить в ходе реформ, вышли на новый качественный уровень. При этом, конечно, не стоит забывать о проблемах социалистической экономики, которые негативно сказывались на уровне жизни населения на всем протяжении существования советского государства. Дефицит продуктов питания и непродовольственных товаров в СССР носил хронический характер. Он существовал и в брежневскую эпоху, сохранялся и во второй половине 80-х годов. При этом уровень потребления продуктов и товаров во второй половине 80-х, судя по бюджетным обследованиям, повысился. Т.е. дефицит в этот период сохранялся на фоне повышения уровня материального благосостояния граждан.

Сравнение данных бюджетных обследований за 1984 и 1990 гг. демонстрирует рост денежных доходов граждан. В 1984 г. в среднем на одного члена семьи рабочих и служащих приходилось 1663 руб., тогда как в 1990 г. уже 2282 руб. или на 37 % больше. Соответственно выросли и расходы граждан. Если в 1984 г. на одного члена семьи рабочих и служащих промышленности г. Липецка расходовалось 1604 руб., то в 1990 г. – 2236 руб. или на 39 % больше. Доля расходов на питание за вторую поло-

вину 80-х снизилась с 35 % в 1984 г. до 30,1 % в 1990 г., тогда как доля расходов на приобретение непродовольственных товаров, напротив, выросла, соответственно, с 33 % до 42 %. Траты на оплату жилища и коммунальных услуг оставались низкими: в 1984 г. они составляли 3,2 % от всех расходов, а в 1990 г. – 2,6 % (1).

Рост доходов и расходов семей рабочих и служащих промышленности шел параллельно росту цен на товары и услуги. Особенно заметно повысились к 1990 г. цены на многие продукты питания, приобретаемые у граждан путем купли-продажи на городских рынках. По сравнению с 1984 г. заметно выросли цены покупки у граждан картофеля – с 0,26 до 0,54 руб. за кг, огурцов, помидоров свежих и соленых – с 0,99 руб., до 2,44 руб., фруктов и ягод – 1,24 руб. до 2,33 руб. А вот продукты животноводства, приобретаемые у граждан, подорожали незначительно: говядина и телятина – с 4,83 руб. до 4,9 руб., свинина – с 4,07 руб. до 4,12 руб., молоко – с 0,5 руб. до 0,52 руб. Стоимость продукции животноводства при покупке у граждан уже в 1984 г. была настолько высока, что дальнейшее ее повышение могло резко сократить спрос на нее со стороны покупателей. Кроме того, на рыночную цену мяса и молока оказывали давление государственные цены, значительно более низкие, чем в негосударственной торговле. Так, в 1990 г., исходя из бюджетных обследований, цена килограмма говядины в государственной торговле г. Липецка составляла 2,68 руб., свинины – 2,21 руб., литр молока стоил 0,24 коп. Интересно, что цены на говядину в госторговле в 1990 г. даже снизились по сравнению с 1984 г., когда за кг просили 3,09 руб. (2). Рост доходов граждан и цен на колхозном рынке позволяют косвенно оценить уровень скрытой инфляции, поразившей экономику в 80-е годы.

Несмотря на перманентный дефицит, семьи рабочих и служащих промышленности г. Липецка удовлетворяли свои потребности, в основном, за счет государственной и кооперативной торговли, хотя ряд наименований товаров, например, говядину, фрукты им приходилось в значительных объемах приобретать на рынке по высоким ценам. В целом, материальный достаток членов семей рабочих и служащих промышленности г. Липецка во второй половине 1980-х гг. несколько улучшился. Они стали заметно больше потреблять мяса – на 13 %, сметаны и сливок – на 15 %, животного масла – на 16 %, сахара – на 26 %. На этом фоне снизилось потребление хлеба и картофеля, которые заменялись продуктами, обладающими более высокими гастрономическими и питательными свойствами (3). Увеличилось и потребление ряда непродовольственных товаров: одежды, обуви, мыла (4).

Материалы бюджетных обследований опровергают представление о катастрофическом падении благосостояния советских граждан во второй половине восьмидесятых годов. По многим показателям их материальное положение даже улучшилось по сравнению с предыдущим периодом. Другое дело, что уровень потребления, достигнутый в СССР к этому времени, не соответствовал ожиданиям населения, уставшего от существования в рамках дефицитной экономики. В этом смысле, катастрофа советского общества была, вызвана, кроме прочих причин, и кризисом ожиданий советских граждан, которые существовавшая социально-экономическая система не могла удовлетворить.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАЛО. Ф. Р-342. Оп. 66. Д. 1536. Л. 106; Оп. 67. Д. 4144. Л. 215.
2. Там же. Оп. 66. Д. 1536. Л. 141-143; Оп. 67. Д. 4144. Л. 9-11.
3. Там же. Оп. 66. Д. 1536. Л. 159-160; Оп. 67. Д. 4144. Л. 218-219.
4. Там же. Оп. 66. Д. 1536. Л. 163; Оп. 67. Д. 4144. Л. 222.

А.Г. Голодов

ЯЗЫК ДИПЛОМАТИИ И ВЕРБАЛЬНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ РОССИИ И ЗАПАДА

Информационная война, которая, конечно, никогда не прекращалась, стала в век информационных технологий, пожалуй, основной составной частью международных отношений. Создается впечатление, что она обостряется с каждым годом, что особенно стало очевидно после воссоединения Крыма с Россией и российской операции в Сирии против ИГИЛа. Для противодействия мощному информационно-пропагандистскому наступлению объединенного Запада против России необходим тщательный анализ методов его ведения и динамика его развития. «Информационная война всегда имеет два фронта – внутренний и внешний. Наиболее интенсивное наступление осуществляется на внутреннем. Оно направлено на создание соответствующего настроения у основной массы населения, что необходимо для победы в следующих выборах, а также для создания образа врага, который вписывался бы в политическую картину, актуальную для политической элиты в данный исторический момент времени. Кроме того, средства ведения наступления на внешнем фронте у любого государства ограничены, поскольку невозможно организовать равное внутреннему применению средств СМИ на территории противника» (1).

Критерием успеха наступления как на внутреннем, так и на внешнем информационном фронте считается массовость внедрения в сознание населения точки зрения правящей элиты и обслуживающих ее «свободных» СМИ. Для наступления на внешнем фронте используются электронные СМИ (радиостанции «Свобода», «Эхо Москвы» и пр.), а основная ставка делается на «внутренние ресурсы», фактически «пятую колонну», которая поддерживается как финансово, так и морально из-за рубежа. Одновременно объединенный Запад старается не терпеть у себя дома ответное, очень ограниченное по объему контрнаступление российских СМИ. В результате этого радиостанция «Russia today» испытывает постоянное давление, нередко переходящее в откровенное преследование в «светочах свободы и демократии». А на немецких ток-шоу и на основных телеканалах практически не услышишь точки зрения, альтернативной евроатлантическому мейнстриму.

В информационной войне не работает язык «традиционной дипломатии», он воспринимается западными «партнерами» исключительно как трусоватость и готовность к бесконечным уступкам. Любая война, пусть даже информационная, требует соответствующего ей языка, в данном случае *информационно-военного*, а отнюдь не дипломатического. Рекламируемые дипломатией «воспитанность, вежливость, прекраснодушие, наивная вера во все хорошее» не находят со стороны «друзей-партнеров» адекватной реакции, совсем даже наоборот. События последних лет доказывают, что в информационной войне крайне важно жестко, без излишнего квазидипломатического лепета реагировать на враждебные выпады и не пытаться их представлять безобиднее, чем они есть на самом деле. Если отвечать на откровенное хамство и ультиматумы заявлениями, которые начинаются с жалобного стенания: вызывает *озабоченность* (варианты: *недоумение, сожаление, удивление*), это *печально, огорчает* (полный набор «траурно-ритуальной лексики»), а после этого просто констатировать факты явно враждебного поведения противной стороны, то не стоит удивляться тому, что с каждым разом такие выпады становятся все более беспардонными так же, как и соответствующие действия. В своей статье «Фекальная дипломатия как симптом сверхдержавности» журналистка Л. Донецкая анализирует вербальную реакцию российского внешнеполитического ведомства на различные события: «Чем занимаются высокооплачиваемые, элитные ... сотрудники этого важного ведомства?... потешают мировое сообщество, вызывают стыд у соотечественников, по преимуществу выражают озабоченность, а время от времени беспокойство... Сирия, февраль 2018. Глава МИД России Сергей Лавров *обеспокоен* тем, к какой риторике

прибегают западные страны в связи с ситуацией в пригороде Дамаска... Армения, июль 2018. Он же. Мы с *недоумением* и *озабоченностью* восприняли поступающие из Еревана новости, связанные с задержанием, арестами ряда известных политиков... Украина, сентябрь 2018. Глава МИД Сергей Лавров и министр внешнеэкономических связей и иностранных дел Венгрии Петер Сиярто *выразили озабоченность* принятым на Украине законом, который ограничивает право нацменьшинств на образование на родном для них языке... В конце августа сообщалось, что российское консульство в Киеве забросали дымовыми шашками. Причем, венгерских дипломатов бандеровские отморозки не осмелились даже краем вышиванки тронуть, а российских – пожалуй-ста, смешали с отходами жизнедеятельности, а в ответ получили некую ноту, может быть даже «резкую», но никому эти музыкальные подробности не были интересны. Инцидент исчерпан. Дипломаты сверхдержавы облизнулись, утерлись и дальше озабоченно постанывают... (2).

Характерен выбор лексики в выступлении министра иностранных дел во Вьетнаме: «ХОШИМИН, 25 февраля – РИА Новости. Вашингтон в переговорах предпочитает «ломать через колено», Россия не будет беспрекословно подчиняться требованиям США, – заявил глава МИД Сергей Лавров. «Они (США) просто ломают всех через колено. Если все будут готовы с этим смириться? Ну, наверное, такие сценарии возможны, но не думаю, что Китайская народная республика с этим смирится, а она очень заинтересована найти договоренности с США по торговым проблемам, это видно. Но не думаю, что Китай просто скажет «хорошо, делайте в нашем регионе, прям на моих границах то, что считаете нужным». Не думаю. И не думаю, что мы будем беспрекословно следовать требованиям США», – сказал Лавров, выступая на конференции «Международное сотрудничество в неспокойном мире», проходящем во Вьетнаме под эгидой международного дискуссионного клуба «Валдай».....» (3). Бросается в глаза чрезмерное применение «смягчающе-уступительной лексики»: «*не думаю*» (четыре раза), *беспрекословно* (дважды).

При комментировании возможной реакции Китая на беспрецедентное американское давление, употребление словосочетания «не думаю» выглядит вполне уместным. А вот предложение: «...И не думаю, что мы будем беспрекословно следовать требованиям США», которое призвано озвучить российскую позицию, выглядит очередной попыткой не «раздражать» жесткой, но конкретной лексикой американских «партнеров». Примененные одновременно два «смягчающе-уступительных» варианта: *не думаю* и *беспрекословно* полностью лишают высказывание какой-либо катего-

ричности и определенности. Такой стиль допускает возможность и следующего прочтения: *Может быть* (= не думаю) мы (не) будем следовать требованиям США *беспрекословно* (т.е. возможно будем, но с определенными оговорками). В этой связи уместно также упомянуть неоднократно повторяемые МИДом заявления: «Мы единственные, кто еще соблюдает международное право». Это действительно повод для гордости?

А если представить себе аналогичный вариант спортивного поединка: два равноценных шахматиста садятся за доску и начинают игру. И вдруг один из них переходит на шашечную детскую игру «в Чапаева». Другой, продолжая играть по шахматным правилам, выражает озабоченность, сожаление, печаль, а в конце, возможно, даже и возмущение. При этом он постоянно повторяет, что необходимо соблюдать общепринятые в шахматах правила, по которым он в любом случае будет играть и далее, потому что он «нормальный». Но «шашечник» упорно продолжает игру по своим правилам... Кто выиграет, в итоге, такую «партию»? Все это напоминает уличную драку, когда у одного в руках лом, а у другого свернутая в рулон газетка. Кому-то такие сравнения возможно покажутся излишне резкими, но «на войне, как на войне» (*A la guerre comme a la guerre*). «Метод» умиротворения противника с помощью постоянных оправданий («мы же не называем США противником или врагом», «мы продолжаем соблюдать достигнутые договоренности», «в нашей военной доктрине нет...» и т.п.) и нежелание «поддаваться на провокации» (также вербальные) едва ли может привести к успеху и примеров в истории достаточно (1941-й год, например, когда долго «не поддавались на провокации» с германской стороны, чтобы не раздражать «партнера»). Тактика вербального заигрывания с явным противником (а отнюдь не «партнером») успеха априори принести не может, поскольку воспринимается как выражение слабости позиции и неуверенности в своих силах. Вспоминается фраза В.В. Путина в его обращении в связи с трагедией в Беслане в 2004 г.: «Проявили слабость. А слабых бьют!».

Это высказывание можно было бы продолжить: А «вербально слабых» бьют вербально, да и не только. Поэтому подобная тактика только поощряет «партнеров» к еще более наглым провокациям (примеры: эпизод с украинскими судами в Керченском проливе, растущие претензии Японии на острова и пр.). Не работает в современном мире известный лозунг из детского мультфильма: «Ребята, давайте жить дружно».

Еще одним примером, доказывающим выше сказанное, может послужить кон-

фликт США с Северной Кореей. Президент Трамп провел уже несколько полноформатных встреч с главой КНДР Ким Чен Ыном. Может ли в данный момент кто-либо представить себе, что речь шла бы об открыто заявленном желании Трампа провести полноформатную встречу с Путиным? Ответ более чем очевиден. В чем же причина такого «лояльного» отношения американского президента к руководителю Кореи, если сравнивать его с непримиримым и жестким отношением к России? Для этого необходимо вспомнить, как реагировал северокорейский руководитель (диктатор) на резкие, порой хамские заявления американского президента. Он отвечал на угрозы угрозами, а на провокационные заявления провокационными заявлениями (в отличие от российской реакции, в которой постоянно подчеркивается, что «мы не должны уподобляться, потому что мы нормальные и пр.»). В результате, Трамп раз за разом отказывался от встречи с российским президентом под самыми нелепыми предложениями, при этом готов контактировать с северокорейским, от которого слышал такие «комплименты», которые и не снились российскому руководству. Создается впечатление, что десяток примитивных корейских ядерных зарядов производят на Америку большее впечатление, чем тысячи современных российских. Похоже, что для этого есть разумное объяснение – в Северной Корее в элите нет раскола на патриотов и «либеральных западников», которые заинтересованы ценой любых уступок и невыгодных компромиссов постоянно умиротворять объединенный Запад, поскольку, как правило, ищут в этом для себя личную выгоду. Отсюда и жесткая вербальная реакция северокорейского руководства, которая призвана показать решимость пойти на самые крайние меры в случае военного конфликта. Американское руководство чувствует эту решимость и поэтому ищет возможность не доводить дело до такого сценария. Следовательно, ключевые слова относительного успеха внешней политики Северной Кореи – «монолитность элиты» и «готовность к решительным действиям». Это показывает, что не следует недооценивать *вербальный аспект* в политическом противостоянии или информационную войну.

Следует признать реалистичными мысли военного эксперта Е. Крутикова, изложенные им в деловой газете «Взгляд» в статье под названием: «Отношение к украинскому монстру пора менять» (4). Автор пишет: «Многие до сих пор считают Украину не враждебным государством, а «братской страной», искренне жалея украинцев. Эту ситуацию пора менять, иначе наше положение станет еще хуже... Именно с этим рукотворным монстром на западном направлении нам приходится иметь дело, а не с «заблудшей душой», которая «когда-нибудь одумается»». Е. Крутиков ставит фундамен-

тальный вопрос: «заблудший брат или вечный враг?», на который сам же и дает следующий ответ: «Грубо говоря, если утверждать, что существует «большой русский мир», то дипломатически признавать независимость ДНР и ЛНР нельзя, поскольку это отрежет нас от условных одесситов, харьковчан и прочих причисляемых к этой виртуальной общности. И это типичный случай, когда благообразная идеология бежит впереди жесткой реальности». Этот тезис следовало бы продолжить – «благообразный язык» в рамках информационной войны также абсолютно не вписывается в ее вербальное оформление и «бежит впереди жесткой реальности». Вероятно, в информационной войне (как и в любой другой) необходимо отвечать ударом на удар и не стесняться применять в определенных ситуациях методы, которые регулярно используют западные «партнеры». А почему бы не отказаться от лицемерного обращения «партнеры» и называть вещи своими именами? Например, прямо и официально называть США и НАТО *агрессорами*, напоминая им о бомбардировках Сербии, *оккупантами*, которые вторглись в Ирак, подчеркивая при этом вопиющее нарушение международного права, к которому так часто и упорно апеллируют западные «партнеры». А когда речь идет о военно-политических аспектах международной политики, то, отвечая любезностью на любезность, прямо и вежливо называть США и НАТО «*вероятными противниками*» или даже «*враждебным государством*» (да и *государством, поддерживающим терроризм*, чему есть очевидные доказательства).

Возможно, было бы целесообразно вообще заменить заискивающе-аморфное определение «недружественные» (шаги, действия, высказывания и пр.) на жесткое, но гораздо более реальное и конкретное – «враждебные»? Крайне неубедительно, в первую очередь, для наших западных «партнеров», выглядят бесконечные российские заклипания о нашей «доброй воле», «бесконечном миролюбии» и «благородстве». Давно пора бы понять, что понятие «благородство» в современной международной политике деградировало и стало фактически описательным вариантом другого понятия – «слабость». Достаточно вспомнить один из примеров «нашего благородства» в 2016 г., когда американцы 29 декабря выслали наших дипломатов, а Россия в ответ «благородно» (30 декабря) пригласила детей американских дипломатов на кремлевскую елку. Несколько месяцев спустя американский Сенат практически единогласно ужесточает санкции против России (наверняка в качестве благодарности за «новогоднее благородство»). На этот раз пришлось принимать уже совсем радикальные меры – выслать 755 американских дипломатов.

«Метод перманентных оправданий» абсолютно себя не оправдал (извините за тав-

тологию). Постоянный повтор заклинаний: «мы же соблюдаем, не применяли, не нападали, не размещали, не отравляли...») производит временами просто жалкое впечатление. Удачным представляется в этой связи замечание известного политолога и телеведущего Сергея Михеева, который объяснил поражения России на внешнем фронте тем, что Россия играет по правилам и пытается быть хорошей. Это давно уже не работает. А как можно оправдаться, когда каждое новое недоказуемое звено в цепи обвинений опирается на недоказанное предыдущее (или несколько таких звеньев), например: *Сирийская химическая атака → отравление Скрипалей → отравление Верзилова («героя» финала московского ЧМ 2018)*. Сюда можно было бы еще добавить и сорванную подготовку провокации с применением химического оружия в Донбассе. Фактически здесь речь идет об использовании «квазиматематического метода», т.е. попытки определения значения одного неизвестного через другое: $X=Y=Z$, где все величины неизвестны (в нашем случае не доказаны). Желание «не уподобляться» приводит только к дальнейшему агрессивному давлению со стороны «партнеров». Создается впечатление, что их это еще в большей степени провоцирует на очередные наглые вербальные выпады, а нередко и на реальные действия (также и санкционного характера) против «доброй, благородной, долготерпеливой и миролюбивой России», от которой не следует ждать в ответ никакой реальной жесткой реакции (в том числе и вербальной). Последним аргументом стала первоначально сдержанная реакция России на использование объединенным Западом «отравления Навального» для создания бесцеремонного, а точнее, просто хамского театра абсурда. Никакие факты и доказательства никого в «цивилизованном» евроатлантическом сообществе опять (как в «деле Скрипалей» или «Боинга МН 17») не интересуют.

Апробированная западная агрессивная модель информационного блицкрига применяется и будет применяться в дальнейшем. Это доказывает, что в информационной войне побеждают не долготерпением и уговорами, а решительным противодействием и, не в последнюю очередь, вербальным. Уместно вспомнить в этой связи известное выражение генерала А.П. Ермолова, высказанное им на Кавказе: «Надо вовремя показать свою силу, чтобы избежать впоследствии ее применения». В отношении вооруженных сил Россия в последнее время следует этому мудрому изречению. Но на вербальном уровне в информационной войне данная рекомендация пока не реализуется.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Голодов А.Г. Информационная война против России в немецкой массовой прессе. Рязань, 2019. С. 9.

2. URL: <https://zen.yandex.ru/media/narzur/fekalnaia-kak-simptom-sverhderjavnosti-5bb713f6b9a43b00aa8eefce>
3. URL: https://ria.ru/20190225/1551324568.html?utm_source=smi2agr&utm_medium=banner&utm_campaign=rian_partners
4. URL: <https://vz.ru/opinions/2019/2/22/965596.print.html>

О.Г. Буховец

ИММИГРАЦИЯ КАК ОЧЕРЕДНАЯ ФАЗА КРИЗИСА ЕВРОСОЮЗА

Простодушные ожидания и попытки регулирования иммиграции. С самого начала своей деятельности Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), созданное в соответствии с Римским договором в 1957 г., стремилось использовать внешнюю иммиграцию во входящие в него страны в качестве весомого фактора своего экономического развития. Притоку дешевой рабочей силы в страны-члены всего этого амбициозного объединения весьма способствовало то, что, за единственным исключением Люксембурга, они или еще тогда владели, или же ранее располагали колониями. А для Германии заметный вклад в ее вошедшее позже в учебники «экономическое чудо» вносили устремившиеся в нее по приглашению правительства ФРГ в 1950–1960-е годы в массовом количестве жители Турции – ее «младшей союзницы» по обоим мировым войнам. Изначально установка на привлечение мигрантов как отдельно взятых стран «шестерки», так и наднациональных, коммунитарных органов управления ЕЭС, страдала, скажем так, одномерным функционализмом. Определенно доминирующим был сугубо утилитарный подход, ориентированный фактически лишь на потребности экономики. Как это ни удивительно, но в правящих элитах господствовало наивное, иначе не скажешь, представление о том, что иммигранты, образно говоря, «поживут» в их странах, «поработают, а затем (вместе в родившимися и подросшими за годы их работы детьми) уедут...» И понадобились долгие годы, прежде чем стало вполне очевидно, что реальная ситуация с молодой и, что особенно было важно, дешевой рабочей силой из стран Третьего мира во многом отличается от тех ожиданий, которые изначально на этих иммигрантов возлагались. Как резонно заметил член-корреспондент РАН В.П. Федоров, приехавшие «должны не только что-то производить, убирать, красить, но и вправе рассчитывать на что-то большее, а именно на свои гражданские права – семейную жизнь, бытовое устройство, участие в выборах, обучение, управление. Как оказалось, приехали не просто рабочие руки, а люди со своими проблемами» (1).

Тем временем реальное миграционное поведение выходцев из стран Третьего мира продолжало из года в год демонстрировать абсолютную не-реалистичность ожиданий правящих элит стран ЕЭС. Это наглядно показывают мобилизованные российским ученым-европеистом А.И. Тэвд-ой-Бурмули статистические выкладки. По данным на 1973 г., в западных европейских странах легально проживало 12 млн. иммигрантов, 73% которых прибыли из государств Третьего мира (2). Для сравнения: по состоянию на 1959 г. удельный вес таковых был намного ниже – 51,9%. Масштабный наплыв иммигрантов в Западную Европу продолжался на всем протяжении 1970–1980-х гг., а в период с 1991-го по 2000 гг. ежегодный нетто-приток их в ЕЭС (переименованное в 1993 г. в Евросоюз), составлял в среднем 1,2 млн. В результате, к 2002 г. в 15-ти странах Евросоюза проживало уже 18 млн. легальных иммигрантов, около 5 млн. нелегальных, а кроме того еще около 6 млн. тех, которые успели к тому моменту уже натурализоваться (3).

Было бы просто несправедливо сказать, что руководители как всего ЕЭС-ЕС, так и отдельно взятых стран сообщества, по-прежнему игнорировали последовательно обостряющуюся проблему широкомасштабной иммиграции. Это отнюдь не так. Известный российский политолог О.Ю. Потемкина в своей вышедшей в 2011 г. большой монографии на полутора сотнях страниц обстоятельно анализирует неоднократные попытки, лидерами ЕЭС-ЕС как раз предпринимавшиеся, снять остроту данной проблемы, как-то зарегулировать и поставить под контроль постоянно нарастающий приток иммигрантов в Евросоюз. Она, в частности, описывает работу Специальной группы по иммиграционной политике, которая призвана была разрешить выявившиеся в 1991 г. острые разногласия между теми странами, которые настаивали на передаче этой политики на наднациональный, коммунитарный уровень (Германия и Бельгия), и теми, кто, как Великобритания и Дания, отстаивали необходимость сохранения ее в полноценной компетенции национальных правительств. Уделено в книге Потемкиной должное внимание всевозможным разногласиям и противоречиям при разработке и проведении в жизнь отдельно взятых направлений общей иммиграционной политики. Сохраняющиеся различия в нормативной базе и в конкретной политике по отношению к иммиграции легальной и нелегальной, к реализации права на убежище – оставались настолько значительными, что введенная после вступления в силу в 1999 г. Амстердамского договора двухуровневая (коммунитарно-национальная) компетенция в иммиграционной политике регулярно «пробуксовывала». Именно поэтому даже в 2010 г., т.е. спустя 11 лет после вступления в силу Амстердамского договора, в плане

действий под названием «Динамичная и всеобъемлющая миграционная политика» перед Евросоюзом вновь ставилась задача формирования «подлинно общей иммиграционной политики». Осуществленный Потемкиной обстоятельный анализ перечисленных выше проблем создает такое впечатление, что соответствующие институты ЕЭС-ЕС занимались все эти десятилетия, образно говоря, «сифизовым трудом». В самом деле: ведь когда в июне 1991 г. на саммите в Люксембурге канцлер Германии Г. Коль (которого тогда очень беспокоили активные дискуссии в его стране о необходимости ограничить прием беженцев) сформулировал идею передачи иммиграционной политики на общеевросоюзный (коммунитарный) уровень, это породило большой оптимизм. Однако развернувшиеся после этого саммита многочисленные дискуссии показали, что позиции отдельных стран ЕС по данному вопросу, строго говоря, не стыкуемы. И изначальный оптимизм тогда стал таять – чем дальше, тем больше. Подводя итоги исследования, Потемкина писала, что постоянно нараставшие разногласия по иммиграционной политике между государствами Евросоюза не позволили достичь «ощутимых результатов» в выполнении номинально коммунитарных и весьма амбициозных планов. Да и вообще, констатировала она: сами эти планы по сдерживанию миграционных потоков на границах ЕС – по сути, *средство борьбы с симптомами тяжелого недуга, а не с его корнями* (курсив мой – О.Б) (4). Нельзя не отметить, что столь безысходный вывод процитированный специалист сделала еще в 2011 году, в то время, когда появились лишь первые симптомы значительного обострения иммиграционного кризиса, вызванного начавшейся так называемой «арабской весной».

Причины просчетов в прогнозировании. Через несколько месяцев в своей статье «Европейская и евразийская интеграция...», опубликованной в начале 2012 г. в двух номерах «Белорусского экономического журнала», автор этих строк, отталкиваясь от драматически ухудшающейся ситуации, определил нараставший иммиграционный кризис как очередное этапное испытание Евросоюза на прочность (5). К сожалению, адекватного ответа на этот новый вызов со стороны руководства институтов ЕС и входящих в него стран не последовало. Причина тому, на наш взгляд, кроется в одной *характерной особенности восприятия и понимания* евросоюзным политическим истеблишментом и аффилированными с ним экспертами *сути и перспектив* разворачивающихся в интеграционном союзе процессов и явлений. Складываться она начала в 1980-е гг. В то время, как быстро погружавшейся в системный кризис европейский мир социализма слабел и близился к распаду, Евросоюз шел, без преувеличения, от успеха к успеху и от победы к победе. В Европе и мире он стал восприниматься как

эталонный интеграционный проект, а идея объединяющейся под водительством Запада Европы – как «всепобеждающая».

Старейшина российской европеистики профессор Ю.А. Борко по этому поводу метко заметил, что «Европейский союз... вступил в XXI век как триумфатор» (6). Причем, вступив в новое столетие триумфатором, ЕС продолжал множить свои успехи. С 1 января 2002 г. В 12 из 15 стран, тогдашних членов союза, началось параллельное с национальными денежными единицами хождение евро-единой коллективной валюты. А заключительным торжественным аккордом этого своеобразного «славного десятилетия» 1995–2004 гг. ЕС сделал принятие в свои ряды 1 мая 2004 г. 10 новых членов. Таким образом, с учетом 3-х стран, принятых в ЕС в 1995 г., «славное десятилетие» установило абсолютный рекорд расширения этого союза! На формирование своеобразного «комплекса триумфатора» хорошо сработали и знаковые достижения ЕЭС-ЕС в предшествующий «славному десятилетию» период. Это, прежде всего, завершение в конце 1992 г. 7-летнего строительства единого внутреннего рынка союза, равно как и создание его наднациональных органов власти, а также прием в состав ЕЭС в 1986 г. Испании и Португалии. Впечатляющие достижения и победы Евросоюза на разных направлениях его деятельности как бы уводили в тень все вышеуказанные недоработки, ошибки и противоречия в иммиграционной политике. Накапливавшиеся, как мы уже отмечали, и на уровне отдельно взятых стран, и на коммунитарном, наднациональном уровне. И это вполне объяснимо: общие долговременные успехи вряд ли стимулируют поиск *новых критериев* истинности и адекватности проводимой политики на каком-то отдельном направлении. Отсюда и спрос у евросоюзных правящих элит на такие модели понимания и прогнозирования миграции, которые воспринимают и трактуют ее, по существу, как *линейно-эволюционный* процесс. В связи с последним никак нельзя не отметить, что всего-навсего каких-то 10-15 лет назад немалое число демографов выражали уверенность, что реальная миграционная мобильность населения мира несравненно меньше, нежели та, которую прогнозируют различные демографические или экономические модели (7). А французский демограф Ф. Эран в статье с характерным названием «Пять предвзятых идей об эмиграции» писал, что средний человек, «привязанный к своим родным, своему языку, своей стране, к ее гуманитарному богатству, малотранспортабельному из-за недостаточной стандартизованности, имеет тысячу причин, чтобы не эмигрировать ...» (8).

Так вот: наблюдающийся в последние годы исход населения из различных стран Азии и Африки убедительно свидетельствует об обратном. Тот самый «средний чело-

век», о котором писал Ф. Эран, находит сейчас тысячу причин, чтобы *как раз эмигрировать*. И этому отнюдь не мешает «привязанность к своим родным»: ведь в дальний путь он очень и очень часто, как свидетельствуют бессчетные репортажи со средиземноморской «Via Dolorosa» (впору именно так называть теперь Средиземное море), пускается вместе с ними. Не препятствует этому, по большому счету, и «привязанность к родному языку». Ведь, как известно, мультикультурализм, несмотря на громкие заявления ряда западноевропейских лидеров о его «провале», по-прежнему в ходу в странах Евросоюза. И там не слишком настаивают на переходе «новых европейцев» к употреблению ими языков их «новой родины», что, следовательно, отнюдь не лишает последних комфорта использования родного языка в качестве фактически основного и на этой самой «новой родине».

Отнюдь не срабатывают также и такие «вмененные» специалистами «среднему человеку» из Третьего мира основания для того, чтобы не эмигрировать, как «привязанность к своей стране и ее «гуманитарному богатству». Ведь достижения глобализации, как отмечается в новейших исследованиях, позволяют покинувшим свою «третьемирскую» родину «получать материальные и иные необходимые блага в стране-реципиенте, но при этом в культурном, *политическом и идеологическом смысле оставаться в родном социокультурном поле...* (выделено мною – О.Б.)» (9). А что касается «привязанности к гуманитарному богатству» страны исхода, то современная история различных «третьемирских» диаспор в странах Запада с достаточной определенностью свидетельствует о следующем. При значительной концентрации иммигрантов в какой-то определенной местности там со временем создается своего рода «мини-родина» этих эмигрантов, естественно, с характерным для страны их происхождения гуманитарным богатством, которое, в результате, оказывается, вопреки мнению Ф. Эрана, вполне «транспортабельным». Так вот: реальный, *постоянно* в последние десятилетия *увеличивающийся* приток иммигрантов в страны Евросоюза полностью опровергает благодушно-близорукие прогнозы специалистов относительно возможности удерживать миграцию под контролем. Как нам представляется, правящие элиты ЕС и большую часть аффилированных с ними экспертов подводит специфическая особенность их, скажем так, познавательного хабитуса. Она выражается в том, что те и другие не столько «видят» реальную иммиграцию, сколько «распознают» в этой эмпирически наблюдаемой и переживаемой реальности некие *теоретически ожидаемые* и *априорно* (относительно данной реальности) обоснованные параметры, масштаб и результаты.

Актуализация феномена иммиграции в кризисном Евросоюзе. А между тем общее состояние дел в Евросоюзе, который в 2004 г. достиг апогея своего расширения, начало кардинально меняться. И настолько кардинально, что его достижения и победы предыдущей поры, уйдя в историю, вывели тем самым «из тени» поступательно нарастающие противоречия и усугубляющиеся ошибки в иммиграционной политике ЕС. 2005-й год положил начало, как это впоследствии стало ясно, первой, *институциональной* (термин Ю.А. Борко) фазе общего кризиса Евросоюза. Одновременно этот год ознаменовался и началом своеобразного «восстания электората» в ряде стран ЕС: в мае – во Франции, а в начале июня – в Нидерландах большинством участников общенациональных референдумов был отвергнут проект «Конституции для Европы». В 2008 г. «нет» этому проекту сказали также и избиратели Ирландии. А в том же 2008 г. на Евросоюз распространился мировой финансово-экономический кризис, который не только принес общую многолетнюю рецессию, но и поставил на грань дефолта Грецию, Латвию, Венгрию и Румынию. Кроме того, он также обернулся тяжелейшим испытанием для всей Еврозоны. Есть поэтому достаточные основания расценивать данный кризис как *вторую* фазу общего кризиса Евросоюза. Недальновидная политика поощрения «арабской весны» бумерангом возвратилась на Запад уже в 2011 г. в виде новой волны иммиграции, породившей новые конфликты между странами-членами ЕС, в частности между Францией и Италией (10). Надо сказать, что правящие элиты евросоюзных стран, взявших курс на спонсирование «арабской весны», и на этот раз проявили удивительную, прямо скажем, беспечность, очевидную неспособность спрогнозировать последствия своих действий. Ведь в них тогда еще должны были помнить об иммиграционных «приливах», последовавших в результате войн в экс-Югославии. А между прочим балканский иммиграционный потенциал объективно был на порядки ниже, по сравнению с арабским: ведь население только тех арабских стран, которые были охвачены волнениями в том же 2011 г., составляло в общей сложности 260 млн. чел. (11).

Таким образом, 2011-й г. открыл новую, *третью* фазу общего кризиса Евросоюза – иммиграционный кризис. Кажется самоочевидным, что форс-мажорная иммиграция уже простимулировала и далее будет стимулировать рост в странах Евросоюза группового этнического самосознания. А таковое, в свою очередь, будет в немалой мере обеспечивать процесс дальнейшего разделения социумов и на национальном, и на общеевропейском уровне. Значит, будет также расширяться поле эвентуальных конфликтов: и за счет собственно этнических, и, в гораздо большей степени за счет

«этнизации» множества прочих форм конфликтов. Ведь аналитики еще в конце прошлого, XX-го в., констатировали и прогнозировали такие явления, когда неэтнические конфликтные ситуации так или иначе «этнизуются и грозят приобрести необратимый характер» (12).

Как выше уже отмечалось, миграционные потоки в ЕС из стран Африки и Азии, мощный импульс которым сообщила «арабская весна», дали совершенно новое измерение их массовости. Но новыми явились не только их количественные параметры, но и весьма выпукло проявившиеся качественные характеристики. Так, 10-15 лет назад некоторые исследователи, расценивая миграции как «центральную проблему нашего времени», вместе с тем отмечали «ненасильственное воздействие» этого феномена «на сложившиеся социокультурные общности» (13). А вот 2015-й, а вслед за ним и последующие годы показали, что теперь это уже далеко не так. Неоднократные штурмы мигрантами границ государств южного контура ЕС, порча и уничтожение имущества, посевов и огородов местного населения, весьма нередкие столкновения с силами порядка в лагерях для беженцев, теракты и попытки терактов, во множестве осуществляемые замаскированными под беженцев «джихадистами», и, конечно, получившие большой общественный резонанс массовые случаи насилия над европейскими женщинами – все это дает основание говорить о новом этапе происходящей в последние десятилетия гетерогенизации Старого Света.

Все это, вне всякого сомнения, будет иметь далеко идущие политические последствия. Ведь те надежды на грядущую «евроаккультурацию» иммигрантов (в большинстве своем мусульман), которые возлагают представители «неолиберального» сегмента общественного мнения и значительная часть властвующих в странах Евросоюза элит, широким слоям европейского населения представляются все менее реалистичными. Так, опросы общественного мнения в странах, подвергшихся в 2015 г. небывалому наплыву иммигрантов, показали, что иммиграционный кризис стал восприниматься европейцами как самая злободневная проблема для их стран, даже более важная, чем финансовый кризис, высокая безработица или реформирование еврозоны (14). По мере раскручивания спирали кризиса с беженцами нарастала общественная тревога и неприятие политики «открытых дверей», проводимой национальными правительствами и руководством ЕС. В быстром росте иноцивилизационных анклавов в Старом Свете его автохтонные жители, как мы можем наблюдать, усматривают уже вполне отчетливую угрозу своей национально-культурной идентичности. Выражающие их настроения, озабоченность и тревоги правопопулистские партии

форматируют уже в алармистском ключе, стремительно расширяя свой электорат. На местных, парламентских и президентских выборах, на выборах в Европарламент такие партии как, например, французский Национальный фронт (ныне – Национальное движение), немецкая Альтернатива для Германии, итальянская Лига Севера, австрийская Партия свободы и целый ряд других, наращивают свой электорат уже не просто на проценты, а увеличивают его нередко даже в разы.

Итак, иммиграция превратилась в последнее десятилетие в один из главных факторов кризиса Евросоюза. Начиная же с 2015 г., экономическое, политическое и социокультурное давление этого фактора еще более усиливается, так как нарастающий приток иммигрантов требует от правительств стран – членов ЕС – все большего финансирования. Но в условиях вялого экономического роста в ЕС делать это становится все труднее, не говоря уже о влиянии фактора рецессии, такой катастрофической, каковая началась в 2020 г. в результате пандемии коронавируса. Превращение иммиграции в самодовлеющий фактор кризиса ЕС – это и, как полагаем мы, следствие изначальных системных ошибок правительств западных стран в понимании специфических особенностей различных миграционных процессов в Новейшее время, в частности, игнорирования государственными чиновниками и правительственными экспертами тех качественных характеристик миграций в последние два столетия, которые делали их совершенно не похожими друг на друга. А такое непонимание и игнорирование, в свою очередь, вполне «логично» дополнялось также их уверенностью в неизбежности последовательной «евроаккультурации» выходцев из Третьего мира. В действительности же происходило нечто иное. Новоселы Старого света, так сказать, «брали» с собой на новую родину (точнее, «родины») вполне, как мы отмечали, органичные для них общинно-родовые адаптационные стратегии и поведенческие практики. В результате, в одной за другой западных странах, начиная уже с 1960-х гг., стали появляться инокультурные анклавные. Шло время, а анклавные эти не только не «растворялись» под действием ожидаемой евроаккультурации, но, напротив, множились и становились все более густонаселенными.

«Парад факторов» перманентного обострения. Почему так произошло? Как мы полагаем, госуправленцы и официальные статусные эксперты стран «старой Европы» изначально не смогли по достоинству оценить потенциал воздействия на эти процессы целой группы факторов культурного, социально-экономического и конфессионального порядка. Считаем необходимым в данной связи подчеркнуть, что речь идет здесь именно о *группе факторов: индивидуальное воздействие каждого из них в той*

или иной мере значительно усиливается параллельным действием других. Фактор первый – это мультикультурализм. Поскольку различным аспектам теории и практики мультикультурализма посвящена обширная литература (список соответствующей литературы приводится нами в недавно вышедшей коллективной монограмме «Цивилизационные процессы в всемирно-исторической перспективе» (М.: Аквилон, 2018. С. 416), то ограничимся тезисным изложением этой доктрины и практики ее применения, с упором на задачи нашего исследования.

Теория «мультикультурализма» возникла еще в 1960-е годы в Канаде. Она отталкивалась от либеральной гуманистической установки на необходимость разработки системы мер по предотвращению ассимиляции, которой с течением времени подвергались сообщества канадских индейцев. Один из разработчиков мультикультуралистской доктрины, У. Киммлик, формулировал ее как политику признания и охраны гражданских прав и социокультурной идентичности этнических меньшинств. Это, в итоге, должно будет обеспечить более или менее гармоничное сосуществование их с другими этнокультурными группами. Мультикультурализм, таким образом, ставил целью обеспечение бесконфликтного сосуществования различных культур в одном национально-государственном пространстве и их интеграцию, но без того, чтобы та или иная из них поглощала другие. Изначальная «охранительная» направленность мультикультурализма на автохтонные индейские общины Канады оказалась востребованной в странах, где автохтонные общины находились в аналогичной ситуации и испытывали схожие проблемы, прежде всего, в США и Австралии. Но затем мультикультуралистские стратегии Нового Света, решили взять на вооружение и страны Старого Света, вначале Великобритания и Швеция, а позже – Франция, Германия и другие западноевропейские государства. В условиях постоянно усиливавшегося притока в Западную Европу иммигрантов, европейским госчиновникам и аффилированным с ними экспертам показалась заманчивой перспектива гармоничного сосуществования в их странах различных культур в интересах их взаимообогащения и развития. Однако, такой перенос опыта Нового света удивительным (иначе не скажешь) образом не принимал во внимание принципиальную разницу в данном отношении между Старым и Новым Светом. А состоит она в том, что в последнем те же индейцы, австралийские или новозеландские аборигены Канады, США, Австралии или Новой Зеландии являются именно *автохтонным* населением, тогда как в европейских странах автохтоны – это как раз англичане, голландцы, французы, немцы и т.д. Турки же, арабы, курды, афганцы и др. являются в них, напротив, *пришлым* населением.

Системная ошибка при запуске мультикультуралистского проекта в Европе по лекалам Нового света направляет включение иммигрантов в коренное европейское население (чем дальше, тем больше) по пути формирования ими *инокультурных анклавов*. И степень автономности последних от культуры автохтонных народов Европы последовательно, по мере их роста, *повышается*. Иными словами, вместо сокращения социокультурной дистанции между «новыми европейцами» и автохтонами наблюдается дальнейшая *атомизация* культурного пространства. Причем нельзя не напомнить, что «сверхнормативный» массовый наплыв беженцев в 2015 г. и в последующие годы уже внес и будет в дальнейшем вносить свой весомый «вклад» в значительное обострение проблемы социокультурной фрагментации западноевропейских стран. Но не одна только неадекватная для европейских реалий политика мультикультурализма консервирует социокультурные различия и ведет к дальнейшей: культурной фрагментации Старого Света. В не меньшей степени этому способствует и действующий с ней в резонансе конфессиональный фактор. Он в определяющем работает на *дальнейшую дивергенцию* в европейском обществе. Происходит такая дивергенция благодаря тому, что среди иммигрантов абсолютное большинство составляют исповедующие ислам. Причем их доминирование в результате нынешнего обострения иммиграционного кризиса еще более усилилось. Как уже отмечалось, среди въехавших в 2015 г. в Германию доля мусульман достигла 70%, а во Францию – превысила даже этот показатель (15).

Прибывшие на Запад в поисках лучших экономических возможностей и мирной жизни мусульмане, как отмечают специалисты, получают там «больше религиозной свободы, чем у себя дома». И они, в соответствии с доктриной ислама, используют эту свободу для формирования своих новых сообществ и «взламывания» иных. Так ведь было всегда, если не забывать историю распространения исламского вероучения. Есть все основания утверждать, что в переживающем сейчас «обратную глобализацию» Старом свете *«не столько европейцы влияют на мигрантов, сколько сами мигранты стремятся обратить европейцев в свою веру и культуру»* (Выделено мною – О.Б.) (16). Причем количество сторонников исламского «воинствующего культуртрегерства» намного выросло в последние годы по вине самих же западных лидеров. Ведь их политика всемерного поощрения «арабской весны» стала фактически «ударом в спину» как раз «евроисламу», выступающему как более лояльная по отношению к Западу версия исламского вероучения (17). Пресловутые «гуманитарные интервенции» неожиданным для их организаторов следствием имели появление в евро-

пейских странах массы иммигрантов – приверженцев «джихадизма». За короткое время те, в частности, сумели привлечь под черное знамя ИГИЛ многие тысячи местных исламистов.

Сохранению значительной социокультурной дистанции между иммигрантами и их европейской «новой родиной» в большой степени способствуют также и характерные особенности их *экономического поведения*. Ведь изначально занимая, в связи с отсутствием нужной квалификации, ниши на «обочине» экономической жизни стран въезда, вчерашние иммигранты так, по большей части, остаются на этой «обочине» и в дальнейшем. Иначе говоря, применительно к ним обычная для современного общества вертикальная социальная мобильность работает весьма и весьма слабо. Как констатирует в связи с этим российский германист И.Ф. Максимычев, в Германии приезжие турки отнюдь не стремятся «приобретать квалификацию», чтобы «выбиться в люди». «По стопам родителей» идут и турецкие дети. Конечно, исключения из этого правила есть, «но их мало» (18). Размышляя о судьбе арабов-иммигрантов в современной Европе, востоковеды И.О. Абрамова и Л.Л. Фитуни отмечают, что если мигранту даже и удастся открыть собственное дело – ресторан или небольшой магазинчик, то «там работают, в основном, его родственники» (19).

В специальных исследованиях констатируется, что к началу XXI в. «интеграция мигрантов оказалась *самым острым вопросом* среди тех, с которыми столкнулся современный мир. Вследствие чего *лишь часть второго поколения* новых граждан с «мигрантскими корнями» отчаянно стремится стать частью мейнстрима общества «новой родины», в то время как другие остаются изгоями, для которых реальностью является «социальная исключенность» и закрыты социальные лифты (выделено мною. – *О.Б.*)» (20). Приведем некоторые примеры, каждый из которых ярко отражает остроту болезненной проблемы нарастания противоречий, связанных с перманентным притоком иммигрантов в ЕС. Так, во Франции мигранты-мусульмане уже десятилетиями упорно борются, часто прибегая даже к терактам, против государственной политики «позитивного секуляризма». Они требуют, чтобы «принятое в этой стране жесткое разделение религиозной и гражданской сфер» на них, мусульман, вообще не распространялось (21). Применительно к стране с самым большим в ЕС населением – Германии – заметим, например, что дети арабов-мигрантов здесь, как правило, женятся между собой, процент смешанных браков *не превышает 10%* (выделено мною – *О.Б.*) (22). Похожим образом поступают турки, которые «выписывают» для своих сыновей жен из страны происхождения, а также настаива-

ют на праве и обязанности турецких женщин носить повсюду головной платок (хиджаб)...» (23). Как показало одно этносоциологическое исследование 2009 г., 82,5 % турецких иммигрантов дают своим рожденным в ФРГ детям турецкие имена. Другой опрос, проведенный в 2010 г., показал, что почти 23 % живущих в Германии турок либо вообще не говорят на немецком языке, либо плохо знают его, а каждый *второй* из них с немцами «практически не общается» (24).

Заключение: что готовит Евросоюзу день грядущий? Как резюмируют специалисты, «на фоне объективно возрастающих масштабов международной миграции, стимулируемых потребностями рынков труда, *снижается интеграционный потенциал принимающих обществ* (выделено мною – О.Б.)» (25). И эти процессы снижения интеграционного потенциала ускоряются по мере роста в странах ЕС инновационных анклавов, «постепенно самоорганизующихся и неизбежно превращающихся в значимую политическую, экономическую и социальную силу (выделено мною – О.Б.)». Нынешний уровень самоорганизации инуюльтурных сообществ уже позволяет им формировать квазигосударственные институты, призванные «защищать» эти сообщества от тех самых государств, на территории которых они как раз и находятся. Зримыми и более чем убедительными примерами таковых «институтов» являются патрули «исламской полиции» и отряды «исламской милиции» в европейских городах, шариатские суды как параллельные системы правосудия. Нельзя не указать также в связи с этим и на фактическое двоевластие на территориях с большим количеством иммигрантов. Взять хотя бы север и северо-восток Парижа, Марсель, брюссельский Моленбек, берлинский Кройцберг или Антверпен, где законные власти «с трудом пытаются противостоять накопившемуся потенциалу недовольства и протеста, регулярно выливающегося в насилие, массовую порчу имущества граждан и поджоги (выделено мною. – О.Б.)» (26).

Российские исследователи П.Е. Кандель и А.И. Тэвдой-Бурмули в связи со всем этим отмечают: как оказывается, «не новые меньшинства должны адаптироваться к ценностному и институциональному наследию европейской цивилизации, но *саму Европу должно адаптировать*» к ее новым обитателям». В итоге, констатируют указанные ученые, Европа «деевропеизируется» (выделено мною – О.Б.). Поднявшийся в 2015 г. «девятый вал» иммиграции в ЕС и последовавшие за ним «тектонические» сдвиги в настроениях избирателей западноевропейских стран дали новый сильнейший импульс для критического переосмысления фатальных последствий механического переноса теории и практики мультикультурализма на европей-

скую почву. Следующие один за другим в последние годы теракты (которые постоянно диверсифицируются как по масштабам и способам осуществления, так и по странам совершения) одним из важнейших последствий для «восставшего» европейского электората имеют замещение в его сознании образа иммигранта на образ мусульманина. Исламское вероучение же все более и более широкие круги европейского населения воспринимают уже в меньшей мере как одну из рядоположенных мировых религий, а в большей – как тот *образ жизни, который угрожает именно европейским базовым ценностям*. В этой ситуации правящим европейским элитам тем более не остается ничего другого, кроме как предложить обществу альтернативную «мульти-культу» концепцию. На роль таковой некоторые представители экспертного мейнстрима предлагают так называемый «интеркультурализм», призванный привить иммигрантам «обогащенную идентичность граждан единой Европы». По мнению аналитиков, поскольку интеркультурализм предусматривает отказ от крайностей «жесткого» мультикультурализма, но предполагает вместе с тем сохранение всех «классических» антидискриминационных практик на базе европейского права», то он фактически представляет собой версию «мягкого» мультикультурализма (27).

Совершенно другое дело – реальное осуществление новой политики. Удастся ли достичь поставленных целей нынешнему Евросоюзу, который в последнее десятилетие сдал свои позиции чуть ли не по всем направлениям? И вообще, в силах ли руководство как отдельных стран, так и ЕС в целом, обуздать те уже существующие квазигосударственные иноцивилизационные институты, о которых выше мы вели речь? Трудно не согласиться с Л.Л. Фитуни и И.О. Абрамовой, которые пишут в связи с этим, что нынешние правящие элиты Старого света «не готовы и, возможно, *не способны* устранить первопричины негативных трендов (выделено мною – *О.Б.*)». Подтверждением правомерности такового вывода следует считать провозглашенный в сентябре 2020 г. план замены Дублинской конвенции 1990 г. о предоставлении убежища беженцам новой конвенцией, по которой соответствующая политика будет передана на коммунитарный уровень всего Евросоюза. Понятно, что новое руководство ЕС вынуждено пойти на это в связи с тем, что в последние годы Дублинская конвенция просто-напросто перестала работать. Ведь постоянные призывы стран южного контура ЕС – Италии, Испании, Мальты, Греции – к солидарному участию в распределении прибывающих к ним через Средиземное море беженцев другие члены союза либо полностью игнорируют, либо оказывают совершенно не достаточную

помощь. Не нужно обладать богатым воображением, чтобы представить, как трудно будет осуществить этот план в контексте нынешних реалий Евросоюза. В свете всего вышесказанного, пожалуй, не такой уж и «алармистской» следует называть хорошо известную концепцию, согласно которой «в Европе происходит замена европейской цивилизации на иную, пришлую цивилизацию, которую можно называть мусульманской, арабской, азиатской; важно, что она не европейская (выделено мною – *О.Б.*)» (28).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Федоров В.П. Европейские перемены // Социология. 2015. № 2. С. 29.
2. Европейский союз в XXI веке: время испытаний /Под ред. О.Ю. Потемкиной (отв. ред.), Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. М., 2012. С. 573.
3. Там же. С. 574.
4. Потемкина О.Ю. Пространство свободы, безопасности и правосудия Европейского союза. М., 2011. С. 4, 7-8, 11, 14, 20, 22, 23, 28, 42-45, 52-53, 59, 64-65, 115, 354-355 и др.
5. Буховец О.Г. Европейская и евразийская интеграция: вчера, сегодня, завтра // Белорусский экономический журнал. 2012. № 1. С. 79.
6. Борко Ю.А. От Евросоюза-I к Евросоюзу-II (ЕС в конце первого десятилетия XXI века) // Белорусский экономический журнал. 2010. № 2. С. 46.
7. Gazelli G., Vallin J., Wunsch G., (dir.). Demographie: analyse synthese, t4: Les determinants de la migration. Paris, 2003; Simon G. Les migrations internationales // Populations et Societes. № 382. September 2002.
8. Эран Ф. Пять предвзятых идей об эмиграции // Наследие и общество. 2004. № 80. С. 3-4.
9. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Феномен «восточного общества» в современной Европе: парадигмы, вызовы, прогнозы // Современная Европа. 2017. № 2. С. 15.
10. Потемкина О.Ю. Указ. соч. С. 95-99.
11. Буховец О.Г. Указ. соч. С. 79.
12. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000. С. 16; Кандель П.О. О национализме с «человеческим лицом» // Pro et Contra. Т. 3. Лето 1998. С. 127- 128.
13. Иноземцев В.Л. На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия. М., 2003. С. 35.
14. Зверева Т.В. Миграционный кризис: «тихий развал» Евросоюза или новый этап в развитии интеграции? // Россия и мир. Вестник Дипломатической академии МИД России. 2015. № 4 (6). С. 109.
15. Тимошенко Е.П. Германия // Современная Европа. 2016. № 2. С. 118; Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Указ. соч. С. 10.
16. Китинов Б.У. Тропы Европы: мигранты в поисках идентичности // Современная Европа. 2016. № 5. С. 127.
17. Максимычев И.Ф. Этнический компонент кризиса Европы. (на примере ФРГ) // Обозреватель - Observer. 2011. № 12. С. 50.
18. Там же. С. 47.
19. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Указ. соч. С. 11.
20. Ивахнюк И.В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации // Век глобализации. 2016. № 1-2. С. 33.
21. Язькова В.Е. Миграция и Италия: роль католической церкви в формировании общественного мнения // Современная Европа. 2017. № 5. С. 106.
22. Фитуни Л.Л., Абрамова И.В. Указ. соч. С. 11.
23. Максимычев И.Ф. Указ. соч. С. 47.

24. Европейский союз в XXI веке... С. 582.
25. Ивахнюк И.В. Указ. соч. С. 33.
26. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Указ. соч. С. 7-8.
27. Европейский союз в XXI веке... С. 577, 595.
28. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Указ. соч. С. 15; Ивахнюк И.В. Указ. соч. С. 34.

О.Г. Буховец

«ЭРА МАКРОНА» ИЛИ МИРАЖ МАКРОНА?

«Эра Макрона»? Апрель, май, июнь 2017 г. преподнесли Франции целый ряд политических сюрпризов. Главный сюрприз выразился в том, что в первом туре президентских выборов, состоявшихся 23 апреля, самый молодой из кандидатов – Эмманюэль Макрон – опередил всех четверых, более опытных своих конкурентов, и занял 1-е место, с 24,01 % голосов (1). Во втором же туре – 7-го мая – он с большим отрывом победил главу Национального фронта депутата Европарламента Марин Ле Пен и стал самым молодым в истории Пятой республики французским президентом. Второй сюрприз – уверенная победа созданной Э. Макроном партии «Вперед, Республика!» на состоявшихся 11 и 18 июня парламентских выборах. В результате, эта появившаяся лишь незадолго до выборов партия получила абсолютное большинство мест в Национальном собрании - 53,4 % (2). Столь внезапные и просто ошеломляющие успехи молодого французского лидера вызвали многочисленные и часто восторженные комплименты в адрес нового президента, в частности, относительно того, что Э. Макрон – носитель новых подходов в стратегии глобального и регионального развития, нестандартно и креативно мыслящий политик – сумел кардинально переформатировать французскую политическую систему, что этот молодой лидер современной формации, способен динамизировать затормозившееся в последние годы развитие евросоюзного интеграционного проекта. Примечательно, что в научный и политический оборот уже успел войти даже специальный термин – «макронизация» (3). Эксперты, конечно, правы в том, что Э. Макрону «нельзя отказать в честолюбии, энергии, волевых качествах, эрудиции и известной харизме» (4). Тем более, что, как подчеркивает член-корр. РАН А.А. Громыко, «В 2017 г. внимание всей Европы было приковано к ходу и результатам выборов во Франции», свидетельствующих о «существенных изменениях всей партийной системы Пятой республики, правил игры и состава ее политического класса» (5).

И все же, как представляется, перечисленные достоинства Макрона явно преувеличены. Его более чем трехлетняя деятельность на посту президента свидетельствует,

скорее, о поверхностности и фрагментарности политического сознания нынешнего французского лидера. Историческую перспективу, как показали истекшие три года, Макрон видит слабо. Да и в политической тактике нынешний французский президент не силен. Очевидным показателем этого следует, в частности, считать изначально безапелляционные его заявления относительно того, что беспрецедентное движение «желтых жилетов», которое, вопреки его ожиданиям, не только не сошло на нет, но, напротив, не утихает во Франции уже третий год, никак, мол, не повлияет на намеченный им курс по экономическому, социальному и политическому реформированию Франции. Другой пример: демонстративно-пренебрежительные отзывы действующего президента об опросах общественного мнения, свидетельствующих о стремительном снижении его популярности в стране. Не за горами уже четырехлетие президентства Макрона, а результаты его пока довольно безотрадны. Как резонно отмечают аналитики, французский президент и его партия «Вперед, Республика!» (претендующая на то, что она одновременно «и левая, и правая»...) отнюдь не достигли тех целей в социальном, экономическом и евроинтеграционном плане, «которые казались ... реальными» в «славном мае» (6). И коль на внутреннем фронте у французского президента успехов до сих пор нет, то он с завидной решительностью берется помогать в урегулировании сложнейших конфликтов в различных частях мира. К примеру, в Венесуэле, в «треугольнике» Греция – Кипр – Турция, в Ливане, на южном Кавказе, и даже в Белоруссии.

Широко известный в мире британский еженедельник «Экономист» переформатирование партийно-политической системы Франции и кардинальное обновление ее властвующей элиты в 2017 г. без обиняков назвал «революцией» (7). У некоторых экспертов-специалистов по Франции данное определение вызвало недоумение. По всей вероятности, «Экономист» этот льстивый термин – «революция» – ввел, находясь под влиянием вышедшей за полгода до того книги самого Макрона, которая так и называлась – «Революция» («Revolution») (8). Но, если немного перефразировать Н.Г. Чернышевского, то «История – не тротуар проспекта Фоша». Одержавший столь убедительную победу на президентских выборах «революционер-солнце» Макрон и его правительство программу реформ, как говорится, «расписали на бумаге, да забыли про овраги...» Согласно давно уже известному язвительному выражению, некоторым государственным или политическим деятелям, так сказать, «не везет с народом». Нынешняя французская ситуация, похоже, вполне соответствует данному выражению: «революционеру – солнцу» как раз и «не повезло» с французами, мешающими

ему проводить в жизнь «все хорошее, против всего плохого». Нельзя не согласиться с историком и политологом Ю.И. Рубинским, который привлекает внимание к характерным особенностям одного опроса общественного мнения во Франции. Он был проведен сразу же после «славного мая» 2017 г., принесшего Э. Макрону во втором туре президентских выборов голоса почти двух третей (66,1 %) избирателей, принявших участие в голосовании. Так вот, самым примечательным результатом указанного опроса Рубинский считает то, что респонденты, достаточно высоко оценивая такие качества Э. Макрона, как его способность исполнять обязанности президента Франции, стремление к переменам, смелость и личное обаяние, вместе с тем, в гораздо меньшей степени считают его *честным, искренним и понимающим насущные потребности* избирателей (9).

Действительно, данные, полученные в ходе опроса, несут весьма ценную информацию о восприятии массовым сознанием этого самого молодого президента за всю историю республиканской Франции. Сопоставим показатель признания опрошенными *наличия* у Макрона качеств президента с уровнем оценок других его *личностных характеристик* (10). Оказалось, что считающих Э. Макрона *честным* было в 1,3 раза меньше, нежели тех, кто признавал в нем наличие качеств президента, а считающих его *искренним* – в 1,6 раза меньше. Число же тех, кто полагал тогда, что новый президент *понимает интересы своих избирателей* – меньше было уже в 2,3 раза! А ведь указанный опрос, подчеркнем, проводился сразу после выборов, т.е. когда у опрашиваемых еще практически не было информации о *конкретной деятельности* избранного президента... Лишь на фоне блеклого (иначе не скажешь) политического истеблишмента современного Евросоюза Э. Макрон выглядит этаким ярким пятном, «баловнем политической судьбы», претендующим, как иронично замечено, «на мифологический образ Юпитера, верховного авторитета» на современном политическом олимпе (11). Правда, с образом Юпитера уж точно не вяжется склонность Э. Макрона к конспирологии. Одним из проявлений таковой можно считать, например, его идею о том, что за движением французских «желтых жилетов» стоит ... Россия(!). Да и в более общем плане: как это ни парадоксально, но в своих публичных заявлениях молодой французский президент-обновленец находит допустимым употреблять в отношении России размашистые политические оценки обвинительного толка прямо-таки в духе «холодной войны» (12). А весной 2018 г. администрацией Макрона такие же примерно, как и России, обвинения были предъявлены уже и евросоюзной соседке – Италии. Дело дошло даже до демонстративного отъезда Парижем из Рима француз-

ского посла «для консультаций». И произошло это, нелишне отметить, впервые за последние 78 лет!! Эвристически ценный материал о характерных особенностях сознания Э. Макрона принесли проходившие в конце 2018г. резонансные мероприятия по случаю 100-летнего юбилея окончания Первой мировой войны.

Значение 100-летия окончания Первой мировой войны. 11 ноября 2018 г. во Франции, Великобритании и в целом ряде других стран отмечали 100-летие окончания Первой мировой войны. В основных торжествах в связи с этим юбилеем, прошедших в Париже под общим руководством Президента Французской республики Э. Макрона, участвовали главы государств и правительств из 70 стран, среди которых был Президент России В.В. Путин (13). В торжественных мероприятиях, посвященных этому 100-летию юбилею, приняли участие руководители основных международных организаций, государственные, политические и общественные деятели многих стран, представители мировых масс-медиа. В тот же день в Париже прошел Форум мира, на котором с речами выступили главы государств и правительств, представители мировой общественности. Нелишне отметить, что для участия в работе форума его устроителями был, в частности, приглашен известный в Европе и мире историк и политолог, кавалер французского Ордена Почетного легиона, руководитель Центра французских исследований ИЕ РАН, профессор Ю.И. Рубинский.

Исключительное значение войны 1914–1918г.г. для современного мира заключается в том, что она, поставив в итоге массовых мобилизаций под ружье 74 млн. чел., стала не только «Первой мировой», но еще и первой *тотальной* войной. В этой войне нашли свое применение появившиеся в ходе бурного научно-технического прогресса конца XIX – начала XX вв. в большом количестве новинки вооружения и боевой техники – тяжелая артиллерия, минометы, крупнокалиберные пулеметы, аэропланы, танки, подводные лодки, огнеметы, химическое оружие и многое другое. Причем не просто нашли применение: по мере ее развертывания они стали применяться во все более и более массовых масштабах (14). Втянув в свою орбиту 38 государств с полутора-миллиардным населением, Первая мировая война потрясла тогдашний мир до основания. Она, в частности, стала разрушительницей 4-х империй – Австро-Венгерской, Германской, Российской и Османской. На их месте после ее окончания в Европе возникла дюжина новых государств, три из которых – Советский Союз, Чехословакия и Югославия (получившая тогда название «Королевство сербов, хорватов, словенцев) – затем, спустя 8 десятилетий также распались. Грандиозность масштабов и последствий Первой мировой/тотальной войны в наши дни, в связи со 100-летием ее оконча-

ния, поставила перед политическими и интеллектуальными элитами современных государств исключительно сложную и ответственную задачу. Если говорить образно, то им надлежит *дискурсивно объять необъятность всего ее трагизма*. И кажется вполне само собой разумеющимся, что в публичных оценках ее нынешними государственными деятелями никак не должны присутствовать те или иные проявления политической суетности. Оценки эти должны производиться, под стать самому феномену этой войны, *с позиции вечности* – «sub specie aeternitatis».

Экспозиция юбилейных торжеств во Франции: «бенефис Макрона». Прежде всего это относится, разумеется, к Франции как стране-хозяйке всех основных мероприятий по случаю 100-летия окончания войны. И в первую очередь, конечно, – к руководившему их подготовкой и проведением французскому президенту Э. Макрону. Программа юбилейных мероприятий, проходивших во Франции 11 ноября 2018 г. и накануне, была весьма насыщенной. Назовем основные из них. Предварял начало торжеств 11 ноября своего рода неформальный «саммит на пленэре» – под навесом от дождя у подножия Триумфальной арки. Там собрались главы государств и правительств, а также статусные госчиновники, представлявшие много других стран, руководители международных организаций и видные общественные деятели (15). Затем президент Французской республики открыл торжественную церемонию и произнес продолжительную речь. Основные французские и мировые масс-медиа освещали все происходящее для многомиллионной мировой аудитории либо в режиме прямой трансляции, либо в подробном пересказе (16). После выступления Макрона последовали театрализованные представления и состоялся военный парад. Основным мероприятием дня стал Форум мира, которому устроители 100-летнего юбилея изначально придавали очень большое значение и в работе которого приняли участие государственные и общественные деятели, представители науки и культуры из многих стран. Президент США Д. Трамп Форумом мира пренебрег и еще до его начала, можно сказать, демонстративно покинул Париж. И, наконец, самый скорбный пункт программы юбилейных торжеств – посещение мемориальных комплексов, воздвигнутых в память о павших во время Первой мировой. Это, в частности, сделал Президент России В.В. Путин, возложив цветы к памятнику сражавшимся во Франции солдатам и офицерам Русского экспедиционного корпуса. Нельзя не отметить что, согласно официальной американской версии, Президент Трамп не принял участие в Форуме мира именно в связи с его намерением посетить один из мемориалов в память об американцах, павших на этой войне. Все, что связано с Первой мировой (за которой давно уже закре-

пилось также название «Великая война») (17), превратилось в предмет повышенного внимания политических элит, широкой общественности и масс-медиа еще в 2014 г. – тогда отмечалось 100-летие начала этой войны. Ноябрьские же торжества 2018 г. по случаю 100-летнего юбилея ее окончания закономерно стали пиком такого внимания.

Что требовалось от президента Франции и что получилось? В свете всего вышесказанного о Великой войне, задача, стоявшая перед Э. Макроном в его юбилейной речи, была, безусловно, очень сложной. Как президент Франции он, в соответствии с формулой «*urbi et orbi*», должен был ход Первой мировой, ее исход и уроки адекватно «вписать» в XXI век. И сделать это – именно с «позиции вечности», т.е., скажем так, не «подверстывая» войну столетней давности к политической повседневности нынешнего мира. Так вот, в речи Э. Макрона данная задача, на наш взгляд, не была решена. Поясним, почему. С одной стороны, содержание речи французского лидера в основном, казалось бы, соответствует тем требованиям, которые предъявляет сам по себе «юбилейный жанр». Иначе говоря, поскольку речь адресована «*urbi et orbi*», то в ней есть много того, что апеллирует непосредственно к чувствам. Если конкретно, это: 1) печальные умозаключения («Европа [в 2014 г.] практически совершила самоубийство») (18); 2) выражения радости («11 ноября 1918 года... зазвонили колокола, возвестившие о перемирии после четырех долгих и кровопролитных лет войны») (19); 3) чувства признательности, благодарности («Франция склоняет головы перед памятью солдат. Она знает, чем им обязана») (20); 4) призывы («Следы этой войны никогда не следует забывать – ни в Европе, ни во всем мире») (21); 5) обещания («... передать нашим детям мир, о котором мечтали поколения») (22); 6) предостережения («К нам возвращаются старые демоны, снова готовые сеять хаос и смерть») (23); 7) воззвания («Пусть же эта церемония поведаст о нашей вечной преданности нашим солдатам, погибшим за мир») (24); наконец, 8) лозунги («Да здравствуют свободные народы мира! Да здравствует дружба между народами») (25).

Но у «юбилейного жанра» есть, к сожалению, и другая, невыигрышная, так сказать, сторона: он не предоставляет достаточно возможностей для собственно аналитического постижения событий, являющихся предметом того или иного юбилея. Это в значительной мере относится и к парижской речи Э. Макрона 11 ноября 2018 г. Еще одно, более существенное замечание. Как это ни странно, но Э. Макрон, скажем так, «перепутал жанры» и в свою речь о 100-летию окончания Первой мировой войны включил целый блок жесткой полемики с Д. Трампом. Для любого искушенного слушателя не могло оставаться никаких сомнений в том, что рассуждениями о несовмес-

тимости национализма и патриотизма («Национализм – это предательство патриотизма»), а также о пагубности увлечения идеями протекционизма («Чтобы не случилось с остальными, наши интересы – прежде всего») (26) Макрон решил, так сказать, «преподать урок» Трампу. Но была ли эта практически незавуалированная критика Д. Трампа уместна на «всепримиряющем» форуме в честь 100-летия окончания Великой войны?! И тактично ли было это делать Э. Макрону, – хозяину юбилейных торжеств?! По всей вероятности, спровоцировало амбициозного Макрона на столь очевидную политическую ошибку давно уже известное покровительственно-нисходительное отношение к нему Трампа. Этим, скорее всего, объясняется и «симметричный» ответ последнего – его «блистательное» отсутствие на Форуме мира... Однако еще более *серьезной* ошибкой Макрона и его окружения при проведении ноябрьских юбилейных торжеств стало следующее. Значительная по времени часть театрализованных представлений была отведена письмам очевидцев перемирия, объявленного 11 ноября 1918 г. и положившего конец Первой мировой войне. Выдержки из писем французского, британского, американского и немецкого военнослужащих, а также рабочего из Китая и юной жительницы тогдашней Франции зачитали французские выпускники школ (27).

Россия в Великой войне и «амнезия» Макрона. В Рунете сразу же отметили отсутствие в этой подборке процитированных писем представителя от участвовавшей в Первой мировой войне России. Буквально на следующий день после церемонии в Париже стало известно о реакции на это Кремля. В своем заявлении по поводу нежелания французских организаторов юбилейной церемонии зачитать выдержки из письма русского солдата пресс-секретарь Президента Путина Д. Песков назвал историю Первой мировой «очень сложной и полной противоречий» применительно к истории России (28). В связи с этим, как сказал Песков, в Москве к данному решению французских организаторов мероприятия отнеслись «с уважением». Однако, автору этих строк как дискриминационное решение по «российскому вопросу» французских организаторов празднования юбилея окончания Великой войны, так и «уважительное», с позволения сказать, отношение к этому решению французов российской стороны – представляются не только не отвечающими реалиям истории, но и просто политически некорректными. А поскольку проблема восприятия во Франции участия России в Первой мировой войне имеет прямое отношение и к более общим сюжетам истории их взаимоотношений, то попытаемся систематизировать относящиеся к ней факты, многие из которых сами по себе давно ведь уже известны.

Напомним, что Российская империя, оказавшись практически втянутой в Первую мировую как провокационными действиями австро-германского блока, так и в силу своих обязательств перед союзниками, прежде всего перед Францией, была к этой войне готова в гораздо меньшей степени, чем ее главные противники и союзники (29). Именно по причине союзнических обязательств Российской империи, «не дожидаясь полного развертывания войск, при почти полной неготовности тыловых служб обеспечить длительное наступление, Верховное командование в соответствии с российско-французской конвенцией в угоду союзной Франции поспешно двинуло в 1914 г. русские армии в наступление» (30). Такая сильная зависимость российского Верховного командования от союзников в планировании и проведении боевых операций сохранялась на всем протяжении участия России в Первой мировой войне. Один лишь пример. В результате начатого немцами 8 февраля 1916 г. наступления под Верденом положение французских войск к середине февраля стало критическим. В связи с возникшей угрозой прорыва фронта, 19 февраля французское Верховное командование обратилось к России с настоятельной просьбой (практически с мольбой) как можно скорее начать наступление российской армии, которое вынудило бы Германию перебросить часть своих войск на Восточный фронт. Начатая по решению ставки в ответ на эту просьбу французов Нарочская операция «хоть и дорого стоила русским, – как пишет известный специалист по Первой мировой войне М.М. Смольянинов, – но ее проведением они спасли французов от разгрома и, возможно, спасли Париж от захвата германскими войсками весной 1916 г.» (31).

Теперь о другой линии близких союзнических отношений России и Франции. В 1915 г. французское правительство, испытывая острый недостаток в личном составе для пополнения действующей армии, предложило России соглашение, по которому взамен на французские поставки оружия и боеприпасов, во Францию был бы направлен большой российский воинский контингент численностью 400 тыс. солдат и офицеров. Российское военное командование отнеслось к предложению французов отрицательно, так как при всей очевидной остроте дефицита оружия и боеприпасов в русской действующей армии, некомплект личного состава в ней в тот же период достигал полумиллиона человек. Однако верх в итоге взяла, так сказать, политическая целесообразность и предложение французской стороны было принято. В реализацию указанного соглашения были сформированы 1-я и 2-я Особые пехотные бригады, каждая численностью более 10 тыс. чел. Путь их во Францию в военных условиях был долгим и небезопасным. 1-я бригада была сначала по железной дороге доставлена во

Владивосток, а затем продолжила свое долгое путешествие морским транспортом, прибыв в порт назначения – Марсель – лишь в апреле 1916 г. По сохранившейся фотографии видно, как горячо тогда тысячи жителей Марселя приветствовали на улицах и площадях города российских солдат и офицеров (32).

«Да» микроистории Первой мировой: не исключая и Россию! Осуществленная во время торжеств в Париже 11 ноября 2018 г. презентация фрагментов писем военнослужащих и представителей гражданского населения позаимствована разработчиками программы юбилея из методического арсенала бурно развивающихся в мире в последние десятилетия новых научных направлений, за которыми уже закрепились названия «микроистория» и «история повседневности». Их теоретики – Н. Дэвис, З. Кракауэр, Х. Медик и др., отталкиваясь от выдвинутого Н. Дэвис метода «децентрирующего сопоставления», предложили для констатации общности тех или иных исторических феноменов брать именно единичные случаи, ибо, по их убеждению, редкий в статистическом отношении документ может быть показательнее тысячи стереотипных» (33). Воспользуемся и мы подходами упомянутых специалистов, позволяющими, как они настаивают, увидеть через призму «микроистории» нечто *сущностно важное*. В нашем случае – в российско-французской «большой истории».

Вернемся в весенний Марсель 1916 г., город приветствовавший тогда прибытие российской 1-й Особой пехотной бригады. В одной из ее батальонных колонн, шествовавших мимо величественной Триумфальной арки, находился Родион Малиновский. Сын кухарки, родившейся в Одессе в 1898 г., он рос без отца. С 1911 г. Родион начал работать, сначала разнорабочим, а затем подручным в галантерейном магазине. Когда началась война, он в свои неполные 16 лет ушел добровольцем на фронт и был зачислен в состав пулеметной команды 256-го Елисаветградского пехотного полка. В 1915 г. – т.е., когда ему не исполнилось еще и 17-ти лет – за отвагу в бою Родион Малиновский был награжден Георгиевским крестом 4-й степени (34). После освоения французского оружия 1-я Особая пехотная бригада была послана на один из самых опасных участков фронта, в районе г. Мурмелон-ле-Гран. В течение нескольких месяцев, до конца 1916 г., она вела там ожесточенные оборонительные бои, понесла огромные потери – более трети всего состава (35). Но солдатское счастье улыбнулось и тогда Р. Малиновскому – он уцелел.

Февральская революция и Русский экспедиционный корпус. После того как в Российской империи грянула Февральская революция, русских солдат во Франции вскоре словно подменили. Стремительно нараставший на их родине кризис власти запус-

тил процесс разложения армии, который распространился также на подразделения Русского экспедиционного корпуса во Франции и на Балканах. Из символа стойкости и безупречного исполнения воинского и союзнического долга российские солдаты и офицеры уже весной 1917 г. превращается в фактор военно-политической дестабилизации в воюющей Франции. После отказа французского командования удовлетворить требование российских солдат о возвращении их на родину в войсках начались волнения, завершившиеся снятием их с фронта. Печальным же финалом истории Русского экспедиционного корпуса во Франции стало начало июля 1917 г., когда его части, сведенные ранее в 1-ю Особую пехотную дивизию, подняли восстание. Оно было жестоко подавлено, а дивизия расформирована. Правда, точности ради, эту печальную историю правильнее назвать все-таки «полуфиналом», а не финалом, так как после указанного расформирования российским солдатам и офицерам было предложено продолжить, на добровольных началах, службу во вновь сформированном «Русском легионе чести». В него записалось на тот момент несколько сот человек, после чего он сразу же был направлен на фронт (36). Когда закончилась война, легион был возвращен в Россию и вошел в состав Добровольческой армии генерала А.И. Деникина.

После расформирования летом 1917 г. всех российских частей наши солдаты и офицеры, наряду с Русским легионом чести, служили и в других подразделениях французской армии. В частности, наш герой Р. Малиновский в конце 1917 г. поступил в 1-й иностранный полк 1-й Марокканской дивизии французской армии и воевал в его составе *вплоть до окончания* Первой мировой (37). Еще раз подчеркнем: георгиевский кавалер, будущий Маршал Советского Союза, прославленный полководец Второй мировой войны, дважды Герой Советского Союза и будущий министр обороны СССР (находился на этом посту почти 10 лет) – Р.Я. Малиновский воевал во *французской* армии во время Первой мировой – с 1916 г. и вплоть до ее окончания в 1918 г.! Конечно, когда солдаты и офицеры Русского экспедиционного корпуса весной 1917 г. выдвинули требование о возвращении их в Россию, то Р. Малиновский, как избранный член ротного комитета (орган «демократизации» армии после Февральской революции) решительно поддержал это требование. За это в сентябре 1917 г. он был даже посажен французскими властями на пару месяцев в тюрьму. Однако вскоре Малиновский был из нее выпущен и принят на службу в вышеупомянутый 1-й иностранный полк французской армии. А отнюдь, следует это подчеркнуть, не отправлен, как некоторые другие русские солдаты, на каторгу или принудительные работы... Фатальным историческим последствием июльского восстания 1917 г. было то, что оно отбросило тень не

только на его *подлинных участников*, но фактически, и на тех военнослужащих Русского экспедиционного корпуса, которые еще долго затем, как выше указывалось, *служили верой и правдой Франции*. Не по этой ли, кстати, причине так непозволительно, по совести говоря, долго французы собирались строить памятники российским воинам?! Ведь первый из них – в Амьене – был установлен лишь в 2010 г., т.е. только через 92 года после окончания Великой войны, а второй – в Париже – в 2011, всего за 3 года до 100-летия ее начала!

Драма русско-французской коллизии 1917 года: уехать, нельзя остаться или уехать нельзя, остаться! В вопросе о том, насколько нелегитимными можно считать массовые требования, выдвигавшиеся, начиная с весны 1917 г. российскими военнослужащими, о возвращении их на родину мы сталкиваемся с весьма застарелым проявлением одномерной логики. Как нам представляется, после Февральской революции эти устремления и требования просто неизбежно должны были возникнуть. В самом деле, в стране, которая направила этих солдат и офицеров во Францию, происходят кардинальные изменения: царь, которому они присягали на верность, отрекся от престола, действия Временного правительства – попросту хаотичны, революционная «демократизация армии» оборачивается ее разложением. Пугающе стремительно и в столицах, и в провинции растет социально мотивированное насилие и не по дням, а по часам в обществе усиливается политическая поляризация. Получая из тех или иных источников информацию, а то и просто слухи обо всем этом, находящиеся так далеко от России солдаты и офицеры не могут не задаваться вопросом о том, образно говоря, «что же будет с нашей Родиной, нашими семьями и нами?» И, следовательно, они не могут не стремиться как можно скорее попасть домой.

Однако, с другой стороны, разве республиканская Франция, в разгар смертельной схватки с кайзеровской Германией, могла себе тогда позволить отъезд десятков тысяч российских военнослужащих?! Конечно, *не могла*. Тем более, что российское Временное правительство заверяло Францию и других союзников в том, что новая Россия продолжает оставаться на позиции «войны до победного конца». Иными словами, в сложившихся после Февральской революции в России исторических обстоятельствах российские военнослужащие во Франции и французские власти стали преследовать совершенно противоположные цели: если первые хотели во что бы то ни стало вернуться домой, то вторые – всеми способами задержать российских военных на франко-германском фронте до победоносного окончания войны. Нельзя не признать, что из этой драматической ситуации просто не было *недраматических выходов*. И весной-летом 1917 г. как раз

и происходят первые драматические, а в ряде случаев даже трагические события: волнения в русских частях, снятие их с фронта, переформирование, снова отправка на фронт, отказ выполнять приказы, восстание, подавление его, военно-полевые суды, вновь переформирование, снова фронт и, наконец, «со слезами на глазах» победа. Возвращаться же домой победителям пришлось уже в страну, объятую Гражданской войной. Одни из вернувшихся ветеранов вступают в Белую армию, другие – в Красную. Наш герой – Р.Я. Малиновский, вернувшийся в Россию лишь в 1919 г., – вступает в Красную армию. Впоследствии всеми войсками ее наследницы – Советской армии – он, прославленный полководец Второй мировой войны будет командовать без малого десять лет, вплоть до своей кончины в 1967 г.

В чем еще Макрон не справился с постижением истории и современности? Обветшалый «метод прокрустова ложа», которого, похоже, до сей поры еще придерживаются французские устроители 100-летнего юбилея Великой войны и их научные консультанты, позволил им подвергнуть, так сказать, рестрикции национальный список «достойных» участников этой войны. Элементы ее микроистории, которые были представлены в Париже 11 ноября 2018 г. государственным деятелям, французской и международной общественности фактически «заретушировали» исключительно весомый вклад России в Первую мировую. Как это ни парадоксально, но и в год 100-летия окончания Великой войны приходится напоминать, что, даже по минимальным оценкам, безвозмездные демографические потери в ней российской армии (убитые и умершие от ран, болезней и в плену) составили примерно 1,9 млн. человек, а численность пленных – 2,4 млн. (38). Законный в связи с этим вопрос: неужели выход большевистской России в 1918г. из войны и сепаратный мир, так сказать, «обнулили» эти громадные потери и в целом стратегическое значение для Антанты русского Восточного фронта?! Так что парижский микроисторический проект только выиграл бы от включения в него таких носителей уникального и многопланового военного опыта как Р.Я. Малиновский или же какой-либо из воинов Русского легиона чести. Но нет же, Э. Макрон и его окружение, движимые по всей очевидности пресловутым чувством «естественного превосходства» Запада, для которого, как справедливо отмечает член-корр. РАН В.П. Федоров, Россия – лишь «младший партнер», и на сей раз попытались лишить ее «плодов общей победы» в Великой войне 1914–1918 гг. (39).

Далее нельзя не отметить и такую очевидную неудачу Э. Макрона, как парижский Форум мира. Наблюдавших за работой этого форума экспертов удивили концептуальная фрагментарность и невразумительная «глубокомысленность» его программы. Присутст-

вовавший на Форуме мира проф. Рубинский, во время своего выступления на Международном круглом столе «Свет и тени эры Макрона», состоявшемся в Институте Европы РАН 30 ноября 2018 г., предложил, в частности, слово «пустопорожний» в качестве ключевого для оценки данного форума. Надежды же Макрона и его окружения на то, что Форум мира станет своего рода «политическим Давосом» - совершенно не оправдались, резюмировал профессор Рубинский. Следующий, 2019-й год, в полной мере подтвердил обоснованность этого вывода Рубинского о безосновательности надежд Макрона на то, что Форум мира станет таким «политическим Давосом».

Урок политикам сумела дать музыка! Как это ни удивительно, но Венский филармонический оркестр, который организовал «Концерт во имя мира» к 100-летию со дня окончания Первой мировой войны, прошедший вечером 11 ноября 2018 г. в Версальском дворце, сумел все-таки исправить отмеченные выше огрехи Парижского политмероприятия (40). В программе концерта, составленной из произведений восьми композиторов – от Моцарта до Чарльза Айвза – самым знаковым, с точки общей темы концерта, был Концерт № 2 для фортепиано с оркестром М. Равеля. Дело в том, что неофициально это произведение Равеля именуется «Фортепьянный концерт для левой руки с оркестром» и написал его великий *французский* композитор *специально* для *австрийского* пианиста Пауля Витгенштейна (брата выдающегося философа Людвига Витгенштейна), который на фронте Первой мировой потерял правую руку. И этот акт сострадания и солидарности великий француз совершил, чтобы эмоционально поддержать представителя вражеской (в недавнем прошлом) страны! Вот и получается, что музыканты оказались в значительно большей мере на высоте понимания значимости 100-летнего юбилея окончания войны, чем нынешний французский президент и его окружение!! И весьма примечательно, что в программе концерта в Версале нашлось также место и *русской* исполнительнице – Е. Губановой. В отличие, как помним, от программы, курируемой Э. Макроном...

Заключение: мираж Макрона. Итак, совокупность проанализированных выше примеров, отражающих взгляды, высказывания, убеждения и действия Э.Макрона в различных ситуациях, связанных со спецификой как его пути к власти, так и деятельности на посту Президента Франции, позволяет сделать следующие выводы. Векселя, условно говоря, столь щедро раздававшиеся как самим Макроном, так и его приверженцами во время избирательных кампаний и в ходе самого президентского правления оказалось, просто-напросто, нечем «оплачивать». Говорить об этом теперь, когда «экватор» президентства Макрона остался позади, можно уже с полной определенностью. Тем более, что

и в оставшиеся полтора с небольшим года его президентского срока ситуация в стране вряд ли улучшится. Она, скорее всего, еще больше обострится. Неумение прогнозировать векторы национальных и международных процессов, дефицит историзма в восприятии исторических явлений, своеобразный «комплекс миссионерства» и пресловутое чувство «естественного превосходства», игнорирование вклада союзников в совместные победы, склонность к прожектерству и неспособность к методической черновой работе по управлению государством – вот атрибутивные черты личности Э. Макрона. Как оказалось, среднестатистические французы на заре президентства Макрона не зря усомнились в том, что он понимает интересы своих избирателей. Годы его правления со всей очевидностью уже продемонстрировали, что Макрон действительно как бы смотрит «поверх голов» своих соотечественников. К примеру, когда жители таких крупных французских городов как Марсель, Лилль или Бордо в связи форс-мажорными обстоятельствами требуют приезда к ним президента республики, последний направляется отнюдь не к ним, а в Бейрут (дважды) или же в Вильнюс. Как если бы он был не президентом Французской Республики, а «президентом иностранных дел» (!).

Не могут не озадачивать в деятельности «президента-солнце» и систематические проявления политического лицемерия. Самым свежим примером такового стали недавние заявления и действия Макрона в связи с политическим кризисом в Белоруссии. Так, в конце сентября, в интервью «Le Journal du Dimanche» он заявил, что А. Лукашенко, который «не может принять логику демократии», должен «добровольно покинуть пост президента Белоруссии» (41). После чего Макрон разразился панегириком в адрес участников антилукашенковских демонстраций, которые «знают о том, на какой риск идут..., стремясь вдохнуть жизнь в столь давно подавляемую демократию в этой стране». При этом французский президент «особое уважение» выразил «участующим в протестах женщинам» (42). Затем, во время визита в Вильнюс Макрон побеседовал там с поддерживаемой Западом С. Тихановской и пригласил ее выступить перед Национальным собранием Франции. В этой связи трудно удержаться от сентенции «удивительное рядом!» В самом деле: не следует ли «революционеру-солнце» выразить аналогичные слова восхищения и своим соотечественницам и соотечественникам, участвующим в движении «желтых жилетов» на протяжении почти всего его президентства?!... Думается, что в свете реалий – как описанных нами выше, так и тех, которые не вошли в это исследование – у нас есть необходимые основания для вывода о том, что правильнее говорить все-таки не об «эре Макрона», а о «мираже Макрона».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гуселетов Б.П. Выборы 2017 года в странах Евросоюза: общее и особенное // Современная Европа. 2018. № 2. С. 20
2. Там же.
3. Швейцер В. Я. (2018). Обновление политических элит Европы: тенденции и противоречия. ИЕ РАН. Аналитическая записка № 51. 2018 (№ 147). С. 5.
4. Рубинский Ю.И. (2017) Франция: смена парадигмы // Европейская аналитика 2017 / ИЕ РАН; отв. ред. К.Н. Гусев. М.; СПб., 2017. С. 117.
5. Громыко А.А. Введение // Европейская аналитика 2017... С. 9-10.
6. Гуселетов Б.П. Указ. соч. С. 5.
7. France's next revolution//The Economist.2017.04.03.
8. Emmanuel Macron – Revolution. Paris, 2016.
9. Рубинский Ю.И. Указ. соч. С. 117.
10. James H. The Renewal of Europe's Center // Project Syndicate. 2017. 12.06.
11. Рубинский Ю.И. Указ. соч. С.116.
12. URL: https://baltnews.lv/riga_news/20190204/1022706464/sem-bed--odin-otvet-kogo-makron-obvinil-v-protestah-zheltyh-zhiletov.html
13. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5779389>
14. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв.ред. Ю.А. Петров. М., 2014. С. 23-25; Смольянинов М.М. Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918гг. 2-е изд., доп. Минск, 2018. С. 3; Русское крестьянство и Первая мировая война: сб. научных статей / под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина). М., 2016, С. 296.
15. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5779389>
16. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5779389>
17. Буховец О.Г. Первая мировая: уроки войны в видении белорусских историков // Современная Европа. 2015. № 3. С.122-123, 132
18. Европа практически совершила самоубийство. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yrVngwYG1TA>
19. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5779389>
20. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5779389>
21. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5779389>
22. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5779389>
23. URL: <https://ru.euronews.com/2018/11/11wwi-remembrance-day-ceremony>
24. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5779389>
25. URL: <https://ru.euronews.com/2018/11/11wwi-remembrance-day-ceremony>
26. Наши интересы – прежде всего: URL: <https://meduza.io/video/2018/11/12/natsionalizm-eto-predatelstvo-patriotizma-makron-vystupil-s-rechyu-kotoruyu-voisprinyali-kak-otvet-na-lozung-trampa-amerika-prezhde-vsego>
27. Москва заметила отсутствие писем русских солдат на церемонии в Париже URL: <https://lenta.ru/news/2018/11/12/pismo/>
28. Письмо русского солдата проигнорировали на торжестве в Париже. URL: <https://naslediepravda.ru/news/13-11-2018/1399621-word-war-o/>
29. Россия в годы Первой мировой войны...С. 85-94, 265-286.
30. Смольянинов М.М. Беларусь в Первой мировой войне... С. 488.
31. Там же. С. 239.
32. Большая Российская энциклопедия. Т. 29 / науч.-ред. совет: Ю.С. Осипов (пред.). М., 2015. С. 68.
33. Peter Borscheid: Alltagsgeschichte - Modetorheit oder neues Tor zur Vergangenheit (1986), in: Wolfgang Hardtwig (Hrsg.): Über das Studium der Geschichte, München 1990, S. 389-407; Kott S. et Ludtke A. De l'histoire sociale à l'Alltagsgeschichte. Entretien avec Alf Lüdtkke, dans Genèses, 1991. Vol. 3. № 1: La construction du syndicalisme. P.148-153 ; URL: http://www.persee.fr/doc/genes_1155-

- 3219_1991_num_3_1_1053?q=Alltagsgeschichte (consulté le 26/10/17). Berliner Geschichtswerkstatt (Hrsg.): Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte. Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte, Münster 1994; Ludtke A. (dir.), Histoire du quotidien, Paris, 1994; X. Медик. Микроистория // Thesis. 1994. Т. 2. Вып. 4. С. 199, 200.
34. Большая Российская энциклопедия. Т. 18. М., 2011. С. 659.
35. Там же. Т. 29. М., 2014. С. 68.
36. Там же. С. 68-69.
37. Там же. Т. 18. С. 659.
38. Леонов С.В. Проблема «объективных и субъективных» предпосылок Великой российской революции: новый взгляд // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения. Материалы международной научной конференции (Москва, 9-11 октября 2017 г.) /отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2017. С. 75.
39. Федоров В.П. Актуальные уроки: против односторонних уступок // Европейская аналитика... С. 17, 23.
40. URL: <http://muzobozrenie.ru/v-versale-proshel-kontsert-vo-imya-k100-letiyu-so-dnyaokonchaniya-pervoj-mirovoj-voyny/>
41. URL: <https://sputnik.by/politics/20200927/1045770540/Lukashenko-otvetil-Makronu-po-povodu-situatsii-v-Belarusi.html>, URL: <https://zen.yandex.ru/media/rustelegraph.ru/glava-francii-predlozil-lukashenko-dobrovolno-pokinut-post-prezidenta-5f7066b0df292d1109a52241>
42. URL: <https://zen.yandex.ru/media/rustelegraph.ru/glava-francii-predlozil-lukashenko-dobrovolno-pokinut-post-prezidenta-5f7066b0df292d1109a52241>; URL: <https://zen.yandex.ru/media/rustelegraph.ru/glava-francii-predlozil-lukashenko-dobrovolno-pokinut-post-prezidenta-5f7066b0df292d1109a52241>

Вл.В. Канищев, А.Н. Плужников

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО ЧЕРНОЗЕМНОГО ЦЕНТРА РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI в.: ПЕРВЫЕ ИТОГИ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦПРОЕКТА «ДЕМОГРАФИЯ»

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № № 18-18-00187 «Стратегии демографического поведения сельского населения юга Центральной России в XX – начале XXI в.»

Особым проявлением социальной политики Российского государства в начале XXI в. стало принятие различных федеральных национальных проектов региональных целевых программ. С одной стороны, это новое явление в российской политической истории. С другой стороны, оценка итогов их реализации показывает сохранение бюрократических традиций, стремление региональных (областных) и субрегиональных (районных) властей «попышнее» отчитаться о выполнении проектов и программ. Как известно, национальный проект «Демография» был объявлен в Указе Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г., первой и ключевой из девяти целей национального развития стало обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации. Для этого и был разработан специальный национальный проект «Демография». Фактически текст документа был подготовлен

и опубликован в конце 2018 г., но уже в отчетах за тот год некоторые губернаторы и руководители районов сообщали некие результаты реализации проекта. Так, в докладе главы администрации Брянской области специально шла речь о деятельности по реализации национальных проектов «Здравоохранение» и «Демография». Конечно, это было продолжение ранее начатых работ, которые теперь увязывались с демографическим нацпроектом. Особенно бросилось в глаза то обстоятельство, что глава данного региона вел больше речь о здравоохранении, т.е. о части решения демографических проблем – сбережении населения и повышении продолжительности жизни. Видимо, о проблемах рождаемости в рамках требований нового проекта сказать было еще нечего (1).

По понятным причинам в большей мере речь о реализации нацпроекта шла в отчетных документах за 2019 г. В Орле, подводя итоги за 2019 г., глава региона упомянул, что в рамках проекта «Демография» в отчетном году введены в эксплуатацию два детских сада. Это позволило ликвидировать очередь в дошкольные учреждения для детей в возрасте до 7 лет. Еще один пример касался финансовой поддержки семей при рождении детей. На реализацию этой части нацпроекта «Демография» было израсходовано более 800 млн. руб., а общий объем средств из федерального и регионального бюджетов, который был выделен на социальную поддержку семей с детьми, по данным доклада главы администрации Орловской области, составил свыше 2 млрд. руб. В 2019 г. многодетным семьям для индивидуального жилищного строительства было предоставлено 150 участков земли (2). Интересно выполнение федерального проекта «Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет» в Тамбовской области. Главы районов в своих докладах используют двойную методику отчетности: если по показателям нет очередности в дошкольные образовательные учреждения для детей в возрасте от трех месяцев до двух лет, ведется работа в этом направлении, то упоминаются вариативные формы обучения, семейные группы, центры игровой поддержки детей. В отдельных районах указывается, что эти меры реализуются в рамках национального проекта «Демография» (3).

При существовании проблем в дошкольном образовании детей в возрасте до трех лет местные власти определяют возрастные критерии для отчетов от 3 до 7 лет (от одного года до шести или семи лет). Например, в Петровском районе Тамбовской области в отчете за 2019 г. докладывали, что в соответствии с Указом Президента РФ от 7.05.2015 г. в районе обеспечено достижение 100 % доступности дошкольного об-

разования для детей в возрасте от 3 до 7 лет: «Также достигнут целевой показатель по численности детей в возрасте от 2 месяцев до 3 лет, получающих дошкольное образование в образовательных организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования. Так, охват детей дошкольным образованием от 2 месяцев до 3 лет по состоянию на 01.01.2020 г. составил 37,4% (147 человек). Вместе с тем остается актуальной проблема охвата детей дошкольным образованием от 2-х месяцев до года из-за отсутствия условий для детей этого возраста в дошкольных образовательных организациях» (4). По показателю «Доля муниципальных дошкольных образовательных учреждений, здания которых находятся в аварийном состоянии или требуют капитального ремонта, в общем числе муниципальных дошкольных образовательных учреждений» в 2018–2019 гг. тамбовские власти приводят нулевые показатели. По их данным на территории районов отсутствуют муниципальные дошкольные образовательные учреждения, здания которых находятся в аварийном состоянии или требуют капитального ремонта (5). Но совсем упускается из виду их фактическое состояние. В 2020 г. в Ржаксинском районе признавались: «Здания детских садов достаточно ветхие, но зданий, признанных в установленном порядке аварийными или требующими капитального ремонта нет» (6).

«Загадочность» русской бюрократической души проявилась в том, что в докладах о проделанной работе большинства руководителей районов изучаемого региона в 2019 г. вовсе не было упоминаний названий национального проекта «Демография». Конечно, демографические процессы в регионах и субрегионах как-то оценивались, но без связи с прямыми общегосударственными задачами в этой области. Некоторые региональные руководители стремились связать выполнение федеральных заданий с реализацией местных инициатив, дабы пошире представить масштабы проделанной работы. В частности, глава администрации Тамбовской области в отчетном докладе за 2019 г. заявлял, что для обеспечения «позитивных трендов» в демографических процессах в регионе был реализован широкий пакет мер социальной поддержки семей с детьми, в которых сочетались механизмы национального проекта «Демография» и местные инициативы. По словам докладчика, в течение 2019 г. эти меры коснулись 60 с лишним процентов семей с детьми (7).

Еще одной характерной чертой ежегодных отчетов областей и районов является связь демографических мероприятий с работой в смежных сферах. Так, руководитель Курской области в отчете за 2019 г. особо отметил, что современная стратегия развития системы здравоохранения региона ориентирована на повышение доступности и

качества медицинской помощи. Далее приводились конкретные данные по реализации национального проекта «Здравоохранение» (8). Примерно о том же говорил и глава Липецкой области. Особо было подчеркнуто, что ожидаемая продолжительность жизни в Липецкой области приближается к 73 годам (9).

Как историки, отметим, что некоторые губернаторы и главы районных администраций в своих докладах обращают внимание на объективные демографические проблемы, возникшие в прошлом, имеющие, так сказать, глубокие исторические корни. В частности, в докладах губернатора Тамбовской области А.В. Никитина и за 2018 г., и в 2019 г. специально оговаривалось, что демографические показатели существенно зависят от таких исторических сложившихся факторов, как высокая в стране доля пожилого населения и сравнительно низкий удельный вес женщин фертильного возраста (10). Об этом же сообщают и ежегодные отчеты глав тамбовских муниципалитетов, констатируя удручающее положение в данной сфере (11). Тем не менее эти обстоятельства никак не влияют на отчетные показатели систематически занимающегося физической культурой и спортом населения (нацпроект «Спорт – норма жизни»). Начиная с 2008–2010 гг. (начало публикаций отчетов и докладов глав муниципальных образований в сети Интернет на официальных информационных порталах администраций), эта доля ежегодно растет. На сегодняшний день она достигает около 50%, в некоторых районах этот порог перешагнули (12).

Сокращение населения районов ведет к уменьшению лиц трудоспособного возраста, а превышение смертности над рождаемостью уже привело к тому, что в некоторых муниципалитетах Тамбовской области нетрудоспособные пенсионеры составляют большинство жителей (13). Остро стоит вопрос по трудоспособному населению районов, работающему за пределами муниципалитетов. Например, в 2017–2018 гг. в Знаменском и Гавриловском районах признавали, что ежегодно от 1 до 1,5 тыс. жителей работают за их пределами (14). Но это не смущает власти наращивать число физкультурников и спортсменов в районах. Представляется картина 30-х гг. прошлого века с бодро марширующими колоннами физкультурников в виде пожилых людей. Возникает справедливый вопрос, по каким критериям местные власти определяют количество людей, занимающихся спортом? Как проводятся данные опросы или подсчеты и т.д. По крайней мере, приводимые цифры людей, систематически занимающихся физической культурой и спортом в муниципалитетах, вызывают недоумение.

Немного отстают от тамбовских муниципалитетов их липецкие коллеги. В районах Липецкой области охват населения занятиями физической культурой и спортом

в среднем составляет около 40% (15). Так, власти Краснинского района выделяя приоритеты социальной политики, обозначая важность создания условий и мотиваций для ведения здорового образа жизни как одной из самых актуальных проблем, рапортуя, что для этого в каждом сельском поселении оборудуются спортивные площадки. Все это, по их мнению, позволяет добиваться высоких результатов в спорте. В то же время, обозначая ключевые проблемы, существенно сдерживающие дальнейшее социально-экономическое развитие района, выделяют низкий уровень приверженности населения к соблюдению здорового образа жизни (недостаточная двигательная активность, курение, злоупотребление алкоголем) (16). Белгородский губернатор, отчитываясь за 2018–2019 гг., признавал наличие уже сложившейся тенденции к снижению рождаемости. Особо было сказано о том, что «миграционный приток, которым всегда славилась наша область, не покрывает естественную убыль населения» (17). И все-таки в контексте отчетных документов просматривается желание «списать» на прошлое нынешние недоработки. Подобный эвристический подход особенно перспективен в том отношении, что историкам предстоит еще в будущем изучить, как чиновники будут объяснять роль пандемии коронавируса и своей деятельности в этих условиях развития демографических процессов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. URL: <http://www.bryanskobl.ru/news/2018/12/21/9555>
2. URL: https://regionorel.ru/novosti/society/orlovshchina_2019_pozitivnaya_dinamika_razvitiya/
3. URL: <http://r34.tmbreg.ru/ocenka-effektivnosti-omsu.html>;
http://www.michrn.ru/glava_rayona/573/
4. URL: <http://r44.tmbreg.ru/5925.html>
5. URL: <https://www.tambov.gov.ru/reg.html>
6. URL: <https://r55.tmbreg.ru/18158/18034/otchet-glavy-rzhaksinskogo-rajona-o-rezultatah-svoej-deyatelnosti-i-deyatelnosti-administracii-rzhaksinskogo-rajona-za-2019-god.html>
7. URL: <https://www.tambov.gov.ru/head/public/otchet-glavy-administracii-tambovskoj-oblasti-a.v.-nikitina-o-rezultatah-deyatelnosti-administracii-oblasti-za-2019-god-pered-deputatami-oblastnoj-dumy-31.07.2020.html>
8. URL: https://adm.rkursk.ru/index.php?id=1756&mat_id=91033
9. URL: https://admlip.ru/news/igor_artamonovpredstavil_otchet_o_rabote_za_2018_god_na_sessii_oblsoveta/
10. URL: <https://www.tambov.gov.ru/head/public.html>
11. URL: <https://www.tambov.gov.ru/reg.html>
12. URL: <https://www.tambov.gov.ru/reg.html>
13. URL: <https://zherdevka.ru/adm/ezhegodnye-otchety-glavy-administracii.html>; URL: <http://r52.tmbreg.ru/head/14454.html>; URL: <https://r59.tmbreg.ru/district/socialno-ekonomicheskoe-razvitie-rajona/investicionnyi-pasport-ymetskogo-raiona-tambovskoi-oblasti-za-i-polygodie-goda.html>; URL: <https://r59.tmbreg.ru/adm/doklad-o-dostignutyh-znacheniyah-pokazatelej-dlya-ocenki-effektivnosti-deyatelnosti-organov-mestnogo-samoupravleniya.html>
14. URL: <http://r51.tmbreg.ru/2407/22556.html>; <http://r52.tmbreg.ru/assets/files/202018.pdf>

- 15.URL: <https://xn--80aacoonefzg3am8b1fsb.xn--p1ai/o-regione/municipal%D1%8Cnye-obrazovaniya/sajty-municipal%D1%8Cnyx-obrazovaniij>
16. URL: <http://admkrasnoe.ru/>
17.URL: <https://belregion.ru/press/news/index.php?ID=29938;>
<https://belregion.ru/press/news/index.php?ID=39004>

Р.М. Житин

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПОСЕЛЕНИЙ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ В 2004–2019 гг.

Исследование осуществлено при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00187 «Стратегии демографического поведения сельского населения юга Центральной России в XX – начале XXI в.».

Увеличение рождаемости и сокращение смертности – одно из важнейших направлений внутренней политики России. На данный момент в стране действуют комплексные программы «Материнский капитал», «Молодая семья», нацпроект «Демография», направленные на стимуляцию рождаемости через материальное стимулирование воспроизводства населения, увеличение продолжительности жизни россиян. Активная поддержка семей позволила несколько улучшить демографическую ситуацию последних лет. Численность населения России за 6 лет выросла на 3,8 млн чел. (с учетом Крыма с численностью населения 2,3 млн чел.), или на 2,7%. Однако, несмотря на локальные успехи в области демографической политики, множество проблем в этой сфере полностью не решено.

В структуре социально-экономического развития Центральной России Липецкая область занимает одно из ведущих мест. В 2018 г. в крае производилось 24 % произведенного в России чугуна, 18,6 % – готового проката черных металлов, 17,3 % – стали, 40 % – стиральных машин, 35 % – холодильников и морозильников, 73 % – детских плодоовощных консервов и соков, 14 % – сахара, 30 % – карамели, 7 % – минеральной воды (1). В крае действует трехуровневая система привлечения инвестиций (первый уровень – особая экономическая зона федерального уровня «Липецк», второй уровень – особые экономические зоны регионального уровня, третий уровень – индустриальные парки, кластеры). Демография Липецкой области во многом отражает общую социально-экономическую специфику развития региона. В 2019 г. численность населения края составила 1144371 чел. (2). Согласно данным областного статистического комитета, в 2004–2018 гг. население области сократилось на 55100 чел.

Средняя потеря численности липчан в ежегодном выражении составила от 4 до 5 тыс. человек ежегодно. Сокращению подверглось как городское (от 776,5 тыс. чел. в 2004 г. до 740,3 тыс. чел. в 2018 г.), так и сельское население (428,8 тыс. чел. в 2004 г. до 409,9 тыс. чел. в 2018 г.). Основное значение для изменения народонаселения края является соотношение численности умерших и родившихся липчан. Погодовая динамика случаев рождения и смерти жителей области представлена на диаграмме 1.

*Диаграмма 1. Динамика случаев рождения и смерти населения
Липецкой области в 2004–2017 гг.*

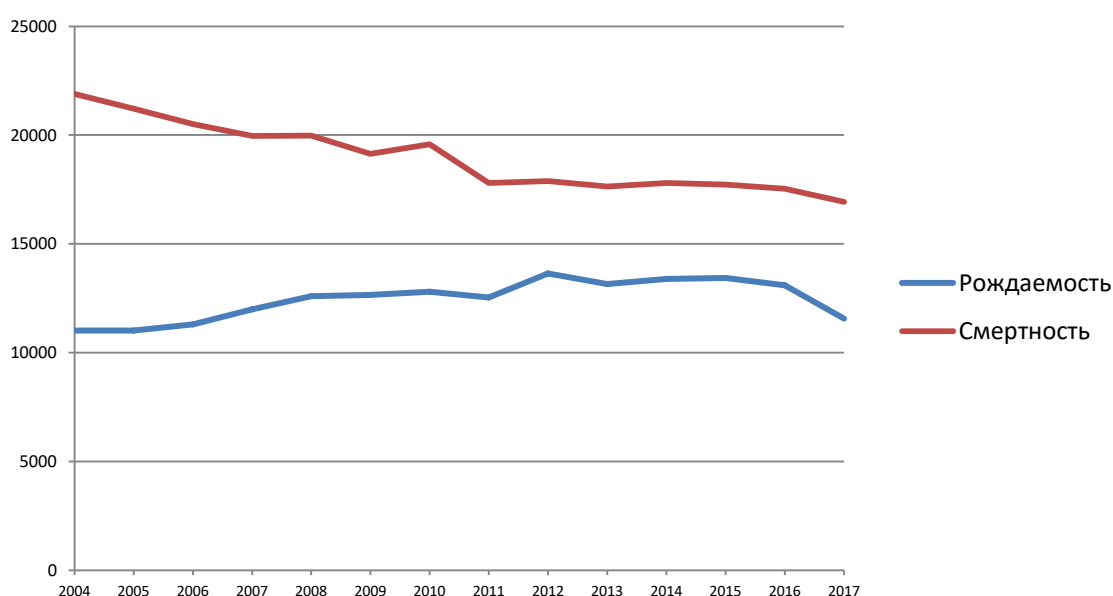

Диаграмма показывает общую динамику снижения уровня смертности и рост рождаемости в 2004–2017 гг. Вместе с тем доминирование высокой смертности над рождаемостью не позволяет нивелировать негативные тенденции отрицательного естественного прироста населения. В структуре городского и сельского населения демографические показатели Липецкой области выглядят не одинаково. Несмотря на то, что соотношение рассматриваемых категорий населения на протяжении всего изучаемого периода остается одинаковым (64,4 % – город, 35,6 % – село), динамика перемен в сельском городском народонаселении является различной. В липецком селе отрицательный естественный прирост оказался выше города, что объяснимо отставанием общего уровня рождаемости в сельской местности по сравнению с городскими районами. Большое значение для местной демографической ситуации имеют высокие показатели рождаемости в районных центрах и селах, располагающихся в непосредственной близости от городов. Важно так-

же учитывать гораздо большую привлекательность данных поселений для внутрисельской миграции.

Более детальный анализ на уровне сельских советов показывает общее сокращение населения по большинству обследованных пунктов. При этом в трети муниципальных образований Липецкой области на одно зарегистрированное рождение приходилось более 2-х случаев смерти, из них в Добровском – 2,7, Хлевиенском – 2,5, Воловском – 2,2, Задонском, Измалковском, Становлянском – по 2,1 случая смерти в каждом из этих районов. Наименьшее превышение умерших над родившимися наблюдалось в г. Липецке – 1,4, Липецком районе – 1,5, Лев-Толстовском районе – 1,6. Современный половозрастной состав населения села отличается преобладанием людей пенсионного возраста. Городскую демографию края характеризует сокращение отрицательного прироста населения (-4981 в 2004 г. до -1100 в 2016 г.) вследствие высокой рождаемости и сокращающейся смертности. Кроме того, донором городского населения региона служит липецкое село, определяя направление миграционного потока в сторону урбанизации.

В регионе сохраняется тенденция демографического старения населения. Вместе с тем, в возрастной структуре населения Липецкой области преобладают жители трудоспособного возраста (53,7 %), люди старше трудоспособного возраста составляют 29,1 %, жители моложе трудоспособного возраста – 17,2 %. На начало 2019 г. доля лиц моложе трудоспособного возраста увеличилась на 0,3% по сравнению с началом 2017 г., а доля лиц старше трудоспособного населения – на 1,2 % (3).

Наиболее устойчивыми в демографическом развитии являются те села края, которые связаны с агропромышленным комплексом. Для достижения целей аграрной региональной политики в крае оказывается государственная поддержка сельхозтоваропроизводителям. На 1 декабря 2017 г. объем сельскохозяйственной продукции составил 117,1 млрд руб., объем животноводства – 38,6 млрд руб. (33 %), растениеводства 78,5 млрд руб. (67 %) (4). В соответствии с государственной программой Липецкой области «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Липецкой области», утвержденной постановлением администрации Липецкой области от 28.10.2013 № 485, в регионе работают меры поддержки начинающих фермеров, в рамках которой на конкурсной основе предоставляются гранты на развитие фермерских комплексов.

Значительный миграционный прирост в крае также не позволяет остановить сокращение населения области. Особенно значительное сальдо миграции было в 2004–2006 гг., когда разность между поселившимися в крае и уехавшими из него была в про-

межутке от 4182 (2004) до 5733 (2006). Далее случился небольшой спад, в результате которого произошел отток населения из края (-849 в 2011 г.), сменившийся затем последовательным ростом (4572 в 2016 г.).

Наиболее значимым фактором положительного сальдо миграции на протяжении всего рассматриваемого периода явилась стабильная экономическая ситуация в регионе. Производство Липецкой области поддерживается благодаря организации свободных экономических зон и площадок опережающего развития. На территории Хлевенского муниципального района создана ОЭЗ РУ АПТ «Хлевное», в которой в период 2013–2020 гг. предполагается создать 20 новых предприятий, объем инвестиций потенциальных участников в экономику составит свыше 7 млрд руб., планируется создание 1,5 тыс. рабочих мест. Помимо особых экономических зон на территории области создаются частные индустриальные парки. На территории Лебедянского ОАО «Строймаш» создан индустриальный парк «Кузнецкая слобода», в котором уже работает несколько компаний, в том числе, итальянских. Успешная экономическая политика является ключевым фактором привлекательности проживания в Липецкой области.

Таким образом, позитивные изменения демографической ситуации в Липецкой области обусловлены эффективной социально-экономической политикой. Наиболее значительным демографическим эффектом этого является сокращение в 2004–2016 гг. смертности на фоне уверенного роста рождаемости населения. В этот же период активно развивается и миграция в регион, что указывает на привлекательность края для населения других областей. Сокращение населения края происходило из-за доминирования числа умерших жителей над количеством родившихся.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Экономика Липецкой области. URL: <https://lipetsk.tpprf.ru/ru/region/economy/> (дата обр.: 25.09.2020).
2. Основные демографические характеристики Липецкой области в 2019 году]. URL: <https://www.admlip.ru/social/sotsialnaya-zashchita/demografiya/?type=original> (дата обр.: 25.09.2020).
3. Демография // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Липецкой области (Липецкстат). URL.: <https://lipstat.gks.ru/folder/34098> (дата обращения: 25.09.2020).
4. Бизин С.В., Мазылюк С.В. Социально-экономическое развитие Липецкой области // Территория науки. 2017. № 4. С. 102.

**СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
СУБЪЕКТОВ РФ КАК ЭЛЕМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫМИ ОБ-
РАЗОВАНИЯМИ (НА МАТЕРИАЛАХ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ)**

Исследование осуществлено при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00187 «Стратегии демографического поведения сельского населения юга Центральной России в XX – начале XXI в.».

Важной составляющей социально-экономических и демографических процессов на территории отдельных регионов России является разная динамика регионального развития, обусловленная, как правило, различиями в структуре местной экономики. Межрегиональная дифференциация имеет своим результатом ослабление экономического потенциала, сужения уровня экономического и социального взаимодействия отдельных территорий (1).

В современной России уже отчетливо видны регионы низкого и высокого социально-экономического развития, заметен рост числа отстающих по своим экономическим показателям территорий. Преодоление межрегиональной дифференциации, повышение экономического потенциала отдельных областей и районов, актуализация механизмов межрегионального взаимодействия является одним из приоритетов государственной политики. Важную роль здесь играет стратегическое планирование развития территорий как одного из важнейших механизмов управления региональным разнообразием.

В 2000-х гг. стратегические планы появились у всех областей Центрального федерального округа, включая Липецкую область. Планы были разработаны, исходя из опыта собственной социально-экономической деятельности, а также стратегических целей, определённых в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. Так как в структуре социально-экономического развития территорий вопросы стратегического планирования решались как на региональном, так и на муниципальном уровнях, совершенствование управления социально-экономическим развитием потребовало применение стратегических форм планирования как на областном, так и на муниципальном уровнях. Стратегия социально-экономического развития Липецкой области на период до 2020 г. была утверждена Законом Липецкой области № 10-ОЗ от 25.10.2006 г. (2).

Структура основных целевых показателей и программ документа включает в себя актуальные сведения о развитии территории, выявление основных конкурирующих пре-

имущества ее территории, определении цели социально-экономического развития и характера целевых индикаторов развития. Основной целью принятой стратегии является повышение благосостояния и качества жизни населения на территории области, обеспечение устойчивых темпов качественного экономического роста, усиление конкурентных позиций области. Стратегии социально-экономического развития отдельных районов и сельских советов Липецкой области предусматривают проведение всестороннего анализа территории, выявление всех проблемных вопросов, определение скрытых «точек роста». На основе этого и разрабатывались возможные сценарии развития на долгосрочную перспективу.

К моменту окончания стратегического плана развития области наметился ряд улучшений (3). За 2006–2017 гг. валовой региональный продукт увеличился в 3,4 раза. Среднегодовые темпы роста составили в промышленности – 102,2 %, сельском хозяйстве – 109 %, розничном товарообороте – 107 %, инвестиций в основной капитал – 107,5 %. Среднедушевые денежные доходы населения увеличиваются ежегодно в среднем на 15 %. Доля бедного населения сократилась на 6,3 п.п. и составила 9,1 % (4).

Одним из драйверов развития экономики в рассматриваемый период выступил агропромышленный комплекс. Создание новых производств с высокой добавленной стоимостью, успешная кластерная политика, направленная на поддержку села, позволили преодолеть монозависимость экономики. По итогам 2017 г. доля черной металлургии в ВРП составило 26 %.

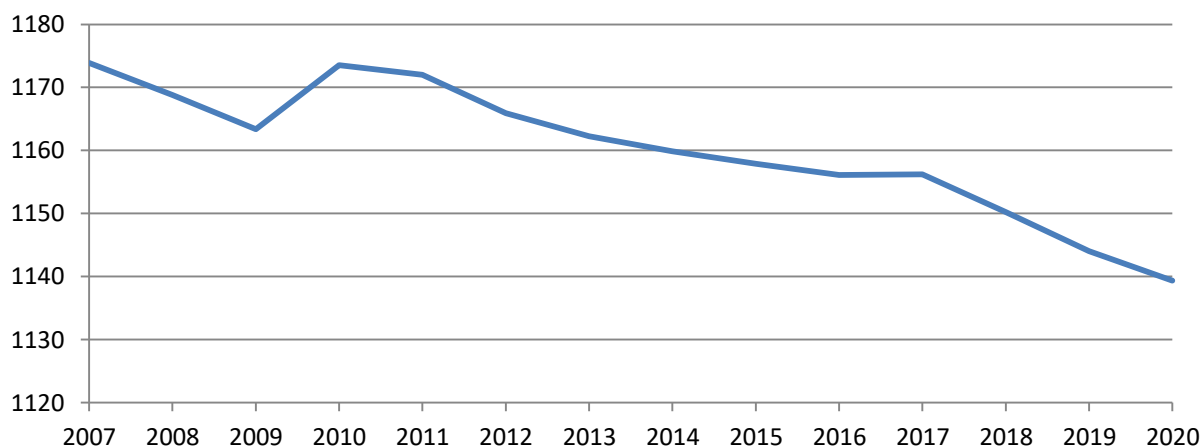
За короткий срок агропромышленные предприятия Липецкой области стали одними из лучших в России. Объем валовой продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах к 2006 г. увеличился в 2,3 раза и в 2017 г. достиг 109 млрд руб. По производству сельхозпродукции на душу населения (95 тыс. руб.) в 2018 г. область занимает 4-е место среди регионов России. За счет интенсификации производства, введения в оборот ранее неиспользуемой пашни в 2017 г. получены рекордные урожаи зерна, сахарной свеклы, картофеля, овощей. Производство зерна превысило 3,1 млн тонн, что в 1,8 раза больше 2006 г., сахарной свеклы – 5,3 млн тонн (в 2,3 раза), подсолнечника – 337 тыс. тонн (в 10 раз). В животноводстве производство скота и птицы на убой (в живом весе) в 2017 г. составило 342 тыс. тонн с ростом в 3 раза к 2006 г., яиц – 606 млн шт. (122 %). По производству мяса на душу населения область занимает 5-е место в ЦФО и 9-е место в Российской Федерации.

Приоритетным направлением развития для области является малый и средний бизнес. Количество малых предприятий (включая микропредприятия) в 2017 г. по сравнению с

2006 г. возросло в 3 раза, их оборот и налоговые поступления – в 5 раз. По итогам 2017 г. доля малого и среднего бизнеса в ВРП составила 24 %. На начало 2007 г. в Липецкой области проживало 1173,87 тыс. чел., а на начало 2020 г. – 1139,37 тыс. чел. Сокращение за 13 лет составило 34,5 тыс. чел. (в средних значениях – 0,16 %) (Диаграмма 1) (5). Вместе с этим динамика рождаемости свидетельствует о некотором улучшении демографической ситуации. Так коэффициент рождаемости в январе-декабре 2015 г. увеличился на 3,5 % . Он составил 11,7 на 1000 человек населения. Это на 0,4 пункта выше, по сравнению с 2013 г., когда он составлял 11,3 на 1000 человек населения. По итогам 2019 г. коэффициент рождаемости в Липецкой области находится на уровне показателя ЦФО, опережая при этом показатели соседних регионов (Орловской, Воронежской, Тульской, Тамбовской областей). Показателем улучшения демографической ситуации в регионе является ежегодный стабильный рост общей численности детского населения. Так, на 1 января 2015 г. численность детского и подросткового населения в крае, в возрасте до 18 лет, составила 207,5 тыс. или 17,9 % в общей структуре народонаселения. По сравнению с началом 2013 г., численность детского населения выросла на 4,56 тыс. чел. и составила 2,2 %.

Диаграмма 1. Динамика численности населения Липецкой области в 2007–2020 гг.

Во многом позитивная модель рождаемости в Липецкой области наметилась благодаря федеральным и региональным мерам поддержки молодых семей. Положительная тенденция стала возможна как результат роста доли многодетных семей. За 2013 г. родилось вторыми – 38,4 % (в 2011 г. – 35,7 %, в 2012 г. – 37,2 %), третьими и последующими – 14,8 % (в 2011 г. – 12,6 %, в 2012 г. – 13,6 %). Результатом увеличения средней продолжительности жизни (до 72,46 лет) в крае и снижения смертности в старших возрастах

является изменение демографического старения. В 2017 г. население старше трудоспособного возраста составляло практически четверть населения области – 25,9 %, жителей моложе трудоспособного возраста – 15,6 %, трудоспособного возраста – 58,5 %. Снижение численности молодежи в трудоспособном возрасте имеет серьезный экономический эффект, связанный с постепенно возрастающим дефицитом в экономике края молодых кадров и нехваткой рабочих ресурсов как в сфере промышленности, так и в сфере сельского хозяйства. Частично нехватка трудоспособного населения может быть нивелирована притоком в край мигрантов из других областей России. Анализ миграционной ситуации в Липецкой области свидетельствует об увеличении прибывающих. Миграции способствует социально-экономическое развитие региона и инвестиционная политика. В 2007 г. на постоянное жительство в Липецкую область переехало 5733 чел., в 2010 г. – 1753 чел., в 2016 г. – 4572 чел.

Таким образом, концепция социально-экономического развития Липецкой области ориентирована на достижение высоких показателей роста экономики, улучшения социальной и демографической обстановки в крае. Стратегическое планирование позволило достичь качественных изменений социально-экономических параметров через поиск и актуализацию скрытых «точек роста». Наблюдается рост агропромышленного комплекса, малого бизнеса. Благодаря федеральным и региональным мерам поддержки молодых семей наметились позитивные изменения в демографии края. Показателем этого является увеличение доли многодетных семей, рост коэффициента рождаемости населения области.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абдразаков Ю. В. Межрегиональная дифференциация социально-экономического развития: причины, проявления и последствия // Челябинский гуманитарий. 2010. № 1 (10). С. 7-10
2. Стратегия социально-экономического развития Липецкой области на период до 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.city-strategy.ru/upload/document/Strategy2020.pdf> (дата обр.: 25.09.2020).
3. Бизин С. В., Мазылюк С. В. Социально-экономическое развитие Липецкой области // Территория науки. 2017. № 4. С. 98-106.
4. Стратегия социально-экономического развития Липецкой области на период до 2024 года (с изменениями на 29 октября 2018 года). URL: <http://docs2.kodeks.ru/document/872606764> (дата обр.: 25.09.2020).
5. Демография // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Липецкой области (Липецкстат). URL: <https://lipstat.gks.ru/folder/34098> (дата обр.: 25.09.2020).

ШАТИЛОВСКИЙ ЛАГЕРЬ

Отзвучали праздничные речи, отмаршировали парадные колонны, отгремели салюты в честь великой Победы, и мы живем очередной послевоенный год. Сегодня, спустя 75 лет со дня Победы нашего народа в тяжелой войне, кажется, что мы уже все знаем о тех страшных событиях. Но все же и сейчас есть неизвестные страницы истории, полные героизма и самоотверженной борьбы. Почти не осталось современников тех славных и страшных лет, поэтому переоцениваются и ставятся под сомнения события того времени. Это непосредственно коснулось моей семьи.

В 30-х годах семья моей бабушки (бабушка с мужем, мать и сестра Наталья) уехала «на шахты», убегая от раскулачивания. Там обжились в поселке недалеко от города Чистяково Донецкой области, работали на шахте, родили детей. У обеих сестер было по две дочери и перед войной родились сыновья. Бабушка говорила, что были здоровые крепкие ребята – выросли бы богатырями, если б не война... Мужчины, мой дед Андриян и муж Натальи Тихон, в первые военные дни были мобилизованы и ушли на фронт. Один на один с предстоящими испытаниями остались: моя бабушка – Фекла (1911 г.р.), ее сестра Наталья (1914 г.р.), их мать – Анна Ивановна, дочери – Анна (1931 г.р.), Клавдия (1936 г.р.), Раиса (1937 г.р.), Валентина (1939 г.р.) и два грудных мальчика, которым было по несколько недель.

Когда шли тяжелые и кровопролитные бои за Донбасс (первые месяцы войны), в результате артобстрела была убита осколком снаряда сестра Наталья. Похоронили ее под яблоней во дворе дома. По рассказам бабушки, Клава и Валя в результате взрыва «были не живые, а потом соседи присыпали их влажной землей, и они отошли». Эта контузия не прошла бесследно – Клавдия не видела одним глазом и не слышала одним ухом, её часто мучили головные боли. Валя так и не оправилась – росла очень болезненным ребенком, болела всю жизнь, не вышла замуж, не родила детей.

Когда пришли немцы, всех жителей поселка согнали в шахту, в том числе и семью моей бабушки. В качестве еды бросали початки кукурузы, а воды не давали вовсе – пили ту, что текла по дну шахты. Груднички умерли, их тельца положили в ящик из-под снарядов и даже не разрешили похоронить.

Спустя некоторое время людям разрешили покинуть шахту, и семья решила вернуться на родину, в Тербунский район Курской (в настоящее время Липецкой) области. Пробирались по оккупированной территории Воронежской области, столкнулись с «порядками», которые устанавливали новые власти и их союзники. Бабушка вспоминала, что мадьяры злобствовали даже больше немцев.

К осени 1942 г. они дошли до села Яковлево, где их приняла добрая женщина – Холостых Мария Семеновна. Чтобы прокормить большую семью, бабушке пришлось побираться. Она ходила по соседним деревням в поисках еды.

В декабре 1942 г. моя бабушка Полунина Фекла Стефановна оказалась в лагере в деревне Ивановка (Шатилово) Ожогинского сельсовета, который был организован оккупантами в колхозной конюшне, так как неподалеку находилась немецкая комендатура. Бабушку заподозрили в том, что она собирает разведданные. Когда допрашивали в первый раз – сильно избили, но потом бросили в конюшню и больше не трогали. Она была сильно истощена, очень мерзла, так как была одета в тряпье, почти все время лежала у стены на старой соломе – страшно было думать о судьбе детей и матери, но даже плакать не было сил. В конюшне находились женщины, подростки, пожилые мужчины, скорее всего из ближайших деревень (большинство из них были в теплой одежде). Среди заключенных находились и военные – два летчика.

Все закончилось 26 января 1943 г., когда немцы подожгли конюшню. Узники лагеря, у которых еще оставались силы, выломали ворота, но их встретили выстрелы. У бабушки не было сил сопротивляться, она лежала под стеной, молилась и прощалась с жизнью. Надежды на спасение не было, так как соломенная крыша прогорала и стала падать внутрь конюшни, загорелась солома рядом с бабушкой... Примерно в это же время раздалась канонада, совсем рядом слышались взрывы. И тут произошло чудо – неподалеку в стене образовался пролом (по всей видимости, стену пробил осколок снаряда), через который бабушка и еще несколько человек выползли наружу. А на лугу, где находилась конюшня, продолжали разрываться снаряды, вокруг были очень глубокие воронки. Переползая из одной воронки в другую, бабушка добралась до крутого берега реки Олым, скатилась вниз и там сидела до тех пор, пока не прекратился обстрел. Так закончилось заключение в Шатиловском лагере.

До 1965 г. мало кто знал об этом факте из биографии моей бабушки. Но в том же году по инициативе Липецкого горкома ВЛКСМ был создан экспедици-

онный клуб «Неунываки», который стал одним из первых поисковых клубов страны. Отряд занимался поиском останков погибших во время Великой Отечественной войны, установлением имен красноармейцев с последующим захоронением. В результате поисковой работы «Неунывак» под руководством В. Ширяева был установлен факт существования Шатиловского лагеря, найдены оставшиеся в живых узники, в том числе Баранникова Елизавета Петровна (с. Волово), моя бабушка – Полунина Фекла Стефановна (с. Долгоруково), Морозов Кузьма Алексеевич (с. Набережное), Борискин Михаил Сергеевич (д. Володаровка), Симкина Ольга Ивановна (с. Ожога), Шумский Егор Иванович (с. Нижнее Большое). Именно с этого времени бабушка начала хлопотать об установке памятника на месте трагедии. Первый памятник был установлен в 1973 г., и на его открытии присутствовали оставшиеся в живых узники.

На протяжении почти 20 лет Полунина Фекла Стефановна в январе регулярно приезжала в село Ожога, рассказывала учащимся местной школы о событиях, произошедших в Шатиловском лагере, просила не забывать безвинно погибших. 25 января 1993 г. накануне 50-летия памятных событий, на место давней трагедии вместе с бабушкой приехала целая делегация – я, моя мать Клавдия и два правнука – Дмитрий и Владислав. На обратном пути Фекла Стефановна просила нас после ее ухода не забывать это место, хотя бы иногда приезжать.

Начиная с 1998 г., к памятнику, находящемуся на лугу у реки Олым в деревне Ивановка, стали приезжать студенты и преподаватели Липецкого государственного педагогического института. Мы красили металлический памятник со звездой, крест, поставленный по благословлению схиархимандрита Серафима (Мирчука), основателя и первого настоятеля Благовещенского епархиального женского монастыря, чугунную ограду, убрали свалку на месте конюшни, сажали деревья. В 2013 г. к 70-летию шатиловского «пожара», П.Г. Бугаков, в то время ректор ЛГПУ, предложил на месте обветшавшего памятника поставить новый. Студенты, преподаватели и сотрудники ЛГПУ собрали средства и при участии администрации Воловского муниципального района в мае 2013 года на месте Шатиловского лагеря установили второй памятник – стелу из черного гранита.

На протяжении многих лет документальных свидетельств существования лагеря в колхозной конюшне не было. Возможно, это объясняется тем, что Воловский и Тербунский районы до 1954 г. входили в состав Курской области и

сведения о тех страшных событиях хранятся в архивах Курска. Но местные жители говорили, что еще в первую оккупацию летом 1941 г. в конюшне был лагерь военнопленных. Ту же функцию конюшня выполняла и летом 1942 года, когда территория Воловского района была оккупирована повторно. Сохранились воспоминания очевидцев. Так, Ереминская Вера Романовна (1938 г.р.) вспоминает, что их дом находился неподалеку от конюшни. Она подтверждает, что там содержались красноармейцы, попавшие в плен, а позже и мирные жители (1).

В школьном музее сохранились свидетельства Исаевой Елены Ивановны (1930 г.р.): «Наш дом находился напротив концлагеря. Для всех односельчан было испытанием жить рядом с таким местом. Положение находящихся там было тяжелым. Голодные, грязные, оборванные, измученные пытками. Деревенские женщины обливались слезами, глядя на них. Часто, когда не видели немцы, я носила пленным еду... Когда началось освобождение района, охранники закрыли лагерь с людьми и подожгли его. Автоматчики следили за тем, чтобы никто не смог им помочь. Люди сломали ворота, выбежали на улицу, но гитлеровцы их расстреляли». Об этом же говорила и Серова Елена Евдокимовна (1923 г.р.), дом которой расположен совсем близко от лагеря: «Вокруг лагеря была охрана. По обе стороны деревни – тоже охрана. Ежедневно немецкий комендант приказывал людям, как и где работать. Кто не подчинялся, того бил плеткой» (2).

За прошедшие годы в СМИ появилось много материалов о Шатиловском лагере, Полуниной Фекле Стефановне и событиях тех страшных лет. Но все-таки нет пока (!) официального подтверждения факта существования лагеря и трагедии 26 января 1943 г. В этом году реализуется масштабный всероссийский проект «Без срока давности», основной задачей которого является предание гласности фактов военных преступлений нацистов и их пособников против мирного населения в период Великой Отечественной войны. Остается надеяться, что документы будут найдены и что не только память народная сохранит факты злодеяний немецко-фашистских захватчиков на оккупированной территории Воловского района Липецкой области.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Антипов В. Маленькая родина моя. Страницы истории Воловского района Липецкой области. Липецк, 2016.
2. См.: Болотских Е. Неизвестная война. Шатиловский костер // Липецкая газета 2013. 8 мая.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БД – База данных.
БКП – Болгарская коммунистическая партия.
ВВ – Византийский временник.
ВГПУ – Воронежский государственный педагогический университет.
ВЕ – Вестник Европы.
ВИ – Вопросы истории.
ВИИЯК – Военный институт иностранных языков Красной армии.
ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков).
ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодежи.
ВМУ – Вестник Московского университета.
ВС – Верховный совет.
Вуз – высшее учебное заведение.
ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный комитет.
ГАЛО – Государственный архив Липецкой области.
ГАНИЛО – Государственный архив новейшей истории Липецкой области.
ГАОПИКО – Государственный архив социально-политической истории Курской области.
ГАСПИТО – Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области.
ГАТО – Государственный архив Тамбовской области.
ГАЯО – Государственный архив Ярославской области.
ГДР – Германская Демократическая республика.
ГИМ – Государственный исторический музей.
Горком – Городской комитет.
Госбанк – Государственный банк.
ГРУ – Главное Разведывательное управление.
ДГ – Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования.
ДГВЕ – Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования
ДНР – Донецкая Народная республика.
Евросоюз – Европейский союз.
ЕС – Европейский союз.
ЕЭС – Европейское Экономическое сообщество.
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.
ЗАН – Записки Академии наук.
ЗГ – Земледельческая газета.
ИГИЛ – Исламское государство Ирака и Леванта.
ИЕ РАН – Институт Европы Российской Академии наук.
ИЗ – Исторические записки.
ИМОСХ – Императорское Московское общество сельского хозяйства.
ИМУ – Императорский Московский университет.
ИНК – Индийский национальный конгресс.
ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук Союза Советских Социалистических республик.
ИФ – Исторический формат.
Колхоз – коллективное хозяйство.
КПЮ – Коммунистическая партия Югославии.
Крайисполком – краевой исполнительный комитет.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук.
ЛГПУ – Липецкий государственный педагогический университет (ныне – ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского).
ЛГУ – Ленинградский государственный университет.
ЛНР – Луганская Народная республика.
МВД – Министерство Внутренних дел.
МГУ – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.
МИД – Министерство Иностранных дел.

МТС – машинно-тракторная станция.
Наркомпрос РСФСР – Народный комиссариат просвещения Российской Советской Федеративной Социалистической республики.
НАТО – North Atlantic Treaty Organization (Организация Североатлантического договора).
Нацпроекты – национальные проекты.
НИР – Научно-исследовательская работа.
НЭП – Новая экономическая политика.
Облсполком – областной исполнительный комитет.
ОВП ЦК ВКП(б) – Отдел внешней политики ЦК ВКП(б).
ОИ – Отечественная история.
ООН – Организация Объединенных наций.
ОРК НБ МГУ – Отдел редких книг Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова.
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
ОРС – Отдел рабочего снабжения.
Партбюро – партийное бюро.
ПВЛ – Повести временных лет.
ПИЖ – Петербургский исторический журнал.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
РА – Российская археология.
РАН – Российская Академия наук.
РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории.
РГАЭ – Российский государственный архив экономики.
РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет.
РГИА – Российский государственный исторический архив.
РГПУ – Рязанский государственный педагогический университет.
РИ – Российская история.
РИО – Русское историческое общество.
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая республика.
РТС – ремонтно-техническая станция.
РФ – Российская Федерация.
СА – Советская археология.
Сельхозбанк – Сельскохозяйственный банк.
СЗ РФ – Свод законов Российской Федерации.
СМИ – Средства массовой информации.
Совхоз – советское хозяйство.
СССР – Союз Советских Социалистических республик.
США – Соединенные Штаты Америки.
ТГПИ – Тамбовский государственный педагогический институт.
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы.
УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации.
ФЗ – Федеральный закон.
ФРГ – Федеративная республика Германия.
ЦГАМ – Центральный государственный архив г. Москвы.
ЦК КПСС – Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза.
ЦР ВПГ – Центральное руководство Венгерской партии трудящихся.
ЦЮВЕ – Центральная и Юго-Восточная Европа (регион).
ЭО – Этнографическое обозрение.
ЯГВ – Ярославские губернские ведомости.
ЯОСХ – Ярославское общество сельского хозяйства.
NAI – National Archives of India (Национальный архив Индии).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксенова Галина Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Алленов Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и методологии науки Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

Аргунов Олег Николаевич – кандидат исторических наук, начальник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения Государственного архива Курской области.

Белюсова Людмила Андреевна – преподаватель кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Буганов Александр Викторович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом русского народа Института этнологии и антропологии РАН.

Буховец Олег Григорьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

Вандалковская Маргарита Георгиевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИРИ РАН.

Голодов Александр Георгиевич – доктор филологических наук, профессор, начальник аналитического центра по исследованию технологий информационной войны и контрпропаганды Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Грот Лидия Павловна – кандидат исторических наук, директор учебно-консалтингового предприятия «НОРРКОН АБ», Швеция.

Долгих Аркадий Наумович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Жиров Николай Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина.

Житин Руслан Магометович – кандидат исторических наук, научный сотрудник центра фактального моделирования социальных и политических процессов Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

Земцов Алексей Леонидович – кандидат исторических наук.

Зубкова Валентина Леонидовна – старший преподаватель кафедры географии, биологии и химии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Канищев Валерий Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

Канищев Владимир Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

Козлов Сергей Алексеевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН.

Костина София Витальевна – магистрант ИИПиОН ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Кшуманёв Иван Юрьевич – магистрант историко-филологического факультета Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

Лаухина Галина Владимировна – кандидат исторических наук, учитель МБОУ СШ № 33 имени П.Н. Шубина г. Липецка, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Леонов Михаил Васильевич – кандидат биологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник факультета ВМК Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Ляпин Денис Александрович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина.

Марасанова Виктория Михайловна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова.

Марков Роман Станиславович – преподаватель кафедры ГПД ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Мельникова Алена Романовна – студентка Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина.

Милосердов Владимир Васильевич – доктор экономических наук, профессор, академик РАСХН, академик РАН.

Назарова Виолетта Викторовна – аспирант кафедры всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

Олейниченко Александр Владимирович – руководитель отдела компании UVG (г. Киев, Украина).

Патрина Людмила Николаевна – заместитель директора Тамбовской областной универсальной научной библиотеки имени А.С. Пушкина.

Пахомов Сергей Анатольевич – магистрант ИИПиОН ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Пашкова Людмила Владимировна – кандидат исторических наук, г. Грязи.

Писчикова Наталья Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и методики обучения истории и обществознания Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Плужников Александр Николаевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных, естественнонаучных и социально-экономических дисциплин Тамбовского государственного музыкально-педагогического института имени С.В. Рахманинова.

Проскурина Елена Владимировна – магистрант ИИПиОН ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Родюков Константин Николаевич – заместитель директора Липецкого техникума городского хозяйства и отраслевых технологий.

Романов Дмитрий Владимирович – магистрант историко - филологического факультета Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

Рощупкин Алексей Юрьевич – кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания МБОУ СОШ № 17 г. Ельца.

Рудакова Виктория Александровна – магистрант ИИПиОН ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Сабетова Марина Викторовна – заместитель директора Тамбовской областной универсальной научной библиотеки имени А.С. Пушкина.

Савосина Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Семеева Светлана Александровна – магистрант ИИПиОН ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Ситникова Галина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы ИФ ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Сомов Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории права, государства и судебной власти Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород).

Суковицына Евгения Алексеевна – магистрант ИИПиОН ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, учитель МБОУ СШ № 33 имени П.Н. Шубина г. Липецка.

Темникова Елена Евгеньевна – магистрант ИИПиОН ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Томилини Виктор Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Топильский Алексей Геннадьевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей и российской истории, Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

Трубицин Александр Геннадьевич – аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Уваров Геннадий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Фомин Вячеслав Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Черешнева Лариса Александровна доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Черных Евгений Владимирович – старший научный сотрудник отдела истории Липецкого областного краеведческого музея.

Шевельков Анатолий Иванович – кандидат исторических наук, доцент, г. Коломна.

Шевченко Иван Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Научное издание

IX БАРТЕНЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ,
посвященной 75-летию юбилею Победы в Великой Отечественной войне**

г. Липецк, 9 октября 2020 г.

Подписано в печать 30.11.2020 г.

Формат 60x84 1/16.

Усл. печ. 28. Тираж 100 экз.

Заказ № 1675.

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
398020, г. Липецк, ул. Ленина, 42

Отпечатано в ОРПД
ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
398020, г. Липецк, ул. Ленина, 42